

Сиротка

МАРИ-БЕРНАДЕТТ ДЮПЮИ

Annotation

Волнующая, потрясающая воображение судьба девушки-сироты. Холодным январским днем сестра Мария Магдалина находит на пороге монастырской школы малышку, завернутую в меха. В записке указано имя — Мари-Эрмин. Почему родители оставили ее у двери приюта как ненужную ношу? Со временем Эрмин, наделенная прекрасным голосом, станет той, кого будут называть соловьем. Она полюбит Тошана, и когда до помолвки останется совсем немного, девушка получит страшное известие о смерти любимого. Внезапно в жизни Эрмин появляется... ее мать Лора. Почему же только теперь она решила найти дочь? Правда о судьбе родителей шокирует девушку. Неужели ее мать была продажной женщиной? Лора стремится устроить жизнь дочери, выгодно выдав ее замуж. Сердце Эрмин рвется на части. Хватит ли у нее сил пережить все удары судьбы и обрести долгожданное счастье? Удивительная история покорила тысячи читателей Старого и Нового Света. Роман признан одним из лучших произведений автора. Полный неожиданных поворотов сюжет, кипение страстей, ураган эмоций захватывают с первых страниц.

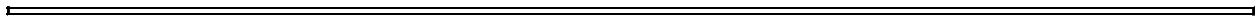
- [Мари-Бернадетт Дююю](#)
 - [Предисловие](#)
 - [От автора](#)
 - [Предисловие редактора французского издания](#)
 - [Глава 1. Дитя](#)
 - [Глава 2. Карантин](#)
 - [Глава 3. Песня о клене](#)
 - [Глава 4. Гнев Божий](#)
 - [Глава 5. Сердце, которое перестало биться](#)
 - [Глава 6. Незнакомец](#)
 - [Глава 7. Снежный соловей](#)
 - [Глава 8. Во имя любви](#)
 - [Глава 9. Дама в черных одеждах](#)
 - [Глава 10. Встреча после долгой разлуки](#)
 - [Глава 11. Решение](#)
 - [Глава 12. В ожидании Лоры](#)
 - [Глава 13. Modus vivendi](#)
 - [Глава 14. Рождественский вечер](#)

- [Глава 15. Нет вестей от Тошана](#)
- [Глава 16. Падение ангела](#)
- [Глава 17. Соловей улетает](#)
- [Глава 18. «Там где вихрем кружит вода...»](#)
- [Слова признательности](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)

- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)

Мари-Бернадетт Дюпюи
Сиротка

Предисловие

Морозным зимним вечером на пороге монастырской школы обнаружен меховой сверток с младенцем — незаурядное происшествие для маленького поселка Валь-Жальбер, затерянного в снегах провинции Квебек, что в Канаде.

Попытки обнаружить горе-родителей не увенчались успехом, и вскоре девочка-найденш стала любимицей монахинь, посвятивших свою жизнь служению Богу и обучению ребятишек. Записка, найденная при девочке, сообщала только ее имя — Мари-Эрмин и намекали на то, что когда-нибудь родители вернутся за брошенной дочерью. Малышка свято верит в это и молится о том, чтобы обрести семью. Вместо родной матери у нее теперь несколько приемных «мам», в числе которых сестра Мария Магдалина, с особым трепетом относящаяся к девочке, и Элизабет Маруа, простая домохозяйка, взявшаяся присматривать за Эрмин в часы занятости монахинь.

Кто мог знать тогда, что Мари-Эрмин и семью Маруа свяжут столь тесные узы? Она заменила Элизабет дочь, стала сестрой их первенцу Симону, нянькой — младшим детям, ну а для главы семейства, Жозефа, — протеже и потенциальной невесткой.

Судьба постаралась щедро компенсировать Эрмин утрату родных: у нее золотой характер, доброе сердце и исключительный вокальный талант, за который жители поселка прозвали ее «соловьем». В детстве она радуется приходу пения в церкви, но всем очевидно, что ее ждет большое будущее...

Вот только о чем мечтает сама Эрмин, мало кто знает. Ведь для того, чтобы быть счастливой, не обязательно блистать на сцене и ловить восхищенные взгляды поклонников. Выступления в отеле большого города, организованные Жозефом, ей в тягость. Однако лишь благодаря им произошло событие, которого она ждала всю жизнь: Эрмин встретила свою родную мать, Лорой. Но эта встреча перевернула ее мир с ног на голову, поставила перед ней множество новых, более серьезных вопросов... Эрмин взрослеет на глазах, и ее сердце уже открыто для любви...

Благодаря истории девочки-сироты автору романа, Мари-Бернадетт Дюпюи, удалось также рассказать историю удивительного, реально существовавшего поселка. Мари-Эрмин росла, а дома хорошо

обустроенного, до определенного момента богатого и людного Валь-Жальбера постепенно пустели, ведь закрылась целлюлозная фабрика, дававшая работу большинству жителей. Известно, что М.-Б. Дюпюи лично побывала в этом заброшенном поселке и подробно изучила его быт начала XX века. Вот почему роман наполнен не только вымыслом, но и множеством достоверных подробностей о событиях тех лет, о людях, послуживших прототипами героев.

Несмотря на свою молодость, Мари-Бернадетт Дюпюи уже выпустила более 20 книг, и все они очень разные. В ее биографии, как и в жанровом разнообразии ее произведений, проглядывает деятельная натура. Девушка всегда увлекалась историей, генеалогией и загадками, связанными с ними. Поэтому в идеях для новых романов у нее нет недостатка. Так и посещение Валь-Жальбера стало для воображения писательницы знаменательным событием.

Возможно, именно благодаря своей сиротской судьбе главная героиня романа наделена обостренным чувством родины. Ей очень грустно наблюдать, как умирает поселок, и она настаивает на том, что не покинет его... Поистине, она играет роль доброго ангела Валь-Жальбера.

Еще одна славная способность девушки — делать друзья ми всех людей, которые принимают участие в ее судьбе. Да, между ними возникают разногласия и ревность, однако, если бы не Мари-Эрмин, у них не было бы возможности подарить столько бескорыстной любви. Выразим надежду, что читатели романа также почувствуют, что вошли в этот замечательный дружеский круг.

От автора

Я с удовольствием посвящаю эту книгу Жан-Клоду Ларушу, человеку большого сердца, издателю, очень близкому к своим авторам, чье детство прошло на берегу озера Сен-Жан, в Робервале. Пусть эти строки благодарности и дружбы станут моим маленьким подарком человеку, который открыл для меня Квебек и стал моим наставником в захватывающем мире литературного творчества.

Предисловие редактора французского издания

Автор этого романа — великодушная Мари-Бернадетт Дюпюи, жительница Ангулема, захотела сделать мне подарок, зная, что я родился в Робервале и подростком часто бродил по руинам поселка Валь-Жальбер, который, кстати сказать, был закрыт для посещений.

Несколько часов, проведенных Мари-Бернадетт в этом поселке-призраке, произвели на нее глубокое впечатление, и вид молчаливых стен, несомненно, навеял множество удивительных историй. Пребывая под впечатлением драматической судьбы этих мест, она написала в своем письме:

«Вернувшись во Францию, я все время вспоминаю Валь-Жальбер, в который я просто влюбилась. Я решила написать роман, действие которого будет развиваться в этом уголке провинции Квебек. Я опишу эту монастырскую школу, универсальный магазин, почтовое отделение, заброшенную фабрику и, конечно же, уникальной красоты природу, которая все это окружает».

Разумеется, во многих местах читатель-канадец усмехнется, ведь автор, который прекрасно разбирается в истории и традициях Франции, бессознательно переносит эти традиции и особенности быта с берегов реки Шаранта на берега озера Сен-Жан. Для нас не представляло бы труда «перевести» или адаптировать роман для нашей читательской аудитории, но мы решили этого не делать, сохранив его «французский» колорит.

Хотя интрига романа не раз заставит нас вспомнить героев романа «Мария Шапделен», Мари-Бернадетт удалось с помощью от начала и до конца придуманной истории передать дух последних лет жизни этого промышленного поселка, который, увы, прекратил свое существование.

И если вы решите посетить это место и вслушаетесь в величественную музыку водопада и шелест кленовых листьев, то, возможно, услышите золотой голос главной героини романа...

Жан-Клод Ларуш

Глава 1. Дитя

Поселок Валь-Жальбер, 7 января 1916 года

Человек стоял и смотрел на величественное здание монастырской школы святого Георгия. Его растерянный взгляд остановился на металлическом кресте, возвышавшемся над тоненькой колоколенкой. Коричневая вязаная шапочка плохо защищала от пронизывающего ветра, тяжелый рыхлый снег промочил сапоги, но незнакомец всего этого, казалось, не замечал. На фоне ярко освещенных окон то и дело мелькал силуэт монахини в темном платье и белом платке. Несколько раз она подходила к окну, но мужчины не видела — густая тень от еловых ветвей надежно защищала его от любопытных взглядов.

Он был не местный, но, будь на то его воля, с удовольствием бы здесь поселился. Дома жителей Валь-Жальбера были красивыми и удобными. Ходили слухи, что они оборудованы по последнему слову техники — современными системами отопления и даже электричеством. И, глядя на величественное здание школы, на яркий желтый свет, льющийся из ее окон на улицу Святого Георгия, легко было поверить, что это не выдумки, а чистая правда.

«Стекла, хорошая древесина, крыша... все сработано на совесть, — думал он. — В этот поселок вложено немало денег».

На морозе теплые ароматы выпечки и жареного мяса ощущались особенно остро. От голода у него подвело живот, и он на мгновение закрыл глаза. Представил зажаренные до темной корочки фруктовые пироги, политые кленовым сиропом, и блестящее от жира жаркое из домашней птицы...

«Не для меня все это!» — едва слышно сказал он себе.

Он окинул тревожным взглядом ряд домов, вытянувшихся вдоль бесконечной улицы, посередине которой пролежала наезженная многочисленными повозками узкая и обледеневшая дорога.

От школьного порога мужчину отделяло всего несколько шагов. Подъезд был украшен четырьмя красивыми деревянными колоннами, поддерживавшими большой балкон. Мужчина стоял, переминаясь с ноги на ногу и прижимая к груди какой-то сверток. Со стороны могло показаться, что это звериные шкуры. Трапперы ^[1] часто заходили в Валь-Жальбер, желая продать местным добытые меха.

Но у этих закаленных невзгодами парней не в обычае было так нежно прижимать свой товар к груди...

Сестра Люсия снова приблизила румяное лицо к оконному стеклу. Она только что проверила, все ли в порядке в классе учеников средней школы, самых старших, но порой шумных и недисциплинированных. Она уже начала беспокоиться из-за долгого отсутствия сестры Марии Магдалины, которая отправилась в универсальный магазин купить муки.

— Странно... Ей давно пора вернуться! — проворчала она, задергивая шторы. — И почему только она не надела снегоступы, которые нам подарил господин мэр? Так любезно с его стороны... Ну, кому она сделает легче, если упадет и сломает ногу?

Она обернулась и посмотрела по сторонам, желая убедиться в том, что в большой комнате чисто. Пол, сработанные из широких досок внутренние перегородки, парты — все приятно пахло деревом, диким лесом. И все было новым, «с иголочки»: школу, которую местные жители окрестили «монастырской», построили этим летом. Сестры конгрегации Нотр-Дам-дю-Бон-Консей, из Шикутими, приехали в Валь-Жальбер десятого декабря, то есть почти месяц назад, чтобы обучать детишек. Население поселка постоянно увеличивалось. Целлюлозная фабрика предлагала хорошую зарплату, и люди семьями переезжали и селились здесь, на берегу реки Уиатшуан.

Монахиня погасила свет, с благоговением коснувшись коричневого бакелитового выключателя, который с характерным сухим звуком перекрыл электрический поток. Раньше с электричеством ей сталкиваться не приходилось.

— Не удивлюсь, если с нашей сестрой-разиней что-то приключилось... — пробормотала она себе поднос.

Сестра Мария Магдалина знать не знала о том, что остальные монахини считали, будто она через минуту забывает о любом поручении и может заблудиться даже в трех соснах. Поэтому беспокойство сестры Люсии было не столь уж беспочвенным. Однако вопреки всем опасениям молодая монахиня бодрым шагом приближалась к школе. Ей пришлось задержаться на товарном складе, располагавшемся на первом этаже здания поселковой мэрии, чуть дольше, чем она рассчитывала, но монахиня об этом ничуть не жалела. Ей нравилось рассматривать товары в ярких упаковках. Их приятные глазу цвета услаждали ее душу, чувствительную ко всему прекрасному. В воздухе витал аромат рагу, такой аппетитный, что прямо слюнки текли... Многим жителям Валь-Жальбера хотелось поговорить с монахинями, которые приехали в поселок совсем недавно.

Христовым невестам предстояло учить местную детвору, поэтому родители не упустили случая познакомиться с ними поближе.

Шагая по улице Святого Георгия, сестра Мария Магдалина вспоминала слова двух покупательниц, с которыми общалась у прилавка.

«Сестра, я мама маленького Овида. У него темные волосы и зеленые глаза. Этому шалопаю нужна твердая рука!»

«Моя дочка Роза в старшем классе. По вечерам она присматривает за младшими братьями. Она очень добрая девочка!»

На улицу крупной рысью вынеслась упряжка. Сестра Мария Магдалина едва успела отпрыгнуть в сугроб. Посередине дороги в глубоком слое снега повозки и автомобили за много дней наездили колею, по которой вынуждены были передвигаться и пешеходы. Большая рыжая лошадь шаркнула в сторону. Возница приветственно махнул рукой.

Сестра Мария Магдалина плотнее закуталась в свою шерстяную накидку. Ветер был ледяным — казалось, в кожу врезаются кристаллики толченого стекла. Молодая женщина шла, низко опустив голову, чтобы защитить лицо от ветра. До массивного здания монастырской школы оставалось пройти несколько шагов — оно возвышалось перед ней, словно мирная гавань, явившаяся по мановению Божьей десницы. Зима только начинается, и скоро ударят настоящие морозы, но как же хорошо, что в мире есть это уютное, наполненное теплом убежище, где так приятно укрыться от стужи...

— Я совсем окоченела, — вздохнула монахиня. — Сестре Люсии надо бы лучше следить за припасами. В сильный мороз я не побегу в магазин. Это же надо — праздник, а на кухне нет муки!

Внезапно где-то рядом раздался жалобный возглас, похожий и на крик хищной птицы, и на лисье тявканье. Этого оказалось достаточно, чтобы не на шутку напугать хрупкую монахиню. Устремив безумный взгляд к церковной колокольне, она перекрестилась. Несмотря на то, что улицы по приказу управляющих фабрики были ярко освещены фонарями и совсем рядом стояли жилые дома, у женщины были причины бояться — поселок окружали многие тысячи акров леса, населенного дикими животными.

— Какая же я все-таки трусиха, — вполголоса проговорила монахиня, с облегчением ступая на порог.

На этот раз приглушенное всхлипывание послышалось прямо у нее из-под ног. Сестра Мария Магдалина споткнулась о перевязанный в двух местах веревкой меховой пакет, который лежал у двери. Сердце женщины забилось быстрее, когда она наклонилась, чтобы лучше рассмотреть этот странный сверток. Под балконом болтался фонарь, заливая крыльцо

тусклым желтоватым светом.

— Ребенок! Совсем маленький! — воскликнула монахиня.

В окружении мехов она рассмотрела сердитое маленькое личико. Ошибки быть не могло.

— Боже милосердный! — пробормотала она, не в силах совладать с изумлением.

Монахиня подняла сверток, уронив при этом мешок с мукой. В это мгновение сестра Люсия открыла дверь.

— Посмотрите, ребенок! — воскликнула сестра Мария Магдалина. — Только человек без сердца мог оставить такую крошку на холоде! Оставить на верную смерть! Быстрее, быстрее впустите меня!

Настоятельница, сестра Аполлония, оказалась тут же, на первом этаже. Нахмурившись, она подошла поближе. Поправив на носу очки, она резким движением развернула шкуры, от чего ребенок заплакал еще громче.

— Зачем вы принесли сюда это дитя? — спросила она. — Сестра Мария Магдалина, отвечайте!

— Но, мать-настоятельница, я ведь уже объяснила! Его оставили на пороге! Кто-то положил ребенка на порог, пока я ходила за мукой.

Сестра Аполлония молчала.

— Мать-настоятельница, посмотрите, какой он красный! — подхватила сестра Люсия. — Попробуйте, как горит лобик! Этот ребенок болен!

— Дети часто краснеют, когда сильно плачут, — отрезала настоятельница. — Бедный малыш! Нужно отнести его наверх. Дайте его мне!

Молодая сестра Мария Магдалина подчинилась после недолгого колебания: в свои двадцать три года девушка сохранила обостренную чувствительность, свойственную подросткам. Вид этого свертка и его удивительное содержимое вызвало в ней сильнейшее волнение. Мать-настоятельница выхватила живой сверток. Полы черного платья взметнулись, когда она повернулась и пошла прочь. Ребенок, приоткрыв ротик, переводил дух. Поднимаясь по лестнице, монахиня заглянула в его ярко-голубые, полные слез глазки.

— Какая жалость! — вздохнула она.

Сестра-хозяйка ^[2] по имени Викторианна как раз готовила суп. Она вскрикнула от удивления, когда настоятельница вошла в кухню со своей ношей.

— В поселке умерла женщина, и этот ребенок остался сиротой? — пробормотала она. — Почему же тогда кюре нас не предупредил?

— С этим мы разберемся потом, — сухо ответила сестра Аполлония. — Ребенка оставили на наше попечение. Откуда бы он ни взялся, мы не можем оставить его на улице.

На втором этаже располагались комнаты монахинь, актовый зал и просторная кухня, в которой обитательницы монастырской школы любили собираться по вечерам. Мебели в кухне было немного — окруженный стульями стол да два стоящих друг напротив друга посудных шкафа. От большой чугунной печи с эмалированными боками распространялось приятное тепло, но все остальные комнаты обогревались системой центрального отопления. В регионе, где температура опускалась ниже сорока градусов по Цельсию, это была настоящая роскошь, и сестры прекрасно об этом знали.

Четыре женщины склонились над ребенком, которого настоятельница положила на стол. Под головой у него вместо подушки лежала свернутая жгутом тряпка. Когда монахини развернули шкуры, стало ясно, что от детского тельца исходит неприятный запах.

— Он испачкал пеленки, если, конечно, они есть! — проворчала сестра Аполлония. — Мне кажется, ему месяцев десять, а может, и год — во рту полно зубов!

— Как нам его перепеленать? — спросила взволнованно сестра-хозяйка. — У нас нет ни пеленок, ни присыпки. И чем его кормить? Нужен детский рожок! Я могу согреть молока.

Сестра Аполлония не была склонна драматизировать события.

— Наш суп-пюре сгодится. Самое главное сейчас — вымыть младенца. Лучше сделать это не откладывая.

Монахини дружно принялись за дело. Одна принесла цинковый таз, другая налила в него кипятка. Сестра-хозяйка приготовила мыло и несколько кусков чистой материи. Вернувшись к столу, она осмотрела шкурки.

— Мать-настоятельница, а ведь это дорогой мех! Здесь есть куньи и бобровые шкурки. А самая большая — черно-бурой лисицы. Мой отец траппер, я в этом разбираюсь.

— Какая разница? Я ведь не собираюсь обменивать эти шкурки на рынке! — отрезала настоятельница. — Вряд ли этот ребенок из Валь-Жальбера... И все-таки я спрошу местных. Если никто не сможет сказать, откуда он и кто его родители, ребенка придется сдать в приют.

Монахини сочувственно закивали головами. Местные мальчишки-сироты воспитывались в сельском приюте братства святого Жана-Франсуа-Режиса, в районе озера Вовер, на территории муниципалитета Перибонка.

Девочкам давали кров в Шикутими, в Центральной больнице Сен-Валье, основанной орденом августинцев милости Иисуса.

Молодая сестра Мария Магдалина с ласковой улыбкой погладила лобик ребенка.

— Мать-настоятельница, если это девочка, мы сможем оставить ее? — с волнением в голосе сказала она.

Сестра Аполлония не ответила. С необычайной ловкостью она стала раздевать ребенка. Из-под шерстяной шапочки показались короткие густые каштановые кудряшки. Когда с ребенка сняли одежды из грубой ткани, оказалось, что его упитанное тельце покрыто красными пятнами.

— Господи! — всполошилась сестра-хозяйка. — Неужели это оспа?

— Оспа! — эхом отозвалась настоятельница. — Отче небесный, спаси и сохрани!

Монахини в беспокойстве переглянулись и одновременно перекрестились. И только сестра Люсия закатала рукава и погрузила в теплую воду чистую тряпочку.

— В двадцать лет я переболела оспой, — сказала она. — Доктор, который лечил меня в Квебеке, сказал, что второй раз люди не болеют. Мои щеки в оспинах, но Господь даровал мне исцеление. Поэтому я не жалуясь.

Быстрым движением она сняла с попки ребенка последнюю пеленку и стала его обмывать.

— Ага, это девочка! — объявила она. — Матушка, посмотрите, как она щурится! Ей мешает свет. И тельце все горит. Думаю, родители понадеялись, что мы сможем ее вылечить. Эти бедолаги, наверное, спутали школу с больницей! Какое несчастье заставило их оставить такую крошку на нашем пороге?

— Если бы они хотели, чтобы мы ее полечили, они бы постучали и остались, — отозвалась сестра Аполлония. — Добрые христиане не оставляют своих детей на чужом пороге ночью, да еще в такой холод!

Сестра Мария Магдалина украдкой вытерла слезы. Вид больного ребенка вызвал в ее душе бурю эмоций. Молодой монахине хотелось снова взять его на руки, но она боялась заболеть — особенно оспой, от которой многие умирали, а те, кто остался в живых, были обезображены шрамами. Лицо сестры Люсии было тому ярким свидетельством. Сестра Мария Магдалина не осмеливалась даже прикоснуться к снятым с ребенка одежкам. Однако, постригаясь в монахини, она знала, что ее участь отныне — бесконечное самопожертвование и служение всем людям, взрослым и малышам. Настоятельница словно прочитала ее мысли.

— Вымойте руки и лицо холодной водой с мылом, сестра Мария Магдалина! — сказала она. — Бояться нечего. В худшем случае у малышки корь.

Сестра-хозяйка в это время перебирала шкурки, взвешивая каждую в руке. Клочок бумаги упал к ее ногам. Она торопливо подняла его и прочла вслух:

«Нашу дочку зовут Мари-Эрмин. В прошлом месяце, перед Рождеством, ей исполнился годик. Отдаем ее в ваши руки, на милость Господню. Шкурки — задаток за ее содержание».

— А подписи нет! — добавила сестра-хозяйка. — Мари-Эрмин! Какое красивое имя!

Сестра Люсия в свою очередь прочла записку.

— Ее писал образованный человек, — сказала она неодобрительно. — Правильная речь, ни единой орфографической ошибки...

— Ну, записку можно продиктовать и постороннему человеку! — ответила на это сестра-хозяйка. — Как бы то ни было, Эрмин — католическое имя, это уже хорошо.

— Сейчас не время болтать! — отрезала мать-настоятельница. — У ребенка сильный жар, а в Валь-Жальбере нет ни медсестры, ни врача. У людей есть все современные удобства — электричество, телефоны, гостиница на двадцать комнат, цирюльня, мясной магазин, но нет врача! Ни одного врача на весь поселок! Кто будет лечить эту бедную малышку? Смотрите, она засыпает. Сестра Люсия, думаю, нужно сообщить обо всем кюре. Боюсь, наш найденьш может не пережить эту ночь.

Услышав это, монахини помрачнели. Мари-Эрмин жалобно всхлипнула и укусила свой сжатый кулачок.

— Похоже, она голодна, — выступила вперед сестра-хозяйка. — Ее одежды мы позже стираем. А сейчас будет лучше, если мы завернем ее в чистую пеленку.

Мать-настоятельница так и поступила. Потом села, держа ребенка на коленях.

— Когда жар, сильно хочется пить, — сказала она. — Сестра Викторнанна, у нас есть ивовая кора. Приготовьте настой. Он хорошо снимает жар и утоляет жажду. А вы, сестра Люсия, бегите к кюре. По пути постучитесь к мадам Маруа. Ее сыну полтора года, значит, у нее найдется во что переодеть девочку.

Раздав указания, сестра Аполлония стала баюкать ребенка. Губы ее шевелились. Монахини догадались, что она читает молитву.

Мужчина никак не мог уйти. Все прошло так, как он и предполагал, однако он все стоял и плакал навзрыд, хотя, несмотря на теплую одежду, успел продрогнуть до костей. Он пытался успокоить себя, представляя, что происходит сейчас внутри большого уютного школьного здания. Монахиня, которая полчаса назад ушла по делам, вернувшись, нашла ребенка на пороге. Завернутая в меха малышка не успела замерзнуть. Двух минут хватило, чтобы добежать до крыльца, когда он понял, что сестра может появиться с минуты на минуту. Теперь, когда жертва принесена, оставалось только повернуться к поселку спиной и исчезнуть. И это было самое трудное. Сердцем он чувствовал, что никогда больше не увидит свою обожаемую девочку. Он был хорошим отцом и жестоко страдал.

В последний раз он посмотрел на монастырь, потом обвел взглядом окрестности. Шел густой снег, но огни фонарей вдоль улицы Сен-Жорж были еще ясно различимы. Он отмахнулся от печальных воспоминаний. Потом наклонился, надел снегоступы и зажег керосиновый фонарь.

«Я мог бы пойти на фабрику рабочим, но туда берут только порядочных людей, — подумал он. — Прости меня, моя дорогая, моя любимая девочка! И все-таки Мари-Эрмин — красивое имя. Не скоро ты услышишь, как родители зовут тебя по имени...»

И он скрылся в густой тени лиственниц. Рассвет еще не наступил, когда снег укрыл его следы. Каждый шаг отдалял мужчину от его ребенка, и ему хотелось кричать от отчаяния.

«Лишь бы только монахиням удалось ее спасти! У нее будет лучшая жизнь, чем у нас!»

Мужчина ушел в глубь леса — темную, бесконечную. Гул реки Уиатшуан преследовал его. Огромный водопад рычал, словно разъяренное животное. Жители Валь-Жальбера давно привыкли к этому звуку. Это был благословенный час, когда они наслаждались теплом в своих кухнях. Жены подавали на стол суп или рагу. Проголодавшиеся мужья и дети сидели за столами и ждали. Домашняя скотина переваривала свою порцию корма в теплых сараях. На улице не было ни души.

«Она вся горела, моя бедная девочка! У нее жар! Она плакала, хотела, чтобы я ее обнял, прижал к груди, — думал мужчина. — Господи, если бы только она уже умела говорить и назвала бы меня „папой“, я бы ни за что не смог с ней расстаться!» Мысли, сожаления и острые, как терновые колючки, укоры совести терзали душу.

Низкие ветви хлестали его по лицу, рыхлый снег оседал на плечах. Он ускорил шаг. Скоро показалась хижина дровосека. Собаки с косо посаженными глазами и густой белоснежной шерстью встретили его лаем. Они были запряжены в нарты.

— Тихо, мои хорошие, тихо! Мы поедем только завтра!

В хижине слабо горел огонек. На мгновение ему захотелось убежать куда глаза глядят. Может, Лора уже умерла... Злясь на себя за трусость, он вошел. Под старым металлическим котелком едва тлели угли. Свеча еще горела, но фитиль начал потрескивать, утопая в лужице воска.

С кушетки у бревенчатой стены послышался слабый голос:

— Жослин?

— Да, любовь моя. Я вернулся.

Мужчина опустил на колени и провел шершавой рукой по покрасневшей щеке женщины. Лора тяжело дышала, и взгляд ее застилал тот же жар, что изнурял тело их девочки.

— Наша крошка Эрмин в безопасности. Монахини приняли ее. Служительницы Господа ее вылечат. И дадут ей хорошее образование.

— Теперь я могу умереть, — вздохнула молодая женщина. Ее красивое лицо с тонкими чертами приобрело умиротворенное выражение. — Но мне хочется пить. Так хочется пить...

Жослин дал ей напиток. Он все время настороженно вслушивался в доносившиеся из леса шумы. Стоило одному из псов заворчать, как он вздрагивал и бросал недобрый взгляд на свое ружье. Он знал, что недруги идут по его следам, как знал и то, что скоро ему придется проститься с единственной в жизни любовью.

* * *

Элизабет Маруа в этот вечер подала мужу ужин пораньше. Фабричная смена Жозефа начиналась в одиннадцать вечера, и после ужина он ложился подремать, чтобы на работе чувствовать себя бодрее. Их сын Симон наелся сладкой овсяной каши с кленовым сиропом и тоже уже был в постели.

На печке посвистывал чайник. Элизабет было девятнадцать лет. Свой дом она содержала в чистоте и порядке. Жить в Валь-Жальбере ей очень нравилось. На фабрике рабочим хорошо платили, дом был уютным и теплым. Распустив волосы, она провела расческой по каскаду темно-русых локонов. Зеленоглазая, миниатюрная, с хорошей фигурой, она каждый вечер посвящала несколько минут уходу за собой. Сидя в ночной сорочке

без рукавов, она с удовольствием поглядывала на дожидавшуюся ее лохань с теплой водой. И тут в дверь постучали.

Молодая женщина быстро надела блузку из хлопчатобумажной ткани, но застегиваться не стала — просто накинула поверх шаль.

«Кто бы это мог быть? — недоумевала она. — Если это Анетта опять пришла за сахаром, я выскажу ей все, что думаю!»

Анетта Дюпре, тридцатидвухлетняя мать четверых детей, без зазрения совести пользовалась запасами своих соседей. Поэтому, когда Элизабет открыла дверь, виду нее был нерадостный.

На пороге стояла сестра Люсия в присыпанной снегом накидке. Увидев под капюшоном накидки белый монашеский покров, молодая женщина вздохнула с облегчением.

— Входите, сестра, прошу вас! Что заставило вас выйти в такую непогоду?

— О, это еще не непогода, — отозвалась монахиня. Она остановилась на пороге, оббивая снег с тяжелых башмаков. — Снег все же лучше, чем мороз, от которого кровь стынет в жилах. Да что там кровь — мозги замерзают!

Сестра Люсия украдкой посматривала по сторонам. До сих пор ей не представлялось случая побывать в доме у кого-нибудь из местных жителей. Белые стены, светло-коричневые плитусы — все было безупречно. Пол из широких, крашенных желтой краской досок пахнул воском.

— У нас большое несчастье, мадам Маруа! — сказала монахиня, любясь окаймленными кружевом льняными шторами.

— В монастыре? — удивилась Элизабет.

— Да! У своих дверей мы нашли годовалую крошку, завернутую в меховые шкурки. Бедная девочка очень больна. Мать-настоятельница послала меня за кюре Бордеро, чтобы он совершил над ней соборование. Это таинство творит чудеса! Но нам нужна еще и одежда, поэтому сестра Аполлония подумала о вас. Ведь ваш сын всего на полгода старше этой малышки. Хорошо, если бы нашлось и несколько пеленок...

— Конечно, конечно! — воскликнула молодая женщина. — Бедная девочка! Я принесу все, что нужно. Вещи наверху, в комнате Симона. Присаживайтесь, сестра!

Элизабет повернулась к гостье спиной и стала застегивать блузку, пытаясь в то же время вспомнить имена четырех монахинь.

«Значит так... Сестра Аполлония — это настоятельница, она носит очки и преподает в старших классах. Сестру-хозяйку зовут Викторианна, она занимается с малышами. Еще есть эта красивая девушка, сестра Мария

Магдалина, у нее ангельская улыбка. Значит, в гостях у меня четвертая, сестра... сестра...»

Вспомнить имя никак не получалось. Но через мгновение эта забота отошла на задний план — когда сестра Люсия взволнованно сказала:

— Мы боимся, что это оспа! Ребенок весь горит, и по всему тельцу красные пятна!

Элизабет невольно отшатнулась, стукнувшись о буфет. Меньше всего ей хотелось заразиться такой страшной болезнью. Еще больше она испугалась за сына.

— Оспа ведь очень заразна, сестра! — испуганно пробормотала она. — Вашу школу нужно закрыть!

— Первое, что нужно, — это молиться, — наставительно проговорила монахиня.

«Бог мой, неужели она не понимает? — думала Элизабет, торопливо поднимаясь на второй этаж. — Я верю в Бога, но молитвами оспу не вылечишь!»

Все дома, в которых жили рабочие целлюлозной фабрики, были построены по одному проекту. На первом этаже кухня и гостиная, на втором — две спальни, разделенные коридором. В тридцати футах от дома семьи Маруа стоял точно такой же дом. Там-то и жила почтенная Анетта Дюпре.

— Жозеф, проснись, это важно! — позвала женщина, тормоша мужа.

Приоткрыв глаза, он откинул простынь и шерстяное одеяло. Месье Маруа, красивый двадцативосьмилетний мужчина, гордился своей супругой и в семейной обстановке ласково звал ее «Бетти». Он сел в постели и протер глаза. Его темные волосы были взъерошены. Под майкой виднелись развитые мускулы.

— Жозеф, монахини взяли к себе больную оспой малышку. Ужасно, если болезнь пойдет дальше. Наш Симон может умереть или остаться изуродованным до конца жизни!

— Откуда ты знаешь? — сердито спросил он.

— К нам только что пришла монахиня и попросила одежду для ребенка. Девочку оставили у них на пороге. Жозеф, мне страшно.

Элизабет включила лампу в изголовье кровати. Золотистый свет упал на ее красивые кудри. Муж поцеловал ее в губы и погладил по щеке.

— Не переживай напрасно. Кюре все уладит! Когда ребята на фабрике узнают новость, разговоров будет! Бетти, дай монахине то, что она хочет, а потом никому не открывай дверь.

— Как это? — пробормотала изумленная Элизабет. — А кто утром

подоит корову и покормит кур?

— Ты выйдешь с заднего хода и не пойдешь дальше нашего двора, договорились? Если тебе что-нибудь понадобится, я сам схожу в магазин.

Женщина кивнула, соглашаясь. Она все еще не могла понять, каким образом эти меры предосторожности могут защитить их от заражения оспой.

— Ты ведь тоже можешь заразиться! — выпалила она.

— Мужчины крепче женщин, Бетти, — отрезал муж.

Жозеф потянулся. Было бы хорошо полежать в постели еще часок или два, но он встал и начал одеваться. Элизабет же на цыпочках вошла в комнату сына. Симон мирно спал в своей небесно-голубой деревянной кровати, которую смастерил для него своими руками отец.

— Мое сокровище, моя крошка! — нежно пробормотала женщина, склоняясь над мальчиком.

Она быстро собрала ворох одежды, пригодной для годовалого ребенка. Не без сожаления (ведь она старательно сшила их сама) вынула из шкафа шесть двуслойных пеленок — с одной стороны хлопчатобумажных, с другой — махровых.

Сестра Люсия вежливо поблагодарила хозяйку. Она робела в присутствии Жозефа — крепкого парня шести футов роста, посматривавшего на нее не слишком дружелюбно. Месье Маруа спустился раньше жены и поздоровался с монахиней на расстоянии. Пытаясь быть вежливой, та заговорила первой:

— Я слышала, как наш мэр рассказывал о вас, месье Маруа! В прошлом году вы выиграли конкурс на самый красивый сад, не правда ли? Мне очень хочется увидеть Валь-Жальбер в летнем наряде, в цветах и листьях! Должно быть, это прекрасное зрелище!

— Хм... Если наши дети умрут от оспы, вряд ли кто-то станет заниматься садоводством.

Монахиня не нашла слов для ответа. Дом семьи Маруа она покинула с тяжелым чувством. Слова Жозефа камнем легли на сердце. Он был прав. Она направилась к дому священника. Как и сестра Мария Магдалина, она не стала надевать снегоступы. Снег скрипел под ногами.

— Бог мой, а мороз-то усиливается!

Она перешла через улицу Сен-Жорж, то и дело поглядывая на крест над церковной колокольней. Ладный домик священника построили рядом с красивой, внушительных размеров деревянной церковью.

Отец Альфонс Бордеро ^[3] с замечательным усердием заботился о своих прихожанах. Когда кто-то из них нуждался в его услугах, святой отец

готов был пожертвовать своим покоем и отдыхом. Отец Бордеро был первым кюре поселка. Пять лет назад, в октябре 1911 года, население Валь-Жальбера радушно приветствовало вновь прибывшего, предоставив в его распоряжение новенькую церковь. До этого события службы проходили в скромной часовне, возведенной напротив здания фабрики несколькими годами ранее.

Монахиня вздохнула с облегчением, заметив свет в окне, и постучала.

— Сестра Люсия! Что случилось? — обеспокоенно спросил кюре, приглашая ее войти.

Монахиня в нескольких словах рассказала о случившемся.

Недавно открытая монастырская школа могла превратиться в рассадник опасной болезни. Мысль о карантине напрашивалась сама собой. Об этом думал кюре Бордеро, переступая школьный порог. Он делал все возможное для того, чтобы жизнь в Валь-Жальбере протекала мирно и безмятежно. Именно поэтому кандидаты на трудоустройство проходили жесткую процедуру отбора. Ни фабрике, ни образцовому поселку, построенному по задумке основателя фабрики месье Дамаза Жальбера, не нужны были пьяницы и неблагонадежные типы. Желающих получить работу в Валь-Жальбере становилось все больше, и всем им требовалось жилье. Будущим летом в поселке планировалось построить новые дома. Поговаривали даже о том, чтобы сделать третью улицу, а потом и четвертую. Их якобы уже внесли в земельный кадастр...

— Известно ли вам, сестра, — сказал он вдруг, — что вторая улица поселка, улица Сен-Жозеф, была проложена в тысяча девятьсот тринадцатом — в том самом году, когда месье Дюбюк, директор компании, переименовал водопад Уиатшуан в честь основателя фабрики месье Жальбера? Наш муниципалитет процветает, фабрика обеспечивает своим работникам достойную жизнь. Если начнется эпидемия, это будет для всех большим несчастьем. Помолимся же о том, чтобы наши опасения не оправдались!

— Я молюсь, отче, все время молюсь...

Мать-настоятельница за это время ни разу не встала со своего стула. Ребенок дремал у нее на руках. Кюре она приветствовала, прикрыв веки.

— Спасибо, что пришли, святой отец! — сказала она. — Какая жалость, что в таком благополучном и цивилизованном поселке, как наш, нет своего доктора! У малышки сильный жар. Я опасаюсь худшего.

— Больных и раненых мы на поезде отправляем в Роберваль. Отсюда до Роберваля недалеко, вы сами убедились в этом, когда ехали в Валь-Жальбер. А сейчас я хотел бы осмотреть малышку. Молодым семинаристом

я видел много оспенных больных. От этого недуга умерло множество индейцев, но белые его переносят лучше.

— Вот и я тоже выздоровела! — быстро вставила сестра Люсия.

Кюре мельком взглянул на ее изрытое оспой лицо. Кивнув, он склонился над ребенком.

— Думаю, это не оспа, а корь! — заключил он после тщательного осмотра. — При оспе на коже появляются пустулы, а не пятна. Зная, что в поселке нет доктора, я изучал основы медицины. Сыпь, которая вас так напугала, знаменует переломный момент в болезни. Малышка и правда вся горит, но начиная с завтрашнего дня жар, скорее всего, начнет спадать. Кто еще знает о случившемся?

— Жозеф и Элизабет Маруа, — ответила сестра Люсия. — Сначала я зашла к ним. Малышке нужны были пеленки и одежда.

На лице кюре Бордеро отразилось беспокойство.

— Жозеф прекрасный рабочий и отличный парень, но при этом паникер и баламут. Он работает в ночную смену. Значит, еще и петух не пропоет, как пол-поселка будет охвачено паникой. А может, не половина, а больше... Я позвоню доктору Демиллю ^[4] в Роберваль. Его заключение понадобится, чтобы успокоить прихожан.

Монахини занялись приготовлением ужина. И только мать-настоятельница, которая часто постилась, так и осталась сидеть, баюкая ребенка.

— Это очень странно, отче, что мы, едва устроившись на новом месте, находим у своих дверей подкидыша, — сказала она. — Провидение ли направило к нам его родителей? Откуда взялась Мари-Эрмин? И где будет жить, когда выздоровеет, если Господь дарует ей эту милость?

— Признаюсь, я удивлен и огорчен этим случаем, — ответил кюре. — Благополучные семьи не бросают своих детей на произвол судьбы, тем более таких маленьких. Конечно, я попытаюсь что-нибудь разузнать. И как можно скорее устрою девочку в приют Нотр-Дам-де-Сен-Валье. А пока найду кормилицу, потому что вы не сможете оставить ее здесь. Придется объявить карантин, сестра Аполлония. Досадно, ведь школа открылась незадолго до Рождества... И ученики еще не успели к вам привыкнуть.

— Отче, а кто же будет проводить занятия? — удивилась сестра Мария Магдалина.

— До вашего приезда школа располагалась в доме недалеко от церкви. Пока учить детей буду я. Сестра Люсия мне поможет, потому что она уже переболела оспой. Даже если речь идет о кори, карантин нельзя отменять. Эта болезнь тоже очень заразна. Она вызывает сильную температуру и

головную боль и может дать серьезные осложнения. Мы не можем рисковать здоровьем детишек Валь-Жальбера.

Настоятельница едва заметно кивнула, соглашаясь. Маленькая Мари-Эрмин спала у нее на груди. В эту минуту больше как женщина, чем как монахиня, она настороженно ловила каждый вздох ребенка, со страхом ожидая, что он может оказаться последним.

— Мне кажется, что температура спадает, — сказала она наконец, обращаясь к сестре-хозяйке. — Настой ивовой коры пошел ей на пользу.

Кюре Бордеро посмотрел на нее неодобрительно.

— Вы не должны слишком привязываться к этому ребенку, сестра, — сказал он наставительно. — Господь доверил нам девочку, но ей среди нас нет места. И тем более ей нельзя оставаться при школе.

Сестра Аполлония чувствовала себя так, словно ее уличили в чем-то постыдном. За то время, пока она баюкала этого измученного жаром, готового в любую минуту умереть ребенка, ее суровость таяла, как снег на солнце. Она поймала себя на том, что с радостью думает о карантине, благодаря которому окажется запертой в четырех стенах рядом с маленькой Мари-Эрмин.

— Поступайте, как считаете нужным, отче, — сказала она. — В нашу школьную программу мы включили арифметику, катехизис, французский язык и географию.

— А еще — историю Канады и историю христианской церкви! — добавила сестра Мария Магдалина.

— Я это учту, — кивнул кюре. — Доброй ночи, сестры. Завтра я вернусь с доктором Демилем.

Он перекрестил лоб маленькой Мари-Эрмин.

* * *

Элизабет смотрела вслед мужу. Уходя, он надел меховую куртку и закрывающий уши картуз. Каждый день, в любую погоду, она встречала его с работы стоя на крыльце. Снег прекратился, небо прояснилось. Судя по россыпи звезд в просветах между уходящими прочь тучами, грядущий день обещал быть холодным. Элизабет показалось, что мороз крепчает с каждой минутой. Даже тишина звучала по-другому — ее нарушало едва слышное потрескивание. Холод действовал на нее угнетающе, хотя она выросла в этих краях — на берегу озера Сен-Жан, которое зимой превращалось в обширное белое пространство.

— Бедный мой Жозеф! Как трудно на ночь глядя уходить из дома! А ведь сегодня его бригада чистит прессы...

Как и остальные жительницы поселка, она никогда не бывала на фабрике. Но в магазине речь часто заходила о тяжелых условиях работы. В цехах целлюлозной фабрики было влажно, потому что они находились в непосредственной близости от гигантского водопада. Пол был скользким, а жернова, станки и гидравлические прессы издавали ужасный шум.

— Побалую его сладкими оладушками, — пообещала себе Элизабет.

Она была из породы хороших жен, которые стараются всячески угодить своим мужьям. Валь-Жальбере таких было большинство. Мужья, возвращаясь с работы домой, переодевались в теплую чистую одежду и пили горячий кофе с домашней выпечкой. Элизабет любила Жозефа всем сердцем. Они поженились три года назад, и очень скоро Бог послал им ребенка, сына.

Молодая женщина с тревогой посмотрела на монастырь. Больная оспой девочка-подкидыш не шла из головы. Порядок, дисциплина, дух товарищества и образцовые нравы царили в поселке Валь-Жальбер. Жозеф, поцеловав ее, сказал: «Этот больной ребенок еще задаст всем хлопот». Элизабет вернулась в дом и дважды повернула ключ в замке.

* * *

Сестра Аполлония боролась со сном. Мари-Эрмин она уложила на своей постели. Из одежды на спеленатой девочке была одна лишь маленькая хлопчатобумажная распашонка. Настоятельница решила, что жар спадет скорее, если ребенка не слишком кутать. Во времена своего послушничества ей часто приходилось ухаживать за больными в Центральной больнице Сен-Валье в Шикутими, и этот опыт не раз ей пригодился.

Малышка металась и хныкала. Стоящий на столике у изголовья кровати ночник освещал ее усеянное пурпурными пятнами лицо.

— Бедный ангелочек! — вздохнула монахиня.

Зажав в руках четки, она стала молиться. Несмотря на глубокую набожность, сестра Аполлония, урожденная Тереза Бушар, тонула в раздумьях.

«Правда ли, что у каждого живого существа свое предназначение? Я сомневалась, стоит ли соглашаться на переезд в Валь-Жальбер. Чего я опасалась? Это благородное дело — давать детям знания, указывать им

путь в жизни, учить быть честными и зарабатывать на хлеб упорным трудом. Дома поселка оборудованы по последнему слову техники, и даже наш дом кажется мне порой слишком удобным...»

Мать-настоятельница поймала себя на мысли, что несправедлива к основателям фабрики. Если уж они решились построить такую чудесную школу, значит, так нужно, и ей остается лишь искренне благодарить их за этот благородный жест. Когда она впервые увидела классные комнаты и обстановку, кухню с новенькой печью и практичную общую спальню, ее сердце забилось от радости. Раздвижные перегородки разделили спальню на несколько комнатушек (по числу монахинь), в каждой из которых были кровать и ночной столик.

Она ощутила прикосновение к своей руке чего-то теплого. Мари-Эрмин проснулась. Малышка переменила позу, и теперь ее миниатюрные пальчики касались монахини, словно привлекая ее внимание. Мать-настоятельница снова заглянула в сапфирово-синие глаза девочки. Однако через мгновение тело ребенка вытянулось, сотрясаемое жестокими конвульсиями. Глаза закатились, так что видны были только белки.

— Боже милосердный! Она задыхается! — воскликнула настоятельница в отчаянии.

На крик сестры Аполлонии прибежали сестра-хозяйка и сестра Люсия. Обе были в ночных рубашках, коротко стриженные волосы едва прикрывали затылок.

— Это судороги! Она задыхается! — повторяла в испуге настоятельница. — Мы ее теряем! Боже, смилуйся над этим маленьким ангелом!

В течение нескольких бесконечных минут судороги не отпускали. Монахини, ощущая свою беспомощность, молились вслух и не спускали глаз с крошечного тельца. Приступ закончился также внезапно, как и начался. Секунда — и Мари-Эрмин неподвижно лежала на кровати.

В этот момент в комнату вошла сестра Мария Магдалина. Перекрестившись, она разрыдалась.

— На все воля Божья! — глухо проговорила настоятельница. — Господь дает, Господь берет. Сколько раз я повторяла эти слова несчастным родителям, чей ребенок умирал у них на руках! Как жестоки эти слова!

Для сестры Люсии это оказалось слишком. Она громко заплакала, отвернувшись, чтобы не видеть безжизненного тельца.

И только сестра-хозяйка нашла в себе силы подойти к ребенку. Из полуоткрытого ротика текла слюна. Одна из ручек шевельнулась.

— Она жива! Слава тебе, Господи! Матушка, она дышит!

Сестры по очереди обнимали ребенка, на чьем личике появилось удивленное выражение. Оказавшись на руках у настоятельницы, Мари-Эрмин сунула в рот большой палец и стала его жадно сосать.

— Наверное, она голодна, — предположила сестра Люсия. — Размоченный в молоке хлеб будет в самый раз. Думаю, теперь ей лучше.

— Дай-то Бог! — отозвалась мать-настоятельница.

Четыре женщины с нежностью смотрели, как девочка ест. Насытившись, она стала сонно жмуриться.

— Вот увидите, завтра утром нашей Мари-Эрмин станет намного лучше, — авторитетно заявила сестра Люсия. — Отец Бордеро был прав — это корь.

— Но карантин не отменяется! — отрезала настоятельница.

— Как, должно быть, страдают ее родители, думая, что девочка обречена на смерть, — задумчиво проговорила сестра-хозяйка. — Почему они не отвезли ее к доктору в Роберваль?

— Только Господу это известно, — с неподдельной грустью отозвалась сестра Мария Магдалина.

Монахини разошлись по своим спальням. Их мысли витали вокруг Мари-Эрмин. Все четыре напряженно прислушивались, стараясь уловить малейший шорох в комнате настоятельницы. И только сестра-хозяйка вспомнила о мехах, защитивших малышку от зимнего холода. «Ее отец траппер, как и мой собственный отец. Или он украл шкурки, чтобы отдать их нам. Нужно будет продать их в универсальном магазине. Деньги монастырю не помешают».

Сестра Викторианна вытирала слезы. Оставшись сиротой в подростковом возрасте, свою жизнь она посвятила вере. «И все-таки это, наверное, так приятно — дать жизнь ребенку и заботиться о нем...»

Лежа на спине и скрестив руки на животе, сестра Люсия придумывала способ оставить малышку в монастыре. Несколько лет она работала в приюте в Шикутими и навидалась деток, у которых не осталось никого из родных. Она живо представляла, как будет заботиться о Мари-Эрмин, которая годилась ей во внучки... «Пройдет четыре года, и девочка пойдет в младший класс. Ее кровать можно поставить рядом с моей. Родители доверили ее нам, и было бы жестоко отдать ее в чужие руки. Что, если будущим летом родители за ней вернуться? Что мы им скажем?»

Решить судьбу девочки могла только мать-настоятельница, но сестра Люсия пообещала себе поговорить с ней.

Что до сестры Марии Магдалины, то она сидела в кровати, подложив под спину подушку, и разглядывала свое лицо в зеркало. Отсвет ночника

падал на очаровательное юное лицо. «Свои прекрасные волосы я принесла в жертву вместе со своими мечтами о счастье. Но зачем жить без него?»

Молодая монахиня пригладила свои короткие пепельно-русые прямые волосы.

«Никогда больше мужчина не увидит меня без покрывала, никогда не поцелует меня в губы. Единственное, что у меня есть, — это любовь Спасителя нашего Иисуса. Но как приятно было прижимать к себе ребенка! Как это сладко!»

Она беззвучно заплакала, стыдясь своей слабости. Ее жених Эжен умер от плеврита в 1912 году. Он часто являлся ей во сне — являлся таким, каким был при жизни. Худощавый, с кудрявыми черными волосами... Болезнь забрала его в считанные дни, когда у них были такие планы на будущее! Чтобы не предавать любовь, девушка решила принять постриг. Работа учительницы в Валь-Жальбере удовлетворяла ее потаенную тягу к материнству. Сердце сестры Марии Магдалины было переполнено нежностью, требовавшей выхода. И она вопреки всему надеялась, что Мари-Эрмин оставят на воспитание в монастырской школе.

Опасаясь нового приступа, мать-настоятельница решила не ложиться спать. Она не спускала глаз с девочки, ловила каждый вздох. Она выпила крепкий кофе и теперь была готова дожидаться рассвета. При виде курчавой детской головки на подушке-валике сердце монахини переполнялось нежностью. Сестра Аполлония в свои шестьдесят два года редко поддавалась унынию. В своей прежней жизни, да и во времена монашества, ей довелось испытать нужду, горе и жестокое отношение. Она поймала себя на том, что просит Господа не отнимать у нее эту крошку, которая так мужественно борется с болезнью.

— Господи, даруй мне счастье воспитывать ее, смотреть, как она ходит, как смеется... Владыка небесный, я не знала, что за несколько часов можно полюбить ребенка так, как матери любят своих чад. Предаю себя в руки Твои! Да пребудет воля Твоя как на земле, так и на небе...

* * *

Заря занималась в сиреневом, опасно чистом небе. Создавалось впечатление, будто все живое застыло на этом холоде. Жослин свистом подозвал собак. Животные вскочили со своего снежного ложа, отряхиваясь и подпрыгивая, чтобы согреться.

— Похоже, сегодня с утра минус тридцать! — сердито проговорил

мужчина, деля между собаками замороженную рыбу.

Топориком он постучал по полозьям саней, за ночь примерзшим к снегу.

— Сегодня в дорогу, ребята! Придется поднатужиться! Понял меня, дружище Бали?

Жослин обращался к жожаку упряжки, самому верному и послушному псу — крупному, с серой шерстью и волчьими глазами. Из хижины до него донесся голос:

— Там кто-то есть, Жослин? С кем ты говоришь?

— Я разговаривал с Бали, — ответил он. — Больше здесь никого нет.

Временами ему казалось, что Лора в глубине души хочет, чтобы эта их поездка наконец закончилась.

— Ты бы вздохнула с облегчением, если бы меня упрятали в тюрьму, а тебя отправили в больницу! — проворчал он, проверяя упряжь.

Он не ожидал ответной реплики, потому что жена не могла его слышать. Правду, которая разбивает сердце, люди часто говорят шепотом...

Уже через мгновение Жослин вошел в хижину под бревенчатой крышей. В очаге оставалось несколько раскаленных углей, он торопливо их погасил. Потом собрал вещи, удостоверившись, что в комнате не осталось ничего, что могло бы выдать их недавнее присутствие.

Тело у Лоры было красным, температура не спадала. Он попробовал пальцами ее лоб, потом рука его скользнула к основанию шеи.

— Пора ехать, любимая. У тебя хватит сил идти?

— Мне ни на что не хватает сил, Жослин. Я хочу одного — вернуть мою маленькую девочку, мою крошку. Я так по ней скучаю! Нужно было забрать ее с собой! Даже зная, что она умрет! Тогда она умерла бы у меня на груди, в объятиях своей матери!

— Ты и вправду этого хочешь? Видеть, как она умирает? Одумайся, Лора! Мы дали ей шанс выжить! Это наш родительский долг. Мы не можем заставлять ее голодать и страдать от холода! Я тоже по ней скучаю. Если бы ты только знала, как я по ней скучаю... Но моя совесть чиста. Давай я тебя перенесу.

И он осторожно взял ее на руки. Женщина со стоном обхватила его плечи. Жослин устроил ее на снях, укутав в многочисленные одеяла и меха.

— Я пережила и сегодняшнюю ночь, — вздохнула женщина. — Может, нашей девочке тоже лучше? Скажи, Жослин, ты ведь не забыл вложить записку ей в чепчик? Я хочу, чтобы сестры звали ее настоящим именем. Мари-Эрмин — это так красиво...

Он ответил натянутой улыбкой и поправил на каштановых волосах жены бобровый капор.

— Может, придет день, дорогая, когда мы сможем попросить у нее прощения. Сказать нашей любимой девочке, что у нас не было выбора...

Большие голубые глаза Лоры наполнились слезами, и она опустила голову. Жослин встал на полозья позади саней и приказал вожаку упряжки:

— Вперед, Бали! Вперед на север!

Небо из сиреневого стало розовым. Над вершинами елей появилось солнце, и покрытый слоем льда снег заискрился золотом.

Собаки бежали вперед, прогибая спины от усилия, хотя сани не были тяжелыми. Мужчина всматривался в даль, в пустынные ледяные горизонты Севера. Он рассчитывал объехать озеро Сен-Жан и подняться по течению реки Перибонки к отрогам гор Отиш. Кто осмелится пойти за ним следом, когда зима раскинула над Квебеком свои смертоносные крылья? Здравомыслящий человек так рисковать наверняка не станет.

В это же время в стенах монастырской школы поселка Валь-Жальбер проснулась Мари-Эрмин. За ночь она хорошо отдохнула, и температура спала. Сестра Аполлония отметила про себя, что пятна стали менее красными.

И молитвы ее были исполнены пламенной и искренней благодарности.

Глава 2. Карантин

Целлюлозная фабрика поселка Валь-Жальбер, вечер 15 января 1916 года

Зима все крепче сжимала в своих объятиях заснеженные земли вокруг озера Сен-Жан. После перерыва в несколько дней снова начался снегопад. Поднялся ветер, предвещая новую метель.

Огни фабрики Валь-Жальбер были видны издалека. Только что заступивший на смену Жозеф Маруа обеспокоенно огляделся по сторонам. Толстый слой снега укрыл крыши вагонов и огромную гору древесных отходов, которые предстояло обработать.

«Если они смерзнутся, без кирки и заступа не обойдешься!» — подумал он.

Поглубже натянув шапку на уши, он вошел в цех, в котором находились прессы. Сосед, Амеде Дюпре, дружески махнул рукой в знак приветствия.

— Жозеф, опаздываешь! Снова Бетти не хотела тебя отпускать?

Рабочие ночной смены любили беззлобно подшучивать друг над другом.

— Ну что, Жо, этой зимой ты снова не пойдешь в лес? — громко спросил Марсель Тибо, щуплый на вид сорокалетний мужчина, который как раз смазывал механизм гидравлического пресса. — Боишься оставить свою милашку Бетти одну? А ведь в жизни лесоруба есть свои преимущества. На делянке не надо каждый день мыться, терпеть придирки супруги...

— Скажешь тоже! — отозвался Амеде. — Жозефа теперь дальше улицы Сен-Жорж не вытянешь! Он даже приказал своей женушке закрывать дверь на ключ! Боится, как бы его благоверная не подхватила оспу. Я врать не стану, мы же соседи. Я все вижу!

Четырнадцатилетний подросток по имени Эрменежилд принялся насвистывать себе под нос припев песенки «Auprus de ma blonde» ^[5]. Мать назвала его в честь дяди, Эрменежилда Марена, четырнадцать лет назад руководившего строительством фабрики.

Юноша был самым молодым работником компании. Он умел читать и писать — в противном случае его не взяли бы на работу, как того требовал закон.

— Прекрати бубнить, Нэнэ! — крикнул ему Жозеф. — Представь себе, я предпочел бы спать рядом с женой, а не ишачить до рассвета! Да еще на улице назревает настоящая буря, попомните мои слова!

Не по годам высокий, остроумный и веселый, с веснушчатым лицом, Эрменежилд, а в обиходе Нэнэ, часто развлекал приятелей своими песенками и шутками. На фабрике все его любили.

— Если уж вспомнили об оспе, то с рябым лицом ты был бы тот еще красавчик, — завел свою песню Жозеф. — Хотя ты и так рябой.

Подросток сплюнул на пол и склонился над прессом. Из-за шума водопада мужчинам приходилось кричать.

— Кюре сказал, что это не оспа, а корь, — крикнул Марсель. — И доктор из Роберваля подтвердил его слова. Так что можешь выпустить свою Бетти подышать, Жо.

— Вы все мне завидуете, — последовал ответ. — А могли бы последовать моему примеру. У нас отец Бордеро танцевальные вечера запретил. Так я ходил танцевать в Шамбор и там встретил свою крошку Элизабет. В то время я жил в общежитии, но ведь у нас каждый, кто женится, вскоре получает дом...

Приятели обменялись многозначительными взглядами — опять он за свое... Жозеф Маруа повторял эту историю раз, наверное, в сотый.

— И все равно тебе зимой надо быть на лесосеке, — не сдавал своих позиций Амеде. — Против такого здоровяка, как ты, какая елка устроит?

— И пока ты на лесоповале, можно не опасаться прибавления в семействе! — добавил Марсель, отец шестерых детей. — От меня на лесосеке мало толку, но с первого декабря я буду уже там!

Жозеф молча передернул плечами. Он любил свою Бетти. Он представил ее лежащей на кровати в белой ночной сорочке, той, у которой застежка до пупка. Кровь быстрее побежала по жилам. Он надел спецовку из грубой ткани. Такими компания наделяла каждого рабочего.

— А после карантина что сестры сделают с этим ребенком? — спросил Эрменежилд. — И вообще, никто не знает, правда все это или нет. Прошла неделя, а ребенка никто не видел!

— Кретин, разве сестры станут лгать? — рассердился Амеде. — Странно только, что малышка была завернута в меха. Сестра-хозяйка рассказала об этом булочнику через окошко. Наш храбрый Совер передал ей хлеб, стараясь не подходить слишком близко, но монахине хотелось с кем-нибудь поболтать. В связке были шкурки бобра, куницы и даже чернобурки!

У присутствующих загорелись глаза. Мех оставался надежной

валютой. В недалеком прошлом их предки охотились на зверей, чей мех ценился на вес золота.

— Надо быть совсем без сердца, чтобы бросить на холоде такого маленького ребенка! — заявил Амеде. — Когда я рассказал жене, она плакала от жалости к малышке. У моей Анетты такая добрая душа!

Последовала многозначительная пауза. Анетту Дюпре в деревне почитали за стихийное бедствие, но муж ее обожал и всегда защищал. В это самое мгновение, несмотря на поздний час, Анетта стучала в двери семьи Маруа.

Элизабет, дрожа от холода, спустилась по лестнице на первый этаж. Фабричная сирена молчала, но молодая женщина постоянно боялась, как бы чего не случилось с мужем. Пройдя через кухню, она сонным голосом спросила:

— Кто там?

— Это я, Анетта! У Сабэна, моего младшенького, жар. Он весь красный. Болезнь распространяется, Бетти!

— Лучше разбудить кюре, — повысив голос, отозвалась Элизабет. — Если у твоего сына корь, я тебе не открою.

— Соседи должны помогать друг другу, — обиженно заявила Анетта. — Я подумала, что у тебя найдется немного чаю и меда для моего бедного Сабэна. Ветер ледяной, и в двух шагах ничего не видно. Ты что, хочешь, чтобы я замерзла у тебя на пороге?

— Возвращайся домой, — ответила Элизабет. — Жозеф приказал мне никого не впускать. Уже поздно. Я спала.

Молодая женщина с растущим раздражением ждала ответа, но его не последовало. Соседка сдалась.

«Уверена, что с ее сыном все в порядке, — подумала она. — Она снова хотела занять у меня чаю! Кюре Бордеро сказал бригадиру, что в округе нет ни одного случая заражения корью, а это значит, что ребенка привезли издалека. Доктор Демиль сказал то же самое. Монахини с ребенком на карантине. Не понимаю, как Сабэн мог заразиться. И вообще, эта Анетта постоянно что-то выдумывает!»

Элизабет устроилась в кресле-качалке, которое Жозеф подарил ей на свадьбу. Пара толстых русых кос обрамляла ее красивое лицо. Какое-то время она качалась, силясь отвлечься от неприятных мыслей. Наконец ритмичное покачивание кресла помогло ей успокоиться. На лице появилась ласковая улыбка, маленькие руки поглаживали живот. Она знала, что беременна, но пока не решилась сообщить эту радостную новость своему мужу.

«Хочу, чтобы на этот раз родилась девочка. Анетта станет мне завидовать, ведь у нее сплошные мальчишки. Миленькая белокурая девочка...»

Молодая женщина посмотрела в сторону монастыря. Чем сейчас заняты сестры? Она искренне их жалела, ведь они отказались от счастья материнства ради того, чтобы служить Богу. А ведь так приятно лежать рядом с мужем или прижимать к груди новорожденного...

— Интересно, умеют ли сестры обращаться с маленькими детьми? — улыбаясь, спросила она саму себя вслух. Мысль, что монахиням пришлось стать няньками, показалась ей забавной.

Но серьезность быстро вернулась к Элизабет.

— Наверное, они ко всему привыкли. Хотя не думаю... Они ведь не медсестры, а учителя. Я бы лучше позаботилась о малышке.

Элизабет задремала, думая о таинственной малышке, которую жители Валь-Жальбера смогут увидеть только через много-много дней. Что до Анетты Дюпре, то она была не в духе. Теперь, когда она рассказала своей молодой соседке, что у сына корь, у той не удастся ничем поживиться. А ведь ей так хотелось испечь медовую коврижку... Но где же теперь взять для нее меда?

* * *

Монастырская школа Валь-Жальбера, 17 января 1916 года

Сестра Аполлония не отрываясь смотрела на Мари-Эрмин. Девочка сидела на кровати, такой же, как и у остальных монахинь, — с распятием в изголовье. Было очевидно, что малышка идет на поправку. Последний раз она температурила три дня назад.

— Господь любит этого ребенка! — воскликнула сестра Люсия, соединяя ладони в молитвенном жесте. — Посмотрите, матушка, как она нам улыбается!

— Она очень красивая и милая. Но почти ничего не ест. Мне кажется, она слишком бледна.

— Я уже позвонила в универсальный магазин, — сказала сестра Люсия. — Около двенадцати рассыльный принесет нам сухого молока и овсяных хлопьев. Каша для такой малышки полезнее, чем суп. Сегодня она не захотела его есть, и я дала ей кислого молока и печенья.

Настоятельница с задумчивым видом кивнула. Это вынужденное

заточение в четырех стенах нарушило привычный уклад их жизни.

— Мы должны быть в классах, с учениками, а вместо этого все четыре по очереди сидим у постели этого маленького ангела, — вздохнула она.

— Значит, такова воля Господа, матушка.

В спальню вошла сестра Мария Магдалина. Молодая монахиня остановилась у кровати и, склонив голову набок, полным обожания взглядом смотрела на девочку.

— Благой Господь! — воскликнула она. — Какая Мари-Эрмин сегодня бледненькая! И все-таки какое счастье видеть ее здоровой!

Едва услышав ее мелодичный нежный голос, ребенок радостно залепетал. В голубых шерстяных штанишках и такой же кофточке, некогда принадлежавших Симону Маруа, она могла сойти за мальчика, однако тонкие черты лица все же выдавали принадлежность ребенка к женскому полу.

— Сестра Викторианна хочет сшить ей платьице из скатерти, — объявила сестра Мария Магдалина таким тоном, словно речь шла о событии первостепенной важности.

Не стоит, — резко возразила настоятельница. — В штанишках теплее. Думаю, скоро наша мадемуазель сделает свои первые шаги.

Мари-Эрмин между тем откинулась назад, упав на гору окружавших ее подушек. В ручке она сжимала деревянное кольцо для салфетки, которое сестра-хозяйка дала ей вместо игрушки.

— Какая она все-таки забавная! — засмеялась сестра Мария Магдалина. — Я была единственным ребенком в семье и редко видела маленьких деток. Господь послал этого ангелочка нам на радость. Как вы думаете, когда она вырастет, ее глазки останутся такими же голубыми? Голубыми, как летнее небо...

Сестра-хозяйка пожала плечами. Мать-настоятельница обеспокоенно посмотрела на молодую монахиню, которая слишком часто проявляла эмоции, не совместимые с ее религиозным саном. Сестра Мария Магдалина была очень красива, и это вызвало в поселке много пересудов.

«Люди удивляются, когда видят привлекательную внешне монахиню, — думала она. — Они привыкли считать, что только дурнушки принимают постриг, и то лишь потому, что никто не хочет на них жениться. Сестра Мария Магдалина служит живым доказательством обратного, хотя иногда я сомневаюсь в правильности ее выбора...»

Кто-то постучал во входную дверь. Сестра-хозяйка спустилась на первый этаж узнать, кто это. Вернулась она бегом.

— Матушка, пришел господин кюре. Я проводила его в кухню. Он пас

ждет.

Я присмотрю за малышкой, — просияла сестра Мария Магдалина, усаживаясь на край кровати.

Кюре грел руки у большой печи. Мать-настоятельница отметила про себя, что он пребывает в прекрасном настроении.

— Здравствуйте, отче, — любезно приветствовала она гостя. — Вы уже не боитесь заразиться корью?

Вопрос ее прозвучал с ноткой насмешки. Кюре это понял и ответил в том же тоне:

— Сегодня утром я получил письмо от матери. Ей девяносто, но память прекрасная. Так вот, она пишет, что я переболел корью в двухлетнем возрасте. На всякий случай в последнем письме я решил у нее спросить. Шансы заболеть повторно очень малы, поэтому я решил вас навестить. Сегодня после полудня услуги сестры Люсии не понадобятся — я отпустил учеников. Надвигается новая метель, и мне будет спокойнее, если дети посидят дома.

Настоятельница с озабоченным видом выглянула в окно и не увидела ничего, кроме плотной снежной пелены. Сестра Аполлония за свою жизнь видела немало метелей и давно к ним привыкла. Заметив, как кюре достает из складок сутаны записную книжку, она вспомнила, что он — один из попечителей монастырской школы.

— Вы пришли, чтобы посмотреть книгу расходов? — спросила она деловым тоном.

— Нет, сестра. Это дружеский визит.

Сестра-хозяйка сварила им кофе. За это время она успела замесить и поставить в печь кукурузные лепешки.

— Можем предложить вам позавтракать, отче, — сказала она с доброжелательной улыбкой.

Кюре кивнул, соглашаясь. Он сел за стол и открыл свою знаменитую во всей округе записную книжку в красной картонной обложке.

— Я переписал слово в слово текст записки, которую вы нашли при девочке, — сказал он вдруг. — Меня беспокоит одна фраза, последняя: *«Шкурки — задаток за ее содержание»*. Я прочитал эти слова мэру, и он со мной согласился — из этих слов следует, что родители планируют возместить расходы на ее содержание. Значит, девочку нельзя считать подкидышем. Родители могут в любой момент явиться и потребовать дочь обратно.

— Но почему они выбрали Валь-Жальбер и наш монастырь? — спросила мать-настоятельница.

— Это остается загадкой. Хотя мы думаем, родители ребенка оказались здесь проездом и, увидев крест над колокольней, да и само здание, большое и новое, они решили, что это либо больница, либо приходская школа, и почти угадали.

— Если так, они могли бы поступить, как приличные люди, — постучаться и все объяснить! — резко отозвалась сестра Викторианна.

Сердитым взглядом настоятельница призвала сестру-хозяйку к порядку. Той вообще не следовало вмешиваться в разговор.

Отче, в это время года редко кто путешествует, особенно с младенцем на руках, — заметила сестра Аполлония. — Вы пытались узнать, чья это девочка? Может, кто-то в поселке знает ее родителей?

Вот уже неделю как я расспрашиваю жителей, — сказал кюре — Бессемейные рабочие, которые живут в общежитии и в этих страшных бараках, которые скоро снесут, ничего не слышали о семье с годовалым ребенком. А ведь они часто бывают в Шамборе и Робервале... На сегодняшний день у вашей Мари-Эрмин есть крыша над головой, пища и хороший уход. Это главное.

Последовала пауза, во время которой из соседней комнаты донесся заразительный смех. Кто-то эхом засмеялся в ответ.

— Сестра Мария Магдалина играет с девочкой, — с виноватым видом проговорила мать-настоятельница.

Слышать смех намного приятнее, чем стоны и плач, — добродушно отозвался кюре. — И все-таки, когда ваша школа откроется после карантина, нужно будет что-то решать. Мари-Эрмин можно отдать на воспитание женщине, мечтающей о ребенке. Мадам Гарро постоянно жалуется на одиночество. Ее единственному сыну двадцать лет, муж работает на лесосеке. Месье Гарро — один из лучших лесорубов в Валь-Жальбере. Король бумаги лично выразил ему признательность, когда три года назад приезжал на фабрику.

— «Король бумаги», — повторила настоятельница. — Вы говорите о добрейшем месье Дюбюке, которому мы так многим обязаны?

— Конечно, о нем, — обрадованно подтвердил кюре. — Если бы он не выкупил акции компании, фабрику закрыли бы. Это было бы большое несчастье для рабочих, которые поселились в поселке. А ведь я подбирал их лично, руководствуясь золотым правилом Валь-Жальбера: «Никаких пьяниц и богохульников!» Ведь с неумеренным пристрастием к спиртному непросто бороться...

Беседа продолжилась за кофе, к которому сестра-хозяйка подала хрустящие лепешки. Сестра Викторианна проверяла запасы продуктов, не

упуская ни слова из разговора. Кюре заговорил о войне в Европе и высказал опасение, что военные действия могут распространиться на весь мир.

— Наш премьер-министр, сэр Робер Лэр Борден, поддерживает Францию. Тысячи канадских мужчин уехали на фронт, и это еще не конец.

Мать-настоятельница глубоко вздохнула.

— А здесь у нас все спокойно. Начинается зима, и мы реже будем получать новости. Живя в мирной стране, тяжело представить жестокую реальность сражений. Мы с сестрами часто молимся за наших солдат. Но скажите, отче, эта мадам Гарро, о которой вы упомянули, согласится ли она взять на воспитание такого маленького ребенка, да еще бесплатно? Где она живет?

Виду кюре был удивленный. Стало очевидно, что все мысли монахини занимает крошка-подкидыш.

— Мадам Гарро живет рядом с фабрикой, в одном из первых домов, построенных на площади. Летом вы лучше узнаете поселок. У супругов Гарро замечательный огород. Еще у них две коровы, и они продают молоко в универсальном магазине.

— Мы подумаем об этом после окончания карантина, — сказала мать-настоятельница. — А пока, отче, не могли бы вы попросить у местных женщин собрать игрушки, которые не нужны их детям? Малышке нечем играть. Кстати, хотите взглянуть на нее?

— Охотно! — воскликнул кюре.

Сестра Аполлония сделала знак сестре-хозяйке. Та ненадолго вышла и вернулась с раздуряившейся сестрой Марией Магдалиной, которая несла на руках девочку.

Какое-то время священник молча рассматривал малышку.

— Какая симпатичная девчушка, — проговорил он наконец. — Слава тебе, Господи, это была не оспа!

Кюре Бордеро встал и ласково потрепал девочку по щечке. Та спрятала лицо на плече у сестры Марии Магдалины, которая тотчас же поцеловала ее в лобик.

— Что ж, мне пора. Можете быть покойны, у добрых жителей Валь-Жальбера найдется чем позабавить вашу подопечную.

Настоятельница проводила гостя до дверей. Сняв с вешалки тяжелую накидку из сукна, кюре многозначительно посмотрел на сестру Аполлонию.

— Матушка, я не ошибусь, если скажу, что сестра Мария Магдалина слишком впечатлительна? Мне показалось, что ее переполняет не слишком

уместная радость, когда она держит на руках этого ребенка. Я понимаю, что в своем служении вы часто сталкиваетесь с несчастными и обездоленными, не исключая детей-сирот. Их нужно жалеть, о них нужно заботиться, но... спокойнее, без избытка чувств.

— Вы совершенно правы, отче, — согласилась настоятельница. — Я постараюсь обуздать юношескую пылкость нашей сестры Марии Магдалины.

Кюре нахлобучил на лысую голову шапку и закутался в накидку. Стоило ему приоткрыть створку двери, как резкий ледяной ветер ворвался в дом. Монахиня невольно сделала шаг назад, в тепло, и, кивнув в знак прощания, с облегчением закрыла за священником дверь.

Слова отца Бордеро не пришлись ей по душе. Сверху донеслись удивленные возгласы и звонкий смех. На лестнице появилась сестра Викторянна.

— Матушка, скорее поднимайтесь! Мари-Эрмин сделала два шага! Мы с сестрой Марией Магдалиной держали ее за ручки. Малышка даже топнула ножкой!

— Спокойствие, сестра Викторянна! — приказала настоятельница. — Это никакое не чудо. Нужно создать хотя бы видимость дисциплины! Монастырь — не место для криков и смеха.

Сестра Аполлония не торопясь поднялась по лестнице. Сестра-хозяйка исчезла, но из кухни доносился шепот.

«Угодна ли Господу строгость, к которой меня призывает святой отец? — спросила себя сестра Аполлония. — Благопристойность — да, но разве это хорошо — лишать сестер моментов радости?»

Войдя в комнату, она увидела Мари-Эрмин, стоящую на своих ножках. Малышка держалась за стул и улыбалась ей, показывая свои крохотные зубки.

«Спаситель, сколько в ней невинности! — подумала она. — „Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие!“» [6].

Слова из Евангелия сами собой пришли на ум. Увидев сконфуженные лица окруживших девочку сестер, настоятельница вздохнула.

— Когда к нам приходит отец Бордеро, прошу вас, будьте сдержаннее, сестра Мария Магдалина. Это и вас касается, сестра Викторянна.

Пожилая монахиня удалилась в свою комнату, чтобы помолиться. Головная боль молотом стучала в виски.

«Эта боль — предвестник метели!» — подумала она.

Элизабет Маруа стояла у окна в кухне. Ее муж, зажав трубку в уголке

рта, покачивался в кресле-качалке. У Жозефа были свои привычки. Когда ему выпадало работать в ночь, он любил часть дня провести в приятном безделье, предварительно плотно позавтракав. А потом с полудня и до семи вечера он спал.

Молодая женщина следила глазами за темным силуэтом идущего по улице человека. Нахмутив брови, она прижалась носом к стеклу.

— Сдается мне, что это кюре, Жозеф, — тихо сказала она. — И идет он от школы. Да, это он. И направляется к нашему дому.

Жозеф выпустил длинную струю дыма. Прыжком вскочил на ноги и направился к двери, на ходу подхватив меховую куртку.

— Останься, Бетти! — мягко приказал он жене.

Жозеф вышел. Элизабет прислушалась. Муж и кюре разговаривали прямо на пороге, под козырьком.

— Здравствуйте, отче! Сегодня Господь послал нам первую настоящую метель, — объявил Жозеф.

— Ну, бояться-то нам нечего, — добродушно ответил священник. — Мало ли мы их пережили! Друг мой, я пришел к вам с просьбой. Не осталось ли в вашем доме ненужных игрушек для маленькой девочки, которую приютили у себя сестры?

Рабочий задумался. Потом покачал головой.

— Святой отец, к сожалению, у нашего Симона одна-единственная игрушка — лошадка, которую я своими руками вырезал из кленового полена. Вы меня поймете, если я скажу, что не хотел бы отдавать ее в чужие руки.

Элизабет поджала губы. Она вспомнила о разноцветном шарике, внутри которого перекачивался бубенчик. Сын давно потерял интерес к этой игрушке.

«Жозефу не хватает милосердия, — сказала она себе. — Этой малышке тоже хочется играть!»

Она поплотнее закуталась в шаль и открыла окошко. Холод моментально наполнил комнату.

— Жозеф, ты забыл о красно-зеленой погремушке! — крикнула она. — Симон с ней давно не играет. Она в детской. Я могу сходить и принести!

— Бетти, вспомни, эта погремушка давно сломалась, — вздохнул муж. — Закрой окно, не выстуживай дом.

Кюре легко читал в сердцах своих прихожан. Жозеф Маруа был честным тружеником, но при этом человеком прижимистым и неохотно делился тем, что заработал или сделал своими руками. Он откладывал

часть зарплаты, надеясь со временем выкупить дом, в котором сейчас жил с семьей. Молодая супруга слушалась его во всем — она любила мужа, да и разница в возрасте у них была порядочная. Элизабет почти всегда соглашалась с решениями мужа, но ее женская душа не была чужда щедрости и милосердия.

— Добрый поступок вам зачтется, Жозеф, — сказал отец Бордеро. — Я почию эту погремушку. Господь уберет нас от оспы.

Теперь я с уверенностью могу сказать, что у ребенка была корь, Зимние месяцы тянутся долго, вы не хуже меня это знаете. Мари-Эрмин будет скучно без игрушек.

Элизабет впервые услышала имя девочки. После переезда в Валь-Жальбер она редко выходила из дома — таково было желание ее супруга — и очень страдала от этого вынужденного одиночества.

«Наверняка все жительницы поселка давно знали, как ее зовут... Мари-Эрмин — какое красивое имя! — подумала она с легкой завистью. — А если я рожу девочку, как ее назвать?»

Жозеф стукнул в раму окошка, которое она минуту назад закрыла на крючок.

— Бетти, сходи за погремушкой. Если месье кюре сможет ее починить, я охотно ее отдам, — сказал он, наградив супругу тяжелым взглядом.

Элизабет побежала наверх, подозревая, что ссоры после ухода кюре не миновать. И оказалась права. Жозеф не сдержал своего раздражения:

— Зачем ты сказала кюре про эту погремушку? — сердито спросил он. — Когда у нас родится второй ребенок, я новой покупать не буду, так и знай!

Элизабет порывисто обняла супруга.

— Это счастье с нами уже случилось, Жозеф, — пробормотала она, краснея. — Я беременна. Мне хотелось убедиться, поэтому я не сказала тебе раньше. Ребенок родится в начале июля.

Он отстранился, сжимая ладонями ее плечи. Выражение лица переменилось. Гнев уступил место гордости.

— Ты ждешь малыша? Моя Бетти, какая радость! Вот посмотришь, это будет мальчик. У нас будет два парня, и в четырнадцать лет они пойдут работать на фабрику. Имея три зарплаты, мы купим и дом, и даже автомобиль!

Жозеф так светился от радости, что молодая женщина решила промолчать. Он поцеловал жену в губы, чему она сильно удивилась. Муж редко при свете дня демонстрировал ей свою любовь. Как многие соотечественники, Жозеф считал патриархальный уклад в семье

единственно правильным и испытывал чувство вины за даримые супружеской жизнью удовольствия, поэтому избегал «телячьих нежностей». Элизабет поняла, что он очень взволнован.

— Мое счастье, что ты у меня есть! — заявил Жозеф. — Но в присутствии кюре тебе следовало помолчать. Бетти, дорогая, лучше б этот шарик остался нашему второму сыну.

— Нам за это воздастся, Жозеф! — отозвалась она. — Как ты не понимаешь? Мне стыдно ничего не дать! Кажется, Симон проснулся. Пойди принеси его, а я сварю тебе кофе. У нас остался кусок черничного пирога, разделите его на двоих.

Жозеф обожал черничный пирог. Каждый год Элизабет в компании ближайших соседок отправлялась в окрестные леса. Она старалась собрать как можно больше черники, а потом варила из нее варенье, чтобы зимой побаловать мужа вкусной выпечкой.

«А я хочу девочку, — подумала она, склоняясь над печкой. — Жозеф слишком беспокоится о деньгах. Он зарабатывает девяносто долларов в месяц. Десять компания вычитает за аренду дома и еще немного — за электричество и воду. И на хозяйство мы тратим не бог весть сколько...»

Родители без конца твердили дочери, как это выгодно — выйти замуж за рабочего из Валь-Жальбера. Иногда по воскресеньям они приходили на обед, и мать завистливо восхищалась водопроводом, канализацией и другими современными удобствами. Элизабет ценила окружающий ее комфорт, но ей хотелось бы выглядеть чуть элегантнее. Жозеф же считал, что все это глупости.

— Ты очень красивая, поэтому не надо привлекать к себе внимание. Да и потом, добропорядочные жены не должны думать о кокетстве!

Кюре на каждой мессе почти слово в слово повторял эти слова.

«После родов пошью себе новое платье из цветастого перкаля. Думаю, я его заслужила!» — решила Элизабет. Между тем муж вернулся в кухню с сыном на руках.

День пролетел для молодой женщины незаметно. Небо затянуло тучами, поэтому уже в четыре пополудни стемнело. Жозеф встал и выглянул в окно. Снег шел не переставая. Толщина снежного покрова достигла двенадцати дюймов. Он спустился в кухню, где Элизабет кормила сына пюре.

В то же мгновение над поселком пронесся приглушенный вой. Деревянные стены домов на улице Сен-Жорж содрогнулись под сумасшедшим порывом ветра.

— Метель! — воскликнул Жозеф. — Сегодня я иду на фабрику

пораньше. Я поменялся сменами с Эженом, Бетти. Я вернусь еще до полуночи.

Молодая женщина заволновалась. Бывало, метели не утихали и по два дня, а ветер дул так сильно, что даже крепкий мужчина с трудом мог устоять на ногах.

— Будь осторожен! — сказала она.

— И ты тоже, Бетти! Я подброшу дров в печку.

Через десять минут Жозеф ушел. На северный регион обрушилась еще одна бешеная снежная буря.

* * *

Берег реки Перибонки, в тот же день

Жослин остановил собачью упряжку. Животные совсем выбились из сил. Вот уже неделю он гнал их на предельной скорости, заставляя прокладывать собственную тропу меж деревьев или вдоль берега реки, быстрые воды которой бурлили под коркой льда. По пути им не встретилось ни единой живой души. Спали Жослин с женой на санях, предварительно соорудив над ними подобие брезентового тента. Прошлая ночь выдалась такой холодной, что пришлось развести костер. Жослин очень волновался за Лору. Она без конца плакала и казалась очень слабой. Поэтому он от души поблагодарил Провидение, заметив посреди белоснежной пустыни хижину.

— Из трубы идет дым, — обернулся он к жене. — Но у этих людей нет причин нас бояться. У меня осталось несколько шкурок для обмена. Нужно накормить собак. Тебе ночной отдых в тепле тоже пойдет на пользу.

— А ты уверен, что это не опасно? — спросила слабым голосом Лора.

— У нас нет выбора. В такую погоду, да еще вечером, Бали далеко не уйдет. Начинается метель. Лора, не вспоминай при них о нашей девочке. Так будет безопаснее. Полиция ищет супружескую пару с ребенком.

На последние слова жена отозвалась рыданиями. Жослин стиснул зубы и направил собак к хижине. Должно быть, ее обитатели заметили гостей. Огромного роста мужчина с непокрытой головой открыл дверь и замер на пороге. Виду него был вполне дружелюбный. Рядом тут же возник маленький мальчик.

— Пожалуйста, пустите нас переночевать, — попросил Жослин. — Моя жена больна, у нее только-только спала температура.

— Разве кто-то в этой стране может оставить путника на улице? — воскликнул хозяин дома. — Распрягайте собак, они совсем обессилели. Клеман, отведи нашего гостя в пристройку. Да открой бочонок с селедкой, нужно накормить собак.

Мужчина склонился над санями и увидел исхудавшее, смертельно бледное лицо сидящей в них женщины.

— Прошу вас, мадам, проходите в дом! — предложил он мягко.

— У меня нет сил идти, — со стоном отозвалась Лора.

Он взял ее на руки и внес в дом.

Вершины сосен и берез гнулись под набравшими силу порывами ветра. Жослин помог ребенку распрячь и накормить собак. Жизнь снова обрела краски. И нужно было для этого всего лишь окунуться в обычную жизнь — увидеть бревенчатые стены и крышу, накормить собак копченой селедкой, получить приглашение сесть к огню и поесть супа...

— Спасибо, Клеман! — сказал он меднокожему и черноволосому мальчику. — Мы с женой заблудились.

Ребенок на это ничего не ответил. Следом за ним Жослин переступил порог — и задохнулся от царившего в комнате тепла. Когда он снял шапку и рукавицы, хозяин дома подошел и пожал ему руку.

— Анри Дельбо! — представился он.

— Жослин Шарден, траппер.

В доме была одна большая комната, разделенная перегородкой с окошком. Здесь же помещался камин. Одна из стен была увешана полками с консервами и мешочками. Жослин увидел, что Лора лежит на широкой скамье у очага. Рядом с ней сидела молодая женщина с черными волосами и смуглой кожей.

— Моя жена, — уточнил Анри Дельбо. — Она крещеная индианка монтанье. Нашему сыну Клеману в апреле исполнится восемь. Его я тоже окрестил, но не удивляйтесь, если услышите, как мать зовет его Тошаном. Ей хочется, чтобы у него было и индейское имя тоже.

На этом разговор прервался. Мужчины и мальчик вместе съели большое блюдо жаренной на топленом сале картошки. Изголодавшийся Жослин сказал хозяину, что давно не ел ничего вкуснее. Между тем индианка напоила Лору бульоном и удалилась за перегородку. Стены содрогались под порывами ветра.

— Вовремя вы нас нашли, — сказал Анри.

Старинная керосиновая лампа освещала комнату. Лора с отрешенным видом смотрела на огонь.

— Я плохо знаю этот край, — ответил Жослин, который старался

прогнать от себя недостойные мысли.

Здесь у них было бы все необходимое, чтобы пережить зиму. Одежда, пища... Он подумал об оставленном в санях ружье. Избавившись от хозяев, он получил бы дом, в котором можно спокойно дожидаться весны... Устыдившись себя самого, он не смел поднять глаза. «Еще немного, и я стану диким зверем, если не хуже!» — подумал он.

— И далеко вы едете? — спросил Анри.

— На север, — ответил Жослин.

— На севере сейчас пусто, — отрезал великан, потирая русую бороду. — А я вот купил этот участок. В теплое время я ищу золото. А зимой охочусь, ставлю капканы. Меха хорошо продается.

— Ищете золото? — повторил Жослин.

— Ну да, золото. Клеман, иди спать.

Мальчик вслед за матерью исчез во второй комнате. С момента встречи ни он, ни она не проронили ни слова. Лора задремала. Она уже забыла, когда ей удавалось так приятно согреться, давно не чувствовала себя в безопасности. Во сне к ней вернулась ее девочка. Мари-Эрмин сидела среди цветов и травы, смеясь и лепеча. Такой она запомнилась матери прошлым летом, в Тадуссаке.

Анри протянул Жослину свой кисет. Гость скрутил себе сигарету и с горькой улыбкой ее раскурил. Никогда не причинит он вреда этим людям! Не попадись им на пути эта хижина, их с Лорой замело бы снегом, они бы оба замерзли... Чувство собственного достоинства требовало, чтобы он доверился гостеприимному хозяину.

— Лучше будет, если я скажу вам правду, Анри. Меня разыскивает полиция. Завтра мы уедем, чтобы не доставить вам неприятностей.

Мужчины какое-то время смотрели друг на друга. Лицо Жослина ожесточилось от страха и горя, черты стали угловатыми. И только в карих глазах теплились искорки нежности.

— Я боялся услышать что-то подобное, — заметил Анри Дельбо. — Мало кто решится ехать на север зимой, да еще с женой.

— Я надеялся найти пустующую хижину и там поселиться. У меня есть ружье и запас пуль.

Это прозвучало как угроза. Жослин снова устыдился своих мыслей. И поспешил уточнить:

— Я хорошо стреляю, да и дичи в здешних лесах хватает. С голоду мы не умрем. Я это хотел сказать, не подумайте ничего плохого.

— В шести милях к востоку есть заброшенный барак. Я отведу вас туда, когда утихнет метель. Но ей бы не следовало так жить...

Анри посмотрел на Лору.

— У нас нет выбора. Я убил человека, — признался Жослин. — Это был несчастный случай, ссора, которая закончилась плохо. Но кто мне поверит? Если бы только у меня был свидетель! Лора ничего не видела, она была без сознания. В ту ночь я потерял все, что имел.

— Лучше бы вам теперь поспать, — предложил Анри. Хозяин дома не выказал ни интереса, ни презрения к услышанному. Не заметно было также, чтобы он испугался.

Анри встал, разогнув свое мускулистое тело. Будь он на пару сантиметров выше, задевал бы головой потолок хижины.

— Я дам вам совет, Жослин. Завтра лучше бы вам вернуться и сдать ся в руки полиции. Так или иначе правда станет известна. А сейчас вы похожи на загнанного зверя. Долго вы так не протянете.

Анри вынул из ящика одеяло и бросил его на колени гостю. Потом кивнул и ушел в соседнюю комнату.

Оставшись в одиночестве, Жослин стал молиться. Перед глазами у него стоял крест колокольни. Он вспомнил душераздирающее мгновение, когда он клал свою девочку на порог.

«Не прочитай я эту статью в газете, Мари-Эрмин была бы все еще с нами, — сказал он себе. — Узнав, что сестры из конгрегации Нотр-Дам-дю-Бон-Консей, для того чтобы учить местных ребятишек, приехали в Валь-Жальбер, местечко, через которое мы должны были проехать, я решил: это знамение Господне. Лора бредила, жаловалась на страшную головную боль. Нельзя брать с собой в лес такого маленького ребенка! Ни в коем случае нельзя!»

Он посмотрел на мирно спящую жену.

«Если я сдамся полиции, что станет с ней, с моей Лорой? Я никогда не увижу мою жену, мою дочурку...»

Жослин подбросил в печь полено, потом улегся на одеяле, положив свою куртку под голову вместо подушки. Пол был чистым. Сон не шел к нему. Он прислушался к завываниям метели и представил, как носятся над землей мрачные ледяные массы снега. Ветер ломает немало деревьев, дороги скроются в сугробах. Настоящий ад на земле... И он беззвучно заплакал, ощущая себя слабым, как ребенок.

* * *

Монастырская школа Валь-Жальбера, в тот же вечер

Сестра Мария Магдалина погладила Мари-Эрмин по щеке. Девочка села на постели и широко открытыми глазами смотрела на умирающее пламя свечи.

— Метель разбудила тебя, мое сокровище! Не бойся, здесь с то-бой ничего не случится!

У матери-настоятельницы ужасно разболелась голова, поэтому она доверила ребенка молодой монахине. Вой ветра и глухой стук содрогающейся крыши долго мешали девочке спать. И вот, не проспав и трех часов, она снова открыла глазки и принялась щебетать.

— Мари-Эрмин, ангелочек мой, ложись баиньки!

Сестра Мария Магдалина прижала девочку к себе и расцеловала и щечки и в лобик.

— Господь хранит нас, моя малышка. Мне тоже страшно, но я знаю, что с нами ничего не случится. Это шумит Дедушка Мороз — большой и белый, весь усыпанный инеем. Он стучит в дверь и в стены монастыря своими белыми-белыми кулаками...

Монахиня слово в слово пересказывала малышке историю, которую когда-то придумала для нее мать. Мари-Эрмин не понимала смысла сказанного, но ласковый голос монахини и ее нежные прикосновения успокоили ребенка. Сунув большой пальчик в рот, девочка крепче прижалась к молодой женщине.

— Спи, мое сокровище! Ты такая милая, такая ласковая...

Ответом было нежное детское воркование. Сестра Мария Магдалина вздохнула от удовольствия. Она наслаждалась теплом одеял и радовалась тому, что к ее груди прижимается ребенок.

— Мне кажется, что ты давным-давно живешь с нами, — проговорила она шепотом. — А ведь тебе всего годик. Годик! Где ты родилась, моя прелесть? Откуда приехала? Как по тебе скучает твоя матушка, если она еще жива!

Монахиня часто думала о родителях Мари-Эрмин, которым она искренне сочувствовала.

— Как они могли тебя оставить? Если бы мы с Эженом поженились, если бы у меня родился ребенок, я бы не смогла с ним расстаться. Надеюсь, ты останешься с нами надолго.

Сердце сестры Марии Магдалины переполняла любовь. Она закрыла глаза, и по щекам покатались слезы. Ей вспомнились слова настоятельницы, сказанные за ужином, — жестокие, но, к сожалению, справедливые:

— Она останется с вами на ночь, сестра Мария Магдалина, но вам не следует ласкать ее слишком часто. Нельзя допустить, чтобы ребенок привязался к кому-нибудь из нас, и никто не должен к нему привязываться. Это ясно? Когда закончится карантин, девочка какое-то время поживет у одной из местных женщин. Этим летом, а может, и раньше, Мари-Эрмин отвезут в приют. Если родители за ней приедут, мы перенаправим их туда.

Сердце молодой монахини сжалось, и она попыталась молиться, но прерывистое дыхание девочки ее отвлекало. Беззвучно произносимые тысячи раз слова молитв «Отче наш» и к Богородице перемешались с картинками из прошлого. В теле сестры Марии Магдалины жила еще одна женщина, которой родители, состоятельные торговцы из Шикутими, при крещении дали имя Анжелика. Ничто не сулило монашества этой смешливой школьнице, рисовавшей на полях тетрадок цветы и бабочек...

«А после школы я пошла работать в магазин. По вечерам шила себе приданое, распустив волосы по спине. Мои длинные волосы, которые так нравились Эжену», — думала она.

Не умри молодой человек так неожиданно, на свете не было бы сестры Марии Магдалины. Сбереечь невинность, отказаться от сияющей красоты, спрятав ее под строгой одеждой, — таков был ее способ сохранить верность своему жениху.

В доме, расположенном совсем рядом с монастырем, Элизабет Маруа тоже не спалось. Сидя у печки на кухне, она вязала. Торшер с фарфоровой ножкой и абажуром из вощенной бумаги освещал ее работу.

«Да будет благословенно электричество», — подумала молодая женщина, дружелюбно поглядывая на нить накала внутри стеклянной лампочки.

Элизабет ждала своего мужа. Жозеф наверняка вернется голодным. Вечером он, как обычно, поест хлеба с маслом и перескажет новые байки Нэнэ. А потом они лягут спать.

В предвкушении удовольствия щеки Элизабет порозовели. В комнате царили чистота и порядок. Деревянные стены дома были оклеены вощенным картоном, который в конце лета Жозеф покрыл новым слоем краски кремового цвета. Плинтусы и наличники, которые Элизабет начищала раз в месяц, блестели.

— Жозефу нравится показывать, какой он заботливый и работающий, — с гордой улыбкой поведала она своему вязанию. — Он даже позаботился о том, чтобы купить семян для сада!

Вечера в одиночестве казались молодой женщине бесконечными. Симон засыпал рано. Завывание ветра и треск крыши действовали ей на

нервы. Элизабет прислушалась. Несмотря на шум разбушевавшейся стихии, она услышала вой фабричной сирены.

«Несчастный случай? Боже мой, на фабрике что-то случилось! А чему удивляться? В этом году их завалили заказами из-за этой проклятой войны в Европе!»

С началом семейной жизни у Элизабет появилась масса поводов для беспокойства. Отложив вязание, молодая женщина побежала в кухню. Она не ошиблась — сирена продолжала звучать.

«Господи, сделай так, чтобы Жозеф вернулся домой! Сделай так, чтобы он прямо сейчас вернулся!»

Сложив ладони в молитвенном жесте, Элизабет прижалась носом к оконному стеклу. Она едва одерживала слезы. Сквозь пелену густого снега уличные фонари были едва различимы. Где-то завывала собака, и это стало последней каплей.

В доме семьи Маруа телефона не было. Телефонная связь была проложена только к монастырской школе, мэрии, универсальному магазину и дому бригадира. Молодая женщина решила, что стоит постучаться к соседям.

«Амеде сегодня вечером не работает. Так сказал Жозеф. Он сможет сходить на фабрику и узнать, что случилось!»

Она надела меховые ботинки, набросила шубку, повязала голову шерстяным платком. Сердце глухо стучало в груди, было тяжело дышать. Без мужа ее жизнь закончится. Он был центром ее мира — ее любимый, отец Симона...

— Вернись ко мне, мой Жозеф! — со слезами просила она.

Через секунду Элизабет уже была под навесом, на просторном крыльце, на котором теплыми летними вечерами, после ужина, они любили сидеть с Жозефом. Порыв ветра швырнул ей в лицо тысячи острых кристалликов. Стоит только спуститься на три ступеньки — и она побежит к крыльцу дома семьи Дюпре. Сирена смолкла, но поселок неожиданно погрузился в непроглядную тьму. Электричество, освещавшее дома жителей Валь-Жальбера, вырабатывалось фабричными турбинами, но они, очевидно, перестали работать.

«Значит, случилась серьезная авария! — всполошилась молодая женщина, испугавшись темноты. — Авария или несчастный случай!»

Воображение рисовало ужасные картины, в том числе тело рабочего, зажатое челюстями станка или раздавленное прессом. А на полу, и так мокрым от воды, лужа крови... И случилась беда, конечно же, с ее Жозефом...

— Нет, я не хочу! Господи, верни мне моего мужа! — закричала она.

Сугробы озаряли улицу призрачным голубоватым светом. Не будь снежной завесы, Элизабет могла бы спуститься без особого труда, но метель, казалось, удесятерила свои усилия. Молодая женщина уцепилась за столбик крыльца. Носком ботинка она пыталась нащупать первую ступеньку. Жозеф утром их расчистил, но снег быстро напал снова. Однако от своего намерения Элизабет не отказалась. Внезапная потребность хоть с кем-нибудь поговорить подталкивала ее к действию. Их сосед Амеде — хороший парень, который, в отличие от своей жены Анетты, всегда готов прийти на помощь. Он уж сумеет ее успокоить...

«Наверное, они уже успели зажечь керосиновую лампу... Я объясню, что услышала сирену. Ох, какая же я дурочка! Они ведь тоже ее слышали!»

Элизабет споткнулась и упала лицом в обледеневший сугроб.

«Пропустила ступеньку!» — сказала она себе, с трудом поднимаясь.

Ветер дул так сильно, что молодая женщина с трудом держалась на ногах. Медленно она пошла к соседскому крыльцу, между тем как порывы ветра без конца отталкивали ее назад. Свет не горел ни в одном окне дома семьи Дюпре. Призвав на помощь всю свою волю, Элизабет взобралась по ступенькам и кулаками забарабанила в дверь. Но никто ей не ответил.

— Анетта! Амеде! — надрывно звала она, обезумев от страха.

Однако крик ее тонул в реве разбушевавшейся стихии.

«Где же они? — недоумевала молодая женщина. — Наверное, спят. Или, может, Анетта запретила мужу открывать мне дверь? Она из него веревки вьет! А мне мстит за то, что я недавно не пустила ее в дом!»

Элизабет испытывала негодование, к которому примешивалось отчаяние. Жозеф не раз говорил жене, что с Анеттой Дюпре ей лучше поддерживать добрые отношения. И только теперь бедная женщина поняла почему.

— Лучше бы мне пойти к Тибо! — решила она. — Их дом недалеко.

В семье Тибо было шестеро детей. Сорокалетняя мать семейства по имени Селин была женщиной набожной, с мягким характером. Ее муж, Марсель, часто работал в бригаде Жозефа.

Хлопья снега слепили глаза. Сама того не зная, Элизабет пошла не в ту сторону. Каждый шаг стоил ей огромных усилий, ноги вязли в сугробах.

— Вот странно! — воскликнула она некоторое время спустя. — Наверное, я прошла мимо дома Тибо. Лучше бы мне вернуться домой, я и так уже не знаю, куда иду!

Содрогаясь от холода и вытянув вперед руки, Элизабет пыталась определить, куда же ей направиться. Снег валил так густо, что в трех шагах

уже ничего не было видно. Вокруг то и дело раздавался зловещий хруст. В любое мгновение можно было ожидать удара сломанной веткой, или, что еще хуже, оторвавшейся от деревянной постройки доской. Как и все уроженцы этого края, где суровые зимы ми для кого не в новинку, в детстве она слышала много жутких рассказов о снежных бурях. Поутру люди подсчитывали убытки, а иногда и находили в снегу тела несчастных.

— Помогите! — Элизабет охватила паника. — Помогите мне!

Собственный голос показался ей тоненьким, едва слышным. Ей показалось вдруг, что она — единственная живая душа в этом мрачном ледяном мире. Раз десять она поскользнулась, падала и снова встала Рыдая, снова и снова звала на помощь. Внезапно по бедру заструилась теплая жидкость, а низ живота свело от невыносимой боли.

— Мое дитя! Я теряю дитя! — всхлипнула Элизабет, отчаянно ища глазами укрытие.

И тут она натолкнулась на какое-то строение. Пальцы нащупали деревянную стену.

— Помогите! — закричала она изо всех сил, колотя кулаками в стену.

Наверное, само небо сжалилось над ней: послышался легкий щелчок, и зажглись уличные фонари. Однако она этого света уже не видела. Последние силы оставили молодую женщину, и она, потеряв сознание, упала.

* * *

С холодным компрессом на лбу сестра Аполлония пыталась уснуть.

Но мигрень не отпускала. Сначала монахиня услышала фабричную сирену, потом, спустя какое-то время, ей почудилось, что в завываниях метели слышится чей-то крик.

— Боже мой, какая ужасная ночь! — вздохнула она. — Возможно ли, чтобы кто-то вышел из дома?

В ту же секунду в дверном проеме показалась сестра Люсия со свечой в руке.

— Матушка, электричество отключилось! И мне кажется, что рядом кто-то кричит!

— Тогда чего же вы ждете? Нужно бегом спуститься и найти этого несчастного! Я пойду с вами. Быстрее!

Внезапно в коридоре загорелся свет. Обе монахини вздрогнули от неожиданности.

— Я пощелкала выключателем, он не работал, — оправдывалась сестра Люсия.

Мать-настоятельница пожала плечами.

— Нужно торопиться! — скомандовала она.

На то, чтобы надеть пальто и грубые башмаки, ушло пять минут. Оказавшись на пороге, под навесом, они моментально ощутили и страшный холод, и жуткую силу ветра. С неба густо сыпался снег. Сперва они не увидели ничего похожего на человеческую фигуру. Сестра Люсия решила спуститься с крыльца и осмотрелась. В нескольких шагах она увидела торчащий из снега край темной материи. Ведомая чувством долга, монахиня бросилась туда.

— Матушка, здесь человек! Господи Боже, да это женщина! Несчастливая!

Услышав последние слова сестры Люсии, настоятельница вздрогнула. Первым делом она подумала о матери Мари-Эрмин. Глубоко взволнованная, она спустилась по ступенькам и подошла к распростертому телу, присыпанному тонким слоем пушистого снега. Внутренне содрогаясь, она всмотрелась в мертвенно-бледное, с синими губами лицо.

— Да ведь это же наша молодая соседка, мадам Маруа! — воскликнула она. — Скорее, ее нужно отнести в дом! Но как она тут оказалась?

Монахини с трудом подняли молодую женщину — одна за плечи, вторая за лодыжки — и понесли вверх по ступенькам, спотыкаясь и путаясь в полах длинных ночных сорочек. Ноги у обеих успели замерзнуть.

— Я могу идти сама! — внезапно сказала Элизабет, к которой вернулось сознание.

— Мы вас поддержим, — ответила сестра Аполлония. — Идите потихоньку!

С помощью сестер Элизабет встала. Втроем они поднялись на крыльцо и вошли в прихожую. Мать-настоятельница вздохнула с облегчением.

— Хвала Господу, мы в безопасности! Дорогая мадам, зачем вы вышли на улицу в такую метель? С вами что-то случилось?

— Это из-за сирены... Я испугалась за мужа. Сначала я побежала к соседям, к Дюпре, но у них было темно. Потом я заблудилась. А вокруг только снег...

Сестра Люсия внимательно всмотрелась в лицо Элизабет. Молодая женщина морщилась от боли.

— Вы поранились? — спросила монахиня.

Элизабет не решалась рассказать монахиням о том, что с ней приключилось. И тут мать-настоятельница увидела следы крови на паркете.

— Боже правый! Что с вами, мадам?

— Я потеряла ребенка! — простонала Элизабет. — Я несколько раз упала, потом у меня заболел живот... Сильно заболел!

По лестнице спускалась, закутавшись в халат, сестра-хозяйка.

— Сестра Викторианна, нужно устроить мадам Маруа на одной из наших кроватей и позвать акушерку! — крикнула ей настоятельница. — Позвоните господину мэру, он знает, что делать.

У монахинь был богатый опыт обращения с самыми тяжелыми больными, поэтому в считанные минуты Элизабет оказалась в постели, с наполненной горячим песком грелкой у ног. Сестра Люсия, несмотря на смущенные протесты молодой женщины, обмыла ей ноги и низ живота.

— Мне не раз приходилось это делать в больнице, моя дорогая, — приговаривала монахиня. — Со всеми нами всякое бывает... Мне и роды случалось принимать.

Но это не могло утешить Элизабет. Ей было стыдно и очень, очень грустно.

— Я так радовалась, что у меня будет малыш! Надеюсь, что рожу девочку. Муж тоже расстроится. Новость так его обрадовала...

— Господь милостив, — сказала сестра Люсия. — Он пошлет нам радость снова стать матерью.

— А мой сын, мой Симон? — всполошилась Элизабет. — Я оставила его одного! Сестра, что, если он проснется?

— Не бойтесь, я о нем позабочусь. Сейчас попрошу сестру-хозяйку сходить к вам домой. Где ваш супруг?

Элизабет разрыдалась. Теперь собственное поведение казалось ей глупым, безрассудным.

— Может, он уже вернулся домой, — всхлипывая, проговорила она. — И теперь с ума сходит от беспокойства!

Монахиня похлопала по простыне, которой только что укрыла свою подопечную.

— Дорогая мадам, постарайтесь отдохнуть. А я схожу за советом к матушке-настоятельнице.

* * *

Сестра Мария Магдалина слышала гул голосов, чей-то плач и

позвякивание тастика. Встревоженная, она как можно осторожнее, чтобы не разбудить Мари-Эрмин, встала с кровати. Но стоило ей отойти на шаг, как девочка испустила душераздирающий крик.

— Боже мой, какой же чуткий у тебя сон!

Молодая монахиня вернулась к ребенку. Укутав девочку шерстяным платком, она вместе с ней направилась к комнате, откуда доносился шум. Там, на кровати сестры Люсии, она увидела плачущую навзрыд Элизабет.

— Мадам, что с вами? — взволнованно спросила сестра Мария Магдалина.

Охваченная искренним сочувствием, монахиня подошла поближе. Ответа на свой вопрос она так и не услышала.

— Вы ведь мадам Маруа? Мы с вами встречались на следующий день после Рождества, возле универсального магазина. Что случилось?

Элизабет перевела дыхание и растерянно уставилась на монахиню. На сестре Марии Магдалине был ночной льняной чепец, подчеркивавший безупречную красоту ее лица. К груди ее прижималась очаровательная маленькая девочка.

— Это та самая брошенная девочка? — спросила молодая женщина, утирая слезы.

— Да, это она, — тихо ответила монахиня. — Из-за метели она сегодня плохо спит.

Мари-Эрмин, сунув пальчик в рот, смотрела на Элизабет своими огромными голубыми глазами.

— Какая хорошенькая! — вздохнула молодая женщина.

Сердце наполнилось горечью. У ребенка, которого она потеряла, могли бы быть такие же кудряшки орехового цвета и такое же красивое личико... И это могла быть девочка... Их первая встреча с Мари-Эрмин закончилась с приходом матери-настоятельницы:

— Сестра Мария Магдалина, что вы здесь делаете? Да еще с малышкой? Возвращайтесь в постель, вы нам не нужны. Мадам Маруа больна. Ее супруг и сосед ждут внизу. Они заберут ее домой.

Молодая монахиня торопливо вышла, на прощание одарив Элизабет ласковой улыбкой.

Жозеф и Амеде Дюпре ожидали в коридоре, в который выходили также и двери классных комнат. До этого ни тому, ни другому не приходилось бывать в монастырской школе.

Мужчины чувствовали себя не в своей тарелке. Тербя свои шапки, они с любопытством поглядывали вокруг и стыдились того, что затоптали своими башмаками чистый навощенный паркет.

— Мои ребята говорили, что в школе красиво, — тихо сказал Амеде.

Двое его старших сыновей успели несколько раз посетить школу перед Рождеством.

По лестнице спустилась сестра-хозяйка. Она специально оделась, чтобы встретить посетителей.

— Месье Маруа можно подняться, — сообщила она. — Вы пришли так быстро, несмотря на плохую погоду!

Жозеф кивнул. Здесь, в присутствии монахинь, он ощущал непривычную робость. Не говоря ни слова, он последовал за сестрой Викторианной на второй этаж. Мать-настоятельница поприветствовала его, стоя у изголовья постели Элизабет. Через мгновение она оставила их одних.

Увидев мужа, Элизабет снова заплакала. Он же остался стоять, не осмеливаясь присесть на край кровати.

— Что случилось, Бетти? Ну и напугала же ты меня! Прихожу, а дома пусто! Симон кричит как резаный. Не успел я выйти тебя искать, как явился мэр собственной персоной и сообщил, что ты в школе, тебе плохо и к нам позвали акушерку. Ты потеряла малыша?

— Да! Если бы ты знал, как я несчастна, Жозеф!

Он сжал ее хрупкие, все еще холодные руки в своих теплых мозолистых ладонях.

— Скоро я отведу тебя домой, — сказал он тихо. — Если ребенок не удержался, значит, он не слишком крепкий. Не успела ты мне сказать, как все и закончилось. Не плачь, это дело поправимое. Акушерка, наверное, уже пришла и беспокоится. Симона я поручил Анетте, а Амеде пришел со мной. До дома недалеко, и мы отнесем тебя, если ты плохо себя чувствуешь.

Элизабет пыталась привести мысли в порядок. Жозеф смотрел на нее с нежностью, но от него всегда можно было ожидать внезапной вспышки ярости.

— Я боялась, что ты рассердишься, — сказала она смиренно. — Я сидела и ждала тебя дома, и рев бури действовал мне на нервы. А потом завывала сирена... Не знаю, что на меня нашло, но только я решила, что с тобой случилось несчастье. У меня голова кругом пошла от беспокойства, и вдруг я почувствовала, что по мне течет кровь... И так заболел живот! Я хотела попросить помощи у Дюпре, как вдруг свет на улице погас. И я заблудилась.

— И это неудивительно, — ответил муж. — Пришлось на пятнадцать минут отключить генератор, чтобы что-то починить. Бригадир включил

сирену, намереваясь всех предупредить. Ты спутала сигнал аварии с сигналом, который подают при несчастном случае. Не нужно было выходить из дома!

— Я бы не вышла, если бы не кровотечение! — соврала молодая женщина. — Я не могла больше сидеть одна! Мне было так больно, Жозеф!

Он поцеловал жену в лоб. Элизабет прижалась к супругу.

— Скоро у нас будет еще один ребенок, правда?

Жозеф кивнул, соглашаясь. Ему не терпелось вернуться домой, где можно было разговаривать в полный голос, ходить куда вздумается и курить трубку.

После ухода четы Маруа и их соседа в монастыре воцарился покой. Монахини разбрелись по своим спальням. Каждая на свой лад думала о несчастье, постигшем мадам Маруа.

Сестра Аполлония долго молилась. Старшая сестра у нее на глазах умерла в тяжелых родах.

«Женщины готовы жертвовать своей жизнью, чтобы подарить жизнь, — думала она в промежутке между молитвами. — Боже милостивый, спаси и сохрани нашу соседку Элизабет и всех матерей! Да пребудут они под твоей защитой!»

Она вслушалась в затихающие завывания бури. И мысли ее, полные сострадания, обратились вдруг к женщине, которая решила расстаться с Мари-Эрмин, без сомнения, ценой жестокого страдания.

«Бедняжка, как она, должно быть, горюет, лишившись своего ребенка!»

* * *

Очень далеко от Валь-Жальбера проснулась Лора. Жослин спал на полу, совсем рядом. Погруженная в сумерки комната казалась до странности тихой. Вместе со здоровьем к молодой женщине возвращалось осознание всего ужаса их положения. Вынести это у нее не было сил. Она думала о том, как это несправедливо и больно — проснуться без своей девочки, не ощутить прикосновения ее атласной кожи, не иметь возможности обнять ее, как она только что делала это во сне.

«Мое счастье, мое сокровище, я обнимала тебя крепко-крепко, и ты прижималась к моей груди. Ох, если бы только я могла вернуться назад, пойти в монастырскую школу и обнять тебя, увезти с собой!» — думала она, стараясь плакать как можно тише.

Лора рыдала до самого рассвета, призывая смерть, которая отказывалась прийти за ней.

Глава 3. Песня о клене

Валь-Жальбер, Mardi gras [\[7\]](#) 1916 года

Второй день шел снег. Жизнь в поселке Валь-Жальбер, казалось, замедлила свое течение, утопая в вихре пушистых снежных хлопьев. Но никому и в голову не приходило жаловаться, потому что дни и ночи стали не такими холодными. В домах гудели водонагревательные котлы, и большинство женщин в это утро смазывали жиром сковородки, чтобы напечь к празднику блинов.

Элизабет Маруа стояла на монастырском крыльце. Она уже трижды постучала и решила было, что сестры куда-то ушли. Наконец за дверью послышались шаги.

— Мадам Маруа! — удивленно воскликнула сестра-хозяйка, открывая одну створку двери. — Скорее входите!

В руке молодая женщина держала корзинку с крышкой. Она указала на нее монахине.

— Я принесла вам оладий, они еще теплые. Мне так и не выпало случая сказать вам спасибо. Карантин закончился, вот я и пришла.

Элизабет говорила тихо и немного стеснялась. В присутствии монахинь она робела, да и опасалась, что ей откажут в просьбе, с которой она к ним явилась.

— Занятия начнутся завтра, — уточнила сестра-хозяйка. — И нам много еще предстоит сделать. Желаете ли вы поговорить с настоятельницей?

— Да, если это удобно. Конечно!

Сестра Викторианна проводила гостью наверх. Элизабет наострила уши, надеясь услышать детский смех, но в монастыре царила абсолютная тишина.

Сестра-хозяйка постучала в одну из дверей, доверительным тоном сообщив:

— Это наш актовый зал. Иногда сестра Аполлония уединяется здесь, чтобы написать письмо или подсчитать расходы.

Мать-настоятельница встретила Элизабет доброжелательной улыбкой. Сестра-хозяйка удалилась.

— Что ж, дорогая мадам Маруа, вы выглядите совершенно здоровой. Прошу вас, садитесь!

Молодая женщина присела на стул, успев окинуть взглядом просторную, окрашенную в серые тона комнату. Из мебели там был стол, пара стульев, три скамьи и книжный шкаф. На одной из стен висело большое распятие.

— Здесь будет повеселее, когда молодежь из поселка устроит спектакль, — сказала настоятельница. — Это будет настоящая пьеса, так сказал наш дорогой кюре. В поселке Валь-Жальбер театрализованные представления стали доброй традицией, и я предложила провести ближайшее в нашем актовом зале.

Элизабет кивнула в знак одобрения.

— Мне хочется поблагодарить вас, матушка. В ту ночь вы спасли мне жизнь. Вы и другие сестры... Я не могла дожидаться, когда же наконец смогу выразить вам свою признательность. Муж сейчас дома, поэтому я оставила с ним сына и пришла к вам. Мы соседи, и я думаю, наш дом стоит ближе всех к монастырю. И как только я умудрилась тогда заблудиться? Мне стыдно за то, что я совсем потеряла голову. И я до сих пор оплакиваю ребенка, которого потеряла по собственной вине...

Сестра Аполлония внимательно всмотрелась в милое лицо Элизабет Маруа. Молодая женщина выглядела смущенной. Поэтому она сочувствующим тоном произнесла:

— Доброта Господа безгранична, и скоро он дарует вам радость снова стать матерью. А мы, спасая вас, лишь выполнили свой долг.

— Я принесла оладий, — тихо проговорила Элизабет. — Мой муж любит их больше, чем блины.

— Очень любезно с вашей стороны, моя дорогая мадам.

Настоятельница умолкла, положив ладони на стол, отделявший ее от посетительницы.

— Еще я хотела предложить вам свои услуги, — вдруг сказала молодая женщина, заливаясь румянцем. — От соседки я узнала, что вы ищете добропорядочную женщину, которая могла бы присмотреть за девочкой во время занятий в школе. Я живу совсем рядом и умею обращаться с детьми. Мой сын всего на полгода старше Мари-Эрмин. Они смогут вместе играть. Я знаю, что ее хотели доверить мадам Гарро, но до ее дома далеко, ведь он стоит у самой фабрики. И там очень шумно. Жозеф рассказал, что рабочие, занятые разделкой древесины на волокна, очень быстро глохнут, такой там шум.

Сестра Аполлония почувствовала, что за пламенной речью молодой женщины скрывается мольба. А Элизабет показалось, что тусклые глаза пожилой монахини видят ее насквозь.

— У меня были только младшие братья, — пояснила она. — И сын растёт непоседой. Мне бы очень хотелось позаботиться оде-ночке.

— Не сомневаюсь, дорогая мадам Маруа, — ответила настоятельница после паузы. — Я принимаю ваше предложение, оно говорит о доброте вашего сердца. Во время занятий малышка могла бы доставить нам немало хлопот, несмотря на то, что сестра-хозяйка, которая занимается с самыми маленькими, могла бы за ней присмотреть. А ваш супруг согласен?

— Да, конечно, — пробормотала Элизабет, краснея еще сильнее. — Иначе я бы никогда не решилась просить вас об этом.

Сестра Аполлония сдержала вздох. Отец Бордеро в красках расписал ей все семьи поселка. И чета Маруа занимала в этой картине достойное место. Жозеф, по словам кюре, держал жену, что называется, «под башмаком». Смягчившись, монахиня добавила:

— Разумеется, вы получите небольшое вознаграждение. Будьте так любезны, приходите за Мари-Эрмин завтра в восемь утра. Принести ее обратно можно в четыре пополудни, к концу уроков.

Элизабет задумалась. Кто же заплатит ей это вознаграждение? От мужа она знала, что родители платят за обучение по полдоллара за каждого ребенка. В этом году на занятия ходит больше восьмидесяти детей. Она быстро подсчитала в уме, как это обычно делал Жозеф, и тут же этого постыдилась. Ей было важно одно — чтобы малышка была с ней.

— Предупреждаю вас, мадам, — начала мать-настоятельница, — Мари-Эрмин послушная и веселая девочка, но спит она плохо.

Не думаю, что вам удастся уложить ее после полудня. Возможно, это добавит вам хлопот.

— О нет, что вы, матушка! — отрицательно помотала головой Элизабет. — Я могу на нее посмотреть?

— Конечно! Я провожу вас, мадам!

Мгновением позже Элизабет вошла в кухню. Трое других монахинь сидели вокруг стола. В посудном шкафу красовались цветастые тарелки и фарфоровые чашки. Гудела печка.

— Мадам Маруа! — воскликнула сестра Люсия. — Как приятно видеть вас здоровой!

После обмена приветствиями Элизабет отдала сестрам металлический судок с посыпанными мелким сахаром оладьями. Сестра Мария Магдалина, на чьих коленях сидела Мари-Эрмин, первой попробовала угощение. И дала кусочек малышке.

— Какая она хорошенькая! — умилилась гостя. — Какие у нее красивые голубые глазки! Просто куколка! Мне не терпится с ней

поиграть!

— Мадам Маруа будет забирать нашу подопечную на время уроков, — объявила мать-настоятельница. — Это лучше, чем отдавать девочку мадам Гарро.

Элизабет провела рукой по шелковистым светло-каштановым волосам девочки. Малышка подняла голову и доверчиво ей улыбнулась.

— Я дам вам тот же совет, что и сестре Марии Магдалине, мадам, — добавила настоятельница. — Не привыкайте слишком сильно к Мари-Эрмин. Мы отвезем ее в приют в конце июня, когда будем уезжать в Шикутими на каникулы.

Монахини перекрестились, но лица их помрачнели. Ни одной из четырех не хотелось расставаться с ребенком, которого кто-то оставил у их дверей. Сестра Мария Магдалина часто заморгала, сдерживая слезы.

— А если вернуться родители? — осмелилась спросить она.

— Будет видно, — откликнулась пожилая монахиня. — Шикутими — это ведь не край света. Если родители решат забрать свое дитя, они туда съездят.

Начиная со следующего дня Элизабет присматривала за Мари-Эрмин во время уроков. Вопреки совету сестры Аполлонии она всячески баловала и ласкала девочку и очень быстро искренне ее полюбила. Ребенок отвечал ей взаимностью. Элизабет нравилось собирать ее светло-каштановые волосы в хвостик на макушке и повязывать розовую ленту. Мари-Эрмин была очень красивой девочкой с большими голубыми глазами и розовыми губками, нежными, как готовый раскрыться бутон.

Поначалу Симон дулся, ревнуя маму к неизвестно откуда взявшейся сопернице, однако не прошло и недели, как он требовал Мари-Эрмин, едва открыв глазки поутру. Жозеф тоже поддался обаянию малышки. Девочка очаровательно хлопала в ладоши, когда чему-то радовалась, и, услышав ее звонкий, хрустальный смех, невозможно было не улыбнуться.

— Она забавная, — говаривал он не раз. — И себе на уме.

Однажды, получив зарплату, он принес из универсального магазина деревянный ящичек с кубиками. На каждой грани был фрагмент рисунка, и, чтобы увидеть картинку целиком, нужно было правильно сложить эти кубики. Элизабет обрадовалась игрушке. На следующий день она на глазах у восхищенных детей собрала все картинки.

«Добрый Боженька, сделай так, чтобы Мари-Эрмин подольше оставалась в монастырской школе!» — просила Всевышнего мадам Маруа, засыпая.

В это же время в своей спальне сестра Мария Магдалина с еще большим жаром молила Силы Небесные даровать ей эту же милость. Она проводила с малышкой больше времени, чем другие монахини, кормила ее по вечерам, одевала и купала. Мари-Эрмин спала рядом с ее постелью в маленькой деревянной кровати, подаренной кем-то из жителей поселка. Каждый вечер молодая монахиня склонялась над девочкой, внимательно смотревшей на нее своими глазками цвета небесной лазури.

— Пора спать, моя крошка! Закрывай свои славные глазки...

И, пока девочка не заснет, напевала снова и снова песню «Кленовый лист»: [\[8\]](#)

...Но осветился зарею лес
И стал небосвод прозрачен и чист:
Милосердный Иисус спустился с небес
И выбрал красивый кленовый лист.
С того светлого дня там и тут —
На бескрайних равнинах И в горных долинах —
Клены в Канаде растут [\[9\]](#).

Голос у сестры был нежный, слова звучанием напоминали журчание ручья. Малышка, зевая, свернулась калачиком под своим одеялом. Радуюсь тому, что она уснула, монахиня сняла покров и коснулась своих коротко обрезанных волос. Близость Мари-Эрмин волшебным образом прогнала из сердца молодой женщины тоску.

— Разве можно тебя не полюбить? — проговорила она шепотом. — Ты — дитя снегов, соковище, которое мне посчастливилось найти. И я люблю тебя, люблю всей душой.

Сестра Мария Магдалина часто вспоминала, как услышала писк и увидела меховой сверток. Этот день ей не забыть никогда!

— Быть может, это было Божье знамение, — с удовольствием повторяла она себе. — Какое будущее мне уготовано? Почему я должна отказаться от счастья воспитывать эту малышку?

Сестра Мария Магдалина со страхом ожидала лета. Она считала, что отправлять Мари-Эрмин в приют несправедливо, и полюбила зиму, зажавшую край в свои ледяные тиски. Озеро Сен-Жан превратилось в

огромную белую пустыню, а земли вокруг него укрыла толстая снежная перина.

* * *

На берегу реки Перибонки

Под неодобрительным взглядом жены Анри Дельбо надел свои снегоступы. Индианка, кутаясь в тяжелый бобровый полушубок, сидела на пороге хижины.

— Клеман, принеси ружье! — сухо приказал он сыну. — Хорошо, если удастся что-нибудь подстрелить. До конца зимы далеко, и свежее мясо — как раз то, что нам нужно.

Мальчик сбегал за ружьем.

— Я вернусь через два дня, не позже, — сказал Анри. — Роланд, не дуйся. Нет ничего странного в том, что я хочу навестить Жослина и его несчастную жену.

Он закинул за спину увесистую переметную суму. Новым знакомым Анри нес немного кофе, сахара и муки — щедрый дар, вызвавший негодование супруги. Но вслух она ничего не сказала, опасаясь мужниного гнева.

— Позаботься о матери, Клеман, — добавил Анри. — Этой ночью и прошлой я слышал волков. Они сейчас голодные.

Индианка легко вскочила на ноги, позвала сына в дом и закрыла за собой дверь. Дельбо усмехнулся и отправился в путь. Он давно привык к перепадам настроения своей супруги.

В доме золотоискателя Жослин и Лора провели больше двух недель. Мужчины прониклись друг к другу симпатией. За партией домино, пока женщины спали, перед Анри понемногу разворачивалась история злоключений его гостя.

«Этому парню очень не повезло, — думал Анри. — Лучше бы ему возиться со своими расчетными книгами... Тем более когда у тебя такое образование!»

Он шел быстро, прислушиваясь к поскрипыванию своих снегоступов. К этому моменту Анри Дельбо знал, какого рода несчастье постигло эту семью, за исключением одной важной детали — ему ничего не было известно о том, что на крыльце монастырской школы в Валь-Жальбере чета Шарденов оставила свою годовалую дочь.

Жослин Шарден не так давно стал траппером. В течение пяти лет он работал бухгалтером в магазине в Труа-Ривьер. Однажды в магазине начался пожар. Зимой такие случаи не были редкостью. В сильные морозы люди грелись, как могли, и часто, вследствие чьей-то рассеянности или недосмотра, огонь перекидывался из печи на мебель, в считанные минуты уничтожая всю постройку.

У Жослина были кое-какие сбережения. Пока не найдется другая работа, они будут подспорьем для них с Лорой — молодой бельгийской эмигранткой, на которой он недавно женился.

Молодая женщина покинула родную Фландрию после смерти обоих родителей. В Квебек она отправилась по приглашению своего старшего брата Реми, жившего в городке Труа-Ривьер, на реке Святого Лаврентия. Но обещанного в письмах горячего приема девушка не дождалась — за несколько дней до прибытия сестры Реми погиб в результате несчастного случая на своем рабочем месте — в кузнечном цеху фабрики Сен-Морис. Не описать отчаяния, которое охватило Лору, когда, едва ступив на землю Квебека, она узнала о смерти брата. Чтобы как-то прожить, она устроилась горничной в одну из гостиниц бурно развивающегося городка.

Вспоминая этот эпизод рассказа, Анри невольно задавался вопросом: почему Жослин, который на свои сбережения мог открыть небольшую лавку, предпочел купить собачью упряжку, капканы и ружье?

Золотоискатель ускорил шаг. Путь ему указывали собственноручно сделанные на древесной коре зарубки да изгибы реки, такой же белой, как и окружающий ее пейзаж.

«У трапперов нелегкая жизнь, хоть многие и думают, что денег они зарабатывают немеряно... А может, он просто хотел спрятать от всех свою красавицу Лору. И, как оказалось, правильно делал».

Жослин слегка запутался в объяснениях, когда речь зашла о трагедии, навесившей на него ярлык преступника. Из его слов явствовало, что вся вина за случившееся лежала на одном человеке, который был влюблен в Лору и взбесился, узнав, что она вышла замуж за Шардена.

«Однажды мы заехали в Труа-Ривьер к торговцу, который отправлял меха в Европу и давал за них хорошую цену, — рассказывал хозяину дома Жослин. — Я поселил Лору в гостинице, и она, сидя у окна, ждала моего возвращения. И этот человек ее увидел. Вечером, когда мы шли ужинать, он на нее набросился — схватил за волосы, отхлестал по щекам, а потом поцеловал в губы. Она отбивалась, кричала. Он с силой потряс ее за плечи, а потом швырнул на землю. Она потеряла сознание. Увидев это, я обезумел от ярости. Такого со мной в жизни не случалось. Мы были на безлюдной

улочке. Я подскочил к этому человеку, и мы подрались. Может, он был пьян и поэтому слаб... Не знаю, но только, получив удар кулаком в челюсть, он упал назад, головой о мостовую. Наверное, размозжил себе череп. Я этого не хотел! Я пытался его поднять, но он был мертв. Тогда я подхватил Лору на руки и побежал к гостинице, где быстро запряг собак. У меня было три тюка шкурок и немного наличных денег. Основную часть сбережений я успел положить в банк. Там они и сейчас».

Низкий голос Жослина все еще звучал в ушах Анри. Правда все это или ложь? Местами в рассказе проскальзывали нотки фальши.

«И все-таки я не могу понять, почему вместо того, чтобы самому явиться в полицию, он предпочел бежать, взяв с собой Лору. Это был несчастный случай, самозащита, — думал золотоискатель. — Может, сегодня вечером я узнаю новые подробности... И отчего так ослабела Лора? По-моему, Жослин говорил, что у нее долго держалась высокая температура...»

Он уже предвкушал обед у очага, в хижине, где он восемнадцать дней назад устроил своих гостей. Кроме муки, он угостит их кофе и сахаром, подарит пару банок сгущенного молока... И может, Лора, которую он видел не иначе как в слезах, ему улыбнется... Почему она все время плачет? Оттого, что ее муж совершил преступление?

Ледяной воздух пронзил жуткий вой. Вдалеке Анри разглядел серые силуэты.

— Проклятые волки! — выругался он. — Зимой они готовы на все, лишь бы набить брюхо!

Он взял в руки ружье. Обычно волки не нападают на людей, боятся, но, когда они собираются стаяй, осторожность не помешает. До барака оставалось не меньше мили. Наконец он увидел деревянную постройку.

— Почему из трубы не идет дым? — сердито спросил он вслух, стараясь совладать с растущим беспокойством.

Анри ускорил шаг. Над поляной кружили вороны. Под кленом он увидел какую-то темную массу, а поодаль — такую же, но поменьше. Даже с этого расстояния было ясно, что это тела мужчины и животного — собаки или волка. Во рту мгновенно пересохло. Анри поспешил туда. На месте драмы снег был покрыт следами и пятнами крови.

— Боже милосердный! — простонал он.

Тело Жослина узнать было невозможно, разве что по сапогам и куртке. В животном Анри признал Бали, лучшего пса из упряжки Шардена.

— Да что тут стряслось? — пробормотал золотоискатель. — Гола замерзли. Они умерли не сегодня. Может, вчера?

Мысли его тут же обратились к несчастной Лоре. И все-таки он склонился над трупом траппера, чтобы рассмотреть его получше. Грудная полость тела была вскрыта. Волки сожрали печень и легкие. Борясь с отвращением, Анри осмотрел лицо и выругался.

— Это не волчья работа! Этот парень получил пулю в лицо!

Сгорая от беспокойства, он тяжелым шагом направился к бараку. Дверь была заперта. Он постучал и позвал:

— Лора! Лора!

Ответа не последовало. Тогда Анри поднажал на дверь плечом, и она поддалась. На первый взгляд в комнате было пусто. Огонь в очаге давно погас.

«Наверное, она испугалась и убежала, — предположил он. — И к этому времени уже замерзла насмерть».

Внезапно его чуткое ухо уловило какой-то звук — словно кто-то ритмично постукивал по полу. Анри прислушался.

— Лора?

Совсем рядом раздался приглушенный возглас. Анри наклонился и заглянул под убогое подобие кровати. Там, прижавшись к деревянной стене дома, в полумраке, лежала Лора. Все ее тело сотрясала дрожь.

— Вылезайте, — сказал он, думая, как ее успокоить. — Опасности больше нет. Не надо бояться. Я — Анри Дельбо, золотоискатель. Я привел сюда вас с мужем, с вашим Жослином. Помните?

Он протянул руку, желая ей помочь. Лора испуганно вскрикнула. Они посмотрели друг на друга. В прекрасных глазах молодой женщины застыл животный страх.

«Да она обезумела от ужаса, несчастная!» — подумал он.

— Мадам, я не причиню вам вреда, — ласково сказал он. — Сейчас я разожгу огонь и сварю кофе.

Анри приступил к делу, сам не свой от волнения. Жослин мертв! Бедная его жена!

Треск костра и аромат кофе прогнали страхи Лоры — она выбралась из своего укрытия и подползла к очагу. На губах ее блуждала безумная улыбка.

— Вот и хорошо, тут вы согреетесь, мадам Шарден, — глядя на нее с состраданием, сказал Анри.

Молодая женщина была очень худа, мертвенно-бледна и растрепана. На руках виднелись следы обморожения, губы потрескались до крови. Она устроилась прямо на полу, у очага, и настороженно, словно пугливое животное, следила за движениями мужчины.

— Теперь вы меня узнали? — спросил он.

Лора не слушала его. Как завороченная, она наблюдала за танцем оранжевых языков пламени. Анри на мгновение закрыл лицо руками. Нужно похоронить Жослина, но это может подождать до завтра. Первой заботой было приведение в порядок убогой хижины, которую предыдущие жильцы сложили из бревен и листового железа. Золой он почистил две чашки, протер их куском бумаги. Лора выпила свой сладкий кофе.

— Спасибо, месье, — пробормотала она растерянно.

— А, значит, вы все-таки меня узнали! — воскликнул Анри с облегчением.

Однако в ответ молодая женщина промолчала, и вид у нее был все такой же растерянный. Зимой ночь наступает рано — за единственным в бараке окошком стемнело. Анри открыл банку консервированной фасоли и предложил ее Лоре. Та стала жадно есть.

«Господи! — повторял он про себя. — Где, интересно, остальные собаки? Что ужасного они натворили, чтобы заслужить такое?»

Золотоискатель прокручивал в голове варианты трагедии, но ни один не мог признать полностью достоверным. Он подошел к полке и стал искать баночку с солью, которой снабдил гостей. На глаза ему попался конверт. На нем он прочел свое имя.

— Вот тебе раз! — проворчал он.

Анри Дельбо читал с трудом. Больших усилий ему стоило разобрать следующее:

Моему другу Анри Дельбо.

Я оставляю эту записку на случай, если вы придете нас навестить. Лора сошла с ума. Она меня не узнает. Волки загрызли трех моих собак. Мы изнемогаем от холода и голода. У меня не хватает смелости убить любимую жену, но со своей жизнью я намерен покончить. Не могу больше бороться. Больше нет сил. Если вы найдете Лору живой, отвезите ее в больницу. Настоящим я завещаю вам упряжку и деньги, которые я положил в банк.

Жослин Шарден

Час ушел на изучение этой записки. Анри одно за другим повторял слова, но не мог вникнуть в их суть. Наконец он сложил письмо и бережно

спрятал его во внутренний карман куртки.

«Господи, а ведь я хотел их навестить два или даже три дня назад! Приди я раньше, этого бы не случилось! Он совсем отчаялся, раз решил наложить на себя руки! Но оставлять жену на произвол судьбы — не по-мужски...»

Растерянный, подавленный случившимся, Анри остервенело скреб подбородок. Он был зол на Жослина.

«Он трус, вот и все. Как можно оставить женщину одну, без пищи и огня? Если бы я не пришел, она бы умерла в страшных муках!»

Почувствовав на себе взгляд, он обернулся. Лора смотрела на него со странным выражением.

— Я очень боюсь одного человека, — жалобно пробормотала она. — Он был здесь, со мной. Он бил меня, кричал. А однажды утром приставил дуло к моей груди. Я стала звать на помощь, спряталась под кровать. Он ушел, а потом я услышала выстрел.

Молодая женщина изъяснялась на правильном французском, но слегка растягивала слова. Анри ничего не смыслил в медицине и понятия не имел, как можно помочь Лоре. Похоже, некоторые воспоминания о прошлом выпали у нее из памяти, но говорила она не как сумасшедшая.

«Чертовщина какая-то! — думал он. — Она не помнит, кто я. Наверное, так же получилось и с Жослином».

Он понурил голову, огорченный. Однако ему предстояло сыграть навязанную ему роль до конца.

— Завтра я отвезу вас к нам домой, — дружеским тоном сказал он. — Моя жена Роланд о вас позаботится.

— Вы очень добры, месье, — ответила Лора.

Анри укутал ее одеялом и зажег свечу.

— Сегодня ночью мы хорошенько отдохнем, а завтра отправимся в путь, — продолжал он. — Спите спокойно, я посижу за огнем.

Золотоискатель раздумывал о том, что ему теперь делать. Он мог бы рассказать Лоре, как она оказалась на берегу реки Перибонки, объяснить, что человек, которого она так испугалась, на самом деле был ее мужем... Но жалость к ней взяла верх над другими мотивами.

«И что это даст? Она немного успокоилась, ей лучше. Если я скажу, что Жослин умер, это станет для нее ударом. Пока она ничего не знает, ей спокойнее».

Встал Анри на рассвете. Он работал как вол, чтобы похоронить траппера. Сначала разрыл снег и положил на землю истерзанные волками останки. Потом принес из сарая камни и закрыл ими тело. Когда с этим было покончено, установил над могилой сколоченный из двух дощечек крест.

— Покойся с миром, Жослин Шарден, — сказал он и перекрестился. — Твои горести кончились, а мои только начинаются.

Останки собаки он прикрыл сосновыми ветками. Когда они будут уезжать, Лора не должна этого видеть. Упряжку он нашел в маленьком сарае. Анри решил захватить с собой и ружье. Оно было прекрасного качества и стоило дорого. Ружье он спрячет под багажом.

Войдя в хижину, он увидел, что молодая женщина уже проснулась и покорно ждет его, сидя на краешке своей кровати.

— Мы сейчас в Квебеке, месье? — спросила она.

— Да, — ответил он чуть растерянно.

— Мой брат Реми наверняка волнуется. Он работает в городе, который называется Труа-Ривьер. Мне бы хотелось туда попасть.

— Это далеко отсюда, мадам.

Он не осмеливался называть ее по имени. И все-таки несколькими минутами позже имя «Лора» сорвалось с его губ, когда он усадил ее в сани и попросил поплотнее завернуться в одеяла. Она робко улыбнулась, но ничего не сказала. Из этого Анри заключил, что собственное имя женщина не забыла.

Анри решил, что ломать голову, пытаясь понять подоплеку случившегося с супругами Шарден, — напрасный труд. Он отвезет Лору домой и проследит, чтобы Роланд окружила ее заботой. А с приходом лета отвезет бедную женщину в больницу. Золотоискателю приходилось слышать об амнезии, но знаниями о природе заболевания и способах его лечения он не располагал.

«Что-то случилось с ее мозгами, — заключил он. — Слава Богу, что она хотя бы перестала плакать».

Лора Шарден доверилась человеку, который не только спас ее от холода и голода, но и напоил сладким кофе и разжег очаг в этой ужасной хижине... Она позабыла о любви, связывавшей ее с Жослином, и даже о маленькой девочке по имени Мари-Эрмин, которая стала плодом этой любви.

Молодая женщина уже сидела в санях. Анри впрягся вместо собак. Несмотря на холод, он быстро взмок — так торопился уйти подальше от старой хижины, что к наступлению темноты уже был дома.

На языке индейцев монтанье он рассказал жене о случившемся. Супруга пообещала позаботиться о вдове. Клеман так ничего и не узнал о трагедии: родители решили, что он еще слишком мал. Но в присутствии Лоры он чувствовал себя неловко.

Остаток зимы и весну Лора почти безотлучно просидела у окна, напевая песню о клене.

* * *

Валь-Жальбер, весна 1916 года

В начале мая у Элизабет Маруа случился очередной выкидыш. Целых два дня она лила слезы. Рыдала на кухне, когда готовила, когда гладила белье... И по ночам тоже. Жозеф не знал, чем ее утешить.

— Не горюй, Бетти! В следующий раз все будет хорошо, — повторял он, когда они ложились спать.

— Мне кажется, меня наказывают, но я не понимаю за что, — жаловалась Элизабет мужу. — Скоро в универсальном магазине на меня будут показывать пальцем! Анетта Дюпре уже распустила свой поганый язык — рассказывает всем, что я сделала это нарочно!

— Может, тебе нужно немного поберечь себя, — отозвался муж, не на шутку взволнованный. — Ты часто берешь Эрмин на руки, носишь ее по дому. Твоя мать тебя предупреждала — в первый месяц нельзя носить тяжести!

Рабочий привык называть девочку Эрмин: полное имя казалось ему слишком длинным. В домашней обстановке Элизабет следовала его примеру, однако в присутствии сестер, приводивших девочку по утрам и забиравших ее ближе к вечеру, она звала ее Мари-Эрмин.

Молодая женщина вытерла мокрые щеки. Она догадалась, к чему клонит муж, поэтому решила сыграть на опережение:

— И не проси меня отказаться нянчить Эрмин, Жозеф. Я не раз говорила тебе — я привязалась к этому ребенку. Я даже подумала, что...

— Ну, о чем ты подумала? — спросил он.

— Я хотела предложить сестрам оставить девочку у нас на лето, пока они будут в Шикутими. Эрмин всего полтора годика, в приюте ей будет плохо. Сестра Мария Магдалина со мной согласна. Мы заменяем крошке мать.

— Кто это — мы? — со вздохом поинтересовался муж.

— Эти святые женщины и я, — шмыгнула носом Элизабет. — Мать-настоятельница — сестра Аполлония, — пообещала подумать.

— Чует моя душа, скоро ты заведешь речь о том, чтобы ее удочерить! — недовольно сказал Жозеф. — Эрмин милая девочка и куда послушнее нашего сына, но если уж я и буду воспитывать ребенка, то только родного!

На этом разговор закончился. Через открытое окно в комнату проникал тонкий аромат влажных трав и диких цветов. Из соседних домов доносились голоса и смех, издалика — приглушенный гул фабрики, похожий на ворчание голодного зверя. Фабрика работала с полной нагрузкой. В Европе все еще бушевала война, и фирма «Ouiatchouan Falls Paper Company» была завалена заказами.

Многочисленные вагоны, груженные кипами бумажной массы, на рассвете отправятся в Роберваль, оттуда — в порт Шикутими и далее — в Квебек. Жозеф часто думал об этом. Перерабатывая древесное волокно, полученное из выросших в родном краю деревьев, прессуя губчатые сгустки, которым вскорости предстояло стать бумажной массой, он думал о том, какая судьба уготована его продукту. Суда перевезут бумагу через Атлантический океан, и там она превратится в газеты, которые возьмут в руки и станут читать жители других стран. Пресса достигла феноменального расцвета, и рабочий был этому рад. Он дорожил своим местом и своей зарплатой.

— Это утомительно — до самого сентября нянчиться с Эрмин, и прежде всего для тебя, Бетти, — возразил он. — Я хочу еще одного сына, понимаешь?

— Монахини заплатят за содержание девочки, — заверила она мужа. Это был ее последний козырь.

— Ну, если так, делай как хочешь, Бетти, — зевая, сказал Жозеф. — Но ты больше не будешь таскать ее на руках.

Удовлетворенная ответом, молодая женщина дала обещание.

* * *

Теплый благоуханный воздух вливался в раскрытые окна монастырской школы, отделенной от дома семьи Маруа всего несколькими десятками метров. Сидя на краешке кровати, сестра Мария Магдалина вглядывалась в лиловое, усеянное звездами небо. Красота Валь-Жальбера в эти погожие и радостные майские дни ослепляла ее. Нигде не было и следа

снега. Листва на деревьях, тысячи цветов на лугах, молодая травка вдоль дорог и тропинок до неузнаваемости изменили облик поселка.

Молодая монахиня прислушалась. Наконец она различила далекий рокот водопада и, полуприкрыв веки, представила, как стремительно несется и пенится река Уиатшуан, разбиваясь о камни. Безграничные запасы энергии и жизненной силы таились в этом неутомимом потоке, стремящемся к озеру Сен-Жан...

Мари-Эрмин едва слышно вздохнула во сне. Сестра Мария Магдалина посмотрела на девочку.

«Разве может быть что-то прекраснее, невиннее спящего ребенка?» — подумала она.

По нутру деревьев и растений разливался живительный сок, возрождалась к жизни природа, и молодая монахиня ощущала, что это перерождение затронуло и ее девственную плоть. Однако терзавшие ее сомнения она скрывала столь же старательно, как иные прячут симптомы постыдной болезни.

«Если у меня заберут мою обожаемую Мари-Эрмин, я разорву обет. Я еще могу выйти замуж и родить собственного ребенка!»

Покраснев, как маков цвет, сестра Мария Магдалина взяла четки. Через неделю или две матушка-настоятельница скажет, что намерена делать с девочкой.

«Господи, прошу тебя, сделай так, чтобы наша дорогая сестра Аполлония согласилась доверить Мари-Эрмин нашей соседке! Добрый Боже, не забирай у меня это дитя, я люблю ее всем сердцем! Она вернула мне надежду, только благодаря ей я снова захотела быть счастливой!»

Не кто иной, как романтическая Анжелика, продолжавшая жить мод монашеским покровом сестры Марии Магдалины, решила помочь Провидению...

В одно июньское утро сестра-хозяйка, всегда встававшая с петухами, нашла просунутый под входную дверь листок бумаги, свернутый вчетверо. Послание было адресовано сестрам, без уточнения имен. Мать-настоятельница протерла очки и прочла его.

— Что ж, Господь услышал наши молитвы, — сказала она, хмуря брови. — Эту записку оставили родители Мари-Эрмин. Летом они приедут, чтобы ее забрать. По-моему, у этих людей странные манеры. Я бы сказала даже — весьма эксцентричные.

Монахини обменялись удивленными взглядами. Удивленной выглядела и сестра Мария Магдалина, хотя щеки ее слегка порозовели. Когда о находке сообщили кюре, тот посоветовал оставить девочку на лето

в семье Маруа.

— Я как следует отчитаю родителей вашей подопечной! — объявил он. — И потребую возмещения всех расходов, которые вы понесли, ухаживая за ней!

Элизабет каждый день ждала, что в Валь-Жальбер явятся таинственные родители Мари-Эрмин. Чаше обычного она украшала кудряшки девочки лентами и ласкала ее, горько сожалея о скорой разлуке. Очень часто молодая женщина прогуливалась от дома к фабрике и обратно, держа за ручки своего сына и маленькую подопечную. Это было благословенное время конкурсов на лучший сад, светлых платьев и веселых застолий на террасе отеля.

Процветание царило в Валь-Жальбере, процветание и безмятежность, ничем и никем не нарушаемые. А сестра Мария Магдалина, вернувшись из Шикутими и снова увидев колокольню монастыря и дом семьи Маруа, знала наверняка, что снова обнимет свою дорогую Мари-Эрмин.

* * *

Монастырская школа, конец сентября 1918 года

Прошло больше двух лет. Война все никак не кончалась. Множество канадцев умирало вдалеке от родины, но многие и возвращались из Европы: одни — ранеными, другие — здоровыми. Они рассказывали соотечественникам об ужасах сражений, оплакивали миллионы погибших.

Целлюлозная фабрика работала все также активно, а в остальном жизнь поселка Валь-Жальбер текла размеренно и спокойно. Клены оделись в пурпур, березы — в оттенки светлого золота.

Осень одаривала людей последними дикими плодами. У крылечек и вдоль оград зацвели сиреневые астры.

Сестра Аполлония, занимавшаяся со старшими детьми, указала на тринадцатилетнюю Жанну, старшую девочку Тибо. Та встала, машинально расправляя свой наглаженный и накрахмаленный фартук. Светло-каштановые волосы девочки были заплетены в косу и уложены красивым венцом.

— Жанна, прошу вас, ваш урок по истории! Только три строчки! Продолжать будет Марта.

Настоятельница ободряюще улыбнулась своей ученице. Этот год должен был стать для нее последним в качестве преподавателя. Скоро на ее

место придет новая директриса.

— Колонизацию Новой Франции, — приступила к изложению текста Жанна, — начал французский путешественник Самюэль де Шамплен. В 1608 году он основал поселение европейцев недалеко от индейской деревушки Стадакон, впоследствии ставшее городом Квебек.

— Очень хорошо. Теперь вы, Марта.

В дверь постучали. Вошла сестра-хозяйка и торопливым кивком поздоровалась с учениками.

— Матушка, мне нужно с вами поговорить!

Пожилая монахиня с неудовольствием последовала за сестрой Викторианной в коридор.

— Что случилось? — спросила она.

— У мадам Маруа начались роды. На три недели раньше срока! Ее соседка, мадам Дюпре, пришла нас предупредить. Мари-Эрмин снова убежала. Наверное, испугалась криков своей нянюшки.

— Мари-Эрмин не могла уйти далеко. На этот раз ее следует наказать. Идите к сестре Марии Магдалине, она лучше нас знает характер девочки. И скажите, чтобы она отправила своих учеников в мой класс, а сама шла искать Мари-Эрмин!

Не сказать, чтобы Мари-Эрмин сильно испугалась, услышав жалобы и крики своей нянюшки, которую она, как и Жозеф, звала Бетти. Но Симон сегодня особенно усердно дразнил ее и щипал. В конце концов девочка показала ему язык и убежала во внутренний двор. Неделю назад она точно так же сбежала из монастыря, потому что сестра-хозяйка ее отругала.

Мари-Эрмин была очень наблюдательным ребенком и любила открытые пространства. Красота природы завораживала ее. Девочка обожала собирать ромашки, играть с котом семейства Дюпре и особенно — петь.

Прихожанам отца Бордеро выпал случай в этом убедиться во время Рождественской мессы 1917 года. Крошка Мари-Эрмин слушала хвалебные хоралы с восторженным видом, раскачиваясь из стороны в сторону все быстрее и быстрее. Попытки сестры Люсии призвать дитя к порядку окончились ничем — одетая в розовое шерстяное платье и украшенный кружевами чепчик, девочка слышала только наполняющее церковь прекрасное пение, и ничего больше.

Монахини часто вспоминали об этом случае за столом или во время очередного ночного бдения.

— До самой смерти этого не забуду, — говорила сестра Викторианна. — Сидит себе на скамеечке, качается из стороны в сторону и

машет ножкой в такт!

— Хор тогда пел «Родился Сын Божий» ^[10], — с гордостью уточнила сестра Мария Магдалина. — И, когда песня закончилась, несмотря на шум в церкви, все услышали, как поет наша Мари-Эрмин! Закрыв глазки, она усердно подражала хору! Как это было трогательно!

Настоятельница сочла этот случай не слишком приятным — некоторые дамы поселка выказали свое неудовольствие. Но подавляющее большинство прихожан смеялось или улыбалось. С этого дня сестра Мария Магдалина стала разучивать с Мари-Эрмин детские считалочки — монахиня давно заметила, что малышка лучше запоминает слова, если их напевать.

Мадам Маруа не раз повторяла мужу, что Мари-Эрмин говорит лучше и правильнее, чем их собственный сын Симон. Когда девочка была у них в доме, Элизабет часто просила ее спеть «Жаворонок, мой милый жаворонок!» ^[11]. Мари-Эрмин, слегка пришепывая, повторяла припев песенки и хлопала в ладоши. Даже Жозеф не мог устоять перед ее очарованием и забывал о своей привычной роли ворчуна...

В этот осенний день Мари-Эрмин, гордая своей вылазкой, шла по вьющейся среди лугов тропке и напевала вполголоса. Тропинка вела от поселка к фабричной железнодорожной станции. Монахини запрещали ученикам ходить этой дорогой, предпочитая улицу Сен-Жорж. Они полагали, что без присмотра взрослых на обрамленной лугами и кустарником тропинке, скользкой зимой и грязной по весне, детям ходить небезопасно.

— Яблочки-ранетки, красные бока! Красные бока! Красные бока! — повторяла она, опьяненная свободой и простором.

Жок, старый терьер местного сапожника, бежал за ней следом. Мари-Эрмин быстро приоровилась к ритму движения своего неожиданного компаньона, такого же маленького, как и она сама. И если пес сломя голову неся за лаской, девочка весело бежала следом.

Мари-Эрмин была довольно маленькой для своих трех с половиной лет, со светлой кожей и волнистыми светло-каштановыми волосами до плеч. Широко раскрыв огромные голубые глаза, она любовалась одевающейся в осенний наряд природой. Эти глаза и смешливый ротик — вот что первым делом видел человек, когда смотрел на ее лицо.

Монахини отмечали день рождения девочки в праздник Богоявления, поскольку точная дата рождения была им неизвестна. В качестве подарка малышка получала картинку религиозного содержания и сахарную

фигурку. Девочка была очень ласковой и развитой не по годам. Случалось, сестра-хозяйка рассказывала жителям поселка, что Мари-Эрмин, которой иногда приходилось сидеть в классах, незаметно для себя запоминала много полезных вещей.

Собака вдруг залаяла. Поперек тропинки встала белая корова семейства Дюпре. Эта громадина бродила, где ей хотелось, потому что ни Анетта, ни Амеде не давали себе труда ее привязать. Мари-Эрмин остановилась, пораженная величиной животного.

— Не шевелись! — послышался откуда-то женский голос. — Прошу тебя, стой на месте!

Девочка узнала хрустальный тембр сестры Марии Магдалины. Молодая хрупкая монахиня, одетая в черное платье своей конгрегации, бежала к ней со всех ног. Она схватила малышку и прижала ее к сердцу.

— Мой маленький ангел! Как я испугалась! Почему ты убежала из дома нянюшки? И это во второй раз! Тебя ведь тогда отругали, но ты взялась за свое!

— Симон плохой, он меня щипал, — пояснила Мари-Эрмин. — А Бетти плакала.

— Но ведь нельзя же убегать из дома каждый раз, когда Симон тебя ущипнет или потянет за волосы! — ласково выговаривала девочке молодая монахиня, целуя ее в лобик. — Нужно было подождать, пока я не приду. Счастье, что я увидела тебя с крыльца, а потом услышала, как лает Жок. У тебя быстрые ножки, плутовка!

Мари-Эрмин обняла монахиню за шею. Та, увидев неподалеку пенек, подошла к нему и села, устроив девочку у себя на коленях. Корова побрела прочь.

— Сокровище мое, помнишь, что я тебе говорила в воскресенье вечером, после мессы?

— Да! Что ты станешь моей мамочкой!

Сестра Мария Магдалина дрожала от волнения. Уже много месяцев она вела переписку со своими родителями и церковными властями. Решение было принято: в начале 1919 года молодая женщина вернется к мирской жизни. Семья ее была на седьмом небе от счастья.

— Я стану твоей официальной опекуной, — сказала она девочке, которая следила глазами за полетом голубя. — И до совершеннолетия ты будешь моей доченькой. «Опекунша», «совершеннолетие» — такие сложные слова, правда? Не будем обращать на них внимание, главное — мы будем вместе. И никто нас не разлучит.

Мари-Эрмин звонко расцеловала монахиню в обе щеки. Она любила ее

всей своей детской душой. От сестры Марии Магдалины девочка не видела ничего, кроме любви и ласки. Вот уже три года та заменяла ей мать.

Решение нарушить монашеский обет созрело годом ранее, когда Симон Маруа начал звать Элизабет мамой с радостной настойчивостью ребенка, недавно открывшего для себя возможность изъясняться словами. Мари-Эрмин стала за ним повторять, но нянюшка ее остановила:

— Увы, я не твоя мама!

Тем же вечером, услышав адресованные ей эти два слога, сестра Мария Магдалина заставила себя сказать:

— Тебе нельзя называть меня мамой.

На ее взгляд, это было очень жестоко. Столь прочные узы связывали монахиню с Мари-Эрмин, что она уже не могла себе представить жизни без этого ребенка. При одной мысли об этом она покрывалась холодным потом. Ради того чтобы не расставаться с ней, двумя годами ранее молодая монахиня не колеблясь написала фальшивую записку, подделав почерк так, чтобы было похоже, будто ее написал тот же человек, что и ту, первую, найденную в чепчике Мари-Эрмин. Но эта ложь тяжким грузом легла на сердце. Она даже исповедовалась в этом грехе кюре. Отец Бордеро, естественно, тайну исповеди сохранил, но впредь запретил совершать недостойные ее сана поступки. И вот, сохранив глубокую веру в Бога, сестра Мария Магдалина вознамерилась со спокойной совестью отказаться от принятых обетов. Одна только мать-настоятельница знала о ее намерениях.

— Ваше призвание рождено большим горем, поэтому временами я сомневалась в правильности принятого вами решения, сестра, — говорила она. — Надеюсь, позднее вы не пожалеете о своем выборе и Господь будет направлять ваши поступки. Вы сможете преподавать в мирской школе, если захотите. Остается нерешенным вопрос о родителях Мари-Эрмин. Сомневаюсь, что эти люди когда-нибудь объявятся, несмотря на найденную нами записку. Однако, если это все-таки случится, господин кюре направит их к вам.

Сестра Аполлония отнеслась к ситуации с пониманием. Она часто задумывалась о судьбе Мари-Эрмин, и ей приятно было осознавать, что девочка попадет в состоятельную семью коммерсантов.

— А теперь нам пора возвращаться, Эрмин, — вздохнула сестра Мария Магдалина. — И мы вместе помолимся о нашей дорогой Элизабет.

Девочка подняла голову и спросила:

— А я смогу завтра увидеть маленького? Анетта сказала, что у Элизабет будет маленький.

Монахиня поправила розовую ленточку в волосах ребенка. И, умиленная, снова ее поцеловала.

— Конечно, мы пойдем посмотреть на малыша. Но не завтра, а через неделю. Эти дни ты будешь со мной, а во время занятий за тобой присмотрит сестра Викторианна.

Обычно в присутствии таких маленьких детей, как Мари-Эрмин, вопросы беременности или материнства не обсуждались. Несмотря на то что Элизабет с некоторых пор носила просторные платья, чтобы скрыть свое положение, Мари-Эрмин часто спрашивала, почему у нянюшки так округлился животик, но никто не давал ей ответа.

Сестра взяла малышку за руку. Они не спеша вернулись к монастырю. Ветер был ласковым и свежим. Возвышаясь над рядом домов, сверкал на солнце водопад, похожий на причудливую драгоценность, вставленную в склон холма.

Сестре Марии Магдалине пришло на ум, что Валь-Жальбер — благословенное Господом место, особенно прекрасное во время бабьего лета, когда пламенеет листва кленов, вязов и буков...

Проходя мимо дома семьи Маруа, обе услышали душераздирающий крик. Окно спальни второго этажа было распахнуто настежь.

— Бетти больно! — закричала Мари-Эрмин.

— Да, но она быстро поправится, — ответила монахиня, увлекая ребенка на крыльцо монастырской школы.

Смена Жозефа начиналась в семь вечера. Он кружил по кухне с трубкой во рту. Пронзительные крики Элизабет сводили его с ума. Временами она испускала хриплый, почти звериный вопль, и это было еще хуже.

«Бетти, будь молодцом! — повторял он про себя. — С первенцем, Симоном, она так не мучилась. Что-то пошло не так...»

Акушерка была рядом с его женой. Анетта Дюпре увела к себе испуганного Симона. Сама она в прошлом году родила своего пятого ребенка — девочку весом в шесть фунтов. Увидев испуганное лицо Жозефа, Анетта не удержалась от злорадного замечания:

— Мне дети даются без труда! А у вашей Бетти, наверное, от природы в теле какой-то изъян!

Шли часы. Элизабет все также стонала и плакала. Добросердечная Селин Тибо, беременная седьмым ребенком, пришла поддержать будущего отца. Жозеф искренне уважал эту сдержанную и всегда готовую помочь женщину.

— Я был бы рад, если бы ребенок родился еще днем, — сказал он

Селин. — Сейчас вот уйду на работу, и хорош будет из меня работник! Только и мыслей, как мучается моя Бетти!

— Я поднимусь и посмотрю, как там она, — предложила Селин.

В комнате все было готово к появлению новорожденного. Оцинкованная Ванночка с теплой водой стояла на принесенном из кухни столе. Рядом — стопка чистого белья и пеленок. Элизабет, бледная и мокрая от пота, тужилась изо всех сил, а акушерка по мере возможности ей помогала.

— А, это вы, Мадам Тибо! — воскликнула она при виде посетительницы. — Помогите мне, пожалуйста! Встаньте у изголовья кровати и подержите мадам Маруа за спину. Ребенок ленивый, и крупный к тому же. Мне нужно его ухватить, иначе это затянется надолго, а бедняжка совсем выбилась из сил! Роды начались внезапно. Утром отошли воды, и я думала, что все быстро закончится.

Искренне сочувствуя роженице, Селин погладила ее по лбу.

— Позовите ко мне Жозефа! — умоляющим голосом прошептала та.

— Упаси Боже! Здесь не место мужчинам! — воскликнула акушерка. — Тужьтесь, моя милая, тужьтесь сильнее!

Наконец появилась головка ребенка, а потом и плечики. Молодая мать испустила такой страшный крик, словно готовилась отдать Богу душу. Ему эхом ответил писк новорожденного. С перекошенным от ужаса лицом Жозеф ворвался в комнату.

— Ну что?

— У вас замечательный паренек, месье Маруа, — объявила акушерка. — Светловолосый, как его мамочка.

Совершенно вымотанная, Элизабет разрыдалась. Господь отказал ей в радости иметь свою родную девочку. Но зато муж вне себя от счастья, и это слабое, но утешение... Однако стоило ей прижать новорожденного к груди, как от разочарования не осталось и следа.

— Как вы его назовете? — спросила Селин Тибо.

— Арман, в честь моего отца, — гордо ответил Жозеф. — Не терпится поделиться радостью с ребятами на фабрике!

Рабочий поздравил супругу, полюбовался пару минут своим сыном и спустился на первый этаж. Через двадцать минут ему нужно было быть на работе. И все-таки, идя по улице Сен-Жорж, он то и дело останавливался, чтобы рассказать соседям о пополнении в семействе. На террасе отеля-ресторана, соседствовавшего с универсальным магазином, за столиками собралось немало жителей поселка. Жозеф увидел Марсея, мужа Селин, который беседовал с каким-то приезжим из Роберваля.

— Эй, Марсель! У меня мальчик! Настоящий крепыш, не меньше восьми фунтов весу!

Коллега поздравил его, но без присущей ему жизнерадостности. Жозеф вдруг осознал, что никто из собравшихся на террасе не улыбается, да и разговор, похоже, у них серьезный.

— Что случилось? — тихо спросил он у Амеде.

Друг и сосед похлопал его по руке и ответил шепотом:

— Везде только и разговоров, что об «испанке» [\[12\]](#). В Квебеке и Монреале начали заболевать люди. Наши солдаты привезли болезнь из Европы. Говорят, на континенте люди умирают тысячами...

Глухой страх пришел на смену эйфории.

— Неужели эта чертовщина может дойти и до нас? — спросил Жозеф.

Амеде невесело улыбнулся.

— Все может быть, Жо! Если черт вмешается, то и до эпидемии недалеко. Подумай, сколько кораблей каждый день приходит в Шикутими!

Мужчины замолчали. Довершая эффект сказанного, солнце скрылось за тучей. Две недели спустя, в начале октября, на прилегающих к озеру Сен-Жан землях началась эпидемия.

Глава 4. Гнев Божий

Монастырская школа Валь-Жальбер, 20 октября 1918 года

Как обычно, сестра Аполлония встала перед рассветом, чтобы помолиться. Перебирая четки, она прочла «Ave Maria». Пожилая монахиня была встревожена и взволнована до глубины души, и верой, которую за долгие годы ничто не смогло поколебать, были проникнуты ее мольбы. На последних словах «Отче наш» она разрыдалась.

— Всевышний, защити нас! Пощади детей! Смилуйся, Господи! — умоляла она.

Эпидемия набирала обороты. Население Квебека не устояло перед болезнью, которую одни называли испанским гриппом, а другие — инфлюэнцей. Пресса сообщала о миллионах умерших по всему миру. Пожилая монахиня с ужасом представляла себе, как страшный недуг сжимает свои тиски вокруг Валь-Жальбера. В Робервале уже умерло несколько человек, в том числе секретарь королевского суда Ашиль Трамбле [\[13\]](#). Вчера слегла Жанна, одна из учениц сестры Аполлонии.

— Может, это и не грипп, — сказала монахиня вслух, пытаясь взять себя в руки. — Жанне всегда плохо во время месячных...

Сквозь окно лился сероватый свет. Вдалеке залаяла собака. Петухи звонким криком встречали солнце. Настоятельница вытерла слезы и вышла из спальни. В коридоре витал аромат горячего кофе.

«Сестра Викторианна уже встала», — подумала она.

Нависшая над поселком угроза заставила мать-настоятельница поинтересоваться взглядом на их повседневную жизнь.

«Здесь мы живем в мире, порядке и труде. Учим детей, а значит, приносим обществу пользу. Редко доводилось мне видеть такое спокойное место, как Валь-Жальбер. Местные семьи живут в достатке, богатств природы хватает на всех. Я не понимала, как прекрасна наша жизнь...»

Сестра Аполлония регулярно читала газеты. Эпидемия испанского гриппа затронула множество стран. Один местный репортер написал об этом так: «Теперь это очевидно — гнев Божий обрушился на мир» [\[14\]](#).

«За что Господь нас наказывает? — спросила она себя, входя в кухню. — Быть может, за эту ужасную войну?»

Сестра-хозяйка, кутаясь в шаль, сидела у печи.

— Сестра Викторианна, вы нездоровы? — моментально

обеспокоилась настоятельница. — Не болит ли голова? Нет ли озноба, температуры? Ломоты во всем теле? Таковы симптомы этого ужасного гриппа!

— Не волнуйтесь, матушка. Я просто замерзла — систему отопления еще не включили. Пейте скорее кофе! Он как раз такой, как вы любите — не слишком горячий, но и не теплый. Еще я порезала немного вчерашнего хлеба.

— Спасибо, но мне совсем не хочется есть, — сказала сестра Аполлония. — Вчера вечером месье кюре сказал, что, если в поселке выявят случаи заражения, на дверях домов больных повесят таблички. Еще он полагает, что школу придется закрыть. Лучше, чтобы дети Посидели дома — так у них будет меньше шансов заразиться.

При слове «заразиться» сестра-хозяйка вздрогнула и перекрестилась.

В кухню вошла сестра Мария Магдалина с Мари-Эрмин на руках.

— Наша мадемуазель требует завтрак. По утрам у нее хороший аппетит. Доброе утро, сестры!

Монахини всегда с удовольствием наблюдали, как малышка пьет молоко. Однако сегодня утром все было по-другому. Сестра Аполлония с беспокойством посмотрела на девочку и вздохнула:

— Если сегодня Жанна не придет на урок, будет лучше, чтобы Мари-Эрмин не общалась с нашими учениками.

— Чего вы боитесь, матушка? — спросила встревоженная сестра Мария Магдалина.

— Наша бедняжка Жанна могла заразиться, — ответила настоятельница. — Эпидемия может прийти и в наш поселок. Мы должны быть бдительны. Погодите... Вы слышите?

На церковной колокольне кто-то бил в набат. Монахини обменялись испуганными взглядами.

* * *

Элизабет Маруа дала младенцу грудь, затем подняла голову и прислушалась к зловещим раскатам колокола.

— Жозеф! — позвала она. — Жозеф!

Ее супруг как раз складывал под навесом куски дерева, которые он принес с фабрики, — рабочим разрешалось забирать все, что не шло в дело. Он вошел в кухню через дверь, ведущую во внутренний дворик. За ним хвостиком вился Симон. Мальчику было почти пять лет, и он по мере

сил помогал отцу. Симон был мальчуган крепкий и очень рослый для своего возраста.

— Это набат, Жозеф! — крикнула молодая женщина.

— Слышу, я же не глухой! — проворчал в ответ муж. — Я уже две недели жду, когда это случится. Пришла наша очередь. В окрестностях уже человек десять умерло. И это, увы, только начало!

— Господи, вот несчастье! — пробормотала Элизабет. — А наши дети? Я с ума сойду, если кто-нибудь из них заболеет!

— Любой может заболеть! — отрезал муж. — Кроме разве что тех, кто живет в большом городе и имеет достаточно денег, чтобы пойти в больницу или заплатить хорошему доктору. На наших парней, которые вчера вернулись из леса, было жалко смотреть!

Смена Жозефа начиналась в одиннадцать вечера. Он предпочитал работать ночью, чтобы как можно больше времени проводить дома, с семьей. Он подошел к креслу, в котором, держа сына на руках, сидела жена. Малыш задремал, но соска из губ не выпустил.

— Он уже не сосет, Бетти. Прикрой грудь! Что, если кто-нибудь войдет? Да и Симону это не стоит видеть.

Элизабет застегнула пуговицы на блузке и склонилась над маленьким Арманом, блаженно улыбающимся во сне.

— Пойду узнаю новости, — объявил Жозеф. — Кто-то умер, и я хочу знать, кто именно. А тебе, Бетти, я советую не принимать гостей и не выходить из дома. Как во времена карантина, помнишь?

— Да, Жозеф, я помню.

Супруг ушел. Молодая женщина тихонько баюкала малыша. Симон играл со своей лошадкой, у которой уже недоставало задней ноги — сил у мальчика было хоть отбавляй.

— Ты хорошо себя чувствуешь, Симон? — спросила молодая мать у сына. — Тебе не жарко, мой милый?

— Нет, мам. Я хочу, чтобы пришла Эрмин.

Мальчик искренне любил маленькую подопечную монахинь, хотя между ними случались и ссоры. Он привык играть с ней и теперь очень скучал.

— Я не могу брать ее к нам сейчас, когда у меня малыш.

— Тогда я пойду во двор, — сказал сын.

— Оставайся тут, сейчас отец вернется. Играй с лошадкой!

Колокол умолк. Элизабет поднялась в спальню и уложила Армана в колыбель. Вниз она спустилась на цыпочках. Симон возил лошадку туда-сюда по полу. Молодой женщине показалось, что с улицы доносятся

взволнованные голоса и стук лошадиных копыт. Приближалась повозка. Жозеф ворвался в комнату, сжимая в руках шапку. Лицо его перекошилось от ужаса.

— Жанна Тибо умерла на рассвете! — пробормотал он, падая на стул. — Ей всего тринадцать! Бедняга Марсель бросился мне на шею! Он плакал как ребенок. Я успел услышать, что у его дочери была сильная лихорадка прошлой ночью и этой тоже. Кто бы мог подумать, что она такая слабенькая! Хотя нет, она же тщедушная, как отец... Она выросла у меня на глазах, бедная Жанна! Я видел, как она учится ходить у церковного крыльца...

Жозеф встал и налил себе стакан карibu — местного алкогольного напитка, состоящего из смеси шерри с низкокачественной водкой. Это был его обычный способ взбодриться в сильные холода или в случае, когда на душе скребли кошки. И все-таки к помощи спиртного Жозеф прибегал редко, особенно в будние дни. Кюре настоятельно просил паству воздерживаться от употребления спиртного.

— И я оттолкнул Марсея, одного из лучших моих друзей, потому что он подошел ко мне слишком близко. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы я принес в дом эту заразу!

Элизабет слушала его, открыв рот и широко распахнув глаза. Она все никак не могла поверить, что Жанна Тибо умерла.

— Так быстро! — со слезами на глазах проговорила она. — В воскресенье она по поручению матери принесла мне бутылку кленового сиропа. У меня сироп уже закончился... Господи, Жанна была такой молодой, такой милой!

— Будь проклята эта зараза, этот испанский грипп! — отозвался Жозеф. — Мэр повесит на их дом табличку. Кюре уже там. Жанну похоронят как можно быстрее, чтобы не заразились остальные члены семьи.

Кто-то постучал в дверь. Элизабет побежала открывать. На пороге она увидела сестру Марию Магдалину, чьи руки были соединены молитвенным жестом на уровне нашитого на черном платье креста. Между молодой монахиней и нянечкой Мари-Эрмин установились дружеские отношения. Сестра Мария Магдалина сделала попытку войти, когда из глубины дома донесся сердитый голос Жозефа:

— Откуда вы идете, сестра?

— Из церкви. Там я узнала о смерти Жанны. Мать-настоятельница послала меня узнать новости, — ответила монахиня. — Это ужасно, правда? Ваши малыши здоровы?

Элизабет отступила в дом, приглашая монахиню войти.

— Нам очень жаль бедную Жанну, — грустно сказала она, — но нужно выполнять предписания врачей, о которых мы читали в газетах. Лучше держаться подальше от больных.

Сестра Мария Магдалина кивнула. На самом деле, выйдя из церкви, она бегом направилась в дом семьи Тибо. Она сочла своим долгом утешить несчастных родителей и в последний раз запечатлеть поцелуй на невинном лбу Жанны.

— Простите меня, — сказала она. — Не буду вас отвлекать. Да оградит вас Господь от всех несчастий!

* * *

Пять дней спустя, перед самыми родами, умерла Селин Тибо. В поселке ее очень любили. Она угасла за несколько часов, перед смертью впад в некое подобие комы, вызванной сильным жаром. Марсель чувствовал себя так плохо, что не смог даже присутствовать на похоронах супруги, ставшей четвертой жертвой гриппа. Отец Бордеро и мэр настояли на срочном погребении, последовав примеру соседних поселков.

Перед церковью собравшиеся вокруг кюре близкие родственники торопливо прочли прощальную молитву — вот и все похороны... Эпидемия затронула многие семьи, и все готовились к худшему.

— Гнев Господень, — повторяла мать-настоятельница, покидая церковное кладбище. Она шла, опираясь на руку сестры Люсии.

Пожилая монахиня твердо решила проводить в последний путь мадам Селин Тибо, которой суждено было упокоиться рядом со своей дочерью Жанной.

— Такая набожная, такая добросердечная! Она оставила сиротами пятерых детей! — сказала настоятельница сестре Люсии. — Нужно молиться всей душой, чтобы месть Тибо выздоровел! Я решила забрать его детей в школу. Мы поселим их в классе для младших. Поставим там кровати... И если их отцу суждено умереть, они этого не увидят!

— Хорошо, матушка. Вы, наверное, слышали, как господин мэр рассказывал, что зрелые мужчины переносят болезнь легче, чем старики.

— Похоже, женщины и дети и вправду заболевают первыми, — озабоченным тоном отозвалась настоятельница. — Но Марсель Тибо не выглядит крепышом... Надеюсь, доктор из Роберваля все-таки сможет к нам приехать. Поможет нам если не лекарствами, то хоть добрыми

советами!

Монахини вернулись в монастырскую школу. Просторное здание в отсутствие сотни ребятишек, посещавших его более или менее регулярно, этим утром казалось на удивление тихим.

— Господи, как же мне хочется снова увидеть полные классы! — вздохнула сестра Люсия. — Но сколько учеников вернется?

Они поднялись в кухню. Сестра-хозяйка кормила Мари-Эрмин. Девочка шмыгала носиком, глаза были полны слез.

— Что ее так огорчило? — спросила мать-настоятельница.

— Сестра Мария Магдалина слегла. Она попросила меня присмотреть за Мари-Эрмин, а девочке запретила входить в свою комнату, — ответила сестра Викторианна обеспокоенно. — Малышка не понимает, что случилось.

— Боже всемогущий! — крестясь, воскликнула пожилая монахиня. — Наверное, она заболела гриппом! Но я буду за ней ухаживать, и она поправится! Мари-Эрмин, послушай меня, девочка! Наша сестра Мария Магдалина делает все ради твоего блага. Ты должна слушаться и не ходить к ней в комнату, Сегодня ты будешь спать с сестрой Викторианной. Твою кроватку мы переставим. Будь умницей, моя дорогая, и попроси Господа сжалиться над твоей будущей мамой!

Эти ее последние слова удивили сестер Люсию и Викторианну. Монахини ничего не знали о планах сестры Марии Магдалины.

— Я собиралась рассказать вам обо всем перед Рождеством, — пояснила настоятельница. — Наша сестра решила отказаться от монашества и вернуться в мир. Благодаря поддержке родителей сестра Мария Магдалина получила опеку над Мари-Эрмин и будет воспитывать ее как собственного ребенка. Я одобрила ее решение. Мне всегда казалось, что ее решимость посвятить жизнь служению Церкви не слишком сильна.

Сестра-хозяйка нежно погладила лобик Мари-Эрмин.

— Значит, наш маленький ангел будет жить в Шикутими. У нее будет любящая семья и мама.

— Летом мы сможем ее навещать, — подхватила сестра Люсия. — Если честно, я кое о чем догадывалась. Примерно неделю назад я застала сестру Марию Магдалину без покрова, и ее волосы были длиннее, чем обычно. Я слышала, как она разговаривает с малышкой, обещая ей вещи, которые мы в нашем положении дать ей не смогли бы.

Мать-настоятельница невесело улыбнулась.

Обещания всех благ этого мира, — вздохнула она, отходя от окна.

Мари-Эрмин оттолкнула от себя тарелку с чечевицей и стала теревить

салфетку. Из разговора монахинь она не упустила и словечка. И вдруг, сложив свои маленькие ладошки, она начала молиться. На середине «Отче наш», которую она знала наизусть, девочка разрыдалась. Монахини как могли пытались ее успокоить, но малышка была безутешна.

— Хочу сестру Марию Магдалину! — снова и снова повторяла она. — Хочу видеть мою мамочку! Она сказала, что она моя мамочка!

Сердце сестры-хозяйки разрывалось от жалости. Она взяла девочку на колени и тихо заплакала.

— Мы будем молиться, дорогая! Не плачь! — повторяла она. — Сестра Мария Магдалина нездорова, ей нужно отдохнуть!

Мать-настоятельница замерла на пороге спальни. Она боялась увидеть сестру Марию Магдалину больной, боялась узнать симптомы страшной болезни. Собственная жизнь или смерть ее мало волновали, одно было ясно: заболев, она не сможет быть полезной ни жителям поселка, ни детям семьи Тибо, которых намеревалась переселить в монастырь сегодня же вечером.

«Я посмотрю, как она, потом проверю содержимое аптечки. Может, у нас найдется средство от жара», — подумала она и решительно вошла в комнату.

Сестра Мария Магдалина лежала на кровати. Ее длинная белая ночная сорочка плотно, даже нескромно облегалась ее женственные формы. Молодая монахиня повернула голову и посмотрела на настоятельницу.

— Матушка, не нужно было приходить!

— Мое дорогое дитя, это мой долг. Вы думаете, что заразились, так ведь?

Настоятельница подошла к кровати и увидела, что ночная сорочка сестры насквозь промокла.

— Господи Иисусе! — воскликнула она. — Вы так сильно вспотели?

— Нет, матушка, я намочила сорочку в ведре с холодной водой, — пробормотала молодая монахиня. — Это помогает сбить температуру. Сегодня утром у меня был озноб и сильно болели ноги. Потом я почувствовала жар. Отойдите от меня подальше, я не хочу, чтобы вы заразились.

Взгляд сестры Марии Магдалины был полон душераздирающей тоски. Зубы ее стучали.

— Нужно вас укрыть, — сказала мать-настоятельница. — Дитя мое, ваши методы лечения я нахожу опасными. Будьте рассудительны! Вы молоды и крепки. Месье кюре заверил меня, что молодые быстро выздоравливают. Вам нужно держаться ради Мари-Эрмин, которая

страдает от разлуки с вами.

— Я сделаю все, что в моих силах, — заверила настоятельницу страждущая. — Но мне очень плохо и болит голова — словно кто-то изнутри стучит по лбу молотком...

Сестре Аполлонии удалось убедить молодую монахиню укрыться и снять с себя мокрую сорочку.

— Моя дорогая девочка, я приготовлю для вас целебный настой.

Сестра Мария Магдалина едва заметно кивнула и тут же погрузилась в беспокойную дремоту. Настоятельница невольно залюбовалась ее красивым лицом и доходящими до плеч светлыми волосами. Это была совсем другая девушка, не та, кого она привыкла звать сестрой Марией Магдалиной.

— Анжелика, — пробормотала она едва слышно. — Дочь ангелов. Надеюсь, это хорошее предзнаменование...

* * *

Валь-Жальбер, 26 октября 1918 года

Элизабет Маруа отошла от окна. Сегодня утром снова звонил церковный колокол. От мужа она узнала, что беременная женщина с улицы Дюбюк, построенной в прошлом году недалеко от фабрики, умерла этой ночью вместе со своим восьмилетним сыном.

— Жозеф, это ужасно! На сегодня в поселке шесть умерших!

Рабочий налил себе кофе. Неловкое движение — и чашка перевернулась, пролив горячий напиток на пол. Молодая женщина поторопилась вытереть коричневое пятно.

— Что с тобой, Жозеф?

Высокий и крепкий мужчина дрожал как осиновый лист, всем телом. Он поднес руку ко лбу.

— Семь, Бетти, — пробормотал он. — Старый мельник Гедеон умер вчера вечером. Местный булочник только что рассказывал об этом в универсальном магазине. Я чувствую себя разбитым. Пойду полежу немного. Тебе лучше поспать в комнате мальчиков. Грипп со мной не справится.

Жозеф взял из буфета бутылку карibu и направился к лестнице.

— Мы все умрем — ты, я, наши дети! — пронзительно закричала Элизабет. — Жозеф, умоляю, разреши мне тебя полечить!

— Кюре не раз говорил, что молодые здоровые мужчины чаще выздоравливают, — тихо сказал он. — Не подходи ко мне, Бетти.

Вне себя от беспокойства, молодая женщина разрыдалась. Симон повис у нее на юбке: ему не нравилось, что мама плачет. День тянулся долго, атмосфера в доме была тяжелой, словно случилось что-то непоправимое. Элизабет покормила грудью маленького Армана, потом поставила в детской раскладную кровать, на которой обычно укладывала приехавших погостить кузенов.

Уже темнело, когда в дверь постучала Анетта Дюпре.

— Что тебе нужно? — спросила у нее Элизабет. Она прильнула к двери, держась рукой за ключ.

— Сабэн умер! Мой маленький Сабэн! Ему было всего шесть лет! Амеде на фабрике... Иди и помоги мне, прошу!

Обычно насмешливый, голое соседки звучал растерянно.

— Элизабет, помоги мне, я не могу притронуться к нему, а ведь его нужно переодеть...

— Позови месье кюре, Анетта! — дрожа от ужаса, ответила ей соседка. — Я должна защитить собственных детей. Мэр дал строгие указания — каждый сидит дома со своими больными. Мой муж заразился.

— Каждый сидит дома со своими мертвецами! — взвыла мадам Дюпре за дверью.

Тишина последовала за этой вспышкой бессильной ярости. Элизабет стала читать молитву. Сабэн был красивым мальчиком с черными кудряшками...

Монахини тоже молились, как только выкраивали для этого время. По доброй воле они выполняли обязанности медсестер, делая все, что было в их силах, чтобы помочь жителям поселка. Детей Тибо, как и было условлено, разместили в классе для младших учеников. Они находились в прострации, пораженные скоропостижной смертью старшей сестры и матери.

Мать-настоятельница только что вернулась из дома, все обитатели которого были больны. Отец Бордеро проводил ее до монастыря. Выводы обоих были неутешительны.

— Симптомы полностью совпадают с описанными в газете, — говорил кюре. — Страшные головные боли, высокая температура, часто — выматывающий кашель и хрипота. В каждой семье в Валь-Жальбере есть больные. Это настоящее бедствие. Завтра поездом приезжает доктор Демиль. Попросим Господа, чтобы доктору удалось обуздать эпидемию. Слыхали ли вы, что в Порт-Альфреде столько больных, что правительство

послало военных врачей в помощь докторам на местах? ^[15] В Бержероне двенадцать смертей. Приняты все меры, чтобы помешать болезни распространяться — закрыты рестораны и места общего пользования.

Кюре огорченно вздохнул. Сестра Аполлония добавила доверительным тоном:

— Наша молодая сестра Мария Магдалина не выходит из комнаты. Она доблестно сражается с болезнью. Сегодня мне показалось, что ей легче.

— Благодарение Богу, в ее возрасте выздоравливают быстро.

Отец Бордеро решил немного подбодрить детей семьи Тибо. Настоятельница проводила его к ним. Перед тем как уйти, она шепнула кюре:

— Мы дали им старые книжки. Я их сожгу, если выяснится, что кто-то из ребят болен. Но пока мне кажется, все они здоровы. Вот только плачут часто, бедняжки!

— У меня хорошие новости! — громко провозгласил кюре. — Дорогие дети, ваш отец выздоравливает!

Три мальчика возрастом от десяти до шести лет подошли, ведя за ручку своих четырехлетних сестер-близняшек.

— Не слишком весело сидеть тут взаперти, — добавил отец Бордеро, — но от этого зависит ваше здоровье. Будьте умненькими и слушайте сестер. Для всех нас настали трудные времена, но нужно надеяться на лучшее.

Мать-настоятельница, стоя на пороге, вслушивалась в робкие голоса детей. Ей было их так жаль, что на глаза навернулись слезы...

Мари-Эрмин не плакала. Девочка часами просиживала у двери спальни сестры Марии Магдалины, обняв руками колени и раскачиваясь из стороны в сторону. В коридоре стояла гнетущая тишина и было сумрачно. Девочка выросла в шуме и оживлении, присущих любой школе. Ученики у монахинь были послушные, но и они, с нетерпением ожидая перемены, стучали башмаками по полу. Весной в перерывах между уроками они со смехом и песнями резвились на улице. В доме нянюшки Бетти она привыкла слышать зычный голос Жозефа и беспечную болтовню Симона, своего товарища по играм.

О спокойном течении часов и дней остались одни воспоминания. Монахини не могли уделять своей подопечной много времени. Сестра Викторианна не заметила, как девочка вышла из кухни, — она готовила снижающие температуру травяные сборы. Сестра Люсия дежурила у постели супруги фабричного мастера. Мари-Эрмин то и дело приходилось

слышать разговоры, молитвы. Она не всегда понимала, о чем идет речь, но некоторые слова ее пугали — например «маленький Сабэн Дюпре умер»... О смерти мальчика другим монахиням шепотом сообщила, без конца крестясь, сестра-хозяйка.

Девочка знала Сабэна, а что такое смерть, не щадящая никого, она поняла, когда увидела под деревом мертвую птичку. И вот теперь она убежала из кухни и постучала в дверь спальни. Она так соскучилась по сестре Марии Магдалине, что не могла больше ждать.

— Я хочу тебя увидеть! — воскликнула она, не получив ответа.

Молодая монахиня в полубреду услышала звонкий голосок своей любимой малышки, но была так слаба, что не могла пошевелиться, и потому тихо заплакала.

Мать-настоятельница в сопровождении кюре поднялась в кухню — самое приятное место в доме. Сидевшую на полу Мари-Эрмин они не заметили. Когда же сестра-хозяйка всполошилась, малышку она нашла спящей на том же месте.

— Бедное дитя! — вздохнула сестра Викторианна, поднимая девочку.

Она уложила ее в кровать, которую из соображений безопасности перенесли в кухню. Отец Бордеро и настоятельница обменялись обеспокоенными взглядами.

— Девочка, должно быть, чувствует себя несчастной, — сказал кюре. — Она очень привязана к сестре Марии Магдалине.

— Увы, это так, — отозвалась сестра-хозяйка.

Скоро в кухню вошла сестра Люсия.

— Матушка, почтальон принес телеграмму, адресованную сестре Марии Магдалине! Я не решилась ее прочитать. Телеграмма пришла из Шикутими.

— Нашей сестре слишком плохо, она не сможет ее прочитать, — прошептала пожилая монахиня. — Посмотрим, что в телеграмме.

Она надела очки и разорвала синюю обертку, в которой так часто приходили плохие новости.

— Господи милосердный! Родители сестры Марии Магдалины умерли этой ночью! Какое несчастье!

Сестра Аполлония попрощалась с кюре и прошла в спальню. Молодая монахиня дремала, на ее лице застыло умиротворенное выражение. Ее затуманенное сознание было наполнено видениями. Мари-Эрмин весело носится по тропинке, вдоль которой растут лютики и ромашки... На девочке симпатичное ситцевое голубое платьице, которое она носила летом. Солнце золотит ее светлые волосы. Малышка смеется и повторяет:

«Мамочка! Мамочка!» И напевает хрустальным голоском: «Яблочки-ранетки, красные бока! Красные бока! Красные бока...» Эжен, ее безвременно умерший жених, тоже тут. Он нежно говорит: «Моя дорогая Анжелика», — и по очереди целует ее пальчики...

— Сестра Мария Магдалина, проснитесь! Господи, до чего она горячая!

Дрожащий от волнения голос настоятельницы вырвал несчастную больную из объятий этих сладостных грез. Она открыла глаза.

— Это вы, матушка? Я так устала, очень устала... Как Мари-Эрмин? Я точно знаю: она плачет, одна в темноте...

Молодая женщина села в кровати, лоб ее блестел от пота. Приступ кашля сдавил ей грудь. Задышавшись, она добавила:

— У меня в груди пожар, матушка. Мне нужна вода, ледяная вода!

— Не волнуйтесь понапрасну, мое дорогое дитя! Я принесу вам напиток.

— Мне уже лучше, и если б не этот кашель... Я могу встать.

Сестра Мария Магдалина отбросила одеяло, встала на ноги и сделала шаг по направлению к двери. Испуганная настоятельница преградила ей путь.

— Умоляю, вернитесь в кровать! Я думала, что вы в сознании, но ошиблась!

Пожилая монахиня отвела больную к постели и силой уложила обратно.

— Матушка, простите меня! Я не хочу умирать, я ведь еще так молода! У меня есть право быть счастливой в этом мире, а мое счастье — это Мари-Эрмин. Я пообещала ей, что стану ее мамой. Что станет с ней, если меня не будет? Матушка, простите меня!

Глаза ее расширились, и больная с неожиданной силой вцепилась в руку настоятельницы.

— Я должна вам признаться, — пробормотала она. — Матушка, я вас обманула. Родители Мари-Эрмин не подсовывали нам под дверь записку! Я сама написала ее! Чтобы моего ангела, мое маленькое сокровище не отдали в приют! Она моя радость, моя любимая малышка! Прошу вас, если со мной случится беда, пообещайте, что не отдадите ее в приют! Ей там было бы очень плохо. Сжальтесь над ней, над нашей малышкой! Пообещайте, матушка!

Выслушав этот сбивчивый поток едва слышных слов, сестра Аполлония попыталась успокоить кашляющую сестру.

— Я прощаю вас, сестра моя. Вам нужно отдохнуть. Разговоры

лишают вас сил. Вам нужно выздороветь, ради маленькой девочки, которую вы так любите...

— Пообещайте, матушка! Вы оставите ее в монастыре...

— Обещаю. Перед лицом Господа обещаю.

Позабыв обо всех предосторожностях, она погладила молодую женщину по лбу. Сестра Мария Магдалина успокоилась и затихла. Настоятельница так и не решилась сообщить ей о смерти родителей.

«Она и так скоро об этом узнает. В ее состоянии горе убивает...» — рассудила она.

Через день в Валь-Жальбер приехал доктор Демиль. Его встретили сообщениями еще о двух смертях — четырнадцатилетней девушки и супруги одного рабочего, который сам был очень плох. Женатые сыновья этой четы тоже работали на фабрике. Доктор посетил все дома, в которых были больные. Однако единственное, чем он мог им помочь, — это повторить наставления о соблюдении правил гигиены и порекомендовать принимать травяные настои и соблюдать постельный режим.

— У нас нет действенного лекарства, — пояснил он мэру. — Остается молиться, не выходить из дома и уповать на Бога. Некоторых болезнь обходит стороной, но только Господь знает почему!

В конце дня по просьбе отца Бордеро, не на шутку обеспокоенного состоянием молодой сестры Марии Магдалины, доктор Демиль зашел в монастырь. У монахини он диагностировал воспаление легких.

— Это осложнение после гриппа! — заявил он ожидавшему в коридоре кюре. — Если бы вы могли доставить ее в больницу, у нее был бы хоть какой-то шанс выздороветь. Однако в регионе сейчас такая обстановка, что не стоит даже думать об этом. Но чудо всегда может случиться...

Подождали три монахини. Поблагодарив доктора, они уложили своих подопечных детей спать и уединились в актовом зале, чтобы провести всю ночь в молитве за страждущую.

Мари-Эрмин уложили в семь вечера. Сестра-хозяйка выключила свет и приказала девочке не вставать с постели.

— Ни в коем случае, слышишь?

Девочка кивнула, но стоило ей остаться в комнате одной, как она встала и пошла по коридору. Сидеть перед закрытой дверью в спальню стало ее навязчивой идеей. Ей казалось, что так она ближе к сестре Марии Магдалине. Однако сегодня дверь была приоткрыта — доктор забыл ее закрыть. Мари-Эрмин не смогла устоять перед искушением. Ей нельзя было входить, девочка это знала. И все-таки потребность видеть молодую

монахиню оказалась сильнее запретов.

— Мама? — позвала она тихонько.

Это был их секрет. Когда они были вдвоем, сестра Мария Магдалина уступала место Анжелике. И Мари-Эрмин называла ее мамочкой.

— Ты спишь? — спросила девочка, подходя к постели.

В комнате было тихо. Мари-Эрмин погладила лежащую на одеяле руку молодой женщины. Прислушавшись, она уловила слабое дыхание. Как хорошо быть рядом с мамочкой! Девочка моментально позабыла о причине их расставания, которое причинило ей столько горя.

Она осторожно легла рядом с больной монахиней, прижалась теснее и устроила голову у нее на плече.

— Ты моя мамочка, — тихонько прошептала она, — поэтому я буду спать здесь, с тобой.

Сердце Мари-Эрмин наполнилось радостью. Она закрыла глаза и стала перебирать в уме обещания своей будущей мамы, но не потому, что хотела их скорейшего исполнения, просто это было так приятно... Сестра Мария Магдалина говорила о красивой фарфоровой кукле, которую они вместе купят в магазине в Шикутими, о прогулке по озеру Сен-Жан на кораблике следующим летом. Девочке также были обещаны платья с вышивкой, книжки с картинками и фортепиано с костяными клавишами, которое будет стоять в гостиной. Но больше всего на свете Мари-Эрмин хотелось, чтобы у нее была мама и чтобы они всегда были вместе.

— Ты такая горячая... Очень горячая! — пробормотала она.

Больная застонала во сне. Мари-Эрмин погладила ее по щеке.

Наивный трехлетний ребенок, она решила, что молодой монахине снится страшный сон. И очень тихо она запела ей колыбельную. Ту самую, что ее научила петь сама сестра Мария Магдалина.

«Ты сможешь петь ее маленькому сыночку Элизабет, если он заплачет», — смеясь, говорила молодая монахиня.

— Спи, мой маленький братец, спи-засыпай... — пела девочка, не помня себя от счастья.

И скоро сама уснула спокойным сном.

Ближе к полуночи доктор Демиль, который остановился в местном отеле, в сопровождении отца Бордеро постучал в двери монастыря. Встревоженные монахини спустились в прихожую. Оказалось, что несколько часов назад умерла женщина с улицы Трамбле, оставив двоих маленьких детей. Ее супруг обезумел от горя и совершенно не мог присматривать за малышами. Сестры Люсия и Аполлония вместе с кюре и доктором пошли за детьми. Сестра-хозяйка между тем приготовила в

классе две постели и поднялась в кухню согреть молока, которое им регулярно приносил сосед. Чтобы не разбудить Мари-Эрмин, она довольствовалась светом свечи и даже не заглянула в кроватку, ибо была уверена, что малышка спокойно спит под голубым атласным пологом.

На рассвете мать-настоятельница улучила минутку и поднялась в спальню навестить сестру Марию Магдалину. Ночь выдалась утомительной. Ей приходилось исполнять при докторе обязанности медсестры. Эпидемия в Валь-Жальбере достигла своего апогея. Сестра Люсия ушла, чтобы помочь Элизабет. У Жозефа Маруа был сильный жар, и он бредил.

— Господи, когда увидим мы конец нашим страданиям? — со вздохом проговорила она, идя по коридору.

Сердце ее сжималось при мысли о двух крошках, которые будут расти без матери. Их уложили на первом этаже.

— Одному годик, а второму — два с половиной! — сокрушалась она. — Господи, дай их отцу силы пережить свое горе!

Комната была освещена тусклым светом. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять — молодая монахиня мертва. Безмятежно было ее восковое лицо, и недвижимо тело. Мать-настоятельница вздрогнула, увидев рядом с умершей укрытый одеялом холмик.

— Господи, нет! — простонала она, приподнимая уголок и глядя на Мари-Эрмин.

Звук ее голоса разбудил девочку. Она заморгала и улыбнулась так, что стало ясно: сны ей снились самые сладкие. Малышка тотчас же повернулась к сестре Марии Магдалине.

— Идем со мной, быстро! — приказала настоятельница. — Тебе нельзя здесь оставаться!

Но ребенок сел в постели и кончиками пальцев коснулся любимого лица женщины, которая в течение трех лет заменяла ей мать. Кожа показалась ей холодной, и секунду спустя на смену удивлению пришел страх. Вспомнилась застывшая, неподвижная птичка...

— Почему она не просыпается? — спросила Мари-Эрмин. В голосе ребенка появились истеричные высокие нотки. — Мама! Мамочка, проснись!

На крик вошла сестра-хозяйка. Сестра Аполлония схватила девочку поперек туловища и попыталась поднять на руки.

— Нет! — закричала Мари-Эрмин. — Нет! Хочу быть с мамой!

Взволнованная сестра Викторианна не решалась подойти ближе.

Мари-Эрмин обеими руками обняла умершую монахиню за шею,

прижалась к ней и сучила ножками, словно бежала на месте.

— Помогите мне! — взмолилась настоятельница. — Нужно ее увести.

— Конечно, матушка, — ответила сестра-хозяйка.

Жалобы и рыдания девочки глубоко ранили их женские сердца. Только теперь они поняли, как сильно их воспитанница любила сестру Марию Магдалину.

— Идем, дорогая! Нужно идти! — умоляла девочку сестра-хозяйка, пытаюсь оторвать ее от мертвого тела.

— Нет! Нет! — надрывался криком ребенок.

— Наша сестра теперь на небе, с ангелами, — ласково сказала мать-настоятельница. — Ее душа улетела, как птичка. Она будет смотреть на тебя из рая, Мари-Эрмин.

— Она умерла? — вдруг спросила девочка.

— Да, — вздохнула сестра-хозяйка. — И ей было бы больно увидеть, как ты плачешь и кричишь.

Не переставая уговаривать, монахини объединили свои усилия. Мари-Эрмин все так же плакала навзрыд, но на этот раз разжала руки. Настоятельница обняла ее и бегом вынесла из спальни. И все-таки, несмотря на сострадание, которое они испытывали к этому ребенку и его горю, монахини не могли уделить ей много времени.

Сестра-хозяйка отвела девочку на кухню и стала ее журить:

— Пойми, все жители поселка очень больны! Я знаю, что ты любила сестру Марию Магдалину как маму, но ты меня ослушалась! Теперь ты тоже можешь заболеть гриппом. Пообещай, что будешь послушной девочкой и не сойдешь с кровати! Ты можешь помолиться. У меня же много работы.

Мари-Эрмин не ответила. С отсутствующим видом она молча следила взглядом за передвижениями сестры Викторины, которая готовила суп и целебные настои. Когда сестра-хозяйка принесла девочке чашку с молоком и хлеб, та даже не посмотрела на еду. Накрывшись простыней, она заплакала. Девочке казалось, что она осталась одна во враждебном мире, в котором не было больше любви сестры Марии Магдалины, ее улыбок и поцелуев.

— Малышка, будь смелой! Если попросишь от всего сердца, Господь тебя утешит.

Эти слова не имели для ребенка никакого смысла. Стоило сестре-хозяйке выйти из комнаты, как она разрыдалась еще сильнее.

Сестру Марию Магдалину похоронили до полудня в такой же спешке, как и остальных жертв эпидемии. Мать-настоятельница отправилась на

кладбище, несмотря на крайнюю усталость. Тяготы последних дней согнули ее спину и на десяток лет состарили лицо. На обратном пути она вдруг остановилась и поднесла руку к груди.

— Дорогая Анжелика! — сказала она, глядя в небо. — Никогда не думала я, что вы упокоитесь здесь, в Валь-Жальбере. Господи, дай нам сил справиться с этим безжалостным недугом!

Кюре, сам мертвенно-бледный, вышел ей навстречу.

— Сестра Аполлония, вижу, вы держитесь из последних сил.

— И все же я здорова, — со вздохом отвечала монахиня. — Испанский грипп не хочет меня. Он забирает самых молодых, самых слабых...

— Гнев Божий, — пробормотал отец Бордеро. — Сколько останется в живых, когда болезнь отступит? Этим летом, сестра, Мари-Эрмин нужно будет отвезти в сиротский дом в Шикутими. Она уже достаточно взрослая для этого богоугодного заведения.

Пожилая монахиня сняла очки. Она планировала покинуть пост в конце лета 1919 года, но судьба внесла свои коррективы.

— Я хочу оставить девочку в монастыре, отче. Я пообещала сестре Марии Магдалине. Я подам ходатайство об опеке и думаю, что в сложившейся ситуации мне не откажут. В следующем году многие дети осиротеют. В приюте только обрадуются, узнав, что у них будет одним подопечным меньше.

— Вы правы, — согласился кюре. — Но рано или поздно судьбу девочки придется устраивать.

— Я прослежу, чтобы с ней все было хорошо, — отозвалась настоятельница.

В небе, затянутом серыми облаками, летела стая казарок. Их отлет на юг знаменовал приход первых настоящих холодов. Сестра Аполлония перекрестилась и попрощалась с кюре. Вернувшись в монастырскую школу, она немедленно прошла на кухню.

— Как себя чувствует Мари-Эрмин? — спросила она у сестры-хозяйки, которая как раз нарезала хлеб.

— Плачет не переставая. У меня при взгляде на нее сердце разрывается!

Настоятельница склонилась над кроватью и приподняла простынь. Мари-Эрмин жалобно взглянула на нее.

— Иди ко мне, — позвала монахиня, усаживаясь на стул. — Я знаю, как тебе тяжело, и у меня есть для тебя подарок.

Одетая в розовую ночную сорочку девочка прилепала к ней босиком и прижалась крепко-крепко. Ей так хотелось, чтобы кто-нибудь приласкал

ее и успокоил... Сестра Аполлония достала оправленную в рамку фотографию, на которой была запечатлена красивая сестра Мария Магдалина, такой, какой девочка чаще всего ее видела — в черном с белым монашеском покрове.

— Это тебе. Ты можешь смотреть на нее, любоваться ею, молиться за нее. Эту фотографию сделали в утро нашего приезда в Валь-Жальбер. Когда ты станешь старше, здесь, без сомнения, будет жить другая мать-настоятельница, но она сумеет тебе объяснить, что все мы — слабые существа, подверженные болезням. Даже доктор не смог ничем помочь...

Мари-Эрмин внимательно выслушала ее слова. Потом позволила себя одеть и причесать. Обладание портретом стало для нее таким счастьем, что скоро она перестала плакать.

— Ты останешься с нами, мое дорогое дитя. Элизабет с удовольствием будет за тобой присматривать, когда жизнь в поселке наладится.

Сестра Аполлония опасалась новых смертей и думала, что тяжелые времена закончатся нескоро, однако через шестнадцать дней эпидемия пошла на спад. В поселке насчитывалось четырнадцать умерших, в основном женщины и дети. Жозеф Маруа поправился, но и у него высокая температура держалась неделю. Марсель Тибо, несмотря на хрупкое телосложение, быстро встал на ноги. Бедняга не мешкая отправился на фабрику — нужно было кормить пятерых детей.

Испанский грипп — два слова, которые произносились не иначе как испуганным шепотом, словно речь шла об исчадии ада, — уступил место первым заморозкам, а потом и первому снегу. Могилы исчезли под толстым белым ковром. Сильные морозы окончательно очистили Валь-Жальбер от страшной хвори.

Для Мари-Эрмин зима прошла относительно спокойно. Дни она проводила в доме Элизабет и в монастырской школе. Молодая мадам Маруа была с ней особенно ласкова и всячески старалась ее утешить: Мари-Эрмин совсем не улыбалась и очень плохо ела. Жозеф часто просил ее спеть «Жаворонка», но малышка молча мотала головой из стороны в сторону. Сама не зная почему, девочка связывала веселые песенки и считалочки с тем счастливым временем, когда все было хорошо, живая и веселая сестра Мария Магдалина была рядом и часто целовала ее в щечку и гладила по головке...

Прошло немало дней и даже недель, прежде чем к Мари-Эрмин вернулась радость и желание играть. Случилось это благодаря маленькому Арману, второму сыну семейства Маруа. Девочке очень нравилось наблюдать за младенцем, трясти передним погремушкой и брать его

крошечные ручки в свои. Однажды утром ребенок лучезарно ей улыбнулся. Мари-Эрмин робко улыбнулась в ответ. Элизабет, свидетельница этой сцены, молча возблагодарила Господа.

«Боже, сделай так, чтобы она поскорее забыла о своем горе», — подумала она, усаживая девочку к себе на колени.

Сестра Люсия решила по мере возможности заменить девочке сестру Марию Магдалину. Она взяла Мари-Эрмин в свой класс, где ученики изучали алфавит и цифры. Девочка радовалась тому, что у нее появились новые друзья, и училась очень старательно. На переменах она охотно участвовала в общих играх, водила с ребятами хороводы. В пятницу после полудня приходил черед урока музыки. Когда ученики запевали первые слова популярной детской песенки «У чистого ручья», сестра Люсия внимательно вслушивалась в хор.

— Голос Мари-Эрмин перекрывает голоса остальных детей, — говорила она матери-настоятельнице каждое субботнее утро. — Самый сильный, самый чистый, самый звучный! Наше дорогое дитя получило от Бога настоящий дар. Когда Мари-Эрмин поет, она счастлива, это видно по ее лицу!

— Если так, нужно ее поощрять, — заключила сестра Аполлония задумчиво.

* * *

Валь-Жальбер, Рождество 1923 года

Прошло пять лет. На смену сестре Аполлонии пришла сестра Бенедиктина. И быстро стало ясно, что новая директриса монастырской школы — особа раздражительная и не слишком терпеливая по отношению к ученикам.

Мари-Эрмин, которой вскорости после Рождества исполнилось восемь лет, очень привязалась к сестре-хозяйке, все эти годы остававшейся в Валь-Жальбере. У них была одна спальня на двоих. Кроме того, сестра Викторианна часто обращалась к девочке с той или иной просьбой.

— Трудясь, ты приносишь пользу, дитя мое, — любила повторять она. — Чуть позже тебе придется устроиться на работу. Советую тебе постричься в монахини и стать сестрой-хозяйкой вместо меня.

С приходом новой настоятельницы многое поменялось, и только две вещи остались прежними: Мари-Эрмин все так же жила при монастырской

школе, в которой училась бесплатно, да портрет покойной сестры Марии Магдалины все так же стоял на ее прикроватном столике. Эта фотография стала для девочки центром ее маленького мира. Это был портрет подруги, наперсницы, идеальной матери, которой ей так не хватало...

Каждый вечер после молитвы Мари-Эрмин пересказывала ей поселковые новости, описывала в мельчайших деталях свой день.

— Симон таскал меня за волосы, мамочка. Он со мной в одном классе, но учится плохо.

— Арман хлопает в ладоши, когда я пою ему песенку «Больше в лес мы не пойдем» ^[16]. Он зовет меня Мимин, это так мило! И по арифметике я получила десятку, мамочка.

В сентябре привычную упорядоченную жизнь поселка нарушило из ряда вон выходящее событие — рабочие целлюлозной фабрики объявили забастовку. Девочка скороговоркой сообщила об этом портрету сестры Марии Магдалины:

— Мамочка, когда я по просьбе сестры Викторинны хожу за покупками в универсальный магазин, я не слышу шума фабрики. Они остановили машины, все-все машины.

Разумная, любопытная и неболтливая, Мари-Эрмин умела слушать и делать выводы.

— Рабочие недовольны, потому что компания урезала им зарплату, мамочка. И теперь они бастуют. Понимаешь, у них месяц не было работы, потому что вода в реке опустилась слишком низко. Жозеф стал членом профсоюза рабочих-католиков.

Девочка старательно выговаривала каждое слово, потому что некоторые из них сегодня услышала впервые в жизни.

— Он сказал месье кюре, что дальше так продолжаться не может. Думаю, месье Дюбюк снова даст им хорошую зарплату. Мне очень этого хочется! Бетти часто плачет. Она боится, что муж потеряет работу. А я вижу, что она ждет еще одного малыша. Сестра Викторинна говорит, что деток находят в капусте или в розовых кустах, но я знаю, что они растут в животике у мамы. Бетти стала совсем кругленькой и временами бормочет: «Ой! Он шевелится!»

Накануне двадцать четвертого декабря Мари-Эрмин доверила своей бумажной маме большой секрет.

— Завтра вечером в церкви я буду петь «Тихая ночь»! ^[17] Мы с сестрой Викторинной неделю разучивали слова. Надеюсь, я их не забуду. Знаешь, мамочка, мне немного страшно.

Перед тем как принять окончательное решение, монахини долго советовались. Потом спросили у отца Бордеро, что он об этом думает. Кюре не раз слышал пение девочки, поэтому возражать не стал.

— Она много работала над песней, — заверила священника настоятельница. — В определенной мере этот ребенок живет за счет общины — жители Валь-Жальбера дарят ей одежду и книги. И это ее шанс всех отблагодарить.

Когда пришло время отправляться к мессе, сестра-хозяйка не на шутку разволновалась. И Мари-Эрмин тоже. Девочке хотелось есть, но кусок не шел в горло.

— Будет лучше, если ты поешь после мессы, — отрезала сестра Викторианна. — Надевай пальто и шапку, на улице начинается снегопад.

Пока они шли к церкви под падающими с неба пушистыми хлопьями снега, девочка вспоминала свою жизнь. Вместе с ней шли одетые в черное сестры, чье волнение и страх были практически осязаемы.

— Не разочаруй нас, Мари-Эрмин, — говорила настоятельница. — В церкви будет много народу, но ничто не должно тебя отвлекать.

Элизабет и Жозеф со своими мальчиками сидели в первом ряду. Они очень волновались, поскольку тоже приложили немалые усилия, чтобы подбодрить девочку.

— Жо, я сама не своя от страха, — призналась мужу молодая женщина. — Посмотри, вот наша девочка! Как ровненько она держит спину!

По этому случаю она сшила подопечной платье из своего старого темно-синего наряда. Этот цвет ночного неба подчеркивал белизну кожи Мари-Эрмин и делал еще ярче ее лазурно-голубые глаза. Две косы с белыми лентами лежали у нее на плечах.

— Когда месье кюре закончит проповедь, придет твой черед, — шепнула девочке сестра-хозяйка. — Ты помнишь, куда тебе нужно встать?

— Да... Да... — запинаясь, пробормотала Мари-Эрмин. — Но у меня живот болит!

— Это потому, что ты волнуешься, — пояснила сестра Викторианна. — Не обращай внимания на толпу. Думай, что ты поешь для Господа и для всех небесных ангелов. Я уверена, сестра Мария Магдалина услышит тебя и порадует, что у тебя такой красивый голосок.

Слова пожилой монахини успокоили девочку. Она тихо прочла молитву, призывая Божественные силы себе в помощь. В церкви собралось много народу, и это стало лишним поводом для волнения.

Текли минуты, казавшиеся ребенку бесконечными. Наконец мать-

настоятельница за руку подвела Мари-Эрмин к алтарю. В церкви воцарилась абсолютная тишина, когда она объявила:

— Наша ученица споет для вас «Тихая ночь» в честь рождения Сына Господнего Иисуса. Будьте к ней снисходительны, она очень волнуется.

Элизабет сжала руку супруга так сильно, что он едва не вскрикнул.

— Угомонись, Бетти! Ничего страшного с ней не случится.

Однако и он тоже переживал.

Отец Бордеро попросил одного из своих прихожан аккомпанировать девочке на скрипке. Это был фабричный бригадир, посвящавший свободные часы музыке. С первым аккордом Мари-Эрмин запела.

Ночь святая, ночь чудес!
Звезды свет струят с небес,
Совершилось, чему надлежит,
И младенец, что в яслях лежит, —
Это Божья любовь...

Все затаили дыхание. Сестра Викторианна сложила ладони в молитвенном жесте и слушала, качая головой в такт музыке. Усиленный хорошей акустикой помещения, голос девочки был невероятно прозрачен и при этом силен и звонок. Мари-Эрмин больше не было страшно. В слова песни она вкладывала всю свою наивную детскую душу, брала все более высокие ноты...

Прихожане Валь-Жальбера слушали, как зачарованные, не помня себя от восторга. Этот рождественский гимн им не раз приходилось слышать, но благодаря стоящему у алтаря очаровательному ребенку он наполнился новым смыслом. Чистота звучания голоса поражала.

Когда Мари-Эрмин замолчала, несколько секунд в церкви стояла тишина. Потом дети захлопали в ладоши, но взрослые не последовали их примеру — в церкви они привыкли соблюдать тишину.

Отец Бордеро с улыбкой на устах подошел к девочке.

— Поздравляю тебя, — сказал он тихо.

А потом произнес короткую речь, запечатлевшуюся в памяти жителей поселка.

— Мои дорогие прихожане, сегодня Мари-Эрмин порадовала нас всех. И я с волнением вспоминаю, что семь лет назад провидение доверило нам судьбу этого милого ребенка, доверило нам, жителям Валь-Жальбера. И не важно, каковы были сопутствующие обстоятельства, но перст Господень

привел к нам этого хрупкого соловья, который теперь благодарит нас своим пением. Да-да, я сравню эту девочку с соловьем, ибо это самая талантливая в музыкальном отношении птица. В молодые годы, путешествуя по Франции, я имел счастье слышать соловьиное пение. И у нашей Мари-Эрмин, уверяю вас, голос столь же прекрасный, как и у соловья. Я разрешаю вам ей похлопать.

Послышались робкие аплодисменты. Элизабет тихо плакала.

— А наш кюре сегодня в ударе! Маленький соловей из Валь-Жальбера! Это хорошо звучит! — проговорил, улыбаясь, Жозеф.

Мать-настоятельница поторопилась увести девочку, которую смущали устремленные на нее взгляды. Сестра-хозяйка порывисто обняла Мари-Эрмин.

— Ты пела лучше, чем когда бы то ни было, малышка! — заверила она девочку.

— Будьте сдержанны в похвалах, сестра! Девочка не должна расти тщеславной, — добавила сестра Бенедиктина.

После этого первого выступления к Мари-Эрмин часто стали обращаться с просьбой что-нибудь спеть. Одноклассники нередко просили ее спеть на перемене.

— Не могу, матушка-настоятельница меня отругает, — отвечала девочка. — Я могу петь только по пятницам, на уроке музыки.

В доме семьи Маруа запреты не действовали. Жозеф, смеясь, требовал «Больше в лес мы не пойдем» и «На дворцовой лестнице» [\[18\]](#). Маленькой певунье за старательность он обещал карамельку или монетку. Очень скоро появилась привычка перед исполнением песни ставить Мари-Эрмин на табурет. Симон и Арман усаживались тут же на полу. Элизабет устраивалась в кресле-качалке. Она была на четвертом месяце беременности. Когда они с мужем оставались наедине, она рассказывала, что дитя у нее в утробе начинало двигаться с первого же куплета.

Монахини же пользовались любой возможностью приобрести нотные записи песен и партитуры. Они искренне верили, что дар девочки — настоящее Божье благословение. К следующему Рождеству они разучили с ней «Ave Maria» Шуберта.

Трагическое событие чуть было не нарушило эти планы. Десятого февраля 1924 года в церкви случился пожар. Пламя пожрало и домик священника. Попытки жителей Валь-Жальбера спасти постройки были тщетны.

В этот день портрет сестры Марии Магдалины узнал следующее:

— Это было ужасно, мамочка! Многие дамы плакали. Мужчины

пробовали потушить огонь, но у них ничего не получилось. Все сторело. Месье кюре пообещал, что у нас будет новая церковь. Не знаю, будет ли она такой же красивой, как прежняя ^[19]. А пока часовней будет служить актовый зал монастырской школы. Сестра Викторианна сказала, что там поставят статуи и маленький алтарь.

* * *

Прошли многие недели и месяцы.

Однажды воскресным вечером Мари-Эрмин рассказала фотографии, как прошло ее первое причастие.

— На мне было белое платье и фата. Бетти сшила это платье для меня и украсила его вышивкой. Жозеф купил для него ткань. Он добр ко мне и часто говорит, что я ему как дочка. Симон шалил перед церковью, а потом делал вид, что хочет отнять у меня молитвенник. И все-таки я знаю, что он меня очень любит. Бетти говорит, что он мне завидует. Но он мне как брат. Прошлой зимой, вечером, Симон повел меня посмотреть на волков. В лесу, возле мельницы Уэлле многие слышали вой. Когда стемнело, мы взяли фонарь и тайком вышли из дома. Волков было двое, они ходили между деревьями. Симон думал, я испугаюсь, а я подумала, что волки очень красивые. У них густая серая шерсть и блестящие глаза. Хорошо, что Жозеф ничего не узнал. Он бы наказал Симона ремнем, а Бетти расплакалась бы...

Сестра Мария Магдалина всегда улыбалась ей с портрета, даже если девочка поверяла ей свои горести.

— Ты такая красивая, мамочка, — сказала Мари-Эрмин, целуя стекло. — Месье кюре попросил, чтобы после мессы я спела «Ave Maria». Надеюсь, ты меня слышала и гордишься мной. Он сказал, что у меня голос ангела. Но это ты мой ангел! Каждый раз я пою для тебя, мамочка...

Чем больше проходило времени, тем чаще Мари-Эрмин поверяла свои мысли портрету молодой монахини, мучимая потребностью без конца повторять заветное слово, которое ей запрещено было произносить — слово «мама»... Однажды утром, все еще лежа в постели, девочка, глядя на нежное лицо сестры Марии Магдалины, стала жаловаться:

— Мама, этой ночью мне приснился сон. Думаю, я видела мою настоящую мать. Шел снег, и была собачья упряжка... И бородатый мужчина. Я испугалась, но красивая дама стала меня утешать и целовать. И мне было так хорошо! А потом я проснулась...

С тех пор она часто видела этот сон. Рассказать о нем сестре-хозяйке девочка не решилась — слишком много эмоций было с ним связано. Мари-Эрмин чувствовала одновременно большое счастье и острую грусть, как если бы ей показали что-то чудесное, что, однако, никогда не будет ей принадлежать.

Спустя три года смущенная девочка поведала портрету важную новость:

— Мамочка, сегодня утром у меня разболелся живот. И между ног появилась кровь. Я испугалась, подумала, что умираю, но сестра Викторианна сказала, что это нормально и я совсем не больна. Еще она сказала, что я становлюсь девушкой и мне нужно остерегаться парней.

Мари-Эрмин исполнилось двенадцать с половиной. Все, кроме монахинь, звали ее Эрмин — так было короче, а значит, и удобнее.

Новая мать-настоятельница, сменившая на этом посту сестру Бенедиктину, требовала, чтобы девочка поддерживала порядок в монастырской школе и помогала, как могла, многодетным семьям, которых в Валь-Жальбере было немало.

Элизабет Маруа стала умолять мужа удочерить ребенка, которого они, по сути, воспитали. Он попросил время на раздумье. Подходил к концу июль 1927 года...

Глава 5. Сердце, которое перестало биться

Валь-Жальбер, 5 августа 1927 года

Лето в Валь-Жальбере часто выдавалось прохладным и влажным, и все же всюду витал аромат потерянного рая. Вокруг домов раскинулись клумбы, и их многоцветье контрастировало с полосками зеленой травы, обрамляющими улицы. В листве деревьев, посаженных в год основания поселка, свили свои гнезда птицы.

Это было благословенное время легких платьев в пастельных тонах, накрахмаленных кружевных воротничков и соломенных шляп на выгоревших от солнца волосах... На близлежащих лугах паслись лошади, коровы и овцы. Семьи окрестных фермеров охотно приезжали в Валь-Жальбер отдохнуть от трудов праведных. По традиции летом здесь проходило театральное представление, конкурс на самый красивый сад и турниры по бейсболу.

Все эти события разворачивались на фоне огромного водопада, с рокотом несущего свои воды к озеру Сен-Жан.

Школьники были на каникулах. Они в полной мере наслаждались свободой, и матери охотно отправляли их играть на улицу, разумеется, за исключением тех случаев, когда была нужна помощь по дому.

После зимы с ее метелями и снежными завалами многое нуждалось в починке. Нужно было заменить некоторые доски на крыше новыми, заново прибить планки навеса, укрепить ограду...

Этим утром Эрмин отвела корову семейства Маруа на луг, поросший нежнейшим клевером. Сидя на склоне в тени клена, девочка наблюдала за передвижениями крупной, белой в рыжих пятнах коровы. Она тоже наслаждалась летними месяцами, которые умирляли ее жажду независимости. Монахини из монастырской школы уехали на каникулы в Шикутими и должны были вернуться только в сентябре...

Невзирая на глубокую привязанность, которую Эрмин испытывала к сестре Викторianne, она предпочитала обществу монахинь компанию Элизабет — дамы куда менее строгой, чем новая мать-настоятельница.

— Эрмин, а давай сходим к старой мельнице? ^[20] — крикнул ей Симон. Он сидел на соседней яблоне. — Корову можно оставить здесь, никуда она не денется!

— Нет, это слишком далеко, и твоя мама будет недовольна. Мне еще

нужно сходить в универсальный магазин. Кстати, а где Арман? Ты его видишь? У него одни глупости на уме!

— Думаю, он спрятался, — ответил Симон, скатываясь с дерева.

Теперь это был высокий тринадцатилетний подросток, очень похожий на своего отца — темноволосый, с матовой кожей.

Девочка вздохнула. Ей часто приходилось ругать и журить Армана за непослушание, однако мальчик оставался совершенно бесшабашным. В недалеком будущем ему должно было исполниться девять. Нерадивый ученик и хвастун, он доставлял родителям немало хлопот.

— Не беспокойся, я уверен, что Арман убежал на фабрику, — сказал, подойдя к девочке, Симон. — Он обожает наблюдать за вагонами и локомотивами.

— И забираться на готовые к погрузке кипы, — добавила она. — В прошлом году твоему отцу пришлось забирать его с вокзала в Робервале.

Люди в Валь-Жальбере до сих пор посмеивались, вспоминая этот случай. Мальчик спрятался в вагоне среди кип бумажной массы, но вовремя сообразил, что попал в переделку, и на вокзале сумел связаться с бригадиром фабрики. Однако Жозефу Маруа было не до смеха. В тот же вечер Арману порядком досталось отцовского кожаного ремня.

— Я не хочу, чтобы его наказывали! — воскликнула девочка. — Прощу тебя, Симон, найди его, а я отведу домой корову. Она уже сыта.

Подросток, насвистывая, ушел. Эрмин направилась обратно в поселок. Палкой она изредка постукивала корову по крупу, если та сбивалась с пути.

— Идем, нам пора домой, — подбадривала она животное.

Девочка любила одиночество, ведь только так она могла вдоволь полюбоваться знакомым до мельчайших деталей пейзажем. Она замечала все происходившие в Валь-Жальбере перемены.

Одетая в цветастое ситцевое платье, со светло-каштановыми, заплетенными в одну косу волосами, Эрмин чувствовала себя единым целым с этим ласковым днем и ласковым воздухом. Взгляд ее ярко-голубых глаз скользил туда и обратно, от церковной колокольни к большой металлической трубе у водопада, направлявшей воду от плотины к турбинам фабрики. Она была очень красива, хотя и не догадывалась об этом: правильный овал лица, изящные и гармоничные черты... Едва заметные веснушки украшали ее скулы и тонко очерченный нос. Сестра Викторианна пришла к выводу, что если девочка еще и подрастет, то совсем немного: ее тело приобрело безупречно женственные формы, округлилась грудь, оформилась талия.

Стоя на крыльце под навесом, Элизабет ждала ее возвращения.

— Эрмин, скорее загоняй корову в стойло и беги на почту. Ходят слухи, компания прислала уведомление о закрытии фабрики. Беги скорее, моя крошка, а потом сразу домой! Расскажешь, что именно они написали. Я бы и сама сходила, но Эдмон спит, да и малиновое варенье на плите...

Эдмону исполнилось два года. Между рождением Армана и младшего сына у Элизабет случилось четыре выкидыша.

— Бегу, Бетти! — отозвалась Эрмин.

За несколько минут она пробежала через всю улицу Сен-Жорж. Почта находилась напротив универсального магазина, стена к стене с отелем. Путь девочке преградила настоящая толпа. Чтобы пробраться к заветному уведомлению, ей пришлось здорово поработать локтями. Добравшись до объявления, она прочла его. Вокруг люди обменивались комментариями.

— Я знал, что это случится, — говорил сидящий мужчина в заломленной на затылок фуражке. — Нам нужно было самим производить бумагу, в Соединенных Штатах на нее большой спрос. А теперь мы, ребята, все останемся без работы!

— А я в прошлое или позапрошое воскресенье говорил с одним бригадиром с алюминиевого завода в Арвиде. Он пообещал взять меня на работу, — заявил молодой рабочий.

— Значит, можем собирать вещи и уезжать в Альму, раз там есть работа, — заявила женщина с покрасневшим от гнева лицом.

Эрмин, не теряя времени понапрасну, вернулась к Элизабет.

— Бетти! — крикнула она, с трудом переводя дыхание. — Ты была права! Они собираются закрывать фабрику. Если б ты видела, сколько людей собралось у почты!

Из кухни распространялся вкусный запах засахаренной малины — Элизабет раскладывала варенье по горшочкам. Женщина пристроила черпак на металлической кастрюле, в которой вскипала пурпурная пена, и вытерла руки фартуком.

— Это Жозеф был прав. Он говорил, что слухи о закрытии появились несколько месяцев назад. Но и он не хотел этому верить.

Женщина обвела взглядом кухню. Было бы очень больно расстаться с этими перекрашенными весной стенами, с этой мебелью, со всеми этими вещами, такими знакомыми и любимыми, в окружении которых она планировала прожить еще много-много лет... Элизабет расплакалась.

— Не плачь, Бетти, — взмолилась Эрмин. — А вдруг вы сможете остаться?

Кто-то затопал башмаками у порога. В дверном проеме появилась высокая фигура Жозефа Маруа.

— Почему плачет моя Бетти? — спросил он. — Решила подсолить наше варенье?

Он улыбался и, судя по выражению лица, был весьма доволен собой. Элизабет посмотрела на мужа, как на сумасшедшего.

— Фабрика закрывается, Жо! — сказала она сердито. — А я не хочу уезжать из Валь-Жальбера! Здесь ты получал хорошую зарплату! Кто нам даст столько же?

Рабочий, который по случаю жары сменил сорочку на майку, сел на стул и с нежностью посмотрел на жену.

— Ты забыла, что вышла замуж за оборотистого парня, Бетти! Я давно понял, откуда ветер дует, и вовремя ходил в гости к бригадиру в его красивый дом на улице Сент-Анн, что напротив фабрики. Мы выпили, поговорили. В общем, поладили как нельзя лучше, и теперь я в числе дюжины рабочих, которые еще год останутся на фабрике. Нужно же кому-то присматривать за оборудованием и динамо-машиной! Может, будем понемногу делать бумажную массу и отправлять заказчикам. Еще год мирной жизни — это не так уж плохо! С деньгами, которые я положил в сберегательную кассу, я смогу купить этот дом. В этом деле компания пойдет мне навстречу.

Жозеф Маруа встал, открыл буфет и налил себе стакан шерри. Элизабет была удивлена услышанным, но отнюдь не успокоена.

— Год пройдет быстро! — сказала она.

— Одно ясно как день — нам придется считать каждый су! — отозвался супруг.

Эрмин на цыпочках вышла из кухни. Она прекрасно понимала, что это значит лично для нее — чета Маруа не станет ее удочерять. С тяжелым сердцем девочка направилась к монастырской школе. Прекрасному сооружению были нипочем капризы погоды, будь то снег, дождь или солнце.

— Мне так хочется иметь семью, настоящую семью! — пожаловалась она самой себе.

Сестра Викторианна позаботилась о том, чтобы у девочки был свой ключ. Раз в неделю Эрмин проветривала все классы. Но ей не хотелось закрываться в четырех стенах. Девочка прислонилась спиной к массивной деревянной колонне, поддерживавшей балкон.

«Где мои родители? — думала она. — Я уверена, что они еще живы. Я вижу их во сне. Наверное, они живут далеко отсюда, ближе к северу. Почему они не приезжают за мной? У всех на свете есть отец и мать. Даже у меня!»

Эти вопросы давно мучили девочку, но ответов она не могла ни от кого добиться.

— Ты сирота, — говорила сестра Викторианна. — Мы тебя вырастили. Не жалуйся, монастырская школа стала тебе домом. Разве лучше было бы расти в сиротском приюте в Шикутими?

— Когда вырастешь, все узнаешь, — отвечала на расспросы девочки Элизабет.

Монахини, и в особенности первая настоятельница сестра Аполлония, просили ее не рассказывать Мари-Эрмин о том, при каких обстоятельствах она появилась в поселке.

— Было бы жестоко рассказать ей правду, — повторяла сестра Аполлония. — Нужно подождать, когда она вырастет.

Удивительно, но при девочке никто из жителей Валь-Жальбера не обмолвился и словом о ее происхождении. «У них и без того дел хватает», — любил повторять Жозеф. Большинство мужчин помногу часов работали на фабрике; те же, кто занимался коммерцией, не тратили время на разговоры с детьми. Что до женщин, то у них было столь многочисленное потомство (многие рожали почти каждый год), что размышлять о происхождении девочки, найденной в годовалом возрасте на монастырском крыльце, было их последней заботой. Сестры же молчали из милосердия и соображений благопристойности. И только дети временами наивно спрашивали:

— Скажи, Эрмин, а кто твоя мама?

Девочка, понурив голову, отвечала так:

— Я ее не знаю. Но однажды она придет за мной!

Из-за деревьев, окружавших монастырскую школу, появились Симон и Арман. Эрмин побежала к ним.

— Вы уже знаете новость? Фабрика закрывается! — объявила она. — Но Жозеф будет работать.

— Конечно, я знаю, — отрезал Симон. — Я читал объявление.

У Армана была поцарапана щека, на коленке штанов красовалась дырка.

— Где ты успел пораниться? — со вздохом спросила Эрмин.

— Играл возле железной дороги, — весело ответил мальчик. — Посмотри, какой я нашел болт!

Девочка пожала плечами. Арман собирал целую коллекцию ненужных вещей и хранил их в картонной коробке.

— Идемте домой, время для полдника! — позвала она мальчиков.

Эрмин вдруг остро захотелось поскорее увидеть Бетти, которая всегда

была с ней ласкова, а потом уединиться в гостиной, где стояла ее кровать. Там, на маленьком столике, она оставила портрет сестры Марии Магдалины. Эрмин помнила и любила покойную. И знала, что никогда ее не забудет.

* * *

Валь-Жальбер, 13 августа 1927 года

Над поселком прокатился вой фабричной сирены. В течение многих лет она задавала ритм жизни образцового поселка, построенного по задумке Дамаза Жальбера. Все — от годовалого малыша до самого старого рабочего, от девочки до бабушки — привыкли к этому назойливому зову, который, начавшись робкой тихой нотой, быстро набирал силу и заполнял собой всю долину. Однако сегодня вечером многим показалось, что гудок прозвучал как душераздирающий крик, бесконечная жалоба с мрачными отголосками... Была полночь.

Жозеф Маруа крепко сжал руку жены. Они сидели за кухонным столом. И хотя рабочему повезло на целый год сохранить за собой место на фабрике, он не скрывал своей грусти.

— Бетти, послушай! Наша целлюлозная фабрика закрывается навсегда. Нас предупредили, что о закрытии объявят с помощью сирены. И все-таки у меня мороз продрал по коже при этом звуке! Восемьдесят семей остались без работы. Скоро поселок опустеет, как дырявое ведро. Они уедут, и я их понимаю. На гидроэлектростанции близ Альмы набирают людей, и бумажная мельница в Робервале тоже...

Элизабет чуть не плакала от волнения. Сирена все не умолкала. Молодая женщина представила огромное здание фабрики — темное, покинутое удрученными рабочими.

— Жозеф, но ведь это ужасно! Почему эти господа из компании решили закрыть фабрику?

— В стране производится слишком много бумажной массы, и та, которую делают с использованием химикатов, пользуется большим спросом. Мы делаем массу только на воде, и это уже нерентабельно. Ты не представляешь, сколько это стоит — поддерживать производство! А если подумать, сколько домов они недавно построили в окрестностях! Недолго они простоят, если люди уедут!

Фабричный гудок разбудил в детской Симона и Армана. Мальчики

говорили шепотом, чтобы не разбудить младшего, Эдмона, который мирно посапывал в своей кровати.

— Папа рассказывал, что в полночь они объявят о закрытии, — тихо проговорил Симон. — Жаль, конечно! Я умею читать и писать и в следующем году мог бы пойти на фабрику работать!

— Скажи, когда фабрика по-настоящему закроется, мне можно будет пробраться туда и посмотреть на станки, на прессы, на динамо-машину?

— Дурачок! Просто попроси папу взять тебя с собой!

— Нет! Я не хочу, чтобы он ходил за мной следом. Я хочу сам!

— Ну, твое дело, — заключил Симон. — Хочешь новых неприятностей — иди.

Эрмин бесшумно встала с постели. Приблизив лицо к занавеске, она вдыхала свежий ночной воздух. С улицы Сен-Жорж доносились голоса. Должно быть, люди говорили о сирене на террасе отеля. Через стену она слышала невеселый разговор Жозефа и Бетти.

«Если поселок опустеет, вместе с родителями уедут и дети. Монастырская школа останется без учеников. И тогда сестры тоже уедут навсегда?» — размышляла девочка.

По щекам покатались крупные слезы. Она будет очень скучать по сестре Викторianne. Сестра-хозяйка была единственной, кто был рядом всегда, сколько девочка себя помнила.

«Может, они и меня заберут в Шикутими, — сказала себе Эрмин. — Но тогда мне придется разлучиться с Бетти и Симоном! О нет! Только не это!»

Вдруг девочке показалось, что кто-то зовет ее по имени. Она тихонько подошла к двери, ведущей в кухню.

— Да, я беспокоюсь о будущем Эрмин! — говорила Элизабет. — Что с ней станет? Ты тоже любишь ее, как родную дочку, я это знаю, Жо! Она такая умница, такая усердная и ласковая! Ты сам первый хвалишься ее талантом при каждом удобном случае!

— Может, и так, но мы не можем удочерить девочку. И не можем взять над ней опеку. Бетти, наше будущее тоже под вопросом. А тут еще ты со своими просьбами... Я и так ломаю голову, как быть с домом. Не стоит его покупать, если через год мне придется наниматься на завод в Альме или Арвиде. Да и Симона скоро нужно будет пристраивать на работу. Хотя думаю, что муниципалитет найдет правильное решение. Кто-нибудь здесь все равно останется — торговцы, ремесленники... Не заставляй меня принимать решение сегодня вечером. Уже поздно, и я иду спать.

Элизабет осталась расставлять посуду. С замиранием сердца девочка

прислушивалась к шагам Жозефа на лестнице. Как только он вошел в спальню второго этажа, она проскользнула в приоткрытую дверь.

— Бетти, мне не спится.

— Ты меня напугала! — тихо охнула молодая женщина.

Она раскинула руки, и Эрмин бросилась к ней в объятия. Рождение трех сыновей никак не сказалось на внешности Элизабет. Она была все так же стройна, с крепкой, хотя чуть потяжелевшей грудью. Свои белокурые волосы молодая женщина остригла короче в свой тридцать первый день рождения, в мае этого года. Кокетка в душе, она пользовалась духами и пудрой.

— Ты так приятно пахнешь! — заметила Эрмин.

— Ты тоже, моя крошка. Ты пахнешь луговыми цветами и ветрами с озера Сен-Жан! Возвращайся побыстрее в постель, сегодня грустная ночь!

Элизабет отвела девочку в постель.

— Бетти, а кто мои родители? Ты можешь мне сказать, я ведь уже большая! Я поступила очень плохо — подслушивала под дверью! Жозеф не хочет меня удочерять. Хотя мне бы очень хотелось, чтобы ты была моей мамой.

Голос Эрмин дрожал. Она из последних сил сдерживала слезы.

— Дорогая, я пообещала сохранить это в секрете, — ответила нянюшка.

— Почему? Я ведь вижу их во сне, своих родителей! По крайней мере, мне кажется, что это они. Я не рассказывала о своих снах монахиням, потому что они бы рассердились. Они говорят, что у меня слишком живое воображение! Но поверь мне, Бетти, мне уже давно снится сон, в котором меня баюкает красивая дама. А рядом с ней мужчина с собачьей упряжкой и санями. Когда я просыпаюсь и вспоминаю, что мне снилось, мне хочется плакать. Ты можешь открыть мне секрет. Он ведь касается меня в первую очередь, верно? То, что я ничего не знаю, несправедливо!

Ничто так не расстраивало Эрмин, как события и поступки, казавшиеся ей несправедливыми. Однако самым страшным проявлением несправедливости для нее всегда была и оставалась внезапная смерть ребенка или молодого и славного взрослого. Элизабет погладила ее по лбу. Молодую женщину переполняли эмоции. Она много думала о несчастье, каким стало для поселка закрытие фабрики, и искреннее отчаяние Эрмин стало последней каплей. Элизабет присела на край кровати и начала свой рассказ:

— Да простит меня Господь, ведь я нарушаю обещание. Как ты знаешь, сестры празднуют твой день рождения вскоре после Рождества, и

на это у них есть причина: твои родители покинули тебя седьмого января 1916 года. Это был праздник Богоявления. В тот день шел снег и было очень холодно. Сестра Мария Магдалина, твоя дорогая покровительница, возвращалась из универсального магазина. Она услышала крик, а потом нашла тебя на школьном крыльце. По-моему, ты была завернута в меховые шкурки. Сестра Викторианна лучше меня смогла бы рассказать тебе все... Тебе было около года. Я хорошо помню тот вечер. Сестра Люсия первым делом пришла к нам — ей были нужны пеленки. Думаю, сестры искупали тебя и переодели.

Эрмин слушала рассказ, затаив дыхание. Наконец перед ней открылись первые страницы истории ее жизни...

— Мне стало очень жалко бедного ребеночка, но сестра Люсия сказала, что малышка больна оспой! И тогда я перепугалась за Симона. Это страшная болезнь, которая навсегда обезображивает лица тех, кого пощадила смерть.

— Я слышала об оспе, — отозвалась девочка.

— Откуда? — удивилась Элизабет.

— У матери-настоятельницы есть медицинская энциклопедия. Я потихоньку беру его и читаю, — пояснила Эрмин. — Я ненавижу болезни. Я бы хотела стать доктором.

— Женщина не может стать доктором. Ты могла бы стать медсестрой, но для этого нужно много лет учиться.

— Я лучшая в своем классе, у меня бы получилось. Рассказывай, что было дальше, Бетти!

— Господин кюре, отце Бордеро, искал твоих родителей, но напрасно. Из страха перед болезнью он объявил карантин. Жозеф приказал мне не выходить из дома. Я выходила разве что подоить корову и покормить свинью и кур. Хотя, конечно, мне очень хотелось на тебя посмотреть. И когда я тебя наконец увидела — это было уже в другой день, когда поднялась страшная метель, — у меня появилось предчувствие. Я поняла, что полюблю тебя всем сердцем. И предложила стать твоей нянюшкой.

Эрмин задумалась. После недолгой паузы она спросила с беспокойством:

— Почему родители меня оставили?

— Этого я не знаю. Но имя твое, Мари-Эрмин, выбрали они. Значит, ты была крещена.

Элизабет сделала попытку встать, но Эрмин удержала ее за руку.

— Кто тебе это сказал? Сестры? Откуда они знают?

— Постой-ка, кое-что я вспоминаю, — задумчиво протянула молодая

женщина. — Среди твоих вещей монахини нашли записку. Сестра Мария Магдалина рассказывала мне о ней в один из первых дней, которые ты провела у нас дома. Да, твои родители оставили сестрам записку.

— Как бы мне хотелось ее прочитать! Прикоснуться к ней! — восторженно воскликнула девочка. — Если меня нашли в мехах, значит, мой отец был траппером, совсем как во сне! Ведь трапперы зимой ездят на собаках, верно?

В неярком свете свечи, принесенной Элизабет с кухни, ярко-голубые глаза девочки сияли, полные безрассудных надежд.

— Угомонись, Эрмин! Зря я тебе уступила. Ложись спать, поговорим об этом завтра.

— Ты мне обещаешь, Бетти, дорогая?

— Да, если ты будешь спать спокойно.

Оставшись одна, Эрмин стала всматриваться в темноту, словно в комнате вот-вот должны были появиться ее родители. Сердце разрывалось между радостью от того, что теперь она знает правду, и огорчением — ведь родители ее бросили...

«Когда вернется сестра Викторианна, я упрошу ее показать мне записку. Мои родители точно живы! И если я буду их искать, то найду», — думала девочка.

Когда решение было принято, словно камень свалился с души. На земле жили мужчина и женщина, которых она сможет назвать своими папой и мамой!

«Даже если они не хотят меня забирать, я буду с ними такой милой и ласковой, что они передумают. И я буду петь для них. Они будут мной гордиться, как Бетти и Жозеф».

Девочка заснула, успев запланировать сотню рискованных вылазок в неизведанные края — на поезде, на лошадях и даже пешком...

* * *

На следующий день к Жозефу и Элизабет пришел в гости сосед, Амеде Дюпре. Некогда жизнерадостный балагур, с годами Амеде ожесточился. Испанский грипп унес жизнь его шестилетнего сына. Супруга Амеде, Анетта, была никуда не годной хозяйкой. Расточительная и злопамятная, она со вчерашнего дня пилила его, торопя с отъездом.

— Я пришел за советом, старина Жо, — сказал Амеде, глядя в пустоту. — Тебе всегда выпадают хорошие карты... Твоя Бетти — женщина

серьезная, и красивая к тому же. И ты как минимум год останешься при работе. Мне повезло куда меньше! С моей Анеттой мне не удалось отложить на черный день и су! Говорят, на бумажной фабрике «Price Brothers», в Кеногами, набирают рабочих. Но там придется поселиться, и я не знаю, будет ли там так же уютно, как у нас, в Валь-Жальбере...

«У нас, в Валь-Жальбере»... Эти слова значили многое. Амеде был одним из первых рабочих фабрики. Он поступил на работу в 1904 году, двадцать три года назад. У него на глазах фабрика Валь-Жальбер произвела многие тысячи тонн бумажной массы, состоящей исключительно из древесины и воды, без всяких химических примесей. Ему довелось поработать и на прессе, и на размоле древесных волокон, и на стоке водопада, через который сплавленные по реке стволы доставлялись напрямиком в цех, где работали корообдирщики.

— На твоём месте, — ответил Жозеф, — я бы съездил на разведку к озеру Кеногами и в Жонкьер, там тоже нужны рабочие руки. Компания идет людям навстречу. Ты читал уведомление от одиннадцатого августа? Его подписал управляющий, месье Беланже. Так вот, тот, кто хочет остаться жить в Валь-Жальбере, хотя не может здесь работать, получает пятидесятипроцентную скидку на оплату жилья. Даже если ты с семьей уедешь, можешь оставить за собой на какое-то время свой дом вместе с мебелью, и это обойдется вам в полдоллара в месяц. Грех не воспользоваться, это даст тебе небольшую передышку.

Амеде немного повеселел.

— Тебе бы в политику, Жо! Какого я дурака сваял! Даже не прочел уведомление управляющего!

— И последний мой тебе совет, Амеде. Пора приструнить твою Анетту. Мы с Бетти пятнадцать лет терпим ее крики и визиты, но у меня часто руки чешутся успокоить ее на свой лад!

И Жозеф Маруа, подмигнув, погладил свой кожаный ремень.

— Я никогда не подниму руку на женщину! — вскипел Амеде. — Даже такую, как моя жена!

Элизабет поставила перед ним чашку чаю и блюдце с куском черничного пирога.

— Это придаст вам сил, дорогой сосед! — ласково сказала она.

Монахини вернулись тридцать первого августа, чтобы подготовиться к началу занятий. О том, что фабрика окончательно закрывается, они узнали из газет еще в Шикутими. Преемник отца Бордеро, молодой тридцатичетырехлетний аббат Огюст Деганьон [\[21\]](#) явился в монастырскую школу, стоило сестрам переступить порог. Он провел долгий разговор с

сестрой Элалией, нынешней настоятельницей.

— На сегодня уехало больше семидесяти человек! — говорил кюре матери-настоятельнице. — Соответственно, учеников у вас станет меньше, но все же их количество останется внушительным. Однако я полагаю, что прихожан в нашем прекрасном приходе со временем станет еще меньше. Отец Бордеро в своем письме сокрушается по поводу такой катастрофы, ведь это не может не отразиться на жизни общины!

— Вы правы, отче, — ответила настоятельница. — Но, пока родители будут записывать детей в нашу школу и платить скромный взнос за обучение, мы останемся и будем работать. Преподавание — наша святая обязанность, выше которой только служение Господу.

Монахиня проводила отца Деганьона и стала разбирать школьные учебники. Что до Эрмин, то она встретила сестру Викторианну с радостью и нетерпением, которое ей удавалось сдерживать с большим трудом. Девочка решила дождаться удобного случая, чтобы начать свои расспросы.

— Да что с тобой такое? — удивленно спрашивала сестра-хозяйка. — С самого утра все время вокруг меня вертишься! Мне нужно составить список недостающих продуктов. А ты отнесешь его в универсальный магазин.

Эрмин решила дождаться вечера. У них с сестрой Викторианной все еще была одна на двоих спальня, хотя девочке хотелось бы иметь отдельную комнату.

Когда обе улеглись, Эрмин проговорила шепотом:

— Сестра Викторианна... Мне нужно кое-что у вас спросить.

— Спрашивай, дитя мое. А потом и я тебе кое-что скажу.

Монахиня сняла свой покров. На ночь она покрывала свои коротко стриженные седеющие волосы платком. Ей было сорок восемь лет.

— Этим летом, — начала Эрмин, — я узнала, что мои родители оставили меня на крыльце школы завернутой в меха. Это было в праздник Богоявления. Еще я узнала, что они оставили записку. Сестра, я бы очень хотела ее увидеть.

— Господь милостивый! — вздохнула сестра-хозяйка. — Я боялась, что рано или поздно это случится. Наверное, тебе нелегко было узнать такое, но я до сих пор думаю, что родители просто не могли поступить по-другому. Наверное, с ними приключилось что-то плохое. И ты была очень больна. Они понадеялись, что мы тебя вылечим, и так оно в итоге и получилось. У тебя была корь и сильный жар.

— А вы подумали, что это оспа, — добавила Эрмин.

— Ты и об этом знаешь? Что ж, твой рассказчик знает все

подробности.

Сестра Викторианна задула свечу, горевшую вместо ночника. Монахиня считала, что от электрического света у нее начинается мигрень, потому что он слишком яркий.

— Пожалуйста, расскажите мне все, что вы знаете, сестра! — попросила девочка.

— Я как раз пытаюсь вспомнить... Куда могла подеваться эта записка, оставленная твоими родителями? Хотя я-то знаю ее наизусть. Слушай: «*Нашу дочку зовут Мари-Эрмин. В прошлом месяце, перед Рождеством, ей исполнился годик. Отдаем ее в ваши руки, на милость Господню. Шкурки — задаток за ее содержание*». Разумеется, подписи под запиской не было.

— Почему вы говорите «разумеется»?

— Потому что люди, когда совершают плохой поступок или поступок, за который им стыдно, не оставляют своего имени.

Сидя в своей постели, Эрмин лихорадочно, слово в слово, повторила текст записки.

— Но в этих словах нет ничего плохого, сестра. Они доверили меня вам и Господу. А что стало с мехами? Вы их сохранили?

— Мари-Эрмин, говори помедленнее! Это невежливо! Я Сама продала их в универсальном магазине, поскольку это был аванс за твое содержание. Мой отец был траппером, и только я одна могла выторговать за них хорошую цену.

— Значит, мой отец тоже траппер! — воскликнула девочка. — Теперь, когда вы пересказали мне текст записки, я уверена, что мои родители вернутся! Да, они вернутся за мной! Может, они не могли взять с собой больного младенца и хотели меня спасти, оставив на ваше попечение. Я знаю, что моя мама любит меня, знаю, потому что в моих снах она часто меня целует... И я вижу ее лицо близко-близко! Она очень красивая!

Сестра Викторианна покачала головой.

— Это очень хорошо, что ты их прощаешь, моя дорогая малышка, но прошу тебя, не верь так безоговорочно своим снам! Это всего лишь игра воображения!

— Я очень часто прошу Господа, чтобы Он помог мне прощать все обиды! Ведь и Он нас всех прощает! Господь нас прощает и любит. Я верю, что само небо посылает мне эти сны!

Монахиня зажгла свечу и встала. Нетвердыми шагами она приблизилась к маленькому комоду под распятием из черного дерева.

— Я сама перестирала тогда твои одежды и белье. Они лежат здесь.

Эрмин бросилась к комоду. Сестра-хозяйка развернула отрез

хлопчатобумажной ткани, в котором оказались крошечные вязаные детские одежды из бежевой шерсти. Они пахли нафталином. Еще там была распашонка из плотной хлопчатобумажной ткани и такие же ползунки. Сестра Викторианна взяла в руки крошечный белый фетровый чепчик.

— Этот чепчик был надвинут тебе почти на самые брови, — рассказала она. — Чтобы личико не мерзло. От холода тебя защищали меха куницы и чернобурки.

— А горностаевого среди них не было? — спросила внимательная к деталям девочка. — В словаре я читала, что этот маленький плотоядный зверек на зиму становится белым. А кончик хвоста у него черненький!

— Я и без тебя знаю, что такое горностаи, — отрезала сестра-хозяйка. — Нет, горностаевого меха не было. Но твой отец наверняка вспомнил об этом зверьке с красивой белой шубкой, когда выбирал тебе имя ^[22]. Кстати, о твоём имени я и хотела с тобой поговорить. Когда Элизабет Маруа с сыновьями вчера привела тебя в монастырь, я заметила, что все они зовут тебя Эрмин. Но твоё имя — Мари-Эрмин, это значит, что тебе покровительствует Пресвятая Дева, мать Господа нашего Иисуса!

— Мне все равно! — отозвалась девочка.

— Это ещё что такое? — возмутилась сестра-хозяйка. — Я запрещаю тебе отвечать в таком тоне!

— Я не имела в виду Пресвятую Деву! — поспешила ответить девочка. — Мне все равно, называют меня люди Мари-Эрмин или просто Эрмин. Вот что бы мне хотелось иметь, так это настоящую фамилию. У каждого человека есть фамилия, так мне объяснил Жозеф. А моя фамилия — Труве! ^[23]Хуже не придумаешь!

Первая директриса монастырской школы, сестра Аполлония, внесла девочку в приходскую книгу под фамилией Труве. Эту идею подал отец Бордеро.

Сестра-хозяйка понимала девочку и сочувствовала ей. Она нежно любила это дитя, выросшее под крышей монастыря.

— Моя бедная крошка, ну откуда мы могли узнать, кто твои родители? Они так ни разу и не появились. Не хочу огорчать тебя, но, может статься, они умерли в эпидемию испанского гриппа. Не питай напрасных надежд: если бы они хотели вернуться, то давно бы сделали это.

Эрмин долго рассматривала детскую одежду, перебирала её пальцами. На память о родителях ей остались только эти вот старые кусочки ткани, а значит, почти ничего. Она вернулась в кровать, с трудом сдерживая слезы. Сестра Викторианна последовала её примеру.

— Растить тебя стало для нас большой радостью, — сказала она, пытаясь утешить девочку. — Миленькая годовалая девочка с прекрасными голубыми глазками! Это был настоящий дар небес! Отец Бордеро не мешкая обошел окрестные дома и собрал для тебя целую коллекцию игрушек. Первые дни я кормила тебя протертым супом, и ты морщила носик, потому что он тебе совсем не нравился. Потом я стала варить для тебя мясо, давать тебе молоко и печенье. Поверь, здесь о тебе заботились намного лучше, чем если бы ты попала в приют!

— Сестра Мария Магдалина хотела стать моей опекуной, — сказала Эрмин. — И если бы не эпидемия гриппа, я бы носила ее фамилию и росла бы в доме в Шикутими...

— Господь распорядился по-другому, — зевнула сестра-хозяйка. — Спи, завтра нам предстоит начистить паркет и натереть воском парты. Тебе нужно отрабатывать плату за уроки.

Эти слова положили конец разговору. Сестра Викторианна задула свечу. Но сон не шел к девочке еще очень долго. Она пыталась представить лица своих родителей. Обычно в конце зимы через поселок проходили трапперы. Они останавливались возле универсального магазина и показывали управляющему свой товар. Жители с любопытством разглядывали лежащие на санях тюки и красивых, похожих на волков собак в упряжи.

«Наверное, мой отец был высоким и сильным. В моем сне он в черной одежде и с бородой, которая закрывает пол-лица. А какой была моя мама?» — думала девочка, глядя в темноту.

Эрмин представляла ее похожей на себя саму, но к своим чертам она добавляла черты женщины, которую видела во сне.

«У нее голубые глаза, это я знаю наверняка. И она красивая, такая же красивая, как сестра Мария Магдалина. И она очень страдала, когда пришлось меня оставить. Это я тоже точно знаю. Бетти умерла бы от тоски, если бы у нее отняли ее крошку Эдмона... Когда у меня будут дети, я буду любить их и лелеять и никогда не брошу!»

Через четыре дня в школу вернулись ученики и ученицы. Их было всего на десять человек меньше, чем обычно. Мать-настоятельница взяла себе старший класс, в который ходила и Эрмин. Настоятельница заранее знала, что уровень у девочки гораздо выше, чем у ее соучеников. Сирота очень рано приобщилась к занятиям. Ей нередко случалось оставаться в монастырской школе на целый день, поэтому сестры брали ее с собой то в один, то в другой класс. На уроках Эрмин внимательно слушала учителя и все прекрасно запоминала.

— Мари-Эрмин могла бы получить высшее образование, если бы у нее была семья, которая бы за него заплатила! — не раз говорила настоятельница сестре Викторianne. — Но в этом мы не сможем ей помочь. Лучшее, что она могла бы сделать, — это принять постриг и стать учительницей у малышей.

Сестра-хозяйка придерживалась того же мнения. Когда она поделилась своими мыслями с Элизабет Маруа, та согласилась, что это было бы неплохим решением.

Спустя месяц после начала занятий мать-настоятельница объявила на уроке, что хочет прочитать вслух сочинение одной из учениц.

— Эта работа меня растрогала до слез, — сказала она, держа в руках тетрадку. — Вы помните, какая была тема у этой домашней работы? Я попросила описать наш поселок. Фабрика закрылась, и многие собираются уезжать, особенно те, у кого есть семьи. Но в Валь-Жальбере нам всем жилось очень хорошо. Я решила прочесть это сочинение, чтобы вы подумали о трагедии, которая всех нас коснулась. Мари-Эрмин, ты прекрасно потрудились! Я поставила тебе девять баллов из десяти.

Сидя за своей партой, Эрмин покраснела. Одноклассники посматривали на нее с легкой завистью. Девочка уткнулась в учебник грамматики. В притихшем классе зазвучал глубокий и гармоничный голос настоятельницы:

«Мой дорогой поселок!

В отличие от многих детей, живущих в поселке Валь-Жальбер, который раньше назывался Уиатшуан, я не могу сказать, что родилась в красивом и уютном доме на берегу реки или на улице Сен-Жорж. Совсем недавно мне сказали, что я подкидыш. К счастью, я выросла в этом прекрасном поселке, которым восхищаются жители всех окрестных селений.

Сегодня вечером мне показалось, что сердце поселка перестало биться. И это ощущение не покидает меня. Каждый раз, когда я смотрю на водопад и на просторные постройки фабрики, я говорю себе: „Его сердце перестало биться“.

Чтобы отвлечься от грустных мыслей, я представляю, будто гуляю по любимому поселку, в котором мне знаком каждый уголок.

Улица Сен-Жорж гордится своей почтой, универсальным магазином, отелем-рестораном и общежитием, в котором жили холостые рабочие. Рядом с отелем располагается красивое здание,

в нем находится мясной магазин месье Леонидаса Парадуса [\[24\]](#). Каждая хозяйка находит в нем все, что ее душе угодно!

Еще у нас есть улицы Дюбюк, Трамбле, Сен-Жозеф и Лабрек. Все они названы в честь людей, которые много сделали для нашего поселка, как, например, месье Лабрек, епископ Шикутими.

Но больше всего в Валь-Жальбере мне нравятся сады. Сад есть у каждой семьи, и все за ними усердно ухаживают. Какое это удовольствие — в конце лета полюбоваться разноцветными цветами и созревшими овощами!

Вдоль наших улиц растут деревья, и на ветвях многих висят фонари центрального освещения. Через равные расстояния на улицах поставлены фонтаны. В нашем поселке никто не скучает, потому что компания и месье кюре устраивают для жителей массу развлечений.

Каждый может выбрать то, что ему по душе: пикники, театральные постановки, спектакли, соревнования по бейсболу летом и по хоккею на льду зимой.

В моем дорогом поселке никто не может пожаловаться на недостаток питьевой воды или дров для печи. Ни один дом темной ночью не оставался без света.

В Валь-Жальбере поселились люди ремесленных профессий, чтобы сделать жизнь его жителей еще приятнее, — мясник, сапожник, тележник. Из Роберваля в своем берлине, в который запряжена сильная лошадка, приезжает булочник. Большое спасибо молодому месье Коссетту [\[25\]](#), который заменил своего отца и охотно к нам приезжает. Мы надеемся, что он и в будущем будет радовать нас вкусным хлебом.

У меня только одна мечта — до конца моих дней жить в моем дорогом поселке...»

У матери-настоятельницы от волнения ком стоял в горле. Она с нежностью посмотрела на Эрмин.

— Дитя мое, я бы с удовольствием поставила вам десять, но вы сделали три орфографических ошибки, поэтому один балл я сняла. Это несколько не умаляет впечатления от вашего сочинения. Вы писали искренне и очень старались, хотя некоторые описания, в особенности это касается улиц, могли бы быть подробнее.

— Да, матушка, — робко ответила девочка.

Сестра Элалия попросила Эрмин задержаться после урока.

— Прошу вас, перепишите сочинение на отдельном листе и без ошибок, — сказала она, протягивая девочке тетрадь. — Я хочу переслать его нашему доброму другу, отцу Бордеро. Дорогое дитя, я искренне сожалею о том, что судьба обошлась с вами так жестоко, по еще раз прошу вас подумать о вашем будущем. Если вы все-таки решитесь принять постриг, то сможете стать учительницей. Наши сестры в Нотр-Дам-дю-Бон-Консей примут вас с распростертыми объятиями.

Взгляд больших голубых глаз девочки остановился на лице матери-настоятельницы. Она ответила тихо, но уверенно:

— Я не хочу быть монахиней, матушка. Я хотела бы учиться медицине. А еще я надеюсь выйти замуж и родить детей.

Услышав такое, сестра Элалия смутилась. Она оценила откровенность и искренность девочки, и все же ответ ее не устроил.

— Учиться медицине! — воскликнула она. — Мари-Эрмин, должна вас предупредить, это невозможно. Что же касается брака и семьи, то вы еще не понимаете, какие это налагает обязательства. Но мне на все лады повторяют, какой прекрасный у вас голос и музыкальный слух. Работайте над этим, и помимо преподавания в школе вы сможете давать уроки пения. Подумайте над тем, что я вам сказала, и, прошу вас, в следующий раз воздержитесь от неуместных рассуждений.

Жестом настоятельница позволила девочке уйти. Эрмин присоединилась к одноклассникам, во время перемен гулявшим перед школой на лужайке с подстриженной травкой. Кроны деревьев раскрасила осень. Вязы, ясени, березы и осины радовали глаз золотом, пурпуром, разливами желтого и рыжего. Особое великолепие пейзажу придавали клены, листва которых приобрела глубокий красный оттенок. Дул свежий ветер.

— Ты пришла, потому что думала, что мы водим хоровод? — спросила одна из девочек.

Эрмин отрицательно покачала головой. Каждый раз при виде ведущих к двустворчатой двери ступенек она думала о том, что ее родители подошли к этому самому месту, положили ее на порог, как бесполезное бремя, и исчезли в ночи.

Симон, который был с Эрмин в одном классе, подошел поближе.

— Мне твое сочинение показалось глупым! — задиристо сказал он. — Я получил семерку, и это несправедливо. Я ведь в подробностях расписал работу фабрики и рассказал о пожаре 1924 года. А еще отец сказал мне имя архитектора, который потом все восстанавливал, — Ламонтань ^[26].

— Это хорошая оценка — семь из десяти! — возразила Эрмин. — Ты просто мне завидуешь, вот!

— Ну конечно! — согласился мальчик не без насмешки. — Я завидую соловью из Валь-Жальбера! Чирик-чирик!

Девочка ограничилась тем, что показала сорванцу язык. Мальчик сильно изменился. Над верхней губой пробивались усики, голос стал более низким. Временами, например сегодня утром, он смотрел на нее не так, как обычно, и это смущало девочку. Эрмин поспешила присоединиться к хороводу, который водили подружки.

В тот же вечер с позволения сестры Викторианны она побежала к Элизабет и Жозефу. Девочка умирала от желания показать им свое сочинение и полученную оценку.

— Давай-ка сюда свое сочинение! — сказал рабочий.

Он прочел текст, качая головой. Потом кашлянул и потер нос.

— Прочти-ка и ты, Бетти!

Молодая женщина давно не видела мужа таким растроганным. Она прочитала сочинение и поскорее вытащила из кармана носовой платок.

— Очень хорошо, Эрмин, — пробормотала она. — И как только ты придумала сравнить фабрику с сердцем, которое перестало биться? Откуда это у тебя? Да если бы господа из компании прочитали твое сочинение, они бы пожалели о том, что сделали, точно бы пожалели!

Девочка снова покраснела. Она только что открыла для себя силу слова, как ранее ей открылась сила ее голоса. Жозеф, порывшись в кармане брюк, вынул мелкую монетку.

— Держи, Эрмин, ты ее заслужила. Купи себе ленточку в волосы или анисовых конфет. С твоим умом ты всех нас порадуешь, когда станешь учительницей. Но скажи, давно ли ты узнала, что ты — найденьш?

Элизабет моментально отвернулась к буфету под тем предлогом, что нужно взять оттуда тарелки.

— Сестра Викторианна мне рассказала, — ответила Эрмин. — Она решила, что я достаточно взрослая, чтобы знать. До свидания, Жозеф! До свидания, Бетти!

Она по очереди их поцеловала и выскочила на улицу. Поселок утонул в сиреневых сумерках. В небе, на западе, догорали оранжевые сполохи заката. Зажглись окна в монастырской школе и фонари на улице Сен-Жорж.

Эрмин не торопясь пошла к монастырю, где ее ждали сестра Викторианна и четыре других монахини, приехавших из Шикутими в этом году. Навстречу ей вышел Пьер, старший из сыновей Марсея Тибо. Это был парень среднего роста, белокурый, как и его отец. Три последних года

он работал на фабрике.

— Добрый вечер, Эрмин! — поздоровался он. — Хорошо, что я тебя встретил. Значит, сможем попрощаться.

— Почему? — удивилась девочка.

— Дело решенное — завтра мы уезжаем. Все вместе — папа, я, братья и сестры. Будем работать и жить в Альме.

Дети семьи Тибо, мать которых умерла во время эпидемии испанского гриппа, всегда хорошо относились к Эрмин. И ей было жаль с ними расставаться.

— Если все уедут, я останусь без друзей, — вздохнула девочка. — Я буду по вас скучать.

— Я тоже буду по тебе скучать, — сказал юноша. — Ты очень симпатичная. Настоящая девушка!

Взволнованная неожиданным комплиментом, Эрмин ответила сияющей улыбкой. Пьеру чаще случалось видеть ее задумчивой и грустной. Поддавшись необъяснимому порыву, он наклонился и поцеловал ее в губы.

— Прощай! — прошептал он.

Юноша скрылся за домиком священника. Вот так, в преддверии тринадцатого дня рождения, Эрмин получила свой первый поцелуй. В монастырскую школу девочка вернулась с полной неясных мечтаний душой. В долгие зимние месяцы она часто вспоминала Пьера Тибо. Оказавшись одна в монастырской кухне или на улице, она тихонько напевала любимые слова из песни «У чистого ручья»:

Я так давно тебя люблю...

И не забуду никогда!

Напевая, она думала о Пьере, словно была в него влюблена, и о сестре Марии Магдалине. Уже много дней Эрмин не решалась называть молодую монахиню, умершую девять лет назад, мамой, даже в мыслях. Она была уверена, что ее настоящая мать жива и они с отцом обязательно вернутся в Валь-Жальбер.

В день праздника Богоявления, в январе 1928 года, девочка смотрела из окна на прорытую в снегу тропинку, соединявшую монастырскую школу с улицей Сен-Жорж. Пелена пушистого снега укрывала пейзаж. Вопреки здравому смыслу девочка ждала чуда. Родители появятся из глубины морозной ночи и постучат в дверь.

Однако они не пришли ни в этом году, ни в следующем.

Двести человек уехало из поселка. Ходили упорные слухи, что скоро Валь-Жальбер совсем опустеет и монахини тоже уедут навсегда.

«А я останусь, — пообещала себе Эрмин. — Я буду ждать здесь родителей столько, сколько понадобится. Когда они придут, будет падать снег, совсем как в моем сне, и мама меня поцелует, обнимет крепко-крепко... О, поскорее бы это случилось!»

Глава 6. Незнакомец

Валь-Жальбер, 13 марта 1929 года

— Зима никак не хочет уходить, — каждый день повторяла сестра Викторианна.

После короткой оттепели поселок, погребенный под толстым слоем снега, снова был скован холодом. В этот вечер небо, низкое и мрачное, казалось, готово было обрушиться на опустевшие дома — квартал, который во времена процветания жители называли «верхний город».

«Раньше в это время хозяйки домов включали лампы, — думала Эрмин, поднимаясь по улице Сен-Жорж. — Но теперь там никто не живет, и даже электричество в этом квартале отрезали. Как грустно смотреть на черные окна...»

Мысли четырнадцатилетней Эрмин часто начинались с меланхолического слова «раньше», и в этом она была не одинока. Жизнь поселка Валь-Жальбер кардинально переменилась с тех пор, как здание целлюлозной фабрики окутала нерушимая тишина.

«Сердце, которое перестало биться!» — девушка вспомнила свое сочинение, написанное полтора года назад.

С каким удовольствием она услышала бы снова рокот турбин и шум работающих цехов, в которых обдирают с бревен кору или размалывают древесные волокна!

«К счастью, у нас остался водопад!» — сказала себе Эрмин.

Она всегда взирала на шумный водный каскад на реке Уиатшуан с дружелюбным уважением. Никакой компании под руководством богатых господ не под силу заставить утихнуть грозный гул, заставить замереть влажное и мощное дыхание. Девушке было приятно думать об этом, она искренне восхищалась непобедимыми силами природы. Мороз оказался бессилён перед бурным потоком, но ближе к берегу вода покрылась инеем и местами застыла, и мельчайшая капля, попав на ветку дерева или на камень, моментально превращалась в лед. Каждый день природа представала в сказочно прекрасном облике перед всяким, кто имел дар и желание полюбоваться солнечным и морозным утром, ибо здешние зимы были щедры не только на мороз, но и на солнце.

Эрмин постучалась в дверь к Мелани Дунэ, всеми уважаемой шестидесятилетней даме. Та открыла через мгновение, словно дожидалась

ее прихода.

— А вот и мой очаровательный рассыльный, наш маленький соловей! — дрожащим голосом воскликнула пожилая женщина. — Я как раз вышиваю наволочку на подушку, хочу подарить ее сестрам. Входи скорее!

— Добрый вечер, мадам Мелани! Готова поспорить, суп еще теплый! Сестра Викторианна наливала его в котелок кипящим, и я спешила, как могла.

Вот уже неделю как Эрмин по поручению сестры Викторианны носила овощной суп той, кого весь поселок называл вдовой Дунэ. Ее муж работал на фабрике и перед смертью от гипертонического криза успел выкупить дом. У четы было шестеро детей, которые поселились в соседних приходах. Мелани не хотела уезжать из Валь-Жальбера, и когда стояли сильные морозы, а улицы заносило снегом, не осмеливалась выходить из дома.

— Раз мы здесь, нужно помогать тем, кто попал в затруднительное положение, — постановила настоятельница. — Нельзя допустить, чтобы эта несчастная вдова зачахла в одиночестве!

Эрмин была рада новому поручению. Она любила гулять по Валь-Жальберу, особенно когда было много снега. Сестра Викторианна раздобыла для девушки тяжелые башмаки, снабженные металлическими крючками. Одевшись потеплее, Эрмин отправлялась навестить вдову.

— Ты очень добра ко мне, — сказала Мелани Дунэ, усаживаясь возле печки. — Я дам тебе за это монетку. Это, конечно, мелочь, но если ты станешь откладывать те су, которые получаешь, однажды наберется приличная сумма. Снимай-ка пальтишко, поболтаем немного. Я бы с удовольствием послушала песню, ту самую, которую любил мой покойный муж — «Странствующий канадец» ^[27]. С таким голосом, как у тебя, грех заставлять себя упрашивать!

Эрмин давно привыкла к таким просьбам. Она никогда не отказывала, особенно если спеть ее просил пожилой человек, такой, как вдова Дунэ.

— Вчера вечером я пела вам «Ave Maria», мадам Мелани. Но сегодня я тороплюсь — мне нужно еще зайти в универсальный магазин. Если я опоздаю, сестра Викторианна завтра утром останется без кофе.

Пожилая дама воздела руки к небу.

— У меня есть пачка кофе, и я тебе ее отдам, потому что давно не пью кофе. Это будет плата за суп.

В кухне было очень жарко. Эрмин развязала шарф и сняла рукавицы.

— Если так, я задержусь на пять минут, — сказала девушка, сердце у которой было очень доброе.

Она остро сочувствовала вдове, обреченной проводить долгие дни в одиночестве.

— Расстегни пальто, иначе сварисься, — потребовала мадам Мелани.

Улыбаясь своим мыслям, старушка вернулась к вязанию. Эрмин молча любовалась ловкими движениями ее пальцев, в которых быстро мелькала изогнутая иголка с зеленой ниткой. В конце концов на вышитой картинке должен был появиться букет цветов в обрамлении крупных листьев. На стоящем тут же столике красовалась плетеная корзинка с мотками хлопчатобумажных ниток всех цветов и оттенков.

— Когда на дворе мрачно, как сегодня, особенно приятно видеть яркие цвета, — сказала вдова.

— Красивый рисунок! Сестрам очень понравится, мадам Дунэ, — заверила ее девушка.

— Я хожу плохо, но мои руки мне все еще служат. Ну, где же моя песня?

— Хорошо, но только одна, мадам Мелани. Однако я не стану петь «Странствующий канадец». Вы часто ее просите, а потом плачете. Я не хочу, чтобы из-за меня вы грустили.

Эрмин задумалась, выбирая песню, которая точно понравилась бы пожилой даме. Она решила исполнить арию из одной французской оперы, которая особенно нравилась Элизабет Маруа:

О Магали, любовь моя,
Уединимся,
Ты и я,
Под сенью крон, в лесной тиши! [\[28\]](#)

Мелани Дунэ отложила вязание, обратившись в слух. Девушка повторила припев и умолкла.

— Какая красота! Но, скажите пожалуйста, слова-то в ней игривые! Уж точно не монахини научили тебя такой песне!

Эрмин лукаво улыбнулась в ответ.

— Я выучила ее, чтобы порадовать Бетти. Отец пел ей эту песенку, когда она была маленькой.

Вдова кивнула и внимательно посмотрела на девушку. Увиденного ей было достаточно, чтобы повернуть разговор в иное русло:

— Признайся, у тебя появился возлюбленный? Любой охотно возьмет в жены такую красавицу. Найди себе хорошего человека, обязательно

работающего. Он будет рад иметь в доме собственного соловья!

Людям нравилось повторять слова, некогда сказанные отцом Бордеро. Но вопрос смутил девушку, и она покраснела.

— Я слишком молода, чтобы думать о браке, — робко ответила она.

— Вот еще глупости! Я вышла замуж за Теодора в пятнадцать, а Элизабет Маруа в семнадцать родила первенца! Когда ты выйдешь замуж, у тебя будет свой дом. Но сестры наверняка приказывают тебе держаться подальше от парней?

— Да, мадам Мелани, вы правы.

Монахини ежедневно напоминали ей о том, какими опасностями чревато кокетство, и призывали всеми силами избегать мужского общества. Эрмин, слушая их наставления, прятала улыбку. Она часто вспоминала о Пьере Тибо, двадцатилетнем парне, который недавно уехал из Валь-Жальбера. О Пьере, который подарил ей первый поцелуй... Но это был ее секрет, и она ни за что на свете не расскажет об этом вдове Дунэ...

— Не знаешь ли, надолго сестры собираются остаться? — спросила старушка, подбирая нить нового оттенка. — Сколько у них сейчас учеников?

— Около шестидесяти, — ответила девушка. — Но после Пасхи их станет меньше. Еще три семьи объявили о том, что уезжают.

— Да, в свое время Валь-Жальбер строился с большим размахом, — заметила пожилая дама. — Какая прекрасная у нас школа, а ведь скоро она опустеет так же, как фабрика, банк и все остальное... Все закроется. Надеюсь, я до этого не доживу. Мой муж гордился тем, что работает на целлюлозной фабрике. Когда он получил эту работу, наша жизнь переменилась. Подумать только! Водопровод, туалет и ванная в доме! К тому времени у нас было уже четверо детей. И я без страха родила пятого. Здесь я прожила свои лучшие годы. Если поселок умрет, я умру тоже.

Эрмин встала. Пессимизм мадам Мелани действовал на нее удручающе. Девушке не хотелось грустить.

— Мне пора возвращаться. Сестра Викторианна будет волноваться. Скорее ешьте суп, он остывает.

— Не беспокойся, я его подогрею. Теперь мне редко случается так вкусно поесть. Куры перестали нестись. Погоди, возьми на полке справа свой кофе.

Девушка взяла пачку, попрощалась и торопливо вышла. На улице она с наслаждением вдохнула терпкий холодный воздух.

— Ты, ветер, прилетаешь издалека! Оттуда, где холоднее, чем у нас, где льды никогда не тают! — крикнула она, поднимая лицо к темнеющему

небу. — Мать-настоятельница рассказывает, что там живут медведи, белые как снег, и целые стада тюленей...

Девушке вспомнились иллюстрации из энциклопедии. Она представила себе, как отправляется в путешествие на санях, запряженных шестью собаками с густым мехом и волчьими глазами.

Монахини не раз упрекали Эрмин в том, что она слишком часто витает в облаках, но девочка и не думала меняться. Она получала истинное наслаждение от надежд и фантазий, в которых все случалось только так, как ей того хотелось.

«Однажды ветер принесет в Валь-Жальбер моих родителей или Пьера Тибо», — думала она, неторопливо шагая к универсальному магазину.

Ей не нужно было ничего покупать. Девушка всегда с удовольствием рассматривала витрину — выставленные рядами консервы, банки со сладостями и отрезки ткани, развешанную на крючках блестящую металлическую кухонную утварь.

Из примыкающего к магазину отеля-ресторана доносились мужские голоса, смех и отголоски дискуссии. На холоде обоняние обостряется, поэтому, уловив аромат сладкой карамели, девушка поняла, что проголодалась.

Эрмин остановилась, радуясь привычному шуму и вечернему свету.

«Однажды я приду сюда поужинать и буду одета так же элегантно, как дамы, которые приезжают иногда из Роберваля», — мечтательно пробормотала она.

Внезапно откуда-то донеслось мелодичное посвистывание. Девушка прислушалась. Источник звука находился на улице, недалеко от магазина. Свист был похож на песню дрозда, и Эрмин сразу же узнала мелодию — это была чуть ускоренная версия столь любимой жителями Квебека песенки «У чистого ручья».

Эрмин пошла на звук. Перебравшись через сугроб, девушка вышла к открытому участку, на котором в течение многих лет заливался каток. Жозеф и Бетти приводили их с Симоном на хоккейные матчи, проходившие здесь же, недалеко от отеля. Но этой зимой игроков в поселке осталось слишком мало, поэтому соревнования отменили.

Однако на катке кто-то был. Девушка заметила темную фигуру, но никак не могла узнать, кто же это. Если судить по ловким энергичным движениям, передней был парень. В сгущавшихся сумерках лица было не разглядеть.

«Кто бы это мог быть? — спросила себя девушка. — Неужели чужак? Гость? Я уверена, что он не живет в Валь-Жальбере!»

Любопытство удерживало ее на месте.

«Мне нужно уходить. Сестра Викторианна будет сердиться. Ну и пускай!» — сказала она себе, зачарованная зрелищем.

Она знала песню наизусть, поэтому губы ее бессознательно артикулировали слова. Конькобежец насвистывал все громче и громче. Он разогнался и заскользил по льду, раскинув руки, потом сделал оборот на месте, снова разогнался и несколько раз подпрыгнул. Эрмин чуть не захлопала в ладоши от восторга, но в это мгновение юноша перешел к рискованному пируэту, поскользнулся и тяжело упал на спину. Прошла секунда, другая, а он не шевелился.

«Наверное, с ним случилось несчастье!» — подумала девушка, не решаясь пошевелиться.

Она вздохнула с облегчением, глядя, как он встает. Юноша снял шапку и стряхнул с нее снег. Эрмин с удивлением отметила, что у него длинные, до плеч волосы.

— Смейтесь не стесняясь, мадемуазель, — неожиданно крикнул он.

Эрмин не знала, куда деваться от стыда. Она думала, что в синеватой тени отеля ее совсем не видно, — и ошиблась.

Конькобежец напрямик направился к ней.

— Мне хотелось перед вами покрасоваться, а вместо этого я сел в лужу, — сказал он, рассматривая лицо девушки. — Добрый вечер! Я не знаю никого в этих местах. Я ищу работу.

Эрмин с ужасом осознала, что к ней приближается незнакомец, а ведь мать-настоятельница строжайшим образом запретила ей разговаривать с незнакомцами... Она смотрела на юношу и молчала.

— Скажите, вы немая или это я вас так сильно напугал? — иронично поинтересовался юноша.

— Нет, конечно! — отозвалась Эрмин. — Просто мне запретили разговаривать с посторонними.

Это было очень по-детски, и девушка тотчас же устыдилась своих слов. Юноша посмотрел на нее сердито.

— У вас в Валь-Жальбере не слишком рады гостям, — вздохнул он. — Мне пришлось показать деньги, чтобы получить комнату в отеле.

Теперь, в свете фонаря, покачивавшегося на ветке старого вяза, Эрмин могла разглядеть его лицо.

«Он метис, с примесью индейской крови», — пришла она к выводу.

Теперь девушка понимала, что он имел в виду, говоря о сомнительном гостеприимстве жителей Валь-Жальбера. Здешние жители в своем большинстве неодобрительно относились к таким, как этот парень,

несмотря на то, что многие реки, озера и целые местности носили названия, данные им племенами индейцев монтанье.

— Целлюлозная фабрика закрылась больше года назад, — пояснила девочка виноватым тоном. — Лесорубы, естественно, тоже остались без работы. Здесь вы заработка не найдете.

— Значит, пойду дальше, мадемуазель, — заявил незнакомец. — Я уже работал лесорубом.

Голос у юноши был низкий и глубокий. Взволнованная Эрмин кивнула. Жестом она обвела озеро Сен-Жан.

— Идите в Роберваль, Шамбор или Альму. Вокруг озера много гидроэлектростанций, — добавила она.

Голубые девичьи глаза встретились с темными глазами юноши. Сердце Эрмин забилось, как пойманная птичка. Ей вдруг вспомнился вопрос вдовы Дунэ, заданный каких-то полчаса назад.

«У меня нет возлюбленного, но когда он появится, мне бы хотелось, чтобы он был похож на этого юношу...»

Незнакомец потеснил из сердца Эрмин Пьера Тибо, воспоминания о котором и так почти стерлись.

— Как у вас получается скользить так быстро без коньков? — тихо спросила она.

Он посмотрел на нее, на этот раз с большим интересом. Эрмин показалось, что его руки касаются ее губ, носа и щек.

— Вы еще маленькая девочка, — заключил юноша с улыбкой.

— Вовсе нет! После Рождества мне исполнится пятнадцать!

Вопреки всем наставлениям монахинь и Элизабет Маруа, девушке хотелось говорить с этим незнакомцем, хотелось рассказать ему о своей жизни в монастырской школе, о занятиях и хозяйственных хлопотах, о том, что ей приходится работать на кухне и ходить за покупками на другой конец поселка...

— Так и есть — вы еще маленькая. Лучше я пойду. Не хватало новых неприятностей!

— Каких неприятностей?

— Возвращайтесь к родителям, — ответил незнакомец, подбирая с земли свою сумку на ремне, которую девушка только сейчас заметила.

Обиженная, Эрмин сорвала с головы красную шерстяную шапочку. Ветер раздул светло-каштановые шелковистые волосы.

— Знайте, месье, что у меня нет родителей. И я не знаю, откуда я родом и где моя семья. Я живу у монахинь, которые содержат монастырскую школу.

— Мой отец умер прошлой весной. Я ищу работу, чтобы помогать деньгами матери, — пояснил незнакомец.

С этими словами он нахлобучил шапку и поднял воротник кожаной куртки. Эрмин с сожалением отступила. Рядом с ним она чувствовала себя в безопасности.

— До свидания, мадемуазель, — сказал незнакомец. — Может статься, я вернусь в эти края следующим летом. И спасибо вам большое — вы первая, кто назвал меня «месье».

Он стоял на месте и никак не решался уйти. Казалось, красота девушки его зачаровала. Эрмин была бледна, на щеках горел яркий розовый румянец, соблазнительного рисунка губы были полураскрыты...

— Да, я непременно вернусь! — выдохнул он, подмигнув девушке.

Было что-то двусмысленное в его словах, что заставило Эрмин смутиться. Повернувшись к нему спиной, девушка пошла прочь, стараясь не перейти на бег. У нее сложилось странное впечатление, что этот юноша совершенно не похож на всех тех, с кем ей доводилось раньше встречаться. И в этом различии зиждился источник жизни, полной приключений, самая сущность свободы.

Незнакомец направился к отелю. Оглянувшись, он увидел, что девушка быстрым шагом удаляется по улице Сен-Жорж.

Проходя мимо дома семьи Маруа, Эрмин увидела Жозефа. Тот счищал лопатой лед со ступенек крыльца.

— Странное у тебя выражение лица, — сказал он девушке. — Словно с дьяволом повстречалась! Сестрам не следует так поздно посылать тебя за покупками.

Глаза у Эрмин блестели, щеки пылали огнем. Жозеф наметанным глазом определил, что девушка очень взволнована.

— С тобой все в порядке? — подозрительно спросил он.

— Конечно! Вдове Дунэ хотелось поболтать, и я не осмелилась возражать. У нее в доме очень жарко. Теперь я спешу вернуться в школу!

— Ложись спать пораньше, Эрмин. Не забудь, что завтра мы берем тебя с собой в сахароварню!

— Я буду готова вовремя, — ответила девушка, ускоряя шаг.

Эрмин с нетерпением ждала завтрашнего дня, когда они вместе с семьей Маруа отправятся в домик, в котором Жозеф делал кленовый сироп. Впервые они решили взять ее с собой. Девочка рисовала в уме множество удовольствий, которые принесет ей этот длинный день в лесу.

Сестра Викторианна смерила девушку строгим, подозрительным взглядом, совсем как Жозеф.

— Мне нужна была твоя помощь, Мари-Эрмин. Что ты так долго делала у мадам Дунэ?

— Я была у нее не дольше обычного, — возразила девушка, снимая верхнюю одежду. — Мадам Мелани всегда меня задерживает. Держите, она передала вам пакет кофе.

Монахиня вздохнула. Она как раз раскатывала на столе тесто деревянной скалкой. Ее белые от муки руки были деформированы от многих лет работы по хозяйству.

— Давайте я вам помогу, — предложила Эрмин. — Этот сладкий пирог вы хотели подать на десерт? Тогда нужно поторопиться!

Монахини ужинали в восемь вечера, и весьма скудно, потому что был пост.

— Господи Иисусе, о чем ты только думаешь? — воскликнула в негодовании сестра-хозяйка. — Кто решил испечь пирог с орехами пекан, чтобы угостить завтра семью Маруа?

— Я, сестра. Я совсем забыла!

— Так-то ты торопишься отблагодарить этих замечательных людей! Поставь-ка пирог в печку, да побыстрей, а я пока вытру стол.

Смущенная девушка занялась красивым ярко-желтым тестом. Некоторые семьи рабочих, не уехавшие из поселка, перешли к крестьянскому труду. В окрестностях оставалось немало молочных коров, и сестра Викторианна, старавшаяся готовить повкуснее, еженедельно покупала свежее масло и сливки.

— Мне очень жаль мадам Мелани. Ей наверняка очень скучно одной, — сказала девушка, перекладывая тесто в жестяную форму. — Каждый вечер она просит меня что-нибудь спеть.

Движения Эрмин были точными и быстрыми. Она проворно разложила поверх теста орехи пекан.

— Бетти пирог понравится, и маленькому Эдмону тоже. Сестра, мне не терпится посмотреть, как делают кленовый сироп. С ним получают такие вкусные блюда!

— У моего отца тоже была своя сахароварня, — вздохнула сестра-хозяйка. — И братья ему помогали. А я мыла посуду.

Эрмин молча кивнула. В воспоминаниях сестры Викторианны все чаще чувствовалась горечь. Девушка сосредоточенно перемешивала в мисочке сливки и кленовый сироп. Янтарного цвета густая жидкость восхитительно пахла. Эрмин посадила пирог в печь и принялась оттирать стол.

— Я сама полью пирог сиропом, — сказала она, не глядя на сестру-

хозяйку.

— Ты ничего не хочешь мне рассказать? — спросила сестра Викторианна. — У меня на душе неспокойно. Представь, сегодня Жозеф Маруа пожаловался матери-настоятельнице, что мы даем тебе слишком много свободы. По его мнению, опасно отпускать тебя на улицу, когда начинает темнеть. Он ушел незадолго до твоего прихода.

Девушка вздохнула. Значит, эта встреча с Жозефом была неслучайна. Он как раз вернулся из монастыря и чистил лестницу от снега, дожидаясь ее возвращения от вдовы Дунэ.

— Я-то тебе доверяю, — заверила девушку сестра Викторианна. — Ты девочка смелая, набожная, начитанная, и все же...

— Все же что? — резко спросила Эрмин.

— Я бы хотела, чтобы ты поскорее решилась на постриг. Если ты согласишься стать монахиней, твоя судьба будет определена. Грехи и страдания, которые выпадают на долю женщин и в особенности матерей, минуют тебя стороной. Из тебя получится отличная учительница.

Эрмин приходилось чуть ли не каждый день выслушивать такого рода поощрительные речи. Она отреагировала чуть эмоциональнее, чем обычно:

— У меня никогда не было настоящей семьи. Поэтому я хочу выйти замуж, заниматься домом, родить детей...

Перед мысленным взором девушки появилось красивое лицо незнакомого юноши, встреченного на катке. Внезапно покраснев, она отвернулась. Сестра Викторианна сняла фартук и присела на стул.

— Я давно хотела об этом с тобой поговорить... В твоем возрасте я была некрасивой. И стала монахиней, потому что знала: никто не возьмет меня в жены. В то время мое решение вполне устраивало родителей — они были бедны и беспокоились о моем будущем.

— Неужели ваша вера не была сильной? — удивленно воскликнула девушка.

— Конечно же была! И я никогда не жалела, что стала Христовой невестой. Иисус любит нас всех, красивых и некрасивых. Что до юношей, то они предпочитают хорошеньких. Мое дорогое дитя, не позволяй мужчине ничего, пока он не докажет свою любовь брачной клятвой. В противном случае тебя ждет бесчестье, стыд и тоска. И мы уже ничем не сможем тебе помочь. Ты понимаешь меня?

— Понимаю, сестра. В прошлый Жирный вторник Бетти говорила мне то же самое.

— Вот как? Что ж, мадам Маруа — женщина добропорядочная. Постарайся не забыть о наших предупреждениях.

Эрмин взяла из шкафчика четыре суповые тарелки, выдвинула ящик и достала салфетки. В кухню вошли сестра Элалия и сестра Адель. Монахини сели за стол. Учеников в школе стало меньше, поэтому в сентябре из Шикутими вернулось всего три монахини вместо четырех. За едой они говорили мало. Девушка ела, но мысли ее кружились вокруг красивого незнакомца.

«Если он найдет работу в Валь-Жальбере, мы будем часто видеться. Но мне бы хотелось, чтобы мы встретились летом. Там, на катке, я была закутана в три слоя одежек, не понять, мальчик или девочка. Нет, лучше будет, если он уйдет в другие края, потому что местные ни за что не будут относиться хорошо к метису... И, наверное, он намного старше меня. Поэтому и назвал меня маленькой девочкой...»

Мать-настоятельница тихонько кашлянула. Эрмин посмотрела на нее.

— Дитя мое, сегодня вечером вы не слишком-то говорливы. Я бы хотела услышать, как себя чувствует мадам Дунэ.

— Мадам Мелани чувствует себя хорошо, матушка. Она просила передать вам благодарность за суп.

— Это хорошо. Должна вам сообщить, что я считаю справедливым замечание месье Маруа и отныне запрещаю вам ходить по деревне после четырех пополудни. Этот господин проявляет отеческую заботу о вас. Еще он сказал, что по Валь-Жальберу шатаются бродяги, от которых хорошего ждать не приходится. В поселке много пустых домов, и нехорошие люди хотят разжиться вещами, которые хозяева могли забыть или оставить.

Девушка внимательно выслушала настоятельницу. Сердце ее сжалось.

«Неужели мой незнакомец — вор? Нет! Он ищет работу, чтобы посылать деньги своей матери!» — сказала себе девушка.

— По-моему, Эрмин забыла не только о вдове Дунэ, — прозвучал над столом гнусавый голос сестры Адели. — Что это у нас горит?

— Пирог! — простионала сестра-хозяйка.

Эрмин птицей подлетела к печи и открыла дверцу. Из чугунной формы валил густой дым. Смесь сливок и кленового сиропа разлилась по плите, распространяя едкую вонь. Сестра Викторианна не смогла удержаться от упрека:

— Ну о чем ты только думаешь, Эрмин? Ты положила чересчур много сливок. И теперь орехи будут слишком сухими. Ты ведь знаешь рецепт!

Глядя на последствия этой маленькой катастрофы, девушка расплакалась. Все шло наперекосяк с момента их встречи с тем юношей. Еще немного, и она поверила бы, что это сам дьявол управляет ею, заставляя доставлять другим огорчения. Девушка выбежала из кухни. Когда

монахинь в монастырской школе осталось только три, у нее появилась своя комнатка. Задыхаясь от рыданий, Эрмин присела на край кровати. Слезы застилали глаза, поэтому она оцупью нашла на ночном столике драгоценный портрет.

— Сестра Мария Магдалина, мамочка, моя дорогая Анжелика, помоги мне! — прошептала она.

Настоящее, мирское имя красавицы монахини, умершей от испанского гриппа, Эрмин узнала от сестры-хозяйки. И это показалось ей добрым знамением.

— Ты была моим ангелом-хранителем, — запинаясь, пробормотала девушка. — Как бы я хотела, чтобы ты вернулась ко мне! Что со мной будет?

В душе девушки постоянно жил страх перед будущим. Маруа так ее и не удочерили. Официальной опекуной была мать-настоятельница монастыря Валь-Жальбер, то есть не конкретное лицо, а монахиня, которая занимала этот пост. Неудивительно, что они относились к своей воспитаннице по-разному — кто-то с большей теплотой, кто-то — с меньшей.

— Я не хочу уезжать с ними в Шикутими! — сказал Эрмин в темноту.

Девушка легла в кровать. Несколько минут спустя она уже удивлялась тому, что расстроилась, не имея на то никакой серьезной причины. Пирог вышел не таким вкусным, как хотелось бы, но Маруа все же не откажутся его отведать, даже если и посмеются над ее рассеянностью... Отныне ей запрещено вечером гулять по поселку? Ну и ладно! Было бы о чем плакать!

«Во всем виноват незнакомец! — думала она. — Но мне так понравилось, как он насвистывает! И как он быстро скользит по льду! Мне бы хотелось подольше с ним поговорить. Хотя сегодня я говорила только глупости...»

Не прошло и нескольких минут, как девушка пришла к выводу, что влюбилась. Легко, без усилия перед ее мысленным взором появлялось его лицо, его матовая кожа, черные глаза, взгляд которых был куда мягче его слов.

«Он сказал, что в будущем году вернется, — утешила она себя. — И я уже не буду маленькой девочкой. Я и сейчас уже не маленькая. Если он вернется летом, мне понадобится новое платье длиной до середины икры, как у Бетти...»

Мысли о встрече прогнали грусть. Девушка заблудилась в самых приятных мечтах. Она пыталась подобрать своему незнакомцу имя. Перебрав несколько десятков, она не нашла ни одного, которое могло бы

ему подойти.

Эрмин уснула, убаюканная влюбленностью, мечтая только о том, чтобы месяцы и недели пролетели как можно скорее.

* * *

Валь-Жальбер, на следующий день

Утро выдалось прекрасное: в прозрачном небе сияло яркое солнце, серебром переливался снег и покрытые коркой льда ветви деревьев. Настроение у Жозефа Маруа было превосходное. Он забрался в сани, где уже сидел его старший сын, Симон.

— Прошу вас, дамы, садитесь! — приветливо сказал он.

Элизабет и Эрмин устроились тут же и закутались в теплые одеяла. На коленях у девушки оказался маленький Эдмон. Четырехлетний мальчуган трепетал от радости, предвкушая обещанную родителями долгую поездку.

— Папа, а можно сесть с тобой? — спросил Арман, средний сын.

— Нет, — отрезал отец. — Здесь помещаются только двое. И не вздумай испортить мне день своими жалобами! Погода замечательная, мы взяли с собой прекрасный обед, поэтому хоть раз веди себя хорошо!

Рабочий знал, как добиться послушания. Разочарованный Арман сел рядом с матерью.

— В путь! — крикнул Жозеф. — За работу, ребята!

Он обращался к двум лошадкам, которых ему одолжил крестьянин. С помощью своего соседа Амеде четыре года назад Жозеф снял колеса со старой повозки, заменив их парой деревянных полозьев, и получились сани. На этих санях он в ездил в сахароварню, которую завещал ему дядя Бонифаций тремя годами ранее.

Под санями заскрипел снег. К Эрмин вернулось хорошее настроение. Она была счастлива, что Маруа взяли ее с собой в эту поездку. До этого дня девушка ни разу не выходила за пределы поселка. Не помня себя от радости, она рассматривала зимний лес, подмечая, однако, верные приметы приближающейся весны.

— Время кленового сиропа — лучшее время года! — воскликнул Жозеф.

Он с удовольствием вернулся к работе, которой занимался еще будучи подростком, в компании с отцом и дядьями. Многие семьи каждый год запасались кленовым сиропом, купив или изготовив необходимое для этого

примитивное оборудование. Дядя Бонифаций часто призывал на помощь своего племянника Жозефа во время «сахарных дней», как их принято называть в Квебеке. Теперь сахароварня перешла к Жозефу, и он стал ее единоличным хозяином.

Элизабет эта прогулка тоже была в радость. Она то и дело улыбалась Эрмин. Щеки девушки покраснелись на холоде, и это было ей замечательно к лицу.

— Ты довольна, моя крошка? — спрашивала у нее Элизабет. — В прошлом году я хотела взять тебя с нами, но мать-настоятельница мне отказала.

— Я помню. Я тогда очень расстроилась, — кивнула девушка.

— Ты становишься взрослой. Я попрошу сестер, чтобы тебе разрешили больше времени проводить у нас, — добавила Элизабет. — Посмотри на Жо! Как он радуется в предвкушении хорошей добычи! Вечером, когда бидоны наполнятся сиропом, он будет еще счастливее. На прошлой неделе они с Симоном дважды ездили в сахароварню, чтобы сделать зарубки на кленах. Еще он внимательно отмечал, бывают ли ночью заморозки. Это важно, чтобы определить, пришло ли время собирать сок. У корней дерева должен лежать снег, но дни при этом уже должны быть долгими и солнечными. В общем, Жо тебе все объяснит.

Элизабет зачарованно следила взглядом за каждым движением мужа. В голосе ее звучало глубокое уважение.

Арман не удержался от похвальбы:

— Я знаю не меньше папиного! Я тебе все расскажу, Эрмин!

— Хватит хвастаться, Арман! — остановила мальчика мать. — Ты даже не можешь наполнить бидон без того, чтобы не уронить его! Вот увидишь, Эрмин, в этом нет ничего сложного. А потом мы будем делать пятнышки на снегу. Я уже приготовила деревянные палочки!

— Какие пятнышки? — удивилась девушка.

— Это сюрприз! — ответила молодая женщина.

Сани катились по снегу, громко фыркали лошади. От их массивных разогретых тел исходил характерный, чуть тошнотворный запах, но Жозеф Маруа его не замечал.

— Что-то ты, Эрмин, неразговорчива сегодня! В такой солнечный день не грех и спеть! Спой «О, Канада!» ^[29].

Жители Квебека очень любили эту песню. Девушка выпрямилась, набрала в легкие побольше холодного воздуха. Голос ее, чистый и радостный, взметнулся ввысь:

Тебе эту песнь, о Канада, поем —
Славы венец на челе твоём!
Рука твоя меч умеет держать
И крест умеет нести!

Арман хотел было подпеть Эрмин, но мать остановила его сердитым взглядом.

«Мне не на что жаловаться», — думал довольный Жозеф. Это было сущей правдой. Ему удалось сохранить рабочее место на фабрике, и Симон работал вместе с ним. Отец и сын следили за работой турбин и динамомашин, снабжавшей электричеством поселок, в котором насчитывалось не меньше пятисот жителей. Супруга его в свои тридцать два оставалась красивой и ласковой. При первой же возможности Жозеф принимался нахваливать свою Бетти, которая была и прекрасной хозяйкой, и несравненной поварихой, и доброй матерью. Не зря Жозеф откладывал про запас каждый су: совсем недавно он выкупил у муниципалитета свой дом. А у Эрмин, по его мнению, был самый прекрасный в мире голос.

Девушка закончила песню и хрустально рассмеялась. Жозеф обернулся. Девушка дурачилась с Эдмоном, младшеньким.

— Дети, сегодня у нас праздник! — воскликнул он.

Под этим ласковым «дети» подразумевалась и сирота, которая практически выросла в его доме. Жозеф, правда, так и не решился ее удочерить, но не так давно в его мозгу родилась новая идея. Именно поэтому он бдительно оберегал девушку, чью образованность и добрый нрав высоко ценил, и все чаще обращался с ней по-отечески.

«Если я выдам ее замуж за Симона, она получит нашу фамилию и будет жить с нами. Через годик или два объявим помолвку, а потом и свадьбу сыграем. Даже если мы не стали ей родителями, так будем свекрами!»

Эрмин понятия не имела о том, какие планы строит на ее счет Жозеф. Она любовалась блестящим снегом меж сосен и берез, надеясь увидеть лося или какое-нибудь другое дикое животное. Мать-настоятельница страстно увлекалась естественными науками, поэтому часто рассказывала ученикам, какие животные населяют канадские леса.

— Скоро хижина! Я сойду тут и побегу пешком! — воскликнул вдруг Арман.

— Пожалуйста, если тебе так хочется! — отозвался Жозеф. — Вперед! Мальчик на ходу спрыгнул с саней и с радостным криком покатился по

снегу. Он знал, что доберется до хижины первым, потому что упряжке предстояло сделать еще два поворота.

Перед поездкой Эрмин собрала волосы в шиньон, чтобы казаться старше. После завтрака она удалилась в свою спальню и долго рассматривала в круглом зеркале свое лицо. Увиденным она осталась довольна.

Несмотря на холод, девушка сняла с головы шерстяной платок и шепотом спросила у Элизабет:

— Когда ты повстречалась с Жозефом, ты сразу поняла, что полюбишь его?

— Вот так вопрос! — удивилась молодая женщина. — Не слишком ли ты любопытна?

— Прости, я не думала о плохом, — сказала Эрмин.

Элизабет поняла, что происходит в душе у девушки: она стала задумываться о природе любви, но это была как раз та тема, которую не затронешь в разговоре с монахинями...

— Не волнуйся, я знаю, что ты не думала о плохом, — отозвалась Элизабет доверительно. — Я просто хотела тебя поддразнить. Скоро ты станешь достаточно взрослой, чтобы выйти замуж. Да, представь себе, я мечтала о Жозефе, когда он еще понятия не имел о том, что я есть на свете! Я встречала его на улицах Роберваля. Он был красивый, крепкий, высокомерный. В праздник Святого Иоанна я наконец попала на бал, за мной присматривала кузина. И вот на балу я устроила так, чтобы он пригласил меня на танец. Потом, мало-помалу, мы и обручились. Я получила в мужья того, кого хотела.

— Где больше двух, там говорят вслух! — проворчал сидящий на козлах Жозеф. — Что ты там рассказываешь, Бетти?

— Мои сегодняшние истории не для твоих ушей, Жо!

Жозеф, смеясь, крикнул лошадям «хо!», и они остановились на опушке. Эрмин с любопытством смотрела на окруженный редкими деревьями скромный домик. Он ничем не отличался от жилищ, которые обычно возводили для себя лесорубы — разбухшие стены из плохо обтесанных досок, крытая листовым железом крыша, одно-единственное окошко...

— Вот мы и приехали, — объявил Жозеф.

Девушка помогла Эдмону выбраться из саней и сразу взяла его за руку. Элизабет, закутавшись в пальто из шотландского сукна, пошла открывать дверь. Это была ее обязанность, которую молодая женщина исполняла с таким торжественным видом, что муж ее невольно улыбался.

— Иди сюда, Эрмин, я покажу тебе домик! — позвала Элизабет девушку.

Внутри было довольно темно. Жозеф вошел вслед за женщинами. Увидев на лице Эрмин выражение живейшего интереса, он поторопился начать рассказ:

— Здесь я храню инвентарь моего дорогого дядюшки Бонифация — все, что необходимо для изготовления сиропа. Вот два медных котелка и печка. Неделю назад мы были здесь с Симоном и собрали двадцать пять галлонов кленовой воды вон в тот чан, что стоит справа.

Эрмин посмотрела туда, куда указывал Жозеф, и увидела накрытую крышкой емкость.

— Никто не знает, что нас ждет в будущем, — с таинственным видом заметил Жозеф. — Я объясню тебе весь процесс, от начала и до конца, согласна?

— Конечно! Мне это очень интересно! — заверила его девушка.

— Арман, помоги матери развести огонь в печи, — приказал Жозеф сыну, выходя на улицу.

Эрмин последовала за главой семьи. Симон между тем проверял содержимое емкостей, установленных у подножия деревьев.

— Первый этап, — начал рассказывать Жозеф, — это сбор кленовой воды, ценнейшей кленовой воды. Для этого мы надсекаем кору на высоте три-шесть футов над землей и в отверстие вставляем металлическую трубочку. Смотри, она похожа на воронку: с одной стороны заостренная, а с другой — расширенная.

Он погладил трубочку, из которой по капле стекала в подставленную емкость прозрачная жидкость.

— В этой воде очень много сахара, — пояснил он. — Но это не древесный сок. Сок начнет подниматься по стволу месяцем позже, и он тоже содержит большое количество сахара, но слишком горек на вкус. Знай, что из десяти галлонов кленовой воды получается всего пинта сиропа.

— А как получается сироп? — спросила девушка.

— Методом кипячения. Для этого и служат те два котелка, что ты увидела в хижине. Мы сольем вместе всю кленовую воду, которую собрали неделю назад и соберем сегодня, и поставим ее кипятиться. Огонь должен быть умеренный, но постоянный. Часть жидкости испарится, и останется замечательный сироп медового цвета. Но тут надо быть начеку: если вовремя не снять сироп с огня, он приобретет вкус жженого сахара или кристаллизуется. Пойдем поможем Симону!

Жозеф с довольной улыбкой направился к старшему сыну, который переливал кленовую воду в ведерки размером поменьше тех сосудов, что стояли поддеревьями.

Эрмин редко ощущала себя такой счастливой. Девушка любила узнавать новое, и пейзаж казался ей великолепным. Огромные клены представлялись ей добрыми великанами, которые решили одарить семейство Маруа вкусной манной. По воскресеньям в монастыре пекли сдобу с добавлением кленового сиропа, и девушке часто приходилось открывать бутылочку, однако она никогда не задумывалась о том, как изготавливают эту красивую золотистую жидкость.

Коренные жители этих краев, индейцы, много веков назад научились собирать кленовую воду и выпаривать ее, получая сладкий густой сироп, который с удовольствием добавляли в пищу. Обосновавшиеся в Квебеке колонисты быстро переняли столь полезную привычку, а их жены придумали множество новых блюд. Кленовый сироп часто добавляли в карамель и конфеты, поливали им блинчики и фруктовые желе.

Из трубы на крыше домика повалили клубы серого дыма.

— Ага. Наконец-то разожгли огонь в печке, — сказал Жозеф, который как раз направлялся к дому, неся в каждой руке по ведру. — Побудь с Элизабет, Эрмин. Нам с Симоном нужно обойти все надсеченные деревья.

Элизабет суежилась вокруг весело гудящей печи. По дому разливалось приятное тепло. Арман время от времени подбрасывал в очаг поленце.

— Я могу тебе чем-то помочь, Бетти? — спросила девушка.

— Сейчас будем готовить обед. А пока я слежу за котелками, жду, пока вода закипит. Потом останется только поддерживать огонь. Присмотри за Эдмоном, чтобы он не натворил беды.

Скоро наступил полдень. Кленовая вода приглушенно булькала в котелках. Маленький домик наполнился клубами пара. В нескольких шагах от крыльца Элизабет с Эрмин положили на козлы несколько досок и накрыли импровизированный стол, расставив по центру блюда с едой.

— Мне очень жаль, Бетти, но вчера я забыла пирог с орехами пекан в печи, — призналась девушка. — И он получился слишком сухим.

— Ничего страшного, моя радость. Я напекла блинчиков и сейчас поставлю их на край плиты, чтобы разогрелись. Еще у меня есть два пирога с мясом и салат с красной фасолью. Возьми вон ту большую кружку и завари в ней чай. Как раз успеет остыть к десерту.

Все с аппетитом поели. Каждые две минуты Жозеф вставал из-за стола, чтобы проверить, не потух ли огонь под котелками.

— За ним нужен глаз да глаз, — сказал он, когда Элизабет подала

сладкое. — Не терплю, когда хорошая вещь пропадает зря, это все знают. Если сам испорчу целый котелок сиропа — у меня сердце разорвется!

Элизабет потихоньку выскользнула из-за стола. Арман сорвался вслед за матерью. Но в дом он не пошел. Взяв за руку маленького брата, он направился к большой куче снега перед домом, которую они вместе натаскали за утро.

— Пришло время сюрприза! — радостно объявил Жозеф.

Симон улыбался, Арман в нетерпении перепрыгивал с ноги на ногу, Эдмон хлопал в ладоши. Эрмин сгорала от нетерпения, но к любопытству примешивалась легкая печаль — ей было грустно оттого, что она не является частью этой семьи.

— А вот и моя Бетти с волшебной кастрюлькой! — воскликнул рабочий.

В руках у молодой женщины и правда была почерневшая от многолетнего использования кастрюля, от которой исходил вкусный аромат жженого сахара.

— Это наша традиция, Эрмин. Как только сироп готов, я отливаю немножко в эту кастрюльку, — пояснила молодая женщина. — Подойди ближе, и ты увидишь, как это здорово! И вкусно к тому же!

Под нетерпеливыми взглядами мальчиков и любопытным — Эрмин она вылила в снег несколько струек сиропа. Вязкая жидкость застывала на глазах, но Симон хорошо знал свое дело: он быстро вставил в пятнышки карамели деревянные палочки.

— Лучший в мире десерт! — объявил Жозеф.

Не прошло и полминуты, как Эрмин вручили теплую карамельку, на пробу.

— Это правда очень вкусно, — согласилась она.

Эдмон быстро грыз свою конфетку в надежде как можно скорее получить следующую. Довольный Жозеф притянул жену к себе и поцеловал в щеку.

— Нам так хорошо всем вместе, — прошептал он ей на ушко.

— Ты прав, Жо, — кивнула Элизабет.

Эрмин убрала со стола. Элизабет и Жозеф возились в доме, где теперь стало невыносимо жарко. Готовый сироп они переливали в эмалированные металлические бидоны объемом в один галлон. Симон наполнял стеклянные бутылочки меньшей емкости.

Ничто не нарушало спокойного течения дня. Арман пытался починить старую пару снегоступов, найденных в пристройке. Эрмин гуляла с маленьким Эдмоном. За мальчиком нужно было постоянно присматривать

— он то и дело выдумывал новые шалости и постоянно рвался к лошадям. Увидев на снегу еловую ветку, маленький сорванец оседлал ее с криком:

— Это мой кораблик! И я плыву по реке!

Девушка подала ему ветку поменьше, чтобы грести, как веслом. Прошлым летом дедушка и бабушка взяли младшего внука с собой на прогулку по озеру Сен-Жан, и с тех пор воображение Эдмона превращало в лодку все — стулья, табуреты и даже его детскую кроватку с бортиками.

— Эрмин, можешь подойти на минутку? — позвала девушку Элизабет. — Не беспокойся об Эдмоне, отсюда его хорошо видно.

Эрмин поспешила на зов. Она почувствовала прилив нежности к молодой женщине, которая неизменно была с ней добра и ласкова.

— Бетти! Ты такая хорошая! — сказала она, легонько целуя Элизабет в щечку, как это ранее сделал Жозеф.

Довольная Элизабет рассмеялась.

— Может, я и хорошая, но у меня есть для тебя работа! Нужно полить блинчики кленовым сиропом. Я видела твой пирог с орехами, его не то что есть — порезать не получилось!

— Извини меня, пожалуйста! — Было видно, что девушка расстроена.

— Думаю, ты просто замечталась, — с понимающим видом заметила Элизабет.

Женщины умолкли, прислушиваясь. Так и есть — Жозеф ругал Симона. Бульканье кленовой воды частично перекрывало гул голосов, но Элизабет и Эрмин все же слышали, из-за чего заварилась каша.

— Когда займешь мое место, Симон, относись к деревьям с большим почтением! Зачем ты тронул такой молодой клен? Нужно было спросить у меня! Нельзя собирать кленовую воду с дерева диаметром меньше восьми дюймов, заруби это себе на носу! Я покажу, как его можно измерить. Хотя можно прикинуть и на глаз. Короче говоря, мы не трогаем кленов младше сорока пяти лет! А средний клен живет лет триста.

Брови Эрмин поднялись от удивления.

— Я не знала, что деревья живут так долго, — сказала она, обращаясь к Элизабет. — Выходит, некоторые выросли из семечка в 1629 году, в эпоху первых колонистов?

— Конечно! Индейцы давно собирают кленовую воду, — отозвалась молодая женщина.

— Сколького же я еще не знаю, — вздохнула девушка. — Если бы я только могла пойти учиться дальше!

— В последнее время ты ходишь грустная. Что тебя мучает? — Элизабет приобняла девушку за плечи. — Ты можешь мне рассказать, мне

ведь тоже было когда-то четырнадцать. Готова поспорить, не учеба тебя волнует. Скорее ты думаешь о парне. Но пока ты относишься к этому серьезно, ничего плохого здесь нет.

Эрмин покраснела. Она не умела скрывать эмоции, о чем нередко сожалела.

— Нет, Бетти, дело не в этом, — поспешила возразить она. — Просто вчера вечером сестра Викторианна снова сказала, что лучше бы мне постричься в монахини, но я не хочу. Я хочу выйти замуж. Она была не очень довольна моим ответом.

Молодая женщина открыла было рот, чтобы ответить, но тут же бросилась бежать к склону холма. Эдмон исчез! Эрмин побежала к еловой ветке, возле которой оставила играющего мальчика.

— Эдмон! Эдмон! — звала Элизабет.

На крик из хижины выскочили Жозеф и Симон. Из флигеля вышел Арман.

— Иди и помоги женщинам! — приказал среднему сыну отец. — Я так и думал, что младший убежит, пока они заняты своей болтовней!

В семье уже к этому привыкли: Эдмон, как и Арман в его возрасте, обладал талантом ускользать из-под присмотра, а обретя свободу, отправлялся на поиски приключений. Однако на этот раз последствия его эскапады стали самыми неожиданными.

Эрмин тоже звала мальчика по имени, но всерьез не беспокоилась: вокруг хижины была сотня мест, где мог спрятаться мальчишка, взять хотя бы сугробы между деревьями.

«Эдмон, наверное, залег за сугробом, слушает наши крики и ждет удачного момента, чтобы выскочить из засады!» — думала она.

Элизабет думала о том же. Молодая женщина вернулась к саням и стала ворошить одеяла, в которых мальчик мог спрятаться.

— Как только ему удастся незаметно убежать? — громко спросила она у девушки. — Этот сорванец хитрее лисы!

Между тем одиннадцатилетний Арман с ловкостью, свойственной мальчишкам его возраста, карабкался вверх по темному еловому стволу. Оттуда ему было видно то, что ускользало от взгляда его матери и Эрмин.

— Папа! Мама! — послышался вдруг его испуганный голос. — Эдмон внизу, на дороге! Кто-то схватил его и держит!

Последовали настоящие военные сборы. Жозеф вооружился топором, Симон схватил молоток. Лошади, которым передалась всеобщая паника, встревоженно заржали.

Эрмин обогнала Элизабет, но, увидев мужчину, который нес Эдмона на

руках, застыла на месте. Это был ее незнакомец. Она в одно мгновение узнала его высокую фигуру и черные волосы до плеч.

— Поставьте моего сына на землю! — выпалил Жозеф, размахивая топором. — Поставьте, или я вам череп раскрою!

— Я хотел отнести его обратно к хижине, — ответил незнакомец. — Я ничего ему не сделал. Он бежал по дороге, и я решил его остановить.

При звуке его голоса Эрмин затрепетала. Она поверила ему безоговорочно. Он говорил искренне. Незнакомец осторожно поставил плачущего навзрыд мальчика на землю. Элизабет подхватила его и прижала к себе. Но Жозеф и не думал сдаваться. Страх у него быстро переходил в ярость.

— Успокойся, Жо! — сказала ему жена. — Если бы не этот месье, Эдмон бог знает куда убежал бы!

— Месье! — передразнил жену рабочий. — Кого это ты называешь месье?

Эрмин эта сцена казалась нереальной. Тот, кто со вчерашнего дня занимал все ее мысли, вдруг появился тут, посреди леса, чтобы столкнуться с семейством Маруа! Ей он показался еще красивее, чем вчера — кожа отливала медью, во взгляде искрилась насмешливая безмятежность...

— Кто вы такой? — спросил Жозеф. — В наших краях я вас раньше не видел. И советую не болтаться вокруг моих владений! Эта сахароварня и участок принадлежат мне!

— Жо! Ничего плохого ведь не случилось. Эдмон убежал из-под присмотра, это я виновата, — попыталась урезонить супруга Элизабет.

Она понимала, почему муж отнесся к незнакомцу с таким недоверием. Перед ними стоял метис, человек с примесью индейской крови. Симон повернулся и пошел назад к хижине. Он предпочитал не вмешиваться в отцовские дела. Проходя мимо Эрмин, он заметил, однако, что девушка бледна как полотно.

— Не бойся, — шепнул он ей. — Индейцы такие же люди, как мы. Он не собирался есть нашего Эдмона!

— Я знаю, — ответила девушка, пожимая плечами. — Не такая уж я дуручка.

Она не могла отвести глаз от своего незнакомца. Не отрываясь, смотрел на него и Жозеф, но совсем по другой причине. Выражение лица у рабочего было таким свирепым, что юноша невольно отступил на шаг.

— Извините, что напугал вас, — сказал он. — Я ищу работу в этих краях, и кто-то сказал, что можно сходить в Валь-Жальбер. Но здесь я ничего не нашел. И теперь я ухожу.

— Ты искал не в том месте, — опуская топор, отрезал Жозеф. — Ступай своей дорогой, так будет лучше.

— Вы очень любезны, месье! — иронично отозвался незнакомец.

Эрмин была сама не своя. Незнакомец ни разу не взглянул на нее.

Она надеялась, что он все-таки на нее посмотрит, и боялась этого.

«Если он заговорит со мной, Жозеф и Бетти поймут, что мы видимся не впервые. А ведь я сказала ему, что у меня нет семьи. Он решит, что я лгуныя», — думала девушка.

Наконец незнакомец перевел взгляд на стоящую чуть поодаль девушку с сияющими голубыми глазами и внезапно порозовевшим от волнения лицом. Во взгляде ее читалась мольба. Он понял эту мольбу на свой лад и упругой походкой двинулся прочь. Когда между ним и Жозефом образовалось приличное расстояние, юноша крикнул:

— Меня зовут Клеман Тошан Дельбо! Клеманом назвал меня отец, а имя «Тошан» выбрала моя мать. На ее языке это значит «удовлетворение». И я такой же добрый католик, как и вы, месье! Может, даже чуть лучше, потому что не сужу о ближнем по цвету его кожи!

— Богохульник! — отвечивал рабочий, погрозив ему кулаком.

Элизабет с Эдмоном на руках пошла к хижине. По пути она посмотрела на девушку, которая осталась стоять на месте, беззвучно повторяя имя юноши, подаренное ей случаем.

— Идем побалуем себя сиропом, Эрмин, — позвала она ласково. — Ты очень бледна. Жо любит устраивать сцены. Но в его возрасте люди не меняются. Он не терпит чужаков, а в особенности метисов.

— Да, Бетти, я иду.

«Клеман Тошан Дельбо... Я буду звать тебя Тошан, — думала девушка, сердце которой готово было выпрыгнуть от радости. — Какое красивое индейское имя выбрала для тебя мать! Тошан...»

Ей было невдомек, что незнакомцу довелось повстречаться с ее собственными родителями много лет назад, на берегу реки Перибонки.

Глава 7. Снежный соловей

Монастырская школа Валь-Жальбера, 18 декабря 1929 года

Эрмин наблюдала за тем, как сестра Викторианна укладывает вещи в свой скромный коричневый картонный чемоданчик. Монахиня говорила не переставая — эмоции переполняли ее.

— Крошка моя, мы просто не можем остаться — нынешнее количество учеников не оправдывает нашего присутствия. Благословенная эпоха подошла к концу. Скоро образцово-показательный поселок Валь-Жальбер окончательно опустеет. Все усилия компании оказались тщетны. До сих пор не могу в это поверить! В этом году из поселка уехало четыреста жителей! Четыреста! Осталось не больше десятка семей. Кто мог предвидеть такое? Господин мэр сравнивает себя с капитаном, который цепляется за руль тонущего корабля. Я плакала, слушая его. Все это весьма прискорбно... Но больше всего меня печалит твое решение. В Шикутими тебе было бы легче получить профессию. И я буду страшно по тебе скучать.

— Сестра, прошу вас, не сердитесь на меня за это, — сказала девушка.

— Надеюсь, ты не пожалеешь, — добавила монахиня. — Жозеф Маруа стал твоим официальным опекуном. Ты в хороших руках. Месье Маруа — человек надежный.

Сестра Викторианна отвернулась от Эрмин и вытерла глаза платочком.

— О нет! Не плачьте! — воскликнула девушка. — Я не смогла бы поехать с вами в Шикутими, даже если бы хотела. Я уверена, что мне нужно остаться здесь и ждать — моих родителей или... Здесь, сестра, и только здесь. Помните, в тот вечер, когда вы показали мне мои детские одежды, я рассказала вам сон, который снился мне сотни раз, с раннего детства. Тот, в котором мать обнимает меня и нежно прижимает к себе... Я уверена, что однажды мы с ней встретимся. Здесь, в Валь-Жальбере. Я не могу уехать. Со мной случится что-то чудесное, если только у меня хватит терпения дожидаться...

Девушка не закончила фразу. Она думала не только о родителях, но и о Тошане, красивом метисе с ласковыми и насмешливыми глазами, который тоже часто являлся ей во сне. Но об этом она не могла рассказать сестре-хозяйке.

— Я вырастила тебя, дитя мое, — в который раз проговорила сестра

Викторианна. — Год за годом у меня на глазах ты просыпалась и, жмурясь, как довольный котенок, пила молоко... Я штопала твои платица и чулки, потом научила тебя делать это самостоятельно. Я живу здесь дольше всех сестер — приехала в декабре 1915-го года и уезжаю в декабре 1929-го. Мне не доведется испечь пирог в честь твоего пятнадцатого дня рождения, в праздник Богоявления. Мари-Эрмин, ты строишь свое будущее на мечтах, смутных ощущениях, тщетных надеждах. Это несерьезно. Боюсь, что Маруа будут тебе потакать. Особенно Элизабет.

Сестра-хозяйка повернулась к девушке. Ее глаза с опухшими веками были полны слез.

— Господи, сколько воспоминаний! Не скоро они сотрутся из памяти, — сказала она растроганно. — Я слишком сильно к тебе привязалась. Ты мне как дочь!

— Бетти тоже так говорит, — отозвалась девушка. — Я очень благодарна вам за вашу заботу. И я буду очень по вас скучать, сестра. Я буду писать вам в Шикутими, буду рассказывать обо всем, что происходит в поселке!

— Если только почтовое отделение не закроется!

— Пока в Валь-Жальбере есть жители, почту будут доставлять, — с уверенностью заявила Эрмин. — Магазин тоже не закрывается. После Рождества школа заработает снова, и преподавать будет обычная учительница, не монахиня. Вот увидите, поселок не умрет.

Девушке очень хотелось в это верить. Она знала, что еще какое-то время Жозеф сохранит за собой рабочее место — муниципалитету по-прежнему нужно электричество. И она сама получит возможность зарабатывать: мэр согласился платить ей ежемесячно небольшую сумму за то, чтобы она содержала монастырскую школу в порядке и на переменах присматривала за младшими школьниками.

— Думаю, все уже собрались в актовом зале, сестра, — почтительно обратилась она к монахине. — Я вынесу ваш чемоданчик в коридор.

Было три часа пополудни. На крыши домов плавно падал легкий снег, пришедший в Валь-Жальбер вместе с настоящими холодами. Сестры конгрегации Нотр-Дам-дю-Бон-Консей окончательно покидали поселок. За эти годы они дали начальное образование сотням местных детишек. Люди привыкли видеть на улицах поселка их черные фигуры, увенчанные белыми покровами, и семьи, решившие остаться в Валь-Жальбере, искренне горевали об их скором отъезде. Мэр с супругой решили устроить трем монахиням торжественный прощальный обед.

Элизабет Маруа принесла из дому два пирога с консервированными

фруктами и яблочную шарлотку. Домашняя выпечка красовалась в центре стола, окруженная кувшинами с фруктовыми соками. Тут же на фарфоровых тарелках разложили другие сладости — желто-красный мармелад и посыпанное сахарной пудрой печенье. В качестве напитков к столу вместо категорически отвергнутого матерью-настоятельницей пива подали чай и кофе, детям же предложили теплое молоко.

Когда сестра-хозяйка и Эрмин вошли в зал, собравшиеся встретили их приветственными возгласами. Здесь была и вдова Дунэ. Двое парней помогли пожилой женщине дойти до монастырской школы.

— Мои дорогие прихожане, — начал свою речь аббат Деганьон, — пришел момент прощания с нашими дорогими сестрами. Я хочу от имени всей нашей общины, уже не такой многочисленной, поблагодарить их за все, что они сделали. Благодаря их терпению и самоотверженной работе дети Валь-Жальбера вышли из монастырской школы с багажом знаний, необходимых для честной трудовой жизни. Я знаю, многие сожалеют о том, что для столь любимого всеми поселка настали трудные времена, большинство домов опустело, торговцы закрывают свои лавки. Но мы верим в Бога и его доброту. Все, кто собрался здесь сегодня, не собираются уезжать из Валь-Жальбера. Я вижу в этом зале господина Овила Буланже, который обрабатывает плодородные земли близ речушки Уэлле, с супругой и шестерыми детьми; вижу господина Потвена, чьи коровы обеспечивают нас маслом и молоком; вижу господина Жозефа Маруа, к которому перешел в собственность его дом и который следит за работой электростанции. И я говорю вам — мужайтесь! Мы еще увидим лучшие времена!

Элизабет захлопала в ладоши. Остальные женщины последовали ее примеру. Мать-настоятельница кивком поблагодарила аббата, потом быстро посмотрела на стенные часы. Планировалось, что мэр отвезет монахинь на автомобиле в Шамбор, откуда на поезде они доберутся до Шикутими.

Зал наполнился шумом голосов, шепотом и детским смехом. Присутствующие с нетерпением ожидали, когда же их пригласят за стол.

— Когда тяжело на сердце, — говорил Жозеф своему сыну Симону, — лучший способ утешиться — это съесть чего-нибудь сладенького. Я привык к соседству сестер. Мне кажется, их присутствие делает нас лучше.

С годами рабочий набрал несколько лишних килограммов, виски его начали сесть. Он не входил в число самых ревностных католиков поселка, но известие об отъезде монахинь стало причиной его искреннего огорчения.

Эрмин ходила вдоль стола, следя за тем, чтобы у всех были полны тарелки и стаканы. На девушке было подаренное Элизабет милое платье из

голубой шерсти. Тонкая ткань облегла грациозную и женственную фигуру, подчеркивая небольшую грудь, очень тонкую талию и красивую линию бедер.

Это платье вызвало неодобрение сестры Викторианны, которая сочла его слишком нескромным. По ее мнению, положение не спасал даже белый кружевной воротничок.

«Господи, что случится с нашей дорогой Мари-Эрмин, когда она лишится нашего покровительства? — думала сестра-хозяйка. — Чета Маруа постарается побыстрее выдать ее замуж! Не они ли поощряют ее петь фривольные песенки и строить глазки парням?»

Сестра Викторианна увидела, как Эрмин подошла к аббату Деганьону и что-то шепотом ему сказала. Священник тут же хлопнул в ладоши, желая привлечь всеобщее внимание.

— Друзья мои, прошу вас, минутку тишины! — воскликнул священнослужитель. — Мари-Эрмин, которую мой предшественник, отец Бордеро, ласково называл «наш соловей», хотела бы сказать несколько слов.

Девушка с порозовевшим от волнения лицом обвела взглядом собравшихся. Аббат ободряюще похлопал ее по плечу.

— Вам слово, дитя мое!

Все замерли в ожидании. Эрмин набрала в грудь воздуха и высоко подняла голову. Каштановые, с золотыми отблесками волосы были убраны под голубую ленточку, подчеркивавшую совершенный овал ее лица.

— Дорогие жители Валь-Жальбера, — начала она тоном куда более уверенным, чем можно было ожидать, принимая во внимание ее волнение, — в канун Рождества я хочу всех вас поблагодарить за то, что многие годы вы заботились обо мне. Я не помню, как оказалась в поселке, но знаю, что вы подарили мне игрушки, одежду и свое доброе отношение.

Элизабет сжала руку Жозефа и прошептала:

— Она очень боялась говорить, но получается неплохо!

— Да я готов был поспорить, что у нее все получится! Эта девчонка создана, чтобы очаровывать толпу, — ответил на это супруг. — В который раз говорю тебе — у Эрмин голос, как у феи!

Симон сердито посмотрел на родителей, призывая их к молчанию.

Девушка между тем продолжала:

— Еще я хочу поблагодарить сестер конгрегации Нотр-Дам-дю-Бон-Консей за то, что они дали мне кров, окружили любовью и заботой. Если кто-то из вас помнит сестру Марию Магдалину, которая работала здесь, когда я была еще маленькой, вы поймете меня, если я скажу, что никогда ее

не забуду. Я молюсь за нее каждый день, потому что верю — она стала моим ангелом-хранителем. Я могла бы тоже уехать в Шикутими, но мое сердце принадлежит Валь-Жальберу!

Жозеф оглушительно захлопал, Симон, вдова Дунэ и другие подхватили овацию. Эрмин безмятежно ожидала, пока аплодисменты смолкнут. Девушка излучала уверенность, какую трудно было ожидать от столь юного существа.

— А теперь я хочу исполнить для наших дорогих сестер «Прощальную песню» [\[30\]](#), слова которой я позволила себе немножко изменить.

На этот раз зал затих. Собравшиеся с радостным предвкушением ожидали пения «соловья Валь-Жальбера». Элизабет предусмотрительно достала носовой платочек — она была уверена, что расплечется, как и сестра Викторианна, которая уже рыдала.

Зачем прощаться навсегда,
Надежду позабыв?
Зачем прощаться навсегда,
Пока на свете жив?
Не говори «прощай», сестра,
Не говори «прощай»!
Мы снова встретимся, сестра,
Не говори «прощай»!

Эрмин начала с очень высокой ноты, но, вопреки всем опасениям, без труда поднялась еще выше, и от хрустальных переливов ее голоса у слушателей побежали мурашки по спине. Прекрасный этот голос звучал с такой мощью, что аудитория просто замерла от восторга. Те, кому доводилось слышать эту песню, находили в ней новую выразительность, берущую за душу поэтичность, которые ранее ускользали от их внимания.

Самые суровые мужи, такие, как крестьянин Овила Буланже, совершенно расчувствовались.

«Какой чудесный дар! — думала мать-настоятельница. — Господь любит эту девочку, раз сделал ей такой подарок! Истинно ангельский голос!»

Как могут старые друзья
Друг друга позабыть.

Когда любовь и вы и я
Сумели сохранить?
Не говори «прощай», сестра,
Не говори «прощай»...

Гром аплодисментов стал наградой юной певице, как только она умолкла. Аббат Деганьон, позабыв об обычной своей сдержанности, громко воскликнул «Браво!». Эти несколько восхитительных минут подарили ему целую гамму эмоций — от болезненной ностальгии до чистого детского счастья. На Эрмин он смотрел новым, полным удивления взглядом.

«Как может это хрупкое дитя воспроизводить звук такой силы?» — спрашивал он себя.

Он посмотрел в окно. За стеклами мягко падал снег, предвещая наступление бесконечных зимних дней, которые заставят немногих оставшихся прихожан запереться в своих домах.

— Я думаю, нам нужно еще раз поздравить нашего соловья, — объявил он. — Нашего снежного соловья! Я счастлив, что вы остаетесь в Валь-Жальбере, мадемуазель!

Эрмин ответила на эти речи смущенной улыбкой. Аббат Деганьон никогда прежде не называл ее «мадемуазель». Польщенный таким уважительным отношением, она грациозно поклонилась. Жозеф подбежал к девушке и схватил ее за плечи.

— Это было великолепно, Эрмин! — сказал он. — Я горжусь тобой и очень рад тому, что дома мы приготовили для тебя замечательный сюрприз!

Пришел черед троим монахиням поблагодарить девушку. Растроганная сестра-хозяйка обняла Эрмин.

— Мое дорогое дитя, как это мило с твоей стороны! Будь благоразумна и впредь!

— Мы передаем ее в руки месье Маруа и его супруги, — сухо заметила настоятельница. — Они достойны доверия, сестра.

Через полчаса большой черный автомобиль мэра отъехал от монастырской школы. Под покрышками поскрипывал свежий снег, «дворники», дребезжа, очищали лобовое стекло. Элизабет и Эрмин, обнявшись, стояли на деревянном крыльце.

— Ты пела прекрасно, крошка, — похвалила девушку вдова Дунэ. Закутавшись потеплее, она собиралась домой в сопровождении тех же юношей, которые помогли ей прийти в монастырь. — Заходи ко мне в

гости, когда захочешь. Если еще и споешь, всегда получишь монетку.

— Спасибо, мадам Мелани! — ответила девушка.

Люди расходились по домам. Окруженный тремя сыновьями Жозеф взглядом спросил у жены, не собирается ли она последовать их примеру.

— Вы корни здесь пустили или все-таки вернетесь домой? — сердито спросил он.

— Иди, Бетти, — предложила девушка. — А мне еще нужно убрать актальный зал и проверить, все ли в порядке в классах.

— Ты сможешь сделать это и завтра, — заупрямилась Элизабет. — Тебе будет грустно остаться одной в таком огромном доме!

— Вовсе нет, Бетти! Здесь я чувствую себя дома. Не волнуйтесь, я надолго не задержусь.

Семейство Маруа, весело переговариваясь, отправилось домой. Эрмин вошла в коридор и сразу же заперлась на ключ. В душе ее боролись два желания — ей хотелось и плакать, и смеяться. Сестра Викторианна стала частью ее жизни, и она знала, что будет сильно по ней скучать, но, с другой стороны, отъезд сестры-хозяйки стал для девушки освобождением. Душа Эрмин, жаждущая приключений и идеальной любви, расправляла крылья. Девушка чувствовала себя готовой к тому, чтобы испытать сладкие мучения, которые выпадают на долю взрослых.

— Теперь со мной может произойти что угодно, — пропела она, закружившись в танце в просторном коридоре. — И, может быть, будущим летом какая-нибудь тропинка выведет меня к Тошану!

Она бережно хранила в душе воспоминания о встречах с юношей, чья кожа отливала медью, — со своим незнакомцем, как она звала его в мыслях.

— Он вернется, вернется! — напевала девушка.

Эрмин взбежала на второй этаж и закружилась по актовому залу, где еще недавно пировали жители Валь-Жальбера.

К лесному ручейку сегодня я ходил;
Ручей был так хорош — в нем искупался я!
Я так давно тебя люблю...
И не забуду никогда!

Голос ее разносился по залу, чистый и гармоничный. Эрмин, не переставая петь, стала убирать со столов, когда вдруг услышала звон бьющегося стекла. Он донесся со стороны спален.

«Но ведь в монастыре никого нет!» — удивилась девушка.

На улице было уже очень темно. Эрмин испугалась, сама не зная чего. Воображение стремительно нарисовало ей образ вора, проникшего в монастырскую школу, пока все наслаждались обедом.

— Кто здесь? — спросила она громко, выходя в коридор.

Перед тем как войти в спальню, Эрмин щелкнула выключателем.

Включился свет, и от удивления она замерла на пороге комнаты сестры Викторианны. У стены стояла и плакала девочка лет восьми. Ее правая рука была вся в крови. На полу лежал портрет сестры Марии Магдалины. Стеклянная рамка разлетелась вдребезги.

— Ты как тут оказалась? — спросила Эрмин у девочки.

— Простите меня, мадемуазель! — пробормотал ребенок, захлебываясь от слез и дрожа от страха.

— Зачем ты взяла мою фотографию? — уже мягче спросила девушка. — Не плачь, с фотографией ничего плохого не случилось. Просто я очень ею дорожу, понимаешь?

Эрмин склонилась над девочкой и заглянула в ее личико, полускрытое черными кудряшками. Ее потертые одежды были не очень чистыми. Эрмин быстро пришла к выводу, что раньше в Валь-Жальбере этого ребенка ей видеть не приходилось.

— Откуда ты взялась? Не бойся, я не буду тебя ругать. Тебя ведь не забыли тут родители?

Поведение девочки казалось Эрмин странным — она только хлопала глазами, но головы не поднимала.

— Я пришла со старшим братом. Он сказал мне подождать, а сам не пришел. Мне захотелось в туалет, но я не знала, где он.

— Хочешь, я тебя отведу? — предложила Эрмин. — Нужно еще промыть твою рану. Ты порезалась, когда хотела подобрать осколки?

— Да, мадемуазель.

— Идем, — вздохнула девушка. — Как тебя зовут?

— Шарлотта Лапуант.

— Лапуант? Ты из семьи Алексиса Лапуанта [\[31\]](#), того самого, что так быстро бегают? Быстрее всех на свете?

— Нет, мадемуазель. У нас та же фамилия, но мы не родственники. Люди часто спрашивают об этом у моего отца.

Эрмин была слегка разочарована.

— Говорят, этот Алексис Лапуант мог танцевать без усталости часами, — сказала она, направляясь к двери, которая вела в коридор. — Мы читали о нем в газете пять лет назад, когда он умер. Я очень люблю читать газеты. Я

уже их читала, когда была такой, как ты. А ты умеешь читать, Шарлотта?

— Нет, мадемуазель.

Девочка сделала несколько шагов по направлению к выходу, но умудрилась натолкнуться на одну створку, которая оставалась полуприкрытой. Увидев это, Эрмин удивилась и задумалась.

— Ты хорошо видишь? — спросила она у девочки.

— Плохо, — грустно сказала та. — Доктор сказал, что скоро я совсем ослепну.

Испытывая искреннюю жалость к девочке, Эрмин взяла ее за руку, отвела в туалет и оставила одну. Потом они вместе перешли в кухню, где сестра-хозяйка держала домашнюю аптечку.

— А теперь объясни мне, где твои родители. Где ты живешь? Твой брат не очень серьезный парень, раз мог тебя вот так здесь оставить.

— У него свидание с девушкой, — пояснила малышка. — Мы живем здесь всего неделю, и у моего брата, Онезима, появилась невеста. Мама и папа сняли домик недалеко от главной дороги.

— Невеста? Всего за неделю знакомства? — не поверила своим ушам Эрмин. — Если это местная девушка, я ее знаю. Как ее зовут?

— Я обещала никому не говорить, — прошептала Шарлотта.

— Я никому не скажу, можешь мне верить. Это будет наш секрет.

— Иветта!

Эрмин застыла от удивления. Она знала одну-единственную Иветту, ей исполнилось двадцать два года. Это была дочь тележника, который до сих пор держал свою лавочку открытой. Местные фермеры все еще нуждались в его услугах, поскольку тележки и повозки всех видов и размеров были в большем ходу, чем автомобили. Однако заработка семье тележника едва хватало на еду. Элизабет и Жозеф полунамеками не раз говорили о том, каким способом Иветта приловчилась добывать пару лишних монет. Симон, в отличие от родителей, церемониться не стал и рассказал Эрмин, что эта всегда подкрашенная и смешливая девица — женщина пропадающая.

— Ну вот, я промыла твою ранку и сделала симпатичную повязку, — сказала она Шарлотте. — Если твой брат задержится, я сама отведу тебя домой, хотя мне это не очень удобно, потому что у меня есть еще работа.

Эрмин искренне сочувствовала ребенку, которому предстояло ослепнуть.

«Я часто жалела себя, потому что у меня никогда не было настоящей семьи. И все-таки сестры и Маруа вырастили меня и заботились обо мне. Все вокруг восхищаются моим голосом. Если быть честной, мне почти не на что жаловаться! А вот бедняжка Шарлотта натывается на двери и не

может сама пойти, куда хочет! И родители у нее, похоже, очень бедные. Она плохо одета, да и вещи не совсем чистые...»

Эрмин устроила девочку на скамейке в актовом зале. Погрузившись в свои мысли, она убрала со стола и сложила пустые банки в деревянный ящик. Она как раз подметала паркет, когда кто-то с силой забарабанил во входную дверь.

— Я забыла! Я же заперлась на ключ! Идем, Шарлотта, думаю, это твой брат.

Онезим Лапуант, крепкий двадцатилетний парень, топтался на пороге монастырской школы. Из-под надвинутой на самые глаза шерстяной шапки грубой вязки он подозрительно посмотрел на Эрмин. Лицо у него было ярко-малинового цвета. В своей кожаной куртке он казался еще огромнее, чем на самом деле. Увидев сестру, он схватил ее за сильно потертый воротник пальто.

— Она вам не надоедала? — грубо спросил он. — Отец попросил отвести ее на праздник в честь сестер. После рождественских каникул Шарлотта будет ходить в школу. Она не может читать книги, зато будет слушать.

— Но праздник давно закончился, — возразила Эрмин. — И все уже разошлись. Ваша сестра могла бы остаться запертой здесь на ночь, если бы я не решила обратиться сегодня!

Девушка тщательно подбирала слова, напустив на себя строгий вид, какой обычно принимала в таких случаях мать-настоятельница.

Онезим Лапуант только пожал плечами.

— Шарлотта — дочка родителей, а не моя. Я не могу целый день ходить за ней следом. Простите за беспокойство, мадемуазель!

Эрмин наклонилась и поцеловала девочку.

— Мы встретимся в классе, Шарлотта, — ласково сказала она.

Странная парочка стала удаляться по заснеженной улице. Рядом с братом девочка казалась совсем крохотной. Эрмин поднялась в спальню и взяла в руки портрет сестры Марии Магдалины. Капля крови упала на фотографию, как раз на уровне украшавшего черное платье монахини креста.

— Черт! — выругалась девушка. — Бедная моя мамочка, на тебя попала кровь невинного ребенка, как мне кажется, очень несчастного. Но я уверена, что это тебя не расстроит.

Вот уже много месяцев она не говорила с портретом.

— Я унесу тебя к Маруа, — добавила Эрмин. — Я больше никогда, никогда не буду оставаться на ночь в монастырской школе. Сестры уехали

навсегда.

Голос девушки эхом отдавался в глубокой тишине. Эрмин разложила на кровати сестры-хозяйки большую салфетку и стала складывать на нее свои личные вещи: щетку для волос, черепаховые гребешки, подаренный настоятельницей молитвенник. Меж страниц святой книги она вставила фотографию монахини. Не забыла девушка забрать и детскую одежду, которая была на ней в тот день, когда сестра Мария Магдалина нашла ее на пороге монастыря. Сестра Викторианна хранила ее в специально сшитом мешочке. Эта одежда была единственной, пусть и эфемерной, нитью, которая связывала ее с родителями. Эрмин связала вещи в узел и торопливо покинула здание.

«С Жо и Бетти мне будет веселее», — думала она, направляясь к дому своих опекунов. Окна его были ярко освещены.

Эрмин знала, что в кухне у Бетти тепло, что маленький Эдмон бросится ей на шею, а Жо, конечно же, сидит у печи и попыхивает трубкой...

«Наконец-то у меня есть семья!» — сказала себе Эрмин, поднимая лицо к небу просто для того, чтобы ощутить приятное прикосновение снежинок к своим щекам и лбу — ласковое, едва уловимое прикосновение, которое доставляло ей истинное наслаждение.

— Рождественский снег, я люблю тебя! — воскликнула девушка, поддаваясь внезапному порыву веселья.

Прижавшись носом к стеклу, Элизабет ждала ее прихода. Арман и Эдмон шумно возились в кухне, и все-таки молодая женщина услышала радостный возглас Эрмин. И увидела, как она закружилась, обнимая свой узел с вещами, словно это был ее партнер в танце.

«Господи, да за ней нужно присматривать в оба! — подумала она. — Эрмин как раз в том возрасте, когда к девушкам приходит первая любовь. Но я сумею ее вразумить. Я объясню, что ни в коем случае нельзя позволить себя скомпрометировать!»

Первым эту тему затронул Жозеф. Он сказал, что, поскольку неизвестно, из какой семьи происходит Мари-Эрмин, строгость не будет лишней.

— Добрый вечер! — поздоровалась Эрмин, переступая порог. — Извините, что задержалась, но представьте, в спальне сестер я нашла маленькую девочку!

И она подробно рассказала о своем знакомстве с Шарлоттой. Жозеф отложил трубку и почесал подбородок.

— Я слышал об этих людях, — сказал он. — В стране кризис, и скоро

к нам таких понаедет еще куча. И в Соединенных Штатах, и в Квебеке безработица. К нам станут стекаться бедолаги в поисках дешевого жилья. Господин мэр пытается спасти поселок: он направо и налево раздает в аренду опустевшие дома. Лапуанты показались мне не слишком уважаемым семейством. Отцу под пятьдесят, он рассчитывает найти работу лесоруба, но сам при этом хилый и щуплый. Мать работала на каком-то заводе в Арвиде. Что до сына, Онезима, то он живет за счет родителей.

— Как много ты о них знаешь, Жо! — удивленно воскликнула Элизабет.

— Для этого не надо много ума — всего лишь зайти на кружку пива в бар отеля.

— И все-таки маленькую Шарлотту мне жалко, — сказала Эрмин.

— Я сделаю для твоей фотографии новую рамку, — пообещал Жозеф.

— А как же сюрприз? Сюрприз! Сюрприз! — закричал маленький Эдмон.

— Да помолчи ты! — прикрикнул на младшего Симон.

У всех Маруа был заговорщицкий вид. Элизабет достала платок и завязала Эрмин глаза.

— Вперед! — сдерживая смех, объявила она.

Легонько подталкивая девушку в спину, молодая женщина привела ее в гостиную. Эрмин догадалась, где она, что было неудивительно: она знала дом как свои пять пальцев, и скрип каждой половицы подсказывал ей направление. Кто-то включил свет. Слева послышался щелчок. Элизабет сдернула платок.

— Теперь можно смотреть! — крикнул Арман.

Девушке показалось, что она грезит наяву. Комната, в которой она в течение многих лет спала летом, окрасилась в бежево-розовые тона. В углу стояла настоящая, застланная стеганым одеялом в стиле пэтчворк кровать с резными деревянными спинками.

— Это просто чудо! — пробормотала она сдавленным от волнения голосом. — Вы сделали это для меня?

У семей, живущих в Валь-Жальбере, гостиные традиционно использовались для воскресных семейных обедов и в праздничные дни. В таких комнатах обычно расставляли самую красивую мебель, хранили парадные сервизы и портреты предков. На памяти Эрмин верные установленному порядку Маруа ни разу не переставляли мебель. Поэтому перемена показалась ей грандиозной. У кровати стоял ночной столик светлого дерева, на нем — лампа. Ее абажур был сделан из той же ткани,

что и шторы. Но самое красивое, что было в комнате, — это, конечно, украшенная блестящими шарами и золотистыми гирляндами елка. По теплой комнате разливался ее удивительный лесной аромат.

— Это самый чудесный сюрприз, какой только может быть! — воскликнула девушка, сдерживая слезы радости.

Семья Маруа только что доказала ей, что она много для них значит, что они заботятся о ее благополучии и хотят, чтобы она была счастлива.

— Только не плачь, Мимин! Мы же хотели тебя порадовать! — сказал Жозеф. — И самого главного ты еще не видела. До Рождества далеко, но я не могу больше ждать! Я приготовил подарок всем нам, и он поможет тебе разучить новые песни!

«Мимин» в устах Жозефа было верным признаком того, что он сильно взволнован. Симон указал пальцем на картонную коробку с лентами, лежавшую на полу под елкой.

— Что это? — спросила девушка.

— Открой и увидишь! — подбодрила ее Элизабет.

Эрмин встала на колени, открыла коробку и извлекла из нее некое подобие чемоданчика, обтянутого искусственной кожей. Даже не успев открыть его, она догадалась, что увидит внутри.

— Электрофон! ^[32]Проигрыватель грампластинок! Такой продавали в универсальном магазине!

— Еще папа купил диск Ла Болдюк ^[33], — добавил Симон. — Давай поскорее включим его и послушаем!

— Но это, наверное, очень дорого! — заволновалась Эрмин.

— Пришлось взять кое-что из отложенного на черный день. Чем я старше, тем менее жадным становлюсь, — отозвался Жозеф. — А знаешь, Мимин, ведь Ла Болдюк прекрасно зарабатывает на жизнь своими песнями. Хозяин отеля постоянно слушает радио, уж он точно знает, что говорит. Ла Болдюк продала двенадцать тысяч пластинок — наверное, неплохо обеспечила себя до конца своих дней. Хотя, конечно, с началом кризиса производство пластинок тоже уменьшилось. Я купил электрофон за умеренную цену. И это несмотря на то, что игла звукоснимателя алмазная, а не сапфировая!

Светясь от удовольствия, Элизабет показала Эрмин три диска в конвертах из тонкой бумаги.

— Жо сам выбирал. Посмотри — австрийская оперетта и опера, где главную партию поет Карузо ^[34], знаменитый итальянский тенор. А третья пластинка — это песни Ла Болдюк.

Молодая женщина обращалась с пластинками, как с редчайшим сокровищем, словно боясь, что при малейшем движении они могут сломаться. Жозеф взял диски из рук жены.

— Мне хотелось тебя порадовать, Эрмин, — сказал он. — Я понимаю, ты расстроилась из-за отъезда сестер, но я хочу, чтобы ты знала: наш дом — это и твой дом тоже! У тебя должна быть своя собственная комната — и теперь она у тебя есть!

Девушка с трудом сдерживала слезы счастья. Она и надеяться не смела на такую заботу и внимание.

— Вы так добры ко мне! — пробормотала Эрмин. Глаза ее блестели от слез.

— Не плачь, Эрмин, — попросила Элизабет.

— Может, мы, конечно, и добрые, но своего не упустим, — пошутил Жозеф. — Теперь тебе придется разучить несколько новых песен. И, если захочешь и хватит смелости, ты сможешь петь на сцене, перед настоящей публикой!

Эрмин посмотрела на него с удивлением. Петь перед публикой! В Квебеке тех времен не принято было, чтобы женщина работала. Достигнув определенного возраста, девушки выходили замуж, рожали детей и занимались их воспитанием. Конечно, некоторым доводилось немного поработать до брака, при условии, что эта работа не требовала специальной подготовки, но большинство сходилось во мнении, что женщина должна оставаться у семейного очага.

Жозеф думал также, и девушка знала об этом. Поэтому-то удивление ее было велико.

Элизабет отвернулась, чтобы спрятать смущение. Она была в курсе грандиозных планов мужа, но не одобряла их. Жозеф, скупость которого была известна всем жителям Валь-Жальбера, тратил деньги только в том случае, если был уверен, что они к нему вернуться с лихвой. Он рассчитывал поженить Симона и Эрмин, которая, он был уверен, своим голосом сможет заработать целое состояние. И состояние это должно остаться в семье. Накануне вечером, когда они укладывались спать, Жозеф изложил супруге продуманный до мелочей план действий.

— Я поезжу по шикарным заведениям на побережье озера Сен-Жан и переговорю с их директорами. В первую очередь съезжу в большой отель в Робервале, у них полно публики даже летом. Если Эрмин выучит несколько популярных песен, она сможет выступать на сцене после ужина. Да, именно «выступить на сцене» — так было написано в газете... Она еще слишком молода, чтобы уметь распорядиться заработанным. Я буду

откладывать ее деньги. Кое-что пойдет в наш кошелек — должна же она платить за свое проживание и питание...

— Жо, она много помогает мне по дому, — попыталась слабо протестовать Элизабет.

— Поверь, я знаю, как для нас лучше.

Решения Жозефа обсуждению не подлежали. С недавних пор, когда в его голове созрел замысел относительно будущей карьеры Эрмин, он все свое свободное время посвящал чтению газет. В местном отеле, куда он заходил на кружку пива, Жозеф внимательно слушал радио. В обществе происходили значительные перемены. Женщины все чаще устраивались на работу. Он вряд ли согласился бы отпустить на работу свою жену Элизабет, но будущность Эрмин, даже если девушке суждено было стать его невесткой, он рассматривал совсем под другим углом.

— Готово! — воскликнул Симон. — Пап, дай мне диск Ла Болдюк!

Старший из мальчиков поставил электрофон на буфет. Эрмин, сгорая от любопытства, подошла поближе. В чемоданчике оказался репродуктор, защищенный тонкой металлической сеткой. Арман приподнял рычаг звукоснимателя.

— Осторожно, негодник! — прикрикнул на среднего сына Жозеф. — Этот прибор легко сломать! Я запрещаю тебе к нему прикасаться!

Все затаили дыхание, когда электрофон включился и послышалось легкое монотонное жужжание. Симон опустил иголку звукоснимателя на край пластинки.

— Я умею им пользоваться, — горделиво заявил он. — В прошлом году такой себе купила тетка Кэролайн. Каждый раз, когда я приезжаю к ней на каникулы, мы слушаем новые диски!

Эрмин электрофон казался чем-то сродни волшебной палочке. Стоило зазвучать голосу Ла Болдюк, как она отшатнулась и замерла, зачарованная.

На этом диске была записана одна из самых популярных песен певицы, получившей широкую известность в Квебеке, но так и не избавившейся от характерного акцента, — песня «Кухарка». Эрмин, которая почти ничего не знала о музыке и певческом искусстве, показалось, однако, что голос у знаменитой Ла Болдюк тонковат. Жозеф слушал песню и смеялся от души — такими забавными ему показались слова.

Элизабет присела на стул и сложила руки на коленях.

«Мне больше нравится, как поет наша Эрмин», — думала она.

Арман принялся прыгать и кривляться, но Симон быстро успокоил его подзатыльником.

— От твоих прыжков паркет дрожит, а вместе с ним и буфет с

проигрывателем! — сказал он брату. — Если диск поцарапается, его придется выбросить.

Потом они прослушали две арии из «Веселой вдовы» ^[35]. Жозеф объявил, что пора садиться за стол.

— А второй сюрприз, пап? — спросил Эдмон.

— О, с этим сюрпризом будет куда больше хлопот, — пробормотал хозяин дома. — Я совсем о нем забыл. А ведь надо его покормить.

— Покормить?.. — переспросила Эрмин.

— Ну да. Он в хлеву. Представь себе, у нашей коровы появился товарищ.

Дети, не чуя под собой ног, бросились к входной двери. Наскоро переобувшись в резиновые сапоги, они помчались в хлев. Симон взял Эдмона на руки, Арман тянул за руку Эрмин. В доме осталась одна Элизабет — застлала стол скатертью.

Жозеф распахнул дверь в хлев, где обычно жила одна только корова. Ребята увидели красивого коня, который ел из яслей сено. Животное обернулось и всхрапнуло. Эрмин застыла в восхищении. Этот конь был куда стройнее тех тягловых лошадок, которые возили их в сахароварню. Он был гнедой, с темной гривой и хвостом. Длинное белое пятно тянулось ото лба к самым ноздрям. Девушке это пятно показалось очаровательно-кокетливым. Мысленно она сравнила его со снежной дорожкой.

— Сколько чудес случилось в вашем доме за один вечер! — воскликнула Эрмин радостно. — Я пробыла у сестер всего три дня, а теперь возвращаюсь и вижу, что все изменилось и появилась самая красивая в мире лошадь! Кто ее хозяин? Кто вам ее одолжил?

— Она моя, — горделиво выпрямился Жозеф. — Можешь ее погладить. Старый хозяин заверил меня, что лошадка послушная и приучена к седлу. Я купил и коляску. И очень доволен! Люди уезжают из Валь-Жальбера в город, рассчитывают найти там работу. Я получил Шинука ^[36] и коляску почти даром.

— Жаль, что ты не можешь купить автомобиль, пап, — сказал Симон.

— Автомобиль! — фыркнул отец. — Хочешь по миру нас пустить? Машины ездят на бензине, а он стоит дорого. А лошадь питается сеном, зерном и травой. Этой весной в нашем распоряжении будут все пастбища поселка. Многие местные жалуются, что поселок, мол, уже не тот, что большинство лавочек закрывается. А я говорю, что из любой ситуации можно извлечь выгоду. Я вовремя купил свой дом, и никто не заставит меня его покинуть. К тому же я умею правильно вкладывать деньги.

С этими словами Жозеф щелкнул своими подтяжками и сплюнул на землю.

— Ты извлекаешь выгоду из несчастья тех, кому повезло меньше, чем тебе, — проворчал Симон.

— Замолкни, — прикрикнул на него Жозеф. — Благодаря мне ты получаешь деньги за то, что присматриваешь за динамо-машиной и прибираешься в цехах, которые вовсе не требуют уборки!

Эрмин их не слушала. Очарованная Шинуком, она подошла поближе к стойлу. Крепкий запах прекрасного животного напомнил ей о дне, проведенном в сахароварне, куда они приехали по заснеженной дороге на санях, запряженных двумя лошадьми. Она погладила коричневую лошадиную гриву.

— Мы с тобой подружимся, — прошептала она. — Вот посмотришь, я буду хорошо за тобой ухаживать. У тебя всегда будет свежая вода и хорошее сено.

Лошадь потерлась белым лбом о бедро, потом внимательно посмотрела на девушку. Во взгляде карих глаз читались доброта и доверие. Эрмин осмелилась погладить нового знакомца.

Маленький Эдмон последовал ее примеру, но до головы Шинука достать не мог, поэтому провел ладошкой по лошадиному животу.

— Теперь у нас есть на чем поехать в Роберваль или в Шамбор, — объявил Жозеф. — Я научу тебя править коляской, Эрмин. Это просто. Тем более что Шинук слушается голоса и малейшего движения уздечки.

— С удовольствием! — отозвалась девушка. — Я боюсь тягловых лошадей, но Шинук такой милый! Смотрите, он хочет, чтобы я его еще погладила!

Обилие новых впечатлений, равно как и доброта Жозефа, тем более неожиданная, потому что по характеру он был брюзга и ворчун, привели девушку в восторженное состояние. Эрмин показалось, что она стоит на пороге восхитительной жизни, наполненной свободой и песнями.

— Я буду кормить Шинука, — сказала она. — По утрам и по вечерам. А летом буду водить его на луг.

Элизабет позвала всех в дом. За столом семейство весело болтало и смеялось. Эрмин не отставала от остальных. Казалось, она совсем не грустит о том, что монахини, в том числе сестра Викторианна, уехали навсегда. Особенно странным это показалось Жозефу.

— А ведь сестра-хозяйка была тебе как мать, — вдруг сказал он, когда все перешли к десерту. — Я думал, ты весь вечер будешь грустить. Бетти я сказал даже, что тебя будет трудно утешить.

Девушка моментально залилась краской. В словах Жозефа она услышала упрек в неблагодарности.

— У меня не было времени думать об этом, — едва слышно сказала она. — Стоило сестрам уехать, как в спальне я нашла Шарлотту. А потом я убирала...

— Девочка права! Ты преувеличиваешь, Жозеф, — отрезала Элизабет. — Мы сделали все, чтобы развлечь Мимин, чтобы она не грустила, и вот теперь ты упрекаешь ее в том, что ей весело.

— Что ж, если нам удалось ее развеселить, тем лучше, — отозвался сконфуженный супруг.

На этот раз Эрмин не смогла сдержать слез. Ей показалось, что Жозеф сожалеет о своей щедрости.

— Мне лучше у вас, с вами! Лучше, чем с сестрами, — бормотала она, всхлипывая. — Я так люблю Бетти! Мне всегда хотелось называть ее «мама», но я не имела на это права. А сестра Викторианна думала только об одном — как бы сделать меня монахиней. И постоянно заставляла меня молиться — утром, днем, вечером, а в некоторые праздники — даже ночью...

Эдмон вскочил со своего стульчика, подбежал к девушке и прижался щекой к ее плечу. Элизабет тоже встала и подошла, чтобы обнять Эрмин.

— Ну, теперь ты доволен, Жо? — спросила она у мужа. — Теперь она расстроилась. Как не вовремя ты вспомнил о сестрах! Симон, передай-ка мне бутылку с шерри. Мимин нужно взбодриться, она вся дрожит.

Жозефу показалась странной идея угостить девушку вишневой настойкой, однако запрещать он не стал.

— Если б тебя увидел сейчас аббат Деганьон! — не удержался он от замечания. — Он и так обещает геенну огненную тому, кто позволяет себе глоток вина по праздникам!

— Немного наливки пойдет ей на пользу, — заявила его жена. — Пара глотков, не больше.

Через несколько минут никто и не вспоминал о неприятном инциденте. Симон пошел в гостиную и снова поставил диск Ла Болдюк. Веселая мелодия гармоники и игривые слова песни «Кухарка» подняли всем настроение.

Умна не по годам
Кухарка-хохотушка:
Блюдет свои стада,
Как добрая пастушка;

Глядишь — и там и тут
Поклонники снуют:
Толстые, худые,
Юные, седые,
Серьезные, смешные...
Ура нашей кухарке!

— Я с трудом разбираю слова, — с удивлением отметила Эрмин.

— Тем лучше! — ответила Элизабет. — К тому же у тебя, спасибо сестрам, нет такого ужасного акцента, как у нее. Жо, я бы сказала, что слова у этой песни слишком нескромные!

— В них нет ничего такого, Элизабет, — отозвался муж, хотя глаза его хитро блестели. — Просто веселая песенка. Поэтому-то люди и любят эти песни. Я их понимаю. «Глядишь — и там и тут поклонники снуют», — подпел он и подмигнул супруге.

Через час все разошлись по спальням. Эрмин осталась одна в своей новой комнате. От слез и от вишневой настойки слегка болела голова.

«Жозеф сказал не подумав, — размышляла девушка, присев на край кровати. — Но он, наверное, прав: я рада тому, что осталась в Валь-Жальбере. Нелегко жить, во всем подчиняясь монахиням...»

Она погладила стеганое одеяло и долго смотрела на наряженную елку. В золотистом свете ночника эта оформленная в пастельных тонах комната показалась ей невероятно красивой.

«Все-таки мне очень повезло», — заключила девушка.

Перед глазами возникло исхудавшее личико Шарлотты. В этот вечер Эрмин пообещала себе, что больше никогда не станет жаловаться.

«Мне было бы очень грустно, если бы я не видела эти клены осенью, когда они становятся красивого красного цвета... Ужасно не видеть летнее небо и морозные узоры на окнах. Спасибо, Господи, что ты даровал мне счастье любоваться красотами природы!» — думала она, устраиваясь поудобнее на приятно пахнущей мылом простыни.

Однако сон не шел к ней. В голове у Эрмин теснилось множество вопросов.

«Почему Господь, чья доброта безгранична, который любит нас, как своих детей, решил послать в мир болезни? Сестра Мария Магдалина была красивой и щедрой. Почему она умерла такой молодой? И Шарлотта... Она не заслужила того, чтобы стать слепой...»

Где-то далеко, возможно, на возвышающемся над поселком холме,

возле плотины, которая перегораживает реку Уиатшуан, завыл волк. Девушка свернулась клубком.

«Волки не подходят к поселку, — попыталась она успокоить себя. — Наверное, это воет ездовая собака. Собака из упряжки заблудившегося траппера...»

Она смежила веки и увидела тот же сон, который приходил к ней сотни раз. В этом сне было много-много снега. Она увидела темноволосого и бородатого мужчину с суровым лицом. Он громко кричал, подгоняя своих собак. Серые, с яркими желтыми глазами собаки галопом неслись по бескрайней заснеженной равнине. Потом появилась женщина, очень молодая и очень красивая, с небесно-голубыми глазами. На руках она держала маленькую Эрмин.

— Мама! Мама! — закричала девушка и... проснулась.

Элизабет склонилась над ней и погладила по щеке.

— Ты очень громко кричала, Мимин. Ты звала свою мать. Бедный мой котенок!

Эрмин притянула руку молодой женщины к губам и стала ее целовать.

— Мне снова снился тот же сон. Извини, что разбудила тебя, Бетти.

— Сегодня ты переволновалась. Спи, моя дорогая.

Элизабет бесшумно вышла. Эрмин широко открытыми глазами долго смотрела в темноту. Она была уверена, что во сне видела свою мать, поэтому постаралась вспомнить ее лицо. Однако на следующий день воспоминания о приснившемся стали размытыми, словно уступив место событиям нового дня.

В тот же день на Валь-Жальбер обрушилась зима. За несколько часов температура воздуха опустилась до минус тридцати. Мороз сковал все окрестности и воды озера Сен-Жан.

В канун Рождества Жозеф и Симон допоздна задержались на фабрике. Они вернулись усталыми и замерзшими. Дома их ждали приготовленные Элизабет праздничные костюмы и вкусный ужин.

— Мы с Эрмин уже были на мессе, — сказала она мужу. — Аббат Деганьон не сердится на вас за то, что вы ее пропустили. Вам лучше побыть в тепле.

В начищенном до блеска доме витали ароматы жареного мяса и сладкой выпечки. Из гостиной доносились гармоничные голоса, напевавшие под аккомпанемент оркестра:

Вновь ангелов веселый хор
Заводит радостный мотив —

И эхо звонкое меж гор
Кружит, их песню подхватив:
«Gloria, gloria...» [\[37\]](#)

— Разве я покупал этот диск? — удивился Жозеф.

— Нет, его купила я, — ответила его супруга. — Деньги я взяла из своей копилки. Мы его уже час слушаем. Эрмин рада — она хочет выучить эти песни, раньше она их не слышала.

— Хорошо, это хорошо, — с довольным видом заметил хозяин дома.

Девушка сидела на полу возле елки. Рядом, прижавшись к ней, примостился Эдмон. Пятилетний малыш любил Эрмин, как старшую сестру. Вместе они листали книгу в тисненной золотом красивой обложке.

— Почитай мне еще историю о святом Николае, Мимин! — попросил мальчик.

— Еще раз? — переспросила девушка с улыбкой.

— Да, еще раз!

Это было ее первое Рождество в доме Маруа, и она чувствовала себя очень счастливой. В прошлом она ежегодно ходила к мессе в сопровождении монахинь. По возвращении же в монастырскую школу сестры собирались в большом зале, снова молились и укладывались спать, чтобы встать на заре к утренней мессе.

Девушке казалось, что она попала в сказку: в комнате звучит веселая ритмичная музыка, пахнет смолой, блестят и переливаются игрушки на елке... Элизабет нарядила Эрмин в свою зеленую шерстяную юбку и белую атласную блузку. И сама ее причесала — разделила волосы на две косы и короной уложила надо лбом.

— Ты такая красивая сегодня, — восхитился маленький Эдмон.

Малыш прижимался к ней так доверчиво... Эрмин не могла пожелать себе большего. Она открыла книгу там, где начиналась новогодняя сказка [\[38\]](#).

— «Святой Николай приходит в гости», сказка Клемана Мура.

Эрмин на мгновение замолчала. Второе имя Тошана — Клеман, но она редко вспоминала об этом. Сердце девушки забилось быстрее. «Я не могу забыть своего незнакомца! Какая же я глупая! Я надеюсь встретиться с ним снова, но он не вернется, так же, как и мои родители. Лучше бы мне больше думать о тех, кто меня по-настоящему любит и кто старается сделать меня счастливой!»

— Мимин, читай! — попросил Эдмон.

— Извини, что заставила тебя ждать, — сказала она, целуя мальчика в лоб.

Рождественской ночью во всем нашем доме
Так тихо — все ждут, затаивши дыханье;
Пустые чулочки висят у камина...
Скорей приходи, Святой Николай!

— Все за стол! — позвал Симон.

— И побыстрее! — добавил Жозеф. — Я голоден как волк!

— Я дочитаю позже, после сладкого, — пообещала Эдмону Эрмин.

Все отдали должное прекрасному ужину, приготовленному заботливой хозяйкой дома. После лососины, запеченной под сливочным соусом, Элизабет подала рагу из зайчатины. Коричневый мясной сок оставлял во рту медовый привкус — Элизабет сбрызнула зайчатину кленовым сиропом. Гарниром к мясу была картошка.

— Десерт приготовила Эрмин, — объявил Арман.

— По новому рецепту, — уточнила девушка.

— И в нем много шоколада, — улыбнулась Элизабет. — Надо быть мастером, чтобы сладить с заварным тестом! Подавай свои эклеры, Мимин!

— Эклеры? — восхитился Жозеф. — Это мои любимые пирожные!

Спустя минуту рабочий заявил, что никогда не ел шоколадных эклеров вкуснее, чем эти. Он растроганно посмотрел на порозовевшую от похвал девушку.

— Вот если бы ты нам теперь что-нибудь спела! — попросил он.

Эрмин встала и оперлась рукой о спинку своего стула. Она уже знала, что будет петь.

Трех ангелов встретила — будто во сне —
С корзинкой чудесных даров;
Кадильницу первый протягивал мне,
Второй — букетик цветов...
«Но-эль, Но-эль!
Уходи, метель...»

Ее чистый, с хрустальными переливами голос заполнил собой весь дом. Когда девушка повторяла «Ноэль, Ноэль!», беря еще более высокие

ноты, Элизабет в восхищении закрывала глаза. Закончив песню, Эрмин слегка поклонилась. Жозеф окинул ее жадным взором — так пираты смотрят на свои сокровища.

— Я тоже приготовила вам сюрприз, — тихо сказала Эрмин. — Арман, Эдмон, подойдите ко мне!

Мальчики, смущенно улыбаясь, встали с ней рядом. Девушка взяла каждого за руку и шепотом сосчитала до трех.

— Начинайте! — тихонько приказала она.

Мальчики запели первый куплет популярного французского рождественского гимна, воспевающего рождение Иисуса Христа.

Сын Божий родился!
Играйте, гобои, гудите, волынки!
Сын Божий родился!

Эрмин, улыбаясь, отбивала ритм. Потом запела вместе с Арманом и Эдмоном. Элизабет плакала от радости и гордости.

— Но когда ты успела выучить с ними песню? — спросила она.

— Мы повторяли слова каждый раз, когда кормили лошадь, — ответила Эрмин. — Шинук обожает песни.

— Это самое лучшее Рождество в моей жизни! — заключил Жозеф.

Эдмон дожидаться не мог продолжения своей сказки. Он даже принес Эрмин книжку.

— Тебя так просто с пути не собьешь! — поддразнила она малыша. — Идем к елке. Я немного почитаю, а потом ты ляжешь спать.

Девушка уселась на ковер. Ребенок примостился у нее на коленях.

Мы с матушкой вдвоем укрылись потеплей
И собрались уснуть — так сладок зимний сон...
Как вдруг из-за окна донесся странный шум.
Я соскочил с постели и бросился к окну
Скорее посмотреть: что там произошло?
Окошко отворил и ставни распахнул...
В сиянии Луны, на снежном серебре
Мне было видно все — ясней, чем ясным днем!
И угадайте, что тогда я увидал?
Крошечные сани, олений восьмерик
И Красного возницу — смешного старичка

(Святого Николая — я вмиг узнал его)!
Быстрее ветра Ник летел в своих санях
И гикал, и свистел, и весело кричал:
«Н-но, н-но, Огонь! Танцор! Ретивый! И Хитрец!
Комета! Купидон! И Молния, и Франт!
Живей — на козырек! Вперед, на самый верх!»

— Когда я сяду верхом на Шинука, — вдруг сказала Эрмин, — я тоже ему крикну: «Мчись! Мчись! Лети быстрее ветра!»

— И упадешь, потому что девочки не умеют ездить верхом! — крикнул Арман, немного завидуя младшему брату, которому Эрмин уделяла больше внимания.

Глаза у Эдмона закрывались, он зевал. Элизабет взяла его на руки.

— Пора баиньки, дорогой. Эрмин долго тебе читала, она тоже хочет спать.

— Доброй ночи, Эд, — ласково сказала девушка. — Завтра вечером я дочитаю тебе сказку, обещаю!

Ближе к полуночи разыгралась метель. Ледяной ветер с завываниями сотрясал дома в поселке Валь-Жальбер, как заселенные, так и опустевшие. Огромный вяз на улице Сен-Жорж сломался и упал, задев крышу почтовой станции.

Лежа в мягкой постели, Эрмин прислушивалась к вою снежной бури. Под мощными ударами ветра сотрясались стены и печные грубы. Девушка представляла, что творится на улице. Она жалела деревья, ставшие добычей метели, и диких зверей, которым пришлось рыть убежища в покрытом ледяной коркой снегу. Она подумала о Шарлотте — хорошо ли малышка отпраздновала Рождество?

«Может, у них даже не было праздничного ужина, они ведь очень бедны. Жозеф без конца повторяет, что во всей стране ужасный кризис, и Америки он тоже коснулся. Завтра схожу к Лапуантам, угощу их гречневыми блинами с кленовым сиропом. Бетти замесила целую миску теста. И мадам Мелани... Ее дети приезжают так редко! Если буря утихнет, я возьму Эдмона и мы сходим к ней. Я спою ей „Ave Maria“, она так любит этот гимн...»

Живя с монахинями, Эрмин научилась быть сострадательной и остро переживала чужую боль.

«Увы, я не могу помочь тем, кто далеко от Валь-Жальбера! — думала девушка. — Тошан... Где он сейчас? Он сказал, что отец его умер и он

ищет работу, чтобы высылать деньги своей матери. Это доказывает, что он хороший сын и добрый человек. Надеюсь, что он спит в тепле и хорошо отпраздновал Рождество. Господи, защити Тошана, защити всех несчастных, всех скитальцев и сирот! И, если они до сих пор живы, защити моих родителей, защити мою мамочку!»

Девушка заплакала. Каждый вечер, ложась в постель, Эрмин умоляла небо послать ей сон, в котором она видела ласковое лицо своей матери, видела предельно ясно, но стоило ей проснуться, как милые сердцу черты теряли четкость. Лишь в одном девушка была уверена — ее мать очень красива...

Глава 8. Во имя любви

Валь-Жальбер, 10 июля 1930 года

Лето казалось еще более ярким и теплым после необычайно суровой даже по местным меркам зимы. Вокруг опустевших домов в беспорядке росли цветы и овощи, которые в прошлом выращивали на своих огородах жильцы. Некому было пропалывать дорожки и уничтожать сорняки. Оплетенные вьюнком заборы и опоры на-весов украсились похожими на рожок атласными белыми цветами. На лугах распустились ромашки и лютики.

На участке, прилегающем к водопаду, не осталось ни одной живой души. Оставшиеся в поселке семьи предпочли переселиться поближе к дороге, ведущей в Роберваль, к озеру Сен-Жан. Муниципалитет выстоял в эти трудные времена. У мирской учительницы, семнадцатилетней мадемуазель Алис Паже, было довольно много учеников — все, за исключением Шарлотты Лапуант и Армана и Эдмона Маруа, дети фермеров и лесорубов.

Даже отель-ресторан оставался открытым для посетителей, несмотря на значительное сокращение клиентуры. Сейчас, в период отпусков, в нем остановилось несколько гостей.

— Господи, до чего же солнце жаркое! — сказала себе Элизабет, развешивая во дворе выстиранное белье.

Молодая женщина трянула недлинными, до плеч, белокурыми кудрявыми волосами, чтобы убрать с лица мешавшую прядь. На ней была старенькая блузка без рукавов и бежевая ситцевая юбка.

— До вечера все высохнет! — с удовлетворением отметила она, окидывая взглядом развешанные рядами майки и рубашки.

Вернувшись в кухню, молодая женщина налила себе воды, потом, пританцовывая, прошла в гостиную и включила проигрыватель. Арман и Эдмон уехали к дедушке и бабушке в Шамбор, а Симон подрабатывал лесорубом возле озера Малинь, чуть выше плотины. Жозеф с Эрмин на коляске поехали отвезти ему обед. Они вернутся все вместе ближе к вечеру...

— Как хорошо, когда никто не вертится под ногами... — сказала вслух Элизабет.

Эрмин научила ее пользоваться проигрывателем. Несколько секунд —

и комнату наполнил голос Ла Болдюк, сопровождаемый веселой гармоникой. Слава этой певицы росла, несмотря на экономический кризис [39]. Во всем Квебеке люди, которым приходилось бороться с безработицей и нищетой, слушали песни, чтобы хоть на время забыть о своих трудностях. Это помогало собраться с силами, укрепляло веру в то, что все наладится.

В одном из магазинов Роберваля Жозеф купил еще один диск Ла Болдюк. Спустя неделю Элизабет знала наизусть слова веселой песни «Не стоит падать духом», которая обещала скорые перемены к лучшему.

Яркая индивидуальность певицы, ее выраженный акцент и простонародный язык вызывали неприятие у представителей высшего общества, но простые люди ее обожали.

— Не стоит отчаиваться! — подпевала Ла Болдюк Элизабет.

Ей вдруг пришло в голову, что Эрмин репертуар Ла Болдюк не по душе.

«Ничего странного, у нашей Мимин утонченный вкус. Сестры привили ей хорошие манеры, дали хорошее образование. Я уверена, что преподавать у нее получилось бы не хуже, чем у мадемуазель Алис Паже, с которой они большие подруги», — подумала молодая женщина с легкой завистью.

Кто-то постучал в дверь. Элизабет поспешно выключила проигрыватель. Она не ждала гостей.

— Иду! — крикнула она сердито.

Осторожность лишней не бывает, поэтому перед тем, как открыть, молодая женщина выглянула в окно. На крыльце она увидела женщину в черных одеждах.

«Кто бы это мог быть? Я не слышала, чтобы в поселке кто-нибудь носил траур. И она такая элегантная!»

Элизабет решила открыть. На пороге стояла невысокая стройная незнакомка. Ее большая соломенная шляпа и густая вуаль почти скрывали лицо. Голова ее была опущена.

— Мадам кого-то ищет? — спросила Элизабет.

— Это дом Жозефа Маруа? — неуверенно отозвалась незнакомка.

— Да, но моего мужа нет дома. Он вернется только вечером. А зачем вам понадобился мой муж? Вы — его дальняя родственница? Может быть, кузина?

— Нет, мадам Маруа, я не его родственница. И я предпочла бы сначала поговорить с вами. Ваш дом показал мне месье кюре.

Элизабет жестом пригласила женщину войти. Внезапно перед этой

элегантно одетой дамой она устыдилась собственной простой одежды.

— Я как раз убирала, поэтому оделась попроще. Ну вы понимаете — стирка, веник, пыль... Присаживайтесь! Вам наверняка хочется пить, ведь на улице так жарко...

— Я с удовольствием выпью воды. А еще... я очень волнуюсь.

Эти слова заинтриговали Элизабет. Она пыталась угадать, кто скрывается под черной вуалью, но все ее усилия были тщетны.

— Не могли бы вы представиться? — попросила она, сгорая от любопытства. — Я раньше никогда не видела вас в Валь-Жальбере.

Затянутые в черное кружево руки незнакомки судорожно сжали маленькую кожаную сумочку. Сделав глубокий вдох, она выпалила:

— Я Лора Шарден, мать Мари-Эрмин.

— Мать Мари-Эрмин! — повторила Элизабет.

Меньше всего мадам Маруа ожидала такого признания. У нее задрожали колени, сильно забило сердце.

— Мне лучше присесть, — сказала она. — Такое потрясение!

Лора сняла шляпу. Ее каштановые волосы, в которых кое-где проглядывала седина, были подстрижены по последней моде — чуть ниже ушей. Стоило ей поднять на Элизабет глаза — эти прекрасные, ярко-голубые, цвета чистой лазури глаза, — как та ей поверила, сразу и безоговорочно. Перед ней и вправду была мать ее дорогой Мимин.

— Я осмелилась прийти к вам, потому что узнала, что моя дочь уехала, — тихо сказала гостья. — Мне об этом сказала ваша соседка, когда я вышла из дома кюре, — пожилая дама, которая сидела на последней ступеньке крыльца под зонтиком. Она сообщила, что месье Жозеф Маруа отправился к водопаду Малинь вместе со своей воспитанницей. Я уже видела Мари-Эрмин в субботу вечером, в отеле Роберваля, когда она пела. Как я гордилась своим ребенком! Господи, какой у нее чудесный голос!

Это проявление восторга вывело Элизабет из состояния прострации. На смену растерянности пришла ярость.

— Не смейте так говорить! — закричала она. — Вы являетесь к нам в дом без предупреждения, даже не потрудившись написать письмо, и говорите о своем ребенке, как добропорядочная мать! Я не знаю, может, вы и хорошая женщина, но уж точно не хорошая мать! Скажите, как могли вы бросить Эрмин пятнадцать лет назад? Как вы могли, мадам, оставить больного ребенка на произвол судьбы, а сами жить в мире и достатке? Вы не выглядите стесненной в средствах, несмотря на кризис. И если вы думаете, что дочь хочет с вами познакомиться, вы ошибаетесь! Эрмин не простила вам того, что вы оставили ее на пороге монастырской школы, как

оставляют ненужного щенка! Она знать не хочет своих родителей! Я воспитывала ее! Я шила ей платьица, вязала шапочки, варила первые супы... Вы не приезжали за ней, за нашей Мимин, вам она была не нужна! Мой муж хочет в следующем году оплатить ей уроки с настоящим учителем музыки. Теперь мы — ее семья! Мои сыновья, Жо и я!

Элизабет задыхалась от ярости. Лицо мадам Шарден стало мертвенно-бледным.

— Если когда-нибудь Мари-Эрмин захочет увидеться со мной, я расскажу ей мою историю. Мне многое пришлось пережить, мадам Маруа. Но это не касается никого, кроме моей дочери.

— Во-первых, теперь ее зовут Эрмин! А я — ее Бетти! Она любит меня, как мать, и не пытайтесь ее у меня отнять!

— Она уже достаточно взрослая, чтобы решать самой, — сухо ответила на это Лора. — Но не пугайтесь, я не стану уводить ее от вас силой. Единственное оправдание, которое я могу вам предоставить, — это то, что я потеряла память на многие годы. Если бы не это, я бы давно вернулась в Валь-Жальбер. И сама воспитывала бы мою дорогую девочку.

Женщины враждебно посмотрели друг на друга. Мадам Шарден нашла, что Элизабет очень хороша в своем праведном гневе.

«Вот женщина, которая ласкала мою малышку, протягивала ей руку, когда она училась делать первые шаги, — думала Лора. — Конечно же, Мари-Эрмин любит этих людей, ведь они заботились о ней, а меня ненавидит...»

— Не буду вас задерживать, мадам Маруа, — со вздохом сказала она, вставая. — Прошу вас об одном — расскажите дочери, что я приходила, и передайте ей адрес, по которому она может мне написать.

Лора достала из сумочки почтовую открытку, на обороте которой было написано несколько адресов.

— Эту ночь я провела в отеле Валь-Жальбера, но все лето я буду в Робервале. Осенью я рассчитываю вернуться в Монреаль, там мой дом. Я провела много лет в разлуке с дочерью, могу подождать еще немного.

Лора дрожала, несмотря на страшную жару. Изящным движением она надела шляпу с вуалью. Элизабет вспомнила об обязанностях хозяйки дома.

— Мадам, выпейте воды, вам предстоит долгий путь, — предложила она. — Я дала волю чувствам, но на моем месте вы повели бы себя так же.

— Не торопитесь осуждать меня, — сказала Лора. — В тот вечер, когда мой муж положил нашу девочку на порог монастыря, он пытался спасти ее жизнь. Я была тогда больна, очень больна. Я думала, что умираю.

Но я выжила, а Мари-Эрмин стала чудесной девушкой. Вы считаете меня недостойной матерью, а между тем я страшно терзалась разлукой со своим ребенком. Один доктор сказал мне, что именно это стало причиной амнезии.

— Амнезии? — переспросила Элизабет, которая слышала это слово впервые.

— Да, потери памяти. Я забыла обо всем — о своем муже, о ребенке. Точно сошла сума... Понадобилось много недель, чтобы собрать по кусочкам картину моего прошлого, привести мысли в порядок. Я обо всем расскажу дочери. До свидания, мадам Маруа. Лучше мне сегодня не встречаться ни с Мари-Эрмин, ни с вашим мужем.

Лора Шарден быстрым шагом вышла и спустилась с крыльца. Элизабет смотрела, как она удаляется по улице Сен-Жорж. Она уже жалела о своей вспышке. Она бы с удовольствием выслушала историю матери Эрмин.

«Нужно было отнестись к ней помягче. Может, тогда бы она рассказала», — сокрушалась молодая женщина.

В подобных мыслях пролетел остаток дня. Элизабет спрятала открытку с адресами в своей спальне, между страницами тетради, в которой Жозеф записывал денежные поступления и расходы. Когда солнце скрылось за церковной колокольней, она уселась на крыльце и стала ждать возвращения мужа, сына и Эрмин.

— Легки на помине! — тихо сказала она себе, издали услышав стук копыт Шинука.

Вскоре к этому звуку добавилось характерное постукивание обитых металлом колес. Наконец на улицу выехала знакомая коляска. Лошадью правила Эрмин. Ее легкие, подсвеченные золотыми лучами заходящего солнца волосы разметались. Она улыбалась, сверкая мелкими белыми зубками.

— Ку-ку, моя Бетти! — крикнула девушка, останавливая коня напротив дома.

Жозеф в клетчатой рубашке с закатанными рукавами сидел на заднем сиденье и насвистывал припев песни Ла Болдюк. Загорелый Симон спрыгнул на землю. Он сильно вырос и был похож на отца как две капли воды.

Элизабет сама не поняла, что на нее нашло. Она поймала себя на мысли, что сердится на Эрмин за то, что ее мать оказалась жива и испортила ей настроение. Когда девушка подбежала к ней с букетом мелких белых цветов, хозяйка дома встретила ее нагоняем:

— В этом полотняном комбинезоне ты похожа на нищенку! Ты ведь не мужчина, чтобы носить штаны! Немедленно переоденься!

— Но ведь ты сама дала мне этот комбинезон! Ты сказала, что, раз мы едем в лес, в нем будет удобнее. А пока мне нужно распрячь Шинука и накормить его. Переоденусь потом. Что с тобой, Бетти? Смотри, я нарвала тысячелистника ^[40]. Ты говорила, из него можно приготовить полезный настой.

Жозеф обнял жену за шею мозолистой рукой. Элизабет, устыдившись своей вспышки, спрятала лицо в цветах. Жозеф внимательно посмотрел на жену.

— Наша милая Бетти сердита? — шутливо спросил он. — Разве мы опоздали?

— Не слишком весело сидеть весь день дома одной, — соврала молодая женщина. — И убирать за всеми, и стирать вашу одежду!

Симон пожал плечами и прошел в кухню. Но там не пахло ни супом, ни мясом.

— Мам, а где обед?

— Сейчас приготовлю омлет! — отозвалась Элизабет, которая с расстроенным видом смотрела на Эрмин.

— Мне есть не хочется, — сказала обиженная девушка. — Мне нужно позаботиться о Шинукке.

Жозеф стал снимать с коня упряжь. Оттолкнув коляску назад, он снял оглобли.

— Можешь отвести его в стойло, Мимин, — сказал он. — Сегодня ему пришлось попотеть. Хорошенько вытри его соломой и дай побольше овса!

— Я знаю, Жо, — сказала девушка.

Она почувствовала облегчение, оказавшись на заднем дворе, и торопливо ввела коня в хлев, который он делил с коровой.

Оставшись с женой наедине, Жозеф спросил:

— Что случилось? Ты не беременна часом? Я бы обрадовался еще одному сыночку. Не волнуйся, воспитаем!

— Господи, дело не в этом! — пробормотала Элизабет. — Идем в спальню!

Теперь уже по-настоящему встревоженный, Жозеф последовал за женой наверх.

— Да на тебе лица нет, Бетти!

— Сейчас ты поймешь почему, — отозвалась жена. — Жо, сегодня к нам пришла дама в черном, на вид очень богатая. Я вежливо пригласила ее войти. Не успела она присесть на кухне, как вдруг говорит: «Я — Лора

Шарден, мать Мари-Эрмин». Господи, я думала, что у меня сердце разорвется!

Элизабет пересказала мужу разговор с Лорой Шарден. Жозефа словно обухом по голове хватили — ошеломленный новостью, он сел на край кровати и стал ожесточенно тереть подбородок.

— Только этого нам и не хватало, — заключил он после недолгого раздумья. — Ничего не говори девочке, Бетти. Ни слова, ты меня поняла? По крайней мере, не в этом году и не в следующем. Эта мадам нашу Эрмин не получит! Она навешала тебе лапши на уши. Память так просто не теряют. И вообще, где доказательства? Ты видела ее документы? Нет. Я съезжу к ней поговорить, и в ее интересах меня послушаться!

Элизабет только этого и нужно было. Со слезами на глазах она упивалась гневными словами мужа.

— Если бы ты увидел ее, ты бы не сомневался, Жо. Мимин очень на нее похожа. Я очень люблю ее, нашу Мимин, хотя только что отругала ни за что. У меня нет дочерей, и я привязалась к девочке всем сердцем. И мы — ее опекуны. Закон на нашей стороне!

— Конечно! Об этом не беспокойся. Даже если это и вправду ее мать, она не собирается забирать Эрмин силой, по крайней мере она так говорит. Мы никому не расскажем, что она приходила. Эрмин не станет ей писать, и она подумает, что девочка не хочет с ней встречаться. Я прослежу за тем, чтобы эта мадам больше носа не казала в Валь-Жальбер. Я взял на себя кучу хлопот и никому не позволю совать мне палки в колеса!

Жозеф сжал кулаки. Непросто было уговорить директора «*Château Roberval*», большого и роскошного отеля, дать Эрмин работу. Ей пришлось не меньше часа петь в его кабинете. Девушка сильно волновалась, а директор слушал ее, куря сигару, дым которой заполнил всю комнату. Наконец он был вынужден признать, что у девушки прекрасное сопрано и поет она хорошо, поэтому он-де готов ее нанять. Начиная с января Эрмин разучивала арии из венских оперетт и итальянских опер. Летом ей предстояло петь в отеле каждую субботу под аккомпанемент местного оркестра.

— И ты говоришь, эта Лора Шарден была в Робервале, когда Эрмин в первый раз пела в ресторане? Хотя я не слишком рассматривал публику. Она что, в шпионов играет, эта дама в черном? Я вложил в Эрмин деньги и не отдам мою курочку, несущую золотые яйца, блудной матери, которая бросила ее младенцем! Бетти, да посчитать только, сколько денег я ухлопал на печать афиш, на шелковое платье, на лаковые туфли...

Элизабет молча кивала. Она не до конца понимала, к чему стремится

ее супруг, зачем нужны эти ярко-розовые афишки, на которых черной краской напечатано: «Снежный соловей целое лето поет в „*Château Roberval*“!» Хотя сама она повесила такую афишу на дверцу шкафа в кухне.

— Хотя я рассчитываю через несколько недель вернуть потраченное, — добавил Жозеф. — Эрмин будет получать восемь долларов каждую субботу. В месяц выйдет тридцать два доллара. И это только начало!

— Рабочие на фабрике получали по двадцать два доллара в неделю, Жо, и работали по шесть дней, кроме воскресенья. Для девушки ее возраста это уже неплохо. Но, прошу тебя, не оставляй ее там одну! Вокруг нее станут крутиться клиенты заведения, да и эта Лора живет в том же отеле. Она выглядит как богатая дама. Видел бы ты ее!

— Богатая она или нет, но к Эрмин я ее близко не подпущу! — отрезал он. — Придется подождать, когда я разрешу ей поговорить с девочкой.

— Но ведь это ее мать, — сказала Элизабет. — Если аббат Деганьон узнает правду, то будет недоволен. Ведь это он показал Лоре наш дом. Как ты думаешь, он ничего не заподозрил?

— Аббат скоро уедет, Бетти. Поговаривают, что в следующем году церковь закроют. И нам придется ехать в Роберваль или в Шамбор, чтобы послушать мессу и причаститься. Подумать только! В Валь-Жальбере не будет своей церкви!

— Нет, они этого не сделают! — возмутилась молодая женщина. — Это досужие разговоры!

Жозеф сделал гримасу. Он приготовился к худшему в тот самый день, когда компания объявила о закрытии целлюлозной фабрики. И это худшее осталось в прошлом.

— Нам очень повезло, Бетти. Верь мне. Лора не сказала аббату, что она — мать Мари-Эрмин, потому что у нее нет доказательств, либо она стыдится своего прошлого.

Супружеская чета шепотом продолжала разговор. Голодный Симон закричал с кухни:

— Мам, ты когда собираешься делать свой омлет?

— Отрежь себе хлеба, бездельник! — крикнул ему в ответ Жозеф.

До Эрмин доносились отголоски их беседы. Она стояла, опершись о перегородку, рядом с Шинуком. Лошадь ласково терлась головой о ее плечо. Девушка погладила коня двумя руками по морде.

— Ты всегда милый и хороший, — сказала она, легонько целуя его в нос, кожа на котором была гладкой как шелк. — Перед сном я принесу тебе

кусочек сахара, мой красавец!

Она обняла коня за шею.

«Бетти никогда так на меня не набрасывалась, — думала девушка. — Может, кто-то ее расстроил? Но я-то что сделала? Мне показалось, что она сердится именно на меня. Я стараюсь помогать, чем могу. Утром я успела подмести в комнатах и перемыть посуду...»

Девушка в самом деле много работала. Эрмин иногда заменяла на уроках учительницу, содержала в порядке монастырскую школу. Она, а не Элизабет, учила уроки с младшим, Эдмоном.

«Жозеф каждый вечер заставляет меня повторять песни. Но он прав, я должна отработать деньги за афиши, платье и лаковые туфли. И это не считая того, что он тратит на мое содержание...»

Эрмин вышла из хлева и заперла дверь на щеколду. Она посмотрела на фиалкового цвета небо, усеянное мелкими пурпурными облаками. Вокруг нового, перламутрово-белого месяца сияли первые звезды. Ночь обещала быть ясной.

«Ясной и полной любви», — подумала девушка и сама удивилась своей дерзости.

Жозеф и Элизабет были весьма целомудренной парой и никогда не выставляли свои чувства напоказ, но по ночам кровать часто скрипела — их спальня находилась как раз над гостиной, в которой теперь спала Эрмин. Еще будучи тринадцатилетней, девушка узнала от подружки, как мужчины и женщины делают детей. Это действие показалось ей чем-то сверхъестественным, таинственным, сродни священному обряду. Девушка пришла к выводу, что это пусть непристойная, но все-таки самая естественная вещь на свете. Поселковые собаки особо не церемонились — ей случалось не без смущения наблюдать, как самец вскакивает на самку и у обоих животных на мордах появляется выражение блаженства, придающее им слегка идиотский вид.

Однако девушке не удавалось увязать чувство влюбленности с чисто животным актом соития. Интуитивно она пришла к выводу, что люди в это время проявляют нежность, обмениваются ласками, поцелуями, говорят друг другу приятные слова...

Еще она спрашивала себя, не связан ли гнев Бетти со странными разговорами, которые вел Жозеф, когда они сегодня втроем обедали на берегу реки близ озера Малинь.

— Из вас выйдет прекрасная пара, — говорил рабочий, покуривая свою трубку. — Вы уже хорошие друзья, а этого достаточно, чтобы создать семью. Ты, Мимин, будешь носить фамилию Маруа с гордо поднятой

головой! Мэр сдаст вам домик на улице Сен-Жорж, благо свободных домов море — знай только выбирай!

Девушка молча улыбалась в ответ, порозовев от смущения. Симон был не таким робким, поэтому возмутился:

— Пап, тебя ведь никто не заставлял жениться на маме? Она тебе нравилась. Мне тоже нравится Эрмин, она хорошенькая, но если я и женюсь, то на девушке, которую выберу сам!

Шестнадцатилетний юноша часто восставал против отцовской воли. Авторитет отца был ему в тягость. Симон планировал в ближайшем будущем найти работу в большом городе, в Квебеке или в Монреале. Жозеф ничего не знал об этих планах, потому что старший сын доверился только Арману и Эрмин.

«Я ни за что не выйду замуж за Симона! Он мне не нравится», — сказала себе девушка, входя в кухню через заднюю дверь.

Элизабет подбежала к девушке и сжала ее в своих объятиях. Эрмин увидела, что недавно она плакала.

— Прости меня, я разнервничалась, — сказала Элизабет. — Перегрелась на солнце, пока стирала белье. Наверное, ночью будет гроза.

— Ничего страшного, Бетти. Пойду переоденусь.

Эрмин решила забыть об этом недоразумении. Каждый вечер она засыпала с надеждой, что следующий день подарит ей встречу с Тошаном Дельбо. Поэтому она просыпалась с первыми петухами и стремилась под любым предлогом уйти из дома.

* * *

Утром, проглотив свой кофе, девушка объявила, что поведет Шинука на луг возле мельницы Уэлле.

— Не болтай с незнакомыми людьми, — напутствовал Эрмин Жозеф. — В кризис многие ездят с места на место, ищут дешевое жилье и работу. Некоторые — люди порядочные, некоторые — нет, так что смотри в оба.

— Обычно мне попадаются только бродячие коты, — ответила Эрмин. — И я возьму с собой Шарлотту. Я ей обещала. Ей так нравится ездить верхом на Шинуке!

— Если ездить на лошади без седла, она может и вовсе от него отвыкнуть, — проворчал Жозеф.

— Ты все время возишься с этой девочкой, — недовольно сказала

Элизабет. — Того и гляди, принесешь домой вшей или чесотку. Говорят, ее мать не может ходить. Она целыми днями лежит и не способна как следует ухаживать за дочкой. Отец же все, что зарабатывает, тратит на спиртное. Ребенок предоставлен сам себе. Разве так можно?

— Бетти, я же тебе уже говорила — с начала каникул я купаю Шарлотту в ручье, поэтому она чистенькая, — сказала Эрмин твердо. — И одежда у нее чистая — та, которую ты передала для нее. Она плохо видит, это правда, но гулять ей очень нравится. Лолотта первой слышит, как взлетает птица или убегает потревоженная олениха. Цветущие одуванчики она находит по запаху, он у них особый, терпкий. И мне самой очень нравится с ней гулять. Старший брат, Онезим, никогда не берет ее с собой.

— Держись подальше от этого парня, — сказал Жозеф. — У них у всех одно на уме. А этот — настоящий грубиян, для него нет ничего святого. Какой стыд! Да во времена отца Бордеро таких, как он, к Валь-Жальберу и близко бы не подпустили!

Симон переминался с ноги на ногу — он ждал отца, чтобы вместе с ним отправиться на фабрику. Жозеф называл себя с сыном хранителями фабрики, и благодаря им в просторных и пустых помещениях всегда было чисто, крыши не протекали, динамо-машина исправно поставляла жителям поселка электричество.

Эрмин поторопилась покинуть дом, потому что Элизабет могла придумать для нее какую-нибудь работу. На девушке была льняная юбка длиной до середины икры, сандалии на веревочной подошве и голубая блузка. Вокруг лба она повязала кокетливую ленточку в тон блузке. Ее волнистые шелковистые волосы красиво струились при каждом движении. Она ощутила себя легкой и хорошенькой.

Шинук встретил девушку радостным ржанием. Она отвязала коня и повела его к распахнутой настежь двустворчатой двери. Корова жалобно замычала.

— Скоро придет Бетти и подоит тебя, — сказала ей Эрмин. — А потом пойдешь пастись, куда захочешь.

Скота в поселке осталось мало. В основном на лугах вокруг Валь-Жальбера паслись коровы местных фермеров. Маруа совершенно спокойно выпускали свою буренку со двора, и с ней не случалось ничего плохого, если не считать встречи с пламенным поклонником — быком фермера Потвена. Результатом этого «романа» должно было стать появление теленка, которое ожидалось не раньше будущего Рождества.

К лесному ручейку сегодня я ходил;

Ручей был так хорош — в нем искупался я!
Я так давно тебя люблю...
И не забуду никогда!

Эрмин шла по дороге, спускавшейся к озеру, и громко пела. Скоро показался дом, в котором жила семья Шарлотты. Девочка сидела на последней ступеньке крыльца. Заслышав стук лошадиных копыт, она повернула голову, и ее худенькое личико осветила улыбка.

— Эрмин?

— Лолотта!

Девочка встала и пошла на голос, вытянув руки вперед. Смутно, но она все-таки видела темное пятно — лошадь и светлый силуэт девушки. Эрмин взяла ее на руки.

— Папа ушел, мама спит, — сказала малышка доверительно. — Я издали слышала твой голос. Ты пела «У чистого ручья».

— Да, моя Лолотта! А где твой брат?

— Он не ночевал дома, потому что нашел работу в Робервале, на большом пароходе, который называется «Le Nord» [\[41\]](#).

— Идем гулять? — весело предложила Эрмин. — Сначала я посажу тебя себе на плечи, а потом ты возьмешься за гриву Шинука и... оп!

Эрмин усадила девочку верхом. На малышке были старые штанишки Армана Маруа, стянутые на талии пояском, поэтому сидеть было удобно. Эрмин повела Шинука за веревку, привязанную к недоуздку, стараясь держаться в тени деревьев.

После закрытия фабрики и отъезда восьмисот жителей лес понемногу возвращал себе отвоєванные человеком земли, пуская всюду молодую, стремительно развивающуюся поросль. Пока эти молодые растения казались безобидными кустиками, посаженными ради услады глаз случайных прохожих.

— Ты довольна, Шарлотта? — спросила девушка. — Ты настоящая счастливица! Представь, пару дней назад Эдмон захотел сесть на Шинука верхом. Я рассказала, что ты едешь на нем без седла, и он тоже решил попробовать. И что ты думаешь? Мне пришлось срочно его снимать! Шинук стал танцевать джигу и топтать ногами! А с тобой он ласковый и послушный, как барашек. Жозеф не знает, что и думать. Прошлый хозяин Шинука заверил его, что лошадка добрая и смирная. И это правда — в упряжке Шинук ходит послушно, но совсем другое дело, когда кто-то пытается сесть ему на спину без седла. Я спрашивала, почему так, у месье

Буланже, местного фермера. Он объяснил, что лошади часто удобнее носить наездника в седле.

Шарлотта слушала девушку, задыхаясь от счастья. Она упивалась звуком голоса Эрмин, свежим запахом листвы, щебетом птиц. Ее большие глаза различали расплывчатые пятна зелени, осененные прекрасным бело-золотистым светом.

— Сегодня солнышко яркое, — заметила маленькая всадница. — И листья напевают свою песенку.

— Ты права, дорогая, — согласилась Эрмин. — Знаешь, я думаю, Шинук тебя очень любит. Он думает: «Нельзя, чтобы эта малышка упала или утомилась, сидя у меня на спине!»

— Твоя лошадь и правда так думает? — удивилась девочка.

— Конечно! Если бы он так не думал, разве стал бы он тебя слушаться?

Эрмин продолжала весело болтать, не подозревая, что из-за деревьев на нее кто-то смотрит. Она прекрасно знала, куда идет. Вдова Дунэ, которая всегда была рада поболтать, рассказала девушке о каньоне на реке Уиатшуан, чуть ниже по течению — за водопадом и деревней.

— Я любила там гулять, когда ждала самого младшего, но мужу это не нравилось, — рассказывала пожилая женщина. — Не нравилось, потому что я пыталась купаться, не снимая при этом блузку и панталоны. Мне тогда было тридцать восемь, и мы недавно переехали в Валь-Жальбер. Мой дорогой супруг с ума сходил от ревности при мысли, что чужой мужчина увидит мои руки и ноги!

С мечтательным видом Мелани Дунэ описывала Эрмин, как приятно было сидеть на больших камнях, нагретых лучами солнца.

— Я садилась или даже ложилась и гладила свой живот. Если б только месье кюре узнал об этом! Дитя в моем чреве шевелилось от удовольствия. Ты когда-нибудь была в каньоне, Эрмин? Сходи туда в середине июля, это лучшее время для такой прогулки. Тропинка позади монастырской школы приведет тебя туда.

Девушка не сказала правды Жозефу и Элизабет. Она не собиралась идти на луг возле мельницы Уэлле. Сквозь низкие белесые ветви кленов она увидела мерцание воды.

— Какая красота! — воскликнула она, оказавшись на вершине серо-желтого каменного выступа.

— Что ты видишь? — спросила Шарлотта.

Эрмин сожалела о том, что девочка не может увидеть то же, что видит она. Поэтому поторопилась ответить:

— Мы сейчас на берегу реки, но здесь она течет среди больших каменных глыб и камешков помельче. Некоторые камни плоские, на них можно было бы даже потанцевать. Другие — выпуклые, они торчат из воды, и получается красивый рисунок. Река сияет на солнце, а вокруг растут сосны с темно-зеленой хвоей. И еще здесь очень тихо. Волшебное место!

Девушка помогла Шарлотте спуститься с лошади, потом привязала Шинука к стволу красивого вяза.

— Стой смирно, Шинук, — ласково сказала она. — Здесь есть травка, можешь ее пощипать.

Эрмин стала спускаться, выбирая самый безопасный путь. Кое-где камни образовали некое подобие лестницы, идти по ним было легче. Шарлотта держалась за руку девушки. Ей было страшно, она то и дело спотыкалась.

— Я боюсь упасть, — жалобно сказала девочка.

— Не надо бояться, у тебя крепкие ножки, — подбодрила ее Эрмин.

И вдруг совсем рядом раздался чей-то голос. Из-под подошвы крепкого ботинка покатались камешки.

— Может, вам нужна помощь?

Эрмин оглянулась. Она узнала этот низкий, бархатный голос с насмешливыми нотками. Тошан Дельбо! Юноша стоял на широком уступе и улыбался.

«Он еще красивее, чем я его запомнила! — подумала девушка. — Он не обманул, меня, он вернулся!»

— Вы узнаете меня, мадемуазель? — спросил он, поравнявшись с Эрмин. — Я уже долго иду за вами следом.

— Я вас узнала, хотя волосы у вас намного короче, чем в нашу первую встречу, — ответила девушка. Радость ее была так велика, что граничила с болью.

Сердце девушки билось, как пойманная птичка, щеки покраснелись, но она пыталась держать себя в руках, чтобы произвести на юношу хорошее впечатление.

— Я постригся по моде местных лесорубов, потому что, пока я был длинноволосым, никто не хотел брать меня на работу.

Эрмин заметила, что у него нет усов. Шарлотта вцепилась в юбку девушки.

— Эрмин, кто это? — спросила она.

— Мой друг, — ответила та. — Он поможет тебе спуститься, и ты сможешь побродить в воде, Лолотта!

Тошан кивком указал на девочку, потом закрыл глаза и коснулся их пальцами. Эрмин поняла, о чем он спрашивает, и была тронута его деликатностью.

— Да, — ответила она едва слышно.

— Я так и подумал, — отозвался он.

Он поднял Шарлотту и посадил на свои крепкие плечи. С ловкостью хищника перепрыгивая с камня на камень, спустился к реке. Эрмин бежала следом, рискуя на каждом шагу подвернуть ногу.

«Господи, спасибо! — думала она. — Тошан вернулся! Тошан, о котором я так долго мечтала! И он уже заботится о Шарлотте, относится к ней так бережно... Это доказывает, что у него доброе сердце и он любит детей».

Она увидела, как он опускает девочку на землю у самой воды, в том месте, где было очень мелко. Сняв с нее поношенные туфельки, он вынул из кармана лакричный леденец.

— Держите, милая мадемуазель! Теперь вы можете грызть конфету и болтать ногами в воде!

— Спасибо, месье! — радостно сказала Шарлотта.

— Очень мило с вашей стороны, — сказала Эрмин. — Готова поспорить, что у вас есть младшая сестричка.

— Нет, у меня нет сестры. Я единственный сын, — с горечью ответил Тошан. — Но мне всегда больно смотреть на детей, которые не видят красоты окружающего мира.

Он говорил очень тихо. Эрмин смотрела на него и не могла насмотреться. Она заново открывала для себя мужественные черты его лица, рисунок его густых бровей, таких же черных, как и волосы, медного отлива кожу без намека на растительность.

— Почему вы шли за нами? Вы хотели снова меня увидеть? — спросила она.

— Ох уж эти девушки — вам бы только спрашивать! — вздохнул он. — Я просто шел мимо. И решил заглянуть в Валь-Жальбер, хотя каток теперь больше похож на пересохшее болото. Скажите, в вашем поселке теперь мало жителей?

— Десяток семей решили остаться. Итого выходит около пятидесяти жителей, не считая фермеров, которые купили земли в окрестностях.

Девушка села на камень и погладила его ладошкой. Тепло, исходившее от камня, доставляло ей такое же удовольствие, как и слова Тошана. Он вспомнил о катке за отелом, значит, не забыл их первую встречу.

— Я хочу вам кое-что объяснить, еще с весны, — начала девушка. —

Когда вы вернули маленького Эдмона Маруа его родителям, там, возле сахароварни, я подумала, что вы можете счесть меня лгуньей. Эти люди не мои родители. Меня вырастили монахи из монастырской школы, а Бетти... вернее, мадам Элизабет Маруа, была моей нянюшкой. А теперь Маруа стали моими опекунами.

— Ну, у меня было слишком много забот, чтобы думать об этом. Это ваша жизнь, а не моя! — ответил он.

Ответил, даже не глядя на нее! Уязвленная равнодушием, Эрмин замолчала. Шарлотта шлепала по воде, посасывая свой леденец.

— Вы еще такая наивная! — сказал вдруг Тошан.

Казалось, юноша и вовсе забыл о ее существовании. Он разулся, расстегнул серую хлопчатобумажную рубашку и закатал до колен штаны.

— Что вы делаете? — вскричала удивленная девушка.

— Я уже неделю живу в здешнем лесу и каждое утро прихожу сюда обмыться.

Эрмин стыдливо прикрыла ладонями лицо, но, услышав плеск воды, разжала пальцы и посмотрела на Тошана. Прежде ей не приходилось видеть мужчину, оголенного по пояс. Однажды Жозеф вышел из спальни в майке, но она тут же отвела взгляд.

Тошан мылся, не обращая внимания, смотрит она или нет. Он был хорошо сложен, с развитой мускулатурой. На загорелой коже не было ни волоска. Теплая волна прокатилась у девушки внизу живота. Она представила себя в объятиях этого взрослого парня, представила, как прижимается к нему... Неприлично думать об этом, но ведь никто не может прочесть ее мысли, верно?

Шарлотта неожиданно расхохоталась — Тошан брызнул на нее водой. Потом пришла очередь Эрмин. Закрываясь от брызг, девушка крикнула:

— Не надо! Вы намочите мне юбку!

— На солнце она быстро высохнет!

Юноша потянулся и вышел на берег, успев по пути погладить девочку по щеке. Шинук нервно заржал на пригорке.

— Ему надоело нас ждать, — забеспокоилась Эрмин. — Идем, Лолотта, мне пора возвращаться. Бетти нужна моя помощь по хозяйству.

— Тогда до новой встречи! — сказал Тошан. — У вас очень красивая лошадь. В это время года трава самая сочная. После обеда нужно бы вывести его на пастбище, потому что сегодня утром он поест не успел. Я видел один замечательный луг неподалеку, у старой мельницы.

Эрмин, услышав такой совет, покраснела. Она догадалась, что юноша назначает ей свидание.

— Может, мой опекун разрешит нам с Шинуком туда пойти.

— Может, и разрешит... — отозвался Тошан. — Я помогу вам посадить девочку верхом.

Эрмин и не подумала отказываться. Шарлотта обняла Тошана за шею. Он нес ее на спине. Эрмин шла за ним следом.

«Если когда-нибудь Тошан на мне женится и у нас появится ребенок, все будет точно так же. Нет, я обязательно захвачу с собой чего-нибудь вкусного», — мечтала она.

Шинук отвязался, отошел чуть поглубже в лес и жевал кленовый лист.

— У вас очень послушный конь, — сказал юноша. — Он мог бы убежать, но нет, он вас ждет.

— Я люблю его всем сердцем, — ответила Эрмин.

Она говорила правду. То же самое она могла бы сказать и об этом красивом высоком юноше, стоявшем в полосе золотого света, пробивающегося сквозь зелень листвы.

Девушка поймала Шинука за уздечку. Тошан посадил Шарлотту ему на спину.

— До свидания и спасибо, — тихо сказала она.

— Не забудьте, луг за старой мельницей, — тихо сказал Тошан.

Эрмин возвращалась домой, не чуя под собой ног от радости.

Ей было и жарко, и холодно, хотелось смеяться и плакать одновременно.

— Почему ты все время молчишь? — спросила у нее Шарлотта. — Скажи, это твой возлюбленный?

— Нет, Шарлотта. Это просто друг.

— Это твой возлюбленный! — звонко рассмеялась девочка. — Как тот, о котором поется в песне «У чистого ручья»! Он нашел такой красивый источник, что решил в нем искупаться, а ты, ты давно в него влюблена!

Девушка никак не ожидала такое услышать. Она подняла голову и внимательно посмотрела на Шарлотту.

— Значит, ты, Лолотта, более понятлива, чем я, — сказала она. — И ведь тебе всего восемь с половиной! Но на этот раз ты ошиблась, мне очень жаль. Нельзя влюбиться в человека, которого совсем не знаешь. Тошана я в первый раз увидела год и пять месяцев назад. Он катался на катке и насвистывал песенку. Мы проговорили всего десять минут.

— И он снова назначил тебе свидание! — весело сказала девочка. — Оденься покрасивее, когда пойдешь к нему!

— Как не стыдно говорить такое! — вскричала Эрмин. — Еще раз услышу — обижусь!

— А, значит, ты и вправду его любишь! — продолжала подтрунивать над ней Шарлотта.

Девушка повторяла про себя последние слова своей маленькой подружки, когда выходила из хлева. Во дворе ее ждала Элизабет.

— Ты вернулась как раз вовремя, — сказала она. — Я замесила кекс. Хочу, чтобы мы закончили с глажкой после обеда. Ты перегладишь платки и полотенца, а я займусь рубашками Жо.

— Хорошо, Бетти! — ответила Эрмин. — Я постараюсь управиться побыстрее, потому что хочу вернуться с Шинуком на луг за мельницей. Утром его, бедного, искусили мухи, и он не наелся.

— Послушать тебя, так ты больше беспокоишься о лошади, чем о нас! Но ты никуда не пойдешь, пока не перегладишь все полотенца!

Внезапно Элизабет нахмурилась и посмотрела на Эрмин подозрительно.

— Уж не на свидание ли к какому-то парню ты ходишь под предлогом, что надо пасти лошадь?

«Только бы не покраснеть!» — взмолилась к небесам девушка.

Она наклонилась и поправила застежку на сандалии.

— Я не интересуюсь парнями, Бетти, — пробормотала она, не поднимая глаз.

— И ты не станешь разговаривать с незнакомым, даже если это будет дама? — требовательно спросила Элизабет, вспомнив о Лоре Шарден.

— Обещаю! — соврала Эрмин.

* * *

На лугу возле мельницы Уэлле и на берегу ручья не было ни души. Шинук вот уже полчаса бродил среди клевера, одуванчиков и ромашек. Эрмин сидела на пеньке. Чтобы Бетти ничего не заподозрила, она не стала переодеваться и сняла с головы ленточку.

— Только бы Тошан пришел! — повторяла она. — Только бы он пришел поскорее! Я не могу ждать его до вечера!

Эрмин сунула в рот травинку и стала ее жевать. Волнение нарастало.

«Может, он просто дал мне добрый совет и вовсе не думал о свидании... Он ведь считает меня наивной маленькой девочкой, — говорила себе она. — И я ему не нравлюсь».

Услышав свист, она вздохнула с облегчением и быстро обернулась. Это был Тошан. Он не улыбался — шел, засунув руки в карманы своей грубой

полотняной куртки. У Эрмин отлегло от сердца, и все-таки она очень волновалась. Утром, в присутствии Шарлотты, ей было спокойнее, чем теперь, когда она осталась с юношей наедине.

— Вы пришли! — сказал он, усаживаясь на землю возле пенька, на котором сидела девушка.

— Я в любом случае пришла бы, — отозвалась она. — В каньон я пошла из любопытства. А своему опекуну сказала, что поведу Шинука на этот луг.

Тошан подмигнул ей и стал скручивать себе сигарету. Эрмин, как зачарованная, не могла оторвать от него глаз.

— Я должен попросить у вас прощения. Сегодня утром я обманул вас, — сказал Тошан. — Все это время я думал о вас. И мне не хотелось возвращаться в Валь-Жальбер, потому что такая девушка, как вы, не для меня. И все-таки ноги сами принесли меня сюда. Когда я вас увидел, там, в лесу, я разозлился. Такая красивая, с лошадьёю и ребенком! И я слушал ваш голос. У меня сердце сжималось, потому что я знаю...

— Что же вы знаете? — с тревогой спросила девушка.

— Знаю, что вы девушка серьезная и воспитанная, а я — всего лишь метис, сын индианки. У меня ничего нет — ни дома, ни доллара за душой. Вспомните, тот человек возле сахароварни, который стал теперь вашим опекуном, сказал, чтобы я не болтался по поселку и на его участке. Я к этому привык. В тот день, уходя, я его ненавидел. Он унизил меня у вас на глазах. Но я был рад увидеть вас снова, при ярком свете дня, среди снегов. Вы показались мне грустной, бледной и нежной. Уже тогда, на катке, я заметил, какая вы красивая, хотя и назвал вас маленькой девочкой. Ваше лицо осталось в моей памяти. Я ведь говорил, что вернусь...

Эрмин упивалась его словами. Робко она сказала:

— Сегодня утром вы не показались мне сердитым. Немного насмешливым — пожалуй. Главное — это то, что вы вернулись. Я тоже много о вас думала.

— Правда? Значит, стоило делать такой крюк!

Тошан повернулся к Эрмин и посмотрел на нее очень внимательно. Она выдерживала этот взгляд, пока не закружилась голова.

— Жозеф, мой опекун... думаю, он очень испугался за маленького Эдмона, тогда, возле сахароварни, — пояснила она. — Он человек раздражительный, привык, что все его слушаются. Он отнесся к вам с презрением, и мне было больно это видеть. И все-таки, поверьте, он щедрый и добрый. Я не хочу говорить о нем плохо. Его жена, Бетти, всегда хотела меня удочерить... Мои родители оставили меня на пороге местной

монастырской школы, когда мне был всего годик.

Юноша слушал Эрмин, не отводя глаз от ее лица. Он любовался чистой прелестью ее лица, молочно-белой кожей, красиво очерченными бледно-розовыми губами. Под легкой одеждой угадывалось худенькое гибкое тело, блузка облегла маленькие круглые груди. В жизни Тошана было много любовных приключений. Женщины сами искали его внимания, и он охотно играл с ними в игру «кто кого быстрее соблазнит». Эрмин боялась того, что чувствовала. И это все меняло. Он понимал, что девушка подчинится власти, которую он над ней возымел, но он просто не может так с ней поступить. Ему едва исполнилось двадцать два, однако он уже успел пресытиться случайными объятиями, удовольствиями на скорую руку. Эта юная, красивая и воспитанная девушка разбудила в его душе глубокое чувство.

— Теперь я знаю ваше имя, — сказал он. — Там, в каньоне, девочка называла вас Эрмин.

— Монахини звали меня Мари-Эрмин. Это имя мои родители указали в записке. Я хорошо запомнила ваше индейское имя — Тошан. Каждый раз, вспоминая о вас, я говорила себе тихонько: «Тошан... Тошан вернется». Но я помню, что ваше второе имя Клеман.

Юноша широко улыбнулся, обрадованный. Девушка вкратце изложила ему свою историю. Было очевидно, что рассказ не оставил его равнодушным.

— Моя мать — крещеная индианка монтанье. Под именем Клеман меня записали в метрике, но мать всегда называла меня Тошаном. Мой отец купил участок земли на берегу Перибонки. Он был золотоискателем. В девять лет родители решили отправить меня в монастырскую школу, в Кеногами. Я тогда много плакал. Мне больше нравилось жить в лесу. В школе я научился читать и писать. Когда вернулся к родителям, то был почти мужчиной. Я нанялся лесорубом на шесть месяцев, от первого снега и до весны. Золота, которое нашел мой отец, не хватало на спокойную старость. Он мог бы взять деньги, которые перешли к нему по наследству и лежали в банке. Но он не захотел. Он говорил, что эти деньги прокляты.

— Почему? — спросила Эрмин. Девушка ловила каждое слово Тошана.

— Это странная история, — со вздохом ответил он. — Муж застрелился, жена сошла с ума. Несколько месяцев, до весны, эта женщина жила с нами. Потом отец отвез ее в больницу, в Монреаль. Бедный отец! Он так и не прикоснулся к «проклятым деньгам», но это не принесло ему удачи. Он умер — утонул во время ледохода в апреле 1928 года.

Девушка быстро подсчитала в уме. Несчастье случилось за год до их с Тошаном первой встречи на катке.

— Я никогда никому об этом не рассказывал, — сказал Тошан. — Моя мать сказала, что смерть отца — не случайность. Она верит, что каждый человек идет своим, невидимым путем, который ведет нас туда, где мы будем счастливы. И свободны.

Его последние слова эхом отозвались в сердце девушки.

— Мой путь привел меня в Валь-Жальбер! Только здесь я могу быть счастлива. И я все еще жду своих родителей. Они мне часто снятся. Я уверена, что они живы и придут за мной.

— Надо верить снам, — серьезно сказал Тошан, кивая.

— Никто, кроме вас, так не думает, — растроганно сказала девушка. — Спасибо.

— Давайте пройдемся, — предложил он, вставая.

Он взял ее за руку, словно это была самая естественная вещь на свете. Они шли по лугу, и высокая, отливающая синевой трава стелилась им под ноги. Песчаный берег ручья от луга отделяла естественная изгородь из верб. Здесь уже была слышна тихая песня воды.

— Скоро я уйду, — сказал юноша. — Сяду на корабль и поплыву в Перибонку. Этот поселок носит имя реки, которая убила моего отца. Там меня ждет мать. Я ей нужен. Я буду охотиться, чтобы она смогла накопить побольше мяса, и рубить дрова, чтобы ей хватило на зиму. Но будущим летом я вернусь. И тогда останусь дольше. Вы говорите, что ваш опекун — хороший человек. Я попрошу у него вашей руки. Я решил: если и женюсь, то только на вас, и ни на ком другом.

Эрмин могла бы удивиться, услышав такие речи. Они едва знали друг друга. Но она была польщена. Если Тошан хочет взять ее в жены, значит, он ее уважает, он ее любит. Только непорядочные девушки встречаются с парнями, не рассчитывая впоследствии выйти за них замуж...

— Я не выйду замуж ни за кого, кроме вас, — ответила она с улыбкой. — Год! Он пройдет так быстро! И если Жозеф Маруа не согласится, тем хуже — я все равно уеду с вами. Я пойду по вашему невидимому пути, а не по своему.

— Моя мать будет рада принять вас в своем доме.

Говоря это, юноша улыбался. На подбородке у него появилась ямочка, на смуглое лицо упали тени от верб. Девушке казалось, что она тонет в его черных бархатных глазах. Дрожа от желания, она подалась к нему всем телом. Он осторожно обнял ее за талию. Он догадывался, что она совершенно неопытна в любви, поэтому, из опасения испугать, не стал

обнимать слишком крепко. Его губы нежно пробежали по щекам девушки, коснулись кончика носа и только потом — ее губ. У их поцелуя был вкус лета и запах диких луговых трав. Они словно оказались на залитом солнечным светом острове, созданном Провидением для двух любящих сердец, только для них двоих.

Эрмин капитулировала первой. Задыхаясь, она уткнулась лицом в плечо юноши, который стал нежно гладить ее по волосам. Она мечтала только о том, чтобы это мгновение счастья никогда не заканчивалось.

— Этим поцелуем мы скрепили помолвку, — сказал ей на ухо Тошан. — Ты точно меня дождешься?

— Я уже ждала тебя много-много месяцев. Не бойся. Я буду здесь в июле тридцать первого года, возле мельницы. Я так счастлива! Я ведь думала, что ты меня забыл, что я тебе не понравилась...

Тошан взял ее лицо в ладони и долго смотрел на нее.

— Ты мой маленький горноста́й, белый как снег и такой же чистый, но при этом теплый и нежный.

Она снова прижалась к нему лицом.

— Уходи скорее! — сказала она ласково. — Я буду ждать тебя столько, сколько понадобится.

Молодые люди расстались. Тошан ушел, смешно размахивая руками на ходу. Эрмин закрыла глаза. Когда она открыла их снова, юноша исчез.

Девушка прикоснулась кончиками пальцев к своим губам. Она никогда не думала, что целоваться — это так приятно. Во всем теле она ощущала приятное покалывание, кровь быстрее бежала по жилам — ее тело получило первое представление о великом таинстве плотской любви.

Шинук не щипал траву. Он дремал посреди луга, и стоящее еще довольно высоко в небе солнце золотило его рыжую шерсть. Эрмин позвала его. Конь ответил радостным ржанием и галопом подбежал ближе.

Его копыта взрывали сухую землю вместе с травой. Буквально из-под ног взлетали маленькие птички, но Шинук их не пугался. Эрмин с улыбкой любовалась гармоничными движениями лошади.

«Какой же он все-таки красивый! — думала она. — Как прекрасен мир — деревья, огромное небо, облака, каждый полевой цветок и каждый листик! Я счастлива! Счастлива! Потому что у меня есть возлюбленный! Слышишь, Шинук, возлюбленный! Самый красивый и самый добрый на свете!»

Конь прижался головой к ее плечу. Она погладила его по шее, провела рукой по гриве.

— Мне некому, кроме тебя, рассказать об этом, — сказала девушка

едва слышно. — Скорее бы вернулась Алис! Она приедет в августе, и я все ей расскажу. Я уже рассказывала ей о Тошане.

Школьная учительница была старше Эрмин на два года. Девушки быстро подружились. Черноволосая, коротко стриженная и кудрявая, молодая мадемуазель Паже намеревалась в недалеком будущем принять постриг. Однако это не мешало ей с удовольствием болтать с Эрмин, давать советы в отношении репертуара и поддерживать в решении создать семью.

— Пора домой, Шинук! Идем!

Она привязала веревку, лежавшую тут же, на пеньке, к недоуздку, и пошла обратно к Валь-Жальберу. На сердце у нее было легко. Перспектива долгого ожидания ее не пугала. Сама собой с ее счастливых уст летела песня:

На лестнице дворца, на лестнице дворца
Красавица стоит, лон-ла, красавица стоит...
Так много женихов, так много женихов —
Не знает, как ей быть, лон-ла, не знает, как ей быть! [\[42\]](#)

Внезапно девушка замолчала.

— А я — знаю. Я не выберу молодого сапожника, нет! Я уже выбрала Тошана, красивого и нежного Тошана.

Ей не было дела до глупостей, которые она часто слышала от взрослых. Ну и что, что ее возлюбленный — метис! Ну и пусть его мать — индианка, а отец был золотоискателем и утонул в реке! Какая разница?

— Тошан — лесоруб, а лесоруб всегда найдет работу, — прошептала девушка на ухо Шинуку, который шел за ней следом. — Все местные мужчины время от времени уходят рубить лес.

Будущее представлялось ей таким же ясным и сияющим, как вода в каньоне, пронизанная утренними лучами солнца. Девушка снова прикоснулась пальцами к губам. Губы Тошана прикоснулись к ее губам тут и еще вот тут... И к щекам... Воспоминание о поцелуе, который они подарили друг другу у речушки Уэлле, поможет ей терпеливо ждать.

Когда захочешь ты, мы ляжем спать с тобой,
Мы ляжем спать с тобой...
На ложе золотом в саду из белых роз...
И будем почивать — пока не сгинет мир.

Она почти шепотом допела последний куплет. Очень часто в песнях точно описываются чувства, которые испытывает человек. Эрмин давно это заметила. И растроганно повторила:

Пока не сгинет мир...

Глава 9. Дама в черных одеждах

Роберваль, 15 июля 1930 года

Эрмин сидела на переднем сиденье коляски, всем своим видом выражая нетерпение. Жозеф о чем-то разговаривал с *грумом* — так англичане и американцы называли отельных служащих низшего ранга. Они стояли слишком далеко, поэтому девушка не услышала ни слова. Месье Маруа активно жестикулировал, в то время как молодой служащий только вздымал руки к небу и качал головой.

«Ну что опять случилось? — вертелась в ее голове беспокойная мысль. — Жо ведет себя слишком заносчиво, стоит ему ступить на порог этого отеля. Иногда это просто смешно!»

Шинук в нетерпении бил подкованным копытом о каменную мостовую. Звук получался неприятный. Конь нервничал. Царившее в городе оживление и шум порта его пугали. Красивое животное, привыкшее к спокойным лугам Валь-Жальбера, стремилось поскорее покинуть шумное место. Рокот моторов, запах бензина и сигналы клаксонов заставляли его забыть о привычном послушании.

— Успокойся, Шинук, — сказала Эрмин ласково. — Я знаю, ты не любишь сюда приезжать. Будь умничкой, и скоро ты окажешься в своем стойле, перед полной кормушкой сена. Знаю, ты устал, но скоро отдохнешь.

«В следующую субботу лучше поехать поездом. Только вряд ли Жозеф согласится. Шинук пробегает больше восемнадцати миль в один конец. На дорогу из Валь-Жальбера в Роберваль у нас уходит три часа!» [\[43\]](#)

Она вздохнула. Дорога туда и обратно казалась ей бесконечной, хотя Жозеф говорил о ней как о легкой прогулке. По пути он снова и снова заводил речь о будущих успехах Эрмин, подвигаясь к девушке все ближе и ближе. Это их тесное соседство на сиденье коляски было Эрмин неприятно и вселяло неясное беспокойство, равно как и восторженные заверения, что она станет великой певицей, не хуже самой Ла Болдюк.

«И так будет все лето, — думала девушка. — Как было бы замечательно, если бы кто-нибудь мог подвозить нас в Валь-Жальбер на машине! Но теперь уже поздно отказываться, я подписала контракт с директором отеля...»

Шинук замотал головой и зафыркал.

— Прощу тебя, мой красавец, будь умничкой! Мне тоже скучно, но что

поделаешь?

Звук девичьего голоса успокоил лошадь. Он снова фыркнул и погрузился в созерцание велосипедиста, ехавшего по противоположной стороне улицы.

Эрмин было страшно выступать перед публикой отеля «Château Roberval». В этом роскошном заведении останавливались только очень состоятельные люди. В прошлую субботу, после первого выступления, в холле того же отеля она едва не потеряла сознание от усталости, хотя на сцене держалась молодцом и исполнила весь заявленный репертуар.

— Это было твое боевое крещение, — сказал Жозеф, пытаясь ее приободрить. — Ты пела перед настоящей публикой — иностранцами, людьми из высшего общества. И многие откровенно на тебя пялились. Меня это не удивляет — ты стала такой миленькой!

Комплимент он прошептал ей на ухо, чем привел девушку в полное замешательство. Она не могла избавиться от впечатления, что ее отдали на растерзание пестрой толпе — слишком элегантной, слишком шумной. Ярко накрашенные дамы курили длинные сигареты, мужчины в черных костюмах и крахмальных сорочках смотрели на нее, как голодный кот на сметану. Хлопали ей весьма вяло.

«И все-таки я не могу отказаться, — говорила она себе. — Жозеф столько сделал, чтобы получить этот контракт!»

Накануне девушка с утра до вечера повторяла свой репертуар. Сегодня у нее болело горло, чего раньше никогда не случалось.

«Этот отель похож на настоящий замок, о таких я читала в книгах по истории Франции. У него есть башенки и балконы, а стены — из обработанного камня, — думала она, рассматривая архитектурный ансамбль роскошного заведения. — Весь домик Бетти поместился бы в самом маленьком зале ресторана! Какие они все-таки странные! Называть „маленьким залом“ комнату, которая просторнее нашей церкви!»

Жозеф широкими шагами вернулся к коляске. Взяв Шинука под уздцы, он повел его к задней части здания, куда выходили двери кухни и других служебных помещений.

— О чем вы спрашивали грума? — поинтересовалась девушка.

— Да так, ничего важного, — ответил опекун. — Тебя это не касается. Спускайся, я и без тебя отведу лошадь в конюшню. Иди переодевайся. Пройдешь через дверь для obsługi. Не вздумай соваться в холл, клиенты не должны тебя видеть перед выступлением.

— Хорошо! Я и сама не хочу их видеть!

Эрмин поставила правую ногу на металлическую подножку и

спрыгнула на землю. В руке у нее был маленький чемоданчик с платьем и лаковыми туфельками, завернутыми по отдельности в бумагу.

— Я тебя догоню, — крикнул ей Жозеф.

Девушка взглядом проследила за упряжкой. Она мечтала только о том, чтобы поскорее вернуться в Валь-Жальбер.

«Я сама не знаю, чего хочу, — упрекнула себя девушка. — Раньше я мечтала увидеть озеро и красивые дома в Робервале, порт и корабли. И вот в прошлую субботу я наконец все это увидела. И что? Мне это совсем не интересно!»

Не зная, куда себя девать от смущения, она вошла в кухню. Здесь все кипело и бурлило. По меньшей мере десять поваров во главе с шеф-поваром суетились над бульонами и жарящимся мясом. То и дело раздавался металлический стук алюминиевой или медной ложки о стенки кастрюли.

— Смотрите, к нам залетел наш маленький снежный соловей! — воскликнул один из поваров.

— Есть хочешь? — спросила официантка. — Метрдотель распорядился, чтобы тебе подали второе на твой выбор.

— Нет, я не голодна, спасибо, — робко ответила девушка. — Лучше принесите мне, пожалуйста, графин воды.

— И горсточку проса! — пошутил шеф-повар.

Эрмин слабо улыбнулась в ответ. Через мгновение она спряталась от всех в раздевалке для персонала. Это была маленькая темная комната. Девушка быстро переоделась, опасаясь, что кто-то может войти и застать ее в трусиках и нательной сорочке. Теперь на ней было шелковое белое платье с сатиновым чехлом цвета слоновой кости, которое ей сшила Элизабет по картинке из модного журнала.

Ткань плотно прилегала к телу, оставляя на коже ощущение прохлады. Этот наряд со сборками на уровне талии и белым кружевным воротничком ей не нравился.

— Платье едва прикрывает колени, поэтому я чувствую себя неловко, — проворчала Эрмин себе под нос. — Зато шея полностью закрыта. Это платье для девочки, а не для девушки.

Расстроенная, она натянула чулки и надела черные лаковые туфли, цвет которых контрастировал с девственной белизной платья и чулок. Девушка вынула из чемоданчика круглое зеркало в металлической рамке и щетку для волос.

— Я не стану собирать волосы в узел, — поддаваясь внезапному желанию нарушить навязанные ей правила, объявила она своему

отражению.

Девушка быстро расчесала струящиеся по спине волосы. У виска подпрыгивал игривый завиток.

— Я готова! — вздохнула Эрмин.

Чтобы скоротать минуты ожидания и побороть страх перед публичным выступлением, Эрмин стала думать о Тошане. Она вспомнила, как он снял с Шарлотты туфли, потом — как они вместе сидели у реки Уэлле... Момент, когда он поднял на нее глаза, казался ей одним из самых волнующих.

«Вид у него был обеспокоенный и довольный, потому что я его не забыла. Сегодня вечером я буду петь для него, только для него. Я люблю его! О да, я люблю его всем сердцем!»

Жозеф Маруа в это время стоял перед зеленой двустворчатой дверью и смотрел на позолоченную табличку с выгравированным на ней номером «65». Он никак не решался постучать. Получить интересующие его сведения оказалось не таким уж простым делом. Грум поначалу корчил из себя неподкупного стража, отказываясь сказать, в каком номере живет Лора Шарден. Лакей, обслуживающий этот этаж, даже сделал вид, что не знает постоялицы с таким именем. Рабочему пришлось сказать, что он ищет даму средних лет, которая носит траур.

— Вы говорите о вдове по имени мадам Шарлебуа, — едва слышно проговорил грум, протягивая Жозефу открытую ладонь.

«Тупица этот служка, и алчный к тому же! — повторял про себя Жозеф. — Пришлось расстаться с долларом, но иначе я бы не узнал номер ее комнаты. Надеюсь, Мимин не видела, как я даю ему деньги».

И он загрохотал кулаком в дверь. Послышался приглушенный звук шагов, потом щелчок замка. Красивая, еще совсем не старая женщина приоткрыла одну створку и теперь смотрела на Жозефа. Вся ее одежда была черной.

— Что вам угодно, месье? — удивленно спросила она. — Думаю, вы ошиблись дверью.

— Меня зовут Жозеф Маруа, я опекун Мари-Эрмин, — отчеканил Жозеф. — А вы — Лора Шарден?

— Да. Входите, месье Маруа.

Она отступила в комнату. Тело ее напряглось, лицо побледнело. Жозеф чувствовал себя не в своей тарелке. Он был одет во все лучшее, и все-таки в обществе этой миниатюрной, изысканно одетой и причесанной женщины ощущал себя огромным и грубым мужланом. От Лоры пахло дорогими духами. Холеную шею украшало великолепное жемчужное колье.

— Слушаю вас, месье Маруа, — сказала она тихо, указывая на обтянутый красным бархатом диван. — Прошу вас, присаживайтесь.

— Нет! Мне и так хорошо, — грубо ответил он. — Жена рассказала, что вы приезжали к нам в Валь-Жальбер. Из ее слов я понял, что в прошлую субботу вы слушали, как поет наша Эрмин. Может, вы и правда ее мать, потому что вы на нее похожи, это бросается в глаза, но хочу вас предупредить: не приближайтесь к ней! Я не могу заставить вас съехать из отеля, увы! Но если вы попытаетесь заговорить с ней, я рассержусь. Теперь у нее есть семья, моя семья. На своих родителей она очень сердита. Чтобы вы знали, мадам, директор подписал контракт, и Эрмин будет петь в отеле каждую субботу до сентября. Думаю, все это время вы будете жить в отеле?

— Совершенно верно, месье Маруа. Я вольна жить в Робервале столько, сколько сочту нужным! — ответила Лора.

— А еще вы вольны держаться подальше от нашей девочки! Я хорошо знаю Мимин: если бы она узнала, что ее настоящая мать сидит в зале отеля — элегантная, богатая, вся в жемчугах, она бы убежала, и ноги ее на берегу озера больше не было бы.

— А вы бы тогда очень огорчились, месье Маруа! — сухо оборвала его Лора. — Вам ведь нравится выставлять пятнадцатилетнюю девочку, словно лошадь на ярмарке! Мари-Эрмин еще ребенок, ей трудно будет выдержать такую нагрузку. У нее не хватает вокальных навыков. Ваша супруга сказала, что вы хотите нанять ей учителя. Я могу дать вам денег. Подумайте об этом. Мы можем договориться.

Жозеф прищурился и плотно сжал губы. Он заметил странную вещь: речь Лоры Шарден была очень правильной, без малейшего намека на квебекский говор. И все-таки легкий иностранный акценту нее был.

— Если я соглашусь, то стану вашим должником и вы сможете выкручивать мне руки, — ответил он. — Нет уж, я потрачу на учителя свои деньги. У Эрмин большое будущее, я не такой дурак, чтобы этого не понимать. И своей славой певицы она будет обязана мне, только мне одному! Вот я смотрю на вас и не могу понять, почему вы бросили вашу дочь зимой на монастырском крыльце. Как у вас только рука поднялась? Постыдный поступок, мадам! Такие, как вы, должны гнить в тюрьме!

Лора дрожала. Удар пришелся прямо в цель, и она опустила глаза.

— Когда я смогу поговорить с моей дочерью, она узнает правду и расскажет вам, если захочет. А теперь прошу вас уйти. Я опаздываю к ужину. Выслушав вас, я пришла к выводу, что ваша супруга не сказала Мари-Эрмин, что я приезжала. Это жестоко и с ее, и с вашей стороны. Повторяю: я не стану пытаться подойти к девочке, но прошу вас, ради Бога,

скажите ей, что я жива и что я ее люблю. Если бы она простила меня, мне нечего было бы больше желать!

— Она никогда вас не простит! — отрезал Жозеф. — Бедная девочка, она выросла сиротой! Всю жизнь зависела от чужих людей! С малых лет она каждый день молила Бога, чтобы родители вернулись за ней, но никто не приходил. И вы хотите, чтобы Эрмин вас простила? Этому не бывать! Ба, да у вас слезы на глазах! Что ж, вы меня разжалобили. В свое время я расскажу Эрмин о вашем визите, но это будет не сегодня и не завтра. Не стоит торопить события, мадам, ведь контракт есть контракт. Короче говоря, не становитесь у меня на пути.

— Месье Маруа, поймите, я не собираюсь ничего требовать ни от нее, ни от вас. Я знаю, что вы с супругой заботились о Мари-Эрмин, как о родной дочери. Я прошу так мало: поговорить с ней, рассказать, что случилось, объяснить, почему нам пришлось расстаться.

— В сентябре — пожалуйста, но не раньше! — ответил Жозеф. — И вам придется возместить мне все, что я на нее потратил.

— Это легко решается! — воскликнула Лора. — Сколько вы хотите? Я могу дать вам приличную сумму, и прямо сейчас, если пожелаете!

Дрожа от волнения, женщина бросилась к комоду и стала рыться в ящике. К Жозефу она вернулась с пачкой банкнот, при виде которой он затрепетал от радости.

— Держите! Возьмите эти деньги! Я подожду до сентября и тогда смогу поговорить с моей дорогой девочкой!

Жозеф сунул доллары в карман. Лора протянула ему руку, словно желая закрепить сделку, но он сделал вид, что не заметил ее жеста, и вышел, не попрощавшись.

Отель был так велик, а лестниц и коридоров в нем так много, что Жозеф Маруа заблудился. Снова и снова он раздражался бранью в адрес персонала отеля и его директора.

«У нас в Валь-Жальбере можно заблудиться разве что в метель, и то, если она нагрянет внезапно, — ворчал он про себя. — И кому только пришло в голову построить такое огромное здание!»

Наконец на глаза ему попала супружеская чета. Мужчина был в смокинге, дама — в длинном платье. Было очевидно, что это постояльцы спускаются к ужину. Жозеф как ни в чем не бывало пошел за ними следом.

Эрмин не осмеливалась выйти из раздевалки. Жозеф задерживался, и никто из персонала не приходил за ней. Неожиданно дверь приоткрылась. Официантка, придерживая дверь за ручку, болтала со своей напарницей.

— Наверное, малышка вышла подышать, — сказал первый голос. —

Мне ее очень жаль, эту крошку. Наверняка опекун с ней спит. Он уже не молод и обходится с ней так грубо!

— Грубиян, это верно! — подхватил второй голос. — И заработанных денег ей, бедняжке, не видать! И одета она безвкусно, платье ей не идет. Хотя голос у девчонки такой, что у меня мороз идет по коже!

— А мне больше нравится Ла Болдюк. Когда она поет, все смеются.

Эрмин была поражена услышанным. В страхе смотрела она на дверь, ожидая, что официантка вот-вот войдет и увидит ее. Лучше было заявить о своем присутствии в комнате, и поскорее. Она кашлянула, и голоса по ту сторону двери смолкли.

— Здесь кто-то есть?

Девушка приоткрыла дверь.

— Ты была здесь! — воскликнула официантка. — О-ля-ля! И слышала все мои глупости!

— Я заснула, — быстро ответила Эрмин. — А потом шум голосов меня разбудил.

— Ты спишь сидя? — попробовала пошутить официантка.

— Да, прислонившись к спинке стула. Решила отдохнуть перед выступлением.

Девушки продолжали перешептываться, когда Эрмин пошла по коридору. Оркестр уже играл. Звуки скрипок привели ее в большой зал ресторана с дубовой, натертой воском эстрадой. Внезапно путь ей преградил Жозеф.

— Ты что себе позволяешь? — сердито проговорил он. — Пианист вне себя от злости, ему нужен список твоих песен!

— Вы не пришли меня забрать, — возразила девушка. — Вот мой список. Я начинаю с песни «Странствующий канадец», чтобы разогреть связки.

— Постарайся, Мимин, как следует постарайся! Я буду сидеть у стойки бара, как в прошлый раз. И помни, я с тебя глаз не спущу. Не вздумай кокетничать с официантами!

— Я об этом и не думала, — сказала девушка.

Теперь, после случайно подслушанного разговора официанток, Эрмин смотрела на Жозефа другими глазами. Ну как кто-то мог подумать, что Жозеф — ее возлюбленный? Само это предположение казалось возмутительным. Волосы ее опекуна начали сесть, лицо огрубело от ветра и холода, зубы за тонкими губами пожелтели от табака...

— Что ты так на меня смотришь? — грубо спросил Жозеф.

— Ничего, — солгала Эрмин.

Девушка прошла через весь зал, половина окон которого выходила на озеро. Всюду красовались великолепные зеркала, с высокого потолка свисали шикарные люстры с хрустальными подвесками и электрическими лампочками. Столы были сервированы сияющими серебряными приборами и белоснежными тарелками с золотой каймой. В зале стоял приглушенный и, тем не менее, непрекращающийся шум — дамы и кавалеры занимали свои места за столиками. Официанты и официантки в черных костюмах и белых передниках разносили меню и графины с водой. Многие клиенты курили сигары или американские сигареты, поэтому в зале были установлены металлические вентиляторы.

Эрмин прошла мимо великолепного фортепиано и протянула музыканту, сидевшему перед инструментом, листок со списком песен.

— Извините, месье, что заставила вас ждать. Мой опекун сказал, что вы сердитесь.

— Он преувеличивает, мадемуазель, — ответил аккомпаниатор. — Это правда, я предпочитаю заранее знать, что именно мне предстоит играть, но я не стану вас бранить — сегодня вечером вы так хороши собой!

Аккомпаниатору было около тридцати. Коротко стриженные светлые волосы вились над вытянутым бледным лицом. Он носил круглые очки в серебристой металлической оправе.

— Вы будете исполнять «Золотые хлеба»?! — полувопросительно-полувосхищенно воскликнул он, изучив перечень песен. — Настоящий подвиг! Это свидетельствует о том, что у вас исключительный голос, настоящее сопрано. Вам не хватает техники, но, несмотря на ваш юный возраст, ваша манера исполнения очень эмоциональна... А ведь это самое Главное — уметь затронуть потаенные струны в сердце каждого слушателя!

Девушка внимательно слушала. Compliments пианиста придали ей храбрости.

— Благодарю вас, месье, — сказала она скромно.

Он привстал на стуле и поклонился.

— Ханс Цале к вашим услугам, мадемуазель. Я родился здесь, в Канаде, но мои родители родом из Дании. Мать была музыкантшей. Я знаю сольфеджио и занимался вокалом. Держите!

Ханс вынул из внутреннего кармана пиджака визитку и протянул ее Эрмин. На ней было написано:

«Ханс Цале, пианист, аккомпаниатор. Уроки вокала и музыки».

Справа внизу мелкими буквами был указан адрес.

— Вы живете в Робервале и даете уроки? — переспросила девушка. — Мой опекун как раз ищет учителя. Я расскажу ему о вас.

— У меня умеренные цены, но смогу ли я быть вам полезным? Вы прекрасно справляетесь. Кто научил вас петь?

— Я выросла при монастырской школе, меня воспитывали монахини. Мы очень часто пели во время мессы, по пятницам.

— Тогда мне многое становится понятно. Как бы то ни было, я буду очень рад научить вас пользоваться вашим голосом — волшебным инструментом, который всегда с вами.

Скрипач из оркестра сделал пианисту знак, что пора начинать.

— Пора, — шепнул Ханс девушке.

Эрмин обошла фортепиано и приблизилась к рампе, украшенной сложными композициями из фруктов и цветов. Естественно, нельзя было ожидать, что собравшаяся в ресторане публика перестанет разговаривать. Не так-то просто было при всеобщем шуме начать свою партию, заставить людей за столиками понизить голос. Оркестр создавал приятный звуковой фон, который гости отеля воспринимали как нечто само собой разумеющееся, и в прошлую субботу никто не обратил внимания на то, что под аккомпанемент оркестра пела юная девушка в белом платье.

— Не бойтесь, — тихо сказал Эрмин Ханс. Его искусные пальцы порхали над клавишами.

Эрмин замкнулась в себе. Люди, сидящие за столиками поближе к эстраде, с любопытством рассматривали ее. Девушка знала, что Жозеф тоже не сводит с нее глаз.

«Я не должна думать о них, — сказала себе Эрмин. — Лучше представлю, что Тошан рядом и что он меня слушает».

Вытянув руки вдоль тела, подняв лицо к потолку, она запела «Странствующий канадец».

Канады бедный сын, отвержен и уныл,
В стенаньях и слезах чужбину исходил...

Эрмин вкладывала в песню всю свою душу. Она пела о своем «странствующем канадце» — Тошане, у которого из вещей одна кожаная дорожная сумка, о своем черноглазом красавце-метисе... Голос девушки разливался по залу. Мощный, вибрирующий, исполненный бесконечной нежности. Гул голосов постепенно стих. Когда песня закончилась, публика

отблагодарила певицу шквалом аплодисментов. Жозеф, сидя у барной стойки, подумал, что выбор первой песни оказался на редкость удачным. Даже иностранцы, большей частью англичане и американцы, были впечатлены и растроганы. Девушка сделала легкий реверанс, что выглядело очень по-детски, и запела «Золотые хлеба»:

Когда блики взошедшей Луны
Певучую даль серебрят,
И звезды, тайны полны,
Влюбленным улыбки дарят —
На дальнем холме, меж дерев,
Под нежным дыханьем ветров,
Слыхала ль ты дивный напев
Волнующихся хлебов?

Жозеф ликовал. Публика слушала затаив дыхание. Эрмин поступила правильно, включив в репертуар разноплановые композиции. Он решил даже, что девушка достигнет больших успехов, чем сама Ла Болдюк, поэтому нужно любой ценой держать ее подальше от родной матери, которая, к несчастью, объявилась после стольких лет забвения.

В глубине просторного зала Лора, приподняв черную вуаль, утирала слезы. Консоме из томатов, заказанное ею, стыло в тарелке. Она восхищалась талантом дочери, и ей очень хотелось встать, подойти к эстраде и представиться.

«Она так далеко от меня, я едва вижу ее лицо! Какая она тоненькая и грациозная! И прекрасно сложена. Как она поведет себя, если я подойду и скажу: „Я — твоя мать“? Напрасно я дала столько денег ее опекуну. Он наверняка потребует еще. Мне кажется, это корыстный и бессовестный человек!»

Итак, ей запрещено подходить к собственной дочери! Это оказалось настоящим мучением. И все-таки Лора не хотела конфликтовать с семьей Маруа. Ни секунды она не сомневалась в правдивости слов Жозефа и Элизабет, которые совпадали в одном: Мари-Эрмин презирает своих настоящих родителей. Хуже того — она их ненавидит.

«И ее легко понять. Девочка много страдала оттого, что у нее не было настоящей семьи. Я не знаю ничего о ее детстве, не знаю, какие горести выпали на ее долю. И я так хочу узнать ее лучше!»

Эти горькие размышления приводили Лору в отчаяние. Сама того не

замечая, она наделила Эрмин такими чертами, как бескомпромиссность и непримиримость.

«Нечему удивляться, ведь ее воспитывал этот Жозеф Маруа! Мне он показался авторитарным, неискренним, — думала мать Эрмин. — Господи, я вижу свою дочь второй раз и не могу к ней приблизиться!»

Эрмин приободрилась, видя, что публика встречает ее очень тепло, и запела песню «Палома» ^[44]. Диск с этой песней Жозеф нашел в магазине в Робервале. Не так-то просто оказалось подобрать репертуар для такой юной девушки, как Эрмин. Ей было всего пятнадцать, и предполагалось, что ее песни должны быть целомудренными. В то же время месье Маруа старался подбирать известные композиции, в тексте которых не было ничего двусмысленного. Это была настоящая головоломка, потому что в большинстве песен говорилось о любви и приносимых ею страданиях и удовольствиях. А когда речь идет о любви, девушке следует оставаться в рамках приличия.

Палома, прощай! Прощай навсегда!
Пришла моя смерть — но не больно ничуть...
Навек, о любовь, прощай!

Вспоминая поцелуй, подаренный ей Тошаном, девушка полностью отдалась музыке. Она проживала каждое слово песни, и в голосе ее звучали чувства и страдания покинутой женщины. Ее исполнение глубоко взволновало публику, не исключая и Жозефа. Кто-то крикнул «Браво!», и за восклицанием последовал шквал аплодисментов.

Лора плакала, укрывшись за своей вуалью. Она поняла, что так петь может только тот, чья натура чужда холодности и злопамятства.

«У меня впереди целое лето, — сказала себе Лора. — Я найду возможность заговорить с ней. И если я смогу рассказать моей девочке все, она меня простит».

После песни «Палома» Эрмин уступила место на сцене пятидесятилетнему французскому баритону по имени Жиль Франко. Маленького роста и тучный, месье Франко исполнял арии из популярных оперетт. Когда оркестр заиграл венский вальс, несколько пар встали из-за столиков и направились к танцевальной площадке.

Девушка подошла к Жозефу. Бармен поспешно поставил перед ней стакан с холодным лимонадом.

— Спасибо, — тихо сказала девушка.

— Слушать вас — одно удовольствие, мадемуазель, — любезно отозвался сотрудник отеля.

— Сегодня ты была в ударе, Мимин, — сказал девушке опекун заговорщицким тоном. — На деньги, которые мы заработаем за лето, можно будет записать диск!

— А зачем нужен диск? — так же тихо спросила девушка. — Ла Болдюк популярна, потому что поет веселые песни. А те, что пою я, и так широко известны.

— Не вмешивайся в то, чего не понимаешь. Это мое дело! — отрезал Жозеф.

Эрмин отстранилась от него. Присутствие опекуна ее смущало. Она даже стыдилась его, поскольку в роскошных декорациях отеля он смотрелся особенно жалко в своем поношенном воскресном костюме и потертой фетровой шляпе. К тому же этим вечером он явно был чем-то взволнован и смотрел на нее не так, как обычно. Укрывшись за раскидистым декоративным растением, девушка мелкими глотками пила лимонад.

Из своего укрытия она тайком рассматривала сидящих за столиками гостей. Женщины были в шикарных туалетах пастельных тонов, на шеях и в ушах сияли дорогие украшения. В то время были в моде коротко стриженные волосы, длинные жемчужные ожерелья в несколько нитей и прямого кроя платья длиной до середины икры. Некоторые кокетки прикрывали свои дерзкие декольте меховыми горжетками.

«И все-таки даже здесь некоторые дамы одеты прилично», — заметила про себя девушка.

Эрмин посмотрела вглубь зала. Вдоль стены, прямо напротив сцены, стояли столики поменьше. У окна сидела женщина в траурных одеждах и маленькой черной шляпке с вуалью.

«Это вдова, — решила девушка. — Наверное, не очень приятно жить в отеле совсем одной. Бедняжка, какое с ней приключилось несчастье? Кого она потеряла? Мужа, ребенка или родителей?»

Наделенная живым воображением, девушка в несколько мгновений сочинила целую историю с участием этой дамы в черном. Жозеф отвлек Эрмин, сжав ее плечо.

— Не время мечтать, Мимин! Скоро твоя очередь петь. Директор слушал твое выступление. Он сократил представление Франко и хочет, чтобы ты спела «О, Канада!» и «У чистого ручья».

— Уже пора? — удивленно воскликнула девушка. — Иду!

Выступление Эрмин закончилось только через час. Девушка была

измотана до предела. Ей доставляло удовольствие петь по воскресеньям для семьи Маруа или перед прихожанами Валь-Жальбера, но нагрузка, которую она испытывала во время выступления перед публикой отеля, была ей не по силам. Она ощутила огромное облегчение, переодевшись в привычную одежду. Переодеваться пришлось в конюшне отеля, которой пользовались все реже и реже, поскольку автомобили стремительно вытесняли конные упряжки.

— В путь, в путь! — объявил Жозеф. Он был в легком подпитии. — Вези нас домой, Шинук!

Эрмин правила коляской. Была теплая июльская ночь. Луна и миллионы звезд отражались в озере Сен-Жан. Из портового города они выехали по песчаной дороге, которая скоро привела их к пути в Шамбор.

— Твой голос — настоящее золото! — разглагольствовал Жозеф. — В будущую субботу споешь что-нибудь из репертуара Ла Болдюк. Публику нужно развлекать!

— Это не самая удачная мысль, — возразила девушка. — Я буду выглядеть смешно.

— Не спорь со мной! Ла Болдюк продала двенадцать тысяч дисков! Это значит, что ее песни нравятся людям, — отрезал Жозеф.

— Жозеф, говорю вам, гостям отеля это не понравится. Лучше я выучу несколько оперных арий.

— Ты всегда идешь наперекор, совсем как Симон! — взвился опекун. — Твое счастье, что ты девочка, а то не миновать бы тебе моего ремня! Спроси у Армана, по вкусу ли ему порка. Я привык, что меня слушаются. Без возражений, понятно?

Жозеф никогда прежде не говорил с Эрмин в таком тоне. От него сильно пахло пивом. Получив деньги Лоры, он позволил себе пропустить несколько кружек.

Эрмин не стала с ним спорить.

— Я сделаю, как вы скажете, — вздохнула она. — Беги, мой Шинук, беги быстрее!

Эрмин хотелось как можно скорее оказаться в Валь-Жальбере. Жозеф не сводил с нее глаз, и на губах его блуждала странная улыбка. В его взгляде ей чудилась неясная угроза, природу которой она отказывалась понять.

«Почему он так на меня смотрит? — взволнованно думала девушка. — И почему-то сел так близко... Нет, этого просто не может быть! Жозеф знает меня с младенчества. Он всегда относился ко мне уважительно...»

Она постаралась незаметно отодвинуться. Рабочий что-то проворчал

себе под нос и обнял девушку за плечи.

— Хотя, может, ты и права, Мимин, — сказал он. — Пой то, что тебе нравится. И веди себя достойно. Официант строил тебе глазки, я не слепой. Директор советовал мне присматривать за тобой. Тебе нельзя разговаривать с постояльцами. Ты меня поняла?

Жозеф еще сильнее сжал ее плечо. Испуганная Эрмин попыталась вырваться.

— Пожалуйста, отпустите меня! — попросила она робко. — Так мне неудобно держать поводья!

— Да брось, Мимин, я же тебе как отец! — отозвался Жозеф.

Однако, к огромному облегчению девушки, руку убрал. Хорошо отдохнувший на конюшне Шинук бежал бодрым аллюром. На свежем воздухе рабочий быстро протрезвел, и мысли его снова закрутились вокруг Лоры Шарден. Она намеревалась жить в Робервале. Какая неудача! Она оказалась достойным соперником. Как же отвадить ее от девчонки? Наконец на него снизошло озарение.

— Мимин, держись подальше от одной постоялицы, — начал он после долгой паузы. — Я болтал с грумом, с тем, у которого веснушки. Ты заметила даму в черном?

— Да, она сидела в глубине зала, — сказала девушка.

— Так вот, не вздумай с ней заговорить! Оказывается, эта дама почти сумасшедшая. Она приехала сюда не без причины. Прошлым летом ее дочка утопилась в озере. И, похоже, дама надеется, что в годовщину смерти ее ребенок к ней вернется. Персоналу она рассказывает, что девушка выйдет из воды и останется с ней навсегда. Сумасшедшая, что тут скажешь! Более того: встретив девушку твоих лет, она принимает ее за свою дочь. Если эта дама подойдет и станет называть тебя своей дочкой, беги от нее подальше. Она станет совсем невменяемой, если ты дашь ей к себе притронуться, да и директор будет недоволен. Эта дама очень богата, и он не хочет, чтобы она съехала из отеля.

Эта басня показалась Жозефу вполне правдоподобной, хотя, говоря откровенно, была шита белыми нитками. Он решил, что лишняя предосторожность не помешает, если Лора все-таки решится подойти к Эрмин.

— Скажешь ей: «Нет, мадам, я тороплюсь и не могу говорить с вами!» И быстрее беги ко мне. Главное — не слушай ее бредни!

— Но ведь это ужасно! — воскликнула Эрмин. — Я спрашивала себя, по кому она носит траур. Я перебирала разные варианты, но представить такое... Ее дочь утопилась в этом озере... Какой кошмар!

Эрмин с упреком посмотрела на поверхность воды, такую мирную, серебристую под светом луны.

— В газетах об этом не писали, — заметила она.

— Ты не обратила внимания, — сказал Жозеф. — Ты не все газеты читаешь. Хотя, может статься, семья замяла это дело. Если бы у меня была дочка и она утопилась, я бы не хотел, чтобы о моем горе рассказали всему миру. Говорю тебе, держись от этой дамы подальше. Я не хочу неприятностей с директором.

— Будьте покойны, я к ней не подойду. Мне было бы очень больно, если бы она со мной заговорила, приняв за свою дочку, — со вздохом отвечала Эрмин.

Оба, и Эрмин, и Жозеф, погрузились в свои мысли. Опекун подсчитывал будущие доходы девушки и прикидывал, в какую сумму выльется поездка в Монреаль и запись диска. Он уже забыл о том моменте, когда девичьи губки сердечком, хорошенькое личико и запах юного тела пробудили в нем желание.

Эрмин всей своей доброй душой жалела несчастную даму в черном. Стремясь скорее позабыть неприятное ощущение, которое оставили после себя неуместные объятия Жозефа, она стала думать о Тошане, своем «странствующем канадце». Через год он вернется, через год она снова его увидит... Однако недолго она утешалась этой надеждой. Год, проведенный под игом Жозефа, вдруг показался ей непреодолимым испытанием.

* * *

Валь-Жальбер, 22 июля 1930 года

Неделя подходила к концу. Эрмин с тревогой смотрела на календарь. Ей не хотелось ехать в Роберваль и еще меньше — возвращаться оттуда ночью, в компании Жозефа. Последние несколько дней он вел себя как обычно, но девушка успела прийти к заключению, что, оказавшись вдалеке от дома и супруги, Жозеф становился другим человеком.

Элизабет как раз наглаживала шелковое белое платье — аккуратно, через чистую влажную тряпочку, чтобы не испачкать утюгом нежную ткань и сохранить ее блеск.

— Завтра вы с Жо снова едете в Роберваль, — сказала молодая женщина. — Везет же тебе! Если бы ты знала, как мне хочется посмотреть на убранство этого роскошного отеля!

— А мне больше нравится на лугу возле мельницы Уэлле, Бетти, — ответила девушка. — Там красиво и не так шумно, как в отеле.

— Ты чем-то огорчена, а, Мимин? — встревожилась Элизабет. — Ты плохо ела утром, и я не слышала, чтобы ты репетировала...

— У меня болит горло. Не знаю даже, смогу ли петь.

Это была полуправда, но девушка решила немного преувеличить свои страдания, решив, что это может помочь ей остаться дома, в Валь-Жальбере.

— Я приготовлю тебе настой ивовой коры с кленовым сиропом. Не хватало только, чтобы у тебя пропал голос! Ведь контракт уже подписан! Не многим девушкам твоего возраста так легко даются деньги. Хотя мне не нравятся люди, которые тебя там окружают. Будь осторожна, не разговаривай ни с персоналом, ни с постояльцами.

Жозеф рассказал супруге о том, что встречался с Лорой Шарден, не забыв упомянуть о басне собственного сочинения про молодую утопленницу. Элизабет с ним не согласилась.

— Ты переходишь границы, Жо! — с возмущением заявила она. — Закон защищает права этой женщины. Представь, что будет, если она обратится в полицию!

— Она не предлагала бы мне денег, если бы могла пожаловаться в полицию. Я делаю все ради блага твоей дорогой Мимин, а ей лучше здесь, с тобой.

— А что ты планируешь делать в сентябре? — не сдавалась Элизабет.

— Скажу ей, что переговорил с Эрмин, но девчонка отказывается ее видеть.

Жозеф говорил с такой уверенностью, что жена в конце концов согласилась действовать с ним заодно. И все-таки она чувствовала себя виноватой перед Эрмин, ей казалось, что она предает свою воспитанницу.

Девушка же и в страшном сне не могла представить, что творится у нее за спиной. Она вошла в кухню и села за стол, на котором стоял букетик ромашек.

— Бетти, может, ты позвонишь в отель из мэрии? Боюсь, я не смогу петь сегодня.

— Жозеф страшно рассердится, Мимин! Будь умничкой, выпей настой, и тебе станет легче. Когда все решено и на бумагах стоят подписи, нельзя так просто отказаться. Скажи лучше, что ты поленилась повторить песни!

— Нет, Бетти, я перепела весь репертуар, когда была в каньоне! — воскликнула девушка. Казалось, она вот-вот заплачет. — Мы ходили туда

гулять с Шарлоттой. Там меня никто не слышит.

— Ну, ради этого не стоит ходить так далеко. Кстати, как поживает твоя слепая подружка?

— Она еще не слепая, — возразила Эрмин. — Вчера я зашла к ним в дом. Ее мать можно только пожалеть! Ноги у этой бедной женщины распухли и посинели! Она очень страдает.

— Не вмешивайся в дела этих людей, — отрезала Элизабет. — Ладно еще, когда ты гуляешь с Шарлоттой, но у ее родителей плохая репутация! Как и у старшего брата, Онезима.

По лестнице спустился Симон. Услышав последние слова матери, он разразился возмущенной тирадой:

— Послушать вас с отцом, так надо держаться подальше от всех новых соседей! У Эрмин, в отличие от вас, доброе сердце! Поселок почти опустел, и те, кто остался, ничем не хуже нас. Онезим никогда не ходил в школу, но он неплохой парень.

— Ты как разговариваешь с матерью? — взвилась Элизабет. — Или у тебя в голове помутилось? Слава Богу, что отец на работе. Он быстро выбил бы из тебя привычку говорить со мной в таком тоне. Иди-ка лучше заведи корову и подои ее. Я оставила ее на лугу возле дома Амеде. Он огорожен, и забор еще хорошо держится.

Юноша вышел, хлопнув дверью. Эрмин завидовала ему: Симон собирался вскоре покинуть родительский дом, но держал это в большом секрете.

«Почему в жизни все так переменчиво? — думала девушка. — Раньше я обожала петь. Но теперь мне неприятно, когда меня хвалят. Симон хочет уехать. Он ищет работу на корабле, в Квебеке. Бетти и Жо какие-то странные. Им не по нраву, что я забочусь о Шарлотте, запрещают мне разговаривать с людьми... Что было бы, если бы они узнали, что я целовалась с Тошаном?..»

Она предвидела, что ее возлюбленный не встретит в доме Маруа сердечного приема. Однако до этой встречи оставался целый год, и это ее успокаивало.

«Если я за этот год заработаю много денег, Жозеф будет доволен, и, может быть, согласится обручить меня с Тошаном!»

Вспомнив о деньгах, она вспомнила и о неминуемом выступлении в отеле. Девушка послушно выпила две чашки настоя и столовую ложку кленового сиропа.

«Я читала об этом в романе, — подумала она. — Свобода имеет свою цену! Моя цена — это пение. И я должна петь хорошо».

Элизабет нежно погладила ее по волосам. С того самого дня, как к ним в дом явилась Лора Шарден, молодая женщина боялась потерять девушку, которую любила, как дочь.

— Милая моя Мимин, с этой работой тебе приходится нелегко, я знаю. Но мы очень тебя любим, Жо и я. И, разумеется, очень гордимся тобой.

— Не говори так, Бетти, — пробормотала девушка, прижимаясь к Элизабет. — Если бы не вы, у меня не было бы семьи. Я стольким вам обязана!

Им обеим хотелось плакать, хотя ни одна, ни вторая не знали почему. Эрмин первой высвободилась из объятий.

— Пойду дам сена Шинуку и посмотрю, есть ли у него вода, — сказала она.

— Вот оно что! Признайся, компания Симона тебе больше по душе! — пошутила Элизабет. — Иди скорее!

Девушка вышла. Намек Элизабет ей не понравился. Она не могла не заметить, что молодая женщина ослабляла бдительность, если Эрмин и Симон проводили время вместе.

«Они спят и видят, чтобы мы поженились! — подумала она, обходя дом. — Но ведь мы оба, я и Симон, вольны выбирать того, кто нам нравится!»

Чувствуя себя не в своей тарелке, Эрмин вошла в хлев. Симон доил корову. Он грустно посмотрел на девушку.

— Она дает все меньше молока, — сказал он. — Скоро придется покупать у фермера Буланже другую корову.

Он отпустил вымя и вытер руки о рабочие штаны.

— Не могу больше, Эрмин. Не могу так жить. Поселок совсем опустел, и для меня это тяжело. Раньше здесь было намного веселее. Родителям до этого нет дела. Они купили дом и умрут здесь, даже если останутся последними жителями Валь-Жальбера. Если бы ты только знала, как мне не терпится уехать!

Девушка присела на деревянную колоду и спросила:

— Ты правда хочешь уехать?

— Да. Через месяц.

Они обменялись невеселыми улыбками. Отношения у них сложились своеобразные. Симон и Эрмин выросли, как брат и сестра, и все же между ними никогда не было настоящей привязанности, не говоря уже о нежности. Они просто хорошо ладили и уважали друг друга.

— Надеюсь, у тебя получится найти работу, Симон, — сказала девушка. — Я буду по тебе скучать. Жаль, что только ты один не боишься

противоречить отцу.

— Теперь, когда я вырос, он меня не бьет. Мне не слишком приятно это говорить, но мой отец — настоящая скотина. В детстве, стоило мне напроказить, он снимал ремень и порол меня. Арман тоже получил свою долю отцовской ласки. Под страхом порки будешь слушаться...

Эрмин никогда не видела, чтобы Жозеф наказывал мальчиков. Но на ее глазах Элизабет не раз мазала целебной мазью спины своих сыновей, и глаза у нее были красными от слез.

— Знаешь, я начинаю бояться твоего отца, — шепотом сказала Эрмин. — С тех пор как мы подписали контракт в Робервале, он стал очень строгим, а иногда...

— Что «иногда»? — подойдя поближе, спросил Симон.

— Он слишком ласков со мной, как мне кажется... — пробормотала девушка, краснея, как вишня. — Это потому, что он выпивает в баре отеля. Но я боюсь пожаловаться на него твоей матери.

Она рассказала Симону, как вел себя отец, когда они возвращались домой из Роберваля. Юноша сжал кулаки. И впервые за много-много лет выразил свое дружеское отношение к девушке простым жестом — погладил ее по щеке кончиками пальцев.

— Было бы лучше, если бы и ты уехала куда-нибудь как можно скорее, — сказал он. — Не думаю, что отец может тебя обидеть, но когда он нетрезв... Это хуже.

Эрмин была рада, что у нее наконец-то появился союзник.

— Симон, ты прекрасно знаешь: я не могу уехать из деревни. Я надеюсь, что мои родители вернуться.

— И напрасно, Мимин. Если бы они были живы, они бы уже вернулись. А если они все-таки живы, значит, им наплевать на тебя, и ты не должна портить себе всю жизнь, их дожидаясь.

Девушка знала, что Симон прав. Усталым жестом отмахнувшись от грустных мыслей, она вновь вернулась к теме, которая занимала ее больше всего:

— Помоги мне, Симон. Завтра Жозеф повезет меня в город, и возвращаться мы будем поздно. Представь, и так — все лето! Я уже жалею, что умею петь, потому что от этого одни неприятности!

Девушка из последних сил сдерживала слезы.

— Если уж отец что-то вбил себе в голову, так просто не отступится, — сказал Симон. — Знаешь, что я думаю? Он уверен, что ты своим пением заработаешь состояние, и эти деньги намеревается присвоить. Он спит и видит, как мы с тобой поженимся. Опять же, ради

денег: если ты будешь моей женой, ничто не помешает ему пополнять свой банковский счет. Но я не идиот. Я еще утру ему нос, как говорил один мой приятель. Подложить свинью отцу — это будет славная месть за годы порок!

— Как мы можем пожениться, если мы друг другу не нравимся? — возмущенно спросила девушка. — Я выйду замуж только за того, кого полюблю всем сердцем.

— Если бы ты даже и нравилась мне, я все равно уехал бы! — заявил Симон. — Ты стала красавицей, Мимин. К тому же ты воспитанная и добрая... Но я всегда относился к тебе, как к сестре.

Эрмин не ожидала от Симона такого искреннего проявления дружелюбия, поэтому, глубоко растроганная, расплакалась.

— Симон, прошу тебя, придумай что-нибудь, чтобы мне завтра не ехать!

— Попробуй сегодня вечером прикинуться больной, — предложил он. — Мне нужно подумать.

— Нет, ничего не выйдет. Жозеф все равно повезет меня в город, у нас контракт.

Юноша сжал ее руку и задумался. Внезапно его лицо озарилось улыбкой.

— Аббат Деганьон! — воскликнул он. — Сходи на исповедь, Мимин, расскажи, что поведение отца тебя беспокоит. И попроси аббата помочь. Со священником отец спорить не станет.

— Ты прав, Симон. Спасибо! Я иду в церковь!

Эрмин поцеловала юношу в щеку и выбежала из хлева.

В тот же вечер после ужина в дом семьи Маруа явился аббат Деганьон. Жозеф с трубкой в зубах сидел на крыльце. В доме слышался звон посуды.

— Добрый вечер, Жозеф! Наслаждаетесь теплым летним вечером?

— Конечно, месье кюре! — ответил рабочий.

— Я хочу с вами поговорить. Пройдемся?

Они неторопливым шагом направились к монастырской школе. У Жозефа было беспокойно на душе. Лора Шарден могла нанести визит священнику. Поэтому он вздохнул с облегчением, когда понял, что кюре пришел совсем по другому поводу.

— Жозеф, вы добрый христианин и честный человек. Я никогда не слышал о вас ничего дурного. И хотя жителей в Валь-Жальбере осталось немного, в нашем муниципалитете все еще заботятся о вопросах морали и соблюдении приличий.

— Я ничего плохого не сделал, — проворчал Жозеф. — Не будь нас с

сыном, динамо-машина давно вышла бы из строя. И пришлось бы снова жить при свечах.

— Знаю, знаю, — подхватил аббат. — Я хочу поговорить о вашем решении возить Эрмин каждую субботу в Роберваль. Это дитя лишено родительской заботы. Некоторые опасаются, что может пострадать ее доброе имя. Вы возвращаетесь домой ночью, вдвоем, это нехорошо. Девушка должна беречь репутацию. Не дай Господи, ее заподозрят в недостойном поведении! Мой предшественник, отец Бордеро, многие годы заботился о том, чтобы в поселок не было доступа пьяницам и богохульникам. Он сказал бы вам то же самое. И мне было бы очень больно услышать, что соседи отзываются о вас дурно.

Жозефу этот разговор был не по душе. Он то и дело принимался с ожесточением скрести подбородок. Он не осмеливался посмотреть в светлые глаза священника, словно этот взгляд мог проникнуть в самые потаенные уголки его души.

— И кому только в голову пришло, что я могу обидеть девочку, которая живет под моей опекой? — сердито спросил он. — Да если бы Бетти такое услышала, она бы первой бросилась меня защищать!

— Жозеф, дьявол искусно играет на наших слабостях, — продолжал аббат спокойно. — Он может подвергнуть искушению и вас.

Рабочий чувствовал, как тает надежда заработать состояние на таланте Эрмин. Воздев руки к небу, он спросил:

— Если я вас правильно понял, мне следует расторгнуть контракт с отелем? Но ведь это неправильно. Я думал только о том, чтобы обеспечить будущее нашей Мимин. Вы сами сказали в тот день, когда уезжали сестры, что у нее талант от Бога.

Наигранная заботливость не обманула священника, и он повысил тон:

— Я не нахожу ничего дурного в том, что девушка поет перед публикой и тем самым зарабатывает на жизнь. Но вам нельзя проводить столько времени наедине.

— А как же быть? — спросил раздосадованный Жозеф.

— Вопрос решен, — ответил аббат. — Я поговорил с нашим мэром, и он согласился одолжить мне свой автомобиль. Я умею водить. Каждую субботу я буду отвозить вас и забирать. Естественно, я не стану заходить в заведение, подобное «Château Roberval», но могу подождать вас на улице.

— Вы берете на себя столько хлопот, господин кюре!

— Меня это не стесняет, Жозеф. Я несу ответственность за своих прихожан и сделаю все, чтобы исполнить свой долг.

— Ну, раз так, я согласен, — пробормотал рабочий. — Моей лошади

это пойдет на пользу. Путь неблизкий, ее пришлось бы чаще перековывать...

В глубине души он знал, что так будет даже лучше. Несмотря на любовь к деньгам, Жозеф боялся Божьего гнева.

Они с аббатом развернулись и пошли обратно.

— Скажите, вы разговаривали с той дамой в черном, что заходила ко мне справиться, где вы живете, недели две назад? — с искренним любопытством спросил священник. — Она показалась мне измученной. Наверняка тому причиной недавняя потеря родственника. Я счел, что лучше ее не спрашивать.

У Жозефа подогнулись колени. Он потер лицо, прежде чем ответить, словно надеялся, что ему удастся стереть следы замешательства.

— А, вы об этом... Это наша дальняя родственница, жена моего троюродного брата, которая живет в Шикутими. Она приехала сообщить о смерти своего супруга. Бетти была дома, и они немного поговорили.

Аббат кивнул. Жозеф попрощался и поднялся по ступенькам крыльца. Эрмин, которая у окна своей комнаты дожидалась их возвращения, быстро отступила, скрывшись в сумерках неосвещенной комнаты.

— Завтра я заеду за вами в половине пятого, — громко сказал аббат Деганьон. — Мы доедем намного быстрее, вот увидите.

Девушка услышала его слова. Она закрыла глаза. Было такое впечатление, что с плеч свалился огромный груз.

— Спасибо, Господи! — пробормотала она успокоенно. — И тебе спасибо, Симон!

Ей стоило многих душевных мук рассказать во время исповеди о переменах в поведении Жозефа. Пришлось преодолеть свою стыдливость, но результат последовал незамедлительно — аббат примчался к ней на помощь, не усомнившись ни в едином слове. Эрмин схватила фотографию сестры Марии Магдалины и поцеловала.

— Моя Анжелика, я знаю, что ты заботишься обо мне! Спасибо!

* * *

Жозеф огласил новость на следующий день, за завтраком.

— Шинуку придется все лето стоять без работы, Мимин. Господин мэр одолжил свой автомобиль месье кюре, который теперь будет возить нас из Валь-Жальбера в Роберваль и обратно. Все только и думают, как бы тебе услужить, моя красавица!

Это обращение — «моя красавица» — вызвало неудовольствие как у Эрмин, так и у супруги достопочтенного рабочего.

— Не говори так об Эрмин, Жо! — сердито сказала Элизабет. — Ты стал много времени проводить в баре среди всякого сброда — и вот результат!

— Но я ничего плохого не хотел сказать! — возразил Жозеф.

— Такие слова можно говорить только своей жене, и больше никому, — отрезала супруга.

Жозеф уткнулся носом в кофейную чашку. Казалось, против него объединился весь мир. Симон весело присвистнул и послал Эрмин торжествующую улыбку.

Так аббат Деганьон стал шофером юной певицы и ее опекуна. Путь до города на машине занимал куда меньше времени, поэтому они стали выезжать позже. Девушка выходила из дома в парадном платье, поэтому больше не пользовалась раздевалкой. Суббота проходила за субботой, все складывалось наилучшим образом.

Эрмин получала все больше удовольствия от пения. Она пела, повинувшись собственному чутью, но так эмоционально и искренне, что публика, которая каждый раз менялась, аплодировала ей с энтузиазмом. О таланте снежного соловья заговорили в соседних городах. Люди стали специально приезжать в Роберваль, чтобы ее послушать.

Дама в черном всегда сидела на одном и том же месте, в глубине зала. Девушке ни разу не представилась возможность подойти к ней, даже если бы она того и хотела. Однако, поглядывая время от времени на стройную фигуру в черных одеждах и небольшой шляпке с вуалью, она испытывала глубокое сострадание. Басня Жозефа произвела на нее эффект, противоположный тому, на который он рассчитывал. Он хотел испугать девушку своей грубой выдумкой, но получилось наоборот — таинственная дама в трауре вызывала у девушки живой интерес.

По окончании песни Эрмин часто улыбалась, глядя на даму в черном и пытаясь рассмотреть под вуалью ее лицо. Лора не верила своим глазам — эта улыбка была, без сомнения, адресована именно ей. Утопая в море вопросов, она принимала ее как самый дорогой из подарков.

«Что бы это могло означать? Неужели Маруа все-таки рассказали ей обо мне? Если так, почему она не приходит меня навестить? Почему уезжает сразу после выступления? А если она улыбается мне, не зная, кто я такая, это лишний раз доказывает, что у девочки доброе сердце!»

Лора упорно носила траур, вызывая тем самым сочувствие и любопытство. Однако отказываться от черных одежд не собиралась,

поскольку они служили ей надежным щитом от мужского внимания.

В одну из суббот, в середине августа, к числу обычных пассажиров автомобиля добавились Элизабет, Арман и маленький Эдмон. На молодой мадам Маруа было самое красивое платье и новые туфли. Несмотря на присутствие в зале Лоры Шарден, она получила огромное удовольствие от выступления Эрмин.

С момента их первой встречи Жозеф еще дважды посещал мать девушки и оба раза возвращался домой с пачкой долларов в кармане.

— В сентябре вы сможете поговорить с дочкой, — говорил он Лоре с презрительной усмешкой.

Лоре этот высокий мужчина с грубыми чертами и поседевшими усами не нравился. И все же она надеялась, что он выполнит условия договоренности и она наконец встретится со своей дорогой девочкой. Мечтая об этой встрече долгими вечерами, она называла ее именно так — «моя дорогая девочка»...

«Такое счастье — видеть ее каждую субботу и слушать, как она поет! Мне кажется, что ее голос гасит мою печаль. Моя дорогая девочка, моя прекрасная Эрмин!»

Лора без сожаления отсекала первую часть — «Мари» — от имени своей дочери. Она чувствовала, что лучше называть девушку так, как ее звали Жозеф и Элизабет.

— Поскорее бы пришел сентябрь! — каждое утро повторяла она.

* * *

Роберваль, конец августа 1930 года

Этим вечером за руль вместо аббата Деганьона сел мэр Валь-Жальбера. Он явился к Маруа в темно-синем костюме, белой сорочке и новом галстуке в тон.

— Месье кюре призвали к одру умирающего. Я говорю о старике Жюле Потвене, — пояснил он, поприветствовав семью. — Я с радостью его подменю. Я тоже хочу послушать нашего соловья, нашу местную знаменитость!

Эрмин покраснела. Жозеф был польщен комплиментом.

— Мне не хотелось бы, чтобы из-за нас... — начал он.

— Не беспокойтесь, Жозеф, я сделаю это с удовольствием. И я хочу пригласить вас на ужин.

Месье Маруа и мэр всю дорогу развлекали друг друга беседой. Сидя на заднем сиденье, Эрмин любовалась пейзажами. Симон решил покинуть Валь-Жальбер в понедельник вечером. Узнав об этом, девушка расстроилась. Она знала, что Жозеф будет вне себя от злости, а Бетти воспримет это как тяжелый удар. Атмосфера в доме станет гнетущей, и сколько это продлится — неизвестно... Чтобы отвлечься, она перечитала список песен. Среди них было две новых. Одну, «Белые розы», исполняла популярная французская певица Берта Сильва. Девушка стала повторять слова, едва шевеля губами.

15 воскресный чудный день для матушки родной
Букет из белых роз я принесу домой...
Когда скоплю монет и вырасту большой —
Все-все цветы куплю для матушки родной!

«Услышав эту песню, моя дама в черном расстроится, — думала девушка. — Для женщины, которая потеряла ребенка, должно быть, ужасно это слышать. Бетти разрыдалась, когда я репетировала. Но я не могу ее выбросить из программы, я не выучила ничего другого, а директор хочет новых песен. Он такой требовательный, этот господин директор! Ну ничего, закончив, я улыбнусь даме в черном. Она совсем не выглядит сумасшедшей. Я не видела, чтобы она вставала с места, хотя вокруг нее часто сидят девушки моего возраста...»

Мэр припарковал автомобиль перед отелем. Эрмин прижалась носом к стеклу: на одном из балконов она заметила черный силуэт. Сердце девушки забило быстрее. Эта женщина не шла у нее из головы. Ей очень хотелось увидеть ее вблизи, без черной вуали.

«У нас есть что-то общее, — часто говорила себе Эрмин. — Она потеряла дочь, а у меня нет ни отца, ни матери».

Жозеф чувствовал себя вполне комфортно в компании мэра. Они заняли столик недалеко от бара. Эрмин направилась напрямиком к эстраде. Пианист, Ханс Цале, поприветствовал ее с радостной улыбкой. И, как обычно, пробежал глазами список песен.

— Мы начнем чуть позже, мадемуазель, — предупредил он девушку. — Если желаете, можете погулять немного по саду.

— О нет, лучше я подожду здесь!

Похоже, ее ответ пришелся ему по душе.

— Значит, я буду иметь удовольствие побеседовать с вами, — сказал

он, опуская глаза. — Обычно вы появляетесь внезапно и так же быстро исчезаете.

Эрмин очень нравился этот еще молодой и очень деликатный господин. Он дал ей несколько весьма ценных советов. Поэтому она улыбнулась ему, а потом посмотрела в зал, где за столиками собрались гости.

— Ваш опекун сегодня вечером не сидит у барной стойки? — спросил Ханс.

— Он ужинает с нашим мэром, — ответила девушка.

— А, вот и мадам Шарлебуа! — воскликнул пианист. — Вы, наверное, обратили на нее внимание. Я говорю о вдове, которая живет в отеле с начала лета. Когда вы поете, я вижу, как она приподнимает вуаль и вытирает слезы — так ее волнует ваше исполнение!

— Это из-за дочери, — пояснила Эрмин тоном, которым обычно рассказывают истории с трагическим концом. — Вы наверняка слышали ее историю. Она вовсе не вдова. Ее дочь, моя сверстница, прошлым летом утопилась в озере Сен-Жан. Когда я об этом узнала, мне стало так жалко эту даму! Еще говорят, что она иногда ведет себя как сумасшедшая. Бедняжка!

Бледно-голубые, почти бесцветные глаза Ханса Цале расширились от удивления.

— Я работал здесь весь прошлый год и не слышал о том, чтобы юная девушка утопилась в озере, — сказал он уверенно. — В конце зимы один лесоруб решил пересечь озеро, но лед проломился, и несчастный погиб вместе со своей упряжкой.

— Да, я помню, — согласилась Эрмин.

— Мадам Шарлебуа шесть месяцев назад похоронила супруга, богатого промышленника из Монреала, довольно пожилого. Метрдотель узнал об этом от директора. И она такая же сумасшедшая, как вы и я. Как мне кажется, она скромна и хорошо образованна. Кто рассказал вам эту странную историю?

— Мой опекун, — призналась Эрмин и в ту же секунду ощутила смутную тревогу.

Выходит, Жозеф ей соврал. Невероятно!

«Зачем он рассказал мне это? Зачем? Он не хочет, чтобы я подходила к этой женщине. Но зачем придумывать страшную историю о мертвой девушке, которая на меня похожа?»

— Вы так бледны, мадемуазель! — обеспокоенно воскликнул пианист.

— Все хорошо, — вздохнула Эрмин. — Мой опекун предупредил,

чтобы я остерегалась этой женщины. Если ему верить, она принимает всех девушек моего возраста за свою оплакиваемую дочь. Выходит, он все придумал! Но зачем?

Ханс только развел руками.

— Увы, ничем не могу вам помочь, — сказал он. — Но я говорю правду. Мадам Шарлебуа вдова, и она вовсе не сумасшедшая. Персонал отеля любит посплетничать о клиентах, и если бы кто-то из постояльцев пережил такую драму, я бы обязательно об этом услышал.

Эрмин терялась в догадках. В характере Жозефа, бесспорно, были нехорошие черты: он легко впадал в гнев, был скупым и властным. И все-таки ей казалось, что он человек честный.

— Наверное, будет лучше, если я немного пройдусь, — сказала девушка.

— Но не долго, — напутствовал ее Ханс.

Эрмин кивнула в знак согласия и пошла прочь. Она намеренно прошла вдоль противоположной стены, как можно дальше от столика, за которым сидели ее опекун и мэр поселка. Жозеф был увлечен беседой и, похоже, позабыл о ней. На мгновение Эрмин остановилась.

«Чтобы узнать правду, мне придется найти даму в черном и заговорить с ней. Тогда-то и станет ясно, сумасшедшая она или нет».

Приняв решение, она стала искать глазами женскую фигуру в черном. Однако резной стул, на котором она обычно сидела, был пуст.

«Где бы она могла быть?»

Девушка прошла через зал и оказалась в просторном коридоре, украшенном зеркалами и комнатными растениями. Грум в красной ливрее спешил ей навстречу с радостной улыбкой на лице.

— Чем я могу вам помочь, мадемуазель? К вашим услугам! Вы так прекрасно поете!

Ведомая неизвестной силой, Эрмин решила пойти до конца. Она во что бы то ни стало поговорит с дамой в черном!

— Я хотела кое о чем вас спросить, — сказала она. — Скажите, пожалуйста, вы не видели здесь даму в трауре?

— Конечно, видел! Мадам Шарлебуа только что поднялась в свою комнату. Она забыла веер.

— Не могли бы вы сказать мне номер ее комнаты? — попросила девушка.

— Я думал, вы знаете, — удивился грум. — Месье, которые приезжает с вами, несколько раз заходил к мадам Шарлебуа. Она живет в шестьдесят пятом номере, на втором этаже. Идите прямо, потом свернете налево.

И грум указал на лестницу с широкими полированными ступенями. Эрмин охватили сомнения. С тех пор как девушка начала читать романы дня взрослых, она стала куда менее наивной.

«Жозеф тайком встречается с женщиной! Неужели это его любовница? И поэтому он не хочет, чтобы мы познакомились! Господи, бедная моя Бетти! Что было бы, если бы она узнала?»

Грум застыл на месте и смотрел на нее с нескрываемым восхищением. Смущенная Эрмин поспешила подняться по лестнице. Она быстро нашла аргументы, положившие конец подобным подозрениям.

«Нет, это невозможно. Жозеф бывает в Робервале только по субботам и никогда не выходит из ресторана. Здесь что-то другое! Тем хуже для него! Я постучу в дверь, а там будь что будет...»

Очень скоро Эрмин остановилась перед дверью, на которой висела золоченая табличка с номером 65. Пальцы девушки легко пробежали по дверному полотну. Сердце с удвоенной скоростью билось в груди. Во рту пересохло. Больше всего ей хотелось убежать. Собственная дерзость пугала Эрмин, но куда сильнее ее страшило предстоящее открытие.

Она дрожала всем телом, как если бы под ногами вдруг открылась устрашающая бездна. Способность мыслить логически покинула ее.

И вдруг дверь открылась.

В дверном проеме показалась красивая женщина с тронутыми сединой волосами, убранными в шиньон. На ней не было вуали. В черном платье, с жемчужным колье на белой шее, она, словно зачарованная, смотрела на Эрмин. Глаза ее были ярко-голубыми, а лицо поразительно напомнило девушке другое лицо — то самое, которое глядело на нее каждый день из зеркала в ее комнате в Валь-Жальбере. Если не считать нескольких мелких деталей, перед ней была ее копия.

— Эрмин! — воскликнула дама в черном. — Господи, какое счастье, что ты пришла! Значит, твой опекун наконец рассказал тебе обо мне? Входи, прошу!

Девушка пребывала в состоянии шока. Неужели правда то, что открылось ей секунду назад с такой очевидностью? Она отказывалась в это поверить.

— Но кто вы, мадам? — пробормотала она.

— Я твоя мать, Лора Шарден, вдова Шарлебуа. Входи же! Ты должна меня выслушать! Я так хочу, чтобы ты меня простила!

Она протягивала к девушке свою изящную руку, умоляла всем телом, всей душой. Эрмин сделала шаг вперед. Она едва держалась на ногах.

— Я видела вас во сне, мадам, — сказала она едва слышно. — Во сне я

называла вас мама. Мама...

У Эрмин потемнело в глазах. Она упала на руки Лоры Шарден и потеряла сознание.

Глава 10. Встреча после долгой разлуки

Девушка быстро пришла в себя. Ей показалось, будто все это происходило с ней раньше: щекой она прижималась к мягкой женской груди, нежные руки обнимали ее, чье-то теплое дыхание касалось лба. Все было в точности так, как в ее снах.

— Мама? — пробормотала она, открывая глаза.

Лора склонилась над ней так низко, что черты ее лица показались девушке поразительно четкими. Она крепко прижимала Эрмин к своей груди.

— Девочка моя, как я испугалась, когда ты упала! Боже, какая радость! Наконец-то ты пришла!

Они обе сидели на ковре, голова Эрмин покоилась у Лоры на коленях.

— Вы на самом деле моя мать? — спросила девушка.

— Конечно! Твой опекун должен был все тебе объяснить.

Эрмин покачала головой. Она была до такой степени взволнована происходящим, что не могла ни на чем сосредоточиться. Долгие годы она ждала этой встречи. Рядом с этой женщиной ей было так хорошо, что хотелось провести здесь весь вечер и даже всю ночь.

Лора тоже была вне себя от волнения и радости: она беззвучно плакала, поглаживая девушку по волосам и лбу. Иногда она целовала ее, касаясь губами то округлого плеча, то спины, то кончика носа. Лучше, чем слова, эти невесомые поцелуи, эта потребность в физическом контакте доказывали Эрмин, что мать никогда не переставала любить ее. Уверенность в ее любви пронизывала все существо, одновременно успокаивая и приводя в восторг.

— Моя любимая девочка! Спасибо, Господи, спасибо! — повторяла без конца Лора.

Эрмин крепче прижалась к ней и прошептала:

— Мне всегда казалось, что вы приедете за мной в Валь-Жальбер и это случится зимой, когда за окном будет падать снег... А сейчас еще лето, и вы живете в отеле. Значит, я ошибалась. Накануне праздника Богоявления я часто сидела у окна и ждала...

Эрмин говорила, словно в полубреду, однако ее слова открыли Лоре крошечный фрагмент из прошлого ее ребенка. Она представила Эрмин девочкой, ждущей ее прихода у окна монастырской школы, той самой, которую она видела по пути к Маруа.

— Ты можешь говорить мне «ты», ведь ты моя дочь! — воскликнула она.

— Я хотела сказать «вы, мои родители»...

— Давай пересядем на диван. Я не очень хорошо себя чувствую. Столько эмоций, столько счастья... Ты поймешь, когда мы сможем нормально поговорить. Надеюсь, ты меня простишь. Это всё моя вина, только моя!

Лора помогла девушке встать, однако, когда они устроились на диване, женщина не отпустила ее руки.

— Это очень запутанная история, Эрмин. Не знаю даже, с чего начать.

Девушка уловила нежный аромат цветущих роз, исходивший от черного платья и молочно-белой кожи ее вновь обретенной матери.

— Вы очень красивы, — с благоговением проговорила она. — И так элегантны!

— Это не важно, дорогая. И прошу тебя, будь посмелее, мне начинает казаться, что ты меня боишься. Я так рада, что наконец могу рассмотреть тебя, прикоснуться к тебе! Я называю тебя «моя дорогая», но хочу найти другие слова, лучшие! Если бы ты знала, сколько раз за последний год я повторяла это, ночью и днем! Моя дорогая, моя дорогая девочка!

Эрмин слушала, все еще не веря в реальность происходящего. Ей хотелось, чтобы Лора говорила снова и снова, тогда она могла бы лучше запомнить ее слова.

— Вы сказали «за последний год»... — пробормотала она едва слышно. — Но почему? Неужели раньше я была вам не нужна?

— Прошу тебя, не говори это «вы», оно леденит мне сердце! — взмолилась женщина. — Я все тебе объясню, пусть даже на это уйдут часы!

В это самое мгновение из коридора до них донеслись приглушенные мужские голоса. В дверь забухало сразу несколько кулаков, и все с разной силой.

— Мадам Шарлебуа, с вами желает поговорить один господин, — крикнул из-за двери грум. — Он хочет видеть мадемуазель, которая поет.

— Если она не выпустит Эрмин, я подам жалобу! — крикнул разъяренный Жозеф.

Жозеф и грум были за дверью не одни: директор возмущался поведением Жозефа, пианист Ханс Цале просил всех успокоиться.

— Боже, тебя ищут! — воскликнула Лора.

— Мое выступление! — испуганно вскричала Эрмин. — Я забыла о времени. У Жозефа будут неприятности!

Девушка всерьез испугалась. Ее с минуты на минуту разлучат с

матерью, а ведь им нужно еще столько сказать друг другу...

— Ничего не бойся, — успокоила ее Лора. — Никто не посмеет наказать тебя.

Она открыла дверь. Первым в номер ворвался месье Маруа.

— Вы! Вы! — повторял он, указывая пальцем на женщину. — Вы не держите своего слова! Я сказал вам не подходить к Эрмин! Подлая...

— Месье, держите себя в руках, — оборвал его директор. Он был в смокинге, лицо покраснело от гнева. — Не оскорбляйте мою клиентку. Что плохого в том, что она приняла мадемуазель в своем номере? Я не понимаю, в чем вы ее обвиняете. Устроить такой скандал в холле! Сохраняйте спокойствие, или мне придется принять меры!

Лора встала между Жозефом и Эрмин, словно желая ее защитить. Нахмурившись, она смотрела на Жозефа своими ярко-голубыми глазами, но обратилась не к нему, а к директору:

— Все в порядке, месье. Я мать этой девушки. Да-да, мать вашей певицы. Это долгая история. Я оставила ее младенцем, и супруга месье Маруа, ставшего ее официальным опекуном, была ее кормилицей. Сегодня мы наконец встретились после долгой разлуки.

Директор не сдержал удивленного восклицания.

— Она лжет! — вскричал Жозеф. — Да, она лжет! Она хочет прибрать к рукам эту бедную девушку, которая приняла ее слова за чистую монету!

Ханс Цале, удивленный не меньше директора, переводил взгляд с Эрмин на Лору и обратно. Их внешняя схожесть показалась ему достаточным доказательством.

— Глядя на них, любой поймет, что это мать и дочь, — негромко сказал он.

Но никто его не услышал. Ханс Цале пришел к заключению, грозившему перевернуть его мирную жизнь, в которой этим двум женщинам предстояло сыграть важную роль. Девушка была в белом, Лора — в черном. Поэт в душе, Ханс подумал, что дочь символизирует молодость и грацию, а мать — красоту, готовую увянуть под гнетом горя и тоски. У женщин были одинаковая посадка головы, похожие лица и легкие волнистые волосы...

«У этой красивой вдовы, наверное, в пятнадцать лет был такой же восхитительный цвет лица, как у ее дочери сейчас!» — думал он.

Лора вынула из сумочки какой-то документ и протянула его посетителям.

— Перед вами подлинное свидетельство о браке! В нем указано, что у супругов Шарден 15 декабря 1914 года в городе Труа-Ривьер родилась дочь,

названная при крещении Мари-Эрмин.

— Но это ничего не доказывает! — заявил побледневший Жозеф.

— Я так не думаю, — отрезал директор отеля.

— Мари-Эрмин перед вами. Она сама постучала в мою дверь, и я ждала ее визита с начала этого лета. Я побывала в доме семьи Маруа, получившей над ней опеку, сразу по приезде в Роберваль. Эти люди живут в Валь-Жальбере, там, где мы с мужем оставили нашу дочь на пороге монастырской школы, надеясь, что монахини позаботятся о ней. Я попросила мадам Элизабет Маруа рассказать моей дочери обо мне. С той же просьбой я обратилась и к месье Маруа. Я дала ему достаточно денег, чтобы возместить все расходы, которые он понес, воспитывая моего ребенка. Но он решил поступить по-своему! Он ничего ей не сказал! Ничего!

Голос Лоры сорвался. Грум напряженно слушал, стараясь не пропустить ни слова. Будет о чем посудачить с другими служащими в кухне и на всех трех этажах! Горничным эта история придется по душе, как и шеф-повару и его помощникам!

— Мадам, я огорчен тем, что услышал, — обратился к Лоре директор отеля. — Я могу вызвать полицию, если вы предпочитаете уладить это дело таким способом. Разумеется, раз мадемуазель — ваша дочь, она не обязана исполнять условия контракта. Клиенты потанцуют под музыку оркестра.

— Вы признаете ее правоту только потому, что у нее есть деньги и жемчужное кольцо! Потому что она щедро вам платит! — возмутился Жозеф Маруа, чувствуя, что преимущество явно не на его стороне. — Знайте, что эта женщина без угрызений совести бросила свою больную дочь! Свою годовалую дочь!

— Замолчите, Жозеф, — неожиданно пронзительным голосом сказала Эрмин. — Как вы с Бетти посмели так со мной поступить? Это доказывает, что вы никогда не любили меня. Я годами ждала, когда вернутся мои родители, но ни вы, ни Бетти не сказали мне, что моя мать приходила меня искать! Выйдите вон! Я вас презираю!

— Это было сделано для твоего же блага, Эрмин! — попытался оправдаться Жозеф. — Я не был уверен, что эта женщина говорит правду. Так же думала и Бетти. Как я мог позволить, чтобы первая попавшаяся женщина, объявив себя твоей матерью, заговорила тебе зубы? Мне нужны были доказательства. Из осторожности...

— Что ж, теперь у вас есть доказательства, месье Маруа. И будет лучше, если вы сейчас же покинете номер, — холодно сказал директор.

Жозеф обвел взглядом комнату. Пальцы его сжимались, как когти

хищника, готового схватить свою добычу. Увидев на угловом столике прекрасную китайскую вазу, он схватил ее и швырнул изо всех сил к ногам Лоры. Женщина не дрогнула.

— Я ухожу, но вам это просто так с рук не сойдет, — заявил он. — В этой стране есть законы, и они на моей стороне.

Рабочий вышел, в бешенстве хлопнув дверью. Висевшая на стене в рамке фотография озера Сен-Жан сорвалась с крючка и упала. Эрмин едва переводила дыхание. Предательство Элизабет и Жозефа Маруа взволновало ее до глубины души. По щекам ее катились крупные слезы.

— Мне очень жаль, что так получилось, дорогая, — шепнула ей Лора. — Я не могла больше молчать. Твой опекун кормил меня обещаниями, хотя теперь я думаю, что он не собирался их выполнять. Как не собирался говорить тебе, что я хочу с тобой увидеться.

Грум тихо выскользнул в коридор. Он видел и слышал достаточно. Директор жестом остановил его.

— Альбер, передай, чтобы в номер подали ужин на двоих. Мадам Шарлебуа скорее забудет о неприятном инциденте, наслаждаясь прекрасной едой в обществе своей очаровательной дочери. И принеси бутылку портвейна!

Лора поблагодарила его улыбкой.

«Было время, когда, повстречай меня этот любезный господин, он не дал бы мне и цента на хлеб, — с горечью подумала она. — Деньги слепят глаза, равно как и дорогая одежда, и драгоценности. А ведь все это не более чем блестящий фасад, за которым скрываются наши прегрешения и ошибки...»

Ханс подошел к Эрмин. Девушка не могла думать ни о чем, кроме постигшего ее разочарования. Она находилась в трех шагах от родной матери, однако это ее больше не радовало. Она сгорала от желания узнать, почему родители ее бросили, и в то же время жестоко страдала оттого, что сердце ее наполнилось ненавистью к Элизабет и Жозефу.

«Они не имели права!» — бесконечно повторяла она про себя.

— Мадемуазель, прошу вас, сегодня вечером вы должны спеть, — обратился к девушке Ханс. — Я понимаю, что после всего случившегося это будет нелегко. Но ведь люди приехали издалека, чтобы вас послушать. Каждую субботу за столиком в первом ряду сидит пожилая женщина, она восхищается вашим талантом. Я знаю это, потому что говорю о своей матери. Вы станете великой артисткой, я в этом уверен. А артист всегда выполняет условия своего контракта, даже когда это стоит ему огромных усилий. Спойте хотя бы три песни!

Эрмин прочла в грустном взгляде пианиста искреннюю просьбу. Она показалась ей более убедительной, чем ее горе.

— Вы правы, я должна петь, — согласилась девушка. — Но я не хочу встретиться с опекуном в зале ресторана...

— Я вас провожу. Он не осмелится скандалить. Разумеется, если ваша мать позволит... — предложил Ханс.

— Если Эрмин хочет петь, я буду счастлива ее послушать. Я сяду на свое обычное место. У меня словно камень с души свалился!

Директор кивнул. Он готов был одобрить любое решение, лишь бы оно устраивало одну из его лучших клиенток.

— Мое предложение касательно ужина остается в силе, мадам, — напомнил он и галантно поклонился.

— Благодарю, но я сама оплачу ужин, месье, — ответила женщина.

Ханс сделал Эрмин знак, что пора идти. Девушка испуганно посмотрела на мать. Лора подбодрила ее сияющей улыбкой. Она последовала за своей дорогой девочкой и на этот раз не стала надевать шляпку с вуалью.

* * *

Во время недолгого перехода от номера Лоры к эстраде ресторана Эрмин в немногих словах описала все, что случилось, Хансу Цале. Пианист сумел внушить ей доверие.

— Кто бы мог подумать, что все так сложится! — вздохнул он.

Одобрительный шум послышался в зале, когда девушка вышла на маленькую сцену. Она была тронута тем, что ее выступления ожидали, и даже польщена. Пальцы Ханса пробежали по клавишам, двое скрипачей взмахнули смычками, и над залом вознеслись первые аккорды песни «Палома».

Жозеф вернулся за свой столик. Он только что изложил мэру Валь-Жальбера свое видение дела, сделав упор на странном поведении Лоры Шарден как в прошлом, так и в настоящем. Рабочий был зол и разговаривал так громко, что сидевшая за соседним столиком дама потеряла терпение.

— Потише, месье! — сердито воскликнула она.

Мэр заметил напряженным шепотом:

— Дама права, Жозеф! Мы все это обсудим позже, по дороге домой. У Эрмин удивительный дар и ангельский голос!

Девушка спела «Золотые хлеба» и «О, Канада!», как того желал

директор отеля. Пение частично освободило ее от беспокойства и гнева, с корнем вырвав из сердца все страдания, которые она испытала за свою недолгую еще жизнь и которые пришла пора позабыть. Этим вечером голос снежного соловья звучал с такой силой, брал такие высокие ноты, что аудитория буквально вибрировала от восторга.

Последовал гром аплодисментов. Ханс, сидя за своим фортепиано, не сводил глаз с хрупкой фигурки в белом. Эрмин оказалась настоящим чудом, исключением из правил.

«Она могла бы выступать в Капитолии, в Квебеке, — думал он. — У девочки сопрано исключительной красоты! Поработав над техникой, она покорит весь мир!»

Заглядывая в будущее, музыкант видел театр Ла Скала в Милане, театр дела Моне в Брюсселе и нью-йоркский Метрополитен Опера. Рядом с девушкой он видел себя — человека, который направляет и строит ее карьеру.

Внезапно Эрмин торопливо подошла к нему.

— Месье Цале, я больше не могу! Я хочу закончить выступление. Мой опекун не сводит с меня глаз, делает мне знаки, чтобы я подошла. В глубине зала я вижу свою мать, ту, кого я привыкла называть «дама в черном». Понимаете ли вы? Моя мать! Я называю ее так, словно это нечто само собой разумеющееся, а ведь она много лет не интересовалась моей судьбой...

— Соберитесь с силами, мадемуазель, — тихо сказал ей Ханс. — Вы пели прекрасно! Закончите выступление, тем более что осталась всего одна песня. Потом я вам советую выслушать своего опекуна. И обязательно еще раз поговорите с матерью. У меня нет четкого представления о ситуации. Однако узнать правду нужно обязательно.

Их разговор не остался незамеченным. Дирижер дважды кашлянул, адресуя певице и ее аккомпаниатору недвусмысленные взгляды.

— Она ни слова не сказала о моем отце, — добавила Эрмин едва слышно. — Почему?

— Спросите у нее сами, — ответил Ханс. — А теперь нужно спеть последнюю песню.

Девушка еще раз дала себя уговорить. Она вернулась к рампе и посмотрела сначала на Жозефа, потом на Лору. Но, к великому ее изумлению, Ханс последовал за ней. И звонким голосом четко объявил:

— Песня, которую сейчас исполнит для вас снежный соловей, пользуется огромной популярностью во Франции. В нашей стране она пока мало известна, но вам обязательно понравится. «Белые розы»!

Эрмин поблагодарила его улыбкой. Заиграл оркестр. На первых словах припева голос девушки задрожал.

В воскресный чудный день для матушки родной
Букет из белых роз я принесу домой...

Она остановилась, задыхаясь. Мысли вихрем закружились в голове, но тут же чудесным образом все встало на свои места.

«Я ее нашла, мою милую мамочку! Я молилась всей душой, и вот она пришла! Как в моем сне! Остальное не имеет значения, все наладится. Потому что моя мать вернулась!»

Публика затаила дыхание, все взгляды были прикованы к губам снежного соловья, который наконец снова запел. Многие женщины утирали слезы. История маленького мальчика, который несет розы своей умирающей матери, не могла не растрогать их сердца.

Эрмин поклонилась и вернулась к фортепиано. Жозеф, за которым следовал мэр, бросился к ней. Он схватил девушку за запястье, но не грубо.

— Мимин, крошка, не дай ввести себя в заблуждение! — сказал он, с неодобрением покосившись на пианиста. — Поверь, если я и запрещал тебе подходить к Лоре Шарден, то только для того, чтобы ты не расстраивалась понапрасну. Ведь что выходит? Богатая женщина в трауре заявляет, что ты — ее дочь, и мы должны ей поверить на слово? Ты меня знаешь, я не из доверчивых. Господин мэр меня понимает. Как бы то ни было, пока что я твой опекун. И я считаю тебя своим ребенком, а мои сыновья любят тебя, как сестру. Не забывай и о нашей Бетти. Она тоже испугалась, когда приехала эта дама и стала заявлять на тебя свои права.

— Жозеф по-своему прав, — поддержал опекуна мэр Валь-Жальбера. — Нельзя отрицать того факта, что эта дама бросила тебя на произвол судьбы, когда ты была годовалой крошкой. Нужно проявить осмотрительность. Почему она вдруг заинтересовалась тобой именно сейчас? Она производит впечатление дамы состоятельной. Тем более это не делает ей чести — бросить ребенка и на долгие годы забыть о нем!

Девушка не могла больше этого слушать. Ханс Цале отодвинул обоих мужчин.

— Не сбивайте мадемуазель с толку, — сказал он. — Чего вы боитесь? Я немного узнал характер мадемуазель Эрмин и полагаю, что она способна вынести свое собственное суждение.

— Да! — подхватила девушка. — Я хочу поужинать со своей матерью.

Она пообещала все мне объяснить.

— Ты немедленно вернешься домой! — вспыхнул рабочий. — Приедешь сюда в другой день!

Собравшиеся говорили на повышенных тонах. Лора бесшумно подошла к группе и теперь молча слушала. И не она одна — рядом стояли два официанта и директор отеля. Сидящие за ближними столиками клиенты тоже наострили уши.

— Жозеф, я не поеду домой сегодня, — сказала Эрмин. — Во-первых, я очень сердита на вас с Бетти. Во-вторых, у меня есть право провести вечер с матерью, потому что я, в отличие от вас, точно знаю, что это действительно моя мать. А спать я лягу на диванчике.

— Будет лучше оставить ее здесь, Жозеф, — вмешался мэр. — Я готов завтра привезти вас сюда, чтобы вы могли всё уладить. Идемте, мой друг. А тебя, Эрмин, от души поздравляю! Ты поешь великолепно! Bravo! Bravo!

Лора решила, что пришло время действовать. Она подошла к девушке и ласково обняла ее за талию.

— Не беспокойтесь, месье Маруа, завтра мы с вами встретимся снова.

Жозеф повернулся и направился к выходу. Мэр последовал за ним. Эрмин сразу же почувствовала себя лучше. Присутствие опекуна с определенного момента стало для нее невыносимым.

— Поднимемся в мой номер, — предложила Лора. — Ужин уже подали.

— Желаю вам приятного аппетита! — сказал Ханс.

Он стоял и смотрел им вслед. Эрмин улыбнулась ему, прежде чем уйти. И эта исполненная надежды улыбка сделала ее лицо еще более очаровательным.

«Настоящая фея! — думал пианист. — Фея света! Такая миниатюрная, такая легкая! И такая голубоглазая!»

Ханс Цале вздохнул. Он был влюблен.

* * *

Эрмин казалось, что она очутилась в ином, непривычном мире. Комната Лоры была просторной, обстановка поражала своей роскошью. Девушка с любопытством рассмотрела желтые бархатные шторы на атласной подкладке, мягкий ковер и инкрустированную мебель. Накрытая шелковистым покрывалом кровать показалась ей огромной.

— У тебя нет с собой другой одежды? — спросила у нее мать.

— В машине мэра я забыла свою шерстяную шаль. Я укрываюсь ею на обратном пути, вечером прохладно.

— Я дам тебе что-нибудь более удобное, чем это шелковое платье.

Лора, казалось, взяла себя в руки, хотя нервозность еще ощущалась в каждом ее жесте. Она открыла платяной шкаф и достала юбку из легкой струящейся ткани, блузку с длинными рукавами и трикотажный жилет.

— Вот, держи. Можешь переодеться за ширмой. Очень жаль, но у меня вся одежда черного цвета.

Эрмин с восхищением рассматривала круглый столик с белой скатертью. Блюда были накрыты колпаками из серебристого металла. Посуда и столовые приборы сияли. На девушку неожиданно накатила новая волна страха.

«Я совсем не знаю эту женщину, мою мать, — подумала она. — Она говорит со мной так, словно мы вместе много дней, но ведь мы ничего не знаем друг о друге! Когда она обнимала меня, я чувствовала, что она любит меня. Но теперь...»

Лора села за стол и пригубила бокал вина. Несколько предстоящих часов обещали быть мучительными, она это знала.

«Господи, только бы она смогла понять! Я так торопилась поговорить с ней, и вот теперь мне страшно, так страшно! И я никогда не смогу рассказать всей правды...»

Девушка вышла из-за ширмы. Лицо ее было бледным, щеки пылали. В черной одежде она выглядела еще более хрупкой.

— Давай поужинаем, моя дорогая! Ты, должно быть, проголодалась и хочешь пить. О себе могу сказать, что с удовольствием что-нибудь съем!

— Я тоже выпью портвейна, — сказала Эрмин. — Совсем чуть-чуть, чтобы расслабиться.

— О-ля-ля! Разве твои сверстницы пьют вино? — шутливо отозвалась молодая женщина. — Но ты права, нужно отметить нашу встречу.

В молчании они отведали тостов с черной икрой и говяжьего жаркого с поджаренным луком. Эрмин впервые попробовала столь изысканную и вкусную пищу. Щеки ее покраснелись от вина. Она наконец начала получать удовольствие от этих мгновений, казавшихся почти нереальными.

— Если бы кто-то сказал мне, — начала она робко, — что я буду ужинать со своей матерью, элегантной дамой, в роскошном отеле в Робервале, я бы никогда не поверила!

— Я тоже, — отозвалась Лора. — Если бы мне рассказали, когда я сошла с корабля в Квебеке двадцать лет тому назад, сколько счастья и горя ждет меня на этой земле, я бы тут же вернулась на судно. Я приехала в

Канаду из Бельгии, это страна в Европе. Я родилась в городке Рулер [\[45\]](#). Это промышленный город, в двадцати милях от Северного моря. Моя семья переехала туда из Брюсселя. Тебе о чем-нибудь говорят эти названия?

— Конечно, я учила географию в монастырской школе. Я была прилежной ученицей, потому что жила с сестрами.

Эрмин ответила довольно сухо. Она заранее приготовилась к тому, что рассказ матери доставит ей огорчение. Выходило, что ее предки по материнской линии не были канадцами. Что ж, она восприняла это спокойно, решив отложить на потом вопросы о своих корнях.

— Ты тоже о многом должна мне рассказать, — сказала Лора. — Хочешь чего-нибудь на десерт? Например, торт с черникой?

— У нас, на озере Сен-Жан, говорят не торт, а пирог. Спасибо, я уже наелась.

— Эрмин, что с тобой? Ты кажешься сердитой. Расстроилась, узнав, что я родилась в другой стране? Но в Канаде очень много эмигрантов. И пожалуйста, называй меня «мама» хотя бы время от времени. Для меня это огромное удовольствие.

Они обменялись погрузневшими взглядами.

— Жаль, что ты не можешь снова назвать меня так, — вздохнула Лора.

— Когда я очнулась от обморока, я сказала «мама», потому что не совсем понимала, что со мной, — пыталась оправдаться девушка.

— Я понимаю... Так вот, однажды июньским утром я сошла на берег в порту Квебека. Мои отец и мать недавно умерли от туберкулеза. На свете у меня остался единственный близкий человек — старший брат Реми, он работал на заводе в городке Труа-Ривьер. Он прислал мне денег на дорогу. Я бы ни за что не решилась сама отправиться за океан, но перспектива жить рядом с Реми меня радовала. Мой брат был добрым, серьезным, не имел вредных привычек. Увы! Когда я пришла на бумажную фабрику, один из мастеров сказал, что мой брат совсем недавно погиб в результате несчастного случая. Я была в отчаянии. Я чувствовала себя потерянной в этой огромной чужой стране. У меня не было ни знакомых, ни жилья, потому что я намеревалась на первых порах жить вместе с братом.

Эрмин слушала молча, не сомневаясь в правдивости рассказа, и сердце ее сжималось, потому что в голосе матери звучала неподдельная боль. Лора между тем продолжала:

— Я всюду просила помощи, искала работу, которая могла бы меня спасти. В одном отеле меня наняли горничной и выделили мне каморку под лестницей, где я могла спать. Я была голодна, постоянно голодна... Платили мне сущие гроши. Но однажды я повстречала Жослина Шардена.

Твоего отца.

Лора встала и выключила люстру, оставив только декоративную лампу под золотистым абажуром.

— Жослина Шардена! — повторила Эрмин. — Высокий, с бородой, он был траппером, правда?

— На момент нашего знакомства он еще не был траппером. Но откуда ты знаешь, что он им стал? Тебе рассказали об этом монахини?

— Да, сестра-хозяйка. А я его видела во сне, вместе с тобой. Мне часто снился один и тот же сон: мужчина правит собачьей упряжкой, а в санях сидит женщина и укачивает меня в своих объятиях, целует, и я называю ее мамой...

— То, что ты говоришь, удивительно, дорогая! Люди говорят, что в Канаде происходят невероятные вещи, и виной этому ледяные зимние ветры, огромные просторы и не нашедшие покой души индейцев...

— Расскажи мне о моем отце! — взмолилась Эрмин.

— Он работал бухгалтером в одном учреждении и был очень экономным человеком. Но не это привлекло меня в нем. Жослин был красив — темноволосый, сильный, воспитанный и галантный. Я полюбила его с первых дней, когда он стал за мной ухаживать. Мы говорили о литературе, о живописи, о том, что я изучала еще в Бельгии. Он очень скоро предложил мне стать его женой, и я согласилась. У нас было все для счастья — деньги на счету в банке, квартира. Через год у нас родился ребенок — прекрасная маленькая девочка с белоснежной кожей и голубыми глазами, которая сучила ножками и ручками и лепетала чуть ли не с рождения. Это я выбрала тебе имя — Мари-Эрмин. Мари — чтобы ты всегда пребывала под защитой Святой Девы Марии. Имя Эрмин пришло мне в голову, когда я вспомнила о роскошной мантии, которую носили французские короли. Позднее я увидела зверька, который называется так же и такой же беленький и подвижный, как ты. Я увидела горностаю в лесу, среди лиственниц, на берегу озера. И я очень обрадовалась, что выбрала тебе такое имя.

Девушка опустила голову. Она смотрела перед собой невидящими глазами и представляла Лору двадцать лет назад, влюбленную в красивого парня по имени Жослин. Они обожали друг друга и, конечно же, так же сильно любили свою дочь.

«В одном месте рассказа я солгала, — подумала Лора, — но девочка еще так невинна! Как я могу открыть ей мою постыдную тайну, мой позор?»

— Наши неприятности начались, когда мною увлекся один опасный

человек. Я не хочу рассказывать тебе о нем, хватит того, что он стал меня преследовать. То, что я вышла замуж, его не остановило. Дважды на улице он настигал меня и целовал при всех. Я не осмеливалась признаться в этом твоему отцу. Он мог жестоко расправиться с моим обидчиком. Он был очень ревнив. Но я имела неосторожность рассказать о моей беде соседке, которая тут же все выложила Жослину. Я помню, что он сказал мне тогда: «Лора, если этот человек еще раз к тебе прикоснется, я могу его убить. Будет лучше, если мы уедем из города. Если я окажусь в тюрьме, что станет с тобой и дочкой?»»

По телу Эрмин пробежала дрожь. Она позабыла о роскошно убранной комнате отеля и о сладости черничного пирога, кусок которого так и остался лежать на тонкой фарфоровой тарелке. Каждое слово матери уносило ее все дальше в прошлое, о котором она ничего не знала и которое наконец разворачивалось перед ней, словно живописное полотно.

— Я поняла, что для Жослина этот инцидент стал поводом, чтобы круто изменить жизнь. Он маялся, сидя целыми днями в своей конторе; атмосфера города угнетала его. В Труа-Ривьер бурно развивалась промышленность, но твой отец мечтал о широких просторах и о свободе. Он говорил мне, что будет лучше, если ты вырастешь в лесах, на свежем воздухе. Он купил собак, сани и все, что нужно для кочевой жизни. Даже палатку из непромокаемой ткани. У нас были свободные деньги, это облегчало задачу. В первую нашу зиму Жослин снял домик на окраине Тадуссака. Ты была такой маленькой, моя дорогая... Я боялась холода и волков. Но эти зимние месяцы были самыми счастливыми в моей жизни. Твой отец сражался со стихиями: возвращаясь из лесу вечером, он показывал мне свои трофеи. Бедный, он так хотел преуспеть! Следующим летом я случайно узнала, что он покупал шкурки у других трапперов, более опытных, чем он сам. Дорогой Жослин, он не был создан для такой суровой жизни... Я бы с удовольствием выпила чаю. Сейчас закажу!

Лора прошла через просторную комнату к двери и потянула за шнурок. Скоро постучал глум и спросил, чего желает мадам. Через несколько минут он вернулся, неся поднос с серебристым чайным сервизом и двумя китайскими фарфоровыми чашками.

— Мне это не нравится, — сказала Эрмин. — Юноше пришлось бежать, чтобы принести все так быстро!

— Но так будет постоянно, если ты захочешь останавливаться в роскошных отелях, — возразила мать. — Когда я жила в лесу, в хижине лесоруба, я бы тоже рассмеялась, скажи мне кто-то, что я буду жить в этом отеле — элегантная и богатая дама, такая же, как те, которых я видела в

Брюсселе в годы своей молодости.

Девушка молчала. Лора хотела пошутить, но голос ее звучал так грустно, что она не знала, смеяться ей или плакать. Она также чувствовала, что мать намеренно затягивает разговор, боится вспоминать тот день, когда она согласилась оставить свое дитя на пороге монастырской школы.

— А что было потом, мама?

Лицо молодой женщины посветлело. Она дрожащей рукой поднесла чашку к губам и сделала глоток.

— Потом? Наше счастье разлетелось на кусочки, Эрмин. Лето мы провели все там же, под Тадуссаком. Ты была прекрасным ребенком, и растить тебя было одно удовольствие. В октябре твой отец решил вернуться в Труа-Ривьер, чтобы продать шкурки и забрать деньги из банка. Во всем я виновата! Я так часто просила его обосноваться в каком-нибудь поселке! Я хорошо шила, Жослин получил прекрасное образование. Я думала, что мы сможем заработать себе на жизнь. Жослин принял решение продать сани, оставив себе собак. Он мысли не допускал о том, чтобы расстаться с ними, особенно с Бали — прекрасным псом, похожим на волка. Мы вернулись в город и сняли комнату в отеле, планировали уехать через два дня. В первый же вечер мы оставили тебя под присмотром хозяйки отеля и отправились поужинать в ресторан. Но этот ресторан мы выбрали не случайно — именно там мы ужинали тет-а-тет в день нашей свадьбы. Когда мы возвращались в гостиницу, на улице к нам подошел мужчина. Это был тот самый человек, о котором я тебе говорила. Все произошло очень быстро, эта сцена до сих пор стоит у меня перед глазами. Он сгреб меня в охапку, ударил, а потом поцеловал. Я потеряла сознание. Когда очнулась, Жослин почти нес меня на себе, и ноги мои тащились по каменной кладке гостиничного двора. «Я убил его, Лора! Я его убил! — повторял твой отец. — Нужно бежать! Быстрее!»

Сердце Эрмин билось так, словно хотело выпрыгнуть из груди. Во рту пересохло. Она с недоверием смотрела на мать.

— Неужели это правда? Он убил его? — едва слышно спросила она.

— Да, но позже он объяснил, что это был несчастный случай. Они подрались, и этот человек упал на спину и ударился головой о камни мостовой. Напрасно Жослин пытался привести его в чувство. Он был мертв, а я лежала в нескольких шагах без сознания. Знала бы ты, какая нас охватила паника! Мы быстро запрягли собак, стараясь как можно меньше шуметь. Ты спала среди подушек в плетеной корзинке. Я успела переодеть тебя и тихонько поблагодарила хозяйку за ее доброту. Мы уехали до наступления полуночи, сходя с ума от страха. На Жослине лица не было, он

вел себя как сумасшедший. Мне даже казалось временами, что рядом со мной незнакомец. Когда мы останавливались вечером, он отказывался разжигать огонь и все время был начеку, ни на секунду не выпускал из рук ружья. Я умоляла его сдаться полиции, объяснить, что произошло, но он отказывался.

Лора замолчала. Она плакала. Растроганная Эрмин погладила ее по руке.

— Выпей немного вина, — предложила она — Я понимаю, тебе тяжело рассказывать мне об этом.

«Тяжело врать тебе, моя дорогая, — думала женщина. — Я-то прекрасно знаю, почему Жослин отказывался. Он хотел уберечь меня от бесчестия, от людского осуждения...»

Лора заговорила снова:

— Твой отец боялся тюрьмы. Ему была невыносима мысль, что мы с тобой останемся одни в целом мире. К сожалению, он не успел ни забрать деньги из банка, ни продать шкурки.

Эрмин кивнула. В ее голове кусочек за кусочком складывался пазл [\[46\]](#), а она очень любила эту игру. Она понимала, что, когда все фрагменты займут свое место, передней появится картинка ее собственной истории.

— Одна из монахинь, сестра-хозяйка, говорила, что меня нашли завернутой в меха на пороге монастырской школы, — сказала девушка.

Лора сжала ладони и тихонько раскачивалась из стороны в сторону.

— Это я посоветовала сделать так, дорогая, — сказала она. — Но мы пока еще до этого не дошли. Знай, что, когда мы убегали, я не понимала, каким опасностям тебя подвергаю. В конце октября начались снегопады. В ноябре день ото дня становилось все холоднее. Я кормила тебя, как могла, но ты все равно худела. Я носила тебя за пазухой, чтобы тебе было теплее. Я представить не могла, как мы переживем длинную канадскую зиму в лесу, без настоящей крыши над головой. Если Жослину удавалось по пути найти заброшенную хижину лесорубов, мне казалось, что я очутилась в настоящем дворце. В хижинах мы могли наконец развести огонь. И тогда я поила тебя разведенным в теплой воде сухим молоком. Я никогда и никому не рассказывала об этих страшных месяцах, мне больно вспоминать об этом. Твой отец сильно изменился. Перестал за собой следить, стал суровым и замкнутым. Ночью часто просыпался с криком: «Я убил его!». Я теряла последние силы. Однажды мне удалось уговорить Жослина заехать в небольшой поселок. Он продал несколько шкурок, и мы смогли нормально поесть. Но через несколько дней я заболела. Меня сжигал страшный жар, ужасно болела голова. У меня не было сил ухаживать за

тобой. Твой отец делал это вместо меня с неловкостью, которая меня умиляла. Но скоро ты тоже заболела, и я чуть не сошла с ума от горя. Жослин был уверен, что мы заразились оспой, а это ужасная болезнь. У меня по всему телу пошли красные пятна, и я очень ослабела, даже не могла подняться на ноги. Мне казалось, что жар у тебя не спадает. Я была уверена, что скоро тебя потеряю. Ты не улыбалась, а все время спала и стонала во сне. К счастью, на нашем пути попала хижина. Ночью я услышала звон колоколов. Значит, где-то поблизости была церковь. Я снова стала умолять твоего отца пойти попросить о помощи и сдаться властям. Я мечтала о том, чтобы мы с тобой оказались в тепле, в хорошей постели...

— Это была церковь Валь-Жальбера? — спросила Эрмин, хотя заранее знала ответ.

— Да. На следующее утро Жослин ушел и, когда вернулся, рассказал, что видел поселок возле большого водопада. Он выглядел более жизнерадостным, чем раньше. Я смутно помню его рассказ. Еще в свою бытность бухгалтером он читал в газете, как строился этот поселок, что в нем есть целлюлозная фабрика, рабочие получают хорошую зарплату и живут в самых современных домах. Несмотря на мое тяжелое состояние — а я была в полубреду от жара, — я стала просить его устроиться здесь на работу под вымышленным именем. Он отказался под предлогом, что он вне закона, он — пария. Мне неприятно говорить об этом, но в тот момент я его ненавидела, потому что он не думал о том, какой опасности нас подвергает. И тогда случилось самое страшное. Твой отец завел долгий разговор. Из его слов следовало, что мы можем спасти тебе жизнь, только оставив тебя на попечение монахинь в Валь-Жальбере. Он поклялся, что видел в поселке монастырь и сестер в черных одеждах и белых платках. Я не соглашалась. Но я чувствовала, что умираю. Приступы кашля разрывали мне грудь. Глядя на тебя, тоже можно было подумать, что ты при смерти.

Лора налила себе стакан портвейна и выпила его залпом. Ее красивое лицо было белым как полотно. Глаза наполнились слезами, и она даже не смотрела на дочь.

— Мне не следовало соглашаться, — проговорила она едва слышно. — Или нужно было потребовать, чтобы он оставил на монастырском крыльце нас обеих. Господи! Как я горько пожалела о своем решении, пожалела в тот же вечер, когда он вернулся без тебя! Я без конца рыдала, и мне так хотелось оказаться под крышей монастыря, рядом с тобой!

— Мама, успокойся! — воскликнула девушка.

— Дорогая, я должна была остаться с тобой, никогда тебя не оставлять... Склоняясь над колыбелью, я мечтала о твоей счастливой

судьбе... Боль расставания оказалась слишком сильной: мой разум не перенес удара. Очень скоро я потеряла память. Я упрекаю себя, упрекаю твоего отца. Даже сегодня...

С этими словами Лора снова встала и стала мерить шагами комнату. Эрмин не смела пошевелиться и только следила глазами за измученной угрызениями совести женщиной. Внезапно она вскочила со стула и подбежала к матери.

— Ты нашла меня, мама! Не грусти! Я вас прощаю, тебя и моего отца. Слышишь, я вас прощаю! Вы были так несчастны!

Лора обняла ее. Прижимать дочь к себе, вдыхать аромат ее молодого здорового тела было для нее величайшей радостью. Она поцеловала девушку в щеку, потом в лоб.

— Я хочу, чтобы ты знала: я любила тебя больше всего на свете. Мне всегда хотелось иметь детей, потому что я вместе с родителями похоронила двух своих маленьких братьев и трех сестричек. Как только я смогла прижать тебя к груди, такую красивую и совершенную, я полюбила тебя больше, чем самое себя, хотя ничем не заслужила такого счастья. Сама я достойна только презрения...

Последние слова матери озадачили Эрмин. Она погладила ее по плечу и сказала мягко:

— Я не могу понять одного... Это касается моего отца. Пускай он убил того человека, но кто знал об этом? Кто видел, как они дрались? Откуда он мог знать, что его ищет полиция?

— В этих краях от людей ничего не скроешь. Тем более что в Труа-Ривьер Жослина хорошо знали. И того, другого, тоже. Все знали, в чем причина их вражды. Я не хочу об этом говорить.

Мать и дочь вернулись за стол. Лора посмотрела на бронзовые часы, украшавшие каминную полку.

— Скоро полночь! Но мне совсем не хочется спать. А тебе?

— Мне тоже не хочется, — заверила мать Эрмин. — Я хочу знать, что было дальше. Ты потеряла память! Когда? Почему?

— Об этом в двух словах не расскажешь, — со вздохом сказала молодая женщина. — Недавно один доктор сказал мне, что глубокое горе или другое сильное эмоциональное переживание могут спровоцировать амнезию. Это медицинское название потери памяти. Поправившись, я смогла привести в порядок некоторые свои воспоминания: я помнила свою жизнь до расставания с тобой, эпизодами — после, но некоторые периоды оставались неясными. Например, я не помнила дни, которые последовали за тем вечером, когда твой отец завернул тебя в меха, чтобы ты не замерзла,

и оставил на пороге монастыря. Он заметил, что одна из сестер вышла по делам, и дожидался ее возвращения. Та самая, что нашла тебя.

— Ее звали сестра Мария Магдалина, — уточнила Эрмин. Голос ее дрожал от волнения. — Это был ангел, сошедший с небес на землю. Она умерла в эпидемию испанского гриппа. Она хотела вернуться к мирской жизни и удочерить меня.

— Я знаю, — едва слышно отозвалась Лора. — Не думай, что случайность привела меня к Маруа в начале лета. Я часто вспоминала Валь-Жальбер, поэтому решила разузнать о поселке побольше. Мои поиски привели меня в Шикутими, к сестрам Нотр-Дам-дю-Бон-Консей. Там я познакомилась с очень пожилой монахиней, сестрой Аполлонией. Она была первой настоятельницей монастыря.

— Это была монастырская школа, — поправила ее девушка.

— Да, но твой отец этого не знал.

— Значит, ты говорила с сестрой Аполлонией? — нетерпеливо спросила Эрмин. — Я прекрасно ее помню. Она была доброй. Строгой, но доброй.

— Я многое узнала благодаря этой святой женщине, — согласно закивала Лора. — Она отнеслась ко мне тепло и с пониманием, и это от нее я узнала, что ты жива, прилежно училась в школе и что Господь наградил тебя прекрасным голосом. Еще я узнала, что некий господин Жозеф Маруа стал твоим официальным опекуном, когда сестры насовсем уехали из Валь-Жальбера. Мне не терпелось повидаться с тобой, но я не знала, как ты меня встретишь. Сестра Аполлония все повторяла, как ты ждала возвращения своих родителей, и я подумала, что ты на меня сердисься и не захочешь видеть.

— Но что стало с моим отцом? Где он? Из разговоров я поняла, что ты была замужем второй раз. Он умер? Жослин умер?

— Об этом мне ничего не известно, дорогая, — ответила молодая женщина. — Это трагедия моей новой жизни, ибо я считаю, что начала жить заново, когда вновь обрела память. Я Лора Шарден, которая, будучи восемнадцати лет от роду, уехала из Бельгии в Канаду и там вышла замуж за Жослина, своего возлюбленного. Та Лора, которая родила маленькую девочку — тебя...

Эрмин посмотрела в окно. Сквозь натянутую в проеме белую сетку в комнату не проникали комары и другие насекомые, но ей удалось разглядеть спокойную поверхность озера Сен-Жан и мириады звезд на темно-синем небе.

— Но что произошло? Мама, почему ты потеряла память?

— Это случилось не сразу. Мы оставили тебя в Валь-Жальбере, и я все время плакала. Твоему отцу это решение тоже далось очень тяжело. Я помню метель, помню хижину, в которой жила супружеская пара. Они приютили нас, но надолго ли — не помню. Я все время спала и видела тебя во сне. Какая-то женщина давала мне пить. Потом, похоже, мы поехали дальше, и мне было очень холодно, я хотела есть... Единственное, что я помню из этих дней — это ощущение ужаса. Потом я вижу себя идущей рядом с мужчиной, высоким и крепким, но это не твой отец. Я помню до мелочей свою жизнь в Бельгии, свою встречу с твоим отцом Жослином, нашу любовь, твое рождение, но о том времени — ничего. Это можно сравнить с попыткой проникнуть сквозь запертую дверь.

— А когда ты шла с тем мужчиной, ты уже потеряла память? — спросила Эрмин.

— Да! Воспоминания о тебе стерлись из моего разума, моего сердца. Я не помнила ни тебя, ни Жослина. Я оказалась в больнице. Медсестры делали мне уколы, наверное, я была беспокойной. Меня лечили, как лечат сумасшедших, невменяемых. Мне прописали сильнодействующие успокоительные препараты и заперли в палате. Один молодой доктор заинтересовался моим случаем. Каждое утро он задавал мне вопросы. Позже он показал мне отчеты, в которых описывал процесс лечения. Приехав в Монреаль (больница, в которую я попала, была в Монреале), я говорила доктору о своем брате Реми так, словно он все еще был жив. Мы провели ночь без сна, и я начала понемногу вспоминать детали. Этому доктору по имени Овид Шарлебуа стало жаль меня. Он решил по воскресеньям забирать меня из больницы. Я обедала с ним и его супругой, очаровательной молодой женщиной. Они оба умерли в эпидемию испанского гриппа, когда жена доктора Шарлебуа ждала малыша...

К тому времени я познакомилась с отцом Овида, Фрэнком Шарлебуа, богатым промышленником. Он год носил траур по своему сыну и невестке, а потом взял меня в жены. Фрэнк был на тридцать пять лет старше меня. С ним я чувствовала себя защищенной, у меня появились роскошный дом и прислуга. Благодаря ему я смогла улучшить свое образование, научилась вести себя как леди из высшего общества и говорить, как они. У нас родился сын, Жорж, но ему не суждена была долгая жизнь. Перед родами меня осмотрела акушерка. Я слышала, как она пробормотала под нос, что это не первый мой ребенок. Я возразила, и она не стала настаивать.

Лора выпила воды. Эрмин заметила на ее красивом лбу крохотные жемчужинки пота.

— Мама, ты не обязана рассказывать мне все это. Если подумать, меня

это не касается. Но что же стало с моим отцом?

— Подожди, дай мне закончить, — взмолилась Лора. — Я понимаю: то, что я говорю, не предназначено для ушей невинной девушки, но акушерки в таких вещах не ошибаются. Я была поражена и взволнована этим открытием. Роды прошли плохо. Пуповина обвилась вокруг горла малыша, и он задохнулся. Доктор попытался его реанимировать, но на следующий день Фрэнк похоронил своего новорожденного сына.

— Как давно это случилось? — взволнованно спросила Эрмин.

— В двадцать седьмом году... Мне было так плохо, что я больше не хотела детей. Что до моего бедного супруга, то он стал угасать на глазах. Смерть маленького Жоржа стала для него сильным ударом. Я же думала только о том, что сказала акушерка. Я знала, что не помню многого из своей прежней жизни, и не могла найти покоя, терзаясь мыслью о том, что где-то растет мой ребенок, рожденный от мужчины, которого я, без сомнения, любила. Но память оставалась закрытой.

И вот в прошлом году на Рождество случилось то, чего никто не ожидал. Муж преподнес мне, среди прочих подарков, чудесную муфту из горностаевого меха. Фрэнк обожал меня. Заказывал мне платья в Париже, дарил драгоценности. Одному Господу известно, почему ему пришло в голову подарить мне эту горностаевую муфту. Я сидела возле елки в большой гостиной и перебирала подарки, как вдруг мои пальцы коснулись чего-то мягкого и шелковистого. Я долго рассматривала муфту, потом сунула в нее руки. Мне она очень понравилась. «Мех горностае! — сказал Фрэнк. — Этот зверек все реже встречается в наших лесах». Я гладила мех, прижимала его к лицу, повторяя про себя это слово — «горностае». Потом я вдруг заплакала, тело мое сотрясала дрожь. Мне показалось, что еще мгновение — и я умру на месте. Едва слышно я повторяла: «Белый горностае, белый горностае...» И вдруг, как во сне, я увидела лицо мужчины. Он смеялся и прижимал к груди ребенка. В сознании всплыло имя — Мари-Эрмин... Знала бы ты, моя дорогая, как странно это было... Я попыталась описать свое состояние Фрэнку. Словно передо мной была картина в рамке с матовым или запотевшим стеклом, и я пыталась очистить его, чтобы увидеть хотя бы фрагмент картины. У меня получилось. Если так можно выразиться, я постепенно очищала это стекло, и другие фрагменты полотна появлялись один за другим. Фрэнк пристально наблюдал за мной. Спрашивал, что со мной происходит. И я ответила ему: «Я вспомнила! Я уже была замужем. И у меня была дочка по имени Мари-Эрмин».

Девушка внимательно слушала. Рассказ матери она находила

одновременно увлекательным и грустным.

— Фрэнк очень рассердился, я никогда не видела его в таком состоянии. Он вырвал муфту у меня из рук и бросил ее в камин. Я не находила смысла в этом поступке. Мне показалось, что он хотел сжечь мое прошлое — то прошлое, которое занимало все больше места в моих мыслях. Он допрашивал меня с таким пристрастием, словно я была преступницей. Хотел знать, где мой первый муж, но я не могла ему ответить. Мы сильно поссорились. В свою защиту скажу, что, беря меня в жены, он знал, что я потеряла память.

На следующий день он успокоился. Пришел наш семейный доктор, и я говорила с ним более двух часов. За ночь ко мне вернулось многое из того, что я забыла. Это были мучительные часы. Без труда я подсчитала, что тебе, моей дочке, уже пятнадцать. И я, твоя мать, прожила в разлуке с тобой четырнадцать лет. Я предложила Фрэнку развестись. Я полагала, что это будет достойное решение в такой сложной ситуации. К тому же я хотела снова стать свободной, хотела найти вас, Жослина и тебя, но особенно тебя. Фрэнк согласился, но неделю спустя умер у меня на руках. Его сердце не выдержало всех этих волнений. Какая ирония судьбы! Я осталась вдовой с солидным состоянием. Об остальном ты догадываешься. Я нашла тебя и решила остановиться на лето в этом отеле... Дорогая, я очень устала. Давай ляжем на кровать.

Лора встала, хрупкая, но сильная. Не дожидаясь ответа дочери, она легла на кровать и положила голову на подушку. Потом грациозным движением сбросила свои атласные туфельки. Эрмин тоже чувствовала себя усталой. Долгая исповедь матери вызвала в ее душе массу противоречивых эмоций.

С робкой улыбкой она прилегла рядом с матерью, и та сразу же притянула ее к себе.

— Теперь мы можем говорить сколько угодно долго, я и ты. Время у нас есть. Я намеренно не стала вдаваться в подробности. А ты, мое дорогое дитя, еще ничего не успела рассказать мне о своем детстве под строгим надзором монахинь, о своей жизни у Маруа...

— А мой отец? — грустно спросила Эрмин. — Ты правда не знаешь, что с ним случилось?

— Нет! Может, он все еще прячется на севере страны, в лесах. А может, он умер. Я все же думаю, что его нет на свете. Иначе как он мог меня оставить? Но он оставил. Когда и где? Я не могу вспомнить. А ведь он так меня любил! Что-то с ним произошло, скорее всего, несчастный случай.

На Эрмин снизошло внезапное озарение. Приподнявшись на локте,

она заглянула в лицо Лоре.

— Мама, ведь его могла задержать полиция! Ты везде искала?

— У меня достаточно денег для таких поисков. Я звонила в мэрии всех крупных городов, в больницы, в полицейские участки, в тюрьмы. Но никто не мог мне сказать, что случилось с высоким черноволосым Жослином Шарденем. Я сама съездила в Труа-Ривьер. Представь себе, деньги Жослина до сих пор лежат в банке. Там же хранилось и наше свидетельство о браке.

Лора коснулась губами лба дочери, погладила ее по волосам.

— Ты здесь, со мной, и это самое главное, моя маленькая Эрмин!

Девушка вздохнула. Она посмотрела в глаза своей матери, которые были так близко, и сказала:

— Мама, я думаю, что отец исчез, когда ты потеряла память, когда тебе было холодно и голодно. Сделай усилие! Люди, которые вас приютили, кто они? И кто был тот мужчина, который отвез тебя в Монреаль? Ты должна вспомнить его имя, имя его жены... Были ли у них собаки, дети? И в какой местности это случилось?

Молодая женщина смежила веки, словно прячась от пронизывающего взгляда девушки.

— Я пыталась десятки раз, дорогая. Но ничего не выходит. Хотя нет, я помню, что Жослин говорил о Перибонке. Однажды я это вспомнила. А теперь я очень устала.

— Перибонка! — повторила Эрмин. — Ты говоришь о реке Перибонке? Но она очень длинная!

— Я это знаю. Отец хотел подняться вверх по течению и поселиться в отрогах гор Отиш. В середине зимы! Это было все равно что перейти через белую пустыню! — вспомнила Лора.

— Сестра Викторианна, хозяйка, любила поговорить, — начала Эрмин. Ей было приятно, что можно рассказать матери что-то о своем детстве. — Она часто заставляла меня повторять то, что я выучила по географии. Поэтому я знаю, что на берегах Перибонки, в песках, нашли золотоносные жилы.

На этот раз пришел черед Лоры: молодая женщина села на постели и прислонилась к спинке кровати. Красивое лицо озарилось радостью.

— Дорогая, ты сказала «золотоносные жилы»? Да, теперь я вспоминаю, что мужчина, который отвез меня в больницу, был золотоискателем! Если бы только вспомнить его имя! Он-то точно знал, что случилось с твоим отцом. Я так хочу найти Жослина! Пойми, то, что я потеряла память, все еще довлеет над моей жизнью. Это, если верить

врачам, случается с людьми нечасто. Иногда мне кажется, что я только вчера рассталась с твоим отцом. Я любила его всем сердцем и до сих пор тоскую о нем. Увы! Если бы он все еще был жив, кто-нибудь знал бы, где он и что с ним. Особенно служащие банка, в котором хранятся его сбережения, мне так кажется.

Эрмин взяла руки матери и сжала их в своих ладонях. Ей в голову пришла поразительная идея, но это просто не могло быть правдой...

— Мама, у этого золотоискателя была жена, она давала тебе пить. Можешь ее описать?

— Нет, я не помню, — сокрушенно ответила Лора.

Между тем Эрмин думала о Тошане Дельбо, своем возлюбленном, своем будущем супруге. Он намеревался сесть на корабль и поплыть вверх по Перибонке, к матери-индианке, которая жила одна в хижине. Эрмин также не забыла, что его отец, золотоискатель, погиб прошлой зимой. Совпадение казалось невероятным, но ведь говорил же Тошан о невидимых дорогах, которые приводят друг к другу тех, кому суждено встретиться...

— Будет лучше, если мы поспим немного, дорогая, — сказала Лора. — Завтра нам предстоит трудный разговор с твоим опекуном. Нам нужно хорошо подготовиться.

Эрмин никак не могла решиться. Она задумчиво кивнула, соглашаясь. Она не осмеливалась произнести фамилию Дельбо. Если мать ее не вспомнит, теория о невидимых путях разлетится вдребезги.

— Мама, послушай! Я слышала об одном золотоискателе, который жил на берегу Перибонки. Его звали Дельбо. В Валь-Жальбере я познакомилась с его сыном, Тошаном. Его мать — индианка.

Голос девушки дрогнул от удовольствия, когда она произносила имя «Тошан». Лора это заметила.

— Дельбо... Дельбо... — повторяла молодая женщина. И вдруг добавила: — Анри Дельбо! Ну конечно, именно так — Анри Дельбо! Дорогая, благодаря тебе у меня появился шанс найти Жослина, твоего отца. Ты права, у них был сын, черноволосый и смуглый мальчик, который меня сторонился.

Девушка прижалась к ней. Ей было жаль огорчать мать.

— Нужно будет расспросить жену Анри Дельбо. Потому что сам он утонул в реке. Мне очень жаль.

Лора еще нежнее обняла девушку и осыпала ее лоб благоговейными поцелуями.

— Конечно, мы поедem к ней, если найдется кто-нибудь, кто сможет указать нам дорогу, например этот Тошан, с которым вы познакомились. А

теперь тебе нужно поспать, уже очень поздно. Это первая ночь, когда мы вместе после пятнадцатилетней разлуки. Ты уже не ребенок, но я люблю тебя так же сильно, как и раньше. Я могла бы целовать тебя до рассвета. Я так счастлива здесь с тобой, бесконечно счастлива...

— Я тоже счастлива, мамочка! — прошептала Эрмин, пряча лицо на плече у молодой женщины.

Эта правда, она уже не ребенок, но, окутанная теплотой материнского тела, убаюканная его запахом, она погрузилась в блаженство, чудесным образом похожее на ощущение абсолютного счастья, которое она испытывала в своих снах.

— Мама, мамочка, — пробормотала она. — Наконец-то ты вернулась! Ты ведь не оставишь меня, скажи?

— Не думай об этом, моя дорогая девочка, — ласково сказала Лора. — Я не оставлю тебя, если жизнь нам это позволит.

Сон смежил веки девушки, и последних слов матери она уже не слышала...

Глава 11. Решение

На следующий день в Робервале

Обычно Эрмин вставала рано — привычка, которая появилась еще в те времена, когда она жила с монахинями. Поэтому, открыв глаза и увидев, что солнце уже стоит высоко в небе, она удивилась. В комнате пахло горячим кофе и поджаренным хлебом.

— Мама? — позвала она, увидев, что рядом на кровати никого нет. Девушка собралась с мыслями. Нет, на этот раз это был не сон.

Всю ночь она спала рядом со своей матерью, в ее нежных объятиях.

— Я уже села завтракать, — сказала Лора. — Так приятно смотреть на тебя спящую! Я очень давно не ела с таким аппетитом. В эту ночь я все время просыпалась и говорила себе: «Она здесь, моя дорогая девочка, рядом со мной!»

Девушка села на постели. Она протерла глаза и обвела взглядом роскошную комнату, оформленную в зеленых и розовых тонах.

— Как странно проснуться здесь, — призналась она матери.

— Как проходит твое утро в Валь-Жальбере? Вчера вечером я не дала тебе возможности рассказать о себе.

— В это время я давно на ногах, потому что встаю с рассветом. Первым делом я даю сено корове и нашей лошади, Шинуку. Потом пою их. Затем я варю кофе для Жозефа и Бетти. Потом поднимаюсь к Эдмону, он в семье самый младший. Это очень милый мальчик, он любит меня, как старшую сестру. Затем я иду в монастырскую школу и помогаю мадемуазель Алис, учительнице, наполнить чернильницы и растопить печку, если в классах холодно. Убираю после уроков тоже я. Уборка в доме Бетти — еще одна моя обязанность. Но я не жалуясь, я понимаю, что должна возмещать им то, что они на меня тратят.

Вспомнив о чете Маруа, Эрмин вспомнила и об их предательстве. Она вздохнула.

— То, что Жозеф мне врал, меня не удивляет, но Бетти!.. Она всегда относилась ко мне с материнской теплотой, я ей доверяла. Вчера я очень на них рассердилась. Сегодня я уже не сержусь, но вспоминать об этом больно...

Лора нахмурилась. Подтверждались многие ее опасения. Между семьей Маруа и ее дочерью существуют не только официальные отношения

опекающих и опекаемой, но и прочная эмоциональная связь, и с этим придется считаться.

— Ты много работаешь, дорогая, — заметила она. — В придачу ко всему тебе приходится постоянно репетировать.

— Я так люблю петь, что это мне не в тягость. Я репетирую в каньоне, мы ходим туда с Шарлоттой.

Эрмин встала. Пригладив волосы руками, она села за стол. Количество пищи поразило ее.

— Но этого хватило бы на шестерых! — воскликнула она.

Здесь были и кексы, политые кленовым сиропом, и золотистые тосты, и бриоши, и креманки с разными сортами варенья, и масленка, и кувшинчики с молоком и сливками... Рядом с кофейником и сахарницей стоял чайник.

— Апельсиновый джем очень вкусный, — сказала Лора. — Ешь, дорогая. Кто такая Шарлотта?

Девушка налила себе кофе и взяла бриошь.

— Этой девочке восемь с половиной лет. Ее родители снимают дом у главной дороги. Шарлотта постепенно теряет зрение. Похоже, это болезнь. Ее мать больше не может ходить, поэтому о девочке забочусь я. Она приходит в школу слушать уроки, ведь читать книги не может.

— Это очень благородно с твоей стороны, дорогая. У тебя доброе сердце. И доказательство тому — то, что ты меня простила.

Эрмин ласково улыбнулась матери. При свете дня она заметила морщинки в уголках ее глаз и седые пряди в волосах. И все же молодая женщина казалась ей очень красивой.

— Мама, я всегда любила тебя, даже не зная! А со вчерашнего вечера люблю еще сильнее!

— О, как приятно это слышать, — прошептала Лора, и ее глаза наполнились слезами умиления.

Оживленная и грациозная, она подбежала к Эрмин, чтобы обнять и поцеловать ее. Потом, улыбаясь от переполнявшей ее радости, вернулась на свое место.

Эрмин и Лора взяли по тосту, намазали их маслом и вареньем. Через открытые окна в комнату проникали шумы города — рокот автомобильных моторов, лай собак, сигналы клаксонов. Издалека донесся гудок парохода.

— Роберваль — приятное курортное местечко, — внезапно сказала Лора. — Тебе так не кажется? Недалеко от этого отеля сейчас строится церковь [\[47\]](#). Думаю, она будет очень красивой. Я часто гуляю по берегу озера, выхожу на мост. В ветреный день можно бесконечно долго смотреть

на волны... Это напоминает мое путешествие через Атлантику. Я твердо знала, что в Квебеке меня ждет мой брат...

— В твоей жизни было немало грустных моментов, — сказала Эрмин.

— Ты права. Но скоро все изменится. Изменится благодаря тебе, твоим улыбкам и ангельскому голосу! Знаешь, пока ты спала, я пыталась хоть что-нибудь вспомнить об этом старателе с берегов Перибонки. Но у меня ничего не вышло. Счастье, что ты назвала мне его имя. Расскажи, как ты познакомилась с Тошаном, сыном этого человека?

Эрмин покраснела. Проклиная про себя свою эмоциональность, она сделала вид, что вспоминает.

— Я возвращалась от мадам Мелани, а он катался на катке за местным отелем. Я услышала, что кто-то насвистывает, и решила пойти посмотреть. Мы немного поговорили. На следующий день мы встретились возле сахароварни Жозефа. Потом, в начале лета, Тошан зашел в поселок, и мы снова поговорили.

Лора, конечно же, отметила про себя волнение девушки. Она еще раз восхитилась красотой этого юного лица.

— Я полагаю, это красивый юноша?

— Скорее, он не такой, как все, — ответила девушка. — Но он симпатичный, это правда.

Они замолчали. Каждая на какое-то время погрузилась в собственные мысли, которыми ни с кем не хотелось делиться. Лора не решалась задать прямой вопрос, понимая, что застенчивой девушке будет непросто на него ответить. И в то же время она боялась того момента, когда ее дитя начнет задавать ей вопросы, на которые не хотелось бы отвечать. Поэтому она решила на упреждающий маневр.

— Я полагаю, что вчера вечером недостаточно объяснила тебе некоторые эпизоды своей жизни, — наконец сказала молодая женщина. — Я очень волновалась. Хочу, чтобы ты знала: Фрэнк был вдовцом, когда мы поженились. Он был богат, и, зная имя моего брата, которое я, к счастью, не забыла, получил из Бельгии мою карточку гражданского состояния.

— Тебе, наверное, было грустно выходить за такого пожилого человека?

— У меня не было выбора, — вздохнула Лора. — И я ни о чем не жалею.

— А мой отец? — спросила девушка. — Это ведь он написал ту записку, которую нашли сестры? Однажды вечером сестра-хозяйка показала ее мне. Мне было приятно ее прочитать. Я говорила себе, что мои родители прикасались к этому клочку бумаги... Единственное связующее

звено между моими родителями и мной... В ней говорилось, что меха — задаток за мое содержание. Почему так? Вы планировали вернуться?

— Жослин пообещал мне, что так и будет. Он уговаривал оставить тебя у монахинь и поклялся, что, если я пойду на поправку, следующим летом мы вернемся в Валь-Жальбер и заберем тебя. У меня был жар, и я плохо понимала, что происходит, но эти его слова помню прекрасно.

Эрмин кивнула. Последний тост она намазала апельсиновым джемом, откусила кусочек и сделала недовольную гримаску.

— Мне больше нравится черничное варенье. Мама, я подумала вот о чем: у моего отца должны остаться родственники в Труа-Ривьер, верно? Ты к ним ездила?

— Его родители жили там, — очень тихо ответила Лора. — Но я видела их только раз в жизни.

— Мои дедушка и бабушка! Как я хочу с ними познакомиться! Пойми, я всегда мечтала иметь семью, настоящую семью!

Молодая женщина ответила не сразу. С озабоченным видом она смотрела на свою чашку.

— Ты должна знать, моя девочка, что Шардены были против нашего с Жослином брака. Жослин был старшим в семье. У тебя есть тети и дяди, но где они живут, я не знаю. Я прекрасно помню те дни когда я носила на пальце кольцо, подаренное Жослином в честь помолвки. Мы часами сидели у реки, в тени верб, и разговаривали.

У Жослина было две сестры и трое братьев. Все его родственники были очень набожными, ревностными католиками.

На последних словах голос Лоры дрогнул. Эрмин встревожилась.

— Но почему они не хотели, чтобы вы поженились? — спросила она.

— По их мнению, я была Жослину не пара. Они считали меня слишком кокетливой — меня, у которой имелось только одно платье на все случаи жизни! У этих людей были жесткие принципы. Жослин порвал с ними. Он очень сильно любил меня. Я думаю, из-за своего воспитания, из-за религиозных воззрений он так остро переживал тот факт, что стал причиной чьей-то смерти, пусть даже случайно...

Но теперь, дорогая, давай поговорим о будущем. Когда я приехала па встречу с сестрой Аполлонией, меня представили также сестре Элалии, последней настоятельнице монастырской школы. Перед этой женщиной я чувствовала себя ужасной грешницей. Она показалась мне строгой, жесткой в суждениях. Мне было стыдно за то, что я оставила тебя ребенком, я чувствовала себя виноватой. Но мне очень хотелось узнать, что с тобой стало. Сестра Элалия попыталась убедить меня, что у Жозефа

Маруа, который стал твоим официальным опекуном, больше прав на тебя, чем у меня, недостойной матери. По крайней мере, до твоего совершеннолетия.

Во взгляде Эрмин ясно читалось отчаяние.

— Ты хочешь сказать, что я еще много лет должна жить у Жозефа?

— Может, и нет, дорогая. Фрэнк часто обращался к услугам одного адвоката, своего друга. С моими деньгами я смогу получить над тобой опеку. Но ради этого мне придется многих посвятить в свою историю...

От девушки не укрылось необъяснимое замешательство матери, которая поспешила добавить:

— Многие, не задумываясь, осудили бы меня. Я вышла замуж повторно, не имея доказательств, что мой первый муж умер. Кто поверит в то, что я потеряла память? Это преступление — иметь двух живых мужей одновременно. В Монреале меня уже пытались выставить интриганкой. Я имею в виду этих снобов, родственников Фрэнка...

— Снобов? — повторила Эрмин, которая услышала это слово впервые.

— Сноб — это человек, который судит о других людях в зависимости от их положения в обществе. Он ценит только тех, кто богат и имеет связи.

— Ты знаешь такие слова! Наверное, много читала?

— Надо же было чем-то занимать себя в долгие часы безделья в роскошном доме семьи Шарлебуа! Ты сама увидишь, как там красиво! У меня трое слуг — кухарка, садовник и горничная.

Девушка досадливо поморщилась. Эта сторона жизни матери приводила ее в замешательство. Она была бы куда больше довольна, если бы ее вновь обретенная мать оказалась скромной фермершей или работницей какой-нибудь фабрики. Она смутно догадывалась, что стиль жизни Лоры Шарден, столь далекий от ее собственного, повлечет за собой пересмотр жизненных ценностей, внушенных ей монахинями и обусловленных ее личной врожденной скромностью и добротой. Эрмин предвидела, что с Маруа у Лоры возникнет немало разногласий, и уладить их будет нелегко.

— Несмотря ни на что, ты моя мать, — сказала она.

— Да, я — твоя мать и сделаю все, чтобы жить поближе к тебе.

Эрмин встала, подошла к окну и оперлась локтями на тщательно отделанный подоконник. Солидное здание отеля «Château Roberval» располагалось на перекрестке улиц Сен-Жозеф и Марку. Вокруг, насколько хватало глаз, тянулись дома. По мостовой стучали конские копыта. Этот звук напомнил девушке о Шинуке, который наверняка утром ждал ее прихода. Потом она подумала об Эдмоне, который в последнее время

полюбил играть мячиком, ударяя им о стену пристройки. Лицо мальчика, окруженное светлыми кудряшками, унаследованными от матери, возникло у нее перед глазами.

«А готова ли я уехать из Валь-Жальбера? — спросила себя Эрмин. — Расстаться с Шарлоттой, с мадам Мелани, Эдмоном, Шинуком? С моей Бетти?»

Девушке почудился бальзамический аромат хвои, которым полнится поселок в теплые летние дни. Она закрыла глаза, и перед ее мысленным взором возник водопад на реке Уиатшуан в сверкающей дымке водяной пыли...

«Мой водопад, такой прекрасный, такой мощный! Его песня — самая дикая в мире, но я уже по ней скучаю...» — думала девушка.

Лора молча наблюдала за дочерью, не решаясь нарушить ход ее мыслей. Эрмин вздохнула.

«А Тошан? Он пообещал, что вернется будущим летом. Если я уеду в Монреаль, город, который наверняка слишком велик для меня, я никогда больше его не увижу. Он подумает, что я о нем забыла. Мама тоже хочет с ним увидеться. Мы должны его дожидаться...»

После недолгого раздумья Эрмин пришла к выводу, что это даже к лучшему — год подождать. У нее будет время сделать правильный выбор. Если она выйдет за Тошана, то будет свободна. Эта мысль ее обрадовала.

— Мама, нужно договориться с Жозефом. Мне не хочется возвращаться к нему домой, но это потому, что я все еще злюсь на него. Маруа были так щедры ко мне в это Рождество! Они подарили мне электрофон и диски с ариями из оперетт! И диск Ла Болдюк. Хотя мне не очень нравятся ее песни.

— Мне тоже, — согласилась Лора. — Хотя нельзя отрицать, что эта женщина умеет поднять настроение беднякам, которых экономический кризис довел до крайней нужды.

— Да, это так, — отозвалась девушка.

Кто-то постучал в дверь. Оказалось, что это Альбер, грум с веснушчатым лицом. Почтительно поклонившись, он протянул Лоре небольшой чемоданчик.

— Господин, который был здесь вчера, попросил передать это для мадемуазель Эрмин. Этот месье со спутником ожидают вас в маленьком салоне.

И грум многозначительно посмотрел на хозяйку номера. Молодая женщина дала ему на чай и закрыла дверь.

— Дорогая, приехал твой опекун. А мы еще ничего не решили.

— Я уже решила, мама! — сказала Эрмин, открывая чемоданчик.

В нем она нашла стопку аккуратно сложенной одежды. Бетти выбрала для нее голубую саржевую юбку, желтую блузу с короткими рукавами и полотняные туфли. В матерчатой сумочке лежали щетка для волос, маленький флакон одеколona и конверт.

— Мадам Маруа передала тебе записку? — с любопытством спросила Лора.

Эрмин вполголоса быстро прочла:

«Дорогая Мимин, прости меня. Я не осмелилась противоречить Жозефу. Он не доверял твоей матери. Я хотела сказать тебе правду. Симон, Арман, Эдмон и я — мы все тебя крепко целуем».

— Боже, Симон! — воскликнула девушка.

В очередной раз столкнувшись с фактом, что она почти ничего не знает о жизни своей дочери и о людях, которые ее окружают. Лора расстроилась. Однако она была готова к борьбе. Ей хотелось доказать, что теперь, рядом со своим ребенком, она прекрасно справится с ролью матери.

— Симон? Насколько я понимаю, это старший сын Маруа. Монахини рассказывали мне о нем. Он твой сверстник.

— Он на полгода меня старше, — отозвалась Эрмин, сбрасывая черные одежды, которые мать дала ей накануне. — Прошу тебя, не выдавай наш секрет! Симон завтра собирается уйти из дома. Он не может работать с отцом. Он и отца терпеть больше не может. Это правда, Валь-Жальбер совсем опустел, и там нет никаких развлечений. И есть еще одна причина: Жозеф хочет поженить нас с Симоном. Только об этом и мечтает. Сколько раз он заводил разговор о том, как будет замечательно, когда я стану мадам Маруа и у меня появится своя семья...

— Ты любишь этого парня? — спросила Лора. — И он тоже тебя любит?

— Нет, совсем нет, — ответила девушка. — Мы просто выросли вместе, как брат с сестрой.

На Эрмин была только перкалевая комбинация. Она как раз собиралась надеть юбку и блузку. Мать поспешно отвернулась. Эрмин стояла перед ней, такая женственная и изящная, с маленькими, но восхитительно округлыми грудями...

«Она почти взрослая, — с сожалением подумала Лора. — Как бы мне хотелось находиться с ней рядом, когда она была маленькой девочкой — в

три годика, в шесть, всегда-всегда...»

— Ты уверена, что Симон решил уйти из дома, чтобы избежать нежелательного брака? — с удивлением спросила Лора. — Но, как бы то ни было, ему не следует так поступать. Для его матери, Элизабет, это будет большим горем. И для Жозефа тоже. Господи, ведь этому мальчику еще нет семнадцати! С ним может случиться все, что угодно!

— Мама, умоляю, ничего не говори его родителям! Я понимаю Симона. Ему нужна свобода, нужны приключения. Я знаю, что у него есть сбережения и он рассчитывает найти работу на одном из больших кораблей, которые плавают по реке Святого Лаврентия.

Теперь Эрмин была готова предстать перед Жозефом и мэром. Лора поправила прическу и накинула на плечи сиреневую шелковую шаль.

— У меня не было времени переодеться. Это платье помялось, ведь я внем спала. Что ж, тем хуже! Эрмин, подожди минутку. Ты ведь собираешься вернуться в Валь-Жальбер...

Молодая женщина что-то искала в своей сумочке. Наконец она протянула дочери визитку.

— У Фрэнка был корабль, который развозил клиентам продукцию его завода. Сейчас всеми делами занимается управляющий. Вот его визитка, пусть Симон зайдет к нему и скажет, что он от меня. Управляющий даст ему работу.

Из той же сумочки Лора достала ручку и написала несколько строк на обороте карточки. Потом поставила подпись. Изящество, с которым она все это проделала, зачаровало Эрмин.

— В Монреаль он может приехать на поезде. Это безопаснее, чем колесить по дорогам.

— Он так и думал, мама. Спасибо тебе!

— Ну вот, я соучастница побега из дома! Это мне совсем не нравится. Теперь твой Симон хотя бы знает, куда пойти, но ты должна сохранить в тайне этот мой поступок. Я еще раз повторяю, что мне затея с побегом не нравится. С тех пор как ко мне вернулась память, мне больно вспоминать о том, что твой отец исчез. Стоит мне увидеть на улице в Робервале высокого и темноволосого мужчину с бородой, как у меня сердце обрывается...

Эрмин поцеловала Лору. Поцеловала в первый раз. До этого момента она принимала материнские поцелуи, но не отвечала на них.

— Я еще не слишком стара для роли твоей матери, несмотря на мою седину? Ее я унаследовала от отца, он начал седесть с двадцати пяти лет. А мне уже тридцать восемь.

— Ты очень красивая, мама! — заверила молодую женщину Эрмин. —

Хорошо, что ты теперь рядом. Мне кажется, что ты защитишь меня от любой беды.

Лора задумчиво улыбнулась. Взяв дочь за руку, она сказала:

— Пора! Нужно поговорить с твоим опекуном.

Они вышли в коридор.

— Что я должна ему говорить? Что я остаюсь жить с ними? Но, если ты вернешься в Монреаль, мы больше не будем видеться. Мне бы так хотелось, чтобы ты жила в Валь-Жальбере!

Лора замерла, словно пораженная внезапным озарением.

— Конечно! Ты права! Я рассчитывала снять квартиру в Робервале, но, если я поселюсь здесь, ты не сможешь приезжать ко мне так часто, как захочешь. К тому же в Валь-Жальбере многие дома пустуют, верно? Я поговорю об этом с мэром. Не сомневаюсь, что он будет рад сдать мне жилье. Я предложу за аренду хорошие деньги или, если понадобится, куплю дом. Эрмин, тебе в голову пришла великолепная идея!

— Ты можешь купить дом так просто, не задумываясь о цене? — удивилась она. — Это будет просто чудесно!

— Нужно попробовать, — отозвалась Лора. — Если бы только получилось переехать до Рождества... Тогда бы мы с тобой нарядили огромную елку... Сейчас в продаже столько изысканных елочных украшений!

Энтузиазм матери и ее речь, свойственная богатым дамам из высшего света, смущали девушку. Лора легко давала волю своим чувствам и этим сильно отличалась от Бетти и других жительниц Валь-Жальбера. До встречи с матерью Эрмин видела перед собой совсем другие примеры — сдержанных жен и матерей, которые никогда не выставляли свои эмоции напоказ.

«Интересно, узнал бы ее сейчас мой отец Жослин? — думала девушка. — Наверняка мама совсем не похожа на ту молодую эмигрантку, которая приехала из далекой Бельгии без единого су в кармане!»

— Знаешь, я все-таки хотела бы написать своим дедушке и бабушке Шарден, — сказала девушка, меняя тему разговора. — У них нет причин относиться ко мне плохо. Я крещена, серьезна и знаю много религиозных гимнов.

Эта идея не особенно обрадовала Лору. Она остановилась и крепко сжала руку девушки.

— Прошу тебя, дорогое дитя, не делай этого. Я не хочу, чтобы наши жизненные пути снова пересеклись. Пойми, твой отец убил того человека, который меня преследовал. Кто-нибудь мог видеть это из окна. И если имя

Жослина связали с убийством, его родителям пришлось уехать из тех краев, потому что в противном случае они бы умерли от стыда. Мы не стали сообщать им о твоём рождении. Хотя, может быть, они догадывались, что я беременна, но дитя, которое я ждала, их не интересовало.

Выслушав эту горькую тираду, Эрмин кивнула. Однако ее в который раз посетила смутная мысль, что мать не говорит ей правды. По крайней мере, всей правды...

* * *

На Жозефе были рабочие брюки и жакет из хлопчатобумажной ткани в шотландскую клетку. Он был без шляпы и с небритым подбородком. Его внешность типичного рабочего диссонировала с изысканной обстановкой красно-золотого салона «Château Roberval».

Мэр Валь-Жальбера, одетый с большей элегантностью, бросал удрученные взгляды на его грубые ботинки, оставившие в машине комья засохшей грязи.

— Господа! — Лора поприветствовала месье Маруа и мэра кивком.

Появился грум с кофейным сервизом. Директор приказал ему присутствовать при разговоре и сообщить немедленно, если дело вновь обернется скандалом.

— А, вот и ты, Мимин! — воскликнул Жозеф, вставая с кресла. — Ты какая-то бледненькая сегодня! Бетти славно придумала, передав тебе одежду!

Он старался говорить ласково. И даже попытался обнять девушку, но она отшатнулась.

— Понимаю, ты все ещё сердисься, — виноватым тоном сказал он. — По я не так уж виноват перед тобой, Мимин. Да, я поступил плохо, но я боялся тебя потерять. И Бетти тоже боялась. Я говорил себе, что она этого не переживет. Не нужно было так делать, тут я с тобой согласен.

Понуривав голову, он вернулся за круглый столик, сел и взял печенье из вазочки с выпечкой, которую подали к кофе. Мэр решил, что пришел его черед вступить в разговор:

— Жозеф — человек достойный, мадам, — сказал он, обращаясь к Лоре, которая подняла на него свои лазурно-голубые глаза. — Он рассказал мне о своих опасениях. Что вы рассчитываете предпринять относительно будущего вашей дочери?

— Еще во время нашей первой встречи я сказала месье Маруа, что

желаю одного — рассказать Эрмин, при каких обстоятельствах нам, ее родителям, пришлось с ней расстаться. Теперь она все знает. У нее доброе сердце, и она сумела меня простить. Я не имею намерений оспаривать решение властей, предоставивших право опеки месье и мадам Маруа.

Мэр с изумлением посмотрел на Жозефа.

— Вы видите, все устраивается само собой, друг мой!

— Это правда, то, что вы говорите? — спросил рабочий. — Вы не станете пытаться увезти ее на край света? Наша Мимин будет жить с нами! Так и было задумано с самого начала. Я ее опекун до совершеннолетия или до того дня, когда она выйдет замуж.

Он сделал ударение на последнем слове. Лора вспомнила, что говорила ей дочь об их предполагаемом союзе с Симоном. Значит, брак в самом деле был частью плана, который помог бы господину Маруа полностью поработить девушку. Но она пока еще не понимала, зачем ему это нужно. Хотя... Может, этот человек, которого она сочла грубым и недалеким, действительно рассчитывает обогатиться благодаря таланту ее дочери?

— Все это мне известно, месье Маруа, — холодно сказала она. — Я хочу одного — чтобы мой ребенок был счастлив. Эрмин очень привязана к членам вашей семьи и к вам, ведь вы вырастили ее и были к ней очень добры. И ей нравится жить в Валь-Жальбере. Думаю, мне тоже там понравится.

Эрмин постаралась сохранить серьезное выражение лица. Говоря словами Симона, ее мать только что подложила Жозефу огромную свинью. Она украдкой посмотрела на рабочего. Тот раскрыл рот от неожиданности. Этим летом Эрмин имела возможность понаблюдать за состоятельными постояльцами отеля, пообщаться с музыкантами, которые оказались людьми хорошо образованными и любезными. На фоне их изысканных манер повадки и речь Жозефа казались ей особенно грубыми.

— Что вы хотите этим сказать, мадам? — широко улыбаясь, спросил мэр Валь-Жальбера.

— Я хотела узнать, могу ли я снять или приобрести дом. Даже здесь, в Робервале, многие сожалеют о закрытии целлюлозной фабрики. Я решила пойти против течения: все уезжают из Валь-Жальбера, я же решила там поселиться.

— Сказать «все» было бы преувеличением, мадам, — возразил мэр. — К нам приехало множество фермерских семей. Те, кто выращивает овощи, тоже чувствуют себя неплохо. Остались и некоторые ремесленники, продолжают работать два магазина. Те, кто остался в поселке, выкупили

свои дома. Поэтому наш муниципалитет выживет, мы в этом уверены. Мы будем вам рады, мадам. Думаю, дом на улице Сент-Анн, в котором жил фабричный мастер, вам подойдет. В нем установлена система центрального отопления, причем тепло доходит до каждой комнаты. Вы получите его за весьма скромную плату. Да и бакалейный магазин Станисласа [48] расположен по соседству...

Жозеф слушал, постукивая пальцами по обтянутому кожей подлокотнику своего кресла. Он изучал профиль сидевшей слева от него Лоры с внимательностью человека, задумавшего преступление.

«Эта женщина хитра и хорошо образованна. Она говорит как дама из высшего света. Посмотрите-ка, она покупает дом, как моя Бетти — мешок муки в магазине. Естественно, она не станет забирать у нас Эрмин, раз сама поселится по соседству! Хорошо придумано!»

Рабочему хотелось хоть чем-нибудь досадить Лоре, но он сдерживался. Улыбаясь, он сказал:

— Это неплохая мысль. Мимин будет довольна, и Бетти тоже. Она вся испереживалась! И когда вы рассчитываете переехать?

— Мне нужно вернуться в Монреаль, уладить кое-какие дела, — ответила Лора. — В Валь-Жальбер я прибуду дней через десять. Мой поверенный приедет осмотреть дом.

— Десять дней — это так долго! — шепнула Эрмин на ухо матери. — Мы так мало времени провели вместе! Что, если с тобой что-то случится?

— Ничего не бойся, дорогая. Верь мне. Я оставлю тебе свой номер телефона, и, если понадобится, ты сможешь мне позвонить. Если получится, я постараюсь приехать через неделю.

Присутствие двух мужчин и грума, замершего возле кадки с декоративной пальмой, смущало девушку. Ей хотелось обнять Лору, поговорить с ней.

— Выйдем, Жозеф, — предложил мэр, догадавшись о причине ее замешательства. — Пусть дамы побеседуют с глазу на глаз. Мы подождем тебя у машины, Эрмин.

Девушка поблагодарила его улыбкой. В ее прекрасных голубых глазах искрилась радость. Лора тоже вздохнула с облегчением. Она притянула дочь к себе и прикрыла веки.

— Моя дорогая девочка, я постараюсь все уладить как можно скорее. Ничего не бойся, я не оставлю тебя во второй раз. Я слишком счастлива оттого, что нашла тебя. В моем доме на улице Сент-Анн нам будет так хорошо вдвоем! Будь умницей и не позволяй Жозефу Маруа запугать тебя. Наверняка по своей сути он не так уж плох.

— Он часто бывает груб, — призналась Эрмин. — Но он говорит, что стремится обеспечить мне карьеру и успешное будущее. Он хочет, чтобы я записала диск, поэтому откладывает деньги, которые я зарабатываю в отеле.

— Хорошо, что ты мне это сказала, — отозвалась Лора. — Я предложу ему деньги на запись пластинки. Но прежде тебе нужно позаниматься с учителем вокала.

— Месье Ханс Цале дает уроки. Он очень любезен. Думаю, с ним я буду чувствовать себя спокойно и добьюсь хороших результатов. Он уже дал мне несколько советов, например, как можно дышать диафрагмой, когда болит горло и надо петь.

Девушка еще крепче обняла мать. Ей не хотелось с ней расставаться. Лора осторожно высвободилась из объятий и погладила дочь по щеке.

— Тебе пора, Эрмин. И прости Бетти. Думаю, эта женщина любит тебя всем сердцем. Ей очень повезло, ведь ты росла у нее на глазах. Я же уеду первым поездом, чтобы не тратить времени понапрасну.

Пришло время распрощаться. Девушка подняла с пола чемоданчик и вышла.

* * *

Валь-Жальбер, в тот же день

В платье в горошек, тщательно причесанная и покрашенная, Элизабет суежилась на кухне. Не зная, чего ожидать, она решила достойно встретить Лору Шарден, если та приедет вместе с Эрмин. Хорошо проветренный, вымытый, вычищенный до блеска дом выглядел нарядно, как пасхальное яичко.

Симон сидел на крыльце и курил сигарету. Арман и Эдмон с влажными, тщательно причесанными волосами сидели за столом, получив приказ не шевелиться. Элизабет нарядила обоих в белые рубашки, и теперь мальчикам было невыносимо скучно.

— Господи, только бы она вернулась! Только бы наша Мимин была в машине господина мэра! — вздыхая, повторяла Элизабет.

— Если все, что рассказывал отец, правда, Эрмин будет дурочкой, если вернется в эту мрачную малолюдную деревню! — произнес Симон. — Особенно сейчас, когда нашлась ее мать, богатая дама!

— Замолчи! — прикрикнула на сына мадам Маруа. — Жо ее опекун, и

он непременно привезет девочку домой! Я люблю ее, как дочь!

— А может, и больше, чем собственных детей, — шепотом добавил юноша.

Послышался шум мотора, и они замолчали. Из облака пыли появился черный автомобиль — в поселке больше недели не было дождя.

— Это они, Симон? — спросила молодая женщина.

— Да. А кто это еще может быть? — отозвался юноша. — И зря ты наводила красоту, в машине их всего трое!

Эрмин сидела на заднем сиденье. Девушка любовалась высокими Деревьями вдоль улицы Сен-Жорж. Выстроившиеся рядами дома рабочих, величественное здание монастырской школы, церковная колокольня — все казалось ей невероятно родным и было дорого ее сердцу. Она увидела Симона, который как раз вставал, держась рукой за опору навеса.

«Я очень рада вернуться в Валь-Жальбер, но, если бы мама не захотела сюда переехать, мне было бы очень грустно», — подумала она.

Нарушив приказ матери, Арман и Эдмон уже бежали вниз по деревянным ступенькам крыльца. Жозеф обернулся и бросил на девушку недовольный взгляд.

— Ты слова не сказала за всю дорогу, — заметил он. — Будь с Бетти поласковой — она проплакала всю ночь!

Эрмин, ничего не сказав на это, вышла из машины. Мэр попрощался с ней, она едва слышно ответила.

— Мимин! — закричал Эдмон. — Я боялся, что ты уедешь с дамой из отеля!

— Эта дама — моя мать, Эд! — сказала девушка, обнимая его. — Но я бы ни за что не уехала, не попрощавшись с тобой.

Элизабет осталась в прохладной кухне. Она смотрела на Эрмин из окна, и ей казалось странным, что девушка ведет себя как ни в чем не бывало.

Мэр уехал, и в кухню тяжелой поступью вошел Жозеф. Он был мрачен. Жена бросилась к нему:

— Ну что? Как она? Все еще сердится?

— Дуется. Видела бы ты эти презрительные взгляды! Мать затмила ей весь свет! Еще бы, ведь у той денег куры не клюют!

— Но почему она не идет сюда? — обеспокоилась Элизабет.

— Мадемуазель побежала проведать лошадь, и мальчишки увязались за ней. Бедная моя Бетти, знала бы ты, что нам еще предстоит! Я остаюсь опекуном, но Лора Шарден покупает дом в нашем поселке. Теперь мы от нее никогда не избавимся. Ну ничего, я сделаю все, чтобы поскорее

просватать и поженить Симона и Эрмин!

У Элизабет закружилась голова. Бледная, она без сил опустилась на стул.

— Лора Шарден будет жить в Валь-Жальбере! — воскликнула она. — Но это не так уж плохо. Ведь тогда моя Мимин останется со мной. Жо, мне плохо! Пожалуйста, отведи меня в ванную!

Рабочий помог супруге встать. Придерживая ее за талию, он заглянул в побелевшее лицо Элизабет.

— Ты переволновалась, и напрасно, — сказал он. — Эрмин остается с нами, не надо так убиваться.

Молодая женщина закрылась в ванной. Жозеф услышал, как ее рвёт, потом из-за двери донеслись рыдания. Пораженный внезапной догадкой, он выругался и забарабанил кулаком в дверь:

— Бетти! Уж не надумала ли ты родить мне еще одну мальчишку? Отвечай!

Она вышла, вся в слезах. Голубые тени размазались по лицу.

— Да, я беременна, Жо, — всхлипывая, подтвердила Элизабет. — Я не хотела верить, мне так тяжело дался Эдмон! Но не волнуйся, я сберегла все его вещи. На малыша не придется много тратить.

Жозеф обнял супругу. Он всегда с радостью и гордостью воспринимал известие о предстоящем отцовстве. Потершись щекой о волосы жены, он сказал тихо:

— Знаешь, Бетти, раньше, когда фабрика работала на полную мощность, я был доволен, что ты рождаешь мне маленьких крепких мальчишек. Но с тех пор многое переменилось. Я уже сейчас беспокоюсь о будущем Армана и Эдмона. Им придется искать работу на берегу озера — на гидроэлектростанции или на бумажной фабрике. Хорошо, если бы на этот раз родилась девочка! Чтобы было кому ухаживать за нами, стариками...

Эти невеселые размышления окончательно расстроили Элизабет. Прижавшись к мужу, она прошептала:

— Если у Лоры Шарден в самом деле огромное состояние, лучше быть с ней в хороших отношениях, Жо. Мы воспитали ее ребенка, и она перед нами в долгу.

Рабочий вспомнил о толстой стопке долларов, которую дала ему Лора и о которой он ни слова не сказал жене.

— Ты права, Бетти. Все устроится как нельзя лучше. Но ты не бойся: если не станем тратить лишнего, нужда нам в ближайшее время не грозит.

— Жо, какое счастье, что ты у меня есть! — воскликнула Элизабет.

Эрмин стояла, опершись локтями о деревянную загородку стойла, в котором стоял Шинук. Недалеко от нее Симон наблюдал за возней младших братьев на просторной, поросшей травой поляне.

— Резвятся, как щенки, — сказал он наконец. — Арману скоро двенадцать. Пора бы ему вырасти из прятки и догонялок!

— Ты говоришь совсем как твой отец, — упрекнула его Эрмин.

Юноша скрутил себе папиросу. Вылитый Жозеф в молодости такой же высокий, темноволосый, с резкими чертами лица.

— Ну, рассказывай, счастлива ты, что нашла свою настоящую мать?

— Конечно! Я потеряла сознание, когда поняла, что это действительно она. Симон, я так ее люблю! И мне кажется, что сто лет ее знаю. Мы очень похожи...

— А еще она очень богата. Отец вчера, вернувшись домой, рвал и метал! О твоей матери он говорил ужасные вещи.

— В этом я не сомневаюсь, — вздохнула Эрмин. — Но ему должно быть стыдно. Он врал мне целое лето. Я не могу забыть, что из-за него потеряла целых два месяца! Если бы я только знала, что дама в черном — моя мать! Мы могли бы столько времени провести вместе! Симон, она такая милая, такая ласковая! И очень элегантная, красивая. Кстати, у меня кое-что есть для тебя.

Эрмин вынула из кармана юбки маленькую белую визитку.

— Я рассказала ей, что ты хочешь уехать из поселка. Тебе нужно найти этого господина. На обороте карточки мама написала рекомендацию, с ней ты получишь работу на корабле. Лора хочет помочь тебе. Чтобы с тобой ничего не случилось...

Симон повертел в пальцах свой пропуск к свободе, к той новой жизни в сердце шумного города, которая представлялась ему грандиозной и сулящей новые знакомства. Полной противоположностью той жизни, которую он вел в Валь-Жальбере.

— Поблагодари ее от меня, Мимин, — сказал он с грустной улыбкой.

— Симон, тебе не обязательно уезжать завтра или даже в этом году. Подожди еще немного. Теперь у тебя есть повод уехать не таясь. Жозеф не сможет тебя остановить, если ты докажешь, что у тебя есть работа в Монреале. Я хочу познакомить тебя с мамой. Она будет жить в бывшем доме фабричного мастера, на улице Сент-Анн.

Юноша был ошеломлен услышанным. Эрмин, светясь от радости, пояснила:

— Она так решила сегодня утром, в отеле.

— Если так, у нее точно денег куры не клюют! Этот богатый

промышленник, который умер, и был твоим отцом? — спросил он.

— Значит, Жозеф рассказал вам о нем? — пробормотала девушка. — Нет, это не мой отец. Фрэнк Шарлебуа был вторым мужем матери. Она вышла за него после того, как потеряла память. Никто не знает, что стало с моим настоящим отцом. Его звали Жослин Шарден.

Эрмин было неприятно вспоминать трагические моменты прошлого своей матери, и все-таки она в общих чертах пересказала Симону ее историю. Молодые люди не заметили, что Арман с Эдмоном ползком подобрался к ним, стараясь не шуметь, благо в высокой траве их совсем не было видно.

Тем же путем они и удалились. Арман при первой же возможности вскочил и бегом припустил к дому.

Симон слушал и не верил своим ушам. Посмотрев на взволнованное и милое лицо Эрмин, он неожиданно заявил:

— Что ж, мы можем обручиться, а потом поженимся. Когда я говорил, что ты мне не нравишься, я хотел позлить отца.

— Что на тебя нашло? — возмутилась девушка. — Я вдруг понравились тебе, потому что у меня появилась богатая мать?

— Нет, Мимин, — отрезал Симон. — Если ты выйдешь за меня замуж, мой отец перестанет быть твоим опекуном. Ты станешь известной певицей, и я буду ездить с тобой по всему Квебеку, а может, даже в Нью-Йорк. Тебе не придется за меня краснеть!

И юноша прошелся перед ней манерной походкой, на лице его застыла надменная гримаса. Эрмин предпочла рассмеяться.

— Я тебя очень люблю, — сказала она, — но не настолько, чтобы выйти за тебя замуж. И все-таки я прошу тебя, останься еще на полгода! Или на год...

— Если я останусь, станешь моей возлюбленной? Будем целоваться украдкой и держаться за руки! Ты очень красивая, Мимин.

Юноша сделал шаг вперед и обнял девушку за талию. Вытянув губы для поцелуя, он привлек ее к себе.

— Нет! Перестань! — вскричала Эрмин, вырываясь. — Симон! За такое даже ты получишь оплеуху!

Парень разжал объятия, разочарованный тем, что не получил желанного поцелуя. Пнув ногой перегородку, он сердито посмотрел на девушку.

— В Валь-Жальбере не осталось ни одной девчонки моего возраста! — заявил он извиняющимся тоном.

— Но это не повод бросаться на меня, — возразила Эрмин. — Мог бы

поухаживать за мадемуазель Алис. Она считает, что ты очень красив.

Она не могла на него сердиться. Симон был другом ее детства. Они дрались из-за погремушки, каждую осень вместе воровали яблоки из сада старого Потвена, да Бог знает что еще делали вместе...

— Мадемуазель Алис! — проворчал Симон. — Она на год меня старше, и все знают, что она собирается постричься в монашки!

— Ты для меня брат, — добавила Эрмин. — И у меня уже есть возлюбленный. Пообещай, что никому не расскажешь. Будущим летом он придет и попросит у Жозефа моей руки. Твой отец ему откажет, но тогда моя мать скажет свое слово.

— А кто он? Онезим Лапуант?

— Не будь дурачком! Онезим гуляет при луне с Иветтой, дочкой тележника.

— Ну да, правда. Месье кюре уже читал им мораль: Лапуант половину зарплаты отдает Иветте. За прогулки под луной она берет звонкой монетой!

Эрмин покраснела. Симон же решил просто так не сдаваться.

— Так кто же он?

— Он здесь чужой. Я его люблю, и он меня любит.

Элизабет позвала их в дом. У девушки стало легче на душе — ей не придется ничего рассказывать Симону. Но юноша удержал ее за руку:

— Я решил не ехать завтра, Мимин. Я передумал. Мама ждет малыша, он должен родиться весной. Будет лучше, если я останусь дома и буду ей помогать. Я боюсь за нее: роды проходят так тяжело... Я бы до конца жизни упрекал себя, если бы сейчас уехал, а потом, в марте, получил телеграмму с плохими новостями...

— Бетти ждет малыша? — удивилась Эрмин. — Ты уверен?

— Она сама сказала мне об этом сегодня утром, когда отец с мэром уехали в Роберваль. Сам не знаю, с чего бы вдруг. Обычно она скрывает до последнего и никогда раньше со мной об этом не говорила.

Девушка, которая до этого момента имела твердое намерение какое-то время избегать разговоров с Элизабет, была обезоружена новостью. Вспомнив совет Лоры, она решила простить Бетти.

— Идем в дом, Симон. Пора обедать. Я рада, что ты останешься с нами.

Никогда прежде они не ощущали такой близости.

У собравшихся в кухне членов семьи Маруа лица были угрюмые. Жозеф сидел во главе стола. Перед ним стоял стакан джина. Элизабет накрывала на стол. Эдмон плакал на полу. Арман, щеки которого пылали, испуганно переводил взгляд с Эрмин на Симона.

— Здравствуй, Бетти, — сказала Эрмин.

— Здравствуй, Мимин.

Молодая женщина ласково поцеловала свою воспитанницу и убежала к печке.

— Вы почему все такие мрачные? У нас вроде бы никто не умер!

— Хорошенькие вещи я узнаю! — воскликнул Жозеф. — Ну, Эрмин, расскажи-ка нам, кто же на самом деле твой отец? Арман подслушал ваш разговор там, в сарае. За это он получил три оплеухи, потому что я не выношу доносчиков. Но то, что он рассказал, показалось мне интересным. Раз Лора хочет поселиться в нашем поселке, где даже сейчас следят за чистотой нравов, я хочу во всем разобраться. Я думал, твоя мать носит траур по некоему господину Шарлебуа, богатому монреальскому промышленнику, который был твоим отцом. Ан нет! Твоего отца зовут Жослин Шарден, и он пропал без вести! Значит, Шарден — не девичья фамилия твоей матери. У этой мадам было двое мужей одновременно! Я не знаю закона, который разрешал бы такое!

— Оставь ее, Жо, — взмолилась Элизабет. — Какая теперь разница? Лора — вдова, и тебе не удастся ничего доказать.

Симон уничтожающим взглядом посмотрел на среднего брата. Эрмин не сводила глаз с Жозефа. Она чувствовала в себе достаточно сил, чтобы защитить свою мать.

— У мамы была амнезия, когда она вышла замуж за Фрэнка Шарлебуа. Но на прошлое Рождество к ней вернулась память. Она вспомнила о нас с отцом и хотела поскорее развестись. Она не сделала ничего плохого!

— Может, и так, — проворчал хозяин дома. — Но месье кюре может не разрешить поселиться в поселке даме, чье поведение нельзя назвать безупречным. Слишком уж ей повезло! Если бы этот промышленник не умер до развода, она бы осталась на бобах! А кто знает, почему он вдруг умер?

— Жо, прошу, не надо! Оставь Мимин в покое! — попросила Элизабет мужа.

— Вы подозреваете, что мама его убила? — воскликнула девушка. — Вам должно быть стыдно за такие слова! Что она вам сделала?

Жозеф стукнул кулаком по столу, потом снова и снова... При каждом звуке Элизабет, Арман и Эдмон вздрагивали. Эрмин и глазом не моргнула

— напряженная, бледная от ярости. Симон подошел поближе, готовый в случае надобности встать на ее защиту.

— Мне не по нраву дамочки, которые купаются в деньгах, хотя ни дня не работали! — крикнул рабочий. — И дамочки, которые работают, мне тоже не по вкусу! Но ты — другое дело. Петь — это не то, что пахать на заводе или еще где-нибудь. Твоя мать еще заварит здесь кашу, помянешь мое слово!

И он грохнул по столу еще громче. Стакан с джином опрокинулся.

— Мне не нравятся красивые дамочки, которые посреди зимы, на морозе бросают своих детей! Как думаешь, Бетти смогла бы так поступить с кем-то из своих сыновей? И отец твой ничем не лучше матери, это уж точно!

— Мама думала, что умирает, — срывающимся голосом пояснила Эрмин. — Я ее простила. А вас это вообще не касается. И не смейте ничего говорить о моем отце, вы его не знаете. Я думаю, он человек более порядочный, чем...

— Чем кто? — с беспокойством оборвал ее Жозеф.

— Чем вы! Вы брали у мамы деньги, обещая, что в сентябре разрешите ей со мной поговорить!

— Это правда, Жо? — спросила Элизабет.

— А если и правда, то что? Должна же она возместить мне все, что я потратил на ее дочь?

— Ты мне противен, отец! — сказал Симон.

Жозеф схватил бутылку джина и изо всех сил запустил ею в голову старшего сына. Тот едва успел увернуться. Эдмон заплакал от страха. Эрмин бросилась к ребенку и прижала его к себе.

Пол вздрогнул от глухого удара — Элизабет без сознания лежала у печки. Падая, она ударилась лбом об угол буфета, и теперь по ее светлым волосам стекала струйка крови.

— Мама! — в ужасе закричал Арман.

Симон упал на колени рядом с матерью. Подошел Жозеф. Его нижняя губа некрасиво отвисла.

— Господи, какой же я дурак, что затеял этот разговор! Знал же, что она в положении! Бетти, дорогая!

Он взял жену на руки и понес наверх, в спальню. Эрмин успокоилась, услышав через пару минут, что они разговаривают. Послышался шум переставляемого таза, потом — льющейся воды. Элизабет плакала, Жозеф шепотом ее успокаивал.

— Давайте пообедаем, — предложила девушка, водружая на стол

сковороду с картофельным рагу.

— Bravo, Арман! — сердито буркнул Симон. — Стукач несчастный! Хватит хлюпать носом! Садись и ешь!

После этого инцидента в доме воцарилась тишина. Ближе к вечеру Жозеф отослал Симона на фабрику, проверить работу динамо-машины. Рабочий старался держаться подальше от Эрмин, которая вымыла посуду и принялась за глажку.

Когда стрелки часов показали пять, девушка поставила на поднос заварочный чайник, тарелку с печеньем и отнесла все это Элизабет.

— Тебе лучше, Бетти?

— Да, Мимин, дорогая! Но я хочу полежать еще немного. Ты нашла мою записку в чемоданчике?

— Конечно. На тебя я не сержусь.

— Слава Богу! Я так рада! Обещаю, я буду очень любезна с Лорой, когда она переедет в Валь-Жальбер.

Эрмин взяла молодую женщину за руку. Тихонько, не зная, отчего ей это вдруг пришло в голову, она стала напевать припев песни «Белые розы». Потом сказала ласково:

— Знаешь, Бетти, я тебя тоже люблю, как дочь любит свою мать. Я еще долго буду с тобой.

— Я жду ребенка, Мимин. А ведь мне уже тридцать четыре! Господи, как я боюсь! Я так страдала, когда рожала Эдмона!

— Все будет хорошо, вот увидишь!

Девушка легонько поцеловала Элизабет в лоб и вышла. Она бесшумно спустилась по лестнице и вошла в свою комнату. На прикроватном столике стоял букет сиреневых астр — она очень любила эти цветы. Наверняка кто-то из мальчиков принес их, желая ее порадовать. Девушка взяла в руки рамку с фотографией сестры Марии Магдалины.

— Мой ангел-хранитель, моя дорогая первая мамочка, прошу тебя, храни Бетти ото всех бед! — взмолилась она, вглядываясь в безмятежное лицо молодой монахини. — В жизни все так непросто... Я схожу с ума от радости, что нашла свою настоящую мать, но не хочу терять мою Бетти. Защити меня, прошу! Сделай так, чтобы Тошан вернулся и чтобы мой отец был жив...

Эрмин поцеловала фотографию. Стекло показалось ей холодным. Она закрыла глаза, полные слез. Ей вдруг вспомнился их с Тошаном страстный поцелуй. Бережно хранимое воспоминание об этом моменте экстаза подняло в душе бурю эмоций.

«Я буду любить его, и только его, всю жизнь!» — сказала она себе.

Эта уверенность придала девушке сил. Опершись локтями о подоконник, Эрмин долго смотрела на облака, которые сумерки окрасили в розово-оранжевые тона. Ее задумчивый взгляд скользнул по темному фасаду монастырской школы, молчаливой колокольне, опустевшим домам напротив, на другой стороне улицы Сен-Жорж.

«Мой дорогой поселок! — думала она. — Как я здесь счастлива! Этой зимой, на Рождество, я буду петь в церкви для всех, кого люблю. И мама будет здесь, рядом со мной. Наконец-то!»

Глава 12. В ожидании Лоры

Валь-Жальбер, 12 сентября 1930 года

Со дня своего возвращения в Валь-Жальбер Эрмин не получала никаких вестей от матери. Недельный срок, в который Лора намеревалась уладить дела, связанные с переездом, давно истек.

Все свое свободное время девушка проводила теперь возле дома на улице Сент-Анн. Так ей было легче ждать. Она представляла себе, как будут светиться окна снежными зимними вечерами и как хорош будет сад, заботливо освобожденный от сорняков, с грядками разноцветных овощей...

«Мама долго жила в городе. Она будет рада, если я помогу ей с огородом, — думала Эрмин. — Еще ей понадобятся дрова на зиму».

Поводов для волнения было немало. Девушка спрашивала себя: как женщина, которая привыкла к роскоши и комфорту городского дома и заботе трех слуг, приспособится к жизни в поселке? Но прошло еще несколько дней, и она обо всем этом забыла. Эрмин думала только о том, почему мать так долго не едет.

«Что, если она передумала и не приедет?»

Девушка не решалась позвонить по номеру, который Лора написала на обороте почтовой открытки с изображением робервальского порта. Она ежедневно поджидала почтальона в надежде получить письмо. Элизабет старалась ее успокоить. Жозеф же, наоборот, не скрывал своего удовлетворения и несколько раз намекнул, что предприимчивая вдовушка наверняка пустилась на поиски нового богатого мужа, чтобы упрочить свое состояние.

«Монреаль так далеко!» — повторяла Эрмин, стараясь совладать с нарастающим страхом: она боялась, что мать снова ее бросит.

Утром двенадцатого сентября они с Шарлоттой гуляли возле монастырской школы. На следующий день мадемуазель Алис планировала начать занятия. Парты были натерты воском, полы подметены, окна чисто вымыты.

— Ты грустная, Эрмин, — заметила девочка. — Не поешь... И почему ты не взяла с собой Шинука? Разве на лугах уже нет хорошей травы? Когда я илу, трава щекочет ноги, и мне кажется, что я хожу по густому и мягкому ковру.

Девушка слушала ее и улыбалась. По мере того как у Шарлотты

падало зрение, остальные чувства обострялись.

— Мне не хочется петь. А Шинука я с собой не взяла, потому что нужно было убрать в классах, — объяснила она. — Представляешь Шинука в коридоре или на втором этаже?

Шарлотта засмеялась и поцеловала руку Эрмин.

— Я очень тебя люблю, Мимин! Ты говорила, что маленький Эдмон называет тебя Мимин. Можно, я тоже буду так тебя звать?

— Конечно, если тебе так хочется.

Собачка учительницы — маленький черный комоч кудрявой шерсти — звонко залаяла. Из-за школы вышел мэр.

— А, Эрмин! Я так и думал, что найду тебя здесь, — сказал он. — Ты-то мне и нужна. Я хочу передать тебе ключи от дома. Твоя мать только что купила его.

— Мама? Она здесь, в поселке? — воскликнула девушка.

Мэр протянул ей связку ключей. Вид у него был весьма довольный.

— Нет, она не приезжала. Ко мне явился клерк от нотариуса, представляющего интересы очаровательной мадам Шарлебуа. Мы оформили все необходимые документы. Если хочешь, можешь открыть окна и подмести пол. Это ведь и твой дом тоже.

— Есть новости о маме? — спросила Эрмин.

— Я говорил с ней по телефону, — пояснил мэр. — Она сообщила, что приезжает. Возможно, она уже в пути.

Тиски, сжимавшие сердце девушки, в одно мгновение разжались. Радость и облегчение отразились у нее на лице, огромные голубые глаза заблестели.

— Спасибо, господин мэр, спасибо!

Она сжала ключи в ладони.

— Я уже начала волноваться, — сказала она тихо.

— И совершенно напрасно, моя дорогая. Как поживает наш добрейший Жозеф? Новость о том, что он станет отцом в четвертый раз, смягчила его?

— Дома все хорошо, — ответила девушка. Она не сочла нужным добавить, что Бетти постоянно нездоровится.

— Вот и славно! В Валь-Жальбере скоро появится новый житель. Это лишний раз доказывает, что не стоит опускать руки. А я вот решил перед началом занятий поговорить с мадемуазель Алис.

Мэр поклонился, прощаясь, и вошел в здание монастырской школы. Эрмин наклонилась и поцеловала Шарлотту в щечку.

— Идем, Лолотта! Идем скорее на улицу Сент-Анн! Как я рада! Мама

купила дом! Когда она переедет, мы вместе пойдём к ней в гости!

Девочка кивнула с восхищением. Вместе они прошли всю улицу Сен-Жорж. Почтальон помахал им рукой из окна почты. Перед универсальным магазином стояли и разговаривали две женщины с корзинками в руках.

— Эрмин, иди-ка сюда, — позвала девушку одна из них, супруга фермера, обосновавшегося недалеко от мельницы Уэлле. — Говорят, в Валь-Жальбер переселяется какая-то дама из Монреаля. Ты об этом что-нибудь знаешь?

— Да, — подойдя поближе, ответила Эрмин.

— А как зовут эту даму? — спросила Дженни, англичанка по происхождению, жена лесоруба. — Господин мэр сказал, ты ее хорошо знаешь.

— Ее зовут Лора Шарден.

Эрмин готова была гордо добавить, что это ее мать, но в последний момент передумала. Тогда пришлось бы многое объяснить.

— Больше я ничего не знаю. Простите, мне нужно кое-что купить для Жозефа, — солгала она.

Девушка ускорила шаг. Шарлотту она вела за руку. Не прошли они и нескольких метров, как девочка наткнулась на водозаборную колонку, которые были установлены равномерно по всей улице, и вскрикнула от боли.

— Ты ушиблась, Лолотта?

— Нет, но ты очень быстро идешь.

Эрмин стало стыдно. Она осмотрела ногу девочки. На месте удара кожа была ссажена и напухла.

— Прости меня, пожалуйста. Я спешила и совсем забыла о тебе.

Остаток пути они прошли не торопясь. Пустые дома, к стенам которых уже подобралась растительность, с закрытыми, несмотря на тепло сентябрьского дня, окнами как будто ожидали возвращения своих хозяев, проживших здесь много лет. По крайней мере, так казалось самой Эрмин.

— Лолотта, как бы я хотела, чтобы ты увидела наш поселок! В первые дни осени здесь так красиво! Людей, конечно, мало, зато море цветов — сиреневых, фиолетовых, оранжевых, розовых, желтых. Листья кленов уже начали краснеть, значит, зима будет ранней. За лето все деревья в Валь-Жальбере еще немного подросли. Это месье Дюбюк распорядился их посадить. Местные жители называли его бумажным королем. Это было в те времена, когда фабрика работала день и ночь. Локомотив вагонами увозил в Роберваль бумажную массу.

— Я никогда не увижу этот поселок, — невесело отозвалась

Шарлотта. — Лучше расскажи все это своей маме, когда она приедет.

— Не грусти, Лолотта! Прощу тебя, не надо, — попросила девушка. — Вспомни, совсем недавно я тосковала о матери, которой не помнила, а теперь счастлива. Или дело в другом?

— Ты будешь занята и не сможешь приходить ко мне. Если твоя мама поселится здесь, ты все время будешь с ней.

— Нет, Лолотта! Я не забываю своих друзей. Я хочу показать Валь-Жальбер маме и обещаю взять тебя с нами.

Наконец Эрмин и Шарлотта пришли на улицу Сент-Анн. Девушка нашла глазами дом, в котором скоро поселится Лора. Это было красивое здание, построенное специально для мастера, чтобы в случае необходимости он мог быстро прийти на расположенную неподалеку фабрику. В пустынных цехах давно уже стояла тишина, поэтому рокот водопада был хорошо слышен. Эта часть поселка была пустынна, что и неудивительно — оставшиеся жители Валь-Жальбера перебрались поближе к церкви, некоторые поселились вдоль главной дороги.

— Не знаю, понравится ли маме шум падающей воды, — вздохнула Эрмин.

— Мне нравится этот звук, — сказала Шарлотта.

Эрмин попыталась открыть дверь, но ни один ключ не подошел.

— Наверное, мэр ошибся! — Девушка даже расстроилась. — Лолотта, забирайся-ка ко мне на спину. Мне нужно бежать к монастырской школе. Но мы не пойдем по улице Сен-Жорж. Через сады будет быстрее!

Сумасшедшая гонка пришлась девочке по вкусу. Смеясь, она кричала: «Быстрее, Шинук! Еще быстрее!» Эрмин подражала лошадиному ржанию, подпрыгивала и мотала головой. Стоявшие на крыльце мадемуазель Алис и мэр заметили их издалека.

— Откуда ты прибежала, Эрмин? — удивился мэр. — Дом ведь совсем рядом!

— Улица Сент-Анн — это совсем не близко, месье! — задыхаясь, ответила девушка, ссаживая на землю Шарлотту. — Ключи не подходят. Видимо, вы ошиблись и дали мне не те.

— И о чем я только думал? — сокрушенно покачал головой мэр. — Забыл тебе сказать: мадам купила другой дом. Клерк, посланный твоей матерью, осмотрел дом на улице Сент-Анн и пришел к выводу, что в той части поселка слишком пустынно. К тому же там обрезано электричество. Поэтому выбор пал на прекрасный дом господина Лапуанта [\[49\]](#). Он идеально подходит для такой изысканной дамы, как твоя мать.

Эрмин не верила своим ушам.

— Дом управляющего! — медленно проговорила она.

— Просто замечательно! Дом расположен в хорошем месте, — добавила мадемуазель Алис. — Твоя мама будет жить по соседству с Маруа и со мной. Ты работаешь в школе и сможешь навещать ее так часто, как тебе захочется. Что для тебя тридцать шагов, ведь ты бегаешь так же быстро, как твой Шинук!

Молодая учительница была очень хороша собой. Ее черные кудрявые волосы были коротко обрезаны, оставляя открытой изящную шею. Эта прическа придавала девушке несколько высокомерный вид. Однако характер у нее был мягкий, а сердце — доброе. Эрмин охотно сделала ее своей наперсницей. Алис с интересом выслушала ее рассказ о встрече с Лорой.

Мэр еще раз извинился и откланялся. Шарлотта выглядела обеспокоенной. Она тихонько потрепала Эрмин по руке.

— Скажи, Мимин, я действительно услышала нашу фамилию — Лапуант?

— Господин мэр говорил о других Лапуантах. Эту фамилию носил бывший управляющий фабрикой.

— В наших краях, Шарлотта, многие люди носят одну фамилию, — пояснила учительница. — Такие фамилии, как Лапуант, Бушар и Маруа, очень распространены. Можно, я пойду с вами и посмотрю на новый дом мадам Лоры?

Эрмин с радостью согласилась. Они втроем прошли под сенью кленов, вязов и сосен, окружавших очень красивый дом, чем-то похожий на монастырскую школу. На веранде мог запросто поместиться стол и несколько стульев, деревянные стены сохранили приятный золотистый оттенок.

— Сколько же сюда нужно мебели, — протянула девушка, впечатленная размерами будущего жилища своей матери. — И сколько штор! В доме не меньше дюжины окон!

На этот раз подошел первый же ключ из связки. Внутри дома было очень просторно. Пустые комнаты казались огромными.

— Для одного человека места слишком много, — высказала свое мнение мадемуазель Алис. — Думаю, твоей матери здесь понравится. Хотя было бы лучше, если бы она посмотрела на дом, прежде чем его покупать.

— Думаю, ей просто хотелось иметь дом в Валь-Жальбере, — сказала девушка. — Не важно какой. Знаете, Алис, для моей матери важнее всего быть вместе со мной.

Рядом с Эрмин, держась за ее руку, стояла Шарлотта. Девушка

слишком разволновалась и потому забыла, что малышка не видит и ей нужно все подробно описывать.

— Пол скрипит, — заметила Шарлотта. — И немного скользит. А еще здесь странно пахнет, совсем как в классе.

— Ты права, — откликнулась учительница. — В доме прекрасный паркет, и его часто натирают воском.

Эрмин оставила девочку под присмотром мадемуазель Алис и поднялась на второй этаж. Там она увидела еще шесть комнат с безупречно окрашенными стенами.

«Этот дом содержался в образцовом порядке, — подумала она. — Наверное, кто-то приходил сюда убирать».

По ее подсчетам выходило, что управляющий уехал из поселка в конце 1926 года, то есть три с половиной года назад.

«Как он, наверное, сожалел об отъезде!» — сказала она себе, легкими шагами спускаясь по лестнице.

Алис успела открыть окна в гостиной. В саду ветви хрупкого куста с розовато-белыми розами танцевали на ветру. Шарлотта уловила легкий сладковатый аромат цветов.

— Мимин, я бы хотела подарить маме розы, — сказала девочка. — Можно мне сорвать несколько штук?

— Конечно, Лолотта! Я нарву тебе целый букет.

Ни ножа, ни ножниц у Эрмин с собой, конечно, не оказалось, поэтому пришлось управляться с помощью собственных ногтей. Внезапно она задумалась и тут же уколола палец. Мать Шарлотты слабела день ото дня. Она давно не вставала с кровати. Эрмин вспомнились слова песни «Белые розы». Она вздрогнула.

«Господи, защити эту несчастную женщину!» — взмолилась она про себя.

Через час Эрмин отвела девочку домой. На пороге сидел Онезим Лапуант и курил трубку.

— Как себя чувствует ваша мать? — спросила девушка.

— Как обычно, — ответил парень, вздыхая.

Эрмин зашла поздороваться с мадам Лапуант. Ее поразили контраст между красивым домом управляющего и мрачным, плохо убраным домом семьи Шарлотты. Сама же девочка была счастлива подарить маме (которую звали Аглая) цветы. Сев на краешек кровати, она рассказала ей, как провела день.

— Мы с Мимин играли в лошадку, она носила меня на спине. Она бежала быстро-быстро, а я держалась за ее шею. Еще учительница сказала,

что в нашей стране много семей с фамилией Лапуант.

— Не знаю, как вас благодарить, мадемуазель, — сказала больная женщина. — Если бы я могла ходить, я бы сама ухаживала за моей девочкой. Она очень вас любит, вы это знаете?

— Я тоже ее очень люблю, мадам Аглая, — сказал Эрмин. — Могу я сделать что-нибудь и для вас?

— Дочка все время повторяет, что вы поете лучше всех на свете. Мне давно хочется послушать. Говорят, в поселке развешаны афиши, на которых написано: «Снежный соловей целое лето поет в *Château Roberval*». И «соловей» — это вы, так сказал мой сын. Да, Онезим?

Онезим пробормотал что-то невразумительное. Эрмин не могла отказать. Она отступила к середине комнаты и остановилась между заставленным грязной посудой столом и буфетом.

Девушка спела «Золотые хлеба». Она начала с довольно высокой ноты, потом поднялась еще выше. Великолепные модуляции ее голоса звенели в убогом жилище, и тем, кто ее слушал, вдруг показалось, что стены дома раздвинулись и все пространство заполнило золотящееся под лучами солнца пшеничное поле. Слова «спящие долины» и «зеленый вереск» вызывали в памяти соответствующие картины природы. Растроганная до глубины души, Аглая Лапуант расплакалась.

Когда Эрмин умолкла, больная женщина сказала:

— Вы напомнили мне прекрасное время, когда я была так же молода, как вы, мадемуазель. Какой красивый у вас голос!

— Спасибо, мадам Аглая. В следующий раз я спою вам еще что-нибудь, — пообещала Эрмин. — А теперь мне пора. Я должна помочь Бетти приготовить ужин.

Чувствуя на себе ироничный взгляд Онезима, девушка торопилась покинуть дом, обшитый снаружи посеребрившими досками. Когда она проходила мимо, парень проговорил тихо:

— А вот и маленький соловушка, из которого я сварю себе суп!

Эрмин сделала вид, что не услышала. Она ощутила смутное сожаление. Внутреннее чутье подсказывало девушке, что Лора и ее богатство нарушат мирное течение ее жизни.

«Лучше б мама не была такой богатой, — призналась она себе. — В Валь-Жальбере ей не будут рады. Люди отнесутся к ней настороженно, будут ее осуждать. Если бы у меня было столько денег, я бы раздала их бедным. Наверное, я бы пригласила докторов для матери Шарлотты и вылечила саму девочку...»

В доме Маруа ее встретили прохладно. Жозеф, сидя у печи, курил

свою трубку.

— Говорят, твоя мать будет жить в доме управляющего? — спросил он. — Жаль! На улице Сент-Анн нет электричества, и мадам Лоре пришлось бы вечером сидеть при свечах. Но дрова ей на зиму точно понадобятся. Думаешь, она их найдет? Нет! И я ей помогать не собираюсь.

Похудевшая и бледная, Элизабет следила за приготовлением заячьего рагу. Она сердито посмотрела на мужа.

— Нельзя быть таким злым, Жозеф! Мы будем соседями, а соседи помогают друг другу, особенно зимой.

— Не волнуйся, Бетти, — отозвалась Эрмин. — Была бы печка, дрова найдутся. В доме управляющего прекрасная система отопления, и я за маму не волнуюсь.

Но в ее голосе все-таки сквозило беспокойство. Эрмин боялась приезда Лоры так же сильно, как и ждала его. Ей часто снился вечер, проведенный с матерью в «Château Roberval», — вечер, наполненный драгоценными моментами спонтанной нежности и взаимопонимания. Последнее выступление девушки в отеле состоялось в прошлую субботу. Отсутствие в зале ресторана дамы в черном не лучшим образом оказалось на ее пении. Если бы не улыбки и ласковые слова пианиста Ханса Цале, девушка чувствовала бы себя совсем одинокой.

Эрмин пришлось подождать еще три дня, прежде чем она смогла увидеть мать, прикоснуться к ней, поговорить...

* * *

Сначала в поселок въехали два больших крытых брезентом грузовика. Остановились они между монастырской школой и церковью. Шофер постучал к священнику и спросил, где находится дом Лоры Шарлебуа.

Аббат Деганьон, который к этому времени получил от мэра все необходимые разъяснения, указал дом. Это случилось вскоре после полудня. Эрмин, которая сидела в классе мадемуазель Алис, выбежала на улицу.

— Месье, вас послала дама из Монреалея? — крикнула она шоферу.

— Да. Нам нужно выгрузить мебель.

— Ключи у меня, я ее дочь, — с гордостью сказала девушка. — Сейчас открою вам дверь!

Грузовики медленно двинулись к дому управляющего. Прибежал Симон, интересующийся всем новым, что могло послужить развлечением и

нарушало монотонность обычной жизни. Элизабет последовала за сыном. Беременность сделала ее очень эмоциональной: она готова была любить весь мир, включая, конечно, и Лору Шарден.

— Я хотела бы, чтобы мы подружились, — говорила себе молодая женщина. — Жозеф этого не понимает, но я счастлива за Мимин. Дорогая крошка так ждала своих родителей, так молилась... Мы не должны портить ей радость.

Постепенно подтянулись другие любопытствующие: старый тележник, которому едва удавалось свести концы с концами, поскольку повозок и колясок в обиходе становилось все меньше; дочь тележника Иветта, слишком сильно накрашенная, в нескромно облегающем фигуру розовом ситцевом платье; хозяин универсального магазина, привлеченный шумом моторов, и сам аббат Деганьон, который бережно поддерживал под руку вдову Мелани Дунэ.

Эрмин была на седьмом небе от счастья — Жозеф на работе; Значит, он не придет и не станет вступать в разговор или делать не приятные замечания. Она радовалась, Позабыв обо всех сомнениях. Из грузовика вышел мужчина и, приподняв кепку, поспешил представиться. Ему было около пятидесяти, в усах блестела седина.

— Вы, наверное, мадемуазель Эрмин, дочь хозяйки? — спросил он.

— Да! Здравствуйте!

— Я Селестен, садовник мадам. Ее factotum [\[50\]](#), как она говорит.

Селестен покачал головой. Его серые глаза пробежали по улице и остановились на ярко освещенном солнцем доме.

— Оказывается, мадам в самом деле решила жить в деревянной хижине, — проворчал он себе под нос. — В Робервале хоть какая-то цивилизация, но здесь...

— Прошу прощения, — переспросила Эрмин, — где вы видите хижину?

Слова приезжего немало позабавили Симона. Юноша положил руку на плечо Эрмин.

— Не сердись, — сказал он. — Этот господни называет хижинкой дом, который нам кажется дворцом. Для горожанина мы живем в лесу, где полно опасностей. Кстати, не забыть бы сказать, что каждую зиму в поселок наведываются волки!

Последние слова юноша сказал шепотом и улыбнулся, увидев, что лицо Селестена застыло.

— Волки? — переспросил он. — Нужно сказать мадам, что понадобится ружье. — И добавил: — Пора выгружать мебель!

На глазах зрителей красивая мебель перекочевала из грузовиков в комнаты. При виде фортепиано послышались восторженные возгласы. Вдова Дунэ насчитала шесть ящиков с посудой и одеждой.

— Моя мама приедет сегодня? — спросила у Селестена Эрмин, когда в кузовах почти не осталось вещей.

— Мадам должна приехать поездом, — ответил он, — завтра или послезавтра. Ей еще нужно собрать чемоданы. Но Мирей будет здесь засветло. Мирей — это экономка и первоклассная кухарка. Она приедет с третьим грузовиком.

Хозяин универсального магазина, который стоял ближе всех и не пропустил ни слова из их разговора, поделился новостями с остальными зрителями. Послышался низкий смех Иветты. Элизабет присела на крылечко.

«Лора — дама из высшего спета, — подумала она. — Она будет нас презирать, это точно. И Эрмин быстро привыкнет к беззаботной жизни, ведь ее станут опекать слуги! Господи, такого в Валь-Жальбере еще не было! Даже управляющий жил скромнее. Как странно! Как можно быть такой богатой? Я знаю, она унаследовала деньги своего мужа, состоятельного промышленника. Точно так же Жозеф унаследовал сахароварню своего дяди Бонифация. Мне, когда родители умрут, достанется ткацкий станок матери. Что ж, уже неплохо!»

Элизабет была так занята своими мыслями, что не сразу заметила присевшую рядышком Эрмин. Девушка решила отдохнуть и отдышаться. Она настояла на том, что сама занесет в дом стулья с мягкой обивкой и ящик с книгами.

— Я-то думала, что матери понадобится моя помощь! Что она будет жить здесь одна! — сказала девушка, обращаясь к Элизабет. — Теперь у людей будет о чем поговорить! Посмотри, вдова разговаривает с Иветтой, и обе смеются. А ведь они еще не знают, что приезжая дама — моя мать!

— Они узнают, и очень скоро, — отрезала молодая женщина. — И тогда разговоров будет куда больше. А пока они просто получают удовольствие, вся эта суета их забавляет. Но Лора и не смогла бы одна, без слуг, содержать в порядке такой огромный дом. Вспомни, супруга управляющего Лапуанта тоже привезла из Шамбора девушку, которая занималась готовкой и уборкой!

Эрмин не осмелилась поделиться своими страхами с Бетти. Сегодня она ясно ощутила, что на ее жизненном пути наметилась развилка. На одной дороге оставались Лолотта, все Маруа, Тошан. На другой — Лора со своей изысканной манерой выразиться, своими изящными туалетами,

связями в Монреале и хорошо образованные артисты, такие, как пианист Ханс Цале.

«Мне придется выбирать, — растерянно думала девушка. — Но мне не хочется об этом думать. Это так грустно!»

Через два часа у дверей монастырской школы просигналил третий грузовик. Все любопытствующие давно разошлись по домам. Элизабет и Симон составили Эрмин компанию. Через десять минут должны были закончиться уроки у Эдмона, и они решили вместе подождать мальчика.

Достопочтенная Мирей, едва выбравшись из кабины грузовика, растянулась на земле во весь рост. Это была маленькая, очень полная женщина, одетая в давно вышедшую из моды просторную длинную юбку. Ее седые волосы были подстрижены каре. Эрмин подбежала, чтобы помочь ей встать.

— У меня ноги затекли, вот я и споткнулась, — пояснила экономка с улыбкой. — Я не привыкла сидеть без дела несколько часов подряд! Да и годы молодости не прибавляют! Подумать только, вы, мадемуазель, — вылитая мадам Лора!

Мирей девушке сразу очень понравилась. Лицо женщины излучало доброту и веселость.

— Скажите, вы знаете, когда придет мама? — тихо спросила Эрмин. — Дом еще не готов. Все ящики стоят неразобранные.

Мирей хотела ответить, но ее слова заглушил детский гам — тридцать учеников высыпали из школы во двор. Она с улыбкой смотрела, как они разбегаются кто куда. Эдмон спешил к Элизабет и Симону, вышедшим ему навстречу.

— Ваш поселок не такой уж и заброшенный, как говорят! — заключила добрая женщина. — Мадам Лора так и сказала — «заброшенный поселок». Но я сама очень рада, что буду жить за городом. Я родилась в Тадуссаке и выросла на свежем воздухе. Когда выяснилось, что мы уезжаем из Монреала, я обрадовалась. А дом будет готов к приему хозяйки еще до захода солнца, слово Мирей! Что-то Селестен не показывается... Я его знаю — уже ворчит... Ваша мать должна приехать к вечернему чаепитию. Знакомый из Роберваля привезет ее на машине.

Эрмин на радостях готова была расцеловать экономку. Но она сдержалась, чтобы не показаться нескромной и несдержанной.

— Я хочу познакомить вас с Элизабет Маруа, женщиной, которая, так сказать, вырастила меня. Это наша самая близкая соседка. Я называю ее Бетти.

Мирей поздоровалась с молодой женщиной, ущипнула за щеку

Эдмона, искренне улыбнулась Симону.

— Оставайся с мадам, Мимин, — сказала Элизабет. — А мы вернемся домой. Насколько я поняла, Лора скоро приедет. Но постарайся не опаздывать к ужину, не то Жозеф рассердится.

— Хорошо, Бетти, обещаю.

Девушка следом за Мирей вошла в дом, загроможденный коробками, диванами и матрацами. Она с нетерпением ожидала приезда матери, а пока решила помочь энергичной Мирей наводить порядок. Однако всякий раз, когда Эрмин предлагала свою помощь, как та останавливала ее нетерпеливым жестом.

— Мадемуазель, это моя обязанность, а не ваша, — повторяла Мирей.

— Если хозяйка узнает, что вы хоть пальчиком пошевелили, она устроит нам нагоняй, — подтвердил Селестен.

— Глупости! — возмутилась Эрмин через четверть часа бесплодных попыток помочь. — Я убираю весь дом у Бетти и монастырскую школу. Я не из сахара сделана! Я дою корову и чищу стойло Шинука, нашего коня. У меня никогда не было прислуги. И точно никогда не будет! И вообще, я делаю то, что хочу!

Девушка сняла крышку с огромного ящика, достала оттуда стопку тарелок и Демонстративно начала расставлять их на полках дубового серванта, стоящего между окнами. Мирей смирилась, но в глубине души была не так уж недовольна.

— У вас есть характер, мадемуазель Эрмин, — сказала она, когда они с девушкой вместе стелили постель в самой чистой и солнечной комнате дома. — Мадам говорит, у вас самый красивый голос во всем Квебеке.

Сияя от счастья, девушка погладила тонкую, приятно пахнущую ткань наволочки, которую только что развернула. Она с восхищением посмотрела на бархатные шторы с подкладкой, которые как раз подвешивал к карнизу Селестен.

— Я люблю петь, но что у меня самый лучший в стране голос — это преувеличение!

В стремлении излить переполнявшие ее душу чувства девушка без всяких вступлений запела арию, которая, по ее мнению, больше всего соответствовала моменту:

О, Магали, любовь моя!
Уединимся, ты и я,
Под сенью крон, в лесной тиши,
Под сенью крон, в лесной тиши!

Нам покрывалом будет ночь,
А звездный свет...

Эта ария была написана для сильного сопрано. Начиная со слов «звездный свет» тон повышался, и голос девушки разнесся по всему дому. Мирей и Селестен замерли, словно зачарованные. Они с восторгом и благоговением смотрели на хрупкую девушку, способную совершить такое чудо.

— Это отрывок из оперы «Мирей», — сказала Эрмин, закончив петь. — Специально для вас, мадам!

— Боже милосердный, она называет меня мадам! Дорогая мадемуазель, зовите меня просто Мирей. Теперь я понимаю, почему вас называют снежным соловьем.

Экономка замерла, зрачки ее зеленых глаз расширились. Она увидела, что на пороге комнаты стоят Лора и Ханс Цале. На звук их аплодисментов Эрмин обернулась.

— Мама! Мама, ну наконец-то! — воскликнула девушка.

В следующее мгновение Лора уже прижимала ее к груди. Пианист с умилением смотрел на мать и дочь.

— Моя дорогая девочка, я так торопилась с переездом! Но мне пришлось уладить очень много дел.

— Здравствуйте, мадемуазель Эрмин, — поприветствовал девушку Ханс Цале. — Вы пели прекрасно! Мне показалось даже, что здесь, в дорогом вашему сердцу поселке, вы поете лучше, чем перед публикой в Робервале.

— И вы правы, месье Цале, — сказала Эрмин.

— Можете называть меня Ханс, — поспешил сказать молодой человек. — По четвергам мы будем заниматься. Ваша мать наняла меня в качестве учителя пения.

Эрмин улыбкой выразила свое согласие. У нее было единственное желание — оказаться с Лорой наедине, однако в данный момент это казалось невозможным.

— Мама, тебе понравился дом? — спросила она. — Мне кажется, это самый красивый дом в Валь-Жальбере.

— Мне тоже так кажется. Но мне понравился бы любой, лишь бы ты была рядом. Мирей, я пригласила месье Цале выпить с нами чаю. Когда он будет готов?

— Я сама! — объявила девушка. — До вечера еще так много нужно

успеть! Мирей и Селестен и так работают не покладая рук!

Она спустилась на первый этаж, в кухню, и стала разбирать посуду, упакованную в три ящика. В центре стола возвышалась новая переносная спиртовка.

«Мне придется привыкнуть, что мама раздает приказания своим слугам, — подумала она. — Но мне лично это не нравится. И все-таки хорошо, что ей не придется жить совсем одной в таком громадном доме, ведь я по-прежнему буду жить у Маруа...»

Чаепитие было очень приятным. Лора приказала вынести на террасу столик на одной ножке и несколько стульев. Ханс без усталости восхищался окружающими пейзажами.

— Клены скоро наденут свой красный наряд, который придает нашим лесам такое очарование! — восклицал он, размахивая имбирным печеньем. — Поселок не производит впечатления заброшенного, по крайней мере, не настолько, как я опасался.

— Пока колокол на монастырской школе звонит в восемь утра и в четыре пополудни, Валь-Жальбер не умрет, — сказала Эрмин.

Сквозь листву просачивался оранжевый солнечный свет. Лора сняла черную соломенную шляпку, которая отбрасывала тень на ее лицо. Откинув голову назад, она провела ладонью по волнистым, бледно-золотистого цвета волосам.

— Мама, что ты сделала? — воскликнула удивленная Эрмин. — Ты стала блондинкой? Но как это возможно?

— Дорогая, как ты знаешь, женщины красят волосы по своему желанию. Мне надоела седина. Тебе нравится моя новая прическа?

— Она делает тебя моложе, это правда, — сказала Эрмин. — Мне нужно время, чтобы привыкнуть. Но ты была очень красивой и с седеющими волосами. А какого цвета у тебя были волосы в моем возрасте?

— Такие же, как у тебя, — светло-каштановые. Мне давно хотелось что-то изменить во внешности. Мой парикмахер сказал, что я теперь похожа на Мэри Пикфорд [\[51\]](#), американскую актрису. Я сочла это комплиментом. Мы с Фрэнком видели фильм с ее участием, «Бедная богатая маленькая девочка», снятый режиссером Морисом Турнером. Увы, в Валь-Жальбере нет ни кинотеатра, ни парикмахерской!

— Раньше в поселке работал мужской парикмахер, — сказала девушка.

Ханс Цале по очереди смотрел на мать и дочь. Музыкант был польщен тем, что он единственный мужчина, которого пригласили составить компанию двум столь очаровательным дамам.

— Этот дом на краю леса, по-моему, идеальное гнездышко для соловья, — пошутил он.

Его сердце начинало биться чаще, стоило ему взглянуть на юную певицу. Лора, понаблюдав за ним немного, пришла к правильному выводу. Теперь она одобрительно улыбалась.

— Соловей, который не решается расправить свои крылья, — добавила она. — Моя дорогая девочка, у тебя лирическое сопрано, и ты легко научишься владеть голосом и освоишь сольфеджио, не так ли? Тебе это нужно. Я не эксперт в области вокала, но мне это показалось очевидным, когда я впервые услышала тебя в «Château Roberval». Для человека с музыкальным слухом это несомненно. Зато через год или два ты сможешь выступить в Капитолии, в Квебеке. Месье Цале со мной согласен.

— Может быть, — тихо отозвалась девушка.

— Конечно, сможете! — подтвердил пианист.

Они поговорили еще немного о прекрасной погоде, обсудили расписание занятий. Поиграв немного на новом инструменте, Ханс Цале сказал, что он великолепен, затем откланялся и уехал. Эрмин с тайным удовлетворением смотрела вслед его автомобилю, подскакивавшему на проселочной дороге.

— Завтра я покажу тебе Валь-Жальбер, — сказала она Лоре. — Если ты не слишком устала...

— Даже усталая, я пойду, куда ты захочешь, — сказала та. — Дорогая, я буду очень счастливо жить в этом поселке. По утрам я буду смотреть в окно на монастырскую школу и думать о тебе. Когда мы проехали на машине мимо ее крыльца, у меня чуть сердце не разорвалось. Подумать только, ведь ты лежала на этом крыльце, закутанная в меха, — мое дорогое дитя, такая маленькая и к тому же тяжело больная!

Лора вздрогнула всем телом, на глаза навернулись слезы. Эрмин крепко обняла мать.

— Мама, это в прошлом. Теперь ты со мной!

Они рука об руку прошли по всем комнатам, рассмотрели мебель. Мирей в это время расставляла лампы и безделушки, которые привезли упакованными в старую газетную бумагу. Начало темнеть, когда экономка занялась приготовлением ужина.

— Мадемуазель, вы останетесь на ужин? — спросила она у Эрмин.

— С удовольствием осталась бы, но мне нужно вернуться в дом опекуна. Ты не очень расстроишься, мама?

— Совсем немножко. Но я хочу установить добрые отношения с семьей Маруа. Если ты их не предупредила, они могут подумать, что я

задержала тебя нарочно, зная, что им это не понравится.

Они попрощались на пороге. Эрмин обняла мать и дважды поцеловала.

— Мне все еще не верится, что ты теперь навсегда со мной. Если бы ты знала, как мне хочется провести этот первый вечер с тобой! Твой дом такой уютный, в нем столько света...

Девушка смотрела на фасад. В доме, окутанном сумерками, ярко горели окна. Льняные шторы создавали атмосферу уюта.

— Все такое красивое, — сказала она. — И фортепиано, и картины, и ковры...

— Моя дорогая, ты сможешь насладиться всем этим в другой раз, в другой вечер, — сказала Лора. — Я ведь не собираюсь уезжать. А теперь бегом домой! Уже очень темно.

— Мне нечего бояться, мама, — заверила Лору девушка.

Она побежала по густой траве, и через мгновение ее фигурка растворилась в мягкой темной тени деревьев.

«Моя новая жизнь начинается, — думала девушка. — Жизнь с настоящей матерью!»

В темноте Эрмин на кого-то наткнулась. Судя по фигуре, это был мужчина, и от него пахло алкоголем и табаком. Жозеф...

— Я пришел за тобой, — пророкотал он. — Бетти уже разлила суп. Не хватало, чтобы все остыло, пока ты занимаешься своими глупостями!

— Но я совсем не опоздала, — возразила девушка.

Рабочий положил узловатую руку ей на плечо и сжал так, что ногти вонзились в нежную девичью кожу.

— Не пытайся меня одурачить, Мимин, — угрожающе сказал он, приблизив свое лицо к ее лицу. — У меня большие планы! Ты станешь моей невесткой, будешь продавать диски, а деньги мы положим в банк. Я хочу снять для вас с Симоном дом моего старого приятеля Амеде. О семье Маруа еще узнают! Маруа — солидные, уважаемые люди!

Жозеф бормотал еще что-то, но хватка его не ослабевала. Эрмин догадалась, что сегодня он выпил больше обычного. Она попыталась высвободиться, но Жозеф свободной рукой схватил ее за талию.

— Ты выросла на моих глазах, Мимин, и я тебя люблю, очень сильно люблю. Если твоя мать захочет тебя забрать, это будет война. Я запросто подожгу этот барак, дом бывшего управляющего! Так что в твоих интересах быть покладистой, если хочешь, чтобы твоя мамочка Лора не сгорела заживо в адском пламени!

Он прижался плохо выбритой щекой, к свежей и гладкой щеке

девушки. Эрмин схватила его за волосы и дернула изо всех сил. Страх лишил ее дара речи. Жозеф стиснул зубы, чтобы не закричать от боли, и еще сильнее прижал ее к себе. Эрмин обмерла — одну руку он освободил и теперь расстегивал ремень брюк.

— Нет! Нет! — взмолилась она. — Ради Бога, только не это!

— Ты о чем подумала, дурочка? — Жозеф с трудом переводил дыхание. — Я не собираюсь бесчестить будущую жену своего сына. Но ты заслужила наказание! Давно надо было показать тебе, кто здесь главный!

Девушка отбивалась, задыхаясь от страха. Она прекрасно помнила, какие следы оставляет на теле тяжелый ремень: Арман не моргнув глазом выносил порки, начиная с шестилетнего возраста и до сих пор.

— Я не сделала ничего плохого! — простонала она.

Внезапно рядом раздался голос Симона:

— Оставь ее в покое, отец! Ты пьян. Мне за тебя стыдно!

Юноша вырвал Эрмин из рук отца. Девушка разрыдалась. Жозеф, спотыкаясь, растворился в темноте.

— Симон, прошу тебя, останови его, — взмолилась Эрмин. — Он собирается поджечь дом моей матери!

— Не бойся, это пустые угрозы пьяного. Идем, мама успела разволноваться. Мне очень жаль, Мимин... Отец в последнее время слишком много пьет.

— Даже в трезвом виде он жестокий и безжалостный, — всхлипывая, сказала девушка. — За что он так ненавидит мою мать?

— Она богата, и он завидует, — вздохнул Симон.

Эрмин ухватила за него, и они пошли к дому семейства Маруа.

— На этот раз я скажу маме правду, — заявил Симон, когда они остановились перед домом. — Одна она может на него повлиять. Мимин, было бы лучше, если бы ты поскорее вышла замуж. Мой отец перестанет к тебе цепляться, если у тебя появится защитник. Жо — трус, он бьет только детей и тех, кто слабее его.

— Он никогда не бил Бетти! — заметила девушка.

— Да! Ее — никогда, — согласился Симон.

Элизабет с испугом посмотрела на блузку девушки, разорванную до второй пуговицы, потом перевела взгляд на ее взволнованное лицо. Арман и Эдмон успели поужинать, поэтому она отправила мальчиков в спальню. Симон шепотом рассказал, что случилось.

— Жо не за что на тебя сердиться, Мимин, — сказала Элизабет просто. — Я ему об этом говорила. Он выпил полбутылки джина, потом еще пива. Бедный мой Жо! Он был таким хорошим работником, таким

хорошим мужем! Я уже жалею о том, что ты научилась петь, дорогая. Эти грандиозные проекты совсем свели его с ума!

Эрмин не осмеливалась ответить. Она без конца поглядывала в окно, боясь увидеть разрывающие ночь языки пламени.

Симон силой усадил мать на стул. Элизабет дрожала всем телом. Она положила руки на едва округлившийся животик.

— У меня нет больше сил, дети мои, — призналась она. — Собирай вещи, Мимин, и переходи жить к Лоре. Мне все равно, что закон на стороне Жо. А я хочу вернуться к родителям в Шамбор. С тех пор как закрылась фабрика, Жо сам не свой. Сегодня вечером он отхлестал Эдмона по щекам за то, что тот пролил немного супа на скатерть. Если он поднимет на меня руку, я уеду.

— Грязное животное! — сказала Эрмин тихо. — Когда я была маленькой, я его боялась, и не без причины. И сегодня я испугалась, Бетти. Жозеф расстегивал ремень, это было ужасно!

— Моя бедная крошка! У меня сердце разрывается, когда я это слышу! — воскликнула Элизабет.

Девушка посмотрела на хозяйку дома. Лицо Элизабет было словно восковое, глаза обведены сиреневыми кругами. Сердце ее замерло от жалости. Эрмин подошла и погладила лоб молодой женщины.

— Ты заслуживаешь лучшего мужа, чем Жо, Бетти, дорогая, — сказала она. — Не расстраивайся так сильно, Симон пришел вовремя. Скоро все это забудется.

— Уходи к матери сегодня же, Мимин! — продолжала настаивать Элизабет. — Лора позаботится и о тебе, и о твоей карьере. Завтра я все расскажу аббату Деганьону и мэру. Они сурово отчитают Жо, они его вразумят. Он дорожит своей репутацией и не будет больше устраивать скандалов.

— Нет. Я хочу остаться с тобой и помогать тебе, по крайней мере, до рождения ребенка, — твердо сказала Эрмин. — Ты выглядишь усталой.

— Да, я и правда очень устала. Пойду-ка я спать, хотя сердце у меня не на месте. Поведение Жо мне противно.

Симон отвел мать на второй этаж. Эрмин убрала со стола, вымыла посуду и подмела в кухне. Она часто поглядывала в окно, чтобы убедиться, что нигде ничего не горит.

«Это было бы ужасно, если бы Жозеф и вправду решился поджечь дом, — думала она. — Мама так рада, что наконец переехала! Но она, конечно, не сгорит в огне. Селестен и Мирей ее спасут!»

Как и многие жители Квебека, Эрмин панически боялась пожаров.

Невозможно было стереть из памяти день, когда они с Симоном с плотины на реке Уиатшуан смотрели, как горит церковь. Рассказывали, что единственная в Валь-Жальбере гостиница ^[52]тоже в свое время пострадала от пожара.

«Мне в 1918 году было только три года. Конечно, все, что сгорело, быстро отстроили, но множество личных вещей пропало безвозвратно...»

Беспокойство ее не ослабевало. Наконец сверху спустился Симон. Вид у него был встревоженный.

— Пойду поищу отца, — сказал он. — Мама боится, как бы он не наделал глупостей.

— О чем ты говоришь?

— Как бы он не повесился на потолочном бруске на фабрике! Он забрал с собой ключи. У отца плохой характер, он скор на расправу, но при этом, что удивительно, у него есть совесть. Я знаю, сегодня вечером он приставал к тебе. Поверь, Мимин, завтра утром он будет умирать от стыда. Может, даже раньше.

Девушка едва удержалась от реплики: «Я бы удивилась, если бы ты оказался прав». Симон был искренне обеспокоен.

— Иди поищи его, а я подожду, пока ты вернешься.

Девушка смотрела, как Симон уходит. Он был старше ее на полгода — сильный, мускулистый, черноволосый, с красивым мужественным лицом. Несмотря на его юный возраст, на подбородке пробивалась густая щетина. Перед тем как исчезнуть за дверью, юноша остановился и дружески ей подмигнул.

«Он намного добрее, чем его отец, и все-таки мне не нравится. Даже будь он последним мужчиной на земле, я бы не хотела стать его женой. Хотя, наверное, я преувеличиваю...»

Эрмин присела за стол и принялась листать вчерашнюю газету. Думы ее свелись к одному — как непредсказуемо и загадочно женское сердце.

«Почему Тошан очаровал меня одним-единственным взглядом, одной-единственной улыбкой? Почему люди тянутся друг к другу несмотря на то, что все против их союза? Взять хотя бы Ханса Цале. Я вижу, с какой нежностью он на меня смотрит. Возможно, он влюблен в меня. Но я люблю моего Тошана, и никого больше!»

Она снова и снова повторяла про себя имя возлюбленного. Оно звучало непривычно, ведь Эрмин с детства окружали мужчины с традиционными французскими или английскими именами.

«Хотя встречались и необычные имена. Бывшего мэра, того, который в годы моего детства был хозяином универсального магазина, звали Велли,

Велли Фортен. А вот у Бетти все сыновья получили традиционные имена — Симон, Арман, Эдмон...»

Чтобы успокоиться, девушка продолжала вспоминать, какие ей довелось слышать имена. Когда очередь дошла до имени Онезим, со второго этажа донесся пронзительный крик боли.

— О нет! Господи, нет! — кричала Элизабет.

У Эрмин кровь застыла в жилах. Несколько секунд она не могла пошевелиться, потом бросилась вверх по лестнице. Арман стоял посреди коридора в пятне света.

— Это мама кричит, Мимин! Что с ней?

— Вернись в спальню и успокой Эдмона, я слышу, он уже плачет! — приказала девушка, подталкивая мальчика к двери.

Она вошла в спальню четы Маруа. Элизабет корчилась от боли на смятых простынях. Под ней расплывалось пятно крови.

— Эрмин, мне плохо! Эрмин, я теряю ребенка! Снова, снова теряю моего малыша! Почему, Господи, почему?

Растрепанная, с блуждающим взглядом, молодая женщина с трудом переводила дыхание. Вспомнив о приличиях, она попыталась натянуть одеяло на обнаженные ноги.

— Чем я могу помочь тебе, Бетти? — пробормотала девушка. — Скажи, прошу!

— В поселке нет повитухи, нет доктора! — выдохнула Элизабет. — Из меня вытекает слишком много крови. Это началось так внезапно! И мне больно, очень больно!

— Успокойся, Бетти, — попросила Элизабет. — Ты вся в поту! Симон побежал искать Жозефа. Лишь бы он его нашел!

— Твоя мать, Лора... Сходи к ней! Может, она позвонит доктору Демиллю, из Роберваля он доедет быстро. Мимин, мне страшно умирать! Когда мне было шесть лет, наша соседка в Шамборе умерла точно так же, от потери крови. Я была почти на четвертом месяце. Я хотела девочку, маленькую милую девочку, мою родную, потому что я знаю: ты скоро уедешь...

Элизабет теребила и кусала свою подушку, ее крики перемежались рыданиями.

— Ты хочешь, чтобы я сходила к маме? — спросила испуганная Эрмин. — Но я не могу оставить тебя одну! Что, если я вернусь, а ты умерла? Бетти, я придумала! Пошлю-ка я Армана, хорошо? Он быстро оденется!

Молодая женщина жалобно вскрикнула, и Эрмин сочла это

выражением согласия. Через пять минут вооруженный фонариком Арман уже бежал к дому Лоры.

Мадам Шарлебуа писала, сидя за столом в стиле Людовика XVI, который подарил ей Фрэнк Шарлебуа. Утомленные хлопотами, сопровождавшими переезд, Мирей и Селестен уже спали. Каждому из них досталась такая же удобная комната, как и у хозяйки.

— На помощь, мадам! На помощь! — закричал Арман и забарабанил кулаками в двустворчатую дверь. — Вас зовут к нам, к Маруа!

Лора бросилась открывать и оказалась нос к носу с коротко стриженным мальчиком лет двенадцати.

— Мимин послала меня к вам, мадам. Моей матери плохо. Я думаю, она потеряла ребенка. Я не глухой. Я слышал... в коридоре.

— Господи милосердный! — воскликнула Лора. — А чем занят твой отец? Зачем вам я? Я не акушерка и не медсестра...

— Папа напился, мадам, и ушел куда-то, если я правильно понял. Мой старший брат его ищет.

— Я иду. Подожди меня!

Лора разбудила Мирей и объяснила ситуацию. Экономка надела тапочки и домашний халат. Из аптечки она захватила флакон с камфарным спиртом и пакет ваты.

— Для первой ночи, мадам, это уж слишком, — проворчала она. — Что это за место? Ни докторов, ни акушерок! В доме у нас есть телефон, или он не работает?

— Думаю, его нужно починить. Поторопитесь, Мирей! Моей дочери нужна наша помощь. И этой несчастной Элизабет! Кто знает, может, мой приезд так ее расстроил! Если так, то это я виновата, что с ней случилась беда!

— Не говорите глупостей, мадам! Преждевременные роды всегда начинаются внезапно, и никто не знает причины. Слава тебе, Господи, у меня хватило ума не выходить замуж. Мне не хотелось мучиться в родах, как все женщины!

С этими словами Мирей торопливым шагом спустилась по лестнице, Лора — за ней. Арман приплясывал на месте от нетерпения. Он, повел за собой женщин, высоко подняв свой фонарик. Дойдя до крыльца дома семьи Маруа, он собрался было подняться по ступенькам, но Мирей удержала его за локоть.

— А ты, мой мальчик, беги и разбуди кого-нибудь, у кого работает телефон. Мы с мадам чудес творить не умеем. Твоей матери нужен хороший доктор. Как тебя зовут?

— Арман, мадам.

— Беги, Арман! Беги скорее!

— Пойду к господину мэру! — откликнулся мальчик.

Лора и Мирей вошли в кухню. С верхнего этажа доносились крики и стоны несчастной Элизабет и успокаивающий голос Эрмин. Плакал ребенок.

— У Элизабет Маруа есть пятилетний сын, наверное, он испугался, — заметила Лора.

— Я иду наверх, мадам. А вы бледны как полотно. Идемте, вы займетесь малышом.

— Я должна помочь дочери, — возразила Лора. — Эрмин еще слишком молода для таких испытаний.

— Прошу прощения, мадам, но я с вами не согласна. Вашей дочери скоро исполнится шестнадцать. И очень скоро она станет женщиной, забеременеет и родит ребенка, а то и нескольких, — вздохнула Мирей.

— Ей еще рано замуж! Тем более что у нее прекрасный голос. Я хочу поехать с Эрмин в Европу, услышать, как она поет в лучших операх мира! Ей не следует торопиться.

Женщины поднялись по лестнице и пошли по коридору. Из комнаты справа вышла Эрмин.

— Мама, спасибо, что пришла так быстро! И вам, Мирей, тоже спасибо.

Экономка направилась напрямик к постели Элизабет. Лора глазами указала дочери на комнату напротив, в которой тускло светился ночник. Одетый в пижаму Эдмон лежал на полу лицом вниз и плакал. Девушка подбежала к нему и подняла малыша.

— Не бойся, Эдмон, дорогой, твоя мама поправится, — ласково сказала она. — А теперь нужно высморкаться и вытереть глазки. Я не могла прийти к тебе раньше. Я положу тебя спать в мою постель.

И добавила шепотом, обращаясь к Лоре:

— Я не осмеливалась оставить Бетти одну. Она так мучится!

— Арман побежал к мэру просить, чтобы позвонили доктору, — сказала ее мать.

Девушка отнесла Эдмона в свою комнату на первом этаже. Лора последовала за дочерью. Ей было неудобно ходить по дому вот так, без приглашения хозяев.

— Раньше это была гостиная, — дрожащим голосом пояснила Эрмин. Веки ее распухли от слез. — На прошлое Рождество Маруа устроили мне сюрприз — повесили новые шторы, перекрасили стены, купили

электрофон. А в этом углу стояла наряженная елка.

Она заботливо уложила Эдмона на кровать и подоткнула одеяло.

— Засыпай скорее, дорогой. Завтра я испеку кексы и угощу тебя черничным вареньем.

Лора задумчиво смотрела на Эрмин. Под крышей этого дома ее дочь росла, играла, ухаживала за младшими детьми. Перед ней открылась еще одна грань жизни Эрмин.

«Да, она прекрасно поет, — думала Лора. — Но в придачу она умеет делать всю работу по дому, умеет готовить и заниматься с малышами. И она привязана к этому поселку, к этой семье. Я же ворвалась в ее жизнь внезапно. С чего бы ей любить меня?»

Эрмин пообещала Эдмону, что оставит дверь приоткрытой, чтобы ему было спокойнее.

— Мама, мне нужно вернуться к Бетти! Ты пойдешь со мной?

— Но она будет стесняться, — предположила Лора. — Я для нее чужая.

— Прощу тебя, идем со мной! Я так боюсь, что она умрет! Наверху не слышно криков, вообще ничего!

— Мирей спустилась бы сказать, если бы случилось несчастье. Дорогая, от преждевременных родов не умирают!

Лора прочла в голубых глазах дочери такую мольбу, что сразу сдалась.

Элизабет, казалось, дремала, сложив руки поверх простыни. Лицо ее было мертвенно-бледным. Сидя у изголовья кровати, Мирей читала молитвы, перебирая крупные бусины великолепных четок из слоновой кости.

— Она отдыхает, — сказала экономка. — Я поменяла все постельное белье. Грязные простыни спрятала в чулан. Милой даме я дала понюхать камфарного спирту, и это ее успокоило.

Эрмин потрогала лоб молодой женщины. К ее величайшему облегчению, кожа была влажной, но теплой.

— Она все еще теряет кровь? — спросила девушка у Мирей.

— Да, мадемуазель. Доктор объяснит лучше, если только приедет! Побудьте с ней, а я спущусь в кухню и приготовлю какое-нибудь теплое питье. Это придаст бедняжке сил.

— В синей кастрюле осталось немного куриного бульона, — тихо сказала девушка.

Лора чувствовала себя ненужной. Она отошла к окну, выходящему на улицу Сен-Жорж. Кое-где горели фонари, но в целом улица казалась темной.

Эрмин молчала, прислушиваясь к неровному дыханию Элизабет. Время от времени она поглаживала ее по руке или по волосам.

— Будет ужасно, если наша Бетти умрет, — наконец проговорила она. — Эдмон еще слишком маленький, чтобы остаться без мамы. Арман станет нехорошим. У него трудный характер.

— И для тебя это стало бы большим несчастьем, — сказала Лора. — Я приехала сюда счастливая, как никогда, но, увидев тебя под этой крышей, стала во всем сомневаться. Наверное, в глубине души ты ненавидишь меня, Эрмин. Элизабет стала тебе матерью, это она баюкала тебя и заботилась о тебе. Я никогда не смогу искупить то горе, которое тебе причинила!

— Мама, не говори так! В моем сердце хватит места для вас двоих!

Элизабет застонала. Она открыла глаза и посмотрела на Лору.

— Мадам, я узнала вас по голосу. Эрмин никогда не испытывала к вам ненависти. Это добрая и милосердная девочка. Берегите ее, вверяю ее вам. Еще не поздно, у вас впереди много счастливых лет, чтобы любить ее и беречь!

— Бетти, не говори так! — взмолилась девушка. — Ты не можешь меня бросить! Держись!

Эрмин со страхом смотрела на ласковое лицо молодой женщины, окруженное потемневшими от пота золотистыми кудрями.

— Мы отпразднуем Рождество вместе! Слышишь, Бетти? Я буду петь в церкви, а потом мы все вместе поужинаем у мамы!

— Мне бы очень хотелось, чтобы все так было, Мимин, но я чувствую себя такой слабой!

Утирая слезы, Лора снова повернулась к окну. К дому подходили Жозеф и Симон.

— Эрмин, идет твой опекун, — прошептала она. — Господи, у меня совсем нет настроения с ним ссориться!

— Я потеряла ребенка по вине моего мужа, мадам, — сказала Элизабет. — Ничего не бойтесь.

В кухне Мирей встречала Жозефа и Симона Маруа. Рабочий успел протрезветь и теперь с удивлением смотрел на чужую женщину, полную и седовласую, которая сутилась у печки. Симон шепнул, что это, должно быть, экономка мадам Лоры.

— Что она делает на нашей кухне? — спросил Жозеф.

— Грею куриный бульон, который я сдобрила перцем, месье! — ответила экономка. — Мадемуазель Эрмин позвала нас, мадам и меня, потому что ваша супруга очень больна.

— Мама больна? — встревожился Симон.

— Хуже, мой милый юноша, — вздохнула Мирей. — Я отправила вашего брата туда, где есть телефон, чтобы быстрее вызвали доктора.

Жозеф потер подбородок. Гнев и необъяснимая злоба вдруг потеряли свой смысл. Судьба Бетти — вот единственное, что его сейчас волновало.

— Что с моей женой? — испуганно спросил он.

— Преждевременные роды, месье. Я говорю как есть, в этом нет ничего постыдного.

Симон вздохнул. Жозеф тяжело опустился на стул и стукнулся лбом о стол. Он чувствовал себя виноватым в этом несчастье.

— Вы можете подняться наверх и утешить супругу, месье. Это все же лучше, чем пытаться себя добить, — сказала Мирей. — Но предупреждаю: в ее комнате моя хозяйка и мадемуазель Эрмин. Я много чего знаю, и вот вам мое мнение: сейчас самое время заключить мировую. Ваша жена и так настрадалась, лишившись малыша.

Жозеф встал. Казалось, он постарел лет на десять. Симон нашел отца на заброшенном фабричном вокзале. Юноша говорил прямо и безжалостно:

— Я всё рассказал маме. Всё: и что ты хотел ударить Мимин, и что тряс ее... Если это повторится, я чувствую, что могу тебя убить, отец, хотя знаю, что за это меня посадят в тюрьму. Хотя я и так в тюрьме — в этом твоём поселке...

Мирей поставила на поднос дымящуюся чашку и с любопытством посмотрела сначала на хозяина дома, потом на Симона. Однако в этот момент послышался шум мотора. Доктор Демиль остановился у крыльца. Арман выскочил из машины и ворвался в дом.

— Мама жива? Скажи, пап, скажи, Симон?

— Жива, мой мальчик, — успокоила его экономка.

Врач сильно постарел. Он не бывал в Валь-Жальбере со времен ужасной эпидемии испанского гриппа 1918 года. Лысый и располневший, он теперь носил очки. Поприветствовав Жозефа, он провозгласил:

— Если кровотечение сильное, я не смогу ничем помочь вашей супруге, месье. Что за блажь — остаться жить здесь, вдали от всех удобств, которые предоставляет нам современный мир!

Рабочий в замешательстве кивнул. Он впервые задумался, как будет жить без своей Бетти. Эта мысль была ему невыносима.

На верхних ступенях лестницы появилась Лора. Враги смотрели друг на друга, в то время как доктор медленно поднимался.

— Спасибо, мадам, что поспешили прийти, — пробормотал Жозеф.

— Соседи должны помогать друг другу, — ответила Лора.

Похоже, примирение состоялось. Эрмин тоже спустилась на первый

этаж. Она старалась не смотреть Жозефу в глаза, когда они столкнулись возле комнаты Бетти.

— Господи, сделай так, чтобы Бетти поправилась! — сказала она.

— Ома поправится, мадемуазель. Я молилась за нее всей душой! — отозвалась Мирей.

Экономка оказалась права. Доктор тщательно осмотрел больную и вынес вердикт: молодая женщина вне опасности. Указав на клочке бумаги сумму своего гонорара, он уехал. Симон и Арман пошли спать.

Эрмин вышла проводить Лору и Мирей. Она одолжила им фонарик. Все три так устали, что большую часть времени молчали, а если и разговаривали, то шепотом.

— Доброй ночи, мама! Доброй ночи, мадам Мирей! Мне теперь намного спокойнее. Спасибо еще раз, что пришли.

Лора порывисто поцеловала дочь.

— Все устроится, правда? — шепнула она на ухо девушке.

— Конечно, устроится, мама. До завтра!

Девушка повернулась и пошла к дому. Она решила не рассказывать матери о недостойном поведении своего опекуна. Бетти спасена, и это единственное, что было сейчас для нее по-настоящему важно.

Близилась осень. За ней следом явится и зима со своим кортежем холодов и метелей. Пройдут месяцы, и между Жозефом и Лорой воцарится мир, а может, и дружба. Эрмин очень хотелось в это верить. Ибо это была цена ее счастья.

Глава 13. Modus vivendi

Валь-Жальбер, 30 сентября 1930 года

Из окон гостиной открывался прекрасный вид на разливы пурпурной и золотой листвы. Дом Лоры со всех сторон окружали молодые еще деревья, создавая восхитительный пейзаж. Стоящее в зените солнце освещало даже мельчайшие листики, ласковый ветер колыхал ветви.

Сидя за фортепиано, Эрмин без устали любовалась прекрасной картиной, которую являла собой природа в осеннем наряде.

— Modus vivendi! ^[53] Мама столько всего знает!

Прошлым вечером Лора зашла к Маруа. Она принесла для Элизабет, к которой медленно возвращались силы, хинную настойку — тонизирующий напиток с горьковатым вкусом. Жозеф был подчеркнуто любезен с гостьей. Они даже вместе выпили кофе. Когда Эрмин с матерью уже были на улице, Лора сказала: «Мы нашли *modus vivendi* ради спокойствия и благополучия Бетти».

Вспомнив лукавую улыбку, которая осветила при этом лицо Лоры, довольная Эрмин тоже улыбнулась. Она опустила руки на клавиши и сыграла «К Элизе» Бетховена. Ханс Цале задерживался, и это огорчало девушку.

«После урока я поведу маму на экскурсию по Валь-Жальберу. На этот раз нам ничто не сможет помешать. Казарки улетели на юг, значит, близятся холода. Сегодня или никогда! С того дня, как она переехала, мы ни разу не гуляли вдвоем!»

На дороге появился автомобиль. Это был черный «форд» Ханса Цале. Эрмин никогда не была кокеткой, но ей льстило внимание этого тридцатипятилетнего мужчины. Внешне он был не слишком привлекателен, но Лора находила его весьма обаятельным и располагающим к себе.

— Он хорошо воспитан и образован, — говорила она дочери. — И еще у него приятная улыбка и умные глаза.

Мирен ввела Ханса в комнату. Девушку забавляло лукавое выражение лица экономки, с которым та смотрела на них с музыкантом, хотя она полагала, что Мирей недостает деликатности.

— Месье Цале, мадемуазель!

Эрмин вскочила с табурета и быстрым шагом направилась к своему

учителю. Он с улыбкой поприветствовал ее, но девушка догнала экономку и удержала ее за оборку белого фартука.

— В следующий раз, Мирей, ты скажешь: «Эрмин, приехал Ханс!» В противном случае я буду брать уроки музыки в лесу, а играть мне придется на губной гармошке!

— Это было бы очень неудобно, мадемуазель! — возразила экономка.

— Конечно! И все из-за твоего упрямства! — пошутила Девушка, желая ее подразнить.

Она решила, что будет называть Мирей, которая ей очень нравилась, на «ты». Они с экономкой прекрасно ладили.

Ханс устроился за фортепиано. Он на мгновение задумался, потом сыграл начало «Турецкого марша» Моцарта. Эрмин любила смотреть, как он играет, очарованная его мастерством. Тонкие пальцы с ухоженными ногтями пробегали по клавишам, взлетали, подрагивая, и падали снова. Ей часто казалось, что руки месье Цале похожи на сказочных бескрылых птиц, наделенных магической силой.

— Вы великий артист! Когда вы играете, мне хочется танцевать, — с улыбкой сказала она.

— Я никогда прежде не видел вас такой веселой, — сказал Ханс.

— Потому что я наконец счастлива, — отозвалась Эрмин. — Я могу приходить к маме так часто, как хочется. Бетти сегодня утром встала с кровати, сделала несколько шагов и поела с большим аппетитом. Жозеф не пьет. Похоже, он решил вести себя примерно. Пообещал жене, что не станет гневаться. Думаю, он сдержит слово.

Лора и Эрмин посвятили пианиста в недавние события.

— И, что самое важное, мама и Жозеф нашли способ уладить дело миром, — добавила Эрмин. — Нашли *modus vivendi*! Я услышала это выражение вчера и не устаю его повторять. Я чувствую себя невежественной по сравнению с мамой. Даже Алис Паже, учительница, не знает этого выражения, потому что оно — латинское. А вы знаете?

— Я знаю латынь благодаря отцу, который был очень начитанным человеком. Что ж, очаровательная мадемуазель, с чего начнем?

Комплимент был ей приятен. Эрмин покраснела, быстро отвернулась, чтобы скрыть это, и выждала несколько секунд, прежде чем вновь повернуться к музыканту.

Ханс пристально смотрел на нее, не осмеливаясь высказать свое восхищение ее прекрасной фигурой, подчеркнутой новым ярким платьем из хлопчатобумажной ткани.

— Счастье делает вас еще красивее, если это вообще возможно. Вы

вся светитесь, — выдохнул он.

Ему хотелось сказать: «чудесная», «восхитительная», «прекрасная, как только что распустившийся розовый бутон»... Он быстро склонился над клавишами, но перед мысленным взором все равно стояло ее лицо с мягко очерченными розовыми губами, тонким носом, восхитительными голубыми глазами, выпуклым гладким лбом, окруженное шелковистыми светло-каштановыми, словно позолоченными солнцем волосами.

Женское чутье подсказало Эрмин, до какой степени она нравится Хансу. Взмолвленная, она сосредоточилась на своей тетради по сольфеджио. Вернувшись к роли преподавателя, музыкант сказал:

— Ваши гаммы, Эрмин! Постарайтесь дышать животом!

Девушка выполнила несколько упражнений, которым он ее научил. Диапазон ее голоса расширился, он лился легко и мощно. Спустя четверть часа Ханс вынул из папки партитуру.

— Я хочу, чтобы вы разучили отрывок из оперы блестящего итальянского композитора Джакомо Пуччини, которая называется «Богема» [\[54\]](#). Эта опера популярна во всем мире. Мне удалось найти арию Мими, главной героини, судьба которой, должен вас предупредить, сложилась трагически. В этой сцене она знакомится с поэтом по имени Рудольф. Конечно же, они влюбляются друг в друга. Действие разворачивается в Париже.

— Какое необычное имя — Рудольф! — воскликнула девушка.

— В этой арии много трудных фрагментов, когда нужно брать высокие ноты, — вернул ее к уроку Ханс. — Было бы лучше, если бы сначала вы прослушали запись, но в Робервале нужного диска я не нашел. Я верю, что у вас все получится. Эта ария — прекрасный выбор для прослушивания в Капитолии, большом театре в Квебеке. Ваша матушка хочет побывать там с вами. В своих мечтах она видит вас на всех сценах Европы и Америки. Вы имели бы успех, Эрмин. Женские партии в операх часто поют не очень молодые женщины, что лишает представление интриги, не говоря уже о том, что таких красавиц среди них нет. Но вы!.. В костюме, гриме, в свете рампы! Вы будете великолепны! Публика с восторгом примет красивую девушку с таким изысканным сопрано.

Ханс говорил с энтузиазмом, глаза его горели. В них читалось подлинное чувство, и это был больше чем восторг.

«Он любит меня», — подумала Эрмин.

— Благодарю вас за то, что вы так верите в мой талант, — сказала она растроганно. — Может, когда-нибудь я и поеду на прослушивание, но это будет позже, намного позже. Я не хочу уезжать из Валь-Жальбера.

— Будущим летом вы будете к этому готовы. К тому времени мы поставим вам голос. Да и летнее путешествие по Сагенею на пароходе — прекрасное развлечение!

И пианист представил себя на борту судна, между Лорой и Эрмин.

— Только не будущим летом! — заявила Эрмин.

Ханс не стал настаивать. Он чувствовал, что его подопечная обладает задатками уникальной артистки, из тех, кому прощаются любые капризы.

— Простите, — вздохнул он. — Тогда через два года?

— Это подходит мне больше, — ответила девушка, вспоминая Тошана.

Ни за что на свете не пропустит она назначенного им свидания.

«Я не могу рассказать Хансу о Тошане, — думала она. — Это причинило бы ему боль».

Больше часа они репетировали арию Мими из оперы «Богема». После нескольких неудач Эрмин виртуозно справилась с задачей.

— Это было великолепно! — воскликнул Ханс.

Вошедшая беззвучно Лора заплодировала. Ее примеру последовали Мирей и Селестен, привлеченные хрустальным голосом девушки.

— Bravo, дорогая! Какая легкость, какое блестящее исполнение! Однажды Фрэнк взял меня с собой в Нью-Йорк, и в «Метрополитен Опера» мы слушали оперу «Богема». Я плакала. Эта история берет за душу!

Эрмин кивнула. Она смутилась — это случалось с ней каждый раз, когда в разговоре Лора упоминала Фрэнка Шарлебуа. У девушки появлялось смутное ощущение причастности к невольной измене своей матери отцу, таинственному Жослину Шардену, который пропал без вести много лет назад.

Ханс Цале принял приглашение на чашечку кофе. Экономка накрыла столик на «закрытой террасе» — так Лора называла широкое крыльцо. Навес защищал площадку от дождя, вдобавок отсюда открывался чудесный вид, который хозяйка дома находила великолепным.

— В Монреале у меня не было сада, всего лишь балкон. Мне казалось, что это идиотизм: такой огромный дом — и ни клочка травы вокруг, — рассказывала она пианисту. — Здесь я практически живу на свежем воздухе — завтракаю, обедаю и ужинаю на этой террасе. Правда, Эрмин?

— Да, мама. И когда Ханс уедет, мы пойдем гулять, ты и я! Ты мне обещала.

— А если дорогой Ханс захочет пойти с нами? — предложила Лора. — Ханс, вам, конечно же, будет интересно прогуляться по Валь-Жальберу!

Ханс тактично отказался, хотя ему очень хотелось принять приглашение. Он догадался, что тем самым расстроил бы Эрмин, которая,

услышав слова матери, едва слышно вздохнула.

— Приятной прогулки! — пожелал он, садясь за руль.

— Он с удовольствием пошел бы с нами, — тихо сказала Лора. — Дорогая, ты не могла не заметить, как он тобой восхищается. Думаю даже, он влюблен. И это случилось давно, во время твоих первых выступлений в «Château Roberval». Когда ты пела, он не сводил с тебя глаз.

— Мама, Ханс очень милый, но он... не молодой. Ему тридцать пять. У его сверстников давно есть жены. К тому же я хочу погулять с тобой, только я и ты!

— Если так, забудем о бедном Хансе! Наденем шляпки — и в путь! — смеясь, сказала Лора.

Эрмин заранее определила маршрут — он кольцом опоясывал поселок. Они шли с матерью рука об руку, и, если бы в Валь-Жальбере было несколько сотен жителей, как пять лет назад, их одинаково тоненькие и миниатюрные фигурки в шляпках из тонкой соломки привлекли бы внимание многих. Лора все еще носила черные одежды, но иногда разнообразила ансамбль сиреневой или светло-серой блузкой.

О вуали больше не было и речи, потому что она скрыла бы ее лицо, а Лора хотела как можно чаще улыбаться своей любимой девочке.

Они прошли мимо монастырской школы и свернули на узкую тропинку.

— Сейчас мы поднимемся по улице Лабрек, которая тянется вдоль реки. На ней много пустых домов. Они похожи как две капли воды. Раньше здесь находились бараки, в них жили неженатые рабочие, нравы которых и пристрастие к пиву вызывали порицание со стороны отца Бордеро. Сестра Викторианна постоянно жаловалась на таких соседей. Позже месье Дюбюк приказал построить хорошие дома, в которых с удовольствием поселились порядочные семейные люди.

Лора слушала, получая удовольствие скорее от звука голоса дочери, чем от рассказа. Вид вытянувшихся вдоль улицы многочисленных домов с заколоченными дверями и закрытыми, кое-где разбитыми окнами был ей неприятен.

— Грустное зрелище, — сказала она наконец. — Господи, посмотри-ка — тыквы! Огороды продолжают давать урожай, хотя за ними никто не ухаживает!

— Этим летом было много дождей, поэтому семена проросли.

Девушка давно привыкла к атмосфере поселка, которую многие приезжие находили унылой. Такое же впечатление было и у Алис Паже.

Эрмин перебралась через окруженную высокой пожелтевшей травой

ограду.

— Конечно, раньше здесь было веселее, — сказала она своей матери. — Женщины развешивали во дворах белье, на крыльце каждого дома играли дети. Было много живности — коровы, овцы... Многие выращивали свиней, но их, конечно, не выпускали — они хрюкали в сараях. Мы еще пройдем по улице Сен-Жозеф и Сент-Анн. А сейчас поднимемся «в центр», как говорили сестры. Хотя этот «центр» — всего лишь несколько спаренных домов на площадке перед фабрикой.

— Нам точно нужно идти так далеко? — спросила Лора. — Ты ведь хотела сводить меня в гости к пожилой даме, Мелани Дунэ, или я ошибаюсь?

— Это на обратном пути. Она живет на улице Сен-Жорж.

Продолжая следовать по маршруту этой импровизированной экскурсии, они прошли мимо здания фабрики. Водопад искрился на солнце, словно расплавленный слиток серебра.

— Мне бы хотелось подняться к вершине водопада! — воскликнула Лора. — Сколько живой силы, сколько яростного буйства!

— С плотины в это время года открывается прекрасный вид на поселок, — подхватила Эрмин. — Вот только подъем отнимает много сил. Да и кусты разрослись так, что местами забили тропинку. Когда фабрика работала в полную силу, у подножия водопада, возле огромной трубы, которая питает турбины, складывали отходы древесины. Мы приходили сюда с корзинками — Симон, Арман и я. Компания разрешала рабочим забирать домой все отходы, которые могли пойти в топку. Наверх мы сходим в другой раз, когда ты наденешь ботинки покрепче.

Лора решила заглянуть на железнодорожную станцию, где в свое время вагоны дожидались загрузки кипами бумажной массы. В теплом воздухе все еще можно было уловить запах дегтя и железа.

— В августе двадцать седьмого года, когда фабрика закрылась, я написала сочинение, — сказала девушка. — Я написала о «сердце, которое перестало биться», думая обо всех этих станках и машинах, которые остановились навсегда. Несмотря на шум водопада, в поселке стало очень тихо. Раньше самым шумным был цех корообдирщиков. Хотя в цеху, где размалывали дерево, тоже никогда не бывало тихо. Прекрасные сосны превращались в крошку и становились бумажной массой, которую потом отправляли в Соединенные Штаты и в Европу.

— Дорогая, это так трогательно! «Сердце, которое перестало биться!» — повторила Лора. — У меня сердце сжалось. Идем, нам еще многое нужно увидеть!

Когда они проходили мимо спаренных домов, вдоль которых стояли гидранты, а к ветвям деревьев были подвешены фонари центрального освещения, Лора остановилась.

— Эрмин, мне становится не по себе, когда я смотрю на эти заброшенные жилища! Покажи мне лучше места, в которых еще теплится жизнь!

Девушка поцеловала мать в щеку. Скоро они оказались в начале улицы Сен-Жорж. Мелани Дунэ сидела на крыльце своего дома. Она издали помахала им рукой. Когда Эрмин и Лора подошли поближе, пожилая женщина крикнула:

— А вот и мой маленький соловей!

Они заглянули к ней в гости и выпили холодной воды с кленовым сиропом.

— Мадам Мелани, хочу познакомить вас с моей мамой, — сказала Эрмин. — Когда она переезжала, вы ушли домой еще до ее приезда.

— У вас очаровательная девочка, заботливая и ласковая, — объявила Мелани. — Знаете ли вы, что зимой, в сильные морозы она приносила мне горячий суп, да еще и пела, чтобы порадовать старуху? Если бы вы только слышали, как однажды на Рождество она пела в церкви! Совсем крошка, лет восьми, не больше! Но голос уже тогда был ангельский, великолепный голос!

Лора кивнула в знак согласия, но была слишком взволнована, чтобы говорить. Она завидовала пожилой женщине, что та имела возможность слышать, как поет ее дитя. Никогда ей не увидать Эрмин восьмилетней, окруженной монахинями и прославляющей своей песней рождение младенца Христа...

— Это должно было быть восхитительно! — все, что она смогла сказать.

— О да! Это было незабываемо! — согласилась мадам Дунэ.

— А я все время боялась, что забуду слова, — сказала Эрмин.

После этого они поговорили немного о самых обычных вещах — об очередном приезде булочника и о том, как трудно стало купить хорошего мяса, когда закрылся мясной магазин [\[55\]](#). Лора намеренно продолжала тему домашнего хозяйства, поскольку боялась расспросов о своем прошлом.

«Эта милая женщина в конце концов спросит меня, почему я бросила своего ребенка в Валь-Жальбере», — думала она.

Однако аббат Деганьон, который в последнее время часто навещал больную Элизабет, из уст той же мадам Маруа уже знал историю в общих чертах и пересказал ее самым любопытным своим прихожанам. Мелани

Дунэ эта история тоже была известна. Пожилая вдова оказалась дамой восхитительно тактичной.

— Заходите ко мне почаще, мы ведь теперь соседки, — сказала она, когда Эрмин и Лора стали прощаться.

Перед универсальным магазином, на втором этаже которого все еще располагались гостиничные номера, наши дамы ненадолго остановились. Жозеф и Симон сидели на террасе в компании седого, сгорбленного годами мужчины.

— Мама, я знаю этого господина! — сказала девушка. — Это Эрнест. Когда-то он жил в поселке и работал сапожником. Сестры носили ему мои ботинки, чтобы он поставил новые подметки. У него еще был маленький белый песик, Жок, который ходил за мной хвостиком!

Эрмин кивком поздоровалась со стариком. Он приподнял картуз и снова взялся за кружку с пивом. Симон улыбнулся дамам. Жозеф едва заметно мотнул головой. Отношения между девушкой и ее опекуном оставались прохладными. Жозефу было стыдно за свое поведение, Эрмин же не могла простить слишком тесных объятий во мраке ночи и угрозы отстегать ее ремнем. Но ради Бетти они соблюдали перемирие. Рабочий каждое утро упрекал себя за все огорчения, которые доставил своей жене, и особенно за то, что она потеряла малыша.

— Здравствуйте, мадам Лора, — с преувеличенной любезностью поприветствовал он мать Эрмин. — Ваша хинная настойка пошла Бетти во благо.

— Я рада, — ответила Лора.

Эрмин взяла мать за руку и потянула на другую сторону улицы, к почтовому отделению.

— Бедный месье Эрнест понемногу впадает в детство, — прошептала она. — Сейчас он живет у детей, в Шамборе. Они наверняка приехали в поселок, раз он здесь.

Стоя на пороге солидной постройки, которую недавно перекрасили и в которой размещалось почтовое отделение, почтальон подставлял лицо солнцу.

— Добрый день! — звонко поздоровалась с ним Эрмин.

— К сожалению, не для всех он добрый, — отозвался почтальон. — Месье кюре только что получил письмо, которое его очень огорчило. Да вот и он сам!

Увидев Лору, аббат Деганьон поклонился. Он считал ее пламенной католичкой, ведь молодая женщина каждое утро приходила в церковь молиться и присутствовала на воскресной мессе.

— Ах, мадам, знаете ли вы новость? — начал он. — Скоро поселок останется без священнослужителя. В конце декабря я уезжаю [56]. Хуже того — мне сообщили, что в будущем году или еще через год нашу церковь разберут на части. Что-то уйдет в приход Сен-Эдмон-ле-Плен, часть — в приход Сен-Люджер-де-Мило. Алтарь и скамьи, скорее всего, будут проданы. Но что я могу с этим поделать? Можно попрощаться с нашим муниципалитетом!

— Отче, это невозможно! — вскричала Эрмин. — Нам нужна церковь!

— Прихожане будут ездить в Шамбор, — вздохнул аббат. — По крайней мере те, у кого есть средства передвижения. Я не в силах ничего изменить.

— Искренне вам сочувствую, — сказала Лора. — Хорошо, что мы сможем все вместе отпраздновать Рождество.

— И я буду петь, — добавила девушка. — Я спою много-много гимнов, чтобы развеять хоть чуть-чуть нашу тоску. Поверьте, нам всем будет очень грустно, особенно потому, что вы уезжаете!

Аббат Деганьон невесело улыбнулся. Он искренне любил эту милую девочку.

— Наш соловей пообещал, что споет, и у меня сразу стало легче на сердце! Но до Рождества еще далеко. Нужно насладиться прекрасной осенью. Не хочу вас больше задерживать, ведь вы гуляете!

Он ушел, и его высокая фигура в черном еще долго виднелась в конце улицы. Лора предложила вернуться домой. Встреча с кюре окончательно ее расстроила. Настолько, что она не смогла этого скрыть.

— Мама, тебе нехорошо? — обеспокоенно спросила Эрмин. — Ты очень грустна. Я чувствую, что Валь-Жальбер тебе не по душе. Ты ведь жила в Монреале, так что я могу это понять.

— Скажем, Роберваль нравится мне куда больше, — вынуждена была признать ее мать. — Порт дает городу жизнь: процветает торговля, приходят и отплывают суда, всюду суета... Но здесь мне хорошо, потому что ты рядом. Когда ты думаешь переехать ко мне? Я заказала мебель для твоей комнаты, и Селестен хоть завтра покрасит стены в цвет, который ты выберешь.

— Я хочу подождать, пока Бетти совсем поправится.

Лора не осмелилась настаивать. Она боялась сделать неверный шаг, дать семейству Маруа вовлечь себя еще в одну бесполезную ссору.

— Разумеется, так будет лучше. Я говорю глупости. Но это не помешает нам обустроить твою комнату. Если ты когда-нибудь останешься там на ночь, я уже буду счастлива!

Эрмин взяла мать за руку. Они как раз поравнялись с монастырской школой. На последней ступеньке крыльца сидела Шарлотта. Между коленями у девочки был полотняный мешочек.

— Шарлотта! — позвала ее девушка. — Онезим не пришел забрать тебя?

— Нет. Мой брат получил новую работу в Робервале, там же, где и папа. Никто не может забирать меня в такое время. Мама говорит, что я перестану ходить в школу.

— Ни в коем случае! Знаешь, что я придумала? По вечерам я стану отвозить тебя домой на Шинуке. Ты будешь ездить верхом. А сейчас давай руку, и пойдем домой. Мама, ты не соскучишься без меня? Увидимся завтра. Я пообещала Бетти, что приготовлю ужин.

Молодая женщина отрицательно помотала головой. Она устала, и разговаривать не хотелось. Лора стояла и смотрела вслед Эрмин и Шарлотте, пока девочки не скрылись за углом домика священника.

«Сколько лет мне придется прожить в этом поселке, который скоро исчезнет с карты страны? — спрашивала она себя. — Ну почему Эрмин так хочется жить именно здесь? Похоже, она раз и навсегда решила провести свою жизнь в Валь-Жальбере, где нет ни врача, ни магазинов и скоро не будет даже церкви. А затем и монастырскую школу закроют. Как только вырастут последние ученики...»

* * *

Через неделю, после мессы, они снова вернулись к этому разговору. Эрмин вместе с Лорой пришли на службу. С другой стороны прохода сидели Маруа. Все вместе они занимали целую скамью: Жозеф в коричневом костюме и при галстуке, Симон — в синем, Элизабет, которая в этот день впервые вышла из дома после болезни, Арман и Эдмон.

Аббат Деганьон объявил об окончательном прекращении церковных служб с первого января 1931 года, чем очень огорчил своих прихожан.

На выходе из церкви Жозеф несколько раз повторил мэру, что много месяцев назад заподозрил, чем кончится дело. Бледная и исхудавшая, Элизабет смотрела и слушала с отсутствующим видом. Эрмин подошла и поцеловала ее.

— Тебе не следовало вставать, Бетти! Ты еще очень слаба. Скажи, ты не расстроишься, если я пообедаю у мамы?

— Нет, конечно. Тем более что ты разогрела нашу еду перед уходом. Я

поем и снова лягу.

Они обменялись нежными понимающими взглядами, которые разбудили в Лоре ревность. «Но что я могу с этим поделать? Эта женщина и моя дочь столько пережили вместе! Они так близки, понимают и любят друг друга... Я же оставила ее годовалой крошкой и только теперь обрела вновь. Мы еще чужие друг другу».

Эта мысль приводила ее в отчаяние. Но Эрмин об этом не догадывалась. Она вернулась к Лоре и ласково ей улыбнулась.

— Я сильно проголодалась, мам. Наверное, всему виной сырость и холод. Погода скоро поменяется.

— Ты права, я тоже вся продрогла, — ответила молодая женщина. — Давай поскорее вернемся домой!

На обед Мирей приготовила курицу в сливочном соусе, картофельное пюре и яблочный пирог. Экономка любила повторять, что готовит на французский манер. Эрмин не видела большой разницы между ее яствами и блюдами, которыми кормила свою семью Бетти, однако помалкивала.

Лора попросила накрыть к обеду круглый столик в гостиной. Серебряные приборы и хрусталь сияли. Накрахмаленные и безукоризненно чистые салфетки были подобраны в тон скатерти.

— Можно подумать, что мы в «Château Roberval»! — весело заметила Эрмин. — По крайней мере, мне кажется, что твоя гостиная так же красива, как номер в отеле.

Они сели друг напротив друга, под люстрой с подвесками. Из кухни доносился грохот кастрюль.

— Мама, почему Мирей и Селестен обедают отдельно, даже когда меня нет?

— Им было бы неудобно сидеть со мной за одним столом, дорогая.

— Это странно, — сказала Эрмин. — Мне не верится, что ты была такой, как мы, когда родила меня.

— Что ты хочешь сказать этим «такой, как мы»?

— Как Бетти, мадам Мелани, Мирей... Простым человеком, у которого нет больших денег. Мне кажется, ты всегда была богатой. У тебя изысканные манеры, правильная речь... Даже меховая шубка, в которой ты пришла на мессу — я никогда не видела ничего красивее...

Уязвленная словами дочери, Лора нервно покусывала нижнюю губу.

— Эрмин, я прожила почти двенадцать лет в тени Фрэнка, который родился в очень состоятельной семье. Благодаря ему я многому научилась. Как тебе объяснить?.. Он показал мне другой мир, изменил меня. Я не смогу стать прежней Лорой. Хотя так ли велика разница между мною

тогдашней и мною теперешней? В первый вечер, который мы провели вместе, я рассказывала тебе, что на родине, в Бельгии, я училась, да и твой отец получил хорошее образование. Я не могу говорить, как местные жители, потому что я иностранка. И не надо на меня за это сердиться, дорогая.

— Но я и не сержусь, мам, — поспешила заверить ее Эрмин, которую удивил сухой тон матери. — Бетти часто говорит, что сестры дали мне неплохое образование и привили хорошие манеры. Надеюсь, что тебе за меня не стыдно.

Мирей вошла в комнату, неся блестящую от жира курицу и блюдо с картофельным пюре. Она услышала последние слова девушки и не смогла удержаться от замечания:

— Ну как твоей матери может быть за тебя стыдно, Эрмин? Как только тебе такое в голову могло прийти? Ты состоишь из одних достоинств: милая, всегда готовая помочь, ласковая, скромная!

Лоре вмешательство экономки пришлось не по вкусу, и она сделала ей знак выйти. Потом спросила тихо:

— С каких это пор Мирей говорит тебе «ты»?

— С тех самых, когда я ее об этом попросила, — отрезала Эрмин. — Еще я просила, чтобы она перестала величать меня «мадемуазель». Это слишком помпезно. И поскольку я не могу познакомиться со своими бабушкой и бабушкой со стороны отца, я представляю себе, что моя бабушка — Мирей.

— А Селестен — бабушка? — с улыбкой спросила Лора. — Моя дорогая девочка, прости меня. Я знаю, что настроение у меня иногда быстро меняется, и не могу это контролировать. Думаю, это последствие многих лет амнезии. Один доктор из Монреаля объяснил, что механизм работы памяти очень и очень сложен. Я помню свою жизнь до брака с Жослином, помню жизнь в браке с Фрэнком Шарлебуа. Но иногда мне кажется, что во мне живут две разные женщины. И, если бы я тебя не нашла, думаю, в конце концов сошла бы с ума.

После этих слов пришел черед девушки кусать губы. Она нашла не один повод упрекнуть себя.

«Бедная мамочка, наверняка все это ужасно! Она не хочет жаловаться, но, конечно же, страдает от одиночества и оттого, что не может узнать правду о моем отце!»

Когда Мирей внесла теплый яблочный пирог, щедро политый сливками, Лора посмотрела на часы.

— Я пригласила Ханса на десерт. Он опаздывает. Это один из его

недостатков. Вернее, единственный его недостаток, других я не вижу.

— Мама, я бы предпочла провести это время с тобой наедине. Если Ханс придет, вы станете просить меня спеть или повторить арию из «Богемы».

— Тебе нужно выучить другие оперные арии к следующему лету. Я твердо решила представить тебя директорам театров. Потом, получив признание на родине, ты сможешь рассчитывать на контракты в Европе. Я мечтаю посетить Италию со своей любимой дочерью. Ты будешь петь в *Ла Скала* в Милане, мы побываем в Венеции... Быть может, возьмем Ханса с собой? Он будет аккомпанировать тебе на фортепиано. Вы уже привыкли работать вместе.

Эрмин вздохнула. Однако было видно, что слова матери не доставили ей удовольствия.

— Прошу тебя, дорогая, не хмурься! Я не хотела спешить с этим разговором, чтобы тебя не смущать, но это надо сделать. Я хочу поговорить с тобой о Хансе. Несколько дней назад я сказала тебе, что он в тебя влюблен. Это правда. Я задала ему прямой вопрос, и он ответил. Но он полагает, что ты к нему безразлична, что он тебе не нравится. Он молча страдает, хотя я пообещала, что поговорю с тобой о нем.

— Ханс очень милый, мама. Но я считаю, что он слишком взрослый для меня. Он годится мне в отцы!

— Знаю. Он тоже говорил об этом. Это доказывает, насколько он деликатен. Он понимает, что ты еще очень молода. И он готов подождать год или два. Дорогая, хотя бы подумай об этом! Если ты все-таки выйдешь за него, то получишь самого нежного и уважительного супруга в мире! Признай, он очень элегантен, образован и просто само очарование!

— Ты целыми днями хвалишь его, мама, — возразила Эрмин, рассеянно глядя в окно. — Он нравится мне, но совсем не так, как мужчина должен нравиться женщине.

Ветер раскачивал кроны деревьев. Шел дождь. Эрмин уже мечтала о длинных снежных месяцах, которые не позволят Хансу выезжать из Роберваля, чтобы давать ей уроки вокала. В прошлый четверг робкий пианист расхваливал ее на все лады. Объясняя, как выполнять дыхательное упражнение, он коснулся рукой ее груди. Девушке запомнилось это неоднозначное прикосновение, поскольку она испытала одновременно смущение и отвращение.

— Мама, мне совсем не хочется выходить замуж за Ханса, — заявила она категоричным тоном. — Ни через год, ни через два. Никогда! И я не хочу путешествовать.

— В твоём возрасте это захватывающий опыт — открывать для себя мир. Многие молодые люди мечтают об этом. Ты ведь не можешь всю свою жизнь просидеть в Валь-Жальбере. Это просто смешно!

— А почему нет? Тем более теперь, когда ты купила такой чудесный дом! — возразила девушка. — Мне будет приятно жить здесь с тобой, в тишине и покое. Иногда ты ведешь себя, как Жозеф. Он хотел, чтобы я пела во всех роскошных отелях на берегу озера Сен-Жан, и даже в Ла Бэ и в Шикутими. Хотел, чтобы я записала диск. А у тебя другая навязчивая идея — представить меня директорам театров, увидеть на сцене исполняющей оперные арии. Ты никогда не думала, что нужно спросить у меня: а понравится ли мне это?

— Тише, дорогая, успокойся, — проговорила Лора смущенно. — Все, о чем я говорила, всего лишь планы — как предложение путешествовать, так и брак с Хансом. Нам некуда торопиться. Послушай, я хочу одного — чтобы ты была счастлива. Я никогда не стану тебя принуждать. Даже если ты откажешься петь, я приму это и пойму. Но ведь у тебя восхитительный голос! Это дар неба, дорогая.

Молодая женщина с трудом сдерживала слезы. Эрмин вдруг стало стыдно за то, что она дала волю чувствам и расстроила мать. Лора не могла понять ее решимости остаться в поселке, да это и неудивительно. Мать предлагала ей увлекательную и обеспеченную жизнь, но в этой жизни не будет места Тошану. А это было для нее невыносимо.

— Мне очень жаль, я не хотела тебя обидеть. Мама, мне тоже нужно кое-что тебе рассказать. Я скрыла от тебя нечто очень важное, — призналась девушка. — Я хочу остаться в Валь-Жальбере, потому что влюблена в юношу, который живет далеко отсюда. Мы пообещали принадлежать друг другу. Он вернется в июле. Я все время думаю о нем и считаю его своим женихом. Я очень сильно его люблю. Он пообещал, что не женится ни на ком, кроме меня, потому что ни одна другая девушка не смогла покорить его сердца.

— Кто он, этот юноша? — спросила ошеломленная Лора. — Тебе следовало сразу рассказать о нем. Сколько раз вы встречались?

Дрожащая, с порозовевшим от волнения лицом, Эрмин начала свой рассказ:

— Это сын того самого золотоискателя, который приютил вас с отцом. Его зовут Тошан Дельбо. Мы встречались четыре раза. Два первых раза — больше года назад, но в начале прошлого лета мы снова встретились в каньоне, где я гуляла с Шарлоттой. Он был очень внимателен к бедняжке, носил ее на плечах...

Девушка частично пересказала матери их разговор, не забыла упомянуть и то, что сказал ей Тошан. Ее глаза сияли. Но она сохранила в тайне прекрасный поцелуй, который соединил их лучше всех обещаний мира. Несмотря на постигшее ее разочарование, Лора решила, что не стоит недооценивать силу чувств своей дочери. В таком разговоре нужно взвешивать каждое слово, быть особенно осмотрительной. Эрмин только что доказала, что может взбунтоваться. Под обличьем ласковой и послушной девушки скрывалась страстная натура.

— Дорогая, супружество — исключительно важный шаг, — начала Лора. — Ты мало знаешь Тошана и еще очень молода. Вам нужно обручиться и какое-то время общаться, чтобы лучше узнать друг друга. Если я правильно помню, когда мы еще были в отеле, ты говорила, что этот юноша работает на лесоразработках, он лесоруб. Это значит, каждую зиму он будет уходить и оставлять тебя одну. Ты быстро родишь ребенка, потом еще одного. В этих краях достойные жены каждый год рожают по ребенку. И у них одна роль — выращивать свое потомство, стирать белье и пеленки, готовить, убирать в доме и шить. И все это — на протяжении многих лет!

Эрмин смотрела на мать так, словно не верила своим ушам. Лора говорила раздраженным, язвительным тоном.

— Но, мама, это то, о чем я мечтаю больше всего на свете! — возразила она. — Создать семью, большую и счастливую семью. Когда я была совсем маленькой, я утешала себя тем, что придет день — и у меня будет свой дом, муж и дети. В монастырской школе сестры хорошо ко мне относились, но каждый вечер я смотрела, как другие ученики спешат по домам. Знала бы ты, как я им завидовала! Мои подружки рассказывали, что происходит у них дома: мама вышивает воротничок для летнего платья, отец чинит мебель... По вечерам, лежа в кровати, я представляла себе сцены домашнего уюта и плакала от отчаяния. В моих мечтах у меня тоже был отец, который, вернувшись с фабрики, усаживался у печки и курил трубку. И мать, красивая ласковая мама, которая что-то шила или вязала шаль. Еще хуже мне было в те недели, когда я жила в доме Бетти. Она всегда была добра ко мне, она меня обнимала, причесывала, баловала, но я не могла называть ее «мама». Арман мог, и Симон тоже. Когда по воскресеньям мы ходили гулять, я везла коляску с Эдмоном и представляла, что я его мать. На улице Лабрек я выбирала дом и обещала себе, что через несколько лет буду жить в нем со своими собственными детьми.

Голос девушки сорвался. Она резко встала.

— До пятнадцати лет у меня не было семьи, не было родителей! Я не

хочу становиться великой певицей, не хочу путешествовать, зарабатывать кучу денег! Я хочу выйти за Тошана и родить ему ребенка. И если каждую зиму он станет уходить, я буду его ждать. Я буду вязать для него, буду печь ему сдобные пироги. Ничего другого мне не надо, понимаешь? И если я буду бедной... Пусть так и будет!

Эрмин, сдерживая душившие ее слезы, вышла из гостиной. Лора сидела за столом. Она только что пережила шок.

«Я снова обидела ее, — сказала она себе. — Господи, до чего я бестактна!»

Она встала и пошла искать дочь. Эрмин стояла под навесом на крыльце, прижавшись лбом к деревянной опоре. Она смотрела, как обрушиваются на землю потоки воды. Порывы ветра трепали кроны деревьев, срывали красные и коричневые с позолотой листья, и те, кружась, падали на землю.

— Моя дорогая, здесь холодно. Иди в дом, — попросила Лора.

— Нет. На воздухе мне лучше.

— Эрмин, я только хотела предостеречь тебя, и ничего больше. Если ты любишь Тошана, ты за него выйдешь. Я испугалась, что потеряю тебя. Наше знакомство проходит не так гладко, как мне бы хотелось. Представив, что следующим летом ты выйдешь замуж, я испугалась. Я ведь так тебя люблю!

— Но ты не выглядела испуганной, когда только что подталкивала меня к браку с Хансом! — возразила девушка.

— Это совсем другое, — возразила Лора. — Я думала, что вы могли бы пожениться через год или два. Думала, что ты соединишь судьбу с человеком, который поможет тебе построить карьеру, человеком серьезным, который всегда будет с тобой рядом, куда бы ты ни отправилась. Ханс никогда бы не бросил тебя.

— А Тошан, значит, меня бросит? — возмутилась Эрмин. — Мама, повторяю тебе, я никогда не полюблю Ханса! Я люблю Тошана! Мне не нужно встречаться с ним каждый день в течение полугода, чтобы понять это. Я никогда раньше не испытывала подобного чувства! Хотя, пожалуй, я солгала. Всем сердцем я любила сестру Марию Магдалину, хотя это была совсем другая любовь. Мне было всего четыре, когда она умерла, но я помню, что любила ее безгранично. Несколько недель я называла ее «мама»... И продолжала называть много лет после ее смерти. Я разговаривала с ее портретом и до сих пор разговариваю...

Лора вздрогнула. Она взяла дочь за руку, чтобы увести ее в дом.

— Идем, лучше поговорим в тепле.

Эрмин все еще плакала. Она дрожала всем телом, веки ее распухли. Мирей, которая видела всю эту сцену из окна кухни, решила не торопиться подавать кофе.

— Не все идет гладко между мадам и крошкой Эрмин, — шепнула она Селестену.

— Не вмешивайся, — проворчал тот.

Экономка вздохнула, уперев руки в бока. Дождь стучал в оконное стекло.

— Когда начнутся снегопады, мы будем отрезаны от мира, — сказала она. — В одном я точно согласна с мадам: мадемуазель Эрмин нельзя тут оставаться на всю жизнь.

Садовник не ответил. Он был очень сдержанным человеком.

В гостиной Лора усадила дочь на удобный диван с атласными подушками.

— Прости меня, моя дорогая девочка, — умоляющим тоном попросила она. — Я не умею выбрать правильный тон в разговоре с девушкой твоего возраста. Я потеряла тебя младенцем, а нашла почти взрослую женщину, которая признается мне в том, что влюблена. Я совсем не была к этому готова.

— Бетти в моем возрасте уже вышла замуж за Жозефа, — всхлипывая, сказала Эрмин.

— Ты кстати об этом вспомнила! Она не выглядит счастливой. Дорогая, поселок почти пуст, и ты не встречалась с другими парнями, кроме Тошана Дельбо.

— Я могла бы влюбиться в Симона, и Пьер Тибо меня поцеловал, в тот день, когда они уезжали из Валь-Жальбера...

Пришлось объяснить матери, кто такой Пьер Тибо и что его мать, Селин, умерла во время эпидемии гриппа. Лора поцеловала руки дочери.

— Прошу тебя, не плачь. Я верю, что ты любишь Тошана всем сердцем. Но уверена ли ты, что он вернется? Он мог встретить другую девушку.

— Нет, он вернется, — воскликнула Эрмин. Она была взволнована до предела. — Он все время думал обо мне, он специально вернулся в Валь-Жальбер, чтобы меня увидеть. Когда он в первый раз мне улыбнулся, я поняла, что это он — мужчина, которого я буду любить всю свою жизнь. И он сказал, что ни на ком, кроме меня, не женится.

— Хорошо, пусть будет так, дорогая, — вздохнула Лора. — Успокойся, ты вольна поступать, как хочешь. Ты познакомишь меня с Тошаном. Может, я его узнаю, ведь я видела его мальчиком. Но пока не могу вспомнить.

Случай играет с нами странные шутки. Ты любишь сына золотоискателя, который спас меня. А я могла бы догадаться и раньше: там, в отеле, когда ты о нем заговорила, твой голос выдал тебя, и от смущения ты покраснела.

— Знаю, но я подумала, что ты не заметила, — сказала девушка.

— Хотя... Похоже, это судьба. Мне нужно встретиться с Тошаном, только он один может нам сказать, что стало с моим любимым Жослином. Я очень хочу поскорее с ним познакомиться. Как жаль, что у тебя нет адреса, по которому можно было бы написать!

Лора обняла Эрмин и погладила дочь по волосам. Успокоенная, девушка с благодарностью приняла материнскую ласку, в которой так нуждалась.

— А ты, мама, что ты почувствовала, когда познакомилась с отцом? Ты сразу поняла, что станешь его женой? — спросила она, прижимаясь к груди Лоры.

Она не видела, что на лице матери отразился испуг. Очень быстро Лора ответила:

— Мы встретились в Труа-Ривьер. По-моему, я тебе рассказывала.

— Нет, не рассказывала, — удивленно отозвалась Эрмин.

— Странно... Он приходил обедать в ресторан, в котором я работала официанткой... Там, в Труа-Ривьер. Однажды он заговорил со мной.

Лора взяла себя в руки. Мирей, дожидавшаяся благоприятного момента, решила внести поднос с кофейным сервизом.

— Мадам, думаю, нет смысла ждать месье Цале. Погода нарушила его планы. Селестен спрашивает, не растопить ли пожарче печь в подвале. Влажный холод намного неприятнее холода обычного.

— Пусть поступает по своему усмотрению, — сказала Лора.

Экономка украдкой посмотрела на хозяйку и на заплаканную девушку и поспешила выйти, боясь нарушить наметившееся перемирие.

— Но ты не ответила, мама, — сказала Эрмин. — В книгах пишут о любви с первого взгляда. У вас с папой тоже так было?

— Конечно. Но кроме этого он показался мне красивым и серьезным, — сказала Лора. — Он был очень милым и внимательным. Да, пожалуй, увидев его, я узнала, что такое настоящая любовь. Но теперь давай попробуем яблочный пирог, иначе Мирей обидится. У нас впереди целая зима, и мы проведем ее вместе. Не нужно ссориться. Мне очень жаль, что из-за меня ты расстроилась. Каждый раз когда ты станешь приходить ко мне на обед или на ужин, мы будем говорить о прошлом и о будущем...

Вечер в тепле уютного дома прошел на удивление приятно. Лора

слушала дочь, которая поверяла ей свои детские воспоминания, грустные и веселые. Часто в них звучало имя Симона.

— Он все время надо мной подтрунивал, — говорила Эрмин. — Временами я его просто ненавидела. Однажды Бетти заплела мне в косы красивые розовые ленточки. Симон тайком взял у матери ножницы и обрезал мои ленты. Как я расстроилась! Я думала, что меня за это накажут. И все-таки мы с ним всегда хорошо ладили. Нам было весело играть вместе. Больше всего мы любили пасти корову. Дети из других семей тоже выводили на луг своих коров, и тогда Симон организовывал конкурсы на лучший бидон для молока, на самые длинные рога или еще что-нибудь в том же духе.

Звонким и звучным голосом девушка рассказывала матери о часах, проведенных под крышей монастырской школы и в доме семьи Маруа. Открывала свои наивные детские секреты, например, как Арман разбил фарфоровый кувшин и они вместе спрятали осколки за домом тележника, у которого куча мусора была больше, чем у любого другого жителя поселка.

— Но что мне нравилось больше всего, когда я была маленькой, так это первый снег. Все вокруг становилось белым и очень красивым. Вокруг водопада все до единой веточки, все травинки, до которых долетали капли, покрывались корочкой льда.

— Но вам наверняка запрещали ходить к водопаду, — предположила Лора.

— Вовсе нет! Бетти разрешала, но брала с нас слово, что мы будем очень осторожны. Мы надевали снегоступы. У меня тоже была пара — старенькие снегоступы, которые Жозеф взял у кого-то из соседей. Симон вез Армана на санках, которые мы сами смастерили из какого-то ящика. Домой мы должны были приходиться вовремя, а если опаздывали, Жозеф наказывал мальчиков. Я никогда не могла думать об этом спокойно.

— Неужели он их бил?

— Он порол их ремнем. Другие отцы тоже так поступали. Но мне казалось, что мне так же больно, как Симону и Арману. Да и Бетти каждый раз подолгу плакала.

«Какая все-таки скотина этот Жозеф», — подумала Лора.

— Зимой я каждую ночь ночевала в монастырской школе, — продолжала девушка свой рассказ. — Сестра Викторианна поправляла мое одеяло, и я повторяла молитвы. Как только я начала петь, сестра-настоятельница стала разучивать со мной религиозные гимны. Однажды на перемене две девочки постарше поставили меня на табурет и попросили спеть «У чистого ручья». Мальчики подошли и встали вокруг табурета.

Мне тогда было семь лет. Сестра-хозяйка потом меня наказала. По ее мнению, песня была не очень пристойная, да и на сиденье ногами становиться нельзя...

Эрмин улыбалась. Лора гладила ее по волосам. Она была растрогана услышанным.

— Наверное, Господь решил тебя утешить, подарив такой чудесный голос, — мечтательно сказала она.

— Утешить? — повторила Эрмин вопросительно. — Несколько часов назад я рассердилась и рассказывала о грустном, чтобы сделать тебе больно...

— Но это все правда, — отозвалась ее мать. — Сестра Аполлония рассказывала мне, как ты ждала нашего с Жослином возвращения. Ты простила меня, но в глубине души все еще сердисься.

Девушка с нежностью посмотрела на Лору.

— Мама, давай больше не будем говорить об этом. Мне повезло, что меня взяли на воспитание монахини. Они были ласковы, заботились обо мне, Бетти меня баловала... Я не должна жаловаться. Теперь я вновь обрела любящую мать, у меня есть друзья и некое подобие семьи — я говорю о Маруа. И есть возлюбленный, самый красивый на земле.

«Метис! — подумала Лора. — Лесоруб, который всегда будет переходить с одной делянки на другую. Эрмин испортит себе жизнь, если выйдет за него замуж!»

Ответила же она успокаивающим голосом следующее:

— Дорогая, я сделаю все, чтобы ты была счастлива. Об этом не беспокойся.

* * *

Валь-Жальбер, 24 декабря 1930 года

Поселок почти полностью засыпало снегом, который шел непрерывно целую неделю. Глубина белоснежного пушистого одеяла достигала трех футов. Прижавшись носом к стеклу, Эрмин любовалась преобразившейся улицей Сен-Жорж. На крышах соседних домов и на навесах громоздились снежные шапки. Огромные сугробы погребли под собой крылечки и деревянные настилы дорожек.

Элизабет готовила рождественский ужин, но вяло, без настроения. Жозеф зарубил петуха, и теперь он тушился в коричневом соусе.

— Странное дело, Бетти! Выпало столько снега, что не стало видно фундаментов домов. Кажется, что улицы исчезли!

— Некому их расчищать, — со вздохом отозвалась молодая женщина. — Раньше по улицам ездили машины, телеги, грузовики и прибывали снег. А теперь, даже если нас совсем занесет снегом, важные господа с фабрики не придут расчищать нам дорожки!

— Я спрашиваю себя, как живется в такое время в лесу бедным лесорубам, — сказала Эрмин. — Раньше эта мысль не приходила мне в голову. Они наверняка мерзнут, и кормят их плохо...

Она очень волновалась о Тошане. Жизнь на лесоповалах была опасной и полной трудностей.

— Они живут в хижинах, у них есть женщина, чтобы приготовить еду и просушить белье, — пробормотала Бетти неохотно. — Но некоторые из них пьют слишком много спиртного. В былые времена отец Бордеро навещал поселковых лесорубов, и часто они не были рады его видеть. Этим людям не хотелось слушать проповеди, а еще меньше — упреки!

После преждевременных родов молодая женщина сильно изменилась: перестала радоваться жизни и совсем не следила за собой. Волосы она теперь повязывала платком и носила старое серое платье. Такой наряд старил ее лет на десять, не меньше. Эрмин это очень расстраивало.

— Бетти, почему ты не поставила елку? — тихо спросила она. — Эдмон очень расстроился. У нас еще есть время. Я могу тебе помочь.

— Ну конечно! Ты пойдешь в лес, где снегу по пояс, и срубишь дерево? — иронично отозвалась хозяйка дома. — Жозефу нужно было позаботиться об этом и самому все сделать. Я не пойду в церковь. Корова все время лежит. Думаю, вечером она отелится.

Эрмин ответила не сразу. Она как раз думала о том, что яркое радостное пламя, которое зажглось в ее душе с приездом матери, превратилось в кучку раскаленных красноватых углей.

«Хотя от них по-прежнему исходит тепло», — утешила себя девушка.

Элизабет словно прочла ее мысли.

— У Лоры все в порядке? — спросила она.

— Иногда — да, иногда — не очень, — ответила Эрмин. — Последняя метель напугала даже экономку, а ведь Мирей родилась в этих краях. Но мама не испугалась. Думаю, у нее очень сильный характер.

— Жаль только, что из-за снегопада почта опаздывает. Сегодня утром почтальон не приходил. Бедная моя Мимин, мне кажется, Шардены тебе не ответят.

— Я отправила письмо три недели назад. Может, они еще не успели

его получить. Только бы оно дошло! У меня ведь не было точного адреса.

Это был их с Элизабет секрет. Только мадам Маруа знала, что девушка написала своим бабушке и дедушке, указав на конверте: «Семья Шарден, город Труа-Ривьер».

— Если повезет, местный почтальон поймет, о ком речь, — сказал им начальник почтового отделения.

Эрмин не послушалась предостережений матери, тем более что некоторые части ее рассказов казались девушке туманными. Эрмин догадалась о существовании какой-то недосказанности, какой-то тайны, и, несмотря на нежелание расстраивать Лору, решила связаться с семьей отца.

— Не волнуйся, из домашних никто об этом не знает, — сказала ей Элизабет. — У Симона своих дел хватает. Знаешь ли ты, что весной он решил уехать? Я потеряла ребенка, поэтому у него нет причин оставаться в поселке. А у меня больше не будет детей, Мимин. Я уверена, что носила маленькую девочку. Я думаю только об этом и во всем виню Жо. Он больше не прикаснется ко мне, я поклялась в этом на своем крестильном крестике!

Молодая женщина, заговорив об этом, нарушила строжайшее правило, предписывавшее благочестивым и сдержанным супругам не посвящать в такие вещи детей. Эрмин невольно покраснела. «Он больше не прикаснется ко мне!» Эти простые слова приподняли покров таинственности над интимной жизнью супружеской четы, отчего акт сотворения ребенка вдруг стал шокирующе реальным.

— Бетти, скажи, ты жалеешь о том, что выбрала Жозефа в мужья? — спросила Эрмин. — Я вижу, что ты несчастлива. Может, с другим, более нежным и не таким властным мужчиной тебе жилось бы веселее?

Элизабет положила ложку, которой взбивала сливки. Теперь нужно было добавить в белую массу нарезанные орехи пекан и кленовый сироп.

— О таких вещах никто не может знать заранее, Мимин. В твоём возрасте я с ума сходила от любви к Жозефу. Когда мы только поженились, мне казалось, что передо мной открылись ворота рая на земле. Но годы проходят... Может, Жо прав, и было бы хорошо, если бы вы с Симоном поженились. Вы хорошо ладите и уважаете друг друга, этого довольно для создания крепкой семьи. Ты уже достаточно взрослая, чтобы выйти замуж.

У Эрмин появилось желание заткнуть уши. Вот и Бетти о том же... Однажды вечером, в четверг, когда Ханс Цале уехал, преподав девушке очередной урок, Лора заявила, что видит в нем идеального спутника жизни. «Музыкант, галантен, образован, прекрасные манеры, говорит по-английски! Он всюду следовал бы за тобой, куда бы ты ни поехала!» —

говорила мать.

Эрмин принялась перетирать вымытую посуду. По лестнице спустился Эдмон. Мальчик простудился, и мать не разрешала ему вставать с постели. В пижаме, босоногий, он подбежал к Эрмин.

— Что случилось, Эд? Быстренько возвращайся в кровать!

— Нет, Мимин! Мне скучно в спальне. Скажи, мне можно побыть в твоей комнате?

— Идем, постреленок! Я принесу тебе лечебную настойку и поставлю диск с рождественскими песнями, — пообещала девушка.

— Мне больше нравится слушать, как ты поешь! — воскликнул Эдмон. — Тем более что сегодня вечером я не пойду в церковь и не смогу послушать твои песни.

Эрмин постаралась утешить мальчика, устроив ему настоящее гнездышко из одеял и подушек. Был канун Рождества, и ей хотелось быть веселой и беззаботной.

— Эд, дорогой, будь послушным мальчиком. А я схожу в хлев, дам сена Шинуку и посмотрю, как там наша корова. Твоя мама думает, что теленок родится сегодня.

— Но тебя ведь с нами не будет! — захныкал мальчик.

Из разговоров своих старших братьев он понял, что сегодня после мессы Эрмин уйдет к Лоре и останется там на ночь.

— Арман говорит, что твоя мама украсила большую елку и повесила на нее электрические гирлянды, которые светят ярко-преярко! Вчера, когда стемнело, он заглядывал в окно.

— Если ты постараяешься выздороветь, я возьму тебя с собой к маме в гости и думаю, для каждого из вас под елкой найдется подарок. Но только никому не рассказывай. Это сюрприз!

Убедившись в том, что мальчик согласен лежать в кровати, девушка надела ботинки и толстую шерстяную куртку. Элизабет сидела в кухне и чистила картошку.

— Надень шапочку и шарф, Мимин. Снова начинается снегопад. Валь-Жальбер скоро совсем исчезнет под снегом, если так пойдет и дальше. Я живу здесь восемнадцать лет и ни разу не видела, чтобы столько снега выпало в декабре!

— А мне это даже нравится! — призналась девушка. — Но Симону и Жозефу приходится нелегко! Им ведь надо не только дойти до фабрики, но и вернуться обратно. А по такому снегу трудно идти даже в снегоступах! Местами я проваливаюсь по колено!

— На то они и мужчины. Скоро они соберутся за столом, голодные, с

обсыпанными инеем усами и окоченевшими пальцами. И я должна их накормить, дать им чистое белье, — сквозь зубы пробормотала Элизабет.

Эрмин поспешила выйти из дома во двор. Холод взбодрил ее. Ветер во дворе совсем не ощущался. Девушка вошла в хлев. Шинук приветствовал ее ласковым, почти музыкальным ржанием. Корова, которую Жозеф назвал Эжени в честь нелюбимой тетушки, лежала на боку. Ее раздутый живот рывками опускался и поднимался. Увидев Эрмин, она испустила пронзительное мычание.

— Тебе больно, моя бедная Эжени! — пробормотала девушка, склоняясь над коровой. — Сейчас придет Бетти и позаботится о тебе.

Девушка погладила лошадь и дала ей несколько кусочков сахара. Потом почесала корову меж рогов.

— Когда у меня будет свой дом, я вас заберу к себе, — серьезно объявила она. — Шинука уж точно. А ты, Эжени, знай: если ты родишь девочку, Жо и Бетти оставят ее себе. Вокруг прекрасные луга, хватит для целого стада коров!

— С кем ты разговариваешь? — звонко спросил Арман, входя в хлев.

Одежда его была присыпана свежим снегом, на меховой шапке лежали целые хлопья. Нос у мальчика покраснел от холода, но глаза искрились весельем. Он нарочно стал отряхивать рукавицы под носом у Эрмин.

— Перестань! — закричала она. — Снег летит мне в глаза! Я говорила с Эжени и Шинуком. А ты где носился? Ты подглядываешь за моей матерью, Эдмон мне рассказал. Это нехорошо. Я скажу Мирей, чтобы она задергивала шторы, когда стемнеет. Помогите мне лучше разложить сено по кормушкам. И нужно согреть воду, потому что у Шинука, если он напьется холодной, будут колики.

Арман снял снегоступы и с интересом настоящего ученого осмотрел корову.

— У нее вытекает жидкость! Там, о чем мне нельзя говорить! — прыснул он.

— Дурак! — сорвалась Эрмин. На самом деле она была смущена и не знала, что отвечать. — Скоро у нее родится теленок.

Они вместе наполнили ясли сеном. Арман побежал за кипятильником, чтобы согреть воду в ведрах. Покончив с этим, он расстегнул пальтишко.

— Мимин, начальник почты передал для тебя письмо. И я вовсе не подглядывал за твоей матерью. Я купил анисовые конфеты для Эдмона.

Сердце девушки забилось в предчувствии. Несколько мгновений она надеялась, что письмо пришло от Тошана, и, чтобы продлить приятное ожидание, закрыла глаза.

«Как было бы замечательно, если бы он послал мне рождественскую или новогоднюю открытку!» — думала она.

Однако девушка не могла обманываться долго. Она была практически уверена, что это письмо — ответ ее дедушки и бабушки по отцовской линии.

— Ты не читаешь свое письмо? — удивился Арман. — Получить письмо и даже не заглянуть, от кого оно! Странная ты какая-то, Мимин!

— Не суй нос в чужие дела, — отозвалась девушка. — Иди в дом, Бетти нужна помощь, она еще не оправилась после болезни.

— Если не хочешь читать его при мне, значит, письмо от твоего жениха! У Мимин есть жених! У Мимин есть жених! — нараспев закричал мальчик.

Рассердившись, Эрмин выскочила на улицу, скатала снежок и швырнула его в Армана. Получив снежок в лицо, мальчик расхохотался.

— Уходи, озорник! — прикрикнула на него девушка. — Тебе тринадцатый год, а ты ведешь себя хуже четырехлетнего! Иди в дом!

Мальчик убежал. Эрмин вернулась в хлев и вздохнула с облегчением. Ее покрасневшие на морозе пальцы дрожали, когда она вскрывала конверт.

— Господи, кто же написал обратный адрес? — пробормотала она. — Кто? Они написали все правильно: «Эрмин Шарден, улица Сен-Жорж, Валь-Жальбер, озеро Сен-Жан»!

Она была так взволнована, что решила присесть на тюк соломы между коровой и Шинуком.

«Что, если они пишут, что мой отец жив и находится в Труа-Ривьер? Но если так, почему он не пытался найти маму? Между ними произошло что-то такое, о чем она не хочет мне рассказывать...»

Наконец Эрмин решила развернуть листок бумаги. Она вспомнила, как однажды вечером сестра Викторианна вынула из ящика другую записку и передала ей.

«Я испытала сильное волнение при мысли, что касаюсь листка бумаги, который держали в руках мои родители. Сейчас я ощущаю нечто похожее. Кто-то из моих родственников сложил это письмо, запечатал конверт...»

На листе она увидела четыре строки, написанные фиолетовыми чернилами на линиях, предварительно отчерченных карандашом под линейку. Почерк был мелкий, с наклоном влево. Сестра Люсия называла такой «каракулями».

«Мадемуазель, прошу никогда не беспокоить нас в будущем. Вы пишете, что вновь обрели мать. Что ж, тем хуже для вас. Что

до Жослина, то мы никогда не получали о нем вестей, и на то была наша воля, поскольку он женился по своему выбору, обесчестив тем самым нашу семью.

Констан Шарден».

Эрмин трижды перечитала письмо, с каждым разом расстраиваясь все сильнее. Из глаз ее полились слезы.

— Какие эти люди злые! — бормотала она. — Бездушные чудовища! Звери! Тем хуже для меня! Как могут они так грубо обойтись со мной, ведь я им не чужая? Я их внучка!

Давно Эрмин не было так плохо. Она долго сидела, держа письмо в руке, слепая от слез. Где-то рядом всхрапывал конь, жалобно мычала корова, но на девушку снова нахлынуло ужасное ощущение своей ненужности, знакомое ей с раннего детства.

В хлев вошла закутанная в непромокаемый плащ Элизабет. Голову молодая женщина повязала розовым шарфом, и он почти полностью скрывал ее лицо.

— Мимин, что с тобой? Посмотри-ка, Эжени отелилась! А я-то думала, почему ты не возвращаешься! Арман сказал, что ты получила письмо.

— Бетти, вот оно! Прочитай, пожалуйста! — запинаясь, попросила Эрмин. — Мама была права. Она не хотела, чтобы я им писала.

Молодая женщина знаком дала понять, что письмо может подождать. Она опустилась на колени перед великолепным новорожденным теленком.

— Господи, спасибо тебе! — воскликнула она. — Это телочка, красивая белая телочка! У нее одно-единственное рыжее пятно на спине! Мимин, иди посмотри! Она вырастет и однажды родит нам теленка. Может случиться так, что денег будет не хватать, поэтому я буду делать масло, сыр, ведь у нас будет вдоволь молока.

Эрмин встала и, пошатываясь, подошла к Элизабет. Эжени, выгнувшись, облизывала своего липкого и неуклюжего теленка.

— Какая она красивая! А я ничего не видела и не слышала. Животные не поднимают по этому случаю столько шума, как женщины.

— Спасибо за упрек, — пошутила Элизабет. — Посмотрим, как ты справишься, когда придет твой черед. С твоим голосом ты переполошишь всю округу!

Они обе расхохотались, хотя Эрмин все еще шмыгала носом.

— Давай свое письмо! Ты очень расстроилась, моя крошка?

— Хуже. Прочитай, и ты поймешь...

Элизабет прочла письмо. Брови ее сошлись.

— Единственное, что ты можешь сделать, Мимин, — сказала она, возвращая девушке листок бумаги, — это, вернувшись в дом, открыть дверцу печки и швырнуть это жестокое письмо в огонь. И не вздумай рассказывать о нем матери. Ты говорила, что Шардены очень набожные люди, но они, похоже, не имеют представления о том, что христианам надлежит прощать друг друга. Ты не сделала им ничего плохого. Даже если твой отец их ослушался, даже если твоя мать показалась им недостойной невесткой, ты, моя Мимин, ничем не заслужила такого обхождения.

Молодая женщина притянула девушку к себе и стала баюкать, как ребенка.

— Тем хуже для них! — добавила она. — Они лишают себя встречи с ангелом, с нашим дорогим соловьем!

— Бетти, ты такая ласковая, такая милая! Скажи, теперь, когда теленок родился и с ним все в порядке, ты могла бы пойти в церковь, правда? Прошу тебя, пойдем с нами!

— А как же Эдмон? Не можем же мы оставить его одного в доме?

— Мы хорошенько его укутаем, и я положу ему грелку. До церкви недалеко. Мама, зная, что я буду петь после мессы, купила мне новое платье. Из шотландки в красно-зеленую клетку, тонкой, но очень теплой. У платья белый воротничок. И еще она купила мне шелковые чулки.

— Если так, я приду! — заверила девушку Элизабет. — Я не могу пропустить последнюю рождественскую мессу в Валь-Жальбере!

Глава 14. Рождественский вечер

Валь-Жальбер, 24 декабря 1930 года

Эмин ушла от Элизабет позже, чем собиралась. Они вместе посидели у печки за чашкой чая, выбирая имя для маленькой телочки. Девушка так и не решилась сжечь полученное из Труа-Ривьер письмо.

— Сохрани его у себя, Бетти, — попросила она молодую женщину. — Зря я написала этим людям, а ведь мама меня предупредила... Я не знала, какие они, и не хочу из-за них расстраиваться. Тем более сегодня, в канун Рождества, в святой вечер!

Конверт Эрмин спрятала в своей комнате, под грудой тетрадок. Теперь, обутая в снегоступы, она подходила к монастырской школе. Снег скрипел при каждом ее шаге. Девушка вспомнила об Алис Паже, которая вчера уехала в Шамбор, в гости к родителям. За ней на стареньких санях, в которые был впряжен огромный серый конь, приехал отец.

«Надеюсь, они добрались благополучно, — сказала она себе. — Хорошо, что пока еще не очень холодно!»

Полное ненависти письмо Шарденов оставило горький осадок в душе девушки. Не добавляли радости тоскливое настроение Элизабет и печаль маленького Эдмона, который остался без рождественской елки.

Из-за огромных кленов показался внушительный дом управляющего. Люди продолжали называть его именно так.

«Вот это да! Мама или Мирей зажгли свечи под навесом! И даже отсюда я вижу, что в гостиной сверкает огоньками елка!»

Была половина пятого, но на улице совсем стемнело. Эрмин остановилась, чтобы полюбоваться мягкими сугробами, прильнувшими к стволам вязов и ясеней. Вдруг до нее донесся протяжный переливчатый вой, приглушенный расстоянием. Девушка вздрогнула. Вой послышался снова — дикий вопль, которому, казалось, не было конца. Где-то на улице Сен-Жорж злобно залаяла собака.

— Наверное, это лает Вольто, спаниель начальника почты, — сказала она себе, снова пускаясь в путь.

От снежных сугробов исходил слабый голубоватый свет. Вой прекратился, но после паузы зазвучал снова.

«Волки, — подумала девушка. — Я очень давно их не видела».

Эрмин вынуждена была признаться себе, что волчий вой ее испугал.

Она давно вышла из того беззаботного возраста, когда они с Симоном тайком ходили смотреть на волков.

Подойдя к крыльцу, она села на последнюю ступеньку и стала снимать снегоступы. Селестен открыл входную дверь.

— Добрый вечер, мадемуазель! Ваша мать беспокоится, ведь вы обещали прийти раньше.

Он наотрез отказался говорить ей «ты» и называть по имени. Устав с ним спорить, Эрмин отступилась. Обернувшись, она увидела, что в руке Селестен сжимает ружье.

— Зачем вам оружие? — обеспокоенно спросила она.

— Я ходил за дом, на опушку леса, потому что услышал крик. Это не вы кричали?

— Дорогой Селестен, это не первый раз, когда волки воют с наступлением темноты, — сказала она, пытаясь его успокоить. — Наверное, они бродят по холмам и скоро уйдут обратно в лес.

— Никто не убедит меня в том, что они не подходят к домам! Это опасные звери, исчадия ада, посланные на землю, чтобы вредить человеку, — перекрестившись, заявил Селестен.

— Для нас они не опасны, — не сдавалась Эрмин. — Волки куда чаще околачиваются вокруг фермы Овила Буланже, который держит небольшое стадо овец.

С этими словами она вошла в прихожую и стала снимать шапочку, шарф и рукавицы. Торопливым шагом вышла Лора.

— Наконец ты пришла, дорогая! Я волновалась. Выпало столько снега, и на улице так темно! К тому же Селестен говорит, что в поселке волки!

— Волки не в поселке, а в лесу. Какая ты красивая, мама!

— Ты находишь?

На Лоре было светло-серое бархатное платье по фигуре. Корсаж облегал ее небольшую грудь, широкая юбка касалась икр. Отделанный черной бейкой воротничок чудесно дополняли планка с двумя рядами черных пуговиц и поясок в тон. Это был весьма элегантный туалет, вполне приличный для вдовы. Молодая женщина оставила волосы распущенными, подобрав их на висках гребнями. Благодаря выкрашенным в светлый цвет волосам, очень похожим на естественный блонд Элизабет, ее красивое лицо выглядело моложе.

Вместо ответа Эрмин обняла ее и поцеловала в гладкую щеку, приятно пахнущую рисовой пудрой. Ей очень нравился присущий Лоре аромат — одновременно нежный и опьяняющий. Лора засмеялась от удовольствия.

— У меня самая красивая мама в мире! — воскликнула девушка. — И

сегодня Рождество! Ничто не помешает мне быть счастливой!

— Ты абсолютно права, — подхватила Лора. — Тем более что это первое Рождество, которое мы встречаем вместе!

Держась за руки, мать и дочь прошли в гостиную. В комнате все блестело и было очень тепло. Сиял навощенный паркет, на мебели тут и там стояли лампы, освещавшие все вокруг приятным золотистым светом. Елка же была не хуже, чем на картинках в книгах, которые Эрмин любила листать в детстве. Украшенная звездой верхушка дерева касалась потолка. На ветках сияли разноцветные стеклянные шары, серебристые металлические украшения и гирлянды.

— Какая красота! — восхитилась Эрмин.

Контраст между роскошным жилищем Лоры и домом семьи Маруа был разительным. Девушка пробежалась глазами по коврам со сложным рисунком, двойным шторам с симметричными складками, хрустальной люстре, в подвесках которой отражались переливы миниатюрных лампочек гирлянды.

«Если бы только Шарлотта могла увидеть елку, ощутить вкусные запахи, которые проникают в комнату из кухни! — думала она. — А мой маленький Эд! Он был бы вне себя от радости, ведь он так любит сказки о святом Николае!»

— Тебе тоже нужно одеться, — сказала Лора. — Я сгораю от нетерпения! Я так хочу услышать тебя в церкви! Ханс будет сопровождать тебе на фисгармонии ^[57]. Великолепно!

Эрмин знала, что пианист еще вчера поселился в отеле поселка. Он пришел пешком из Шамбора — настоящий подвиг со стороны человека, не привыкшего к физическим нагрузкам. Такая решимость не могла не вызвать у девушки восхищение.

— Какое счастье, что Хансу не пришлось идти в такую метель, какая бушевала у нас на прошлой неделе, — сказала она матери.

— Ты права. Когда он шел в Валь-Жальбер, был снегопад, но ветер уже стих. Мы сделаем из него настоящего охотника-следопыта, — добавила она с улыбкой. — А теперь, дорогая, иди и надень поскорее свое новое платье. Потом мы выпьем чаю.

Эрмин оказалась в комнате, где ей еще ни разу не случалось провести ночь. Она часто задавалась вопросом, как мать, находясь в Валь-Жальбере, смогла заказать доставку таких прекрасных тканей и такой качественной мебели.

— Дорогая мамочка! — вздохнула она, рассматривая утонченную обстановку своей удобной и теплой гавани.

Стены были заново окрашены в розовый цвет, пол — в белый. Под балдахинном стояла медная кровать. Прямо перед ней находился комод с трельяжным зеркалом. Рядом стоял гардероб, полный одежды, которую девушка все никак не решалась надеть. Она погладила рукав великолепного мехового манти, подаренного Лорой пятнадцатого декабря, в день ее рождения.

«Сколько денег она потратила! — не переставала ужасаться Эрмин. — Мне не нужно столько одежды!»

На красном стеганом одеяле девушка увидела синюю картонную коробку. В ней оказалась русоволосая целлулоидная кукла в желтом платье и черных туфельках.

— Неужели мама купила эту куклу мне? — удивилась Эрмин.

К ручке куклы была привязана свернутая вдвое записка. На ней Лора написала: «Для Шарлотты». Эрмин задохнулась от радости. Она представила, как счастлива будет ее подопечная получить такой подарок. Она высоко оценила добрый поступок матери.

— Я ведь ни о чем ее не просила! Мама все сделала сама!

Эрмин торопливо натянула платье из шотландки.

«Это будет самое лучшее Рождество в моей жизни!» — подумала она, не зная, что этим вечером ее ждет еще немало сюрпризов.

В кухне Мирей под бдительным оком Селестена делала несколько дел одновременно. Свое ружье садовник повесил на крючок у задней двери. Он пытался прислушиваться, но экономка создавала столько шума, что сквозь него не пробивалось ни единого звука с улицы.

— Не знаю, что замышляет мадам, — нерешительно заметила Мирей. — Она заказала меню, которого хватит, чтобы накормить целый полк. Так я точно опоздаю к мессе!

С раскрасневшимися щеками, в повязанном вокруг талии белом фартуке, подчеркивающим ее полноту, она то помешивала что-то в кастрюлях на плите, то поднимала крышку на огромном чугунном котелке.

— Селестен, ты что-нибудь понимаешь? В печи жарятся четыре утки, которые я должна подать в соусе с апельсиновой цедрой. Круглые пироги с луком-пореем уже готовы, и слава Богу! С какой стороны ни глянь — на троих этого слишком много! Насколько я знаю, ужинать будут мадам, месье Цале и наша мадемуазель.

— Может, мадам решила пригласить аббата Деганьона? Думаю, тебе не стоит так беспокоиться. Сколько приборов мадам приказала поставить на стол?

— Мадам ничего не сказала точно. Она сказала только, чтобы я

достала фарфоровый сервиз, белый с золотом. Весь сервиз целиком!

Экономка тяжело вздохнула. Ей не хотелось опоздать в церковь, где должна была петь Эрмин.

— Хорошо бы выйти пораньше, — сказала она. — По такому снегу я не смогу идти быстро, я себя знаю!

— Если еще доберемся до церкви живыми и невредимыми, — проворчал Селестен, делая страшное лицо. — Говорю тебе, Мирей, проклятые волки бродят по поселку! Я предупреждал мадам, что, если мы собираемся жить в диком месте, нам нужна большая сторожевая собака. Эти собаки, стоит им надеть ошейник с шипами, убивают все, что шевелится!

— Bravo! — Мирей усмехнулась. — Если бы у нас была такая собака, к нам бы никто не стал ходить. Да и детишки Маруа часто болтаются вокруг дома. Хорошенькое было бы дело, если бы твоя сторожевая собака откусила кому-нибудь из них ногу или руку!

В кухню вошла Лора и потянула носом.

— Я уже голодна! Мирей, ты не забыла приготовить десерт «Плавающие острова»? ^[58]Его следует подавать холодным, даже ледяным. Лучше вынести его на улицу, под навес.

— Там он и стоит, мадам! Шоколадный торт тоже. Я живу в вашем доме шесть лет и знаю, что к чему!

Селестен поморщился. Прямолинейность экономки была ему не по нраву. Лора же пропустила ее слова мимо ушей. Она была очень весела.

— Волки все еще воют, Селестен? — спросила она мягко.

— Я прислушиваюсь, мадам. Но в двери они пока не скребутся...

Лора на несколько секунд закрыла глаза. Она увидела себя в сердце леса, в саях Жослина. Это было во время их сумасшедшей гонки, до того, как они оставили дочь на крыльце монастырской школы. Бали, вожак упряжки, рычал и лаял. Стая волков преследовала их, держась на приличном расстоянии. Молодая мать дрожала от страха, прижимая девочку к груди за пазухой толстой шубы, которая защищала их обоих от холода. Тогда Лора молила Бога их пощадить.

«И Господь меня услышал, — сказала себе Лора. — Навстречу нам неожиданно вышел лось — старый, ослабевший от голода лось. Жослин хотел было его подстрелить, но оставил волкам, которые потеряли к нам интерес».

— Мадам, лучше не стойте здесь, а то ваше прекрасное платье пропахнет горячим жиром, — сказала хозяйке Мирей.

— Ты права, — согласилась Лора. Вид у нее был отсутствующий. —

Вернусь лучше в гостиную.

В связи со снегопадом аббат Деганьон решил начать богослужение раньше, чтобы прихожане задолго до полуночи смогли вернуться домой и сесть за праздничный стол. С неба сыпались крупные хлопья сверкающего снега, когда последние обитатели Валь-Жальбера выходили из домов и шли в церковь.

На улице Сен-Жорж все еще светило несколько покрытых снежными шапками фонарей. Мелани Дунэ, шествующая в сопровождении Армана и Симона, заметила на углу домика кюре еще три темных силуэта. Это был владелец отеля с супругой и младшей дочерью.

— Посмотрите-ка на нас! — сказала она мальчикам. — Мы похожи на призраков, которые на ощупь пробираются в пустынном мире! Всюду тишина, окна не светятся. У меня сердце замирает. А через неделю у нас и кюре не будет!

— Зато Эрмин будет петь, — попытался утешить пожилую даму Симон. — Нужно радоваться тому, что есть, мадам Дунэ!

— Ты прав, мой мальчик. Спасибо Элизабет за то, что прислала вас ко мне. Иначе я не смогла бы дойти до церкви и пропустила бы рождественскую мессу.

— Такого не могло случиться, — сказал Арман. — В такой вечер мы ни за что не оставили бы вас одну.

Снова послышался заунывный вой, на этот раз совсем близко. Пожилая вдова вздрогнула.

— Господи милосердный! Волки! Когда залаял пес хозяина отеля, я как раз выглядывала в окно. И слышала вдалеке волчий вой.

— Мы с отцом видели их на холме возле фабрики, — сказал Симон. — Их четверо — пара взрослых и двое молодых. Когда я рассказал об этом матери, она перекрестилась. Наша корова только что отелилась. Дверь в хлев я забил досками. Когда вокруг поселка бродят волки, осторожность лишней не бывает.

Ни с того ни с сего Мелани Дунэ, которая постоянно жаловалась на то, что у нее болит левая нога и бедро, ускорила шаг. Казалось она внезапно забыла о боли.

— Идемте скорее, детки, — сказала она. — Волки, когда охотятся, нападают на самых слабых, на больных.

— Вот глупости! — Арман был уверен в своей правоте. — Волки не нападают на людей. К тому же мой отец зарядил ружье.

— Они могут соблазниться такой несчастной старушенцией, как я, — возразила мадам Мелани.

— Мы вас защитим, — попытался успокоить ее Симон. — Я не боюсь волков.

Юноша слово в слово повторил слова, только что сказанные его отцом, находившимся на расстоянии нескольких сотен метров. Жозеф успокаивал Элизабет, которую едва уговорил выйти из дома. Закутанная в теплые одежды молодая женщина прижимала к себе Эдмона. Мальчик чувствовал себя хорошо и пританцовывал от нетерпения.

— Не бойся, Бетти, — повторял Жозеф. — У меня с собой нож и палка. Нет ничего странного в том, что волки пришли в поселок. Когда работала фабрика, в поселке было так шумно, что дикие звери обходили его десятой дорогой. В последний раз, когда я был в сахароварне, я видел рысь. Она убежала, но я все равно запустил ей вслед камнем, чтобы показать, что она на моей территории.

На протяжении нескольких недель рабочий при всякой возможности пытался показать жене, как он раскаивается, и помириться. Они, как и раньше, спали вместе, но от Элизабет он не видел ни ласки, ни даже проявлений нежности, не говоря уже об интимных отношениях. Расстроенный Жозеф с удвоенным усердием расточал супруге знаки внимания, надеясь вымолить прощение. Но Элизабет оставалась непреклонной.

— Пока я с вами, волков можешь не бояться, моя милая Бетти, — заверял он жену. — Через пять минут мы будем в церкви!

Молодая женщина спустилась с крыльца и встревоженным взглядом окинула окрестности.

— А как же теленок? Жо, что, если волки, пока нас нет дома, проберутся в хлев? Я не хочу потерять теленка!

— Симон забил дверь доской, они ее не сломают.

Эдмон взял родителей за руки. Мальчик светился от радости. Рядом с родителями бояться было нечего, и он смотрел на церковь сквозь прозрачное полотно падающего снега. Но родительских рук не отпускал, потому что в своем детском воображении уже представил, что волки окружили поселок. Лесных хищников он рисовал себе в облике ужасных чудовищ. Это было страшно и в то же время ужасно забавно...

— Ты правда их видел, Жо? — спросила у мужа Элизабет.

— Как тебя вижу. И Симон тоже видел, — ответил рабочий. — На холме. Но их всего четверо, поэтому они никому не причинят вреда.

Молодая женщина шла очень быстро, почти бежала. За годы, проведенные в Валь-Жальбере в эпоху, когда в поселке проживало девять сотен жителей и жизнь бурлила ключом, она успела позабыть, что тысячи

акров земли вокруг озера Сен-Жан все еще оставались не тронутыми цивилизацией. Хвойные леса и кленовые рощи давали прибежище волкам, лисам, рысям и медведям. Элизабет, обычно не ходившая дальше универсального магазина, церкви и монастырской школы, ни разу не видела даже лося — этого величественного жителя канадских лесов.

— Теперь ты сама видишь, что опасности нет, — объявил Жозеф. — Было бы лучше, если бы ты, как и я, надела снегоступы. Ты проваливаешься в снег по колено! Снег забьется в ботинки, и ноги промокнут. Дай мне руку, Эдмон сможет идти самостоятельно!

— Нет! — крикнула молодая женщина. — Я его не отпущу!

Рабочий остановился, снял снегоступы и пошел впереди жены и сына, разгребая в снегу некое подобие траншеи, чтобы им было легче передвигаться.

Под навесом дома управляющего с ноги на ногу в нетерпении переминались Эрмин и Лора. Обе были готовы, но нужно было дождаться Мирей. Экономка тоже хотела привести себя в порядок, поэтому побежала в свою комнату переодеваться. Из-под красной шерстяной шапки-шлема, которую надел Селестен, были видны только его испуганно бегающие глаза. Вскинув на плечо ружье, он ходил взад и вперед перед крыльцом.

— Что-то их не слышно, этих грязных бестий, — бормотал он себе под нос. — Это плохой знак, мадам. Если волки молчат, значит, они уже тут, в темноте, следят за нами.

Лора с беспокойством покосилась на ближайшую купу деревьев. Эрмин поспешила ее успокоить:

— Не бойся, мама! Волки не нападают на людей.

Девушка лучезарно улыбалась в блеклом свете керосинового фонаря, который садовник повесил над дверью.

— Волки состоят в родстве с дьяволом, — не сдавался Селестен. — Как, впрочем, и индейцы. С той только разницей, что индейцев можно окрестить, и после этого они становятся чуть более цивилизованными.

— Вы говорите глупости, Селестен, — возразила Эрмин. — Стыдно сравнивать людей со зверями. Если бы вам довелось чаще встречаться с индейцами, вы бы так не считали.

Девушка редко позволяла себе повышать тон. Удивленный Селестен решил не отвечать. В разговор вмешалась Лора:

— Моя дочь права, Селестен. Мне неприятно слышать подобное из ваших уст. Такие слова недостойны доброго христианина, который идет слушать мессу. И прошу вас, оставьте ружье дома. Нельзя входить в церковь с огнестрельным оружием!

— Как пожелаете, мадам. Но если на нас нападут волки, я не смогу вас защитить.

— В таком случае возьмите лучше посох, — отозвалась Лора.

Наконец из дома вышла Мирей и заперла входную дверь. Все вместе они направились к церкви по дорожке, которую Селестен заблаговременно расчистил. Однако снег шел так густо, что ее почти засыпало. Дамы, обутые в ботинки на меху, шли осторожно, чтобы не упасть.

На Лоре была накидка из чернобурки, на экономке — заячий полушубок. Эрмин отказалась надеть роскошную новую шубку, предпочтя ей свою синюю шерстяную курточку на подкладке из овчины.

— Не обижайся, мама, — сказала она Лоре, — но я не могу явиться в церковь такой нарядной. Это может вызвать зависть. А некоторые решат, что я люблю тебя потому, что ты задариваешь меня подарками.

Они с Лорой вместе решили, как лучше поступить с подарком для Шарлотты. Лора предложила взять его с собой и после мессы преподнести девочке. Эрмин опасалась, что другие девочки станут завидовать бедняжке. Поэтому было решено, что Шарлотта придет к ним в гости на следующий день.

— Так Лолотта сможет порадоваться елке и найдет свой подарок под ней, — заключила девушка.

В душе она сомневалась, что Шарлотта придет на мессу, но семья Лапуант явилась в церковь в полном составе. Гладко причесанный Онезим в костюме из толстого коричневого бархата уже сидел на скамье, а рядом с ним — Шарлотта. Эрмин с удивлением увидела, что вместе с детьми пришли отец, Жюль Лапуант, и мать Аглая.

— Наконец-то вы вышли из дома! — обратилась Эрмин к матери Шарлотты.

— Жюль сделал санки, и они вместе с Онезимом привезли меня сюда, — пояснила женщина. — Я так давно не вставала с постели!

Щеки аккуратно причесанной, одетой в коричневую накидку Аглаи порозовели. Эрмин было очень приятно видеть ее в таком хорошем настроении.

— Я так рада, что услышу, как вы поете, мадемуазель! — добавила Аглая.

— Надеюсь, вы не будете разочарованы, — сказала девушка.

Поцеловав Шарлотту, она вернулась к Лоре, которая у алтаря о чем-то оживленно беседовала с Хансом Цале.

Пианист приветствовал девушку сияющей улыбкой. Эрмин впервые отметила для себя, что он прекрасно выглядит и не лишен определенного

шарма. На Хансе был черный костюм, белая рубашка и галстук. Волосы его немного отросли и мягкими волнами обрамляли уши. Она заметила также, что он купил себе новые очки, которые подчеркивали его серо-голубые глаза.

Ханс галантно похвалил наряд девушки и добавил шепотом:

— Но вы всегда прекрасны, и платье тут ни при чем. То же самое я могу сказать о вашей матери, которая сегодня вечером невероятно хороша.

Лора поблагодарила его легким кивком. Она отошла и села на скамью, которая находилась ближе всего к фисгармонии. Аббат Деганьон выглядел взволнованным. Несмотря на то что он был пастырем этой общины не так долго, как отец Бордеро, почтенный священник сожалел о своем отъезде и о том, что поселок остается без священнослужителя.

Голос его был проникнут искренней грустью, когда он обратился к собравшимся в церкви жителям Валь-Жальбера:

— Мои дорогие прихожане, мы собрались все вместе па рождественскую мессу, но я должен сказать вам «до свидания». Именно так пел наш соловей, наша Эрмин, когда сестры конгрегации Нотр-Дам-дю-Бон-Консей покидали поселок: «Не говори „прощай“, сестра, не говори „прощай“»... Прошу вас, не лишайте себя общения с Всевышним, посещайте воскресные мессы в Шамборе.

Все мы помним, каким был Валь-Жальбер в лучшие дни. Я помню тот день, когда переплыл на корабле озеро Сен-Жан и поезд из Роберваля доставил меня на целлюлозную фабрику. Я был очарован этим местом. На улице Сент-Анн играли дети, на обрамлявших реку лугах паслись стада. На террасе отеля беседовали мужчины. Хозяюшки в светлых платьях, с корзинками в руках переговаривались перед универсальным магазином. Я был счастлив стать пастырем общины, члены которой — благопристойные, порядочные и работающие люди. Теперь все не так, как прежде. В наступающем году я буду далеко от Валь-Жальбера. Я прошу вас всех, вас, мои последние прихожане, продолжайте жить, соблюдая Закон Божий, в умеренности и солидарности. Рождество — прекрасный день, чтобы помириться с тем, с кем ты в ссоре, протянуть руку своему ближнему, ведь в эту святую, благословенную и радостную ночь ваши сердца открываются для посланий Господа нашего Иисуса Христа. Любите друг друга!

Закончив речь, аббат Деганьон отслужил мессу. Арман Маруа и его одноклассник, которые пели в хоре, прикладывали огромные усилия для того, чтобы не засмеяться. Жозеф то и дело угрожающе поглядывал на сына.

После того как все причастились, Ханс заиграл «Ave Maria». Эрмин

тихонько вышла к алтарю и встала лицом к аудитории. По церкви пробежала волна восторженного шепота.

Девушке казалось, что она вернулась в тот рождественский вечер, когда мать-настоятельница подталкивала ее вперед, заверяя, что она не сфальшивит и не забудет слова. С тех пор она многому научилась. Мощный и чистый голос Эрмин наполнил церковь, достигнув такого звучания и таких высот, что у Лоры слезы навернулись на глаза, и она смахнула их вышитым платочком.

Ханс прекрасно аккомпанировал Эрмин на фисгармонии. Мужчины, женщины и дети — все слушали как зачарованные, ибо это пение воспринималось ими как доказательство бесконечной Божественной любви. Одни склоняли головы и в молитвенном жесте соединяли ладони, другие закрывали глаза и утирали слезы.

Эрмин вложила в «Ave Maria» всю свою душу, все сердце. Ею овладело странное чувство. Собственное тело казалось ей необычайно легким, почти невесомым. Ради прославления Рождества, ради своей матери и Бетти, ради Шарлотты она превзошла саму себя.

Когда стихли последние ноты, Жозеф чувствовал себя презреннейшим грешником на земле. Он сжал в своей руке ладошку Элизабет. Во взгляде его, обращенном к супруге, читалось отчаяние.

— Бетти, дорогая, если ты меня никогда не простишь, я это приму. Я тебя не достоин. Но я тебя люблю и всегда любил.

Элизабет повернулась к мужу, на губах ее играла слабая улыбка.

— Будь терпеливым, Жо!

— Я буду терпеливым, — пообещал он.

Ханс заиграл вступление к «Родился Сын Божий». Этот радостный гимн вызвал на лицах прихожан улыбки. Эрмин исполнила его блестяще. Она удивилась и обрадовалась, когда две девочки подхватили припев, и их примеру скоро последовала большая часть собравшихся. Шарлотта тоже пела, раскачиваясь в такт музыке. Мирей и Селестен внесли свою лепту в хор. Лоре хотелось и плакать, и смеяться, но она подпевала наравне с остальными. В душу ее снизошло ребяческое счастье, благословенный покой. Она восхищалась своей дочкой, своей дорогой девочкой. Эрмин была такой милой, такой безыскусной... Ее голос очаровывал: сублильный и нежный в низких регистрах и сильный, кристально прозрачный — в высоких.

«Господи всемогущий, — взывала к небу молодая женщина, — прошу Тебя, не разлучай меня больше с моим ребенком! Благодарю Тебя за то, что Ты вернул ее мне! Благодарю за то, что Ты подарил ей уникальный талант

— очаровывать и утешать!»

Девушка спела «Тихую ночь» и «Ангелы в нашем краю». По просьбе аббата Деганьона свое выступление она закончила песней «О Канада!».

— Спасибо от всего сердца, Эрмин, — сказал священник. Со всех сторон доносились негромкие аплодисменты. — Я никогда не забуду годы, проведенные в Валь-Жальбере, и сохраню прекрасные воспоминания о снежном соловье, для которого этот благословенный поселок стал гнездышком. Эрмин сегодня вновь нас порадовала, к несчастью, в последний раз в этой церкви.

При этих словах юная певица заплакала. Ханс встал из-за инструмента и поклонился. Оживленный гул голосов стал сигналом к окончанию мессы. Прихожанам предстояло покинуть теплое убежище, какое являл собой Божий храм, и снова встретиться со снегом, ледяным ветром и темнотой.

— Какой же я все-таки глупец! — сказал Жозеф, обращаясь к жене. — Я хотел, чтобы Мимин выучила песни Ла Болдюк. Но это совсем не в ее стиле! Ее голос намного красивее. Церковные гимны, опера — вот что ей больше подходит!

Элизабет поглядела на него с жалостью.

— Бедный мой Жо, похоже, здравый смысл наконец возвращается к тебе!

Супруги Маруа уже подошли к двери, когда их догнала Лора.

— Жозеф, Бетти, я не осмелилась обратиться к вам с просьбой перед мессой, но я хочу пригласить вас на ужин, — сказала она. — Я хотела, чтобы для Эрмин это стало сюрпризом. Она будет счастлива, если вы отпразднуете Рождество вместе с нами. Мирей готовила весь день, желая вас порадовать. Думаю, нам пора познакомиться получше. К тому же сегодня Рождество!

— Скажи «да», мамочка! — закричал Эдмон, дергая мать за руку. — Я так хочу пойти!

Элизабет смотрела на Лору так, словно не верила своим глазам. Перед ней стояла красивая дама в меховой шапочке и элегантной накидке из чернобурки, и в голубых глазах этой удивительно похожей на ее дорогую Мимин дамы, в ее голосе была мольба. Она повернулась к Жозефу, который тоже пребывал в растерянности.

— Но ведь нас очень много, мадам, — пробормотала Элизабет.

— Вас пятеро, — уточнила Лора с улыбкой. — Аббат Деганьон тоже согласился прийти. Еще мы пригласили месье Ханса Цале. Мне будет очень приятно видеть вас у себя. Мне кажется, что это мое первое настоящее Рождество за много-много лет. Прошу вас...

— Что скажешь, Жо? — спросила у мужа Элизабет. — Меня редко приглашают на праздничный ужин. Сказать честно, никогда не приглашали. Мадам Лора права: мы теперь соседи, поэтому должны познакомиться поближе.

Рабочий задумался. Симон высказал свое мнение:

— Мне эта мысль по душе. Но еще надо решиться выйти из церкви! Хотя, если мы пойдем все вместе, волки испугаются и убегут! — пошутил он.

Подошли Мирей и Селестен. Церковь быстро пустела. Эрмин не догадывалась, о чем Лора разговаривает с семьей Маруа. Она шепталась с Шарлоттой.

— Завтра, моя милая Шарлотта, я приду за тобой с Шинуком. Ты сядешь ему на спину, и мы пойдем в гости к моей маме. Там в гостиной стоит прекрасная елка, украшенная разноцветными шарами и гирляндами. Может быть, святой Николай, историю о котором ты так любишь, принесет тебе подарок!

Обрадованная девочка обняла ее за талию и крепко сжала ручки. Аглая поблагодарила Эрмин.

— Вы ангел, сошедший с неба, мадемуазель, — сказала она. — Я никогда не слышала ничего прекраснее, чем ваша «Ave Maria».

Онезим закивал, соглашаясь. Эрмин пожелала им счастливого Рождества. Она знала, что положение семьи Лапуант улучшилось — Жюль Лапуант наконец нашел достойную работу.

Аббат Деганьон погасил лампы. Девушка в сопровождении Ханса вышла из церкви и увидела семейство Маруа и Лору. Все были в хорошем настроении и улыбались. С неба хлопьями падал снег, но время сильных морозов еще не пришло.

— Мимин! — как воробушек, зачирикал Эдмон. — Мы тебя ждем! Дама приглашает нас на ужин! Богатая дама!

— Эдмон, будь вежливым! — прикрикнула на сына Элизабет. — Эта дама — мать Мимин.

— Не сердитесь на него, — сказала Лора. — Он такой милый!

— Правда? — воскликнула удивленная Эрмин. — Как я рада! Мы будем праздновать все вместе!

— Похоже, в Рождественскую ночь и вправду случаются чудеса, — вставил свое слово Жозеф.

Он тоже улыбался. «Я должна его простить, — подумала девушка. — Он согласился прийти, значит, сожалеет обо всем плохом, что сделал».

Арман повис у нее на руке. Он танцевал на месте от нетерпения.

Наконец все отправились в путь. Селестен замыкал шествие, боязливо оглядываясь. Жозеф, размахивая фонарем, шел впереди.

Они шли, смеясь шуткам Мирей и весело переговариваясь. Экономка не зря беспокоилась — число гостей утроилось.

— Послушайте, я все равно немного волнуюсь за теленка. Симон, будь так добр, сходи домой и посмотри, все ли в порядке в хлеву. Это меня успокоит. Только не задерживайся, хорошо?

— Кроме Симона нам придется подождать аббата Деганьона, — сказала Лора. — Он вместе с младшим месье Лапуантом пошел проводить вдову Дунэ.

— Ты уверена, что мне нужно сходить домой, мам? — спросил Симон. — Если ты боишься волков, то они, скорее всего, уже далеко. Воя давно не слышно.

— Эрмин их заколдовала, — сказал Ханс. — Представьте только: жестокие звери сидят перед входом в церковь и слушают нашего соловья!

— Волки любят музыку, да? — тоненьким от испуга голосом спросил Эдмон.

— Волки вовсе не жестокие, — сказала Эрмин. — Их можно пожалеть. У них нет дома, нет погреба с запасами на зиму. А в это время года дичи в лесу мало. Им приходится все время бегать в поисках добычи. Да, мне их жалко. Никто их не любит, потому что они дикие, дикие и свободные. Как индейцы в былые времена!

С тех пор как Эрмин пообещала Тошану связать с ним свою судьбу, она много читала об истории Канады. Девушка узнала, что французские и английские колонизаторы приехали вовсе не на девственные земли. Эти края населяли племена, жившие по законам природы, добывавшие себе пропитание охотой и рыбной ловлей. Туземцы научили переселенцев не только добыче сладкого кленового сока, но и многим полезным вещам, например выживанию в суровом климате, который во всех своих проявлениях склонялся к крайностям, отвергая меру. В прошлом остались кровавые стычки между коренными жителями и переселенцами. Обретенные знания заставили Эрмин по-новому взглянуть на прошлое и настоящее индейцев Канады и еще сильнее полюбить своего красавца-метиса с непривычным уху именем Тошан.

— Мимин, какие странные вещи ты говоришь, — вздохнула Элизабет.

Селестен что-то пробормотал себе под нос, обрадованный, что нашел в лице мадам Маруа сторонника. Пламенную речь Эрмин он принял на свой счет.

Симон повернул в сторону дома.

— Будь осторожен, сын, — напутствовал его Жозеф. — И захвати мое ружье, нам еще возвращаться. Ночи темные, с ружьем мне будет спокойнее.

Мирей испуганно охнула. Она старалась держаться поближе к рабочему, который казался ей достаточно надежным защитником.

Лора и Элизабет тихо разговаривали о чем-то своем. Эрмин наострила ушки, но слов было не разобрать. Однако установившееся между ними взаимопонимание радовало девушку.

«Я была бы так счастлива, если бы они подружились! — думала она. — Бетти не чувствовала бы себя такой одинокой, могла бы заходить к маме на чай...»

Несмотря на то что все в компании казались довольными друг другом. Эрмин боялась предстоящего ужина. Она мечтала, чтобы Тошан явился из заснеженного леса, неожиданно, как волки, и присоединился к ним.

«Только я не знаю, были бы мама и Маруа рады его видеть. Думаю, скорее всего, совсем не рады».

И она постаралась представить себе следующее Рождество.

«Мы с Тошаном женаты. Он не пойдет на лесоразработки, конечно, нет! Первый год он будет рядом со мной. Но, может статься, он будет чувствовать себя чужим в красивом доме моей матери...»

Эрмин предвидела также и проблемы, которые ожидали ее со стороны Жозефа Маруа. Она не забыла, как он обошелся с Тошаном возле сахароварни. Ей стало грустно, и она решила помолиться.

«Господи, прошу тебя, сделай так, чтобы Тошан не испытывал ни холода, ни голода, потому что сегодня Рождество! Сделай так, чтобы его мать не чувствовала себя такой одинокой, ведь у нее нет никого в этом мире, кроме сына...»

Внезапно она осознала, как трудна жизнь вдовы золотоискателя. Ее душа перелетела через огромные, покрытые лесом пространства, пронеслась вдоль реки Перибонки, давшей свое имя скромной деревеньке.

«Как эта бедная женщина живет в хижине целую зиму? Она чахнет, ей скучно и одиноко... Когда мы с Тошаном поженимся, она будет жить с нами».

Испуганный крик вернул Эрмин к реальности. Кричала Мирей. Жозеф еще сильнее замахал фонарем. Лора, притянув дочь к себе, указала пальцем в темноту. Между Жозефом и погруженным во тьму домом управляющего стояли двое волков — крупных, с серым, усыпанным звездочками снежинок мехом. Они неотрывно следили за движением фонаря.

Эдмон разрыдался. Ханс поспешил посадить мальчика себе на плечи. Арман спрятался за спину Эрмин, а Элизабет вцепилась в руку Лоры.

— Не бойтесь, — попыталась та ее успокоить. — Они сейчас уйдут.

Эрмин зачарованно смотрела на волков. Невдалеке она разглядела еще двоих, поменьше, которые, казалось, танцевали на месте.

— Прочь! Прочь, сказано вам! — закричал Жозеф, размахивая посохом. — Убирайтесь отсюда!

Рабочий сделал шаг вперед, не переставая кричать. Этого оказалось достаточно, чтобы волки обратились в бегство. Самый крупный сердито рыкнул, но исчез вслед за своими спутниками.

— Отец, мать и их отпрыски, — тоном знатока сообщил Жозеф. — Если бы только у меня было ружье! Четыре волчьих шкуры! У тебя была бы отличная шуба, Бетти. Ни один бы от меня не ушел!

— Но они могли бы тебя покусать! — испуганно пробормотала Элизабет, которая дрожала всем телом.

— Волки не нападают на людей, — сказала Лора. — И мы имеем тому доказательство.

Селестен счел нужным вступить в разговор:

— Их было слишком мало, мадам! Будь стая побольше, они бы перерегрызли нам горло, а потом сожрали бы детей! Нельзя было выходить без ружья. Если бы вы не запретили взять его с собой к мессе, я бы покончил с этими исчадиями ада!

Жозеф посмотрел на садовника с презрением.

— Хорошо теперь говорить! — насмешливо заметил он. — Но вы почему-то спрятались за спины женщин и детей!

— Могли ведь появиться и другие! Я был готов их встретить! — выкрикнул Селестен.

— Месье Маруа показал себя настоящим героем, — объявила Лора. — После всех волнений еда покажется нам еще вкуснее. Поторопимся, на случай, если вслед за волками придут медведи. Хотя вряд ли они окажутся опаснее...

Мирей, которая все еще дрожала от страха, шутку хозяйки не оценила. Глядя на Жозефа с искренним восхищением, она взяла его под руку. Так они вместе и дошли до двери.

— Вам больше нечего бояться, мадам, — объявил рабочий, — так что можете меня отпустить. О медведях забудьте, они всю зиму спят в берлогах. Открывайте!

Все еще сама не своя от волнения, экономка вставила в замочную скважину не тот ключ. Лора взяла связку у нее из рук. Через мгновение вся компания очутилась в доме. Вестибюль в доме управляющего был просторный, в отличие от других домов в поселке, поэтому все смогли, не

толкаясь, снять теплую одежду и стряхнуть снег с обуви.

— Нужно было попросить Симона, чтобы принес нам всем тапочки, — заметила Элизабет, смущаясь все больше и больше.

Эрмин помогала раздеться Эдмону. Лора убежала в гостиную, чтобы зажечь свет и лампочки на елке.

— Не беспокойся, Бетти! Мама так рада, что вы у нее в гостях, что не станет думать о чистоте паркета!

Мирей выглянула в коридор из дальней комнаты. В белоснежном фартучке она снова обрела вид безупречной экономки.

— Эрмин, проводи всех в гостиную, ужин скоро будет готов.

Лора попросила Селестена и Мирей накрыть к ужину в столовой — комнате, которой пользовались редко. Гости бывали в этом доме нечасто, поэтому Мирей была решительно настроена поразить всех изяществом оформления стола.

Эдмон испустил восторженный возглас, увидев рождественскую елку высотой в три своих роста. Мальчик замер на пороге, пораженный не только сиянием электрических гирлянд, но и роскошью мягких ковров, великолепных занавесей и резной мебели. Арман, который не раз заглядывал в окна мадам Лоры, описывал ему комнату. Она показалась мальчику еще красивее, чем он себе представлял.

Оробевшие Жозеф и Элизабет поспешили присесть на банкетку в стиле Людовика XV, на которой уже расположился Ханс Цале. Эрмин с матерью суетились вокруг круглого столика со сверкающими хрустальными бокалами.

— Селестен охладил бутылку хвойного пива [\[59\]](#), — сказала Лора. — Он как раз пошел за ним. Я купила в универсальном магазине две бутылки, но, честно говоря, с большим удовольствием выпила бы французского шампанского. Будем надеяться, что на Селестена не нападут волки!

Арман и Жозеф прыснули.

— Не следует насмехаться над этим славным человеком, — строго сказала Элизабет, глядя на мужа и сына. — Я понимаю, почему он боится. Я сама до лета не осмелюсь ночью выйти во двор!

— А вы, мадам? Вы не боитесь волков? — спросил Жозеф.

— Если бы я была одна, я бы испугалась, но рядом находились трое смелых мужчин и два мальчика, поэтому я знала, что мне ничего не угрожает.

Хозяйка дома засмеялась. Она была очень красива в своем сером бархатном платье, с собранными в прическу светлыми волосами. Эрмин сочла уместным добавить:

— Мама ведь жила с траппером, моим отцом Жослином. Она знает лес и повадки животных.

— Было бы интересно об этом послушать, — предложил Жозеф тоном, который показался девушке слишком любезным.

— Только не сегодня вечером, — оборвала его девушка. — Эти воспоминания касаются только меня, правда, мама? Воспоминания моих дорогих родителей, потому что я надеюсь, что однажды мы найдем отца.

После ее слов повисла пауза. Слава Богу, в комнату вошла Мирей с бутылкой пива в руках.

— Мы откроем ее, когда придет Симон, — сказала Лора. — Надеюсь, аббата Деганьона это не смутит. Ведь сегодня праздник, Рождество. Эрмин, включи, пожалуйста, музыку. Моя дорогая Бетти, я тоже купила электрофон. Идея пришла мне в голову, когда я увидела такой же в комнате у Эрмин.

Девушка с минуту выбирала, какой диск поставить. Наконец она отдала предпочтение собранию детских песен, исполненных квебекским хором.

«Это понравится Эдмону», — сказала она себе.

Мальчик сидел на ковре возле елки и не мог отвести глаз от странной формы холмика, накрытого цветным покрывалом. Арман подошел к Эрмин и прошептал ей на ухо:

— Что там такое, под елкой?

— Мне тоже интересно, но я не знаю, — шепотом ответила девушка. — Думаю, мама решила поиграть в святого Николая.

Она осторожно опустила иглу на диск. Под аккомпанемент фортепиано детский голос запел песню «Добрый король Дагобер».

Когда с красным от быстрой ходьбы лицом в гостиную вошел Симон, его младший братишка качался в такт «Больше в лес мы не пойдем!».

— С коровой и телятком все хорошо, мама, — успокоил он Элизабет. — Телочка сосет молоко, Эжени в полном порядке. А для вас, мадам Лора, у меня плохие новости: месье кюре не сможет прийти. Он просил передать свои извинения, поскольку решил, что одинокая мадам Мелани больше нуждается в его компании, поэтому он остался ужинать у нее.

— Господи, какая же я разиня! — вскричала молодая женщина. — Нужно было пригласить и ее тоже!

Узнав, что с телятком все в порядке, Элизабет успокоилась.

— Не терзайтесь так, Лора, — с мягкой улыбкой сказала она. — Мадам Дунэ вот уже много лет устраивает так, чтобы аббат Деганьон

остался на ужин у нее. Думаю, он знал, что его ждет, когда пошел ее провожать.

— Жена права, — поддержал ее Жозеф.

— Что ж, в таком случае теперь все в сборе.

Мирей разлила хвойное пиво по бокалам.

— Обязательно нужно чокнуться! — заявил Ханс. — За Эрмин, которая еще раз порадовала нас своим удивительным талантом!

— Да, за Эрмин! — подхватил Симон. — Когда мы были маленькими и у меня получалось ущипнуть ее посильнее, она кричала так, что в ушах звенело. Но я знал, что должен помогать ей развивать голос. Так что в том, что она стала «снежным соловьем», есть моя заслуга, и немалая!

— Мне не хватит жизни, чтобы выразить тебе свою благодарность, — смеясь, ответила девушка.

Жозеф подумал, что из них на самом деле могла получиться прекрасная пара. Элизабет словно прочла его мысли. Взяв мужа за руку, она прошептала:

— Кто может предвидеть будущее? Не теряй надежды, Жо!

Ханс ощутил укол ревности: Эрмин и Симон прекрасно ладили между собой, это было очевидно. Лора рассказала ему о том, что месье Маруа планировал их поженить. Поэтому музыканту стало не по себе, когда он увидел, насколько близки Эрмин и Симон.

Однако за столом Ханса усадили рядом с девушкой. Она сидела слева от него, Эдмон — справа. Ужин прошел весело. Жозеф старался не слишком налегать на прекрасное французское вино. Элизабет рассказывала о своем детстве в Шамборе, Ханс — о своих дедушке и бабушке, которые приехали из далекой Дании осваивать канадскую землю.

— Но моему отцу была не по душе жизнь фермера, — сказал он. — Он решил пойти учиться. Потом преподавал в Монреале, женился на талантливой музыкантше. Вышло так, что я родился в семье, увлеченной музыкой и литературой.

Эрмин с интересом слушала Ханса, что не укрылось от внимания ее матери. Лора решила, что Эрмин со временем все же согласится стать мадам Цале.

Мирей и Селестена пригласили разделить с гостями десерт. «Плавающие острова» вызвали настоящий фурор. Арман и Эдмон на все лады расхваливали покрытый белоснежной помадкой шоколадный торт. Эрмин попросила экономку оставить кусочек для Шарлотты.

— Я никогда не ела ничего вкуснее и впервые в жизни пробую коньяк, — призналась Элизабет, когда на столе появилась бутылка

выдержанного коньяка, прибывшая в Валь-Жальбер из погреба Фрэнка Шарлебуа.

— Коньяк вкуснее нашего карibu, — признал Жозеф. — Спасибо, мадам Мирей. Утки в апельсиновом соусе — просто пальчики оближешь.

— А мне больше всего понравились пироги с луком-пореем, — сказал Симон. — Мадам, когда я найду подходящую девушку, я возьму у вас рецепт.

У экономки от похвал голова шла кругом. Разумянившаяся и смеющаяся, она ответила:

— Не называйте меня «мадам»! Просто Мирей. Я готовлю на французский манер, юноша, и с удовольствием одолжу на время свою книгу рецептов вашей невесте, когда вы, по вашим словам, ее «найдете».

— Может, она не так далеко, как кажется, — сказал Жозеф, которого начало разбирать выпитое.

— Алис Паже краснеет, когда встречает нашего красавца Симона, — громко сказала Эрмин, чтобы отвлечь внимание собравшихся от слов своего опекуна, намек которого она прекрасно поняла.

— Но она собирается принять постриг, — вздохнула Элизабет. — Жаль, я бы гордилась тем, что моя невестка — учительница.

— Я не женюсь раньше двадцати пяти лет, — воскликнул Симон. — Я не спешу залезать головой в ярмо.

Селестен усмехнулся, Арман захихикал. Эрмин ощутила огромное облегчение. Вечер проходил в атмосфере дружелюбия, без единой фальшивой ноты.

«Мне не о чем беспокоиться, — сказала она себе. — Бетти и Жо чувствуют себя комфортно, мама сумела их к себе расположить. И нам всем хорошо и весело!»

Лора решила, что настало время вернуться в гостиную, о чем и сообщила гостям таинственным тоном.

— Дорогая, раздай всем подарки! На каждом есть карточка с именем.

Удивленная девушка с порозовевшими от волнения и радости щеками с готовностью приступила к делу. Она подумала, что ее мать приготовила подарки тайком от нее, желая укрепить добрые отношения с семьей Маруа.

У Армана и Эдмона от удивления широко открылись глаза, а у Жозефа и Элизабет на лице было написано почти такое же ребяческое изумление.

— Открывайте подарки! — решила их подбодрить Эрмин.

Несколько секунд каждый смотрел на свой сверток, не решаясь разорвать упаковку из цветной бумаги с блестящими ленточками.

— Это слишком! Вам не следовало... — бормотала Элизабет. — Лора,

а если бы мы не пришли?

— В таком случае я пригласила бы вас на обед или ужин завтра, — ответила хозяйка дома.

Увидев, какие подарки получил каждый, Эрмин поняла, что мать не напрасно на протяжении многих недель так внимательно слушала ее рассказы. Вспомнилась ей также и поездка матери в Роберваль, еще до первого снега. Мэр собственной персоной поработал для Лоры шофером.

Жозеф получил трубку из верескового корня и медную табакерку. У Элизабет перехватило дыхание, когда в ее руках оказался комплект из нефрита: бусы и пара сережек, подобранные под цвет ее глаз. У нее никогда не было таких восхитительных украшений.

— Но я не могу это принять! — прошептала она.

— Бетти, вы заботились о моей дочери, — благожелательно напомнила ей Лора. — Вы относились к ней с материнской нежностью, и я многим вам обязана.

Женщины обнялись, и у обеих на глазах блеснули слезы. Крик маленького Эдмона помешал им окончательно расплакаться.

— Мама! Мимин! Папа! У меня есть поезд! Посмотрите на коробку! На ней нарисован поезд!

— Он электрический, — уточнила Лора. — Это французская игрушка фирмы JP ^[60]. Напряжение слабое, всего двадцать вольт. Братья помогут тебе его включить.

Арман вынул из картонной коробки завернутую в шелковистую бумагу великолепную черную машинку. Это была точная модель автомобиля с блестящими хромированными деталями.

— Дверцы открываются, а сиденья — из красной кожи! — радостно воскликнул мальчик. — Я видел ее в витрине универсального магазина. Я о ней мечтал!

Симону достались красивые часы на браслете и обтянутый кожей портсигар.

— Ну, теперь я выгляжу совсем как взрослый! Спасибо, Лора! — сказал он.

— Меня благодарить не за что. Подарки принес святой Николай, или Санта-Клаус.

— Дед Мороз, — поправил ее Ханс. — Так называют французы этого доброго белобородого старика в красных одеждах.

— Он летает по небу на санях, запряженных оленями, — уточнил Эдмон. — Эрмин читала об этом в книге.

Довольный Жозеф потирал подбородок. Он наконец расслабился,

потому что обстановка была по-настоящему семейной, и уже не понимал, почему на первых порах так ненавидел Лору Шарден.

«Она женщина богатая, но щедрая. Если она на самом деле потеряла память, кто может упрекнуть ее в том, что она снова вышла замуж? И, похоже, она с радостью делает добрые дела...»

Ханс рассматривал свой подарок, не решаясь его развернуть. Это был квадратный сверток, твердый и достаточно тяжелый.

— Открывайте скорее! — взмолилась заинтригованная Эрмин.

— Ну же, не теряйте времени! — поддержала дочь Лора.

Пианист выдержал паузу. Наконец он развернул бумагу и показал присутствующим стопку пластинок. И стал читать вслух названия:

— «Богема», «Тоска», «Паяц», «Манон Леско» и «Мадам Баттерфляй»! Оперы Пуччини, мои любимые. О, мадам, как мне благодарить вас?

— Разучив самые красивые арии с моей дочерью, конечно! — ответила Лора не без кокетства. — Давайте послушаем что-нибудь прямо сейчас. Какую бы вы посоветовали?

— «Мадам Баттерфляй», — ответил Ханс. — Это трогательная история о юной японке, которая влюбилась в американского солдата.

Симон взялся поставить диск. Эрмин протянула матери сверток, который накануне спрятала за елкой.

— Я как раз хотела сказать, что Лора — единственная, кто не получил подарка, — заметила Элизабет. — И я чувствую себя виноватой. Завтра я испеку для вас пирог с цукатами, мое фирменное блюдо.

— Вы совсем меня избалуете, — улыбнулась хозяйка дома. — Для такой сладкоежки, как я, это лучший подарок. Что это, Эрмин?

Лора повертела небольшой сверток в руках, потом осторожно разорвала обертку.

— Мама, я подумала, что тебе понравится, — сказала девушка.

— Боже милостивый! Это ты, правда? На этих двух фотографиях...

И молодая женщина разрыдалась. Она долго не могла отвести взгляд от фотографий, оправленных в позолоченные гипсовые рамки. Она вытерла глаза, чтобы лучше рассмотреть детали.

— Здесь мне четыре года. Еще до эпидемии испанского гриппа к нам в монастырскую школу приехал фотограф, чтобы сделать портреты монахинь. Сестра Мария Магдалина попросила, чтобы он сфотографировал и меня. Я этого не помню, мне рассказала Бетти. Посмотри на мою прическу! Эта белая лента сбоку похожа на огромный цветок!

— А на другой фотографии Эрмин готовится к первому причастию, — сказала Элизабет.

— Это прекрасный подарок, — пробормотала Лора. — Я всегда сожалела, что мне не суждено было увидеть мою дорогую девочку маленькой. Какой ты была прелестной крошкой! Это лучшее Рождество в моей жизни!

— Это Бетти придумала, — сказала Эрмин. — Она сохранила фотографии. Хозяин универсального магазина вставил их в рамки, когда в октябре ездил в Роберваль.

Лора плакала и бесконечно целовала фотографии. Если у кого-то оставались сомнения относительно того, любит ли она свою дочь, то искренняя радость, которую она и не думала сдерживать, сказала обо всем лучше всяких слов.

— Мама, ты можешь и меня поцеловать! — пошутила Эрмин. — Перед тобой — живой портрет твоей шестнадцатилетней дочери!

Симон и Ханс засмеялись. У Жозефа же в голове крутились последние слова Лоры: «Это лучшее Рождество в моей жизни!» «Однако для счастья ей должно не хватать Жослина Шардена, — подумал он. — Любит ли она до сих пор своего первого мужа? Человека, который исчез бесследно пятнадцать лет назад... Если любит, она не могла бы быть такой счастливой. Все-таки это странная женщина...»

Мирей предложила месье Маруа чаю, но он отказался.

— Думаю, пора домой, уже поздно. Огонь в печи может погаснуть, — объявил он, вставая.

Элизабет окинула грустным взглядом ярко освещенную гостиную и елку. В проигрывателе все еще крутился диск «Мадам Баттерфляй»: женщина пела на итальянском языке с раздирающими душу интонациями.

— Приходите ко мне почаще, Бетти, — шепнула ей на ушко Лора, ласково целуя в щеку.

Прямолинейность и эмоциональность Лоры приводила представителей семейства Маруа в замешательство, но от этого она казалась им еще более милой. Симон на прощание искренне улыбнулся хозяйке дома. Эдмон и Арман подставили щеки для поцелуя.

— До свидания, мальчики! Играйте с новыми игрушками! И приходите ко мне, когда захотите.

— Конечно!

— У меня всегда найдутся для вас печенье и конфеты! — добавила Мирей.

Эрмин проводила гостей до порога. Снег шел не переставая.

— Наши следы совсем занесло! — воскликнул Арман.

— А волки правда ушли? — спросил Эдмон.

— Не бойся, Эд, — сказал Симон. — Я понесу тебя на спине.

Девушка стояла и смотрела, как они пробираются меж деревьев.

Элизабет вскрикивала каждый раз, когда ее нога утопала в сугробе. Жозеф поддерживал жену под руку.

— Рождественское перемирие! — прошептала она. На душе у нее было спокойно.

Девушка вернулась в гостиную с сердцем легким, как пушинка. Полулежа на банкетке, Лора слушала «Мадам Баттерфляй». Ханс с задумчивым видом сидел рядом.

— Эрмин, ваша матушка подарила мне диск с венскими вальсами, — сказал пианист. — Давайте потанцуем немного!

— Я не умею танцевать...

— Тебе нужно научиться вальсировать, дорогая, — сказала Лора.

Несколько минут спустя Эрмин кружилась по комнате, и рука Ханса обнимала ее за талию. Она так любила музыку, что легко подстроилась под ритм вальса Штрауса.

— Вы все схватываете на лету, — похвалил ее партнер.

— Моя дочь талантлива во всем, — отозвалась Лора.

Ханс остановился и поклонился Эрмин.

— Спасибо за танец, мой дорогой соловей, — сказал он со вздохом. — Но я должен вас покинуть, уже очень поздно.

— Думаю, Мирей уже приготовила для вас комнату, — сказала девушка. — Вам не придется сражаться со снегом и волками!

Эрмин понравилось танцевать, да и влюбленные взгляды Ханса не оставили ее равнодушной.

— Конечно же! Вы остаетесь у нас! — подхватила Лора. — Позавтракаем вместе!

Пианист охотно согласился. Эрмин, перед тем как отправиться в свою спальню, поцеловала мать.

— Спасибо, мамочка, за этот прекрасный вечер, — сказала она, растроганная до слез.

Девушке хотелось как можно скорее остаться в одиночестве в своей комнате. Она впервые ночевала в доме Лоры, и это стало для нее настоящим событием. Она торопливо разделась и быстро привела себя в порядок в нише, специально предусмотренной для этих целей.

«Я сплю в доме моей мамы! У меня есть дом, есть семья...» — повторяла она про себя.

Эрмин никогда не забудет Рождество тысяча девятьсот тридцатого года. Этим вечером она поняла, что при желании люди, какими бы разными

они ни были, могут прийти к согласию. Устроившись под мягким одеялом, она испытала сладостное чувство полноты жизни и безопасности, которое вознаградило ее за многие горести прежних лет.

«Завтра я возьму Шинука и пойду за Шарлоттой. Она получит в подарок красивую куклу и попробует шоколадный торт. Даже если будет снегопад, я все равно пойду. Я обещала. Может, скоро я буду жить здесь, с мамой. Уверена, что Бетти меня поймет. Я не перестану ей помогать, но вечером буду возвращаться в этот дом, дом моей матери, дом моей мамочки...»

Девушка уснула, убаюканная этими словами, эхом отдававшимися в ее сердце.

Глава 15. Нет вестей от Тошана

Валь-Жальбер, 15 августа 1931 года

Эрмин сидела на пенке возле мельницы Уэлле, в том самом месте, где тринадцать месяцев назад они разговаривали с Тошаном.

«Он вынул пачку сигарет и взял одну. И слегка прищурил глаза. Его волосы блестели на солнце. Он поднял голову и посмотрел на меня!» — думала девушка, испытывая неистовое желание снова пережить эти моменты. Она готова была плакать от отчаяния.

Недалеко от нее пасся Шинук, и солнце подсвечивало его рыжую шерсть. По высокой траве рассыпались островки ромашек. Чуть поодаль, под яблоней, лежала жевала жвачку корова семейства Маруа. Вокруг нее скакала белая телочка. Все было готово для сцены, которая должна разыграться в этих идиллических декорациях, но главный герой все не шел.

«Ничего не изменилось, но Тошан не пришел на свидание. Может, он мне только приснился? Может, его нет на свете? — думала Эрмин, в сотый раз оглядываясь на дорогу. — Да, я, должно быть, грезил наяву. Тошан не говорил, что женится на мне, не целовал меня...»

С конца июня она начала каждый день ходить на этот луг. И каждый раз какое-то время проводила возле верб, где они с Тошаном поцеловались.

До середины июля Эрмин жила радостным и нетерпеливым ожиданием. Без конца представляла себе этот исключительный момент, когда явится ее возлюбленный. Они бросятся навстречу друг другу, сходя с ума от счастья. Она снова увидит его красивое загорелое лицо, его черные как смоль волосы. Он сожмет ее в своих объятиях и станет шептать на ушко нежные слова...

Она каждый день готовилась к встрече: придирчиво подбирала наряды, придумывала новые прически, покусывала губы, чтобы они казались ярче.

Ожидание сменилось беспокойством. Эрмин находила все новые причины для отсутствия вестей о возлюбленном, изо всех сил старалась сохранять спокойствие.

Но на дворе была середина августа, и уныние овладевало душой девушки. Ей даже не хотелось читать купленный матерью роман под названием «Мария Шапделен».

Лора не уставала восхищаться талантом его автора, Луи Эмона. Этот

молодой француз в тысяча девятьсот одиннадцатом году приехал в Канаду и работал батраком на ферме в регионе Лак-Сен-Жан.

— Он поступил так, чтобы написать книгу, дорогая, — объяснила ей мать. — Наблюдал за коренными жителями этих мест, слушал, как они говорят, потому что хотел описать жизнь первых квебекских поселенцев. Он не дожид до публикации своего труда. Луи Эмон умер в тринадцатом году, попал под поезд. Какая чудовищная смерть!

Тронутая трагической судьбой писателя, девушка взялась за роман, но отсутствие Тошана занимало все ее мысли, поэтому она быстро утратила вкус к чтению, как незадолго до этого утратила аппетит и желание петь. Лора организовала поездку в Монреаль — на поезде до Шикутими, а потом на корабле, но Эрмин отказалась уезжать из Валь-Жальбера.

«Мама задает себе столько хлопот, — думала девушка. — Мирей постоянно твердит, что я похудела. Но мне все равно, мне совсем не хочется есть...»

Неумолимый бег времени приводил Эрмин в трепет. На смену августу придут сентябрь, октябрь, потом выпадет первый снег.

— Тошан, прошу тебя, приди сегодня! Если ты не придешь, я погибну! — шептала она. — Докажи, что ты не сон! Приходи скорее!

Полная безумных надежд, она встала и забралась с ногами на пенек. Ее блестящие от слез голубые глаза пробежали горизонт от края до края. Тихонько напевала река, ветви деревьев шевелились на мягком ветру. Вокруг не было ни души, если не считать трех измученных мухами животных.

— Ну почему? — вскричала девушка. — Почему ты не приходишь?

Ее голос эхом отозвался в тишине. Сама не своя от печали, Эрмин спрыгнула на землю и прошла несколько десятков шагов, ломая руки. Сгорая от желания еще раз пережить короткие моменты встречи с Тошаном, она вспоминала их разговор в каньоне, который продолжился вечером, и, конечно же, поцелуй.

«Он сказал, что думал обо мне, что женится только на мне. Рассказал о своей матери и об отце, о невидимых путях, сводящих вместе людей, которым суждено встретиться и полюбить друг друга. Он не мог обманывать меня...»

Однако все чаще ее посещали сомнения в чувствах юноши, в правдивости его слов.

«Это было так давно, — думала Эрмин. — Прошел год, и я не получила от него ни весточки. Если бы он знал, что не может прийти, он мог бы мне написать».

С отчаянным вздохом девушка растянулась на траве. Красивое синее платье в белый горошек могло испачкаться и помяться, но ей уже было все равно.

— Прошел целый год, — прошептала девушка. — Что случилось за это время в Валь-Жальбере? Много грустных событий, и я верила, что Тошан меня утешит. Какой же я была дурочкой!

Эрмин погрузилась в воспоминания, многие из которых были горестными. Горько было расстаться с аббатом Деганьоном. Церковь заперли, мебель и утварь продали другим приходом. Как и сказал кюре, ее планировалось снести.

«В апреле после нескольких недель агонии умерла бедная мадам Аглая, — сказала себе Эрмин. — А ее муж хотел отправить Шарлотту в приют в Шикутими... И Онезим, этот здоровенный простофиля, который женился на Иветте, всем рассказывал, что не может взять на себя заботы о младшей сестренке...»

Вспоминая, как горевала малышка Шарлотта, девушка всегда говорила себе, что уж ей-то грех жаловаться на судьбу. Шарлотта оплакивала смерть матери много дней и ночей. Сжавшись в комок на своей постели, прижимая к сердцу полученную на Рождество куклу, она кричала, что тоже хочет умереть.

«Мама сразу предложила забрать ее к себе. Дорогая мамочка! А я-то думала, что ей недостает сострадания! Я ошибалась... Но Бетти нас опередила».

Лора, Мирей и Эрмин шли к Лапуантам, полные решимости забрать Шарлотту, когда им навстречу показалась Элизабет с чемоданчиком. Слепую девочку она вела за руку. Эдмон шел с другой стороны, и выражение его личика под шапкой белокурых завитков было серьезным. Младший сын семьи Маруа очень любил Шарлотту.

— Я забираю ее к нам! — с вызовом объявила Бетти. — Жозеф согласился. А если бы вздумал перечить, то уйти пришлось бы ему!

«У четы Маруа с недавних пор все наоборот, — судачили последние кумушки в поселке. — Теперь Жозеф ходит по струнке перед женой...»

«Сейчас Шарлотта живет в одной комнате с моим дорогим Эдом. Арман спит в гостиной, на моем месте. А Симону очень нравится жить в Монреале. Его письма всегда жизнерадостные, и работа ему по душе».

Юноша покинул родительский дом в середине апреля. Теперь он работал на заводе Фрэнка Шарлебуа, бразды руководства которым Лора передала в руки опытного управляющего. Элизабет долго горевала по поводу отъезда старшего сына, и это событие, несомненно, повлияло на ее

решение взять в семью Шарлотту. Тем более что через две недели после «рождественского перемирия» Эрмин попросила у Маруа позволения переселиться к матери. Жозеф с радостью дал свое согласие. Элизабет, хоть и взгрустнула, перечить не стала.

«Как говорит Мирей, „не было бы счастья, да несчастье помогло“! Теперь Бетти очень привязалась к Шарлотте, и мы много времени проводим вместе. Почти каждый день приглашаем друг друга на обед или на ужин...»

Эрмин без конца обдумывала события прошедших месяцев, подводила итоги, делала выводы. Ее жизнь показалась бы благополучной большинству девушек ее возраста. Из несчастного подкидыша она превратилась во всеми уважаемую и обеспеченную юную даму.

«Ханс, в отличие от Тошана, не пропускает ни одного свидания, — вдруг подумала она. — Он ничего от меня не требует, дарит розы и делает очаровательные комплименты. Господи, если бы я не встретила Тошана, то могла бы выйти замуж за Ханса. Но пока я не получу известий о моем возлюбленном, я не стану ничьей женой. Было бы ужасно, если бы он вернулся, а я уже была супругой другого!»

Она вскочила и побежала к Шинуку. Лошадь вскинула голову от удивления.

— Не пугайся, мой красавец, — сказала она, ласково поглаживая шею коня. — Идем, пора домой. Пришло время подоить Эжени. Идем же!

Медленно садилось солнце. Корова и теленок неторопливо шли бок о бок. Эрмин в последний раз окинула грустным взглядом стены мельницы и вербы с серебристой листвой.

— Завтра я пошлю на луг Армана, — пообещала себе девушка. — Тошан не придет. Он забыл меня, нашел себе другую девушку, которая ему больше подходит. Да, это истинная причина его отсутствия!

Когда Эрмин проходила мимо монастырской школы, на нее накатила новая волна грусти. Алис Паже стала послушницей в Шикутими, у сестер конгрегации Нотр-Дам-дю-Бон-Консей. Она уже попрощалась со своими учениками и с Эрмин. Монастырская школа навсегда закрыла свои двери, равно как и фабрика, многие лавочки и мастерские сапожника, парикмахера, кузнеца... На будущий год мирская учительница будет проводить занятия в доме, выделенном для этих целей муниципалитетом.

«Я лишилась последней подруги своего возраста. Хотя даже не знаю, были ли мы настоящими подругами. Алис такая серьезная... Она предупреждала, чтобы я не слишком полагалась на обещания Тошана. И перед отъездом посоветовала выйти замуж за Ханса. Может, она права,

ведь мама говорит то же самое...»

Угнетенная этими размышлениями, которые все дальше уводили ее от грез о счастливой любви, Эрмин подошла к дому Маруа. Шарлотта сидела на нижней ступеньке крыльца, в руках у нее была кукла. Элизабет холила и лелеяла девочку. Шелковистые волосы Шарлотты были разделены на две строгие косички. Одета она была в нарядное ситцевое платье с оборками и белые кожаные сандалии. Девочка подняла голову и заулыбалась.

— Я слышу стук копыт Шинука, — сказала она. — Ты здесь, Мимин?

— Да. Я привела Шинука и коров с пастбища. Ты сегодня такая красивая, Лолотта!

— Мы с Бетти ходили в гости к твоей маме, — пояснила девочка. — Мирей угостила нас пирогом с заварным ванильным кремом!

— Если хочешь, пойдем вместе в хлев, — предложила Эрмин.

Шарлотта встала и подала ей руку. Во дворе легкий вечерний ветерок колыхал мокрое белье. Со стороны огорода показались Эдмон и Арман. Следом за сыновьями шла Элизабет, прижимая к бедру корзинку с овощами.

— Я иду доить корову, Бетти, — сказала девушка.

— Не надо. Возвращайся поскорее к матери. Мальчики управятся сами.

Эрмин почувствовала себя лишней. Это случилось с ней уже не в первый раз с тех пор, как в семье Маруа вновь воцарился мир. Эдмон трогательно заботился о Шарлотте. Он был чуть младше, но, поскольку она почти не видела, всюду водил ее и описывал все, что ему доводилось увидеть. Арман много работал, стараясь заменить Симона.

— Завтра, Бетти, я не поведу скотину на луг, — сказала Эрмин.

— Что ж, Лора обрадуется! — воскликнула Элизабет. — Ты уходишь после полудня и возвращаешься вечером, а она скучает без тебя.

Эрмин молча кивнула и, поцеловав на прощанье Эдмона и Шарлотту, ушла. Не торопясь девушка шла к дому матери. Белка перебежала на четырех лапках тропинку прямо у нее под ногами и быстро стала взбираться по стволу клена. Маленькое животное замерло на ветке, распушив свой рыжий хвостик.

— Мы с тобой видимся каждый вечер, — сказала Эрмин белочке. — И не делай вид, что ты меня боишься!

В этой встрече не было ничего запоминающегося, и все-таки она навсегда сохранилась в памяти девушки. Через пару минут она вошла в гостиную. Мирей, размахивая руками, выбежала ей навстречу.

— Мадам отдыхает, у нее ужасная мигрень. Не шуми! Я подам ужин в

восемь. Селестену я запретила выходить из кухни: ты его знаешь, он постоянно хлопает дверями.

Мирей вздохнула и исчезла. Эрмин села на диван. Она была рада тому, что несколько часов проведет в одиночестве. В последние дни Лора настаивала на поездке в Монреаль, повторяя, что Тошан не вернется.

«Бедная мамочка, — думала девушка, — я так часто ее расстраиваю. Хорошо, что она не знает, что я написала Шарденам, хотя она этого не хотела...»

С Рождества Эрмин так и не рассказала матери о полученном от Шарденов письме, каждое слово которого было пропитано ненавистью и ранило душу. Часто ей хотелось открыть свой секрет, но она отказывалась от этой идеи, чтобы не огорчать Лору.

«Следовало бы им ответить, пристыдить за то, что они отвергают меня вот так, без веской причины!» — сказала она себе.

Повинуясь внезапному порыву, Эрмин встала, подошла к резному письменному столу Лоры и стала искать бумагу. Она не осознавала, что ее действиями в этот момент руководило желание сорвать хоть на ком-нибудь злость за то, что Тошан не пришел. Она найдет жестокие и презрительные слова, чтобы выразить свое осуждение семье Жослина! Однако стоило ей взять в руки стопку писем, как из нее выпала газетная вырезка. Она была размером в одну колонку, и бумага не успела пожелтеть, что свидетельствовало о том, что газета вышла не так давно.

Набранный крупным кеглем заголовок сразу привлек ее внимание:

«Трагическое происшествие на лесозаготовках».

Сердце девушки забилось быстрее. Оно сжалось в ужасном предчувствии, когда она прочла следующее:

«Бригада лесорубов, работавших на железнодорожную компанию в Абитиби, сгорела заживо в хижине во время пожара. Жертвами несчастного случая стали Арсен Буалевен, Петер Мэнсфилд и Клеман Дельбо».

Буквы и строчки поплыли перед глазами девушки. Сквозь слезы она пыталась найти дату выхода газеты в свет.

— О нет, только не это! Апрель тридцать первого! И мама мне ничего не сказала!

Ноги у Эрмин подкосились. Она отступила на шаг, ища опоры в

стоявшем неподалеку кресле. Виски разрывала острая боль. Теперь все стало понятно. Тошан не пришел на свидание, потому что умер пять месяцев назад. Огонь пожрал его тело, уничтожил его. Девушке вспомнился пожар, бушевавший в поселке семь лет назад и стерший с лица земли церковь. Из всех живых существ, попавших в огненную ловушку, спасаются единицы...

— Это невозможно, — пробормотала девушка. — Он не мог умереть!

Перед мысленным взором Эрмин снова появилось его насмешливое лицо, его волосы, блестящие черные глаза, отливающая медью кожа. Молодой мужчина с мускулистым телом, теплый, гибкий, способный смеяться, говорить... Неужели он мог превратиться в горстку пепла?

— Господи, я его потеряла! Потеряла навсегда! Тошана, моего Тошана, моего любимого!

Эрмин прикоснулась пальцами к своим губам, словно надеялась вновь ощутить вкус их единственного поцелуя. Это помогло ей осознать с неотвратимой остротой: Тошан больше никогда ее не поцелует.

«Но как могла мама скрыть это от меня?» — испуганно подумала она.

Еще вчера Лора снова просила ее вычеркнуть Тошана из своей жизни, из своего будущего. И в сотый раз расхваливала постоянство Ханса и его достоинства.

— Она надеялась, что я выйду за Ханса, когда устану ждать Тошана... — Осознавать это было очень горько. В горле у девушки встал комок, во рту пересохло. — Пытаясь убедить меня в том, что он от меня отказался, променял на другую, она ожидала, что я люблю Ханса. Но этого не будет! Нет, нет и нет!

Девушка вскочила на ноги и побежала на второй этаж. Ступеньки закричали под ее торопливыми шагами. Резким движением она открыла дверь в спальню матери. Лора дремала, на лбу у нее лежало смоченное прохладной водой полотенце.

— Я тебя ненавижу! — закричала Эрмин. — Ты не имела права!

Лора села в постели. Лицо ее покрыла мертвенная бледность.

Белое полотенце упало ей на грудь, в вырез домашнего халата.

— Дорогая, что стряслось?

— Стряслось то, что ты — эгоистичное чудовище! — заявила девушка, раздираемая отчаянием и злостью. — Ты все просчитываешь, ты хочешь расписать мою жизнь наперед, сделать меня своей пленницей, выдать замуж за своего Ханса! Предупреждаю тебя, я уеду! Уеду куда глаза глядят! Да хотя бы к матери Тошана, но здесь не останусь! Он умер! Тошан умер, и ты об этом знала! Я прочла вырезку из газеты. Было бы лучше, если бы ты

ее выбросила. Если бы ты ее выбросила, твоя обожаемая дочка и дальше...

Эрмин запнулась, и на лице ее появилось странное выражение. На крики прибежали Мирей и Селестен. Они замерли на пороге. У них на глазах девушка упала на кровать, к ногам своей матери.

— Моя дорогая девочка потеряла сознание! — закричала Лора. — Прошу, помогите! Нужна нюхательная соль, уксус! Скорее же, скорее!

Экономка отправила садовника на первый этаж за водкой. Одного глотка было достаточно, чтобы привести Эрмин в сознание. Придя в себя, она поняла, что прижимается щекой к материнской груди.

— Крошка моя, милая моя девочка, я ничего не сказала, чтобы тебя не расстраивать, — прошептала Лора, увидев, что Эрмин очнулась. — Прости меня, мы были так счастливы. Я не осмелилась сказать.

Девушка страдала слишком сильно, чтобы оттолкнуть ее от себя. Несмотря ни на что, ласки и поцелуи Лоры приносили успокоение.

Эрмин разрыдалась, и эти слезы понемногу освободили ее от невыносимого ощущения удушья.

— Оставьте нас вдвоем, Мирей, — попросила Лора.

Она держала Эрмин в своих объятиях, пока та плакала — плакала целый час. За это время они не проронили ни слова.

— Прости меня, — повторила наконец Лора. — Поставь себя на мое место. Ты была так уверена, что он твой идеальный избранник, ты так сильно его любила. Дорогая, ты еще очень молода, и перед тобой открыты все двери. Мне очень жаль бедного юношу, но однажды ты снова сможешь полюбить.

Эрмин отрицательно помотала головой и заплакала еще сильнее. Несмотря на гнев, который она все еще испытывала к матери, и силу своего горя, она не могла от нее оторваться.

— Это ужасно, — всхлипывая, пробормотала девушка. — Я его ждала, ты ведь знаешь, с конца июня. Я его ждала... Почему ты ничего не сказала? Почему? Каждый вечер ты ломала комедию, когда я возвращалась с луга, что возле мельницы Уэлле, и спрашивала, пришел ли Тошан. Зачем ты это делала?

Лора вытерла мокрые щеки дочери своим платочком.

— Это была моя ошибка, — признала она. — Я боялась, что ты будешь страдать так, как сейчас. Боялась, что не смогу тебя утешить. Но есть еще одна причина...

— Какая? — У Эрмин перехватило дыхание.

— Этот пожар случился очень далеко. В статье упоминается Клеман Дельбо, но не Тошан Дельбо. Может, речь идет о человеке, носящем такое

же имя. Я сказала себе, что не стоит причинять тебе такую боль. Лучше дождаться конца лета. Что, если Тошан все-таки придет на встречу?

Девушка высвободилась из материнских объятий. Сидя на краю кровати, она погрузилась в раздумья.

— Мама, разве я не говорила тебе, что второе имя Тошана — Клеман?

— Да, однажды вечером ты мне это сказала. Но кто знает, о каком Клемане упоминалось в газете? Прошу тебя, помни, надежда может обмануть...

Эрмин встала. Она дрожала всем телом.

— Я позвоню в эту компанию в Абитиби! — воскликнула она. — Должен найтись хоть кто-нибудь, кто сможет сказать мне, как выглядел тот Клеман Дельбо, какого он был возраста...

Лора поднесла руку ко лбу. Мигрень усиливалась.

— Делай как знаешь, дорогая, но сначала тебе следует взять себя в руки. У тебя дрожит голос.

— А у кого на моем месте он бы не дрожал? Я сомневалась в чувствах Тошана, думала, что он посмеялся надо мной, а он умер! Сгорел заживо! Я всегда боялась огня. Боль наверняка была адской...

Девушка пошатнулась. Она представила, как языки пламени лижут красивое лицо ее возлюбленного. Испустив долгий ужасающий крик, она стала ногтями раздирать себе лицо, бить себя по груди и по животу.

— Дорогая, перестань! — вскричала Лора, которая совершенно потеряла контроль над происходящим. — На помощь! На помощь! Мирей! Селестен!

Слуги моментально влетели в комнату: они стояли в коридоре и ждали, чем закончится дело.

— Нужно дать ей пощечину, мадам, — посоветовала экономка. — Это единственный способ остановить истерику. У девочки сдали нервы.

— Я не смогу, — плача, сказала Лора, обнимая Эрмин за талию.

Селестен сильно ударил девушку по щеке. Та замерла с широко раскрытыми глазами, потом с жалобным стоном снова потеряла сознание.

* * *

Дом Лоры, четыре дня спустя

Лора практически не отходила от постели Эрмин, которая медленно оправлялась после нервного срыва. В тот же вечер из Роберваля прибыл

доктор Демиль и прописал несчастной снотворное. Мирей загораживала собой двери каждый раз, когда кто-то из Маруа приходил справиться о здоровье девушки. Экономка была в курсе произошедшего и по просьбе хозяйки дома придумала историю с солнечным ударом.

— Моя дочь дожидалась возвращения молодого человека, которого считала своим женихом, — объяснила ей Лора. — Велика вероятность, что он погиб во время пожара. Я скрыла от нее то, что узнала, и теперь сожалею об этом. Не думала, что она так отреагирует на печальное известие, ведь она не видела его больше года... Элизабет и Жозеф Маруа ничего не знают об этой любви, поэтому не стоит предавать историю огласке.

— Хорошо, мадам, — тихо сказала Мирей. — Я буду нема как могила.

Тем самым Мирей продемонстрировала качество, присущее всем хорошим слугам — умение подчиняться любой прихоти хозяина...

Ханс Цале получил от Лоры короткое письмо, которым она уведомила его о болезни девушки и о том, что ему лучше пока не приезжать в Валь-Жальбер. Пианист не последовал этому совету. На четвертый день он явился и вошел в дом, несмотря на протесты экономки.

— Славная моя Мирей, я хочу поддержать Лору и преподнести розы Эрмин, — объявил он, оказавшись в вестибюле.

— Предупреждаю вас, месье, что мадам рассердится...

Экономка ошибалась. Лора встретила музыканта с очевидной радостью. Она нуждалась в друге, с которым можно было бы просто поговорить.

Ханс начал с извинений:

— Не сердитесь на меня, прошу вас. Я был серьезно обеспокоен.

— И не без причины, — сказала Лора. — Идемте! Мы можем вместе посидеть у постели моей дочери.

Цветы она положила на ночной столик кровати девушки. Из-за жары они почти завяли, но все еще испускали пьянящий аромат. Ханс с беспокойством смотрел на худенькое лицо Эрмин, окруженное подушками. Ее кожа показалась ему восковой.

— Насколько это серьезно? — шепотом спросил он. — Может быть, нужно отвезти ее в больницу, в Роберваль? Я не ожидал увидеть ее такой слабой. Мой автомобиль в вашем распоряжении.

— Мой дорогой Ханс, неужели вы забыли, что я тоже купила автомобиль? — проговорила Лора. — Селестен прекрасно водит. Но Эрмин вне опасности. Она спит под действием успокоительного. Сказать вам правду, девочка пережила эмоциональный шок.

Они сели рядышком у изголовья девушки, похожей на надгробный памятник в виде лежащей фигуры, чьи бесстрастные черты изваяны в камне. Ханс не мог отвести глаз от той, которую обожал.

— Я ничего не понимаю, — признался он. — В этом доме я всегда видел ее оживленной, радостной, улыбающейся. Хотя нет, в последние недели она казалась мне грустной.

— Думаю, следует открыть вам правду, Ханс, — так же тихо отозвалась Лора. — Эрмин искренне к вам расположена. Однако все это время она была влюблена в одного юношу. Его зовут Тошан, это индейское имя. Он метис. Я пыталась ее вразумить, предостеречь, но все напрасно. Она говорила, что любит его всей душой и что этим летом они поженятся. Тогда я, недостойная мать, разрешила моей дорогой девочке ждать своего Тошана на лугу возле мельницы Уэлле каждый день, начиная с конца июня.

— И юноша этот, естественно, оказался мерзавцем, негодяем, который надругался над ней и разбил ее сердце! — пророкотал Ханс. — Он не пришел потому, что нашел еще одну невинную девушку!

Лора успокаивающе похлопала его по руке.

— Не расстраивайтесь так, Ханс. Я не думаю, что Тошан надругался над невинностью Эрмин. Они виделись всего два или три раза. Дело в другом. Этот юноша погиб во время пожара. Я прочитала его имя в газете вместе с именами других жертв. Какой это был для меня шок! Я вырезала статью и спрятала ее, чтобы уберечь дочь от нового горя. Она достаточно настрадалась в детстве... Сказать по правде, я не желала ее брака с этим юношей, лесорубом, но если бы он пришел на свидание и попросил руки моей дочери, я бы не нашла в себе сил препятствовать их любви.

— Господи, Лора, что же все-таки случилось?

— Эрмин нашла статью и прочитала. Она разозлилась на меня за то, что я скрыла от нее трагедию, и обвинила меня во лжи. Девочка не выдержала нервного напряжения и потеряла сознание. Придя в себя, она долго плакала. И мы почти помирились, когда с ней случился этот ужасный нервный срыв. Посмотрите на ее щеки — она царапала и била себя. Я испугалась, что потеряю ее. Да-да, испугалась, что моя дочь убьет себя у меня на глазах. Селестен ударил ее по щеке, по-моему, слишком сильно. Потом мы уложили ее в кровать, приехал доктор. Ему крайне редко приходилось сталкиваться с подобными случаями. Он считает, что после нескольких суток искусственного сна Эрмин станет лучше.

Пианист сидел, сгорбившись, опустив голову и скрестив руки на груди. Было очевидно, что новость стала для него ударом.

— Эрмин, должно быть, сильно любила Тошана, если все закончилось

болезнью, — со вздохом проговорил он. — А я ведь надеялся, что скоро мы поженимся! Она была так любезна, так ласкова... Самодовольный идиот! Я должен был догадаться, что она любит другого, моложе и красивее меня.

— И теперь он умер, — грустно подхватила Лора. — Демонстрируя бесконечное терпение и нежность, вы сможете утешить Эрмин.

Она привязана к вам больше, чем думает. Я лучше, чем кто-либо, знаю, что брак не следует строить на основе любви с первого взгляда, на основе внезапной страсти. Сама я наделала много ошибок, за которые расплачиваюсь по сей день!

Хансу пришло в голову, что Лора недооценивает силу горя, постигшего ее дочь. Однако это не уменьшило его решимости нежно любить Эрмин всю свою жизнь.

— И прошу вас, главное — будьте сдержанным, — добавила Лора. — Маруа ничего не знают об этой истории. Моя дочь никому, кроме меня, не рассказывала о Тошане. Хотя нет, думаю, она доверила свою тайну Алис Паже, учительнице.

— Но ведь Маруа, должно быть, беспокоятся о ней! — удивился Ханс.

— Мирей их успокоила, объяснив, что отдых и тишина — все, что нужно больной.

Он кивнул и неуверенно сказал:

— На улице я встретил Элизабет. Она, конечно же, поняла, что я иду к вам. Вы не сможете долго скрывать от Маруа правду, Лора.

— Таково желание моей дочери, — отрезала та. — Когда она поправится, все будет по-другому. Вы прекрасно знаете, что Эрмин отказалась петь в «Château Roberval», хотя я специально купила машину, чтобы никого не обременять просьбами отвезти нас туда. И она не хотела путешествовать из страха пропустить свидание с Тошаном.

— Вот как... — протянул Ханс, который огорчился все больше и больше.

— Не стоит отчаиваться. Она молода, она справится со своим горем, и все наши желания и мечты исполнятся. Моя дочь будет петь в *Капитолий* Квебеке и на сценах иностранных театров. Мы втроем побываем в Италии, Англии, всюду. Я возьму реванш над судьбой.

Пальцы Лоры сжали запястье пианиста.

— Что до меня, то я не хочу оставаться в стране, где я познала столько горя и унижений, — добавила она. — Мы с вами выходцы из Европы, вы — потомок датчан, я — бельгийка... Зачем нам жить в Канаде? И умирать здесь? Я увезу мою дочь во Францию, куда угодно, туда, где ничто и никто не сможет причинить ей боль!

Ханс сделал ей знак замолчать. Веки Эрмин дрогнули.

— Господи, она просыпается! — шепотом сказала Лора. — Сегодня утром я, следуя рекомендации доктора, не дала ей снотворное. Его следовало принимать три дня, но не более.

— Мама? — позвала девушка.

— Я здесь, дорогая. И Ханс тоже с тобой рядом.

Пианист знаком дал Лоре понять, что он предпочел бы уйти.

— Приезжайте к нам поскорее снова, — сказала она ему. — И, прошу вас, пришлите ко мне Мирей.

Эрмин со смутным удивлением осмотрела комнату. Потом протянула матери руку.

— Мама, не уходи! Мне приснился сон... Я встретила с Тошаном. У него были длинные волосы, как в тот вечер, на катке. Он мне улыбался...

Девушка не осмелилась сказать, что они обменялись пылким поцелуем под сенью великолепного леса, залитого розовато-золотым светом.

— Может, он хотел попрощаться со мной и поэтому пришел в мой сон, — предположила она. — Сейчас ночь?

— Нет. За окном светит солнце, но его не видно, потому что шторы задернуты. Ты много часов находилась в полубессознательном состоянии, доктор прописал тебе снотворное. Как ты сейчас себя чувствуешь?

— Мне очень грустно! Я помню статью из газеты, помню наш разговор в твоей комнате. А потом... Почти ничего не помню.

Эрмин было шестнадцать с половиной лет. Она пыталась вновь почувствовать себя уверенно в реальном мире, возвратиться в успокаивающую суету будней. Осознание того, что Тошан мертв, причиняло боль, но она ощущала потребность вернуться к своей обычной жизни.

— Бетти наверняка приходила меня навестить, — сказала она. — А Шарлотта?

— Доктор запретил посещения, — отозвалась Лора. — Но, если хочешь, я приглашу их в гости вечером. Я не сказала им правду. Мирей придумала историю о том, что ты получила солнечный удар. Жозеф с ухмылкой заметил, что это редкая болезнь для Квебека.

— Ты все сделала правильно, — со вздохом сказала Эрмин. — Не надо рассказывать им о Тошане, он ведь никогда не придет. Проснувшись, я сразу подумала об этом. Тошан погиб в огне пожара, иначе он пришел бы на свидание. Ничто другое не смогло бы ему помешать, я уверена.

— Ты права. Я звонила в железнодорожную компанию. Директор не смог сказать ничего определенного, но вспомнил, что принимал на работу

некоего Клемана Дельбо, черноволосого, лет двадцати пяти от роду.

Лора боялась, что новость вызовет новый поток слез, однако Эрмин, похоже, смирилась с неизбежным.

— Мне хочется пить, мама, — вздохнула она. — Я хочу холодного молока. Сладкого. Но прошу тебя, не говори со мной больше о Тошане, это слишком больно!

Экономка ожидала у открытой двери.

— Я все сделаю, — сказала она, услышав просьбу девушки.

Лора погладила кончики пальцев дочери и перецеловала их один за другим.

— Ты быстро поправишься. Скажи, тебя порадует путешествие на корабле в Шикутими, а оттуда — по реке Сагеной до города Сен-Лоран? Холода придут не скоро. Если бы только это помогло тебе позабыть горе! Мы могли бы навестить Симона в Монреале...

— Может быть...

Эрмин закрыла глаза, подавляя желание заплакать. Тошан принадлежал прошлому, ушедшему безвозвратно. Он навсегда останется ее первой любовью, ужасающе эфемерной... Будучи девушкой здравомыслящей и разумной, Эрмин знала, что ее ждет безоблачная жизнь рядом с матерью, семейством Маруа и Хансом. Те, кто был с ней в течение многих месяцев и лет, сумеют ее развеселить, вырвут из объятий тоски. Все они такие реальные и близкие: непослушный Арман, белокурый кудрявый Эд, Шарлотта, неразлучная со своей куклой, добросердечная Бетти и даже вечно ворчащий Жозеф. Мирей, кругленькая и щедрая на шутку, будет и дальше опекать ее, как бабушка опекает любимую внучку, а Лора — ткать вокруг нее великолепный кокон счастья, роскоши и развлечений.

«Тошан... Я так мало его знала... — думала девушка. — Короткий разговор в июле, поцелуй, произнесенные в спешке клятвы... Была бы я с ним счастлива? Он показался мне красивым и соблазнительным, но какой у него был характер?»

Она уловила запах принесенных Хансом роз. Не открывая глаз, она подумала о пианисте. Эрмин не составило труда вспомнить его серо-голубые глаза и укоризненное выражение лица, когда она брала неверную ноту. Он пользовался мылом с ароматом сандалового дерева, запах которого передавался его одежде; покусывал карандаш, которым делал пометки на полях нотных листов...

Отношения у них были почти дружеские, однако иногда возникали двусмысленные ситуации. Так, иногда Ханс позволял себе словно невзначай коснуться щеки девушки или ее плеча. А когда они вместе

встречали Новый год, несколько раз целовал ее очень близко к губам.

— Через год я выйду за Ханса, — объявила Эрмин и открыла глаза. — Но не раньше. Если Тошан — не тот Клеман Дельбо, который сгорел в пожаре, у него будет время вернуться сюда, в Валь-Жальбер. Я понимаю, что надеяться на это глупо, но так моя совесть будет чиста. Ханс мне очень нравится. И ты столько раз повторяла, что этого достаточно для счастливого брака...

Лора вздрогнула. Серьезный тон дочери поразил ее. В ее как всегда звонком и мелодичном голосе она уловила ноты печали, которая по сравнению с первым днем только усилилась.

— Эрмин, ты не обязана выходить замуж за Ханса. В моем представлении он идеальный зять, но мое мнение ты можешь воспринимать как совет, не более. Ты свободна в выборе. Скажи, ты все еще на меня сердишься?

— Нет. Возможно, на твоем месте я поступила бы так же. Я ведь тоже тебе соврала. Еще до Рождества я написала Шарденам, в Труа-Ривьер. Рассказала, как мы нашли друг друга в отеле, объяснила, что ты на долгие годы потеряла память, и призналась, что хочу увидеться с ними или хотя бы переписываться. В конце письма я спросила о моем отце.

Лора побледнела как полотно и скрестила руки на груди, словно желая защититься от невидимой пока опасности.

— И они тебе ответили?

— Да. В сочельник я получила от них письмо, полное пренебрежения, презрения и ненависти. Они написали, что не хотят иметь ничего общего ни со мной, ни с тобой... Ни с папой. Я была ужасно разочарована. Бетти меня утешила и пообещала сохранить все в секрете. Я боялась причинить тебе новое горе, ведь эти люди однажды уже отвергли тебя.

— Господи, — пробормотала Лора, — спасибо тебе! Спасибо, что они не пролили свой яд! Дитя мое, пойми, они — религиозные фанатики, готовые уничтожить всех, кто не разделяет их взгляды.

— Не волнуйся, я больше не стану пытаться с ними сблизиться, — успокоила мать Эрмин.

Вошла Мирей, неся в руках поднос. Она ласково улыбнулась девушке.

— Вот сладкое холодное молоко для нашей крошки! А еще — поджаренные тосты с маслом и апельсиновым джемом!

— Хм, пахнет приятно, — сказала Эрмин.

Мать помогла ей сесть, подложив под спину пару больших подушек. Мирей поправила одеяла и поставила на край постели поднос.

— Я вся извелась, пока ты болела, — сказала она. — И мадам все

время сидела возле твоей кровати, даже дремала сидя.

Эрмин выпила молока и сгрызла тост. Потом снова легла, ощутив внезапную слабость.

— Спи, — ласково сказала ей Лора.

На следующий день Элизабет с детьми по приглашению Лоры пришли навестить больную. Мирей накрыла в спальне Эрмин небольшой столик с разными лакомствами. Эдмон с Арманом тихо переругивались, пока хозяйка дома беседовала с соседкой. Шарлотта забралась на кровать, и Эрмин ласково гладила ее по волосам.

— Ты выздоровеешь, скажи? — спросила девочка едва слышно. — И будешь носить шляпку, чтобы от солнца у тебя не было горячки.

— Шарлотта, не волнуйся, скоро я поправлюсь, и мы снова будем вместе гулять, — тоже шепотом пообещала Эрмин. — Я очень грустила о Тошане. Помнишь его?

— Да. Он милый.

— Он никогда не вернется. И для меня это большое горе. Но только это наш секрет, хорошо?

— Хорошо, — выдохнула девочка. Она была поражена тем, что Эрмин так ей доверяет.

Элизабет с чашкой чая в руках присела на край кровати.

— Мимин, ты до сих пор выглядишь изможденной. Жо передает тебе свои лучшие пожелания, вот только он считает, что солнце тут ни при чем. Что жар у тебя из-за укуса какой-то мошки. Но это не важно, главное, что тебе уже лучше.

— Вы все так внимательны ко мне! Я скоро поправлюсь.

Девушка провела в постели целую неделю. Ей не хотелось выходить из комнаты. Часто она притворялась спящей, чтобы остаться в одиночестве. Состояние ее здоровья уже не беспокоило Лору, поэтому, увидев, что Эрмин закрыла глаза, она спускалась в гостиную. Девушка могла сколько угодно плакать, если ее одолевала тоска, или размышлять, зная, что ее никто не потревожит. Ханс не приезжал, и это почему-то вызывало у нее раздражение.

«Думаю, мне нужно чувствовать на себе его обожающий взгляд, знать, что он рядом. Он умеет меня рассмешить», — признавалась она себе.

* * *

Месье Цале приехал в следующее воскресенье. Лора проводила его к

Эрмин.

— Посмотрите, как замечательно она устроилась, — сказала молодая женщина. — Электрофон на расстоянии вытянутой руки, на столике, который Селестен принес из столовой. Романы на любой вкус, графин с лимонадом...

Вскоре Лора оставила их одних. Эрмин призналась матери, что хотела бы побыть с музыкантом тет-а-тет. Очень элегантный в своем саржевом светло-коричневом костюме, с галстуком в тон, Ханс склонился над ее постелью.

— Дорогая Эрмин, я очень рад, что вы быстро поправляетесь, — сказал он, снимая шляпу. — Вы прекрасны.

Он говорил искренне. Девушка была в вышитой ночной сорочке, чисто вымытые волосы золотистыми волнами струились вокруг похудевшего лица. На щеках играл розовый румянец, в прекрасных голубых глазах светилась робкая радость, хотя тень глубокой печали все еще омрачала ее черты.

— Спасибо, Ханс. Я ждала вашего визита, — сказала девушка. — Садитесь, пожалуйста, сюда. Что нового в Робервале? Вы всё еще работаете в отеле?

— Да, но это не доставляет мне радости, потому что мой соловей не спешит украсить собой вечера. Многие клиенты сожалеют о том, что лишились удовольствия слышать вас, Эрмин. И директор тоже.

Девушка развела руками. Он поспешил добавить:

— Я говорю вам это только для того, чтобы вы знали: у вас уже есть своя публика и поклонники. Я знаю правду, ваша матушка мне все рассказала. Мне очень жаль этого молодого человека, сумевшего завоевать вашу любовь.

Эрмин покачала головой, но Ханс продолжал:

— Вы любили его, и эта потеря стала для вас большим горем. Но я все равно вас люблю. К чему отрицать очевидное? Настоящая любовь, Эрмин, способна на жертвы. Ради вашего счастья я бы радовался вместе со всеми на вашей свадьбе, если бы Тошан вернулся живым и невредимым. Скажите, почему вы никогда мне о нем не рассказывали?

— Я знала, что вы любите меня, и не хотела причинять вам боль. Прошу вас не произносить при мне его имя. Уже много дней я пытаюсь смириться с его смертью. Пожалуйста, говорите со мной об опере, о песнях, о музыке, о Франции, об Италии или о стране ваших предков, Дании! Я хочу жить, понимаете? Я вычеркнула из своего сознания тени прошлого — моего отца, который исчез неизвестно почему и как, и этого

юношу, которого знала намного хуже, чем вас.

Она протянула ему холодную полупрозрачную руку. Ханс схватил ее и стал согревать своими пальцами.

— Моя дорогая маленькая фея, однажды вечером, возможно, по другую сторону Атлантического океана, мы будем гулять по античной террасе в Тоскане. Вокруг будут стрекотать цикады, вы откроете для себя прелесть пейзажа — рыжие холмы, растущие там и сям тисы и кипарисы, черные силуэты которых вырисовываются на фоне ярко-синего неба... Вы насладитесь нежностью сумерек, теплых и напоенных изысканными ароматами, какие бывают только в южных странах. А может, мы поедem в бельгийский городок Брюгге, древние дома и каналы которого вдохновляли многих художников...

Голос Ханса смягчал сердечную боль Эрмин. Она закрыла глаза и перенеслась мыслями к неизведанным землям.

— В Дании очень холодно, — продолжал пианист. — В этой стране жил писатель, автор прекрасных сказок, которые я обожаю.

— Ганс Христиан Андерсен, — отозвалась девушка. — Автор «Снежной королевы» и «Русалочки». Я читала эти сказки в детстве. Подружка по монастырской школе приносила мне книжку.

Более часа Эрмин рассказывала Хансу о себе, о своих воспоминаниях подкидыша, искренне любимого Элизабет Маруа и монахинями. Ханс не отпускал ее руки. Телесный контакт, даже такой невинный, глубоко взволновал его. Внезапно он сказал ласково:

— Мне кажется, будто в руке я держу хрупкую испуганную птичку. Я чувствую малейшее биение вашего сердца...

— Вы слишком романтичны, — ответила девушка, хотя его слова были ей приятны.

Лора прервала их уединение, постучав в дверь.

Ханс приехал и на следующий день. Потом стал приезжать почти каждый день, после полудня. Он с удовольствием рассказывал Эрмин о далеких странах, для большей наглядности используя книгу по географии.

Однажды вечером с наступлением сумерек пошел дождь. Ханс хотел включить лампу у изголовья кровати, но Эрмин остановила его.

— Ханс, обнимите меня, — шепотом попросила она. — Все заботятся обо мне, окружают меня лаской, но мне нужно, чтобы мужчина прижал меня к себе...

Ханс никак не ожидал услышать такое от юной девушки, сдержанной и хорошо воспитанной. Было видно, что он колеблется.

— Что будет, если войдет ваша матушка?

— Мы не делаем ничего плохого, — нетерпеливо возразила Эрмин.

Он пересел на край кровати и неловко ее обнял. Она положила голову ему на плечо. Ханс дрожал, поглаживая ее волосы.

— Мое счастье, мое дорогое сердечко, — нежно бормотал он.

Эрмин обняла его в ответ, желая ощутить хоть что-нибудь — желание, удовольствие, — что вернуло бы ее к жизни. Но тело ее не ответило. Удрученная этим обстоятельством, она нашла губами губы Ханса. Он ответил на прямое приглашение пылким поцелуем: губы его прижались к губам девушки, язык скользнул меж ее перламутровых зубок и вторгся в ее рот, твердый и энергичный, как мужской член.

В дверь постучали. Пианист поспешил пересесть на стул. Лицо его горело, очки сползли набок. Мирей заглянула в комнату.

— Мадам просит вас присоединиться к ней за ужином, месье Цале, — объявила она. — Неужели пора менять лампочку? Вы сидите в темноте...

— У меня мигрень, Мирей. Свет причиняет мне боль, — отозвалась Эрмин.

«Удобнее мигрени не сыскать болезни, — подумала экономка. — Мадам добьется, чего хочет. Эти двое все-таки поженятся».

* * *

У Лоры было множество планов, но свадьба в Валь-Жальбере в них не входила. Она снова и снова перечитывала письмо, полученное из Квебека и подписанное директором *Капитолия*. Друг директора, отдохавший прошлым летом в «Château Roberval», рассказал ему о молодой певице, обладающей исключительным голосом.

«Эрмин предлагают приехать на прослушивание, — дрожа от гордости, повторяла про себя молодая женщина. — А ведь я ничего еще не сделала для ее карьеры. Мне бы хотелось, чтобы сначала она записала диск, к примеру, рождественских песен. Не ради денег, нет. Рождественские гимны дарят людям радость и надежду!»

В гостиную вошел Ханс. Он выглядел очень счастливым.

— Вы поужинаете со мной? — спросила у него Лора. — Мне нужно с вами поговорить.

— Да, и с большим удовольствием, — ответил музыкант. — Я принес вам хорошее известие: Эрмин одевается и спускается, чтобы поужинать вместе с нами. Она чувствует себя лучше.

— Вы сияете, Ханс. На то есть причины? — удивленно спросила Лора.

— В декабре мы с Эрмин объявим о помолвке. Я преподнесу ей кольцо, которое моя мать сохранила специально для этой церемонии, — аквамарин, оправленный в серебро.

— Господи, кто принял это решение?

— Я бы не осмелился. Эрмин сама выбрала дату. Как вы понимаете, я не хотел торопить события.

Недоумение было обоюдным. Скоро в гостиную спустилась Эрмин в темно-синем атласном халате. Девушка поспешила в объятия матери.

— Мне скучно одной наверху, — с улыбкой сказала она. — Завтра я встану с постели и пойду гулять с Шинуком и Шарлоттой. Лето коротко, и нужно успеть насладиться теплыми днями.

«Господи, Эрмин и вправду решила перевернуть страницу! — подумала Лора. — Она хочет забыть свое горе, свою подростковую любовь к Тошану. Но, может, это и к лучшему! Она вернется к жизни, забудет о нем, как я отказалась от мысли найти Жослина. Даже если бы мы с ним увиделись сейчас, спустя пятнадцать лет, мы были бы чужими друг другу...»

За столом они много и оживленно беседовали. Ханс с энтузиазмом встретил новость о том, что директор *Капитолия* приглашает Эрмин на прослушивание. Эрмин согласилась через десять дней отправиться в Квебек.

* * *

Накануне отъезда, пятого сентября, Эрмин зашла попрощаться с Бетти и детьми. Эдмон и Шарлотта лущили красную фасоль. Сидя за кухонным столом, они болтали и смеялись. Фасолины ручейками стекали в большую салатницу. Никто, глядя на девочку, не догадался бы, что она не видит: ее движения были столь же уверенными, как и движения Эдмона.

— Какая ты нарядная, Мимин! — воскликнула Элизабет. — Словно с обложки журнала! И даже подкрасилась!

На девушке был костюм цвета лаванды, состоявший из приталенного жакета и расклешенной юбки. Косы ее были уложены в красивый шиньон, поверх которого она надела изящную шляпку. Помада подчеркивала чувственный изгиб губ, тонкий слой рисовой пудры смягчил загар.

— Я уезжаю навстречу приключениям, Бетти! — отозвалась Эрмин. — Мне непременно нужно очаровать всех пассажиров корабля и всех жителей Квебека!

Шарлотта подняла голову и сказала звонко:

— Ты надушилась! Я слышу запах!

— От тебя, Лолотта, ничего не скроешь!

— Значит, это решено: ты едешь на прослушивание в *Капитолий*, — уважительным тоном сказала Элизабет. — Ты заслужила это, Эрмин.

Арман ворвался в кухню, помешав девушке ответить. Тринадцатилетний мальчуган не был похож ни на отца, ни на старшего брата. Как и Эдмон, он был белокур, но свою круглую мордашку унаследовал от бабушки.

— По пути я встретил почтальона, Мимин, — крикнул он. — Тебе письмо! Еще одно письмо, ведь последнее ты получила на Рождество!

Бетти покраснела до корней волос. Она загородила сыну дорогу.

— Наверное, ты ошибся, Арман, — сказала она. — Почему бы письмо для Мимин принесли к нам в дом? Ведь она теперь живет по ту сторону монастырской школы. Дай мне конверт!

— Мам, здесь написано «Эрмин Шарден, которая живет в доме месье Жозефа Маруа, улица Сен-Жорж, Валь-Жальбер».

Мальчик бросил конверт на стол. Эдмон первым схватил его.

— Дай мне посмотреть, Эд, — со вздохом сказала девушка.

Она пыталась успокоить нараставшее волнение, но сердце билось все быстрее. Несмотря на обмен разочаровывающими поцелуями с будущим женихом, несмотря на вырезку из газеты, она все еще надеялась, что получит от Тошана письмо.

Элизабет схватила полотенце и, нахмурившись, стала вытирать посуду. Эрмин заметила ее волнение, когда почти вскрыла письмо.

— Это из Труа-Ривьер, — сказала она.

На конверте было указано имя отправителя: «Мари Шарден». Арман скакал вокруг нее, любопытный, как сорока.

— Пойдем со мной, Мимин, — сказала ей Элизабет. Они вышли во двор. На ветру трепыхался недавно постиранный полосатый пиджак Жозефа. В хлеву мычал теленок.

— Бетти, что с тобой? — спросила Эрмин. — Почему эти люди снова мне написали?

— Это моих рук дело, дорогая, — призналась молодая женщина. — Я думала, что поступаю правильно. С прошлого Рождества я дружу с твоей матерью, а тебя люблю, как родную дочь. Однажды я перечитала то, первое, письмо. Не знаю, что на меня нашло, но я решила, что сама им напишу. И я написала, что Лора — приятная и щедрая женщина, способная сострадать, а ты — прекрасная девушка, хорошо воспитанная и усердная,

да еще поешь, как соловей. Я хотела их смягчить, защитить вас. В конце письма я попросила, чтобы они ответили тебе, потому что ты нуждаешься в их внимании. Ни Жо, ни остальные ничего об этом не знают. Если бы Арман не отдал тебе это письмо, я бы сначала вскрыла его над паром и прочла. Если ответ оказался бы не таким жестоким, как предыдущий, вас с матерью ожидал бы приятный сюрприз!

— Милая моя Бетти, — прошептала Эрмин, — не беспокойся так о нас с мамой. Мы совсем не несчастны. Шардены не изменяют своего отношения к нам.

Девушка вынула из кармана письмо. Элизабет попыталась взять его у нее из руки.

— Разрешите мне его прочитать, Мимин. Ты уезжаешь, такая красивая и довольная. Я не хочу, чтобы эти люди испортили тебе настроение.

— Я научилась радоваться любой мелочи, наслаждаться настоящим. Не бойся, ничто не сможет меня огорчить.

Девушка посмотрела на развешанное для просушки белье, отметив про себя забавный танец клетчатого носового платка, в котором запуталась оса. Как и встреча с белкой тремя неделями ранее, эта картинка навсегда останется в ее памяти — символ момента, когда судьба готовится нанести свой удар.

Элизабет вернулась в дом, подталкивая перед собой Армана, который тайком вышел во двор вслед за ними. Эдмон плакал на кухне — он порезался ножом.

Эрмин читала письмо, одновременно прислушиваясь к жалобным возгласам мальчика.

«Мадемуазель,

Вы полагаете, что вы — моя племянница, но я никогда не получу доказательств вашей правоты, разве только в день Страшного суда. Я — сестра Жослина, и ни я, ни мои бедные родители в течение многих лет ничего о нем не слышали. Мои отец и мать попросили меня раз и навсегда дать вам понять, что вы не должны нам писать.

Я разделяю их возмущение. Шардены — уважаемая и набожная семья, поэтому мы не хотим общаться посредством писем и тем более встречаться с особой, рожденной женщиной распутного поведения, той, кто не знает, что такое нравственность, развратницей, которая теперь купается в роскоши. Мы полагаем, что она скрыла от вас свое прошлое. Она

продавала свое тело в одном из притонов нашего города, и мы никогда не верили, что ребенок, которого она носила, был зачат от Жослина.

Ослепленный страстью, мой брат решил жениться на грешнице, жениться в церкви, оскорбив тем самым достоинство священника. Мои родители в первом письме не стали сообщать вам все это из добрых побуждений, но я сочла своим долгом объяснить вам наше видение. Я признаю, что вы не виноваты в грехах ваших родителей, поэтому буду за вас молиться. Вы носите наше имя — это оскорбление, которое заставляет меня бесконечно страдать, но ваша мать и так обесчестила его навсегда. Да будет милостив к вам Господь.

Мари Шарден».

Эрмин сложила листок бумаги. Она уже не слышала ни криков Эдмона, ни жужжания осы. Мир вокруг стал молчаливым, словно бы ватным. Девушке показалось, будто она вошла в полосу сизого тумана, в котором ей суждено остаться навсегда. Глухие удары отдавались в каждой клетке ее тела. Несколько секунд понадобилось, чтобы понять: это биение ее собственного сердца. Эрмин вспомнила слова Лоры: «Спасибо, Господи, что они не пролили свой яд!»

Теперь этот яд распространялся по телу, отравляя кровь и душу. Не в силах пошевелиться, девушка рассматривала белье и деревянную стену, окрашенную Жозефом в белый цвет.

«Мама торговала своим телом, — наконец сказала она себе. — Моя мать, об отсутствии которой я так жалела, которой мне долгие годы так не хватало! Она спала с мужчинами и получала за это деньги. Но Жослин Шарден все-таки на ней женился. Жослин, который, может, мне вовсе не отец!»

Кто-то тряс ее за плечо. Сквозь тишину и туман прорвался голос Бетти.

— Мимин, ты такая бледная, что страшно смотреть! Мимин, что они написали?

«Бетти не должна знать, — решила Эрмин. — Только не она!»

Она спрятала письмо в карман жакета и сделала несколько шагов к хлеву.

— Они не хотят с нами знаться, — с трудом выговорила она. — Не стоило им писать, Бетти. Я ухожу, пора. Селестен отвезет нас в Роберваль,

там ждет Ханс.

Элизабет стояла и смотрела вслед уходившей быстрой походкой Эрмин. Она не осмелилась позвать ее, потому что уход девушки больше напоминал бегство.

— Господи, что я наделала? — жалобно сказала она.

Арман подошел к матери. На лице его играла хитрая улыбка.

— Ну, и где наша Мимин? — спросил он.

— Идиот! Дурак! — обрушилась на него Элизабет и наотмашь ударила по щеке. — Нельзя было отдавать ей письмо!

— Но это ее письмо, не твое!

Она замахнулась для второй пощечины, но Арман успел отпрыгнуть назад. Элизабет заплакала.

Через двадцать минут Селестен посигналил у порога дома Маруа. Лора в соломенной шляпке устроилась на заднем сиденье. На крыше возвышались два чемодана.

— Эрмин у вас? — спросила молодая женщина, когда дети выскочили на крыльцо. — Мы погрузили багаж, я захватила ее сумочку. Нам пора уезжать в Роберваль. Я не хочу опоздать на поезд.

— Нет, ее нет, — крикнул в ответ Эдмон, на пальце у которого была повязка с красным пятнышком.

Элизабет тоже вышла, и виду нее был озабоченный. Она спустилась с крыльца и подошла к автомобилю.

— Мимин побежала домой, — без особой уверенности сказала она. — Вы ее не встретили?

— Конечно, нет, — сказала Лора.

Женщины обменялись обеспокоенными взглядами. Элизабет первой опустила глаза.

— Бетти, скажите, что случилось? Вы чем-то взволнованы...

— Мимин получила письмо от Шарденов из Труа-Ривьер, хотя я не хотела, чтобы она его читала. Она прочла и переменялась в лице. Стала как привидение... Потом сказала, что идет домой, но я была уверена, что она лжет.

— О, Господи! — простонала Лора. — Нужно ее найти. И поскорее! Арман, поищи ее, прошу тебя!

Арман пообещал, что сделает все, что может. Селестена послали на почту, чтобы он телеграммой уведомил Ханса Цале, что отъезд откладывается.

Поезд отправился из Роберваля без Лоры Шарден и без Ханса. Прошел час. Эрмин пропала.

Глава 16. Падение ангела

Валь-Жальбер, в тот же день

Эрмин спряталась в заброшенном доме, дверь которого оказалась взломанной. Он находился в квартале, примыкавшем к целлюлозной фабрике, — ныне самом пустынном месте Валь-Жальбера. Дома кое-как выдерживали натиск снежных метелей и сильных весенних дождей, но краска на дереве растрескалась. Влажность постепенно завладевала деревянными постройками, поднимаясь от фундамента, каждую весну заливаемого паводками, все выше и выше.

Сжавшись в комок на кухне, дощатый пол которой был покрыт прошлогодними осенними листьями, девушка рыдала. Она убежала от настороженных взглядов Бетти, от смеха Шарлотты и от знакомого запаха, который всегда витал во дворе Маруа в конце лета, — смесь запахов соломы, перепаханной земли и чисто выстиранного, еще мокрого белья. Содержание письма уничтожило в душе Эрмин все чувства, которые зиждились на доверии и невинности. Она ощущала себя грязной, оскверненной, порочной.

«А ведь я так мечтала иметь семью, иметь мать и отца, как все другие дети! Наивная, глупая девчонка! По крайней мере, Элизабет и Жо были достойными родителями», — повторяла она про себя в гневе, который не находил выхода.

Без конца вспоминала она красивое лицо Лоры, ее ярко-розовую помаду, светлые волосы, тщательно подкрашиваемые раз в три месяца в одной из парикмахерских Роберваля. Вспомнилась ей и вызывающая округлость материнской груди, и тонкая талия, и чуть тяжеловатые бедра. И эта все еще очень соблазнительная женщина продавала свои прелести, когда ей было всего двадцать лет! Не имея опыта интимной жизни, Эрмин тем не менее знала о ней достаточно, чтобы представить себе сексуальный акт. Когда же она вообразила свою мать отдающейся многим мужчинам, ее затошнило.

Девушка встала и, пошатываясь, дошла до покрытой серыми пятнами раковины, в которую ее и вырвало. Прижавшись спиной к деревянной стене, устремив взгляд в пустоту, она сказала вслух:

— Я ненавижу тебя, мама. На этот раз я не прошу. Ты бросила меня, ты предала меня, ты мне врала. Всегда врала. Мне давно нужно было

догадаться — сколько раз ты колебалась, не отвечала прямо на некоторые мои вопросы. Ты не позволяла мне писать Шарденам. Теперь я прекрасно понимаю почему.

Единственное, чего сейчас хотелось Эрмин, — это находиться как можно дальше от своей матери.

«Я не желаю ни видеть, ни слышать ее. Господи, а ведь она без конца меня целовала, иногда я спала с ней рядом... Как она мне противна! Как я стыжусь ее!»

Эрмин вышла на крыльцо и осмотрелась, потом спустилась по ступенькам и направилась к фабрике, рискуя встретиться по пути с Жозефом, который теперь в одиночку следил за порядком в фабричных помещениях и работой генератора тока. Бесшумно, как кошка на охоте, девушка обошла складские постройки.

Водопад Уиатшуан своим мощным ворчливым голосом перекрывал все остальные шумы. В это время года окрестности фабрики утопали в растительности. Железнодорожные пути заросли пожелтевшей травой. Возле погрузочной платформы, где не так давно рабочие грузили кипы бумажной массы в вагоны, выросли молодые деревца.

Небо было все таким же прозрачным и ярко-голубым. Эрмин с отчаянием смотрела на спадающие каскадом с высоты в двести тридцать шесть канадских футов серебристые струи воды. Наверху, обсаженная с обеих сторон высокими соснами, темнела плотина.

Повинуясь внезапному порыву, девушка обошла здание цеха корообдирщиков и стала подниматься вверх по склону. Сюда тоже постепенно возвращалась растительность: колючие кустарники, крапива и дикий овес. В коричневую землю впились корнями подросшие деревца. В свое время вдоль стока, по которому бревна спускались от плотины (а к плотине по реке их спускали от лесопилки на озере Малинь), рабочие проложили тропинку в виде ступеней. Тысячи людей прошли по ней, поэтому Эрмин стала бесстрашно карабкаться наверх, к плотине, не боясь заблудиться или сделать крюк.

Она поднималась, задыхаясь, почти слепая от слез. Она нуждалась в просторе, в одиночестве, она хотела как можно дальше уйти от Лоры.

— Что со мной теперь будет? — повторяла она.

На ногах у Эрмин были туфли-лодочки, поэтому она то и дело спотыкалась на крутом подъеме и, чтобы не упасть, хваталась за камни и ветви колючих кустов. Зацепившись за мертвую ветку, она порвала шелковый чулок. Эрмин быстро сняла с себя жакет и со злостью отшвырнула его в кусты. Ей казалось, будто на ней надет маскарадный

костюм. Все эти вещи были подарены ей матерью...

Мокрая от пота, с покрасневшимся от усилий лицом, девушка наконец поднялась к плотине. Сюда она стремилась, желая увидеть великолепный пейзаж, развернувшийся насколько хватало глаз, до самого горизонта. Она долго смотрела на голубую поверхность озера Сен-Жан. Вдалеке белый кораблик плыл по водам этого внутреннего моря, питаемого реками, которые вливались в его глубины, — Уиатшуан, Перибонкой, Мистассиби и Ашуапмушуан. Названия этих рек Эрмин узнала в школе, и они всегда казались ей необычными и звучными.

— Кто сказал мне, что это слова из языка индейцев? Не помню...

Не сводя глаз с уменьшающегося силуэта корабля, девушка села на землю.

— Он идет в Альму, к истокам реки Сагеней... Я не поеду в Квебек. Я больше не буду петь, никогда.

Вид озера, похожего на огромный голубой камень на ладони невидимого гиганта, успокаивал душевную боль. Бесчисленное множество деревьев сливалось в палитру великолепных цветов, среди которых присутствовали все оттенки зеленого, желтого, оранжевого и пурпурного. Свежий северный ветер обдувал горящие щеки девушки, рядом ощущалось хрустальное дыхание водопада, который ни на мгновение не переставал ворчать, шептать и выть.

Эрмин глубоко дышала, пораженная красотой окружавшей ее природы. Теперь она пожалела, что никогда не поднималась к плотине в середине зимы, чтобы насладиться этим пейзажем в рамке из снега, сверкающего инея и ледяных сосуллек. Ей казалось, что все потеряно, и она никогда больше не увидит ничего подобного.

«Что мне теперь делать?» — спрашивала себя девушка.

Она испытывала такую печаль и так стыдилась матери, что не представляла, как сможет вернуться в Валь-Жальбер и жить в доме управляющего, роскошном и удобном.

«Лора Шарлебуа, дама в черном, тратила деньги без счета, — думала она презрительно. — Теперь я лучше понимаю, почему она вышла замуж за очень богатого старика. Это еще одна форма проституции. Господи, прости меня, но я ненавижу ее, ненавижу мою мать!»

Девушка подняла к небу искаженное болью лицо. Ужасные картины проносились перед ее мысленным взором: обнаженные волосатые мужчины лежат на Лоре, на ее хрупком, перламутрово-белом теле...

«Сегодня я переночую у Бетти, а утром уеду, — решила она. — Я пошлю Армана с запиской к этой женщине, чтобы она дала мне денег, и

поеду в Шикутими. Я легко найду работу. Или стану послушницей, как Алис Паже».

Найдя выход, она успокоилась. Приняв постриг, она снова окажется рядом с сестрой Викторианной и сестрой Элалией и сможет скрасить их старость.

— Я осквернила имя Шарденов! — крикнула девушка. — Я сама осквернена и порочна! Посвятив жизнь Господу, я смою с себя все грехи моей матери!

Эрмин встала. Чуть ниже плотины виднелся обрыв. При виде его у нее замерло сердце. Она представила, как летит вниз, в бездну.

— Так было бы лучше, — пробормотала она. — Тошан умер, мать меня предала, Ханс не в счет, ну, или почти не в счет. Бетти опечалится, но потом отдаст всю свою любовь Шарлотте, которой она так нужна.

Девушка подошла к обрыву, к тому месту, где в облаке белой пены река устремлялась вниз, превращаясь в водопад.

— Меня называют соловьем Валь-Жальбера! Если я птица, значит, смогу взлететь! — крикнула она стремительному речному потоку.

Вспомнилось выражение, прочитанное в каком-то журнале, — «падение ангела»...

— Ангел, — прошептала она. — Попав в рай, стану ли я ангелом? Если бы только знать наверняка, что после смерти встретишься с теми, кого любишь...

Эрмин думала о сестре Марии Магдалине, в миру Анжелике, — прекрасной Анжелике, которая в расцвете молодости пала жертвой испанского гриппа. И о погибшем в огне Тошане. Эрмин задохнулась в новом приступе рыданий, слезы застлали ей глаза. Она сделала еще один шаг к обрыву.

* * *

Лора сидела за столом в кухне дома семьи Маруа. Она плакала. Найти Эрмин не удалось. Арман с Селестеном больше двух часов бегали по улицам поселка, но безрезультатно. Элизабет с красными от слез глазами и выражением тревоги на лице бесконечно переходила от печи к буфету и обратно.

— Я схожу к каньону, — предложил мальчик. — Мимин любит там гулять.

— Нет, — резко сказала Элизабет. — Лучше сходи на фабрику и

предупреди отца.

— Я уже там был, мам, — со вздохом отвечал Арман. — Папа не понимает, почему ты так волнуешься. Он говорит, Мимин вернется, когда захочет. Еще я спрашивал у хозяина отеля. Он ее не видел.

— Я все время спрашиваю себя, — сказала Элизабет, — что могли написать ей эти люди, Шардены, чтобы она так расстроилась и ваше путешествие полетело в тартарары! Она пришла такая элегантная, такая довольная... Это все я виновата!

Арман не понимал, при чем здесь это письмо. Шарлотта и Эдмон с беспокойством вслушивались в разговор старших, сидя на крыльце и не осмеливаясь ни шевельнуться, ни заговорить.

— Может, муж и прав: мы зря беспокоимся, — добавила Элизабет. — Валь-Жальбер велик, и никто не знает поселок лучше, чем Мимин. А что, если она уже вернулась к вам, Лора?

— Если бы она вернулась, Мирей пришла бы сказать нам об этом. Она терзается не меньше нашего.

Молодая женщина закрыла лицо руками. Случилось самое страшное, чего она боялась многие месяцы. Теперь дочь знает правду о позорных страницах ее жизни. Лора была в этом уверена, и у нее кровь стыла в жилах от страха.

«Моя дорогая девочка страдает по моей вине! Должно быть, проклинает меня, ненавидит. Господи, как все плохо! Ну зачем Бетти нужно было вмешиваться?..»

Пол завибрировал под тяжелой поступью хозяина дома. Жозеф вошел и откашлялся.

— Не стоит так изводить себя, Лора, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал дружелюбно. — Что на самом деле случилось? Арман сказал, что Мимин получила какое-то письмо.

— Жо, сейчас самое важное — это найти девочку, — оборвала его Элизабет. — Она расстроилась, но причина касается только Эрмин, Лоры и меня.

— А, снова ваши женские секреты, — пробормотал недовольно рабочий. — Я как раз хотел вам сказать, что Эрмин поднялась к плотине. Я тоже разволновался, когда прибежал Арман. Вышел на площадь перед фабрикой и по привычке посмотрел на водопад. Солнце стояло в зените. И я увидел девичью фигурку в светло-синем платье. Я не первый день знаю нашу Эрмин, она часто взбирается наверх, чтобы полюбоваться озером и пейзажем...

Лора не стала дожидаться окончания рассказа — она выскочила из

дома и побежала вверх по улице Сен-Жорж. Перед универсальным магазином собралась группа жителей поселка.

— Вы нашли Эрмин? — спросил у Лоры один из мужчин.

— Да! — ответила она. — Все в порядке!

Она не хотела ни помощи, ни сопровождающих. Сердце билось как сумасшедшее. Единственное, о чем она думала, — как найти свою дочь и открыть ей тайну, которая многие годы тяжким грузом лежала у нее на сердце. Лора знала, что каждая минута теперь для нее бесценна. Она пересекла площадь перед фабрикой и стала искать глазами тропинку, ведущую к плотине.

«Я умру, если она вычеркнет меня из своей жизни, умру!» — повторяла она про себя.

Как и дочь, Лора была неподходящим образом одета и обута для длительного перехода по неровной, оцетинившейся корешками и кустами местности. На ней было легкое, чуть укороченное платье с матросским воротником, на ногах — сандалии. Не успела она проделать и половину пути, как чулки были порваны, на икре краснела царапина, на одной из сандалий порвался ремешок. Однако желание поскорее найти дочь было так велико, что Лора ничего этого не замечала. Она чувствовала себя готовой много миль бежать через лес, если понадобится.

— Эрмин! — позвала она. Ни среди деревьев, ни в зарослях кустарника, ни у плотины она не увидела девичьей фигурки в костюме лавандового цвета.

Лора подождала ответа — не более пары секунд, которых оказалось достаточно, чтобы перевести дыхание. Внезапно на расстоянии трех футов от себя она увидела жакет дочери.

«Значит, Жозеф не ошибся, она здесь проходила», — сказала она себе, продолжая карабкаться вверх.

Спрятавшись за густым кустом, Эрмин следила за передвижениями матери. Девушка передумала умирать. Постояв какое-то время на самом краю обрыва, она отошла подальше, легла на землю и погрузилась в размышления. Будучи пламенной католичкой, Эрмин считала самоубийство проявлением трусости, поступком, заслуживающим Божьего порицания. Она призвала на помощь всю свою храбрость и волю.

«У меня нет права убить себя, — подумала она. — Слишком многие умирают, хотя любят жизнь, невзирая на свои страдания, болезни и нищету. Это был бы тягчайший грех. Несчастливая мадам Аглая угасла в страшных муках, Тошан погиб в пламени...»

Лора позвала снова, но на этот раз ее голос прозвучал пронзительно, в

нем слышался страх. Эрмин выжидала, не зная, как ей поступить. У нее еще было время убежать туда, где березы и лиственницы могли надежно укрыть ее от глаз матери. Но, исполненная ненависти и гнева, она вдруг ощутила острое желание встретиться с ней лицом к лицу, наказать виновную, осыпать оскорблениями, а потом нанести решающий удар.

— С сегодняшнего дня больше никогда я не назову тебя мамой, больше никогда ты меня не увидишь! — сквозь стиснутые зубы пробормотала она. — Я отказываюсь от тебя, я больше не люблю тебя!

Эрмин приготовилась к противостоянию. И все-таки в глубине души она еще надеялась услышать опровержение. Когда Лора оказалась в нескольких шагах от ее укрытия, с растерянным взглядом, растрепанная, с искаженным от страха лицом, девушка выскочила из-за куста и встала перед ней.

— О, дорогая! Спасибо, Господи! Спасибо! — пробормотала ее мать.

— Не подходи ко мне, — пригрозила девушка. — Как ты меня нашла?

— Жозеф видел, как ты поднималась, — задыхаясь, выпалила Лора. — Все тебя ищут, и я чуть не умерла от тревоги. Моя дорогая девочка, прошу тебя, выслушай! Я знаю, что ты убежала из-за письма Шарденов. Думаю, они наконец выплеснули свой яд!

— Да, ты выбрала хорошее слово — «яд»! Я отравлена тем, что узнала, я от этого чуть не умерла, — жестко ответила Эрмин. — Ты врала мне много месяцев, с того дня, когда я имела несчастье постучать в дверь твоего номера в отеле. Еще час назад мне невыносима была мысль о встрече с тобой. Уходи! Или поклянись мне, что Мари Шарден, сестра Жослина, солгала. Поклянись, если сможешь!

Лора протянула к ней руки и сделала шаг вперед.

— Стой там, где стоишь! — крикнула Эрмин, вынимая свернутый вдвое листок, который она спрятала в корсаже.

Она бросила его матери. Лора подняла письмо и торопливо его прочла.

— Мари Шарден написала правду, или, скорее, то, что она считает правдой. Дорогая, я не осмелюсь поклясться в обратном. Я хочу только, чтобы ты меня выслушала, чтобы ты знала, что со мной произошло в действительности, — сказала Лора.

— Не называй меня «дорогая», потому что я не могу назвать тебя «мама»!

Девушка заплакала, на лице появилось горестное выражение.

— Умоляю тебя, выслушай! Эрмин, два месяца я была проституткой, это правда. Два ужаснейших месяца в моей жизни, два самых омерзительных месяца. Тогда я и познакомилась с твоим отцом, потому что

Жослин действительно твой отец.

Их разделяло расстояние в три фута, свежий ветер с озера Сен-Жан обдувал их лица. Солнце спряталось за облаками. Лора заговорила громче, чтобы перекрыть оглушительный шум водопада.

— Когда я приехала в Труа-Ривьер, моего брата Реми недавно похоронили. Родители наши умерли, и я осталась одна в незнакомой стране. Мне предстояло найти работу, жилье. Первые три недели я жила в комнате Реми. Я съела все, что было в его шкафчике для провизии, не осмеливаясь выйти на улицу. Но хозяин дома попросил меня съехать, потому что уже сдал комнату другому владельцу. Я бродила по улицам, горюя об умершем брате, голодная и испуганная. Ко мне подошел один человек. Он был со мной любезен, предложил работу официантки в местном отеле-ресторане. Заведение оказалось в ужасном квартале. Я не сразу поняла, чего он от меня хочет. Но когда поняла, то с возмущением отказалась. Этот человек избил меня так, что я две недели не вставала с постели. Он меня изнасиловал. На следующий же день он пригрозил, что убьет меня, если я попытаюсь сбежать. Я сожалею о том, что мне приходится рассказывать тебе такие ужасные вещи, которые не предназначены для ушей целомудренных девушек...

Изумленная, окаменевшая от отвращения Эрмин не ответила.

— Этот человек по-своему влюбился в меня. Он неусыпно за мной следил и пользовался как игрушкой. Но это не мешало ему приводить ко мне в комнату клиентов. Однажды вечером вошел Жослин — оробевший, не знающий, куда девать глаза от стыда. Не торопись осуждать его. Многие мужчины прибегают к услугам падших женщин. Он, в отличие от остальных, показался мне милым и внимательным. Он не прикоснулся ко мне. Я подумала, что он не такой, как все. Я плакала в его объятиях, рассказала свою историю, поведала о том, как стыжусь того, что опозорена навеки, — я, которая всегда мечтала о семье и уютном доме...

Лора дрожала. Солнце клонилось к закату, и на плотину легла густая тень.

— Эрмин, Жослин сразу полюбил меня. Пообещал, что спасет и увезет далеко-далеко. Сказал, что у него есть сбережения и нам хватит денег, чтобы уехать из Труа-Ривьер. Теперь ты понимаешь? Из-за меня семья от него отказалась, из-за меня он бросил свою работу и стал траппером. Неделю он ходил ко мне как клиент и платил за ночь, но никогда ничего от меня не требовал. Он приносил мармелад и карамельки. Мы подготовили план бегства. Для этого мне понадобилась особая одежда, Жослину удалось ее достать. В один благословенный вечер он забрал меня из дома палача,

державшего меня в своей власти. Они с твоим отцом подрались. Но никто не мог бы побороть Жослина, он превратился в настоящий ураган. Прошло немного времени, и мы поженились. Ты родилась через год после венчания. Как мы гордились тобой, как были счастливы! Ты дочь честного человека, плод нашей искренней любви, в этом я могу тебе поклясться!

Теперь пришел черед Эрмин задрожать. Рассказ Лоры поколебал ее решимость вечно ненавидеть и презирать мать.

— Но ты ведь не была привязана? — не удержалась она от вопроса. — Ты могла найти приют в монастыре, и монахини защитили бы тебя, разве нет? Ты могла покончить с собой, чтобы избежать бесчестья! Я бы предпочла умереть...

— Но я не хотела умирать, Эрмин! Наоборот, я боялась, что меня убьют, если я попытаюсь сбежать. Посмотри!

Лора высоко, почти до плеч, подняла платье и атласную комбинацию, повернувшись к дочери спиной. Розовые шрамы виднелись на ее спине и бедрах.

— Однажды утром я взбунтовалась, — сказала она. — Тот человек жестоко отхлестал меня ремнем. Я никогда не осмелюсь рассказать тебе, через что мне пришлось пройти.

Подол платья упал, к величайшему облегчению Эрмин. Снизу донеслись отголоски криков. У основания желоба, по которому сплавляли бревна, стояли Арман с Жозефом и делали им знаки руками.

— Моя дорогая девочка, вернемся домой, — взмолилась Лора. — Я не хочу давать им повод для разговоров. Маруа наверняка ломают голову над вопросом, что мы здесь делаем. Мы все обсудим дома, и ты примешь решение, как тогда, в отеле, год назад. Господи, все сначала! Но теперь ты знаешь правду, и даже если не сумеешь меня простить, у меня стало легче на душе. Я с ума сходила от страха, ожидая, когда же Шардены расскажут тебе свою версию истории. Они видели во мне презреннейшее из земных существ, грешницу вроде тех, кого в древние времена побивали камнями. Твой отец без колебаний пожертвовал своей репутацией и своей честью во имя любви, вырвал меня из когтей чудовища, укравшего у меня невинность. Теперь ты можешь себе представить, как я обожала Жослина? Он спас меня. Мы любили друг друга, верь мне.

Она замолчала, увидев, что Эрмин снова плачет. Девушка не находила в себе сил поверить матери. Она боялась, что это ловушка, самая изощренная ложь.

— Дорогая, подари мне последний вечер тет-а-тет, — попросила Лора. — Завтра я уеду, вернусь в Монреаль, а дом оставляю тебе. Я тебе

отвратительна, я это чувствую. Но ты должна знать еще кое-что: человек, которого твой отец случайно убил, и был моим мучителем. Мы рискнули вернуться в Труа-Ривьер, где судьба сыграла с нами плохую шутку. Хватило минуты, одной встречи в переулке, чтобы наша жизнь разлетелась на куски. Жослин меня боготворил. Но это не облегчало его страданий: он был очень набожен, что не мешало ему быть и очень ревнивым. Я превратила его существование в хаос. Ты представляешь себе, каких жертв ему стоило жениться на мне, зная, что до него меня оскверняли другие мужчины? Когда мы принесли наши клятвы в пустыни Святого Антония на озере Лак — Бушетт, я поклялась уважать его и никогда больше не предавать. Но он пропал, я потеряла память и стала клятвопреступницей, выйдя замуж за Фрэнка Шарлебуа...

— В пустыни Святого Антония на озере Лак-Бушетт? — повторила Эрмин.

— Да. Это чудесное место, где я испытала невероятную благодать. Один священник нашел грот, похожий на грот во французской деревушке, где Дева Мария явилась тринадцатилетней пастушке по имени Бернадетт Субиру. Так вот, рядом с гротом построили часовню, уменьшенную копию французской базилики. Там, как и в Лурде, происходили чудеса. Мы с Жослином долго молились после того, как священник благословил наш союз. И Господь подарил нам прекраснейший из подарков — тебя. Если захочешь, мы можем побывать там вместе, это стало бы нашим паломничеством.

— Мы никуда не отправимся вместе, с этим покончено, — отрезала Эрмин, скрещивая руки на груди и силясь сдержать слезы. — Ты причинила мне слишком много горя.

В эту минуту она была похожа на маленькую девочку, ранимую и несчастную. Лора не смогла сдержать свой порыв: она сделала шаг вперед, стремясь утешить свое дитя.

— Дорогая, ну что от этого меняется? Я люблю тебя! Я не могла рассказать тебе весь этот ужас в первый же вечер! Я решила для себя: «Позже, когда она станет женщиной, или никогда!» Любовь Жослина смыла с меня грех, твое рождение очистило меня.

Лора попыталась обнять девушку, но та с ожесточением оттолкнула ее руки.

— Нет! Не прикасайся ко мне! Я тебе не верю, ты можешь рассказать бог знает что, и некому уличить тебя во лжи! Я проклята, проклята! Мой отец — убийца и развратник, моя мать — проститутка. И мне снова и снова приходится тебя прощать. С меня хватит!

Лора стала трясти дочь за плечи с криками:

— Это неправда! Не говори так!

Разозленная, на грани истерики, Эрмин вырвалась из рук матери и изо всех сил оттолкнула ее от себя. Лора пошатнулась и взмахнула руками, сиюсь восстановить равновесие. Сандалия соскочила с ее ноги, голой ступней она встала на острый камешек и сделала еще шаг назад... Все случилось очень быстро. В следующее мгновение Лора сорвалась с обрыва.

Эрмин успела заметить на лице матери выражение крайнего удивления. Ей никогда не забыть, как изогнулось тело Лоры, прежде чем сорваться с ужасающей высоты.

— Мама! Мама! Нет! — закричала девушка.

Еще недавно она желала никогда больше не видеть Лору, осыпала мать оскорблениями, и вот теперь была поражена чудовищностью случившегося. В отчаянии она пробормотала:

— Мама, прости, это я виновата! Я тебя убила!

Она закричала, не желая верить. Ноги ее, казалось, вросли в землю, тело парализовало. Меж бедер потекла струйка мочи.

В тот момент, когда больше всего Эрмин хотелось умереть на месте, она услышала крик, очень слабый, поднимавшийся из пропасти. Тотчас же послышались приближающиеся голоса. Эрмин повернула голову и увидела Ханса и Жозефа. Оба со всей возможной быстротой поднимались по склону вдоль желоба. Через несколько минут они уже стояли с ней рядом.

— Мама упала! — истерически крикнула Эрмин. — Я ее убила!

На этот раз Эрмин услышала голос, взывающий о помощи, перекрываемый гулом водопада. Побледнев, Ханс подбежал к обрыву и упал на колени.

— Я ее вижу! — воскликнул он. — Она жива! Лора, держитесь, я спускаюсь!

Жозеф схватил девушку за запястье и посмотрел ей в глаза.

— Я наблюдал за вами. Вы дрались! Ты толкнула мать вниз и рукой не шевельнула, чтобы ее удержать. Ты с ума сошла?

— Я не могла пошевелиться, Жо! — выдавила Эрмин.

Рабочий сжал ее руку и подтащил к поросшему желтой травой каменистому обрыву. Они наклонились и увидели Лору. Она находилась дюжиной футов ниже, на узком каменном уступе. Лоб молодой женщины был в крови, рукой она держалась за пень кедра, который и спас ей жизнь.

Ханс по откосу полз к ней, цепляясь за острые выступы камней.

— Как вы будете выбираться? — крикнул ему Жозеф. — Лучше было бы прихватить с собой веревку. Если земля поедет у вас под ногами, вы

сорветесь оба! Слава Богу, что поток не так силен, как раньше. А то бы вас унесло, как соломинку!

— Когда я подберусь к Лоре, протяните мне ветку или еще что-нибудь, — ответил Ханс.

Эрмин не могла ни плакать, ни сказать что-то членораздельное. Но про себя она молилась, и молилась от всей души.

«Спасибо, Господи, за то, что спас маму! Я люблю ее, и я чуть ее не убила! По глупости, в порыве гнева! Я стою не больше, чем тот человек, который ее бил! Спасибо, Господи, что ты ее спас! Я буду любить ее всю свою жизнь, буду уважать и слушаться ее. Что бы она ни совершила в прошлом, это моя мать, моя любимая мамочка...»

Она с ошеломляющей быстротой осознала, что последствия некоторых поступков невозможно исправить. На собственном примере Эрмин убедилась, что невольный жест может стоить кому-то жизни.

«Если бы мама сейчас умерла, я бы казнила себя всю жизнь. Я бы с ума сошла от угрызений совести, от чувства вины. Мой отец, наверное, ощущал то же самое, когда убил этого человека в Труа-Ривьер. Это тоже был несчастный случай, когда неконтролируемая ярость имела трагические последствия...»

Грудь девушки болела, словно сжатая тисками бесконечной печали. Широко открыв глаза, она неотрывно следила за движениями Ханса, который был уже возле Лоры. Несколько крупных камней сорвались с уступа и, прокатившись по крутому склону, упали в воды водопада.

— Черт возьми! Они еще в опасности! — выругался Жозеф.

— С ней все нормально! — крикнул пианист. — Думаю, одна рука сломана, и рана на лбу.

— Советую вам замереть и не шевелиться, — крикнул в ответ Жозеф. — Я спущусь за веревкой и подмогой.

Эрмин выпрямилась.

— Я побегу! — крикнула она. — Жо, посмотри, Арман!

К счастью, мальчик снова по привычке послушался приказа отца и остался слоняться вокруг фабрики. Он видел все, что случилось у плотины, и уже бежал вверх с намотанной на локоть веревкой. За ним едва поспевал Селестен.

— Господь с нами, — вздохнул с облегчением Жозеф.

Часом позже Лора уже лежала на своей кровати с перевязанной головой. Мирей оказала ей первую помощь — промыла рану разведенным спиртом. Все ждали приезда доктора Демиля.

Арман и Жозеф остались сидеть на крыльце, Элизабет с детьми устроились в гостиной. Взволнованный Ханс бегал взад и вперед по комнате. Он никак не мог оправиться от шока.

— Не волнуйтесь, все в порядке, — обратилась к нему экономка. — Выпейте еще бренди.

— Нет, не хочу, — ответил он. — Я не понимаю! Как только я взял в руки телеграмму, у меня появилось плохое предчувствие. Я поспешил приехать, и мадам Маруа сказала, что Лора и Эрмин поднялись к плотине. Но что стало причиной трагедии? И я до сих пор не понимаю, как смог спуститься к воде, не сломав шею...

— Вы показали себя героем, — отозвалась Элизабет. — Но это всего лишь несчастный случай. Я знаю, что Лора с дочкой поссорились, и...

— Поссорились?! — перебил ее Ханс. — Это слишком мягко сказано, мадам! Пока мы несли Лору домой, Эрмин без конца повторяла, что она чуть не убила свою мать. Бедное дитя в ужасном состоянии. И когда я думаю, что мы сейчас должны быть в поезде за чашкой английского чая с печеньем... Мы бы уже подъезжали к Шикутими!

Пианист упал на стул и залпом опустошил свой стакан, в который Мирей только что долила еще бренди.

— Лора чудесным образом осталась жива, — добавила Элизабет. — Возблагодарим за это Господа, все остальное не важно. И уж тем более не время сожалеть об английском чае и печеньях. Вам, сдается мне, досадно, что поездка в Квебек не состоялась, но представьте себе, месье Цале, как бы мы горевали, если бы случилось непоправимое.

— Вы правы, мадам, — согласился Ханс. — Но я никак не могу прийти в себя...

Эрмин сидела у изголовья матери и, глядя на ее красивое лицо, думала о том же, что и ее дорогая Бетти. Лора, казалось, дремала. На повязке проступило пятнышко крови. Девушка снова заплакала.

— Мама, я тебя люблю! Мне так стыдно, — пробормотала она. — Не знаю, почему я так разозлилась, почему так тебя возненавидела. Ты ведь могла сказать, что Мари Шарден лжет, но нет, ты нашла в себе смелость рассказать правду! Это я должна просить у тебя прощения. Я оскорбила тебя, толкнула с обрыва. Господи, если бы ты умерла, я бы умерла тоже!

Она бросилась на колени перед постелью, спрятала лицо в одеялах и плакала, плакала... Лора протянула руку и погладила дочь по волосам.

— Не плачь, моя хорошая. Как видишь, Господь нас уберег. Мы выбрали не лучшее место для ссоры — рядом с обрывом, так близко к водопаду, в этом ты должна со мной согласиться. Я жива, Мимин. И я люблю тебя так сильно, как никого и никогда не любила. Я хочу, чтобы ты знала: даже если бы меня не спасли, я бы умерла счастливой, ведь этот год я провела с тобой, и это для меня наивысшее блаженство. Я слушала, как ты поешь, мы вместе завтракали, проводили вместе вечера, когда метель сотрясала стены и крышу... Теперь между нами нет тайн. И если ты меня еще любишь, остальное не важно.

Эрмин посмотрела на мать с бесконечной нежностью, к которой, тем не менее, примешивался стыд.

— Знаешь, мне все равно, что было в прошлом. Я так испугалась, что потеряла тебя! Я без конца возвращаюсь в тот момент, когда ты упала. Мне показалось, что еще секунда — и я тоже умру. Но я не могла пошевелиться, могла только кричать...

Эрмин покрыла поцелуями мизинец Лоры.

— Так было нужно. Как говорят, пришло время вскрыть нарыв. Это ужасное письмо ранило тебя в самое сердце и не оставило мне выбора, нам нужно было поговорить. Все хорошо.

— Да, теперь все хорошо. Тебе не очень больно? Ханс думает, что у тебя сломана правая рука.

— У меня очень болит плечо, но я куда больше боюсь боли душевной, чем телесной. Наверное, я сломала руку, когда цеплялась за этот пень. Лбом я ударилась о камень. Такое странное ощущение, когда падаешь спиной в пустоту, когда уверен, что умрешь, и все-таки пытаешься выжить любой ценой... Я никогда не смогу понять, как мне удалось уцелеть.

— У тебя есть ангел-хранитель, — сказала Эрмин, которая одновременно плакала и смеялась.

— Может быть... Но Ханс повел себя как герой. Я не думала, что он способен спуститься по склону, рискуя упасть!

— Эта правда, он не колебался ни секунды, — подхватила девушка. — И я до сих пор не поблагодарила его. Я не осмелилась посмотреть ему в глаза. Ни ему, ни Бетти. Они знают, что это я тебя толкнула. Я сама им сказала.

— Я все устрою, об этом не тревожься. Я совру еще один раз, последний.

Мирей постучала и пропустила в комнату доктора. Пока он осматривал Лору, Эрмин стояла в коридоре перед спальней и с ужасом думала о том, что ее мать наверняка увезут в ближайшую больницу.

«Я буду ухаживать за ней, буду читать вслух, — говорила она себе. — Астры еще цветут, и я расставлю в ее спальне букеты».

Злости и презрения как не бывало. Ей стало казаться, что теперь она любит мать еще сильнее. Доктор Демиль наконец вышел и ободряюще улыбнулся девушке.

— Не беспокойтесь, мадемуазель, — сказал он, потрепав Эрмин по щеке. — Ваша мать поправится, но будет лучше, если она пару недель полежит в постели. Переломов нет, но есть небольшое растяжение мышц плеча. Я наложил бандаж. Ей следует поменьше шевелить правой рукой. Что до раны на лбу, то она скорее пугающая, чем серьезная, — большая гематома и царапина. Я оставил рецепт экономке. Послезавтра снова к вам заеду.

Эрмин задохнулась от радости. Она сердечно поблагодарила доктора и влетела в комнату матери. Мирей поправляла подушки и одеяла, расспрашивая Лору о том, что ей хотелось бы съесть за ужином. С обрадованной улыбкой на лице экономка выскользнула в коридор.

«Жизнь продолжается, — подумала Эрмин. — Наша милая рутинная жизнь... У меня будет время приласкать маму и поговорить с ней. Она пережила столько испытаний со дня своего приезда в Квебек!»

Лора сидела, опершись спиной о подушки. Она встретила дочь улыбкой.

— А я оказалась крепче, чем можно подумать! — пошутила она. — Мой отец часто говорил, что от сорняка так просто не избавишься.

— Прощу тебя, не говори так! — взмолилась Эрмин.

— Сядь поближе, дорогая. Я попросила Мирей позвать всех сюда. Потом я немного посплю.

— Ты ведь не расскажешь им правду?

— Нет. Это могло бы испортить наши отношения с Маруа и даже с Хансом! Ты сожжешь письмо Мари Шарден. Там, у плотины, я рассказала тебе не все. Дело в том, что твой отец, познакомившись со мной и полюбив, совершил ошибку, рассказав обо мне своим родным. Он надеялся получить поддержку, сочувствие. Но случилось обратное. Шардены пришли в ужас и запретили ему приближаться ко мне. Они поссорились, в ход пошли угрозы. Патриарх, старый Гедеон, будь его воля, сжег бы этот рассадник греха, в котором я находилась, вместе со мной. Но твой отец был упрям: вырвав из рук палача, он привел меня в дом своих родителей. Однако мы не успели даже переступить порог — Мари плюнула мне в лицо.

Голос Лоры звенел от застарелой боли. Эрмин приложила палец к ее губам.

— Т-с-с! Побереги себя. Впереди зима, и у нас будет время об этом поговорить.

— Но ведь они католики, — продолжала ее мать. — Разве не сказал Иисус, когда народ собирался побить камнями грешницу: «Кто из вас без греха, первый брось в нее камень». Надо думать, Шардены считали себя безгрешными, безупречными...

Раздался стук в дверь. Лора собралась с силами, приготовившись защищать свое дитя. Вошли Жозеф, Элизабет, Арман, Эдмон, Шарлотта и Ханс и встали вокруг постели.

— Дорогие друзья, — начала молодая женщина, — я позвала вас, чтобы прояснить происшествие, которое многим показалось странным, а у иных вызвало тревогу. Все началось с письма моей невестки Мари Шарден. Эта женщина ненавидит меня за то, что я, иностранка, иммигрантка, по ее мнению, испортила жизнь ее брату Жослину. Эрмин прочла в этом письме вещи, которые глубоко ее оскорбили. Она рассердилась на меня и убежала. Я лгала ей, стараясь удержать от общения с этими злыми, скорыми на расправу людьми. Я хотела оправдаться перед своей любимой девочкой и поднялась вслед за ней к плотине. Предполагаю, что очевидцы, с которыми нас разделяла высота в двести тридцать футов, могли подумать, будто мы поссорились, но это не так. Порвался ремешок сандалии, и она стала спадать с ноги. У меня же часто случаются головокружения. Я оступилась и была так близко к обрыву, что потеряла над собой контроль. Охваченная паникой, я крикнула, что сейчас упаду. Эрмин попыталась меня удержать, успокоить, но я вырвалась и потеряла равновесие. Естественно, моя дочь решила, что она во всем виновата, но это не так. Мы обе были в состоянии шока, это случается с такими эмоциональными женщинами, как мы. Поэтому забудьте о том, что говорила Эрмин по дороге домой. Девочка была так напугана, что сама не знала, что говорит. Теперь я вне опасности, и я воспользуюсь этим принудительным отдыхом, чтобы принимать гостей, вязать, вышивать, читать...

— Дорогая Лора, трудновято вязать или вышивать одной рукой, — с улыбкой заметила Элизабет.

Мирей рассмеялась, но ее веселость была наигранной. Жозеф потирал подбородок. Он не поверил ни единому слову из рассказа Лоры.

— Хорошо, что я быстро нашел веревку! — вмешался в разговор Арман. — Я видел, как вы падали, мадам Лора, и Эрмин не успела бы вас удержать, это точно!

Сама девушка все это время стояла, опустив голову, и машинальным движением разглаживала складки на юбке. Ей хотелось опровергнуть слова

матери, еще раз перед всеми признаться в содеянном.

«Я должна уважать волю матери, — урезонила она себя. — Эта история шита белыми нитками, но, если они готовы удовлетвориться ею, уже хорошо. И все-таки мама упомянула об этом ужасном письме... Это придает вес ее словам. Ни Маруа, ни Ханс не станут докапываться до правды».

Ханс вздохнул с облегчением, и так громко, что все в комнате его услышали. Таким образом пианист выразил свою готовность принять версию Лоры.

— Я верил, что наша дорогая Эрмин не могла поступить плохо или жестоко, — тихо сказал он.

— Конечно, нет, — подхватила Элизабет. — Дети, поцелуйте Лору, и мы уйдем. Ей нужен покой.

Маленький Эдмон вынул из кармана засохшую ромашку и протянул ее молодой женщине.

— Это для вас, мадам, мой подарок.

— Спасибо, мой хороший. Твою ромашку я положу в книгу вместо закладки.

Эрмин подвела к кровати матери Шарлотту. Девочка легонько прикоснулась губами к щеке Лоры.

— Вы так приятно пахнете рисовой пудрой, — сказала она. — Совсем как Бетти. Мне нравится этот запах.

— Я подарю тебе коробочку пудры, — отозвалась Лора. — Ты сможешь припудривать свою куклу.

Жозеф вышел из комнаты, следом за ним поспешил Селестен. Садовник в знак прощания приподнял свой картуз и быстро спустился по лестнице, словно опасаясь услышать комментарии гостя.

«Наивные, попались на удочку! Если бы я захотел, то припер бы Эрмин к стенке и заставил рассказать, как все было. Но мне это ни к чему...»

Он остановился на крыльце, под навесом, и раскурил трубку. Сейчас его единственной заботой стало сохранение своего брака. Ради того, чтобы вернуть любовь Бетти, он делал все так, как она хотела: смирился с присутствием в доме Шарлотты, стал мягче относиться к шалостям своих сыновей.

«Эрмин скоро выйдет за Цале, и я перестану быть ее опекуном. Хватит с меня этих дам Шарден...»

Элизабет подошла к мужу и, просунув пальчик за воротник сорочки, погладила его по шее.

— Идем домой, Жо. Я еле стою на ногах. Мне и так нездоровится, а тут еще эта ужасная история...

Рабочий испуганно посмотрел на жену.

— Ты не больна, Бетти?

— Нет, но в этом месяце у меня задержка, — прошептала она. — Большая задержка. И утром меня тошнило.

Жозеф обнял супругу.

— Ты хочешь сказать...

— Конечно, старый дурачок! — откликнулась Элизабет и потерлась своей гладкой щекой о его загорелую щетинистую щеку. — Я не рожая по ребенку в год, как другие женщины в этой стране, но стараюсь, как могу.

— Идем скорее, моя Бетти! — пробормотал Жозеф.

В глазах рабочего стояли слезы.

И только Ханс задержался с отъездом. Эрмин нашла его в гостиной. Вечера стали прохладнее. Селестен растопил красивую голландскую переносную печку.

— Мама уснула, — сказала девушка. — Оставайтесь и поужинайте со мной.

Музыкант посмотрел на нее, и в этом взгляде девушка прочла смутное недоверие. Она подошла, взяла его руки в свои.

— Я навсегда запомню ваш мужественный поступок, Ханс. Вы настоящий герой. А я... Я так испугалась...

Она вспомнила ужасное ощущение страха и полной неспособности шевельнуться, вспомнила, как по ногам побежала моча. Девушка до сих пор стыдилась того, что организм отреагировал на стресс подобным образом.

— Моя дорогая Эрмин, — ласково сказал Ханс, — нужно постараться забыть о событиях сегодняшнего дня. Я сожалею о случившемся. Я с такой радостью отправился бы в путешествие с вами и вашей матушкой! И как быть с прослушиванием в Квебеке? Возможно, мы отправимся туда через несколько дней?

Эрмин покачала головой и прижалась к нему. Он погладил ее по спине, нашел губами ее губы. Она приняла этот поцелуй, но ни тело ее, ни сердце не ответили. Девушка испытывала по отношению к Хансу искреннюю признательность за его поступок и уже давно решила, что станет его женой, поэтому сочла уместным разыграть маленькую комедию. Ханс еще не оправился от шока, эмоции били через край, потому в этот раз его поцелуи и ласки были более настойчивы и смелы, чем обычно, когда они, как было принято говорить в те времена, флиртовали. Эрмин притворилась,

что испытывает столь же сильное влечение и так же сильно возбуждена.

— Мой милый маленький соловей, — шепнул ей на ухо Ханс, — как мне не терпится стать вашим супругом!

Эти слова эхом отдались в сознании девушки. Она мгновенно поняла, что они означают. Она отстранилась от музыканта под предлогом, что нужно задвинуть шторы.

«Не знаю, смогу ли я пойти до конца и выполнить данное Хансу обещание. В его объятиях я ничего не чувствую».

Она подумала о матери. О проституции девушка знала мало, но понимала, что это сексуальные отношения двух людей, которые не испытывают чувств друг к другу.

«Разве с этим можно примириться? — удивлялась она. — Но маме пришлось, потому что тот человек посадил ее под замок и бил. Но, когда я окажусь в постели Ханса, мне придется отдать ему мое тело, позволить делать с собой все, что он захочет...»

Эрмин с трудом сдерживала слезы. Она вспомнила о сладостных ощущениях, пережитых рядом с Тошаном.

«Как только его руки коснулись меня, я оказалась в раю. Внизу живота стало тепло, я вся горела, а когда он меня поцеловал, чуть не потеряла сознание. Я могла бы целоваться с ним часами. Мне показалось, что мы становимся единым целым, вместе исполняем священный ритуал — ритуал истинной любви...»

Ханс видел, как девушка содрогнулась всем телом и разрыдалась.

«Тошан мертв, и мне никогда не быть счастливой. Ни один мужчина не даст мне того, что он подарил за несколько секунд», — говорила она себе.

— Эрмин, что с вами? — с тревогой спросил пианист.

Он попытался ее обнять, но девушка довольно резко оттолкнула его руки.

— Думаю, всему виной нервы, дорогой мой Ханс. Возвращайтесь в Роберваль, а я пойду спать. Мирей принесет мне бульон.

— Конечно, я понимаю, — вздохнул он. — Тогда до завтра!

Эрмин слушала, как удаляется шум мотора. Когда стало тихо, она подошла к печке, открыла дверцу и бросила в огонь письмо Мари Шарден. Она смотрела, как листок бумаги рассыпается пеплом. Жар огня напомнил ей, какую ужасную смерть принял Тошан.

— Его прекрасное лицо сожрало пламя, его черные волосы, его белые красивые зубы... И губы, такие нежные... Огонь стер его с лица земли, единственного, кого я так ждала, кого я люблю больше всего на свете...

Мирей нашла Эрмин сидящей на полу в полной темноте.

— Ты почему сидишь тут совсем одна? — спросила экономка. — Мадам проснулась. Ей будет приятно поболтать. И что за манера сидеть на полу, словно индианка!

Эрмин неуверенно встала.

— Хотела бы я быть индианкой, Мирей. Жить в лесу, быть свободной в своем выборе... Но уже слишком поздно.

Эрмин вышла из гостиной. Озадаченная экономка включила свет.

— Что за мысли бродят в голове у нашей девочки, — задумчиво протянула она. — Если ей так нравятся дикари, зачем выходить замуж за блеклого простофилю, пресного, как несоленая отбивная? Но это не мое дело. Спасибо, Господи, я-то осталась старой девой!

* * *

Роберваль, 24 декабря 1931 года

Церковь Сен-Жан-де-Бребеф сияла золотистыми огнями свечей и электрических люстр. В этот святой вечер все скамьи и боковые приделы были полны прихожан.

— Первая рождественская месса в новой церкви, — говорила одна из дам своей соседке. — Мы ждали этого с марта. Мне уже стало казаться, что строительные работы никогда не закончатся. Но оно того стоило, какая получилась красота! Самая красивая церковь в регионе!

Возле крестильных купелей стояли ясли. За статуэтками Марии и Иосифа виднелись глиняные фигурки лежащих на соломенной подстилке быка и ослика. Не хватало только маленького Иисуса, но его фигурку кюре принесет в полночь.

Внезапно по аудитории пробежал шепот. Некоторые вытянули шеи. Заплакал ребенок, которого случайно толкнул его братик.

— Снежный соловей будет петь!

— Посмотрите, вон она, молодая девушка возле алтаря!

— Какая она красивая!

Эрмин улыбалась в пустоту, безразличная к энтузиазму, вызванному ее появлением. Священник между тем расставлял вокруг певицы детей, которые пели в хоре. Лора и Ханс сидели на скамье в первом ряду. Оба с нетерпением ожидали начала выступления.

— Платье так ей идет, — сказала пианисту Лора.

— Моя невеста прекрасна, — ответил он. — И так талантлива!

Темно-синее приталенное платье с широкой юбкой восхищало его куда меньше, чем нежная округлость груди и стройная белая шейка девушки, украшенная жемчужным ожерельем. Волосы Эрмин были собраны в высокий шиньон, усеянный перламутровыми цветами. Девушка была очень хороша собой и соблазнительно женственна. Лора, одетая в узкое черное платье со стразами, тоже привлекала немало мужских взглядов. Она недавно подстригла и завила свои платиновые волосы, что сделало ее еще моложавее.

Наконец прозвучали первые аккорды фисгармонии. Эрмин запела «Святую ночь» — гимн, который они накануне репетировали с Хансом. Будущая семейная пара возобновила уроки пения и музыки, пока Лора поправлялась, и та получила возможность в своей спальне наслаждаться пением дочери.

Полночь, о братья, —
Священный тот час,
Когда к нам снизошел Господь...

Чудо повторялось снова и снова. Ясный и сильный голос девушки, усиленный прекрасной акустикой храма, звучал в полной тишине, вызывая всеобщее уважение и восторг. Люди смотрели на ее тоненькую изящную фигурку и удивлялись, как такая малышка может издавать столь гармоничные и прекрасные звуки.

На колени, люди!
Ждите Рождества!
Но-эль, Но-эль...

Эрмин отдалась пению. Ее ясные голубые глаза были устремлены на распятого Христа, пролившего свою кровь ради спасения всего человечества. Даже закончив песню, она не могла отвести от него взгляд.

Далее ей предстояло исполнить «Ангелы в нашем краю» и закончить гимном «Тихая ночь». Подслеповатый семидесятилетний пианист за фисгармонией не торопился начинать новую песню. Он отказался уступить свое место Хансу Цале, и тому пришлось довольствоваться ролью зрителя. Он наслаждался счастьем, гордый своей ученицей и тем, что сидит рядом с такой красивой дамой, как Лора.

Наконец зазвучала музыка, и Эрмин запела. Чуть дальше от алтаря сидело семейство Маруа. Элизабет в восхищении вслушивалась в проникнутый волнением голос девушки: «Еще немного, и моя Мимин расплачется! Как она хороша собой! И какой талант! Она кажется ангелом, сошедшим с неба!»

Шарлотта сжала руку приемной матери, шепнув ей, что это прекрасное Рождество. Лора пригласила Маруа на ужин после мессы. На улице шел снег, и столбик термометра опустился до минус пятнадцати, но дороги еще не занесло. Селестен поставил на роскошный автомобиль своей хозяйки специальные зимние покрышки. Снедаемый завистью Жозеф по пути в город пообещал себе, что к старости купит такую же машину.

Эрмин перевела дыхание, прежде чем начать гимн «Тихая ночь». Она снова посмотрела на Христа с полузакрытыми глазами и терновым венцом на лбу. Она часто обращалась к чтению Евангелия, и в этот праздничный вечер постоянно напоминала себе о том, что Спаситель завещал любить ближнего, как самого себя.

«Господи, дай мне силы сделать Ханса счастливым», — взмолилась она, не осмеливаясь поднять глаза на своего жениха. На пальце у нее был аквамарин в оправе из серебра, подаренный Хансом пятнадцатого декабря, в день ее семнадцатилетия.

По этому случаю Лора устроила праздничный обед.

«Господи, я пообещала, что двадцать первого мая стану его женой и мы проведем медовый месяц во Франции! Но он для меня только друг...»

Ночь святая, ночь чудес!
Звезды свет струят с небес,
Совершилось, чему надлежит,
И младенец, что в яслях лежит, —
Это Божья любовь,
Это Божья любовь...

В глубине зала, опершись о колонну, стоял и слушал какой-то мужчина. Голос молодой певицы волновал его, будил в памяти счастливые воспоминания. Благонравные робервальские дамы недовольно косились на его странный наряд. Устав от перешептываний и недвусмысленных улыбок молодой нарядной дамы, он вышел из церкви и зажег сигарету.

Спустя полчаса зазвонили колокола. Прихожане направились к выходу. Мороз усиливался. Стояла светлая и звездная ночь. Толпа начала

рассеиваться. Эрмин и Лора вышли, держась за руки, обе в меховых шубках и шапках. Их украшения сверкали в свете уличных фонарей. Ханс, в цилиндре и каракулевой шубе, засыпал невесту комплиментами.

— Мой милый соловей, вы снова усладили наш слух своим райским пением, — говорил он.

Следом за ними вышли Маруа.

— Я голоден, — пожаловался Жозеф.

— После моего ужина вы не сможете идти, — гордо пообещала Мирей, чьи губы были ярко накрашены дешевой помадой.

Эрмин слушала их разговор, но мысли ее были далеко. Она увидела, как по бульвару Сен-Жозеф, на который выходила паперть, пробежал рыжий кот. Животное направилось к стоявшему неподалеку мужчине. Она окинула незнакомца взглядом. У него были длинные черные волосы и загорелое лицо. Одет он был в странную кожаную куртку с бахромой и кожаные сапоги. В темноте светился красный огонек, и она поняла, что он курит. Наконец фары проезжавшего автомобиля осветили его лицо.

«Тошан! Это он, я его узнала! Тошан, он жив!»

Не думая больше ни о чем, она бросилась навстречу своей любви, которую считала потерянной и которую ей только что вернула ночь.

Глава 17. Соловей улетает

Роберваль, 24 декабря 1931 года

Эрмин остановилась в трех шагах от молодого человека и внимательно посмотрела на его лицо, желая удостовериться, что все это ей не снится. На какое-то мгновение она решила, что стала жертвой галлюцинации, потому что Тошан, вне всяких сомнений, увидев ее, улыбнулся бы, бросился бы ей навстречу... Неужели перед ней случайный прохожий, тоже метис, настолько похожий на Тошана, что она могла обознаться?

— Это ты? — спросила Эрмин срывающимся голосом. — Тошан, это ведь ты?

Вместо ответа он отшвырнул в сторону окурков и смерил ее взглядом с головы до пят.

— Ты меня узнаешь? — спросила девушка. — Я могла измениться, это нормально, ведь прошло полтора года.

Чем дольше всматривалась Эрмин в его надменные черты, в рисунок его губ, тем меньше у нее оставалось сомнений. Даже если бы он явился перед ней обезображенный, она бы не ошиблась, увидев эти черные глаза, страстные и грустные.

— Да, это я, — сказал он наконец. — Но я не уверен, что нам есть о чем говорить с вами, мадемуазель.

Он говорил ей «вы». Сделал ударение на слове «мадемуазель» и произнес его презрительно. Но все это не обескуражило Эрмин. Она сделала еще шаг вперед, сходя с ума от радости, ведь Тошан наконец был рядом.

— В моей памяти осталась девушка в простом льняном платье, с которой я повстречался на лугу, и девочка-подросток в шерстяной шапочке, — сказал он. — Но теперь ты выглядишь роскошной дамой, вся в мехах, драгоценностях и с накрашенным лицом...

— Я оделась так к рождественской мессе, — попыталась объяснить она. — Я должна была петь, поэтому выбрала нарядное платье... Все это не важно!

Эрмин этот разговор казался глупым. Они с Тошаном чудом встретились — и говорят об одежде и косметике!

— Тошан, я думала, что ты умер, — сказала она. — Я прочла о тебе в газете в прошлом апреле. Там было написано, что Клеман Дельбо сгорел

заживо во время пожара в хижине на лесоразработках в Абитиби. Я так горевала! Но в глубине души верила, что однажды мы снова встретимся. Ты давно в Робервале? Ты приходил за мной в Валь-Жальбер? Не молчи!

Ей хотелось потрясти его за плечи, чтобы заставить заговорить. Он же продолжал смотреть на нее, иронически улыбаясь.

— Разумеется, такая дама только и умеет, что отдавать приказы, — тихо сказал он. — Зря я пришел. Я узнал, что ты будешь петь в церкви Сен-Жан-де-Бребеф, проходил мимо и решил зайти.

— Ты не проходил мимо, — возразила она. — Ты пришел, чтобы меня увидеть. Зачем ты все усложняешь?

— Потому что ты слишком сильно переменилась. Я жалею о том, что пришел. В церкви все на меня косились. Но я крещен и имею право слушать мессу вместе с остальными.

Эрмин с растерянным видом обернулась. Все Маруа, Лора и Ханс продолжали стоять на паперти. Они что-то оживленно обсуждали, и только пианист сделал ей знак вернуться. Она же взмахнула рукой, прося подождать.

— Тошан, с прошлого лета много чего произошло. Я хочу рассказать тебе все, но сейчас у меня нет на это времени. Тошан, ты вернулся, и ты жив! Я так счастлива! Разреши мне прикоснуться к тебе!

Он посмотрел на нее и, судя по всему, по выражению ее лица понял, что она не лжет, потому что взгляд его смягчился. Девушка коснулась его щеки... Руки... Ее охватила радость, граничащая с экстазом. Волны тепла разливались по телу, делая его легким, как пушинка.

— Мой Тошан, я никогда не переставала любить тебя...

— Ты не замужем? — спросил он.

— Нет! Нет! Нет! — пропела она и бросилась ему на шею.

Тихий голосок в глубине души что-то забормотал о бедном Хансе, но она не хотела ничего слышать.

Жозеф указал пальцем на Эрмин и незнакомца. Потрясенная происходящим Элизабет взмолилась:

— Ты должен вмешаться, Жо! Это какой-то бродяга! Он напился и пристает к Мимин!

— Подождите, — остановила Жозефа Лора. — Если бы это было так, Эрмин позвала бы на помощь. Возможно, она встретила товарища по монастырской школе. Подростки растут так быстро...

Ханс покраснел от удивления и обиды. Он обратился за поддержкой к своей будущей теще:

— С каких это пор воспитанные девушки обнимают школьных

товарищей на улице в сочельник? Да еще на глазах у своего жениха?

— Какой-то подозрительный тип, — сказал Жозеф. — Еще один неудачник, метис, который пришел сеять смуту.

Метис... В устах рабочего это слово прозвучало как ругательство, но Лора вздрогнула. Она мгновенно поняла, что речь идет о Тошане Дельбо.

«Господи, он не умер! Эрмин не бросилась бы навстречу незнакомцу, — испуганно подумала она. — Что же теперь будет?»

— Смотрите, Мимин возвращается! — воскликнул Арман.

Девушка остановилась посреди улицы, между Тошаном и своей матерью. Она буквально светилась от счастья. Никто и никогда не видел ее такой красивой и очаровательной, как в эту минуту.

— Прошу вас, дайте мне еще немного времени, — дрожащим от волнения голосом сказала она. — Это Тошан, Тошан Дельбо. Я должна с ним поговорить. Мама, прошу тебя, объясни им...

Лора на ходу придумала какое-то объяснение, потом энергично взяла Ханса под руку.

— Мы подождем тебя в «Château Roberval», дорогая. Горячий чай поможет нам согреться! Селестен, оставьте машину здесь, я вас приглашаю. Мирей, возьми на руки маленького Эда, он засыпает на ходу. Жозеф, идемте!

Рабочий вполголоса повторял имя: «Тошан Дельбо»... Прищурив глаза, он сердито и с подозрением смотрел на длинноволосого незнакомца.

— Я где-то видел этого парня, — проворчал он.

— Жозеф, идем. Не вмешивайся! — тихо сказала ему Элизабет.

Эрмин стояла и смотрела им вслед. Ханс обернулся, и в его выразительном взгляде она прочла все обуревавшие его эмоции. Но Эрмин не сжалилась над ним и вернулась к Тошану.

— Сколько минут тебе дала твоя семья? — презрительно спросил он. — Мне нужно быть настороже, они могут вызвать полицию.

— Не сердись так, — тихо попросила Эрмин. — То, что я вижу тебя, — чудо. Только что, когда я пела в церкви, я смотрела на распятие и просила Христа помочь мне. Увидеть тебя на противоположной стороне улицы — это было как воплощение мечты, как божественный знак, как если бы ты воскрес, потому что я так этого желала...

Руки Эрмин скользнули под плотную куртку, пахнущую сырой кожей. На Тошане был толстый шерстяной свитер, но она все равно ощутила тепло его тела. Он склонил голову и посмотрел на нее долгим изучающим взглядом. Его нервные пальцы поглаживали мех куницы, защищавший девушку от холода.

— Ты правда рада, что я вернулся? — спросил он тихо.

— Да! Очень рада! — выдохнула она, устремляясь в его объятия. —
Прошу тебя, обними меня, обними крепко!

Он прижал ее к себе и зарылся носом в шелковистые, пахнущие розовым маслом волосы. В следующее мгновение их губы соприкоснулись и слились в бесконечном поцелуе. Эрмин не ощущала неловкости и стыда, как это часто бывало, когда ее целовал Ханс. Каждая клеточка ее тела знала, как ответить на прикосновение того, кого она так долго ждала. Их языки играли друг с другом, их жадные губы не могли друг другом насытиться. Тошан, ослепленный страстью девушки, дрожал от возбуждения. Она же не могла оторваться от него — сладострастная, открытая ласкам, опьяненная внезапным пробуждением своего девственного тела. Груды ее набухли, внизу живота рождались тысячи восхитительных ощущений.

— Едем со мной, — прошептал он, переводя дыхание. — Едем прямо сейчас! Иначе семья тебя не отпустит. Я отвезу тебя к матери. Я уже сказал ей, что мы приедем вдвоем.

— Сначала нам нужно поговорить, — сказала девушка, касаясь пальцами его щек, лба, кончика носа.

— О чем? Горожане, фермеры, они слишком много говорят, но в их разговорах нет ни крупицы правды. Они строят электростанции, лесопилки, вырубают деревья и меняют течение рек. Железная дорога разрушает невидимые пути, проложенные по нашей земле. Я больше не стану работать на тех, кто уничтожает леса. Это правда, я чуть не погиб на пожаре. Мое имя напечатали в газете, но я успел выбраться из хижины. Во сне пришла мать и предупредила меня. «Вставай, мой сын, — сказала она. — Иначе вас пожрет пламя». Я проснулся и стал будить своих напарников. Но этим вечером мы как раз получили зарплату, и они напились. Они были уже мертвы, задохнулись в дыму, и я не мог их спасти. Потом обрушилась крыша. Моя одежда загорелась, я выполз наружу и стал кататься по земле. Я содрал с себя одежду и побежал к лесу. Там я зарылся в снег, чтобы смягчить боль от ожогов. У меня вся спина в шрамах, и пониже спины тоже.

Эрмин залилась краской. Представив Тошана обнаженным, она испытала такое волнение, что почти позабыла о трагической стороне рассказа.

— Но почему в газете написали, что ты тоже погиб? Твоя мать, наверное, очень горевала.

Тошан засмеялся, отчего его лицо стало еще красивее.

— Моя мать не читает газет, а если бы даже и читала, сердце подсказало бы ей, что я жив, — пояснил он. — Мой дед был шаманом, и он передал ей умение прибегать к помощи сил, которые белые, в отличие от индейцев, считают таинственными.

— Странно, обычно они не пишут, что кто-то умер, если на самом деле он жив, — продолжала сомневаться Эрмин. — Для меня это стало большим горем.

— На лесозаготовках нас разбили на бригады по три человека и каждой присвоили номер. Наша хижина значилась под тем же номером. Поэтому они решили, что погибли все трое. Газетчики любят страшные заголовки, они хорошо продаются. Чем больше трупов, тем для них лучше.

Слова Тошана были проникнуты горечью, причины которой были Эрмин непонятны. Она прижалась к нему и обняла еще сильнее.

— Значит, тебе ничего не мешало прийти на свидание? — осмелилась она спросить. — К июлю ты уже поправился...

— Раны на теле зарубцовываются куда быстрее, чем раны душевные, — ответил Тошан. — Мать вылечила меня. Но дорога к ней была долгой. После пожара что-то в моей душе сломалось. У моих напарников были жены и дети...

— Я понимаю, — сказала она. — Но ведь ты мог мне написать, и тогда я бы не плакала днями и ночами.

— Зачем писать, если я не был готов увидеться с тобой?

Они могли бы проговорить всю ночь. Эрмин посмотрела на наручные часы, которые ей подарила ко дню рождения Лора, и вздохнула. Пора было возвращаться в «Château Roberval», к матери, но ей абсолютно этого не хотелось.

— Мне пора. Сегодня вечером у нас, в Валь-Жальбере, накроют праздничный стол, и Маруа приглашены в гости. Если я не вернусь в отель, они будут волноваться. Ты все поймешь, когда я расскажу тебе, сколько всего случилось за эти полтора года.

Тошан кивнул, но вид у него был недовольный.

— Вечером я проезжал через Валь-Жальбер, — сказал он. — Искал тебя. Поселок показался мне мертвым, нигде ни огонька. Лапуанты, которые живут возле дороги на Шамбор, помогли мне советом. Это от них я узнал, что ты будешь петь в церкви в Робервале. Я спрятал свои сани за складом, на вокзале, и там же привязал собак. Я могу переночевать с ними, подумаю, что лучше уехать прямо сейчас. Уехать с тобой, потому что ты все еще меня любишь.

Эрмин пребывала в растерянности. Это правда, при встрече с Тошаном

она испытала ни с чем не сравнимое счастье, но оставить мать и уехать из дома в сочельник, когда морозы крепчают с каждым днем, казалось ей неразумным.

— Тошан, думаю, нужно сделать все как положено. Я познакомлю тебя с мамой, и мы поженимся. Не могу же я уехать, как есть, в вечернем платье, без сменных вещей...

Взгляд его снова стал презрительным и высокомерным.

— У тебя есть все, что нужно. меховая шуба, ботинки. В санях ты не замерзнешь. Я укурую тебя одеялами и мехами. Не стоит даже пытаться вести меня к себе домой. Никто из твоих меня не примет.

Словно в подтверждение его слов издали донесся чей-то крик. На улице, кроме них, никого не было. Но вот Эрмин увидела бегущего Жозефа.

— Хватит! — закричал он. — Мимин, быстро в отель! Я все еще твой опекун, а ты несовершеннолетняя. А тебе, индеец, советую держаться от нее подальше. Белые женщины не для таких бродяг, как ты. Убирайся, и поскорее, а не то...

— Жозеф, замолчите! — возмущенно воскликнула Эрмин. — Как вы можете? Я люблю Тошана.

За Жозефом по пятам следовал Селестен с железным ломом в руках. Как и Жозефу Маруа, ему не пришелся по нраву цвет кожи молодого человека. Эрмин испугалась. Это было похоже на оживший кошмарный сон. Она попыталась защитить Тошана, загородив его от взбешенных мужчин, но тот ее оттолкнул. К счастью, вслед за Жозефом и Селестеном прибежали Лора с Элизабет. Мирей, не такая проворная, догоняла их вместе с детьми. Арман подбежал к отцу и схватил его за руку.

— Папа, не надо!

Рабочий обернулся и занес руку для оплеухи, но, перехватив разъяренный взгляд жены, замер. Лора приказала Селестену бросить лом.

— Вы уволены! — категорично и холодно сказала она. — Завтра вы покинете мой дом. Я не потерплю такого поведения.

Тошан, воспользовавшись суматохой, шепнул Эрмин на ухо:

— Завтра утром я буду ждать тебя на лугу у мельницы. Если до полудня ты не придешь, я уеду и никогда больше не вернусь.

С этими словами он повернулся и исчез за углом. Девушка ощутила в душе ужасную пустоту. Она тотчас же осознала, что пути назад нет и она обязательно придет на встречу, которую снова назначил ей Тошан.

Возвращение в Валь-Жальбер обещало быть невеселым. Лора купила очень просторный автомобиль, с двумя рядами сидений сзади. Все заняли свои места, Селестен с понурым видом уже сидел за рулем.

Эрмин заметила, что с ними нет Ханса. Перед тем как сесть в машину, она тихо спросила у матери, где он.

— Решил, что будет лучше, если он вернется домой, — так же тихо ответила Лора. — Своим поступком ты разбила ему сердце. Я не собираюсь тебя упрекать, но и ты пойми его. Он знает, кто такой Тошан, поэтому больше не питает никаких иллюзий.

— Бедный, — сказала девушка. — Мне очень жаль его.

Она стянула перчатку, сняла с пальца кольцо, подаренное женихом в честь помолвки, и спрятала его в сумочку.

— Я верну его Хансу, мама.

Мирей и Элизабет о чем-то увлеченно перешептывались. Обе дамы догадывались, что произошло на самом деле. Эрмин притянула к себе сидящую рядом Шарлотту.

— Прости, дорогая, что я испортила тебе рождественский вечер, — шепнула она девочке. — Но я снова встретила с Тошаном, которого очень люблю. Да, Лолотта, я снова встретила мою единственную любовь!

— Я говорила тебе, что он вернется, — тихо отозвалась девочка.

Она прижималась так доверчиво, что у Эрмин стало легче на душе. Она поцеловала Шарлотту в лоб. Путь из Роберваля в Валь-Жальбер показался ей бесконечным. Фары автомобиля освещали деревья с обледеневшими ветками, с которых декабрь сорвал последние листья. Когда они уже повернули к поселку, из лесу выбежал большой лось, а следом за ним — трое молодых. Эдмон закричал от восторга.

«Это знак, — подумала Эрмин. — Я должна уехать вместе с Тошаном, несмотря на холод, несмотря на все, что меня здесь удерживает».

Она никогда прежде не задумывалась о судьбе и знаках свыше, поэтому решила, что причина в особом настроении, которым были проникнуты все ее встречи с молодым метисом. Он никогда не говорил вещей банальных или пошлых. Его слова трогали ее душу, как и то, что он подразумевал.

Лора смотрела на дочь, и страх нарастал в ее сердце. Ощущая на себе этот встревоженный взгляд, Эрмин то и дело поглядывала на мать.

«Неужели мама на меня сердится? — спрашивала себя девушка. — Или у нее появилось предчувствие?»

Жозеф сидел на переднем сиденье. Когда на фоне ночного неба вырисовался силуэт колокольни, он проворчал:

— Я устал, будет лучше, если я лягу. Остановите возле дома, Селестен. Мне перехотелось праздновать.

— Хорошо, Жо, — ответил садовник. — Мне же предстоит собирать чемоданы, чтобы завтра утром попасть на вокзал в Шамборе, даже если придется идти пешком. Я зайду попрощаться.

За эти месяцы между мужчинами установились дружеские отношения. Но Лору жалобные речи Селестена не растрогали.

— Вам стоило бы подумать, что вы собираетесь делать, Селестен! — сказала она. — Моя дочь разговаривала с другом, и вам не следовало руководствоваться примером месье Маруа, который не скрывает своих расистских взглядов, о чем я сожалею. Насилие и нетерпимость мне отвратительны.

— Я с вами согласна, Лора, — подхватила Элизабет.

— У меня есть право следить, с кем общается Мимин, — проворчал в свою защиту Жозеф. — Тем более что она обручена с Хансом. Хорошо будет наш Квебек, если люди забудут, что такое мораль и нравственность! Подумать только: ехать в Роберваль ради того, чтобы причаститься, и тут же обниматься с каким-то проходимцем!

— Он не проходимец, — возразила Эрмин. — В детстве Клеман Тошан Дельбо познакомился с моим отцом, Жослином. Тошан крещен, он католик, честный и работающий. Мы познакомились в Валь-Жальбере.

Шарлотта сжала пальцы девушки, словно желая поддержать ее.

— Я думала, что он погиб, иначе никогда бы не обручилась с Хансом. Я люблю Тошана, и мы поженимся.

— Никакой женитьбы! — взорвался Жозеф. — С таким, как он, бродягой, не знающим грамоты, счастливой ты не будешь!

— Жо, я думаю, что Лоре лучше судить об этом, — вступила в разговор Элизабет.

— Нет! Пока я официальный опекун Эрмин, я могу сказать «нет» этому браку. Посмотрим, станет ли этот парень дожидаться ее совершеннолетия, когда я уже ничего не смогу поделать...

Селестен довольно резко затормозил у порога дома Маруа. Рабочий вышел, хлопнув дверцей.

— А ведь я предупреждала вас, мадам, что нужно обратиться к юристам и решить вопрос с опекой вашей дочери, — со вздохом сказала Мирей.

Эдмон расплакался. Взрослые забыли, что сегодня Рождество. Эрмин утешала мальчика:

— Святой Николай положил тебе под елку подарок. И у нас будет

шоколадный торт!

Несколько минут спустя Шарлотта и Эдмон, удобно устроившись в кожаном кресле, слушали детские песни. Из кухни долетали вкуснейшие ароматы. В ярко освещенной гостиной, где стояла елка, украшенная красными и серебристыми шарами, пахло хвоей.

— Рождественский девичник — прекрасная идея! — заявила Элизабет. — По крайней мере, никто не поссорится и не станет кричать.

— А я, по-вашему, тоже дама? — пошутил Арман.

— Нет, ты все еще мой дорогой мальчик, безусый и безбородый, — ответила ему мать.

Лора, извинившись перед гостьей, поднялась к Эрмин, которая ушла к себе переодеться. Войдя, она увидела, что дочь разложила на кровати всю свою одежду.

— Как ты себя чувствуешь, дорогая? — спросила Лора. — Наверняка это был шок, когда ты узнала Тошана.

— Это был самый чудесный сюрприз в моей жизни, мама. Он вернулся как раз вовремя. Знала бы ты, как я не хотела выходить замуж за Ханса! Но теперь все прошло, Тошан пришел, и он меня любит.

Эрмин придирчивым взглядом осмотрела свои сапожки на бобровом меху, которые носила только в самые сильные морозы. Потом потрогала толстый шерстяной шарф.

— Ты можешь сказать мне, что замышляешь? — спросила Лора с улыбкой. — Ты права, Тошан вернулся, он не погиб в пламени, но ведь мы, как мне кажется, цивилизованные люди. Молодой человек может прийти ко мне завтра, и мы поговорим. Нужно найти способ убедить Жозефа дать разрешение на брак. Он расист, и это просто отвратительно. Он помешает тебе выйти за Тошана на том только основании, что в его жилах течет индейская кровь.

— А ты, мама? Ты относишься к этому нормально? Ты ведь не расистка? — всполошилась Эрмин.

— Лично я никогда не испытывала презрения или отвращения к людям, чей цвет кожи отличается от моего. Я слишком много выстрадала, когда оказалась на обочине жизни. Особенно трудно забыть оскорбления Шарденов. Когда я поняла, что в их глазах я — презренное существо, недостойное считаться человеком, я узнала, что чувствуют отверженные, парии. Те, кому плюют в лицо или кого пытаются убить куском железа. Господи, если бы можно было выставить Селестена за дверь прямо сейчас! Я уверена в том, что они обо всем сговорились с Жозефом!

Внезапно Эрмин бросилась к Лоре и обняла так же крепко, как перед

этим обнимала Тошана.

— Спасибо, дорогая мамочка, за то, что ты такая, какая есть! Спасибо за то, что не презираешь моего любимого, за то, что ты такая добрая и терпимая! Снова прошу тебя, прости меня за то, что я чуть тебя не убила. Я не заслужила такой матери, как ты, — умной, красивой и доброй!

Какое-то время они плакали вместе, осознавая силу любви, объединяющей их наперекор всему и всем.

— Ты собираешься уехать с Тошаном, верно? — спросила наконец Лора, вытирая щеки. — Я знаю, я сразу догадалась.

— Да, мама. Я хочу любить его до самой смерти. Он будет ждать меня до полудня на берегу реки Уэлле. Я должна уехать с ним, чтобы доказать, как сильно я его люблю. Он думает, что моя семья его не примет. И он не так уж неправ, хотя ты — исключение. Он отвезет меня к своей матери. Я никогда не говорила тебе, как я страдала, узнав, что он умер. Однако я запретила себе горевать, я решила, что смогу утешиться рядом с Хансом, позволяла ему целовать меня, но ничто не могло согреть мою душу или утешить. Я была холодна и ничего не чувствовала.

— Господи, я этого не знала! — воскликнула Лора. — Но ведь ты не...

— Нет, я с ним не спала, мама. Я верю в Бога. Даже с Тошаном у нас ничего не случится, пока священник нас не обвенчает. Ты правда меня отпустишь?

Лора не ответила. Она подняла с постели непромокаемую куртку с подкладкой из белого козьего меха, которую купила дочери прошлой зимой.

— Конечно, отпущу. Попробуй я запретить, ты бы ушла тайком, на рассвете, даже не попрощавшись. Я предпочитаю помочь тебе собраться, это одна из обязанностей матери. Нужно, чтобы у тебя было все необходимое. А пока давай спустимся и поужинаем. Завтра утром я помогу тебе подобрать одежду. Подари мне этот праздничный вечер, последний перед долгой разлукой.

В словах Лоры не было беспросветной грусти, скорее покорность судьбе. Эрмин, сердце которой разрывалось между горечью предстоящей разлуки и безграничной радостью, прижалась к матери.

— Ты права, нас ждет прекрасный вечер в компании Элизабет и детей. Я надену платье попроще и спущусь в гостиную.

* * *

Оставшись в спальне одна, Эрмин сняла роскошное темно-синее

бархатное платье и жемчужное кольцо, потом умылась холодной водой в своей туалетной комнате. Она вынула шпильки из шиньона и распустила волосы. Из зеркала на нее смотрела красивая юная девушка с розовыми щечками. Сапфирово-синие глаза сияли от радости.

— Я излучаю счастье, — пропела она. — Господи, спасибо! Прошу тебя, сделай так, чтобы мой Тошан и его собаки не замерзли и не страдали от голода. Я сумею утешить и согреть его: завтра вечером я буду с ним рядом. Мы разожжем костер в лесу и приготовим праздничный ужин.

Она поспешила надеть шерстяную юбку, бежевую кофточку и мягкие туфли. Потом бесшумно спустилась по лестнице и вошла в кухню. Ее намерением было взять несколько банок консервов, самых лучших из тех, что Мирей на всякий случай припасла в стенном шкафу. Она столкнулась нос к носу с экономкой, которая укладывала консервы в сумку и картонную коробку.

— А, это ты, Эрмин! Если уж пришла, скажи, что тебе больше по вкусу. Мадам приказала собрать для тебя еды. Я тоже не вчера родилась и все понимаю. Я буду по тебе скучать, моя крошка! Возвращайся поскорее!

Экономка посмотрела на девушку и вздохнула. С круглыми щеками и полными слез глазами на обрамленном седыми кудряшками лице, Мирей являла собой портрет идеальной бабушки.

— Какая ты милая, — пробормотала Эрмин, обнимая ее.

— Будь осторожна, у нас в доме завелся шпион, — тихо сказала экономка. — С Селестена станется побежать к твоему опекуну с доносом. Знаешь, если бы я была так же молода, как ты, и у меня был бы такой красивый возлюбленный, я поступила бы так же, честное слово! Но не будь слишком уступчивой, веди своего индейца в церковь!

— Мирей, я тебя обожаю, — прошептала Эрмин. — Поужинай сегодня с нами, умоляю!

— Ни за что! Мне за столом не место. Я подаю на стол и клюю понемножку с каждого блюда. Но прошу заметить, клюю тогда, когда несусь его обратно в кухню!

Эрмин с радостной улыбкой на лице вошла в гостиную. Танцующей походкой она приблизилась к Эдмону, погладила его по голове и всплеснула руками от удивления, увидев, что маленький столик стоит возле елки.

— Это Шарлотта придумала, — сказала Лора. — Арман и Бетти потихоньку его перенесли, чтобы сделать нам сюрприз.

— Я буду есть вкусности Мирей и видеть разноцветные огоньки на елке! — весело сказала девочка.

Никто не осмелился ей противоречить. Элизабет погладила ее по

волосам.

— Не грусти, мама Бетти, — добавила Шарлотта. — Я немножко вижу, вижу рождественские огоньки. И слышу запах елки. Это так чудесно!

Эрмин удивилась, услышав «мама Бетти».

— Скоро она станет говорить мне просто «мама», и я буду на вершине блаженства, — сказала Элизабет.

Лора пригласила всех за стол. Арман выпятил грудь, как молодой петушок, и Эдмону пришлось ущипнуть его под столом, прибавив звонко:

— Ты не один месье за столом, я тоже мужчина!

Все засмеялись, и верный тон праздничному ужину был задан. Мирей снова совершила чудо, подав на стол французские трюфели в обертках, вареную на пару семгу под соусом из белого вина и сливок, картофельные оладьи и маринованный лук. За ними последовали зажаренная индейка и фрикасе из репы.

Во время смены блюд гости и хозяева дома оживленно беседовали. Элизабет вспоминала свое детство, Лора, последовав ее примеру, рассказала о том, как играла на улицах родного Рулера, в далекой Фландрии. Эрмин слушала, обещая себе запомнить каждую минуту этого прекрасного вечера.

«Какие они красивые и забавные, мама и Бетти! Пожалуй, мне не стоит волноваться, они смогут составить друг другу компанию, когда я уеду».

Отъезд казался ей чем-то не совсем реальным. Начиная с завтрашнего дня она всегда будет рядом с Тошаном. Им о стольком нужно поговорить, столько узнать... Предвкушение и страх перед неизведанным будоражили ей кровь.

«Мне так хочется поскорее оказаться рядом с ним, — думала она. — Если он выжил во время пожара, если вернулся за мной, значит, мы предназначены друг для друга».

— Ты все время о чем-то думаешь, Мимин, — заметила Элизабет. — Почему ты никогда не говорила мне об этом Тошане, скрытная девчонка?

— Я не осмеливалась. Из-за Жо.

— Ну не все же время он дома! Ты могла мне рассказать... Но теперь, спасибо Мирей, я все знаю. У тебя не было солнечного удара, ты тогда узнала, что твой возлюбленный якобы погиб. Вот так история! Правда, я подозревала что-то подобное...

Арман с нетерпением ждал десерта. Лора это заметила и послала его в кухню поторопить Мирей.

Мальчик очень любил Эрмин. Вставая из-за стола, он сказал:

— Будет несправедливо, если отец запретит Мимин и Тошану жениться. Вы должны помочь им, мадам Лора.

— Не беспокойся, Арман, я помогу, — ответила та с улыбкой.

Шоколадный торт, покрытый розовой помадкой и украшенный засахаренными фиалками, имел огромный успех. Мирей согласилась присесть за стол и выпить чашку чаю. Она тотчас же получила подарок, завернутый в шелковистую сиреневую бумагу. В свертке оказалась фарфоровая пудреница с цветочным рисунком.

— Святой Николай подумал и обо мне? — удивилась экономка. — Господи Иисусе, кажется, я возвращаюсь в детство!

Эдмон прыснул. Он получил в подарок металлическую юлу, большую и очень красивую. Когда она крутилась, звучала веселая мелодия, а рисунки сливались в разноцветные линии. Шарлотте досталось банджо.

— Я так его хотела! — пробормотала девочка. — Я буду играть для тебя, мама Бетти!

Эрмин приготовила для каждого гостя перкалевый носовой платочек с вышитыми инициалами. На том, что предназначался матери, она изобразила соловья на ветке.

— Прекрасный подарок, дорогая! — воскликнула Лора. — Ты и в этом талантлива!

Девушка любовалась своим подарком — сундучком для украшений из красного дерева.

«Он останется дома, в моей спальне, — сказала она себе. — Если у меня родится дочка, я подарю сундучок ей. Дорогая мамочка, она не знала, покупая мне этот подарок, что в лесу он мне не понадобится!»

Она все больше сомневалась в неотвратимости своего отъезда. А не пригрезилась ли ей эта встреча с Тошаном возле церкви Сен-Жан-де-Бребеф?

«Какая же я глупая! Это был не сон, мы целовались, и он говорил со мной. Все остальные тоже его видели...»

Вскоре после полуночи Элизабет стала прощаться. Арман решил понести Эдмона на спине, потому что мальчик засыпал на ходу.

— Если бы все было как обычно, я бы попросила Селестена вас проводить, Бетти, — сказала Лора. — Но Мирей говорит, что он уже лег.

— Нам нечего бояться, — отозвалась молодая женщина. — До дома несколько шагов. К тому же сегодня Рождество, и Господь хранит нас с еще большей любовью, чем в обычную ночь.

Эрмин снова и снова целовала Шарлотту и Элизабет.

— Какая ты сегодня ласковая, — удивилась Бетти. — Мы расстаемся

ненадолго, Мимин, завтра мы обедаем вместе.

Девушка стояла и смотрела, как они удаляются в сторону монастырской школы. Желтое пятно света от лампы, которую нес Арман, танцевало меж деревьями, бросая блики на сверкающий снег. Лора обняла Эрмин за плечи.

— Вернемся в дом, дорогая. На улице холодно, завтра нам рано вставать.

— Я бы хотела лечь с тобой, мама! Тем более что моя кровать вся завалена одеждой.

— Конечно, для меня это удовольствие!

Через много лет Эрмин узнает, что большую часть ночи мать сидела и смотрела на нее спящую.

«Моя обожаемая малышка, — думала Лора, — мне приходится принести самую большую жертву из всех возможных, препоручая тебя заботам этого юноши. Но ведь ты так его любишь... Я поклялась сделать тебя счастливой, если найду, и я не нарушу своего слова. Судьба водит нас за ниточки, случая не существует. Как иначе объяснить нашу историю? Отец Тошана приютил нас с Жослином. Я смутно помню черноволосого мальчика, такого же молчаливого, как и его мать с заплетенными в косы длинными волосами. Покинув тебя, я провела какое-то время рядом с человеком, которого ты потом выберешь себе в мужья. Мое дорогое дитя, мое сокровище, мой соловей, я боюсь за твое будущее, потому что сама жила в лесу, в самом сердце жестокой канадской зимы...»

Лора стала молиться, прося небеса дать ей мужество и силы улыбаться при расставании. На рассвете она заснула, изнуренная ночным бдением. Эрмин же, наоборот, открыла глаза, возбужденная и нетерпеливая.

— Мама, мне нужно собрать вещи.

— Да, я иду! Нам нужно торопиться, Жозеф вполне может прийти в наш сад.

В доме было тепло и пахло свежесваренным кофе. Мирей пекла булочки. На второй этаж проник слабый запах дрожжей.

В спальне дочери Лора сновала между шкафом и кроватью, давая один совет за другим:

— Не забудь взять несколько пар рукавиц и шерстяных шапочек. Они легко намокают в снегу, а у огня сохнут долго. Я дам тебе денег, вы сможете останавливаться в отелях. Господи, ведь от Валь-Жальбера до хижины Дельбо огромное расстояние! На санях, с пятью собаками мы с Жослином добрались за неделю.

Эрмин как раз надевала вельветовые штаны и толстую розовую кофту.

— У Тошана тоже есть сани, он вчера сказал мне. Но у него всего три собаки. Это будет совсем как во сне, который так часто мне снился, пока мы с тобой не встретились в Робервале. Мне предстоит пережить то же, что пережила ты!

Лора тихо вздохнула и отвернулась. Дрожа всем телом, она смахнула с глаз слезы.

— Мама, что случилось? Ты плачешь?

— Ничего страшного, дорогая, — ответила Лора, отводя глаза. — Всего лишь пара слезинок... Мне тоже это кажется странным, почти сверхъестественным. Я думала об этом, засыпая. Можно подумать, будто круг судьбы замыкается вокруг озера Сен-Жан, от реки Перибонки до реки Уиатшуан.

— Тошан объяснит тебе, что все мы следуем невидимыми путями, которые сводят вместе тех, кому предначертано встретиться, — сказала девушка. — Знаешь, я вспомнила, что кое о чем хотела попросить тебя.

— О чем, дорогая?

Эрмин позвала мать к окну. Они говорили шепотом. На востоке вставало солнце, освещая деревья, украшенные сосульками и инеем.

Внизу хлопнула дверь.

— Селестен уходит. Скатертью дорога! — сказала Лора.

— Но кто будет делать его работу? — спросила Эрмин. — Топить печь, следить за садом, убирать снег?

— Арман — мальчик крепкий, и руки у него золотые. Бетти призналась, что он за пару лет хочет заработать на мотоцикл. Он хороший парень и будет рад помогать мне на протяжении нескольких месяцев. Об этом не беспокойся. О нас тебе точно не стоит волноваться. Я не одна, пока рядом Мирей и семейство Маруа.

Девушка с трудом сдерживала слезы. Она собрала волосы на затылке и надела меховые сапожки.

— Сейчас позавтракаю и уйду, — сказала она тихо. — Если Жозеф узнает... Селестен мог догадаться о наших планах.

— Не думаю, хотя все возможно. Дорогая, ты напишешь мне? Ты приедешь?

— Конечно, мама!

Эрмин спустилась в гостиную с кожаной сумкой, набитой под завязку, в одной руке и меховой курткой — в другой. Мирей принесла ей чашку кофе и горячую сдобную булочку.

— Моя маленькая искательница приключений, я не знаю, куда ты уезжаешь, но налила в термос кофе и завернула остальные булочки в

бумагу, — ласково сказала экономка.

Она указала на вторую сумку, стоявшую у ее ног.

— Еды здесь хватит на целый полк: хлеб, сыр, колбаса, печенье. Сегодня ведь Рождество!

— Спасибо большое, Мирей.

Лора в это время надевала шубку и сапожки.

— Я провожу тебя немного, дорогая.

Девушка предпочла бы уйти без провожатых, но не осмелилась перечить матери. Внезапно, впервые со вчерашнего дня, она вспомнила о своем несчастном женихе.

— Мама, не забудь вернуть Хансу кольцо. Скажи ему, что мне очень жаль. Он мне нравится, но этого мало.

— Лучше выйти через заднюю дверь, — посоветовала экономка, видя, что они готовы. — Да хранит тебя Господь, крошка Эрмин.

Оказавшись на улице, Эрмин вздохнула с облегчением. Мороз пощипывал лицо, и это было приятно. С Лорой они попрощались на опушке кленовой рощи, недалеко от дома.

— Видишь, мое дорогое дитя, я не захожу слишком далеко, — тихо сказала Лора. — Беги скорее!

— Мама, спасибо! И дай Жозефу достойный отпор. А еще погладь за меня Шинука и утешь Лолотту и Бетти!

— Обещаю! А теперь иди, улетай, мой соловей!

Они обменялись воздушными поцелуями. Эрмин уходила энергичным шагом, не оборачиваясь. Сумки были тяжелыми, но снег подмерз, и идти было легче.

«Я столько времени ждала и огорчалась, сидя на этом лугу возле мельницы, — думала она. — Но сегодня утром, в Рождество, Тошан придет на свидание!»

Она шла — крошечная точка на фоне белого пейзажа, безмолвного и замерзшего. И вот посреди укрытого снегом луга она увидела сани, трех серых собак и мужчину, махавшего ей рукой.

— Тошан! — пробормотала она.

Эрмин хотелось выкрикнуть это имя, которое она повторяла днями и ночами больше года. Но она уезжала без разрешения опекуна, поэтому следовало быть осмотрительной.

Издалека она увидела, что Тошан улыбается, что он вне себя от радости. Он запрыгнул в сани, и до девушки донесся свист. Собаки, открыв пасти, понеслись ей навстречу, но ни одна не залаяла.

«Он едет за мной, — сказала она себе. — Он видит, что у меня

тяжелые сумки».

Упряжка, казалось, неслась над землей. Через две минуты Тошан был уже рядом. Подбежав к девушке, он обнял ее и закружил над землей.

— Ты пришла, моя суженая, моя красавица! Ты пришла!

— Тише, не кричи, Тошан! Нас не должны слышать!

— Сейчас только девять утра, последние жители твоего призрачного поселка еще спят под пуховыми одеялами, — заявил он.

Она заставила его замолчать с помощью поцелуя, обвила его шею руками, прижалась к нему всем телом. Он продолжал кружить ее, обнимая крепко-крепко. Эрмин смеялась. Она боялась, что умрет от счастья. Лицо она спрятала на груди Тошана.

Укрывшись за стволом старой яблони, Лора закрыла глаза. Она чувствовала себя виноватой, хотя счастье молодых людей смягчало ее боль и только что испытанное ею потрясение.

«Сани! — повторяла она про себя. — Они так похожи на те, что Жослин купил для меня, и за хорошую цену! Я помню, он приговаривал: „Королевские сани для моей принцессы Лоры!“».

Она вспомнила резную спинку с узором из сосновых шишек и дубовых листьев. Лакированное дерево было темным, полозья — сильно выгнутыми. Тошан увозил Эрмин на санях, которые ее отец купил много лет назад.

«В первый же вечер, в лесу, Жослин вырезал на поручнях наши инициалы: слева, ближе к сердцу, — „Л“, а справа — „Ж“».

Над лугом, хлопая крыльями и громко каркая, пролетела стая ворон. Лора изо всех сил старалась не заплакать. Наконец она открыла глаза. Тошан смотрел на нее. Эрмин была уже в трех шагах, порозовевшая от смущения.

— Мама! Ты пошла за мной следом? Но зачем?

— Не знаю. Хотела убедиться, что ты не одна, что вы уезжаете и у вас все хорошо.

— Раз так, идем, я познакомлю тебя с моим будущим мужем. Я не успела поговорить с ним о тебе, но это ничего.

Тошан из вежливости решил подойти первым. Лора протянула ему руку со словами:

— Не бойтесь, месье, я пришла не для того, чтобы остановить мою дочь. Я шла по ее следам, не понимая, что делаю. Это было сильнее меня, а может, у меня и не было выбора... Откуда у вас эти прекрасные сани?

Молодой человек внимательно посмотрел на нее.

— Я не их хозяин, мадам, но я езжу на них много лет и всегда хорошо

за ними ухаживал. Их оставил у нас один человек.

— Жослин Шарден! — едва слышно сказала Лора. — Мой любимый супруг.

Эрмин слушала, и сердце ее колотилось. Она смотрела на сани и не могла поверить, что это сани ее отца. Одна из собак залаяла, без сомнения, от нетерпения.

— Я видела вас мальчиком, — добавила Лора, глядя на Тошана. — Увы! Думаю, вы меня боялись. Я потеряла память, и мои воспоминания расплывчаты и смутны. Дочь вам расскажет.

Тошан выглядел взволнованным. Кончиками пальцев он погладил Лору по лбу и приподнял прядь волос.

— В то время ваши волосы были темнее.

— Я кокетка, Тошан... И, начав сесть, я решила покрасить волосы. Как глупо, что я рассказываю вам об этом сейчас, когда время не ждет! Не хочу портить вам радость. Скажите мне одно: знаете ли вы, что случилось с моим мужем? Я безрезультатно искала его два года, с тех пор, как ко мне вернулась память.

Юноша молчал. Потом украдкой посмотрел на Эрмин. Девушка ждала ответа, выражение ее лица было серьезным.

— Искренне сочувствую вам, мадам. Он умер много лет назад, когда вы жили у нас. Отец похоронил его и поставил на его могиле крест. Я тогда был маленьким, и родители не сказали, что с ним случилось.

Эрмин лелеяла надежду когда-нибудь встретиться с отцом. Глотая слезы, она торопливо погладила Лору по плечу.

— Мама, какое горе! Как я могу оставить тебя сейчас, когда тебе так плохо?

Однако Лора деликатно отвела ее руку.

— Я подозревала, что так и будет, дорогая! Шестнадцать лет он не давал о себе знать — это говорит само за себя. Что ж, мой удел — носить траур и по Жослину. А теперь уезжайте, и поскорее! Моя любимая доченька, ты станешь женщиной, и у тебя начнется новая жизнь. Я же буду довольствоваться воспоминаниями о моем Жослине и все время думать о тебе.

Лора поцеловала дочь. После секундного колебания она коснулась губами и щеки Тошана.

— Я доверяю вам единственное сокровище, которое у меня есть на этой земле. До встречи, дети мои! Будьте осторожны!

— Мама, будь сильной!

— Если ты счастлива, у меня на все хватит сил, — ответила Лора. —

Прошу, уезжайте!

Тошана не надо было просить дважды. Он погрузил на сани обе сумки, Эрмин села, а он устроился позади нее, поставив ноги на полозья. Собаки пустились шагом, натягивая грудью постромки.

Лора стояла и смотрела, как упряжка уносится по сияющему снежному полю. На фоне ярко-голубого неба вырисовывались близлежащие холмы, поросшие заснеженными соснами. Солнце походило на диск из чистого золота.

Эрмин обернулась, чтобы в последний раз помахать матери. Тошан испустил громкий радостный клич. Сегодня Рождество, и они любят друг друга!

* * *

Вокруг все было залито солнечным светом. Эрмин улыбалась, ослепленная, опьяненная свежим воздухом. Сперва в ее голове теснилось множество мыслей, но теперь на душе стало легко, и она погрузилась в созерцание волшебного мира, который, казалось, был создан для них с Тошаном, для них одних.

Мех на собачьих спинах колыбался в ритме их шагов, а закрученные хвосты, казалось, отбивали такт.

— Мне пришлось сделать большой крюк, чтобы добраться к озеру Сен-Жан, — сказал юноша. — Я знаю место, где мы можем переправиться, если, конечно, лед достаточно толстый. Так мы выиграем много времени.

Эрмин повернулась, опершись коленями о сиденье. Они оказались практически нос к носу.

— Остановись ненадолго, — попросила она.

— Уже? — удивился он. — Мы проехали еще очень мало.

— Прошу тебя, — взмолилась Эрмин с улыбкой, которая лучше слов говорила о ее намерениях.

Он приказал собакам остановиться. Девушка встала и обняла его.

— Мне нужен поцелуй! Десять поцелуев! — сказала она. — Скажи, ты бы обрадовался глотку кофе и теплой булочке?

— Утром я ничего не ел. Конечно, обрадовался бы!

Она поспешила к сумке с продуктами. Испытывая удовольствие от каждого жеста, Эрмин подала ему термос и булочку.

— Ты будешь хорошей маленькой женушкой, — заявил Тошан при виде аппетитно пахнущей булочки с золотистой корочкой. — Я никогда не

пил такого вкусного кофе!

Эрмин смотрела, как он ест, не смея поверить своим глазам: он сидит на санях рядом с ней, живой, с улыбкой на губах, и такой красивый, что у нее по всему телу разливается приятная истома!

— Сядь поближе, — прошептал он.

Она послушно прижалась к нему. Ей хотелось поцеловать медного оттенка щеку Тошана и его бледно-розовые губы.

— Я люблю тебя, — пробормотала она. — Люблю так сильно, что мне страшно.

— Страшно? — с улыбкой повторил он.

— Да, мне страшно, что ты снова исчезнешь. На этот раз я умру.

Он нежно расцеловал ее лицо, потом губы. И встал на ноги.

— Нам пора ехать, Эрмин, пока солнце высоко в небе. Не бойся, я ни на секунду не расстанусь с тобой.

— Тошан, — начала она, глядя ему в глаза, — я хочу, чтобы мы до ночи попали в Лак-Бушетт. Это не очень далеко, в пятнадцати милях к югу.

— Но мы едем в другую сторону. Я рассчитывал сделать остановку возле Пуант-Бле и там же пересечь озеро. Потом вдоль Перибонки мы поедем на север. У меня есть карта, я могу показать маршрут. Пока стоит ясная погода, нужно этим воспользоваться. Если начнется снегопад, а то и метель, тебе придется несладко.

Он казался расстроенным. Эрмин сунула в сумку термос и закрыла ее. Потом встала и взяла руки Тошана в свои.

— Я так счастлива, что лучше будет сказать тебе правду. Я была помолвлена с другом — пианистом, который давал мне уроки пения.

Я думала, что ты умер, и решила выйти за него замуж, потому что тогда Жозеф Маруа перестал бы быть моим опекуном. Вчера вечером ты наверняка видел Ханса на выходе из церкви. Он знал, что я все еще люблю тебя, поэтому сразу понял, что я уеду с тобой.

Дыхание Тошана участилось, лицо стало серьезным. Было очевидно, что эта история с женихом ему не по нраву.

— Не сердись, — сказала Эрмин. — Я не хочу никого, кроме тебя. И я не смогу спать целую ночь с тобой рядом, оставаясь благоразумной. Но я верю в Бога и уважаю таинство брака. Тошан, мама считает, что в пустыни Святого Антония, на озере Лак-Бушетт, круглый год отправляет службы священник. Он благословит наш союз, и я стану твоей женой перед Богом. И тогда никто не сможет мне указывать, что делать, а что — нет. И... Понимаешь... Этой ночью... Наконец... Этой ночью... Я... ты... мы с тобой... Я смогу стать твоей женой.

Щеки Эрмин горели огнем. Тошан понял, что она хочет ему сказать, преодолев целомудрие и девичий стыд. Он поцеловал ее в лоб, глубоко тронутый приносимым ею даром.

— Я тебя понимаю. Я приготовился ждать столько, сколько потребуется. Но если ты сгораешь от нетерпения, что тогда говорить обо мне! Ты уверена, что кюре согласится нас обвенчать без согласия родителей?

— Если это спасет нас от плотского греха, да, без сомнения, — сказала она, прижимаясь к нему, чтобы он не увидел краски стыда у нее на лице.

— Что ж, ради этого я охотно сверну в сторону. Прямым к озеру Лак-Бушетт, моя певчая птичка!

Эрмин, испытав огромное облегчение, засмеялась, и, закутавшись в одеяла, устроилась поудобнее в санях. Тошан же, взявшись за поручни, впервые заметил вырезанные на них буквы.

«Я никогда не обращал на них внимания, — подумал он. — „Л“ и „Ж“. Лора и Жослин!»

— Эрмин, твою мать ведь зовут Лора? — спросил он.

— Да! Откуда ты знаешь? По-моему, я не успела тебе сказать.

— Я вспомнил. Когда твоя мать жила у нас, мама звала ее Лора.

Собаки лаяли как сумасшедшие. Тошан подзадоривал их, щелкая языком. Упряжка неслась на юг. Им предстояло пересечь замерзшую речушку, объехать скалистый участок, проехать через сосновый лес. Рельеф поднимался и опускался, и, объезжая сугробы, сани часто накренились на поворотах.

Эрмин радовалась, как ребенок, которого привели в магазин игрушек. Путешествие на лоно пустынной природы приводило ее в восторг. Она негромко запела, постепенно переходя ко все более высоким нотам.

— У тебя прекрасный голос! — заявил юноша, когда она спела «Золотые хлеба» и «Ангелы в нашем краю». — Вчера я как раз вошел в церковь, когда ты пела «Ave Maria». Это было чудо, меня проняла дрожь и захотелось плакать! Я ведь не знал, что ты певица.

— Тошан, наша встреча на лугу у мельницы была слишком короткой в то прекрасное лето, когда ты поклялся вернуться! — отозвалась девушка лукаво.

— А песню про жаворонка, — перебил он ее, — ты знаешь?

Она запела:

Жаворонок, милый жаворонок!

Твои перышки я оциплю.

Изловлю тебя я, жаворонок...

Своим густым голосом Тошан принялся ей подпевать. Эрмин оглянулась и посмотрела на него. Они проезжали в тени деревьев, и стоящий за ее спиной Тошан показался ей очень высоким, черноволосым, темнолицым. Сердце девушки забилось. У нее появилось ощущение, что все это когда-то с ней уже было.

«Это было во сне — сани, мужчина и собаки с глазами волков! Может, мне снился не отец, а Тошан? Это был момент предвидения, мама часто говорила об этом явлении...»

Странно, но Эрмин до сумасшествия любила своего молодого метиса, и ее это ничуть не пугало. Она как раз думала о том, что ее судьба и будущее в руках Господа, когда Тошан шепнул ей на ухо:

— Смотри, там, на камне, рысь! Она охотится!

Девушка залюбовалась прекрасным хищником с пятнистым окрасом и изумрудно-зелеными глазами, который при их приближении спрыгнул с камня и унесся прочь.

— У тебя есть ружье? — спросила она.

— Ружье? Зачем?

— Но в лесу живут опасные звери. Хозяин универсального магазина, куда я ходила за покупками, часто рассказывал страшные истории. Если ему верить, старые лоси-самцы — одинокие отшельники — просто огромны и иногда нападают на людей.

— Я не люблю огнестрельное оружие, — сказал Тошан. — На охоте я добываю пропитание для матери, но у меня никогда не было неприятностей с лесными зверями. Я их уважаю и совсем не боюсь. Они это чувствуют.

Эрмин усвоила урок. Она ощутила, что проголодалась. Но ее спутник, похоже, вполне удовлетворился утренним кофе и булочкой. Она потихоньку вынула пакет с печеньем и стала его грызть.

— Слышишь? — спустя час спросил Тошан.

— Да! Это церковные колокола!

— Впереди поселок! Думаю, озеро тоже рядом. Но до поселка еще надо добраться, и нам нужна не поселковая церковь. Хо! Хо! Стой, Дюк, стой!

Сани остановились. Они находились на вершине холма. Девушка спрыгнула и подбежала к тому месту, где начинался склон. При виде открывшегося перед ней очаровательного пейзажа с губ Эрмин сорвался удивленный возглас. На склоне холма стояли бок о бок дом и небольшая

часовня. Вторая часовня, в готическом стиле, словно защищала первую своей голубоватой тенью. Но что действительно поражало воображение, так это миниатюрная базилика, похожая на макет из белого камня, стоящая в окружении темно-зеленых сосен с припорошенными снегом тяжелыми ветвями. Колокола и купол базилики сияли на солнце.

— Наверное, это и есть пустынь Святого Антония, — тихо сказала девушка.

Люди поднимались по тропинке, ведущей к храму. Внизу виднелось замерзшее озеро, по которому также шли люди и даже ехала конная повозка.

Тошан подошел к Эрмин. Он указал рукой на вход в небольшую пещеру недалеко от миниатюрной базилики. Судя по всему, пещера была освещена свечами.

— В этом гроте бьет чудотворный источник, — пояснила Эрмин. — Мама рассказывала, что аббат Де Ламар [\[61\]](#) устроил в нем все так, как в знаменитом гроте Лурда — французского городка, куда съезжаются паломники со всего света, потому что там совершилось множество чудес. И здесь, как говорят, произошло несколько чудесных исцелений. Сотни паломников приходят по-молиться на берег озера Лак-Бушетт. Сегодня Рождество, значит, людей будет море.

Они какое-то время стояли молча, любуясь таинственной гармонией, которой было пронизано святое место, похожее на островок веры и чистоты в океане снега и льда.

— Мы превратимся в ледышки, если будем стоять на месте, — сказал наконец Тошан. — Я найду дорогу, которая приведет нас к озеру.

— Думаю, там есть гостиница, — сказала Эрмин. — Посмотри на большое здание [\[62\]](#), вон там, у дороги! Когда мать с отцом приехали сюда, его наверняка еще не построили. Я хочу тебе кое-что рассказать. Мои родители путешествовали, как мы с тобой, на санях с шестью собаками. Им было очень тяжело, потому что все были против их любви. Они поженились в часовне пустыни Святого Антония, которая едва вмещает шестьдесят человек, и, тем не менее, в ней проходят службы.

Юноша задумался. Он начертил в воздухе геометрическую фигуру, потом сказал:

— Все эти события замыкаются в круг, первичную форму вселенной. Индейцы знают об этом много веков. Ты права, мы должны пожениться там, где и твои родители.

Эрмин обняла его, желая ощутить его силу и тепло. Его серьезные,

веские слова не переставали ее удивлять.

— Я не могу выйти за тебя замуж одетая мальчиком, — вздохнула она. — Нужно переодеться. Отвернись, пожалуйста. И не смотри, обещаю, что не станешь смотреть!

— Я пойду в этой одежде, — твердо сказал он.

— Как хочешь. Мне все равно. Ты самый красивый мужчина на земле!

Девушка не подумала о пронизывающем холоде, царившем в сосновом лесу. Сняв с себя штаны и три шерстяных кофты, она застучала зубами. Но решимости появиться перед кюре в приличествующем случае наряде это не поколебало. Стоя в одной батистовой сорочке, она торопливо натягивала чулки и юбку и не видела, что Тошан то и дело поглядывает на нее.

— Ты замерзнешь до смерти! — воскликнул он. — Кокетство тебя погубит.

— Откуда ты знаешь, что я мерзну? — испугалась девушка. — Ты ведь не подсматривал? Ты пообещал!

Голос ее срывался. Он улыбнулся, вспоминая увиденное украдкой — стройные ноги оттенка слоновой кости, тонкую талию, округлые ягодицы, хрупкие плечи. Охваченный желанием и все еще не верящий в то, что сегодня ночью он будет ласкать это красивое тело, Тошан отошел на несколько шагов.

— Я готова! — воскликнула девушка.

Эрмин надела белый свитер из тонкой шерсти с высоким воротом и длинную черную бархатную юбку, которая прикрывала ее сапожки на шнуровке. Она куталась в свою подбитую мехом куртку. Кокетливо сдвинутый набок белый берет придавал ей игривый вид.

— Я тебе нравлюсь? — спросила она. — В карманное зеркальце я видела, что у меня покраснел нос. Ну и пусть!

— Ты странная девушка, — сказал он просто. — Девушка, которую я люблю. Конечно, ты мне нравишься! Завтра я смажу тебе нос и все лицо медвежьим жиром, чтобы оно не обморозилось. Мать приготовила для тебя целый горшочек.

— Медвежий жир! — недовольно поморщилась Эрмин. — Звучит не слишком романтично!

Тошан поцеловал кончик ее носа и обнял. Он находил ее восхитительной. Рукой он провел по ее груди, спрятанной под тонким ангорским свитерком. Она закрыла глаза. По ее телу прокатилась теплая волна желания, отчего она сразу согрелась.

— Давай поскорее поженимся, — едва слышно прошептала девушка.

Через час они стояли перед монахом-капуцином на пороге часовни, где

святой отец как раз собирался начать мессу. Это была часовня в готическом стиле, та, что побольше. Тошан оставил сани и собак под навесом в гостинице, порекомендовав Эрмин взять с собой украшения и деньги.

— Осторожность не помешает, — сказал он. — Люди приходят сюда молиться и просить о выздоровлении, но среди паломников может затесаться и вор.

Девушка сунула свою сумочку под мышку. Они только что обошли святое место, присоединившись к группе паломников. Шестидесятилетняя дама, маленького роста, но дородная, в красной шляпе, украшенной сорочьим пером, играла роль гида, то и дело приговаривая, что она каждый год приезжает сюда отпраздновать Рождество. Тошан не получил никакого удовольствия от ее комментариев, щедро сдобренных «Господи Иисусе» и «Боже благой», Эрмин же оказалась благодарной слушательницей.

— Впервые я побывала здесь почти двадцать лет назад, милочка, — так начала дама в головном уборе с пером свой рассказ. — Я была в числе первых, кто из моего родного поселка Анфан-де-Мари-де-Лак-Бушетт пришел в пустынь Святого Антония. Это было в тысяча девятьсот двенадцатом году. Позднее дорогой аббат Эльзеар нашел грот, который так похож на грот во французском Лурде. Аббат бывал во Франции в молодости. Кстати, известно ли вам, что аббат похоронен здесь же, под полом маленькой часовни, той, что слева, если стоять у дверей большой часовни? Практически на моих глазах построили миниатюрное подобие французской базилики Массабелле, стоящей над входом в грот, где Пресвятая Дева явилась перед Бернадетт Субиру.

Тошану удалось увести Эрмин подальше от женщины, которая показалась ему слишком говорливой, но девушка вбила себе в голову, что непременно должна изучить меню, вывешенное на украшенной сосновыми ветками и колокольчиками двери гостиницы.

— Было бы здорово, если бы мы сняли здесь комнату сегодня вечером! — прошептала она. — Мы бы поужинали вместе, и это была бы наша праздничная трапеза!

Он не сказал ни «да» ни «нет», но прекрасного рисунка губы изогнулись в гримаске сомнения.

Прогулявшись рука об руку вдоль озера, превратившегося в огромный каток, они подошли к монаху-капуцину в грубом коричневом одеянии, с обритой головой, у которого Эрмин спросила, может ли священник уделить им несколько минут.

— Вам придется подождать, мадемуазель, — ответил монах, смерив их строгим взглядом. — Отец Поль скоро начнет мессу.

— Но мы хотим поговорить с ним сейчас, до мессы, — не сдавалась девушка. — Это очень важно, брат!

Монах знаком пригласил их в часовню, где у подножия статуи святого Антония горели свечи. Стоявшие на столе небольшие ясли были освещены электрической лампочкой. Эрмин с Тошаном старались ступать как можно тише, чтобы не нарушить царившую в храме тишину.

Отец Поль был очень немолод. Его морщинистое лицо обрамляли белые волосы. Он уже успел облачиться в вышитую ризу. Взгляд его серых с желтыми точками глаз остановился сперва на Эрмин.

Потом он посмотрел на Тошана, и при виде его длинных волос и куртки с бахромой, какие охотно носили индейцы из южных районов страны и американские ковбои, он нахмурился.

— Чего вы хотите, дети мои? — спросил он строго. — У меня мало времени. Мы здесь одни, говорите без страха.

— Отче, — начала едва слышно Эрмин, — могли бы вы обвенчать нас после мессы? Тошан и я, мы любим друг друга всем сердцем, и наше самое горячее желание — соединить наши судьбы перед лицом Господа.

— Почему же вы обращаетесь ко мне, мадемуазель? Только вашему приходскому священнику судить о том, обоснована ли ваша просьба. Брак — таинство важное и серьезное, требующее зрелого размышления. Кроме того, ваши семьи обязаны надлежащим образом оформить помолвку, и между нею и свадьбой должно пройти время.

— Мы знаем, отче, — ответила Эрмин мягко. — Наши чувства искренни. Мы не сделали ничего плохого. Прошу вас, верьте мне! Моя мать посоветовала мне прийти сюда, ведь восемнадцать лет назад она обвенчалась здесь с моим отцом.

— Восемнадцать лет назад, говорите вы? Если так, то их венчал не кто иной, как аббат Де Ламар. В то время отцы-капуцины еще не жили в пустыни.

Старый священник вздохнул. Посмотрев на милое личико девушки, он перевел взгляд на Тошана, который до сих пор не проронил ни слова.

— Дети мои, советую вам быть благоразумными, — заявил он наконец. — Я не стану оспаривать правдивость слов вашей матери, мадемуазель, но то, как вы торопитесь заключить брак с этим юношей, наводит меня на мысль о том, что вы совершили непоправимую ошибку, что вы оба поддались зову природы...

Эрмин догадалась, что священник намекает на беременность, а значит, и на угрозу оказаться отвергнутой католической церковью в случае, если ребенок появится на свет вне брака. Она могла бы этим воспользоваться, но

не хотела лгать.

— Нет, отче, я сохранила целомудрие! — тихо сказала она.

Тошан выглядел смущенным. Он решил вмешаться:

— Я не посмел бы плохо поступить с той, кого люблю больше года, отче! Я везу ее к своей матери, далеко на север, и мы решили, что будет правильным сперва сочетаться браком.

Юноша развязал шейный платок и показал священнику серебряный крестик на цепочке.

— Это вы, отче, надели этот крест мне на шею в часовне Кеногами, в день моего причастия. Я очень горевал, потому что мои родители не смогли прийти на мессу.

Священник, который был значительно ниже ростом, чем Тошан, оторопело посмотрел на юношу.

— Как вас зовут? — спросил он.

— Тошан Клеман Дельбо. Я жил в приюте у братьев.

— Ну конечно! Я помню тебя! Твоя мать — крещеная индианка монтанье, а отец искал золото на берегах Перибонки! Малыш Клеман!

Эрмин с изумлением наблюдала перемену: отец Поль смягчился и улыбнулся Тошану, беря его руки в свои.

— Если бы девушка назвала тебя Клеманом, я быстрее узнал бы тебя. Твое лицо показалось мне знакомым. Живешь ли ты честно?

— Да, я лесоруб. И работы хватает. Летом я помогаю матери, которая больше года назад овдовела.

Священник перекрестился. Люди потихоньку наполняли часовню, с интересом поглядывая на увлеченную беседой троицу у пресбитериума.

— Дети мои, я думаю, вы достойны доверия. Плохо служил бы я Господу, если бы, как говорится в Евангелии, отвернулся от заблудших овец его. Я обвенчаю вас после службы. Это будет простая церемония благословения, но я выпишу вам свидетельство.

— Спасибо от всего сердца, отче! — воскликнула девушка, преклоняя колени.

Они устроились недалеко от кропильницы, держась за руки. Скромная часовня между тем наполнялась паломниками.

— Нам повезло, что он узнал тебя, — шепнула Тошану Эрмин. — Услышав твое имя, он сразу смягчился. Сначала я думала, он никогда не согласится.

— Я тоже не был уверен, что это тот самый отец Поль, — отозвался Тошан. — Поэтому решил подождать и присмотреться к нему. В Кеногами он ведал монастырской столовой.

Служба подходила к концу. Монахи-капуцины запели гимн на латыни, тут же подхваченный верующими. И такой пылкой радостью было проникнуто это пение, что девушка, растроганная до слез, тоже запела, едва прозвучали первые ноты гимна «Ave Maria».

Будучи на вершине блаженства, Эрмин всю душу, всю бесконечную благодарность Господу вложила в свой голос, который вознесся, чистый, звенящий, к сводам маленькой часовни. Отец Поль искал глазами среди прихожан обладательницу столь исключительного и мощного голоса. Большинство прихожан обернулось и смотрело в одном направлении, поэтому священнику не составило труда найти девушку, которая показалась ему ангелом, сошедшим на землю, чтобы подарить бедным смертным частицу рая.

— Еще! — раздался детский голос, когда Эрмин умолкла.

— Да, спойте еще! — подхватил мужчина.

— Спой и для меня тоже, — попросил Тошан.

Она выбрала «Родился Сын Божий», и очень скоро ей подпевали десятки восхищенных голосов. Потом прихожане пошли к причастию. Последними к алтарю, у которого их ждал священник, подошли Эрмин с Тошаном.

— Мадемуазель, Господь даровал вам уникальный талант. Вы порадовали нас своим пением.

— Я очень рада это слышать, отче.

Эрмин смотрела на него своими блестящими от пережитого волнения голубыми глазами.

— Заботься о ней, Клеман! — добавил священник.

Они приняли гостию ^[63] и перекрестились. Бракосочетание совершилось по самому простому обряду. У Тошана и Эрмин даже не было колец, но, стоя на коленях лицом друг к другу, они сплели пальцы рук, произнося обеты верности и любви. Наконец они услышали долгожданные слова, прозвучавшие с волнующей душу силой:

— Объявляю вас мужем и женой!

* * *

Через четверть часа они выходили из часовни. На улице было темно.

— Я хочу помолиться в гроте, Тошан, — попросила Эрмин.

В утесе виднелся вход в небольшую пещеру. В нише, выбитой в камне, стояла статуя Девы Марии в голубом платье. Расставленные на

специальном столике свечи освещали небольшой бассейн, куда стекали воды источника. В пещере они были не одни: паломники молились, перебирая четки, согбенные и молчаливые.

«Спасибо, Господи! Спасибо, Пресвятая Дева, Богоматерь Мария! — молилась про себя Эрмин. — Сделайте так, чтобы ни моя дорогая мамочка, ни Бетти не грустили сегодня вечером! Храните всех, кого я так люблю, — Армана, Симона, Эдмона и особенно Шарлотту, которой вы послали такое трудное испытание. Однажды я вернусь сюда вместе с ней, чтобы помолиться о ее выздоровлении».

Тошан терпеливо ждал. Даже будучи крещеным и считая себя католиком, он часто общался с духами леса и рек или с душами своих предков монтанье, которые, по его убеждению, воплощались в телах оленей карибу, волков или воронов.

Где-то на берегу озера залаяла собака. Тошан встрепнулся:

— Кажется, это лает Дюк. Нужно пойти и посмотреть, что случилось.

Эрмин последовала за ним. Минуту назад серьезная, поглощенная мыслями о высоком, она обретала прежнюю веселость по мере того, как они удалялись от грота и часовен. Девушка посмотрела на темно-синее, почти черное небо, в котором поблескивали первые звезды, и вдохнула ледяной вечерний воздух.

— Тошан, я твоя жена! — вскричала она, бросаясь ему на шею. — Посмотри, какая красота! Вершины сосен, месяц на небе, весь этот белый простор!

— Моя женушка! Такая красивая и такая ласковая! — шепнул он, целуя ее в шею.

Они целовались перед гостиницей, ярко освещенные окна которой были украшены серебристыми гирляндами.

— Я умираю от голода, — призналась девушка. — Сходи навестить собак, а потом мы здесь поужинаем. Я тебя приглашаю, у меня есть деньги.

— Мин, дорогая, нам будет лучше в лесу, — сказал он. — Нам не нужны деньги, чтобы быть счастливыми и отпраздновать нашу свадьбу. Я знаю, что ты, в отличие от меня, привыкла к комфорту, теплоте дому и мягкой постели. Мне же это место не нравится. Здесь слишком много людей и слишком шумно.

— Хорошо, поступай как знаешь, — прошептала Эрмин, отказываясь от идеи провести вечер за накрытым столом, а ночь — в теплой и темной комнате, где можно было бы, искупавшись в теплой воде, скользнуть под одеяло, которое пощадило бы ее стыдливость.

Но Тошан назвал ее «Мин, дорогая», и она не нашла в себе сил

противоречить. Тошан оделил собак сушеной рыбой, потом проверил упряжь.

— Укутайся потеплее, — посоветовал он. — Сейчас всего шесть часов, и позже станет еще холоднее. Но завтра мы снова немного согреемся на солнце.

Девушка заняла свое место в санях, прислонившись к обтянутой кожей спинке, надела шерстяную шапку и варежки, потом натянула одеяло до самого подбородка.

— Куда ты повезешь меня, о супруг мой? — смеясь, спросила она.

— Увидишь, любопытная лисичка! — отозвался Тошан, направляя собак к озеру.

Юноша выбрал дорогу, огибавшую берег. Скоро он повернул в сторону и углубился в кленовую рощу. Эрмин прислушивалась к поскрипыванию снега под полозьями и ритмичному дыханию трех собак. Тошан сказал, когда кормил их, что это собаки породы маламут [\[64\]](#).

«Как пройдет моя брачная ночь? — думала девушка. — Я боюсь, ведь не знаю, как мне себя вести. Неужели мне придется полностью раздеться? Но, если мы будем спать на улице, нам будет очень холодно...»

Страхи теснились у нее в голове, и она очень жалела, что не может прижаться к Тошану. Рядом с ним все было просто: стоило ему прикоснуться, как в ее теле просыпалось желание, не оставлявшее времени для размышлений.

— А мы можем остановиться и перекусить? — предложила девушка. — Я очень хочу есть.

— Потерпи еще немного, — ответил он. — Мне нужно найти место получше.

— Какое место? — спросила она. — Тошан, мы в лесу! На много миль вокруг нет ни хижины, ни поселка!

— Сейчас мы едем по охотничьей тропе. Недавно здесь прошли собачьи упряжки, я вижу следы полозьев. Лучше уехать подальше от найденных троп. И я плохо знаю эти места.

Девушка подавила вздох. Она закрыла глаза, положила голову на сумку и натянула на нос одеяло. Скоро Эрмин уснула.

Прошло много часов, прежде чем прикосновение веточки к щеке заставило девушку проснуться.

— Мин, дорогая, моя певчая птичка, вставай!

Она приподнялась на локте и увидела лицо Тошана в нескольких сантиметрах от своего лица. Голова его и плечи были очерчены ослепляющим золотистым светом.

— Где мы? — пробормотала она. — Ты развел костер?

Сев в санях, она залюбовалась пылавшим неподалеку костром. Собаки, с которых Тошан снял упряжь, лежали на снегу. Вокруг саней огромные рыжие стволы деревьев уходили в темноту.

— Я устроил нам лагерь среди лиственниц, — сказал Тошан так, словно это имело огромное значение. — Эти деревья очень стары и полны мудрости. В нескольких шагах под панцирем льда журчит источник. Я пробил во льду полынью и сейчас наберу воды.

Эрмин встала. Торжественный тон мужа поразил ее. Она прошлась вокруг костра, чтобы размять ноги. Ведомая ощущением полноты жизни, не знакомым ей ранее, девушка нежно прикоснулась к коре лиственницы.

— Ты прав, — сказала она вдруг. — Здесь нам будет лучше, чем в гостинице. Здесь все так безмятежно...

— Белая сова показала мне сюда дорогу, — отозвался Тошан, который как раз склонился над санями.

Рядом с костром юноша поставил свои вещи — ящик и узел — и сумки Эрмин. Она увидела, что он разворачивает и встряхивает тяжелый кусок ткани, оказавшийся разноцветным одеялом.

— Я стелю нам постель, — добавил он. — Ты все еще голодна?

— О да! Я приготовлю ужин.

Девушка встала на колени на медвежью шкуру, которую расстелила поверх обледеневшего снега. Радуюсь как ребенок, она стала выкладывать собранную заботливой Мирей провизию. Экономка догадалась положить две столовых салфетки в черно-белую клетку, льняное полотенце, вилки и ложки.

«Как далеко отсюда до дома! — сказала себе Эрмин. — Мне кажется, что я уехала много дней назад, а ведь на самом деле еще утром я пила кофе в гостинице, в Валь-Жальбере. Если бы мама меня видела! Мне до сих пор не верится, что так же они жили с отцом, лица которого я никогда не увижу. Я не слишком огорчилась, узнав о его смерти, но это неудивительно. Я его не знала...»

Тошан подошел, присел на корточки рядом с ней и принялся открывать бутылку хвойного пива, стоявшую между двух баночек с консервами.

— Нужно поджарить колбаски, — сказала ему Эрмин. — Но я не знаю как.

— Нанижи их на ветку и поддержи над углями, они быстро поджарятся. Но смотри не обожгись. Я не хочу, чтобы ты испытала эту боль. Огонь — странная штука: он столь же благотворен, сколь и опасен.

Эрмин нерешительно улыбнулась, очарованная красотой юноши.

Длинные черные волосы, которые он не стал связывать, смягчали надменные черты лица. Она невольно залюбовалась красотой его темных сияющих глаз, его пухлыми губами. По сравнению с ним она чувствовала себя невзрачной.

Что до Тошана, который тоже то и дело посматривал на нее, он находил ее красивой, как никогда. Он едва сдерживался, чтобы не наброситься на нее с поцелуями — такую румяную, белокожую, с маленьким носиком и красными улыбающимися губками... Особенно ему нравились ее небесно-голубые глаза, окруженные темно-коричневыми с золотистым отливом ресницами.

— Я уверен — твое тело похоже на ракушку, нежную, перламутровую! — прошептал он. — Я давно мечтаю о нем, и сегодня ночью я смогу ласкать и целовать его...

Эрмин не была готова услышать столь недвусмысленные речи. Она отвернулась, едва дыша. Чтобы скрыть свое замешательство, она принялась открывать баночку с паштетом из зайчатины, который приготовила Мирей далеко-далеко от окруженной лиственницами поляны, в краю, где живут благопристойные люди, у которых не принято демонстрировать свои чувства при свете дня и тем более при посторонних, которые зачинают детей в полной темноте, на кроватях и под простынями...

— Что не так? — спросил он. — Ты не улыбаешься?

— Меня воспитали монахини, — извиняющимся тоном ответила девушка. — Ты пугаешь меня, когда говоришь такие вещи. Конечно, я не боюсь, но меня это смущает.

Тошан не стал над ней смеяться, не стал комментировать ее слова. Он молча ел нарезанный ломтями хлеб с паштетом и колбасками. Эрмин расслабилась, потому что он так ласково ей улыбался... Она постаралась забыть о «нежной перламутровой ракушке». Они выпили пива из одной кружки.

Как только огонь переставал танцевать над угольками, юноша подбрасывал в умиравшее пламя полено, и оно тотчас оживало.

— На десерт у нас плитка шоколада и печенье, — объявила Эрмин. — Как нам хорошо, Тошан! Мне уже не холодно, я сыта, и от пива кружится голова.

— Я не хочу десерта, — сказал он изменившимся голосом. — Я хочу тебя, потому что очень сильно и давно тебя люблю. Я так долго мечтал об этой минуте и не могу больше ждать!

Эрмин быстро собрала остатки ужина и легла на медвежью шкуру, раскинув руки в стороны. Сердце ее колотилось, как сумасшедшее, грудь

поднималась в ритме прерывистого дыхания. Она боялась того, что должно было случиться, и в тоже время умирала от любопытства.

Тошан сперва снял с нее сапожки, потом черные хлопчатобумажные чулки, провел ладонями по точеным ножкам, нежная кожа которых мерцала в отсветах пламени. Она закрыла глаза. Ею овладела сладостная истома, с уст сорвался счастливый вздох.

— Ничего не бойся, — сказал он успокаивающим тоном.

— Я тебе доверяю, — отозвалась она.

Кончиками пальцев он пробежался по внутренней поверхности бедер, погладил ее живот.

— Придет день, и ты, Мин, будешь носить моего ребенка, — с сияющей улыбкой сказал он.

Девушка кивнула, не открывая глаз. По той легкости, с какой Тошан справился с застежкой на юбке, она поняла, что он не раз имел дело с женской одеждой. Он снял с нее юбку, но, чтобы не испугать ее, не стал трогать розовые атласные трусики.

«Я так боялась предстать перед ним обнаженной, а это не так уж страшно! Но мне хотелось бы, чтобы он меня поцеловал...»

Тошан занялся белым свитером. Она помогла любимому снять его, слегка приподнявшись.

— Жаворонок, я оциплю твои перышки, — пропел он, опуская бретельки батистовой нижней сорочки.

Он наклонился и поцеловал кончик одной грудки, потом накрыл обе своими ладонями.

— Они теплые и полны сока! — прошептал он. — Ты очень красивая, моя дорогая Мин! Обнаженная ты еще красивее, чем в моих мечтах!

— Иди ко мне, — прошептала девушка. — Поцелуй меня, прошу тебя! Целуй и ничего больше не говори!

Но он встал и принялся стягивать с себя одежду. Эрмин осмелилась посмотреть на него украдкой и тут же закрыла лицо руками.

— Посмотри на меня! — воскликнул он. — Прошу тебя, смотри! Жене нечего стыдиться своего мужа. Мы одни в лесу, на поляне, окруженной лиственницами! Я люблю тебя, и ты меня любишь. Смотри на меня!

Она заставила себя подчиниться, хоть и не без страха. Великолепное тело медного оттенка явилось ее взору, мускулистое, с квадратными плечами, узкими бедрами и красиво очерченными прямыми ногами.

Девушка сразу же поняла, что пытался ей сказать Тошан. Если она сможет отринуть предрассудки и запреты, эти оплоты своей стыдливости, брачная ночь станет незабываемым событием в ее жизни, потому что ей не

будет ни страшно, ни больно. Она станет женщиной до последней клеточки своего существа, растворится в безбрежном удовольствии всепоглощающей любви, в которой будут участвовать на равных ее тело, сердце и душа.

— Я смотрю на тебя! — проговорила она наконец. — Вижу тебя всего!

Тошан улыбнулся, он был доволен. Он лег с ней рядом и поцеловал в губы. Эрмин испытала невыразимое облегчение. Соединивший их страстный поцелуй моментально пробудил ее чувства. Она осмелилась прикоснуться к нему — сначала к плечам, потом к животу... Их нагота вдруг показалась ей естественной, простой, как вечность, как нагота Адама и Евы в райском саду. Они позабыли об окружающем их снеге, о холоде, от прикосновения которого временами вздрагивали их тела.

— Я люблю тебя! Я так тебя люблю! — выдохнула она, когда он оставил ее губы, чтобы поцеловать набухший от желания сосок.

В глубине ее существа рождались такие восхитительные волны радости, что Эрмин не смогла сдержать крик. Он заметил, как напряглось ее тело, и ни на мгновение не отрывался от нее, подводя к экстазу. Руки его и обжигающе горячие губы неумолимо ласкали каждый сантиметр обожаемого тела.

— Мин, Мин, — повторял он, глядя на нее. — Ты моя любимая женушка, самая красивая, самая нежная. Огонь освещает твое тело, самую красивую ракушку в мире!

— Тошан, будь со мной, — позвала она. — Иди ко мне!

Он лег на нее, теплый и тяжелый. Его член коснулся темного треугольника внизу ее живота. С тысячей предосторожностей он вошел в нее. Она коротко вскрикнула от боли.

Где-то далеко выли волки. Белая сова села на ветку самой старой лиственницы и стала смотреть на огонь.

Глава 18. «Там где вихрем кружит вода...»

Поляна, окруженная лиственницами, 26 декабря 1931 года

Казалось, эта ночь никогда не закончится. Эрмин не помнила, где она, кто она... Много часов подряд их с Тошаном тела сливались, познавая друг друга, — кожа прикасалась к коже, пальцы сплетались с пальцами, губы терзали губы бесконечными поцелуями... Она только что еще раз пережила момент наивысшего наслаждения и услышала сладострастный стон своего мужчины. Они не могли оторваться друг от друга. Их объятия бывали нежными, потом — страстными, а на вершине обоюдного удовольствия — почти ожесточенными.

Момент, когда она стала женщиной, казался ей очень далеким. Она с удовольствием пережила бы заново эту боль, чтобы еще раз ощутить неизведанное ранее наслаждение, которое за ней последовало, — мгновения, когда они стали единым целым, умирая от счастья, ей не забыть никогда.

«Он во мне, и мы — одно, наши души вибрируют вместе, как если бы моя кровь текла по его венам, а его — по моим...» — думала она, приходя в себя.

— Тебе не холодно? — спросил он шепотом.

— О нет, я вся горю, — ответила она, целуя его в плечо. — Ты меня согреваешь.

Он держал ее в своих объятиях, но при этих словах прижал к себе еще крепче. Эрмин не помнила, когда Тошан перенес ее в сани, подложил под голову узел и укрыл одеялами.

— Мы увидим рассвет, — сказал Тошан. — Солнце появится между теми двумя лиственницами, вон там. Наше первое утро, наш первый рассвет. Я крепко тебя люблю, моя дорогая Мин.

— А я люблю тебя еще крепче, — отозвалась она.

Он положил в костер влажное полено, которое защищало угли и понемногу высыхало.

— Хочу подогреть кофе. Я сильно проголодался. Намного сильнее, чем вчера вечером.

— Побудь со мной еще, у нас много времени.

За несколько часов любовных игр Эрмин позабыла слово «стыдливость». Она больше не сжималась в комок под обожающим

взглядом мужа, который успел вдоволь налюбоваться ею, с головы до ног.

— Маленькая дикарка! — пошутил он. — Нужно подбросить дров в костер, отпусти меня!

Но она в ответ засмеялась и легла на него сверху, сжав между коленями его бедра, прижавшись грудями к его торсу. Провокация возымела желаемый эффект: Тошан, придя в возбуждение, приподнял ее за талию, чтобы ввести член. Им так понравилась перемена позиции, что наслаждение пришло очень быстро, почти молниеносно.

Внезапно собаки заворчали, словно почуяли чужака.

— О нет! — выдохнула Эрмин. — Неужели кто-то нас выследил?

И она спряталась под одеялом. Юноша сел и осмотрелся.

— Смотри, Мин! — шепнул ей Тошан. — Смотри скорее!

Девушка вынырнула из своего укрытия. Лес утонул в сиреневатом свете утра. словно гигантское привидение, склоняясь под весом своих рогов, между деревьями медленно шел лось. Обледеневший снег хрустел под его копытами.

— Старый отшельник, — шепнул Тошан.

Размер животного поразил Эрмин. Лось был намного крупнее лошади. Похоже, лай маламутов его рассердил, потому что он повернулся и рысью побежал прочь, покачивая массивной головой, отягченной некрасивой шишкой в области ноздрей.

Тошан воспользовался моментом и ускользнул от своей молодой супруги. Обнаженный, он стоял у костра и подгребал угли палкой. Потом, прихватив жестяную банку, он пошел к источнику за водой.

— Как ты не мерзнешь, ведь на улице мороз? — крикнула ему вслед Эрмин.

— А ты сама попробуй! — ответил он. — Давай! Дыши глубоко, бегай, прыгай!

— Без одежды и босиком? — воскликнула она.

«Он испытывает меня — мою выносливость, мою смелость, — сказала она себе. — И в моих интересах пройти испытание, ведь моя свекровь может иметь такие же привычки...»

Эрмин не в первый раз с опаской думала о крещеной индианке, которая дала жизнь ее красавцу Тошану и с которой ей предстояло вскоре познакомиться.

«Я должна доказать ей, что я не мокрая курица!» — решила она и выпрыгнула из своего теплого шерстяного гнездышка.

Сначала она ничего не почувствовала, потому что тело разогрелось в любовных утехах, но стоило ногам коснуться затвердевшего снега, как по

телу пробежала волна холода. Еще секунда, и она отказалась бы от своего намерения...

Но тут она услышала зов Тошана. То, что Эрмин увидела, ее ошеломило: Тошан обливался ледяной водой.

— Иди сюда! Если сделаешь, как я, всю зиму не будешь мерзнуть!

Эрмин побежала к нему, представляя, что со стороны выглядит весьма соблазнительно. Она ощущала, как двигаются ее груди и ягодицы, и это было приятно.

— Мин, твоё тело и правда похоже на ракушку! — крикнул он. — Белое, как перламутр!

Он несколько раз облил ее ледяной водой и хорошенько растер. Сперва она душераздирающе кричала, но скоро ощутила, как под кожей разливается живительное тепло.

— Ты прав, мне теперь совсем не холодно, — удивилась она.

Огромный оранжевый шар солнца поднимался по небу, рассеивая серые сумерки. В розоватом свете зари Эрмин увидела следы, оставленные огнем на теле ее возлюбленного, — в районе поясницы, на ягодице и бедре. Светло-розовые шрамы выделялись на фоне красноватой атласной кожи. Растроганная, она прижалась к нему и стала целовать его грудь.

— Мой любимый муж... — прошептала она.

Он подтолкнул ее обратно к костру.

— Нужно поскорее одеться. Поедим немного — и в путь!

Девушка свернула свой свадебный наряд и снова оделась «мальчиком» — натянула теплые штаны и толстый свитер. Потом налила себе кофе и разложила на камне возле огня булочки, чтобы они согрелись.

— Мне нравится такая жизнь, — объявила Эрмин. Ее голубые глаза с обожанием смотрели на мужа.

— Не знаю, что бы я делал с женой, которой не понравилась бы такая жизнь, — ответил Тошан.

— Но потом мы ведь будем жить в доме?

Он посмотрел на нее, и лицо его стало серьезным.

— Нет. Зачем нам дом?

Эрмин не смогла скрыть своего замешательства, и он рассмеялся.

— Я шучу, певчая птичка! Мои дети родятся не на лесной опушке. У нас будет дом.

Больше на эту тему они не говорили. Складывая карту региона, Тошан обрисовал Эрмин их маршрут.

— Нам нужно попасть в порт на Перибонке, но я предпочел бы проехать вдоль берега озера Сен-Жан, подальше от поселков. Мы едем на

север.

— Ты волен везти меня куда угодно, — сказала она. — Я никогда не уезжала из Валь-Жальбера, разве что в Роберваль. А за тобой я пойду на край света!

* * *

До Перибонки — поселка, расположенного в устье одноименной реки — они добрались меньше чем за двое суток. Стояла холодная сухая погода, поэтому они старались проехать как можно больше за короткие, но солнечные дни. Ночью температура падала до минус двадцати. Укрывшись одеялами и мехами, они прибегали к лучшему на свете способу согреться.

Этот странный медовый месяц изменил привычки Эрмин. Она перестала смотреться в карманное зеркальце и без отвращения намазывала медвежьим жиром нос и губы. Второпях разжигать костер вечером на привале казалось ей забавной игрой.

Она всегда с нетерпением ждала наступления ночи. Эрмин была до потери сознания влюблена в своего мужа, и их взаимное влечение усиливалось с каждым днем. Немало времени они проводили и у костра за разговорами. Тошан рассказывал о счастливом детстве в доме родителей и о печальном периоде, когда он жил воспитанником в приюте у монахов в Кеногами. Она в деталях рассказала ему историю своих родителей, умолчав лишь о постыдном прошлом Лоры. Открыв для себя прелести плотской любви, Эрмин на многие вещи стала смотреть по-иному. Теперь она лучше понимала, какие муки приходилось терпеть матери, против собственной воли отдаваясь чужим мужчинам.

Тошан сожалел о кончине Жослина и искренне восхищался силой характера Лоры. Единственное, что он ставил ей в упрек, — это то, что она разбогатела без всяких усилий со своей стороны.

— Моего отца погубила жажда золота. Он надеялся разбогатеть, — рассказывал он жене. — Он думал об этом день и ночь. Обещал нам роскошную жизнь... И что же? Он недооценил мощь вскрывшейся ото льда реки, ее сумасшедшую ярость. Она сбила его с ног и унесла вниз по течению.

— Это трагический несчастный случай, Тошан. Но и моя мать достаточно пострадала от бедности, — заметила Эрмин. — Она щедра со всеми, и у нее доброе сердце. Сначала, когда мы только-только встретились, она казалась мне дамой из высшего света, надменной... И я

тоже проклинала ее богатство. Но ты увидишь, она хорошая и милая.

Однажды вечером Тошан завел разговор о Хансе Цале. Когда расспросы стали особенно настойчивыми, молодая супруга проявила неожиданную твердость.

— Я не спрашиваю тебя о девушках, которые были до меня. Тебе скоро исполнится двадцать пять, и твоя сноровка заставляет меня предположить, что опыта у тебя достаточно. Ханс целовал меня, это правда, но мне это было немного неприятно. Ты доволен?

Больше вопросов Тошан не задавал. Он всегда пользовался успехом у женщин, и любовных приключений у него было больше, чем пальцев на руках.

Ближе к полудню они делали остановку, чтобы пообедать, не отказывая себе в удовольствии поцеловаться, приласкать друг друга и, если вокруг никого не было, заняться любовью при свете дня, полуодетыми.

«Видел бы меня сейчас Жозеф! — говорила себе в такие моменты Эрмин. — Он бы назвал меня развратницей и падшей женщиной!»

Жозеф посещал ее мысли чаще, чем ей того хотелось бы. Она старалась забыть о своем опекуне, но однажды утром, когда они были почти в Перибонке, о нем вспомнил и Тошан. С озабоченным видом юноша спросил, куда она положила их свидетельство о браке.

— Если нам повстречается полицейский, я смогу доказать, что ты — моя жена. Метис, который путешествует с юной белой девушкой, не останется незамеченным. В Перибонке у меня есть друзья, но и таких, как твой опекун и слуга твоей матушки, готовых размозжить мне голову ломом, там тоже предостаточно. Многие считают, что я погиб во время пожара в Абитиби. И многие этому рады.

Эрмин вынула из сумки единственную взятую из дома книгу. Это был экземпляр «Марии Шапделен», книги о преодолении человеком трудностей, которую она часто брала с собой на луг близ мельницы Уэлле тем летом, когда ждала Тошана. Документ она вложила между страницами.

— Держи! Отдаю его тебе. Но он и у меня не потерялся бы. Тошан, у нас достаточно продуктов, может, и не надо останавливаться в Перибонке? — со вздохом спросила она. — Если что-то с тобой случится, я с ума сойду от горя.

— Ничего не бойся, Мин, дорогая! Мы останемся ровно столько времени, сколько мне понадобится, чтобы закупить кое-какие припасы для матери и для нас. Потом мы поедем вверх по реке и уже никого не встретим. На выходе из поселка начинается настоящая белая пустыня!

Тошан снял комнату в гостинице возле порта, с хозяином которой был

хорошо знаком. Собак он устроил во флигеле, разделенном на несколько складских помещений. Это заведение имело широкую клиентуру и все удобства, необходимые для тех, кто проезжал через поселок транзитом, прибыв на корабле, в автомобиле или же на собачьей упряжке.

Эрмин пришла в легкое замешательство, ступив на чисто вымытый пол комнаты, в которой стоял платяной шкаф с зеркалом, медная кровать и умывальник. Она щелкнула бакелитовым выключателем, и зажглись сразу две лампочки: одна — под потолком, вторая — на прикроватном столике.

«Напишу письмо маме, — решила она. — Я уехала неделю назад. Она наверняка волнуется. И потом, не знаю, когда мне удастся написать ей снова...»

Девушка привела себя в порядок, сполоснула нательное белье в теплой воде и развесила на радиаторе, потому что в гостинице было центральное отопление.

— Лишь бы только Тошан не повстречал какого-нибудь недоброжелателя! — пробормотала она, надевая удобное зеленое шерстяное платье.

Эрмин расчесывала волосы, стоя у окна, из которого была видна улица и часть набережной. По обледеневшей дороге, посыпанной опилками и сажей, туда и обратно сновали зеваки, автомобили и конные повозки. У понтонного моста, высоко подняв нос, стояло старенькое судно, ставшее пленником замерзшего озера. В нескольких шагах от него по льду катались дети.

«До Валь-Жальбера отсюда всего восемнадцать миль, если ехать через озеро Сен-Жан, — подумала Эрмин. — Когда мы вернемся следующим летом, я бы хотела поплыть на корабле. Господи, надеюсь, дома все в порядке. Гнев Жозефа не так просто усмирить. Лишь бы только он не устроил маме неприятности...»

Комната находилась на втором этаже гостиницы. С улицы донесся звонкий смех. Эрмин отдернула штору, чтобы лучше видеть. Тошан о чем-то оживленно разговаривал с двумя молодыми женщинами, одетыми в шубки из овчины. Одна была русоволосая и кудрявая, а в ушах у второй, черноволосой и стриженной под мальчика, поблескивали золотые серьги. Было очевидно, что они хорошо знают парня. Барышни громко смеялись. Тошан улыбался, как всегда красивый и статный, скручивая сигарету. Накануне он заплел волосы в две косы, но сейчас их не было видно за поднятым воротником.

За несколько секунд Эрмин узнала, что такое муки ревности.

«Они, конечно же, работают в гостинице! Или из семьи хозяина», —

сказала она себе, пытаясь успокоиться.

В это мгновение светловолосая коснулась плеча Тошана, а брюнетка провела рукой по его щеке.

— Почему он позволяет им прикасаться к себе? — возмутилась девушка. — Он ведь мой муж!

Снедаемая беспокойством, Эрмин продолжала наблюдать за Тошаном. Она едва сдержалась, чтобы не выбежать на улицу и не заявить о своих правах, но была слишком хорошо воспитана, чтобы выставить себя на посмешище. Наконец обе барышни ушли.

Почти тотчас же с лестницы донесся шум легких шагов. Трижды стукнув в дверь, Тошан вошел в комнату.

— Мин, дорогая, я пришел, чтобы тебя поцеловать! Мне еще надо зайти в скобяную лавку и в бакалейный магазин. Сегодня-вечером поужинаем в гостинице, здесь хорошая кухня. Закажем рагу из зайчатины и картошку со сливками!

Она смотрела на него, и выражение ее лица было грустным. Он привлек ее к себе и попытался поцеловать, но Эрмин отстранилась.

— Нет! Я видела тебя из окна! С двумя хохочущими дурнушками! Они заигрывали с тобой, прикасались к тебе! — пробормотала она сквозь слезы.

Тошан еще не привык к тому, что у него появилась супруга, перед которой нужно отчитываться. Но ситуация получилась неприятная. Он потер щеку, словно пытаясь стереть отпечаток своего проступка.

— Я говорил тебе, что в Перибонке у меня есть друзья. Я всегда заезжаю сюда по пути домой.

— Но я думала, что твои друзья — мужчины! — всхлипнула она. — Кто эти женщины? Что тебя с ними связывает? Мне неприятно было видеть, как фривольно они с тобой обращались!

Молчание мужа повергло Эрмин в трепет. Тошан сел на край кровати и задумался.

— Тошан, раньше я не знала, что такое ревность. Когда я была маленькой, Бетти следила за Жозефом. Она плакала, когда он задерживался в баре отеля. Однажды она попыталась объяснить, что чувствует, когда муж говорит с ней о другой женщине, но я не понимала. И вот теперь у меня болит сердце и я сильно рассержена!

Он смотрел на нее со все возрастающим удивлением.

— Мин, но ведь я люблю *тебя*! Джейн и Анна пять лет назад работали здесь горничными. Теперь обе замужем. Когда я им сказал, что у меня тоже появилась жена, они мне не поверили. Поэтому-то мы и смеялись. Это ведь хорошо, когда друзья смеются?

Эрмин готова была принять это объяснение причины их веселья, но она хотела услышать объяснение и для проявлений нежности.

— Они гладили тебя по плечу и по щеке!

— У меня не растет щетина. Это из-за индейской крови. Анна, брюнетка, всегда проверяет, не пробивается ли у меня борода. А у Джейн шестеро младших братьев, она и ко мне относится так же, как к ним. Она эмигрировала из Англии, и у нее у самой уже есть дочка. Ты все еще сердишься?

Смущенная Эрмин между тем натягивала сапожки.

— Не сержусь. Я верю тебе, но пойду с тобой в город. Я совсем не устала и хочу купить твоей матери подарок, — ответила она.

Тошан лукаво улыбнулся. Он понял: она идет, чтобы за ним присматривать. Ему это понравилось.

— Ты очень хороша в гневе! — заявил он. — Не волнуйся напрасно, Мин, я выбрал тебя своей женой и буду тебе верен.

Она посмотрела на него. В голубых глазах все еще стояли слезы. В следующее мгновение они обнялись, их губы слились в поцелуе.

— Перед походом по магазинам мы успеем испробовать эту кровать, — шепнул ей на ухо Тошан.

Никогда не забудет Эрмин эту скромную комнатку, в которую через узкое окошко проникал сероватый свет! Гостиница наполнилась множеством звуков — криками, стуком ног на лестнице, — и она прислушивалась, обнаженная, лежа в объятиях своего любимого. Было тепло, и простыни приятно пахли мылом. Она больше не думала об инциденте, разбудившем в ней ревность. Она чувствовала, что только теперь в полном смысле слова стала женщиной. Удовольствие от интимных отношений она ощущала по-другому: оно стало несколько расплывчатым, но приобрело новую, ослепительную остроту. Положив руку на живот, она ощутила твердую уверенность в том, что они только что зачали ребенка.

— Мне казалось, что я лечу, — призналась она Тошану. — Что парю, невидимая, высоко в небе! И мне чудилась восхитительная музыка!

Он смотрел на нее серьезно, с бесконечной нежностью. Юноша понимал, что ей довелось много страдать, а пожаловаться чаще всего было некому. Под обликом послушной и ласковой девушки скрывалась натура, способная взбунтоваться, испытывающая настоящую жажду правды и справедливости.

— В жизни нет случайностей, — сказал он. — Я помню тот вечер, когда твои родители приехали к нашей хижине. Начиналась ужасная метель. Я не обратил особого внимания на мужчину, твоего отца, но Лора...

Она была очень красива и очень больна. Мама уложила ее возле очага и лечила, как могла. Я тоже от души молился, чтобы она поправилась. После смерти Жослина она до лета жила у нас. Она постоянно напевала, сидя у окна. Я подолгу наблюдал за ней. Я знал, что скоро она уедет. Однажды ночью она разговаривала во сне. Я услышал слово «Валь-Жальбер» и запомнил его. Поэтому однажды решил сделать крюк и посмотреть на твой поселок. К тому времени я стал мужчиной и искал работу. Однажды вечером я катался по льду за отелем, и посмотреть на меня пришла одна девочка. Мы поговорили, и лицо ее показалось мне знакомым. Я поверил ей, мне захотелось ее защитить. Но тогда я не знал, что передо мной дочь Лоры.

Эрмин погладила мужа по черным волосам. Она плакала от счастья.

— Думаю, что я полюбила тебя в то мгновение, когда увидела, как ты совсем один катаешься в темноте. Ты так замечательно насвистывал! Я тогда была пленницей, ты — свободным. Тошан, увези меня скорее в лес, подальше отсюда! На север, откуда приходят вьюги!

— Завтра утром мы уедем, — сказал он, целуя ее в лоб.

* * *

Валь-Жальбер, 10 января 1932 года

Большую часть дня Лора проводила за книгой возле чугунной печки, в которой ворчало яркое пламя.

Сегодня она держала в руке письмо дочери. Прочитав его дважды, она без конца покрывала его поцелуями. Мирей поставила перед хозяйкой поднос с чайным прибором и вздохнула.

— Мадам, вы снова плакали! Это нехорошо; если будете сидеть здесь, как в клетке, вы скоро станете похожи на собственную тень! Пригласите в гости Бетти с детьми! Мы теперь можем быть спокойны за нашу Эрмин, ведь она прислала письмо.

— Знаю, дорогая моя Мирей, но ведь это письмо она отправила больше недели назад, и за эти восемь дней могло случиться что угодно! Как бы я хотела быть уверенной, что с моей дочкой все в порядке, что она не страдает от холода и ничем не больна! У нас последние несколько дней бушевала метель, а сегодня с утра идет снег...

Экономка налила чай в тонкостенную чашку китайского фарфора. Комната наполнилась тонким ароматом бергамота.

— Мадам, не волнуйтесь. Метель — это, конечно, неприятно, но ведь от нее всегда можно спрятаться! В жилах мужа нашей Эрмин течет индейская кровь. Думаю, на этого красавца можно положиться. Он знаком с кочевой жизнью.

Лора протянула Мирей письмо дочери.

— Возьми и прочти, это тебя порадует!

— Мадам, вы не обязаны... Это личное письмо.

— Но ты ведь умираешь от любопытства, верно? Эрмин относилась к тебе как к бабушке, которой у нее никогда не было. А любая бабушка должна читать письма от внучки.

Разрумянившаяся от волнения, со слезам на глазах, экономка вытерла руки о белый фартук и бережно, как реликвию, взяла письмо. Она тихо прочла его вслух:

«Моя дорогая мамочка,

пишу тебе из гостиницы, что близ порта в Перибонке. Из окна мне видно покрытое льдом озеро Сен-Жан. Хочется как можно скорее тебя успокоить. Мы женаты, и у нас есть свидетельство о браке. Нас обвенчал старый священник в пустыни Святого Антония на озере Лак-Бушетт. Он знал Тошана ребенком, поэтому согласился благословить наш союз. Я даже пела в местной часовне, так я была счастлива, что могу стать супругой того, кого люблю.

Я счастлива, дорогая мамочка, так счастлива, что мне иногда становится стыдно, потому что я все реже вспоминаю о тебе. Мне очень нравится моя нынешняя жизнь траппера (жаль, что у этого слова нет формы женского рода).

Тошан вышел купить инструменты и еще какие-то нужные вещи, которые мы повезем на санях. Он совсем не такой, как другие. Он многое рассказал мне о лесе и о животных. Рядом с ним мне ничего не страшно. Он называет меня „Мин, дорогая“, и мне это ласковое имя очень нравится. Не беспокойся, я абсолютно здорова. Завтра мы поедем дальше вдоль Пери-бонки, до самой хижины матери Тошана. Мне приятно думать, что шестнадцать лет назад ты проехала по тем же местам, что и я сейчас.

Надеюсь, ты не слишком обо мне волнуешься, а у Мирей,

Бетти и детей все хорошо. Если Жозеф тебя донимает, скажи ему, чтобы больше не вмешивался в наши дела, потому что я замужем.

Оттуда, куда я еду, мне будет тяжело отправить письмо, но, если получится, я постараюсь вскоре написать тебе снова. Но, что бы ни случилось, мы увидимся в Валь-Жальбере в начале будущего лета.

P. S: Мама, указывая дату, заметила, что наступил новый год. Мы с Тошаном совсем об этом забыли. Хотя, должна тебе признаться, он на такие мелочи совсем не обращает внимания».

Любящая тебя дочь Эрмин.

2 января 1932 г.

— Замечательное письмо, мадам, — вынесла свой вердикт Мирей. — Ваша дочь по-настоящему счастлива, это чувствуется сразу.

— Я в этом не уверена, — отозвалась Лора. — Можешь надо мной смеяться, Мирей, но я беспокоюсь, как прошла ее брачная ночь. Это деликатный момент, который многое определяет в дальнейшей жизни супругов. Я ничего ей не объяснила. Теперь я немного жалею, что так легко разрешила ей уехать. Ничего не имею против Тошана, мне кажется, это честный юноша, который очень любит Эрмин, но его жизнь и жизнь его матери так отличаются от нашей! Какие удобства он может ей предоставить?

— Мадам, думаю, наша Эрмин может обойтись без особых удобств, да и девочка она неглупая, поэтому знает, чем мужчина и женщина занимаются вместе, — благоразумно ответила Мирей. — Насколько я успела изучить вашу дочь, она не боится труда, смела и, думаю, стремится к приключениям и любит свободу. Что до удобств... Ребенку, воспитанному монахинями, не привыкать к дисциплине и лишениям. У нее хорошая закалка.

Лора кивнула в знак согласия.

— Ты права, Мирей. Получив хорошие новости, я должна радоваться, а не расстраиваться. Я чрезмерно баловала Эрмин, старалась наверстать упущенное, охранить ее от всех забот... Но знать, что она далеко, в метель и стужу...

Женщины большую часть дня проводили в одиночестве. Аруан Маруа приходил на два часа ежедневно, выполняя работу Селестена, которого Лора все-таки уволила. Вечера они коротали вдвоем: одна вязала, вторая

вышивала. Между ними установились более теплые отношения, основанные на взаимном уважении. Мирей не моргнув глазом выслушала несколько неожиданных признаний Лоры и была растрогана оказанным ей доверием.

— По-моему, к дому подъезжает автомобиль! — воскликнула экономка.

Вопреки всякой логике у Лоры появилась надежда, что это возвращается ее дочь. Она тут же себя урезонила. Эрмин путешествовала на собачьей упряжке, и к этому времени наверняка приехала к матери Тошана.

— Мадам, это месье Цале! — объявила Мирей, выглянув в окно.

Пианист не появлялся в Валь-Жальбере с того драматического вечера в канун Рождества, когда Эрмин снова встретилась с Тошаном.

— Скорее открывайте! — воскликнула Лора.

Ханс выглядел именно так, как положено отвергнутому жениху — исхудавший, мертвенно-бледный. Снежные хлопья таяли на его черном пальто и коричневой фетровой шляпе. Войдя в гостиную, он поклонился стоявшей у фортепиано Лоре.

— Дорогая мадам, в эти дни я забыл обо всех своих обязательствах! Я хотел вам написать, но передумал.

— Прошу вас, называйте меня теперь Лора, мы ведь давно друзья. Не так ли?

Он осмотрел комнату, как если бы искал что-то или кого-то. Лора все поняла и поспешила объяснить:

— Эрмин уехала, Ханс. Жозеф Маруа грозил, что на правах опекуна не позволит ей выйти замуж за Тошана Дельбо. Я помогла ей бежать. Или, сказать точнее, помогла им.

— Господи, какая странная ситуация! Но куда они уехали?

— Они далеко отсюда и, надеюсь, в полной безопасности. Я очень расстроена, мой дорогой Ханс, этим новым ударом судьбы. Вы так радовались этой помолвке! Никто не мог предвидеть, что Тошан вернется. Простите меня за то, что я встала на сторону Эрмин. Как я могла помешать ей любить этого юношу? Запретить уехать с ним? Поверьте, она очень сожалела о том, что обидела вас, разбила вам сердце.

Пианист опустил в кресло, стоявшее перед креслом-качалкой. Он выглядел подавленным.

— В таком случае Эрмин подвергает себя опасности, живя во грехе, — тихо сказал он.

— Нет, что вы! Они поженились в часовне пустыни Святого Антония,

у озера Лак-Бушетт.

Это известие уязвило Ханса.

— Что ж, если так, все кончилось хорошо. Но обо мне она совсем не думала!

— Простите меня, я сообщаю вам эти новости, зная, что они могут вас огорчить. Но я сама узнала об этом только сегодня утром. Дочь написала мне письмо. Ханс, нам нужно быть сильными. Признаюсь вам, я чувствую себя ужасно одинокой и каждую минуту опасаясь визита Жозефа Маруа, который продолжает сердиться. Элизабет удалось его успокоить, иначе он мог бы причинить мне большие неприятности.

— Я думал, что увижу Эрмин, поговорю с ней! — отозвался Ханс. — Дорогая Лора, для меня это ужасный удар. Моя жизнь изменилась благодаря вам и вашей дочери. Каждый раз, приезжая в Валь-Жальбер, я попадал в мир нежности, красоты, музыки... Часы, которые я провел здесь, с вами и Эрмин, останутся самыми прекрасными в моей одинокой жизни!

— Но ведь я не запрещаю вам навещать меня! — удивленно сказала Лора. — Зима без Эрмин покажется мне бесконечной. Приезжайте так часто, как вам захочется, Ханс. Мы будем слушать ваши пластинки с оперными ариями.

— Которые вы любезно преподнесли мне в один прекрасный рождественский вечер, — уточнил он.

— Мирей с радостью испечет нам что-нибудь вкусное, приготовит десерт, — сказала Лора. — Мне тоже очень приятно общение с вами.

Она хотела добавить «я по вас скучала», но вовремя одумалась. Сначала эта мысль удивила ее саму, но Лора тут же поняла, что это был крик ее души.

Ханс достал из футляра безукоризненно чистый носовой платок, снял очки и тщательно протер их. В его блекло-голубых глазах стояли слезы.

— Я никогда не был гордецом, Лора. Признаюсь, я только что снова пролил слезы о своей потерянной любви, но думаю, в последний раз. Наш милый соловей обладает даром петь и очаровывать души. Я представил себя рыцарем, который будет защищать ее, решил всюду сопровождать и радоваться ее успехам, оставаясь в тени. Но ведь она так молода в сравнении со мной, тридцатилетним стариком! Я скоро приду в себя и вернусь к реальности. Так просыпаются после слишком прекрасного сна...

Ханс откашлялся, надел очки и посмотрел на нее с грустной улыбкой. Внезапно он осознал, что в мечтах о будущем, о которых он только что упомянул, присутствовала и Лора: на корабле, плывущем по озеру Сен-

Жан, в поезде, несущемся по равнинам Франции и Италии, и даже в ложе *Опера Гарньев* Париже.

— Мой бедный друг, — вздохнул он. — Как вы любезны и предупредительны! Я буду привозить вам книги, играть для вас на фортепиано. Что, если я приеду в четверг?

— В четверг? Прекрасно! — откликнулась Лора, обрадованная, что скоро они снова увидятся.

Мирей, принеся поднос с чайным прибором, бесшумно вышла и вернулась в кухню. Она не хотела беспокоить Ханса и Лору.

За долгую зиму это вошло у нее в привычку.

* * *

Берег реки Перибонки, 12 января 1932 года

Мягкие хлопья снега, густо сыпавшиеся с неба, ослепляли Эрмин. Сжавшаяся в комок на санях, закутанная в одеяла, она едва различала присыпанных снегом собак, которые устало брели вперед, понуриив головы. С утра они проделали большой переход.

— Тошан, — позвала она, — ты, наверное, заблудился. Скоро стемнеет. Вокруг ничего не видно. Как ты найдешь дорогу к хижине матери?

— Не бойся! — крикнул он сквозь завывания ветра. — И постарайся не замерзнуть!

Но у Эрмин сдали нервы, и она расплакалась. Одежда на ней промокла и промерзла. Без конца шел снег, и это казалось ей невыносимым. Она говорила себе, что просто невозможно найти дорогу в этой непроницаемой для взора белой дымке, поглотившей мельчайшие детали пейзажа. От продолжавшейся два дня метели они укрылись в крошечной полуразрушенной хижине лесорубов. Костер дымил, не давая тепла, в проржавевшем бидоне, приспособленном под очаг. Устроившись под полуобвалившейся крышей, молодожены довольствовались раскрошившимся печеньем и теплым кофе. У Эрмин об этих днях остались ужасные воспоминания. Большую часть времени они с Тошаном спали, убаюканные завываниями метели, не занимались любовью и даже не разговаривали.

— До дома осталось немного, — сказал Тошан утром третьего дня. — Метель уходит.

И они отправились дальше, несмотря на сильный снегопад. Девушка не могла отделаться от мысли, что ее супруг едет наугад, без каких-либо ориентиров.

«Он боится сказать, что заблудился, — думала она, покусывая воротник куртки, чтобы сдержать рыдания. — Этой ночью нам придется спать под брезентовым навесом, а завтра все начнется заново. Мы никогда не приедем!»

Она сжала кулачки, отчего на лице появилась гримаса боли. Пальцы замерзли и почти не слушались. Медовый месяц превращался в кошмар.

— Мин! — позвал Тошан. — Собаки устали. Вылезай из саней, будет лучше, если ты немного пройдешься пешком.

«Это предел всему! — сказала она себе. — В сравнении с вещами, которые он погрузил, я почти ничего не вешу!»

Гнев вывел ее из состояния заторможенности. Она отбросила одеяла и медвежью шкуру. Однако, когда она попыталась встать, одеревеневшие ноги не послушались, и она упала набок. Влажный снег тут же окутал ее, обжигая лицо.

Эрмин с трудом встала. Тошан приказал собакам остановиться и подбежал к ней. Она оттолкнула его.

— Это из-за тебя! — пробормотала девушка.

— Нет, ты сама виновата! Ты не стала ждать, пока сани остановятся! — ответил он. — Мин, потерпи еще немного! Обещаю, что вечером мы отдохнем в тепле.

— Я тебе не верю. С меня хватит, — всхлипнула она.

— И это после малюсенькой метели и жалкого снегопада? — нежно сказал он, обнимая ее. — Все хорошо, потерпи! Я давно иду за санями, чтобы собакам было легче.

— Правда? — удивилась она.

— Ты займешь мое место, — вдруг сказал Тошан.

Он показал, как следует стоять на полозьях, держась за поручни. Эрмин почти утешилась, ведь она сразу же вспомнила об отце, Жослине Шардене, чьи руки когда-то касались этих поручней. Эта мысль ее успокоила.

— Вперед, Дюк! — крикнул Тошан.

Сани тронулись с легким толчком, и девушка еле удержалась на полозьях. Но она тут же выпрямилась, гордая, что правит упряжкой, как и ее отец когда-то.

— Вперед, Дюк, вперед! — звонко крикнул Тошан.

Плотная завеса снега и ветер больше не казались ей такими ужасными.

Она смеялась, а муж потихоньку бежал рядом с санями.

— Мин! — позвал он, встряхивая своими длинными черными волосами.

— Что?

— Я не сбился с пути. Тем более что собаки знают дорогу к дому. Смотри!

Сквозь снегопад и сгущавшиеся сумерки блеснул желтый квадратик света. Девушка закричала от радости и облегчения. Через несколько минут они остановились перед заснеженной, довольно большой хижинкой. Дверь тут же отворилась, и на пороге появилась женщина среднего роста, худая и с прямой спиной. Безмятежное лицо цвета хлебной корочки обрамляли две толстые черные косы. Она улыбалась, глядя на молодых людей ясными черными глазами.

— Мама, познакомься с моей женой, — сказал ей Тошан.

— Добро пожаловать, дочка, — напевным голосом сказала индианка.

— Добрый вечер, мадам, — прошептала оробевшая Эрмин, — очень рада с вами познакомиться.

— Зови меня Тала. На языке моего народа это означает «волчица». Муж называл меня Роланд. Это имя мне дал священник при крещении. Но муж мой умер, и я больше не хожу молиться в церковь. Входи, дочь моя. У тебя глаза еще более голубые, чем летнее небо.

Тошан увел упряжку в сарай, где обычно размещались сани. Даже не поцеловав мать, он стал выкладывать покупки и рыться в сумках.

— Входи и погрейся, — позвала Эрмин Тала. — Сын придет, когда управится. Я очень рада, что ты приехала.

Эрмин прошла вслед за ней в дом, показавшийся ей гаванью света и тепла. В обложенном галькой очаге танцевал, потрескивая, огонь. На полу вместо ковра были расстелены звериные шкуры. На крючках висели две керосиновые лампы, освещая комнату, в которой царили чистота и порядок. Убранство комнаты казалось непривычным, но при этом необыкновенно гармоничным. Предметов мебели, сработанных из светлой древесины, было немного. Стены были увешаны разноцветными тканями с загадочной символикой. На горячих углях стояла кастрюля, в которой булькало кушанье, приятно пахнущее мясом и овощами.

— В комнате я приготовила для тебя ушат с горячей водой, мыло и полотенца, — сказала мать Тошана.

— Но откуда вы знали, что мы приедем сегодня вечером? Нас задержала метель!

Тала звонко рассмеялась. Эрмин подумала, что она очень красива.

Возраст матери Тошана она определить не смогла. Они с сыном были удивительно похожи.

— Если бы вы не приехали, я бы помылась ею сама. Я грею воду уже три дня подряд. Скажи, что обо мне рассказывал сын?

— Всего понемногу. Он постоянно говорит о вас, — ответила Эрмин с улыбкой.

Тала проводила ее в комнату и вышла. Здесь было тепло, но не жарко, как в общей комнате. При свете свечи девушка торопливо сняла сапожки, разделась. Обнажившись, она встала в лохань и начала мыться, вздыхая от удовольствия. Тала приготовила все необходимое: и кувшинчик, чтобы обливаться чистой водой, и кусочек ткани вместо губки.

«Красивый маленький дом, — думала девушка с удовлетворением. — Моя свекровь, кажется, добрая женщина. Я не смогу писать маме письма, значит, буду вести дневник в тетради и подарю ей его летом, когда вернусь».

Тошан, обвешанный вещами, вошел без стука. Эрмин шепотом попросила его поскорее закрыть дверь.

— Твоя нагота не смутит мою мать, — возразил он.

— Но я не хочу, чтобы кто-то, кроме тебя, видел меня голой!

Он сбросил вещи на пол и поцеловал ее сначала в губы, потом в шею. Никогда прежде Эрмин не видела его таким веселым. На лице появилось умиротворенное выражение.

— Я так рад оказаться дома, — сказал он. — Зимой я обычно работаю на лесоразработках и возвращаюсь в начале мая. Но на этот раз я с удовольствием буду ждать весну здесь, с тобой.

Эрмин надела сухую одежду и причесалась. Все еще не веря, что оказалась в тепле, она надела на ноги мягкие шерстяные тапочки. Тошан кивком указал на кровать со спинками из грубо обработанного дерева. Она была покрыта ярким лоскутным одеялом.

— Отец сделал мебель своими руками, мать сшила одеяло. Это была их комната. Теперь она наша.

— А где будет спать твоя мать?

— Есть еще одна комната, я построил ее прошлым летом, на случай, если ты когда-нибудь приедешь сюда со мной. Не волнуйся, мама давно там обосновалась.

Они оба проголодались, поэтому вышли в большую комнату, где Тала накрыла на стол и уже ждала их. Украдкой рассматривая ее, Эрмин прониклась безмерным уважением к женщине, которая многие месяцы жила в одиночестве в самом сердце дикой природы.

«Как это вообще возможно? Неужели она не страдает от одиночества? У нее такая умиротворенная улыбка! Окажись я на ее месте, я бы умирала от тоски!»

Они молча ели лепешки из кукурузной муки и оленину, сваренную в густом коричневом бульоне. Позже Тала принесла эмалированную кружку с горячим кофе.

— Спасибо, Эрмин, — искренне поблагодарила она невестку. — Сын сказал, что мешочек кофе — это твой подарок. Для меня это лучшее лакомство, а оставалось его совсем немного.

Тошан поставил на стол всего две чашки. Погладив юную супругу по волосам, он сказал, что идет спать. Эрмин не смогла скрыть разочарования, и Тала с улыбкой ее успокоила:

— Сын знает, что я хочу с тобой поговорить. Только что, пока ты мылась, он рассказал мне, кто ты. Я должна передать тебе все, что знаю о твоих родителях.

— У нас будет время поговорить об этом, — тихо ответила девушка.

Эрмин не хотелось слушать рассказ о родителях сегодня вечером. Она чувствовала себя слишком уставшей. Как бы то ни было, ее отец умер... Ей не терпелось лечь рядом с мужем, насладиться его ласками и приласкать его.

— Дочка, от неприятностей лучше избавляться поскорее. Потом твое сердце и дух обретут покой. Если ты оказалась здесь, со мной, значит, тебе суждено узнать историю твоего отца, который не сможет поведать ее сам.

— Хорошо, — согласилась Эрмин, отметив про себя, что Тошан точно так же прямо навязывает ей свою волю.

— Твои родители приехали на санях приблизительно в это время года, — начала Тала. — Я была намного моложе. Меня крестили в день моей свадьбы с Анри Дельбо, которому нравилось называть меня Роланд. Крещение, смена имени... Я на все это согласилась ради любви к нему. Мы были здесь счастливы; хижина, которую мы построили вместе, мне нравилась, и в моем доме всегда было чисто и тепло. Потом у меня родился сын, Тошан, которого при муже я должна была звать Клеманом. Я скучала по своим родным и редко улыбалась. Однажды к двери нашей хижины подъехала упряжка с шестью собаками. Ими правил мужчина, в санях сидела женщина. Мне они не понравились. Анри приютил их, и я понимала, что так надо. Женщина, Лора, была очень больна. Не столько телом, сколько сердцем и душой. Завидуя ее красоте, я ухаживала за ней. Ты очень на нее похожа.

— Но ведь вы тоже очень красивая, — перебила ее Эрмин.

— Мы совсем разные. Я завидовала, потому что у нее были голубые глаза и белая кожа. Но плохие мысли скоро ушли. Она так мучилась, что я испугалась. Я слышала, как она плачет по ночам. Мужчина, Жослин, был похож на затравленное животное. Он был высоким, почти таким же, как Анри, с очень темными волосами, мужественным лицом и густой кудрявой бородой, скрывавшей его щеки и рот. Он ни разу не улыбнулся, даже Тошану, который кормил его собак и подавал ему еду. Через несколько недель твой отец решил ехать дальше на север. Он убегал, но я не знала от чего. Он, казалось, не замечал меня и говорил только с моим мужем, и то поздно вечером. Анри отвез их в хижину, которая была в шести милях от нашего дома. Он дал им запас еды и одеяла. У Лоры не было жара, но она отказывалась есть и говорить. Когда они уехали, мне стало легче на душе.

Тала залпом выпила свой кофе и продолжила рассказ:

— Прошло время, и Анри стал о них беспокоиться. Он взял ружье, немного кофе и сахара и отправился их навестить. Знай, Эрмин, я была молода, и мне не нравилось видеть, как муж уходит. Он вернулся с Лорой. Он сам тянул сани, на которых она сидела. Женщина улыбалась, как ребенок, и не узнавала нас с Тошаном. Анри рассказал мне все. Подойдя к хижине, он удивился, не увидев дыма над крышей. Где-то выли волки. Недалеко от дома он нашел тело Жослина, наполовину съеденное хищниками.

— О, Господи! — пробормотала Эрмин. — Какой ужас!

— Волки виноваты только в том, что хотели есть. Твой отец пустил себе пулю в голову, когда не смог убить твою мать, которая сошла с ума и потеряла память. Анри догадался об этом, выслушав рассказ Лоры, когда вытащил ее из-под кровати, где она пряталась, Изголодавшаяся, грязная и перепуганная. Она говорила о своем муже как о чужом мужчине, который угрожал ей ружьем, а потом ушел. Мы решили, что твоему отцу была ненавистна мысль, что любимая женщина умрет у него на глазах, и он решил положить конец ее мукам, но в конце концов предпочел лишиться жизни себя. Анри знал, что на родине, в Труа-Ривьер, Жослин убил человека. Твой отец наказал себя за проступок, которого не смог себе простить. Он был хорошим человеком, и тебе не придется за него краснеть. Весной мы сходим к его могиле.

Девушка плакала. Тала открыто изложила трагические обстоятельства смерти отца, не стараясь смягчить удар.

— Лора жила с нами до начала лета, — продолжала мать Тошана. — Анри отвез ее в больницу, о чем его попросил Жослин в оставленной им записке. Там было написано и о деньгах, завещанных нам, но Анри не

захотел их брать. Он опасался, что это наследство принесет ему несчастье... Плачь, дочка. Завтра твоя печаль уйдет.

— Не думаю. Я часто буду вспоминать об этом, — сказала Эрмин. — Это душераздирающая история. Отец должен был бороться, сдаться полиции. Мама объяснила мне все, но некоторых вещей она просто не помнила. Смерть того человека в Труа-Ривьер была несчастным случаем.

Она замолчала. Слезы катились у нее по щекам. Тала взяла девушку за руку и добавила:

— Теперь я знаю, отчего болела твоя мать. Ей пришлось расстаться с тобой. Ночью, когда она спала, воспоминания возвращались в ее затуманенный рассудок. И она во сне говорила о Валь-Жальбере.

— Тошан рассказывал мне, — шмыгнула носом Эрмин.

— Да, страшные сны Лоры привели моего сына к тебе. Вместе вы будете счастливы, и это счастье прогонит тоску из твоего сердца, из сердца твоей матери и из моего тоже.

— Вы совсем не кажетесь грустной...

— Я очень скучаю по мужу, — призналась Тала. — Я не была ему доброй супругой, все время дулась и жаловалась на его частые отлучки. Даже когда он увозил Лору в город, я осыпала его упреками, потому что боялась, что он не вернется, останется жить там, с ней.

Услышав это, Эрмин улыбнулась и вытерла слезы.

— Ты смеешься, — сказала мать Тошана. — Сидя у окна, она постоянно напевала песню о кленовом листе, и Анри с Тошаном часто заслушивались...

— Мама пела?

— Да, и ее приятно было слушать. Вернувшись, Анри вбил себе в голову, что должен непременно найти новые золотоносные жилы. И он искал их до самой смерти, пока его не унесла река. С тех пор я стараюсь быть добрее, наслаждаюсь каждой минутой жизни и снова научилась улыбаться, ведь муж смотрит на меня с неба... А теперь ты со мной, мой сын тебя любит, и ты даришь ему радость. Все хорошо, все идет по кругу.

Внезапно на Эрмин обрушилась жуткая усталость. Тала помогла ей встать и проводила в комнату, где ловко сняла с девушки юбку и блузку.

— Спи спокойно. Завтра ты обретешь покой.

— Да, конечно, — растерянно пробормотала девушка.

Она ощупью нашла кровать и легла рядом с Тошаном. Как боязливый зверек, она прижалась щекой к его плечу, обняла рукой его грудь. Как хорошо лежать вот так, рядом с тем, кого любишь! Его молчаливое присутствие ее успокоило.

За окнами все еще шел снег. Хрипло выли волки, свистел ветер. Неподдалеку бродила волчья стая — несколько хищников с подведенными от голода животами искали добычу. Залаяли встревоженные собаки. Тала накинула на плечи большую шаль и вышла проверить, хорошо ли заперт сарай. Остатки мяса она отдала трем маламутам.

— Тихо, Дюк! — приказала она. — Все в порядке. Не будите моего сына и дочку, которую он мне привез.

Тала улыбалась, глядя в зимнее ночное небо.

* * *

На берегу реки Перибонки, 9 апреля 1932 года

Лежа на кровати и раскинув руки в стороны, Эрмин потягивалась. Тошан встал рано, не потревожив ее сна. Обнаженная молодая женщина с грацией дикой кошки изогнулась на простынях. Момент пробуждения всегда доставлял ей радость. Из соседней комнаты в спальню проникал восхитительный запах кофе и горящего дерева. Она чувствовала себя отдохнувшей, готовой встретить день, который будет похож на все те чудесные дни, проведенные ею в доме свекрови с момента их приезда.

«Утром обязательно кофе и приятный разговор со свекровью, — думала Эрмин. — Потом, если погода хорошая, мы вместе прогуляемся по окрестностям. Потом начнем готовить еду. Когда все будет готово, придет Тошан. Он все время что-то чинит, забивает гвозди, пилит... После полудня мы с обожаемым супругом на часок ложимся поспать...»

Она обожала эти дневные часы, когда они с Тошаном возвращались на мягкую постель, обнаженные, пылкие, счастливые, жадные до удовольствий.

«Тала наверняка нас слышит, но она только улыбается. Похоже, индейцы не видят в плотской любви ничего плохого. Тошан не унаследовал от отца его сдержанности. Анри Дельбо считал поцелуи чем-то неприличным, как и многие в Валь-Жальбере. Мне больше нравятся индейские нравы. После дневного отдыха Тала учит меня языку индейцев монтанье, а я учу ее читать. Потом мы ужинаем и подолгу сидим у очага. Я пою для Талы и Тошана, а он курит сигарету. Потом мы идем спать, и я просыпаюсь одна, мне тепло и хорошо...»

Ее руки соскользнули с округлившихся грудей на ставший значительно более выпуклым животик. Она не ошиблась в гостинице в Перибонке: в ее

лоне росло зачатое от Тошана дитя.

— Наше дитя! — сказала она вслух.

Когда она сказала об этом мужу, придя к нему в сарай, где стоял верстак с инструментами, он замер, перестав остругивать доску. Ей не составляло труда вспомнить его взволнованное лицо и горделивый блеск черных глаз.

«Он поднял меня над землей, он целовал меня и повторял, что обожает меня, что я его любимая женушка-ракушка, его певчая птичка!»

Эрмин упивалась этими утренними размышлениями. Она проголодалась, от знакомого аромата кофе текли слюнки, но она намеренно задерживалась в постели, чтобы вспомнить моменты своего повседневного счастья. Это состояние блаженства она познала в первое же утро, когда проснулась в хижине, услышав накануне вечером ужасный рассказ о смерти отца. Тала ее не обманула: Эрмин очнулась от глубокого сна, открытая исключительно для упоительного настоящего и обещающего счастье будущего.

«Нужно повторить то, что я уже выучила, — решила она, потершись щекой о подушку Тошана, хранящую запах его волос. — Тала будет довольна. Значит, так... Названия рек и озер, которые помогут мне запомнить другие слова. Шикутими — „там, где глубоко“. Часто в них упоминается вода... Кеногами — „длинное озеро“. А теперь мое любимое, самое сложное слово: Ашуапмушуан — „там, где подстерегают оленя“. Метабетшуан — „там, где река собирается с мыслями“. Мистассини — „большой утес“. Перибонка — „там, где реку обрамляет песок“. Сагеней — „откуда течет вода“. Тадуссак — „круглые холмы“. И, наконец, Уиатшуан — „там, где вихрем кружит вода“. Уиатшуан — моя река, мой водопад...»

Тень грусти затмила на мгновение ее радость быть здесь, наслаждаться теплом на мягкой постели, зная, что внутри развивается плод их с Тошаном любви. Эрмин захотелось снова увидеть мать, Бетти и Шарлотту, маленького Эда, Мирей и Шинука, красивого рыжего коня, которого лучше нее никто не вычистит и не приласкает.

«Зима заканчивается. И, хоть иногда идет снег, скоро наступит оттепель. Тала говорит, что река ворчит подо льдом. На запах развешанного на чердаке сушеного мяса стали собираться мелкие грызуны. Как только установится хорошая погода, я попрошу Тошана, чтобы мы уехали. Я хочу родить в доме матери».

Эрмин не рассчитывала, что ребенок родится так быстро, но была этому очень рада. Она встала и оделась. Тала что-то шила из мягкой замши.

— Ленивица! — с улыбкой поприветствовала она невестку. — Ты не

настоящий горноста́й! Тот с рассвета бе́гает в поисках пропитания! А ты с каждым днём встаёшь все позже.

— Зато я повторила названия рек, Тала. Я старалась произносить их правильно, чтобы ты меньше надо мной потешалась.

Красивая индианка прищурилась, вынула иголку и откусила нитку зубами.

— Я шью приданое для ребенка. Он родится в конце сентября, и на зиму ему понадобятся теплые вещи. У меня есть разноцветные бусины, я украшу ими курточку. Летом я сплету ивовую корзинку, она послужит колыбелью.

Эрмин не осмелилась озвучить свои планы. Ни Тошан, ни Тала ни разу не говорили о возвращении в Валь-Жальбер. Молодая женщина решила, что у них еще будет время все обсудить. Она перестала удивляться тому, с какой беспечностью ее новая семья относилась ко всему, что не касалось пищи и дров для очага.

«Если мы выедем в конце июня или в начале июля, я хорошо перенесу поездку. Из денег, что дала мне мама, я потратила совсем немного. Через озеро Сен-Жан мы поедем на корабле», — говорила она себе, радуясь подобной перспективе.

Часом позже Эрмин вышла прогуляться. Тала осталась дома, она хотела закончить шитье. Снег, все еще глубокий, стал пористым и водянистым. Услышав неумолкающий рокот, перемежающийся глухим треском, Эрмин насторожилась. Эти звуки доносились от Перибонки. Лед таял, под ним пела вода, готовая освободиться, залить низкие берега.

В воздухе разливался тонкий весенний аромат. Из соснового леса с топором на плече вышел Тошан. Перед ним бежали собаки, шерсть у них была мокрая.

— Мин, иди посмотри! — позвал он ее.

Она подошла к нему. В руке у Тошана был хрупкий сиреневый цветок крокуса, который успел выбраться к свету из разогретой земли.

— Посмотри, первый цветок! Он маленький, но сильный, как ты!

Тошан улыбался, и кожа его была краснее, чем солнышко, а зубы — белее, чем снег. Эрмин подумала, что он самый красивый мужчина на земле и он ее любит. Господь соединил их. Желание вспыхивало в ней, стоило ему приблизиться, Он же не уставал ласкать тело своей супруги, но никогда ничего не требовал. Если она чувствовала себя утомленной, он довольствовался тем, что нежно прижимал ее к себе.

— Я сохраню этот цветок: засушу его между страницами моей книги.

— Этим летом ты увидишь, как хороши луга у реки, усыпанные

цветами! Олени карибу приходят сюда на водопой. В давние времена монтанье следовали за стадами карибу. Они охотились на самых слабых животных, и у них все шло в дело — кожа, жилы, кости... Сегодня вечером я попрошу, чтобы мать рассказала тебе историю моего народа. Я чувствую себя больше индейцем, чем белым, хотя очень любил своего отца. Я счастлив, что своего ребенка буду воспитывать здесь, на своей земле. Он будет расти свободным, среди лесов и рек. Девочка это будет или мальчик, я не отдам мое дитя в школу, которую держат монахи или монахини. Ты станешь для него учительницей.

И Тошан подарил Эрмин долгий страстный поцелуй. Молодая женщина подумала, что теперь это и ее единственное желание — вечно жить в хижине Талы на берегу Перибонки.

* * *

Апрель уступил место солнечному и радостному маю. Деревья покрылись листвой, луга — густой травой, над которой возвышались золотые коронки одуванчиков. Стаи птиц пели с утра до ночи. Однажды к сараю подобрался черный медведь, но собаки быстро его отогнали.

Живот молодой женщины округлялся с каждым днем. Тала достала из своих запасов отрез цветастого сатина и сшила из него просторное платье, которое лучше подходило к новой фигуре невестки.

В первый день июня Эрмин спросила у Тошана, как ей отправить письмо матери.

— Я хочу ее успокоить и сообщить, что у нас будет малыш. Где-нибудь неподалеку есть поселок, откуда можно отправить письмо?

— Нет. Ближайший поселок — в десяти днях пути. Каждое лето к нам приходит мой двоюродный брат. Напиши письмо, я ему передам. Там, где он живет, есть почтовое отделение.

— Но если так, письмо опоздает, потому что мы тоже уедем! — воскликнула Эрмин. — Я хочу написать ей сейчас. Я пообещала маме, что вернусь в июле. Мэр Валь-Жальбера нас поженит, и тогда мы официально станем супругами. И вообще, я не хочу рожать здесь!

Она смотрела на него своими ясными голубыми глазами. Ее волосы танцевали, раздуваемые ласковым ветром, светлая кожа искрилась на солнце. Тошан притянул ее к себе и погладил круглый животик.

— Мин, мы не сможем поехать к тебе в поселок. Зимой, на санях, это возможно, но сейчас нам пришлось бы идти много-много дней. Я-то

привык, но ты быстро устанешь. Я думал, что ты счастлива рядом со мной и моей матерью, которая любит тебя, как дочь.

— Я счастлива с вами, — вздохнула она. — Но я хочу вернуться в Валь-Жальбер.

— Будущим летом — обязательно. Ребенку исполнится годик. Я понесу его на спине. Не бойся, роды пройдут хорошо. Вернувшись домой, мой брат предупредит мою бабушку и тетю. Они придут вовремя. Женщины из племени монтанье знают травы, которые облегчают боль. Мой ребенок не появится на свет в твоём призрачном поселке.

Последние слова прозвучали жестко.

Молодая женщина осторожно высвободилась из объятий мужа. Она убежала в их комнату, упала на кровать и проплакала несколько часов. Тала задумчиво слушала грустную музыку ее рыданий.

Тошан провел ночь в лесу. На следующее утро он отправился на охоту, унося с собой сумку с провизией.

— Он всегда так поступает, — пояснила его мать. — Когда охотник идет за крупной добычей, ему иногда нужно несколько дней.

— Но он мог бы со мной попрощаться, — ответила Эрмин, которую огорчало демонстративное поведение мужа.

— Не стоит так убиваться, — посоветовала ей Тала. — Ребенку нужно, чтобы ты была веселой и чтобы в душе у тебя был мир. Забудь о гневе.

— Но я не сделала ничего плохого! — вскричала молодая женщина. — Я только хотела написать маме письмо. Она будет ждать меня! Тала, мне здесь нравится, и я не скучаю. Я очень тебя люблю, даже восхищаюсь тобой, но я думала, что Тошан останется жить в Валь-Жальбере, рядом со мной. Я там выросла!

— А он вырос здесь, — возразила Тала. — Пойми и ты его, любимая моя доченька. Став взрослым, Тошан познал страдание, горький вкус унижений. К нему относились недоверчиво, удивлялись, что он умеет читать благодаря упрямству отца, который отправил его в школу. Большинство жителей этих мест доброжелательно относятся к индейцам, но некоторые отказывались дать ему работу или просто приютить.

«Такие, как Жозеф», — сказала себе Эрмин.

— Тошан стал недоверчивым, в некоторых случаях он держится надменно. Он упорно носит длинные волосы и одежду, которую для него шьет его бабушка Опина ^[65]. Рассказывая мне о тебе, он не надеялся, что когда-нибудь вы поженитесь, потому что ты белая девушка и получила хорошее образование. И он был прав, потому что тебе пришлось бежать из поселка, чтобы семья примирилась с твоим выбором. Кто сказал тебе, что

Тошана хорошо примут в твоём Валь-Жальбере?

Эрмин вздохнула. Свекровь — увы! — была права. За исключением Лоры и Мирей, в чьём добром отношении она была уверена, кто согласится принять Тошана в эту замкнутую общину, в которой нет даже духовного пастыря? Хотя, подумав немного, она решила, что все не так уж плохо. Единственный, кто мог воспротивиться, это Жозеф Маруа, но Бетти сумела бы его усмирить.

— Твои родные скучают по тебе, это нормально, — сказала Тала. — Но жена должна следовать за мужем, как я пошла за Анри. Ты пообещала всегда быть с Тошаном. Дочка, подумай хорошенько. Что для тебя важнее?

— Тошан и дитя, которое я ношу. Его дитя, — без колебаний ответила Эрмин.

— Значит, не думай об отъезде. Наслаждайся летом, это время цветов и ягод, время быстрой воды.

— Но Тошан оставил меня одну! Он на меня сердится.

— Он скоро вернется к тебе, как пчела возвращается к медоносному цветку.

* * *

В это утро Тала долго расчесывала золотисто-каштановые волосы своей невестки. Она заплела их в две косы и украсила красными кожаными ленточками. Руки у нее были ловкие и ласковые.

— Иди на берег реки и пой, — посоветовала она Эрмин. — Ты давно не пела. Ребенок будет тебя слушать.

Молодая женщина села на песчаном берегу Перибонки. Ярко-голубое небо отражалось в ее глазах, таких же голубых. Черноголовые синички с писком порхали в кроне молодой ивы. В природе царили свет и гармония.

— Тала права, — сказала себе Эрмин, положив руки на живот. — Супруга посвящает избраннику свою жизнь.

Солнце было ласковым и теплым, река несла свои прозрачные воды. Кто-то неторопливо шел по песку. Она привстала и сразу же улыбнулась.

— Тошан! Ты вернулся?

Он улегся с ней рядом.

— На охоту схожу в другой раз. Я не смог уйти далеко, твое лицо все время стояло перед глазами. Я о тебе позабочусь.

С того дня они жили, наслаждаясь своим простым счастьем. Гольшом купались в бухточке Перибонки, занимались любовью страстно, но

осторожно. Когда ребенок шевелился, Эрмин говорила об этом Тошану, и он слушал, приложив ухо к круглому животу жены. Индианка посоветовала своей невестке побольше ходить пешком, что, по ее убеждению, должно было облегчить роды.

Вечером Тала разводила костер перед домом, ставила рядом стол, и они втроем ужинали при свете звезд. Двоюродный брат, чьего визита они ждали с таким нетерпением, явился в конце июля. Ему было около тридцати, и он приехал на низкорослой лошадке. У него были коротко подстриженные волосы и более темная, чем у Тошана, кожа. Звали его Шоган ^[66]. По просьбе мужа и свекрови Эрмин пела для него. Она почти не разрабатывала голос, как в прошлые годы, но он не утратил своей силы.

Сжав зубами трубку, Шоган слушал песни «Золотые хлеба» и «Странствующий канадец». Когда же молодая женщина, которую он отныне считал своей родственницей, очень эмоционально исполнила арию из оперы «Мадам Баттерфляй», в которой было много сложных пассажей, Тала смахнула слезу.

— Теперь, сестра, я буду называть тебя Канти. На нашем языке это означает «та, которая поет», — сказал Шоган.

Он уехал три дня спустя. Эрмин передала ему длинное письмо для Лоры. В нем она рассказывала матери о своей простой и счастливой жизни на берегу реки Перибонки, о ребенке, которого носит под сердцем и который должен родиться в сентябре. Рука девушки дрожала, когда она писала, что не вернется в Валь-Жальбер летом.

«Мама очень расстроится, но она поймет», — говорила она себе.

Пока Шоган гостил у них, Тошан попросил у него на время его лошадку и усадил на нее Эрмин.

— Мы поедем к могиле твоего отца, — сказал ей муж.

Хижина, в которой довелось жить Лоре и Жослину, давно развалилась под напором суровых метелей. Могила — скромная кучка камней — покрылась мхом и цветами, розовыми и желтыми. Сколоченный из двух досок крест слегка покосился.

Молодая женщина встала на колени и помолилась за мятущуюся душу Жослина Шардена.

«Дорогой папочка, я никогда не видела твоего лица, не слышала голоса. Когда ты был рядом, я была слишком мала и — увы! — ничего не помню. Может быть, ты приходил ко мне во сне. Я хочу сказать, что люблю тебя, даже не зная; что мне довелось вести твои сани и я часто касаюсь инициалов, которые ты вырезал на поручнях. Мы с мамой никогда тебя не забудем».

В это самое мгновение она решила, что, если у нее родится мальчик, она назовет его Жослином. Тошан не стал ей противоречить. Он стер слезы с ее щек и осторожно поцеловал в губы.

— Поедем домой, — с улыбкой сказал он.

* * *

Утром тринадцатого сентября Эрмин ощутила острую боль в области поясницы: ее словно опалило огнем. Потом ее стала мучить тупая боль внизу живота. Она сидела с чашкой кофе у очага, на улице шел дождь. Тала заметила, что невестка чем-то встревожена.

— Что случилось, доченька?

— Не знаю. Наверное, ребенок повернулся слишком резко. В последние дни он часто шевелится.

Опина, пожилая седовласая индианка с морщинистым лицом, кивнула. Они с Аранк, ее средней дочкой, чье имя на индейском означало «звезда», пришли еще вчера. Тала вопросительно посмотрела на мать и сестру.

— Дочка, иди ляг на постель, я тебя осмотрю, — сказала Опина. — Я ввела в этот мир пятьдесят малышей. Белые называют таких, как я, повитухами. Аранк, приготовь настой!

— Но ведь еще слишком рано! — попыталась возразить Эрмин. — Я думала, что рожу в конце сентября.

— Ребенок сам выбирает время и стучит в дверь твоего тела. Прими то, что с тобой происходит, Эрмин, — сказала Тала.

Тошан в это время заготавливал на зиму дрова. Когда он пришел на обед, общая комната была пуста. Из их с женой спальни доносился концерт спорящих голосов. Он вошел, вид у него был испуганный.

— Племянник, ребенок появится до прихода ночи, — сообщила ему Аранк.

— Правда? — удивился он и тут же спросил с беспокойством: — А это не слишком рано?

— Ребенок так решил, — отрезала Опина.

— Тошан, немедленно выйди! — вскричала Эрмин. — Поешь и принимайся за работу! Ты не должен видеть, как я рожая!

Она пыталась оставаться спокойной, смириться с болью, охватившей все тело. В глиняной плошке дымились ароматные травы.

— Выйди, сын, — поддержала невестку Тала. — Твоя жена права, тебе нечего делать в этой комнате.

Тошану кусок не шел в горло. Он выместил волнение на поленцах, которые разлетались на половинки от одного удара топора.

Эрмин делала все, как ей советовали три индианки, окружившие ее постель. Иногда они переговаривались на языке монтанье. Женщины часто улыбались, радуясь, что в мир приходит новый человек.

— Дыши глубже, доченька, — повторяла Опина. — Можешь даже петь, если хочешь. Шоган нам все уши прожужжал, нахваливая твой голос. Мы так торопились тебя послушать, что пришли раньше времени, и как все хорошо получилось!

— Я... не могу... петь! — задыхаясь, проговорила молодая женщина. Схватки приходили все чаще.

Опина осмотрела ее еще раз, хотя девушке было очень стыдно. Аранк, полноватая и менее красивая копия своей младшей сестры Талы, дала ей выпить четвертую чашку настойки. Будущая мать не знала, что напиток изготовлен из трав, обладающих успокаивающими и болеутоляющими свойствами.

— Дитя выходит, я ощущаю его круглую голову, — сказала старая индианка. — Тужься, доченька, толкай сильнее! А вы обе держите ее! За плечи, за спину!

Эрмин показалось, будто ее четвертуют живьем. Низ тела словно бы распался, в то время как что-то липкое, теплое и шевелящееся выходило из ее лона. Опина приняла ребенка в свои большие коричневые ладони. Дитя испустило громкий крик, за которым последовали звуки, напоминавшие сердитое мяуканье.

— У Тошана сын! — крикнула Тала. — Красивый мальчик!

— Ты создана, чтобы давать жизнь, — заметила Опина. — Роды прошли быстро и почти без боли.

Молодая женщина не была согласна с последним замечанием. Изможденная, она смотрела на отчаянно махавший ручками красный комочек сначала на руках у Аранк, потом у Талы.

— Как его будут звать? — спросила у Эрмин свекровь.

— Жослин, — с нежностью сказала та.

Тошан постучал в дверь. Он услышал крик ребенка и дрожащим от нетерпения голосом спросил, можно ли войти.

— Пускай еще немного подождет, — взмолилась Эрмин. — Меня нужно прикрыть, обмыть и помыть ребенка!

— У тебя сын, племянник, — звонко крикнула смеющаяся Аранк.

Тошан издал горделивый клич. Через несколько минут Тала показала ему малыша. На его хорошо сформированной головке был золотистый

пушок. Малыш открыл темные глазки и посмотрел на отца.

— Думаю, кожа у него будет темнее, чем у твоей жены, — сказала Тала. — Он чудесный!

— Мой маленький Мукки! [67] — прошептал Тошан, целуя сына в лоб. — Спасибо, Мин, дорогая, за то, что родила мне такого красивого сына!

* * *

После родов Эрмин неделю провела в постели. Она спала вместе с ребенком, который просил грудь много раз в течение дня и ночи. Магический круг изолировал ее от всего мира, когда она любовалась новорожденным. Тошан спал на полу, довольствуясь соломенным тюфяком и одеялом. Он наслаждался каждым мгновением, выполняя обязанности мужчины и отца. Когда молодая мама пела малышу колыбельную, он закрывал глаза и благодарил Господа и души своих предков монтанье.

Опина и Аранк, похоже, не собирались в ближайшее время возвращаться в свою деревню, расположенную в самом сердце леса, до которой от дома Талы было две недели пешего хода. Обе были шумные и веселые, и Тала наслаждалась общением с ними. Как и Тошан, три индианки звали ребенка Мукки, невзирая на протесты Эрмин.

Оставшись одна, она покрывала лицо сына легкими поцелуями, повторяя:

— Мой маленький Жослин, не Мукки! Жослин, послушай, я спою тебе «Больше в лес мы не пойдем»...

Мальчику исполнилось два месяца.

Дикае гуси улетали на юг.

Больше в лес мы не пойдем —

Все листики оборваны,

Милая, увы...

Эрмин замолчала. Из глаз полились слезы. Она теперь часто плакала, пока ребенок сосал грудь. Чтобы никто не замечал ее печали, она пряталась в своей спальне и там рыдала часами.

Опина и Аранк, в общем-то, милые женщины, теперь почти не уделяли ей внимания. Обе они, как и Тала, постоянно нянчились с малышом. Тошан

с утра и до вечера пропадал в лесу, стараясь заготовить достаточно дичи на зиму, ведь нужно было прокормить пятерых. Индианки устроили на улице коптильню для мяса, и на растопку шли влажные травы. Сильный запах проникал в дом. Именно этим въедливым запахом Эрмин объясняла свои красные глаза и нежелание никуда выходить.

«Я так хочу встретить Рождество дома, в моем поселке, в Валь-Жальбере! — говорила она себе день за днем. — Хочу показать Жослина маме и Бетти! Хочу вернуться туда, где вихрем кружит вода! Хочу услышать песню водопада...»

Снегопады начались в начале декабря. Однажды Тала увлекла сына за собой в сарай. Раздав собакам остатки мяса, она сказала:

— Тошан, ты должен отвезти Эрмин к родным. Она похудела, почти ничего не ест, ее ничто не радует. Если так пойдет и дальше, у нее может пропасть молоко. Я вижу, что глаза ее постоянно красны от слез, которые она от нас прячет.

— Я пообещал, что мы отправимся в Валь-Жальбер следующим летом! — ответил Тошан.

— Да, и она подчинилась твоей воле. Но вспомни, что Лора Шарден заболела от тоски и потеряла память. Что, если Эрмин унаследовала эту слабость от матери? Если ты ее любишь, отвези к родным. Мой внук — крепкий мальчик, он выдержит путешествие. Только ледяной ветер может причинить ему вред. Пока еще не слишком холодно, снег только укрыл землю. На санях ты как раз поспеешь к Рождеству. Я смотрела маршрут по карте.

— Но что я буду делать в красивом доме Лоры? — спросил Тошан сердито.

— Простофиля! Да то же, что и здесь: будешь помогать своей теще, будешь ходить в лес за дровами и спать рядом со своей женой.

На следующий день, ничего не сказав Эрмин, Тошан изготовил некое подобие навеса, обтянутого промасленной шкурой карибу, и укрепил его над спинкой саней. Этот навес должен был защитить Эрмин и ребенка от ветра, снега и солнца. Покончив с этим, он проверил собачью упряжь и состояние полозьев.

Близилась ночь. Придя в спальню, Тошан увидел, что Эрмин уже в кровати. Она кормила Жослина.

— Мин, когда сын насытится, вставай и собирай вещи. Завтра на рассвете мы выезжаем.

— Но куда? — с тревогой спросила молодая женщина. Она даже не улыбнулась.

— Туда, где вихрем кружит вода, к Уиатшуану!

Эрмин какое-то время не могла поверить своему счастью. Она приподняла ребенка и села. Тошан видел, как расцвело ее милое личико, как засияли прекрасные голубые глаза. Она улыбалась так, словно его слова возвратили ее к жизни.

— Спасибо, любовь моя, спасибо! Как я счастлива!

* * *

Валь-Жальбер, 22 декабря 1932 года

Лора без всякого энтузиазма заканчивала наряжать рождественскую елку. Она делала это для Бетти, ставшей для нее прекрасной подругой, для маленького Эда и особенно для Шарлотты, к которой частично вернулось зрение после операции, проведенной знаменитым хирургом из Монреаля. Девочка получит самый прекрасный подарок — наконец-то увидит, как сверкают на елке серебристые гирлянды и миниатюрные разноцветные лампочки.

«Эрмин не будет здесь, с нами, — с горечью подумала Лора. — А ведь она так обрадовалась бы, узнав, что ее обожаемая малышка Шарлотта почти выздоровела! И что пятнадцатого августа, в праздник Успения Богородицы, Элизабет родила дочку, прелестную крошку Мари...»

В гостиную вошла Мирей. Мягкий мужской голос поблагодарил ее за чай и кексы. Лора обернулась, услышав запах кленового сиропа.

— Ханс, ты привез из Роберваля выпечку! Мирей, я ведь говорила, чтобы ты ничего не пекла!

— Нет ничего лучше доброй горки домашних кексов, мадам!

— И кто их станет есть? Бетти с детьми придут только завтра. Арману пришлось вместе с отцом уехать в Шамбор. Мальчик обожает твою выпечку, но, к сожалению, его не будет.

— Лора, дорогая, не сердись, — вмешался Ханс. — Я могу сходить и пригласить Бетти прийти сегодня. Эдмону понравятся эклеры с кофейным кремом, которые я привез.

Пианист встал, взял ладонь молодой женщины в свои руки и стал целовать ее пальчики, коснувшись губами и кольца, аквамарина в серебряной оправе.

— Моя нежная суженая, отсутствие нашего соловья омрачит этот праздник, — сказал он. — Даже я хотел бы снова увидеть ее и объяснить,

как изменились мои чувства. Я шел ложным путем. Я любовался ею, я ее обожал, но ты и только ты была мне необходима!

Лора расплакалась и бросилась к нему в объятия.

— Мы не можем пожениться, пока моя дочь живет в лесу, в настоящей глуши! Ее длинное письмо меня успокоило, но я не могу перестать сердиться. Она уже родила ребенка, но я не увижу его до следующего лета. Я даже не знаю, мальчик это или девочка. Это недопустимо! Увидь я этого Тошана, я бы отгаскала его за черный чуб!

Ханс рассмеялся.

— Вам, мадам, под горячую руку лучше не попадаться! — воскликнул он шутливо. — Смотри, идет снег, но еще не очень холодно. А елка в этом году еще красивее, чем в прошлом. В каждой семье есть любимые люди, которые живут далеко, и расставание с ними мы переносим болезненно. Эрмин вернется, нужно только терпеливо ждать. Ты совершила прекрасный поступок, оплатив операцию для Шарлотты, и радость твоей дочери станет тебе наградой.

— Да, ты прав, — со вздохом откликнулась Лора. — Мне не следует жаловаться. Сходи и приведи с собой Бетти. Вместе с детьми мы слепим снеговика.

Надев пальто и шарф, Ханс ушел, размахивая руками, как большой ребенок. Лора закуталась в шаль и стала ждать его возвращения. Она с упреком смотрела на монастырскую школу, где прошли первые годы ее любимой девочки. Где-то вдалеке лаяли собаки.

— Наверняка это псы фермера Буланже, — тихо сказала она себе.

Лай разрывал в клочья тишину, повисшую над почти пустым поселком. Лора спустилась с крыльца и стала вглядываться в белоснежную северную даль.

* * *

Эрмин застегнула шерстяную кофту. Жослин досыта напился молока. Движение саней ничуть ему не мешало. Создавалось впечатление, что мальчику понравился долгий путь от реки Перибонки до водопада Уиатшуан, чье неистовое ворчание доносил до них ветер.

— Тошан! — позвала Эрмин. — Мы приехали! Еще немного, и я увижу колокольню монастырской школы! Но почему не видно церковной колокольни? ^[68]Впрочем, аббат Деганьон говорил, что ее собираются снести. Какая жалость! И у кого только поднялась на это рука?

Тошан, который не ждал ничего хорошего от встречи с семьей Маруа и Лорой Шарден, ответил с беспокойством:

— Надеюсь, твоя мать все еще живет в поселке. Редко из какой трубы идет дым. Твой Валь-Жальбер все больше и больше становится похож на поселок-призрак!

— Не говори так, Тошан! Это мой поселок!

Она потеплее укутала Жослина, чьи большие черные глаза, окруженные золотистыми ресницами, смотрели на небо и медленно падающие снежинки. Его волосики все еще были золотистыми, но кожа — намного темнее, чем у матери.

— Тише, Дюк, тише! — приказал Тошан жожаку упряжки.

Эрмин наклонилась вперед, всматриваясь в силуэты вязов на улице Сен-Жорж и светлую массу фабричных построек.

— Водопад! — смеясь, воскликнула она. — Вода шумит, я ее слышу! Тошан, я слышу мой водопад, где вихрем кружит вода! Жослин, мальчик мой, ты познакомишься со своей бабушкой Лорой!

Опьяневшая от счастья, она прижала ребенка к себе. Путешествие по просторам, готовящимся к долгому зимнему сну, стало для нее новым медовым месяцем.

— Мукки вел себя очень хорошо, — неожиданно сказал Тошан, как если бы смог прочесть ее мысли.

— О да, наш Мукки — маленький ангелочек!

Молодой человек остановил сани и указал Эрмин на фигуру, которая бежала им навстречу. Он взял ребенка из рук жены.

— Мама! — закричала молодая женщина. — Мамочка!

Лора потеряла по дороге свою шаль, позабыла о том, что на ногах кожаные тапочки. Влажный снег намочил ее чулки, но она со всей возможной для нее быстротой бежала к своей дорогой девочке, плача и смеясь.

— Эрмин! Спасибо, Господи, спасибо! Это Рождество!

Они встретились на полпути и обнялись. Потеряв голову от нежности, они вдыхали запах друг друга. Лора оторвалась первой и склонилась над ребенком, которого Тошан держал на руках.

— Это твой внук, мама. Я назвала его Жослин. А его индейское имя — Мукки.

— Господи, какой же он красивый! — в восхищении воскликнула Лора. — Я так хотела поскорее его увидеть! Спасибо, Тошан, что не испугались снега и поехали в такую даль! Благодаря вам у меня будет чудесное Рождество, ведь Эрмин и ваш прекрасный малыш со мной!

Подставляйте щеку, я хочу вас поцеловать!

Встав на цыпочки, она звонко чмокнула зятя в щеку. Тошан выглядел смущенным, но в душе радовался, что его так хорошо приняли.

Издали донеслись крики. К саням шел, широко улыбаясь, Ханс. Следом за ним — Бетти с младенцем на руках, маленький Эд и десятилетняя девочка, темноволосая и быстрая в движениях.

Это была Шарлотта. Скоро она всех обогнала.

— Мимин, какая ты красивая! — закричала она. — Румяная, золотоволосая, и глаза голубые, как небо!

Лора тихонько подтолкнула Эрмин вперед. Та бросилась к девочке, плача от радости.

— Моя Лолотта! Ты меня видишь? Господи, это чудо!

— Да. Я тебя вижу! И ты такая хорошенькая!

Эрмин подняла Шарлотту и закружила над землей. Девочка крепко обняла ее.

— Как ты выросла! Но как случилось, что ты выздоровела? Я хотела отвезти тебя в чудотворный грот при пустыни Святого Антония. Но теперь это и не нужно...

— Мы все тебе расскажем. А пока познакомься с Мари, моей доченькой, которую я родила этим летом, — с гордостью сказала Элизабет.

Эрмин полюбовалась малышкой. Потом наклонилась к державшемуся в сторонке Эдмону. Было видно, что мальчик робеет.

— Мой маленький Эд, ты не поздравляешься со мной? Ты тоже очень вырос!

— Ты стала дамой, — сказал мальчик.

Смеясь, Эрмин его поцеловала. Эд бросился ей на шею.

— Ну где ты видел такую растрепанную даму? Да еще с покрасневшим носом?

Настала очередь подойти и Хансу. Эрмин была удивлена, когда он с радостью пожал ей руку. Но у нее не было времени об этом задумываться, потому что Лора пригласила всех в дом отведать кексов Мирей.

Найдя дом пустым, экономка тоже вышла на крыльцо. Она увидела целую толпу, которая смеялась и громко переговаривалась, потому что у каждого было что рассказать. Следом ехали сани, запряженные тремя большими серыми собаками. Мирей увидела Эрмин, которая шла, прижимая к груди ребенка.

— Милостивый Боже! — воскликнула экономка, и слезы радости побежали у нее по щекам. — Уж не сон ли это? Иди скорее, я тебя поцелую, моя крошка! И твоего ребеночка тоже! Какое счастье! Как раз

поспели к Рождеству!

Все устроилось как нельзя лучше, хотя и экспромтом. Тошан запер собак во флигеле. Он больше не испытывал неясного страха, который мучил его на подходах к Валь-Жальберу. Дом Лоры, окруженный кустарником, кленами и березами, был похож на большую хижину. За солидным строением монастырской школы поселка было почти не видно.

Все уже собрались в гостиной, он вошел последним. Эрмин поспешила ему навстречу. Сына она все так же держала на руках.

— Ничего не бойся, — шепнула она мужу. — Все очень рады, что мы приехали.

Тошан же смотрел на елку, украшенную блестящими шариками, гирляндами и разноцветными лампочками. Потом его взгляд пробежал по чугунной печке, фортепиано и тяжелым шторам.

— Это мой дом, — сказала Эрмин. — Если бы ты знал, как я рада быть здесь, с тобой и нашим сыночком!

Оживление, царившее в просторной комнате, позволяло судить о том, как пройдут последующие праздничные дни. Тошан улыбнулся светло, как ребенок.

— Твоя семья такая же шумная, как и моя, — сказал он. — И мне это нравится.

Шарлотта в восхищении пританцовывала возле сверкающей елки. Эдмон требовал теплого молока. Бетти, укачивая на руках малышку Мари, слушала рецепт кексов Мирей, который несколько отличался от ее собственного. Лора накрывала на стол, не сводя глаз со своей долгожданной дочери.

В доме звенел смех, шумели голоса. Ханс внес финальный штрих в картину всеобщего веселья, сев за фортепиано. Полилась прекрасная музыка, похожая на эхо царившего здесь счастья.

Молодая пара отошла к окну. Эрмин, в глазах у которой стояли слезы, сказала тихо:

— Тошан, любимый, спасибо за то, что ты здесь, со мной. Ты не мог сделать мне лучшего подарка! Не знаю, надолго ли мы останемся, но самое важное, что я всех их увидела. Особенно мою дорогую мамочку! Я так счастлива!

Она еще немного понизила голос.

— Ханс предложил маме руку и сердце, и они обручились. Она на пять лет старше, но со стороны это даже незаметно. Бетти заверила меня, что Жозеф смирился и не станет нам докучать. Она так рада, что у нее наконец родилась девочка! Прошлым летом мама и Ханс отвезли Шарлотту в

Монреаль. Они нашли доктора, который согласился ее прооперировать, и мама оплатила все расходы. Это была моя мечта — чтобы Шарлотта снова смогла видеть. Мир так прекрасен, Тошан, твой мир и мой! Ты помог мне начертать новый круг.

— Какой же? — спросил он, растроганный нежным взглядом ее голубых глаз.

— Я вернулась туда, где вихрем кружит вода, на санях моего отца и с нашим дорогим малышом на руках. Я так рада, что ничто не может принудить меня оставить моего ребенка в снежный зимний вечер, как когда-то пришлось поступить моей матери! И я с чувством облегчения смотрела на крыльцо монастырской школы, когда мы проходили мимо.

— Я тебя понимаю, — с нежностью и уважением ответил Тошан.

Он обнял жену за плечи. Она прижалась к нему. Маленький Жослин спокойно спал.

Позже Эрмин расскажет Лоре подробности трагической гибели Жослина Шардена. Позже она признается, что после рождения ребенка чуть не умерла от печали. Спешить некуда. Ничто не должно омрачить светлый праздник Рождества.

— Посмотри, какой начался снегопад, — сказал наконец Тошан. — И как здесь тихо! Может, твой поселок-призрак понравится мне больше, чем остальные?

— Для меня он живой, потому что я очень его люблю. Это место защитило меня, здесь я играла ребенком. Я храню воспоминания обо всех, кто здесь жил, кто здесь женился, умер, у кого здесь родились дети... Дома могут разрушиться, но река все так же будет низвергаться с холма, струиться меж камнями. Может, водопад Уиатшуан и научил меня петь...

Эрмин замолчала, чувствуя, что еще немного, и она разрыдается от радости.

— Может, ты споешь нам, мой маленький снежный соловей? — воскликнул Тошан с сияющей улыбкой на устах, которая глубоко взволновала Эрмин.

— Вечером, любимый, я буду петь вечером. Наш Мукки спит, и я не хочу его будить.

Они одновременно, словно очарованные, склонились над ребенком. За окном ранние сумерки окрасили пейзаж в синие тона. В Валь-Жальбере шел снег. Тысячи легких хлопьев падали, стирая рисунок дорог и улиц, укрывая заброшенные сады, крыши домов и фабричных построек. Туда, где вихрем кружит вода, пришел ласковый зимний вечер.

Слова признательности

Хочу от всего сердца поблагодарить моих дорогих квебекских друзей Люсьен Бержерон и Клемана Мартеля, не прекращавших заботиться обо мне.

Я никогда не забуду прекрасный сентябрьский день, когда они показали мне Валь-Жальбер. Они разделяли мое восхищение, с любовью и терпением открывая для меня это поистине исключительное место.

Я никогда не забуду, что именно они были рядом, когда я прогуливалась по заброшенному поселку, который, к счастью, сумел выжить и привлечь тысячи посетителей, очарованных его поэтичностью и непередаваемым шармом. Еще раз говорю спасибо Клеману за его исторические изыскания и ценные советы. Они очень помогли мне в написании этой книги. Отдельная благодарность за его умение выслушать.

Я хочу поблагодарить Дани Коте, который ответил на все мои вопросы и предоставил документы, понадобившиеся мне в ходе работы над романом. Готовность помочь и любезность Дани поистине неоценимы.

Спасибо всем тем, кто помогает Валь-Жальберу выжить, кто реставрирует самые живописные дома поселка и организует там праздники, на которые съезжаются люди, интересующиеся прошлым и любящие природу.

notes

Примечания

1

Траппер (англ. trapper, от trap — ставить ловушки, капканы) — охотник на пушного зверя в Северной Америке. (Прим. ред.)

Монахиня, выполнявшая функции экономки. (Здесь и далее прим. автора, если не указано иное.)

В действительности первым кюре поселка Валь-Жальбер был аббат Жозеф-Эдмон Трамбле. Этот пост он занимал с 1911 по 1927 гг.

4

Настоящее имя доктора — Делисль.

«Рядом с моей возлюбленной» (фр.). (Прим. пер.)

6

Мф,19:14.(Прим. пер.)

Mardi gras (фр., дословно — «жирный вторник») — день перед началом католического Великого поста.

Популярная в католической среде песня французского поэта и композитора Альбера Ларье (Прим. пер.)

Здесь и далее стихи в переводе К. Беляева. (Прим. ред.)

Песня, впервые опубликованная в 1874 году в Лотарингии, в сборнике рождественских песен. Составил сборник Р. Грожан, органист собора Сен-Дье-де-Вож. Мелодия восходит к охотничьей песне XVII столетия.

Популярная детская песенка. (Прим. пер.)

Эпидемия испанского гриппа (или «испанки», испанской лихорадки) началась в последние месяцы Первой мировой войны. В 1918–1919 гг. эта болезнь унесла жизни более 50 миллионов человек во всем мире.

13

Речь идет о реальном лице.

«Progrès du Saguenay», октябрь 1918 г.

Исторический факт.

Старинная французская детская хороводная песня. (Прим. пер.)

Рождественский гимн, написан в 1818 г. Слова Йозефа Мора, музыка Франца Грубера.

Популярные французские песни XVIII века.

Церковь и дом священника в Валь-Жальбере сгорели во время пожара 10 февраля 1924 г. Восстановление этих построек обошлось в 30 тыс. долларов и было закончено в ноябре того же года.

Мельница была построена в 1866 году на реке Уэлле, названной в честь одного из первых поселенцев. Эта мельница находилась недалеко от поселка Валь-Жальбер, но до 1871 года относилась к территории муниципалитета Роберваль.

Настоящее имя кюре — Жозеф Оде, аббат прихода Сен-Алексис-де — Гран-Бэ. Будучи родом из поселка Эбулемен, кюре Оде получил приход Сен-Жорж-де-Валь-Жальбер в возрасте тридцати трех лет.

Hermine — горноста́й (фр.). (Прим. пер.)

Trouvé — найденный (фр.). (Прим. пер.)

Реальное лицо. Свой мясной магазин он открыл в 1920 году.

Морис Коссетт, реальное лицо. Член Исторического общества Сагений, автор книги «J'ai vécu Val-Jalbert en passant le pain» («Я жил в Валь-Жальбере, развозя по домам хлеб»).

Реальное лицо.

Песня, написанная в 1842 году Антуаном Жерен-Лажуа (1824–1882), адвокатом и журналистом. Приобрела широкую популярность у всех слоев населения Канады.

Фрагмент арии из оперы «Мирей», написанной Шарлем Гуно в 1864 г.

Музыка композитора Каликса Лавалле (1842–1891), слова сэра Адольфа-Базиля Рутье (1839–1920). Впервые песня «О, Канада!» была исполнена в 1880 г., в день праздника святого Иоанна в Квебеке. Эта популярная песня была переведена также на английский язык. Первого июля 1980 г. она стала национальным гимном Канады.

Авторство текста этой песни приписывают отцу Жаку Севену, основателю французского скаутского движения. Мелодия взята из старой шотландской песни.

Реальное лицо. Алексис Лапуант (1860–1924) по прозвищу Рысак — знаменитый житель региона Сагеней-Сен-Жак. Он бегал быстрее всех чемпионов того времени и двигался так быстро, что приводил в отчаяние скрипачей, которые аккомпанировали, когда он танцевал. Его останки представлены в экспозиции музея Сагеней-Сен-Жак в Шикутими.

В 1925 году американец Максфилд вывел на рынок новый товар — электрофон, прибор, с помощью которого стало возможно воспроизводить звук с граммофонной пластинки. Прибор приобрел широкую популярность, и его появление ознаменовало окончание эры граммофонов.

Ла Болдюк (La Bolduc), или Мадам Болдюк — псевдоним певицы Мэри Руз Энн Треверс, одной из самых популярных исполнительниц того времени в Квебеке.

Энрико Карузо (1873–1921) — итальянский тенор, прославившийся благодаря неаполитанской песне «O sole mio» и арии в опере «Паяцы» Руджеро Леонкавалло.

«Veuve joyeuse» (фр.) — оперетта Франца Легара, одного из мэтров венской оперетты.

Так называется теплый ветер в Скалистых горах. Название заимствовано из языка американских индейцев.

Gloria (сокр. от лат. Gloria Patri) — «Слава (Отцу и Сыну и Святому Духу)», короткое славословие, которым завершается чтение некоторых молитв.

«Святой Николай приходит в гости» — сказка в стихах, написанная в 1823 году американским пастором Клеманом Муром. Благодаря этой сказке американские дети познакомились со Святым Николаем. Святой Николай, которого автор фамильярно называет Святой Ник, стал прообразом Санта-Клауса.

Особенно тяжелыми для Канады и США выдалась 1929 и 1930 годы. Ликвидировать последствия экономического кризиса удалось лишь к началу Второй Мировой войны.

Тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium*). Широко используется в фармакологии как ранозаживляющее, антисептическое и тонизирующее средство.

«Север» (фр.). Судно с таким названием перевозило пассажиров и товары из порта Роберваля в порт поселка Перибонка.

Старинная французская народная песня.

Тренированная лошадь бежит рысью со скоростью порядка 18 км/час.

«Голубка» (исп.). Написана испанцем Себастьяном Ирадье в 1863 г. Ритм напоминает кубинский народный танец хабанера. Лидер по количеству выпущенных пластинок.

Голландское название города — Роезеларе. Город расположен в западной части Бельгии.

Эту игру изобрел англичанин Джон Спилсбери (ок. 1760 г.). Это была обучающая игра.

Речь идет о церкви Сен-Жан-де-Бребёф, строительство которой началось 15 марта 1930 года на бульваре Сен-Жозеф. Свое название она получила в честь Жана де Бребёфа, одного из канадских мучеников, канонизированных 29 июня 1930 года. Церковь построена в готическом стиле и имеет 47,25 м в длину и 16,8 м в ширину. Дата окончания строительства — 13 марта 1931 года. Первым кюре стал отец Жорж-Эжен Трамбле, назначенный на этот пост 24 августа 1930 года епископом Шикутими, магистром Шарлем Ламаршем.

Станнслас Ганьон, реальное лицо. В двадцатые годы содержал бакалейный магазин на улице Сент-Анн.

Управляющий фабрикой Жозеф-Адольф Лапуант покинул свой пост в ноябре 1926 г. В 1919 г. компания по производству бумажной массы в Шикутими специально для него построила прекрасный дом на улице Сен-Жорж. Его руины можно увидеть и сейчас: недалеко от монастырской школы.

Правая рука (лат.). (Прим. пер.)

Мэри Пикфорд (1893–1979). Настоящее имя — Гледис Луиза Смит. Актриса и продюсер канадского происхождения. Одна из первых звезд немого кино. Публика называла ее «маленькой невестой Америки».

Этот пожар произошел 22 марта 1918 года. Гостиницу быстро восстановили, ее хозяином стал господин Дюге. Нижний этаж здания занимал универсальный магазин, владельцем которого был господин Велли Фортен, торговец и мэр поселка.

Компромиссное решение; соглашение, выгодное обеим сторонам (лат.).
(Прим. пер.)

Опера «Богема» была написана в Турине в 1896 году. Это первый шедевр Пуччини, автора опер «Мадам Баттерфляй», «Тоска» и «Турандот».

Мясной магазин находился рядом с гостиницей. Там продавалось то, что нельзя было купить в центральном магазине. В 1920 г. мясником в Валь-Жальбере работал месье Леонидас Парадис.

На самом деле религиозные службы были прекращены в сентябре 1929 года, и аббат Оде, последний священник Валь-Жальбера, продолжил выполнять свою миссию в поселке Миль-Ваш, в церкви Святого апостола Павла.

Духовой клавишный инструмент. (Прим. пер.)

Сваренный в сладком молоке взбитый яичный белок на подушке из молочно-ванильного соуса. (Прим. пер.)

Традиционный канадский безалкогольный напиток, который готовится на основе патоки с добавлением дрожжей, экстракта хвои и шишек можжевельника. (Прим. пер.)

Фирма «Le Jouet de Paris» была основана в 1902 г. в городе Монтрейсу-Буа. Она выпускала игрушечные поезда, работавшие от элементов питания с низким напряжением.

Аббат Эльзеар Де Ламар в 1906 г. купил участок земли близ озера Лак-Бушетт. Он обнаружил грот, похожий на грот в Лурде, и обустроил его подобным же образом. При нем были построены обе часовни. Так появилась пустынь Святого Антония, популярное место паломничества.

Гостиница на пятьдесят номеров открылась в 1922 г.

То же, что просфора у православных христиан.

Эскимосские собаки, порода была выведена на Аляске.

В переводе с алгонского языка (язык североамериканских индейцев) — «гора». Используется как имя.

В переводе с алгонского языка — «черная птица».

В переводе с алгонского языка — «ребенок». Используется как имя.

Церковь и дом священника Валь-Жальбера были демонтированы в 1932 г. Материал пошел на реконструкцию зданий в соседних приходах.